6 Июнь

Вестник Европы

1903

год 38 т 3

№ 6

О Гамая

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

Императорскаго Библіотека

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1903.

Стр.

I.—НА РАЗВАЛИНАХЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть II: XIX-XXVIII.—Окончаніе.—**Л. Е. Оболенскаго** 425

II.—ТАЙГА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.—I-IV.—**П. И. Соколова** 477

III.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1832-1884 гг.—XII.—Окончаніе.—**А. В. Романовича-Славатинскаго** 499

IV.—ВЛАДИМІРЪ РАЕВСКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.—Біографическій очеркъ.—I-V.—**П. Е. Щеголева** 509

V.—НА НОВОМЪ МѢСТѢ.—Разсказъ.—Окончаніе.—**П. Хотымскаго** 562

VI.—„НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ" ВЪ ИТАЛІИ.—I-III.—**Франч. Парэсче.** 590

VII.—ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Высохшій ручей. II. Въ зеленомъ морѣ. III. Первая молнія.—**О. Михайловой** 614

VIII.—УРОЖЕНЕЦЪ ВИРГИНІИ.—Романъ.—The Virginian, by Owen Wister.—XXVI-XXXVI.—Окончаніе.—Съ англ. **П—ны С—вой.** 616

IX.—НА ВЫСОТАХЪ КАВКАЗА.—Путевыя замѣтки и наблюденія.—I.—**И. П. Бѣлоконскаго** 677

X.—ПОСЛѢДНІЙ ВѢНОКЪ.—I-III.—Стих. **М. Филипскаго** 697

XI.—ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ.—**Н. Катаева** . 700

XII.—ХРОНИКА.—Экономическая полемика.—Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ.—**В. В.** 719

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.—Порядокъ утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ.—Общее значеніе реформы.—Новое уголовное уложеніе: постановленія о вмѣняемости и вмѣненіи, о видахъ виновности, о давности, о религіозныхъ посягательствахъ 731

XIV.—НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЗЕМСКИХЪ И НЕ-ЗЕМСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.—**М. Ц.** 750

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Иностранная газетная кампанія противъ Россіи.—Полемика по манчжурскому вопросу.—Международныя злоупотребленія.—Балканскій кризисъ.—Сербскія и болгарскія дѣла.—Имперіализмъ и его представители въ Англіи 764

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ, состав. Ю. Битовтъ.—**А. П.**—II. Очерки французской общественности, Ю. Лавриновича.—III. Письма Пушкина и къ Пушкину, п. р. В. Брюсова.—А. С. Пушкинъ, „Труды и дни". Н. Лернеръ.—IV. Литерат. Архивъ, П. Картавова.—Статьи и матеріалы, посвящ. Некрасову.—Писатели изъ народа. Литерат. Сборникъ. Памяти Некрасова.—V. Первое столѣтіе Иркутска, В. Сукачева.—Тюмень въ XVII столѣтіи.—**Евг. Л.**—VI. Изабелла Гриневская, „Бабъ".—**Л. Об-скій.**—VII. А. Фаресовъ, Въ одиночномъ заключеніи.—VIII. П. Д. Боборыкинъ, „Вѣчный Городъ".—IX. С. С. Татищевъ, Имп. Александръ II.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры. . . 776

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Anatole France, Histoire Comique.—II. Max Dreyer, Das Thal des Lebens. Historischer Schwank.—**З. В.** 806

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Двухсотлѣтіе Петербурга.—Петербургъ и Москва.—Странное ходатайство.—Что такое „моральная виновность" печати?—Отголосокъ кишиневскихъ событій.—Свобода литературы и свобода печати.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ".—К. М. Станюковичъ †. 821

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.—II. Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Васильчикова. 836

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Труды Я. К. Грота, т. V.—Матеріалы для академ. изданія А. С. Пушкина, собр. Л. Н. Майковымъ.—Гражданское положеніе женщины съ древн. временъ, П. Жида.—Записки колонизатора Сибири, П. Соколова-Костромского.—Щегловитовъ, С. Г., Судебные Уставы императора Александра II.—Водовозова, Е. Н., Жизнь европейскихъ народовъ, т. III: Жители Средней Европы.

XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Сист. 05

Елевской публичной

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

224184

Окончаніе.

XIX *).

Прогулка Надежды Николаевны съ Соней, однако, не состоялась. Когда все уже было готово, у наружныхъ дверей раздался звонокъ. Пріѣхали—Лядова, Бѣлоконскій и Роговъ.

Раздались веселые голоса, восклицанія, поцѣлуи дамъ.

— А мы собирались къ вамъ! Сердце сердцу вѣсть подаетъ!—кричала Надежда Николаевна, возбужденная и сіяющая...

Комнаты освѣтились. Лакею давались приказанія о чаѣ, дессертѣ, ужинѣ...

— Сейчасъ пріѣдетъ Рахмаровъ,—сказала Вѣра Павловна:—онъ отдѣльно ѣдетъ въ санкахъ.

Скоро явился и онъ. Поговоривъ съ хозяйкой, Петръ Григорьевичъ подошелъ къ Софьѣ, которая сидѣла въ уголкѣ гостиной.

— Какъ я давно васъ не видѣлъ!—сказалъ онъ, наклоняясь надъ нею и сжимая обѣ ея руки въ своихъ огромныхъ рукахъ.—Ну, вы теперь немного вздохнули? Здоровы? Какъ вы блѣдны! Вы еще не вполнѣ поправились...

Онъ подвинулъ кресло и сѣлъ возлѣ нея, смотря въ ея большіе темные глаза съ отеческой лаской.

*) См. выше: май, 40 стр.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Ее охватила такая радость и волненіе, что сразу она даже ничего не отвѣтила, а только смотрѣла въ его глаза, и эти глаза, и выраженіе его лица, и голосъ, какимъ онъ говорилъ, казались ей музыкой. Еслибы кругомъ никого не было, она, быть можетъ, не удержалась бы и заплакала отъ счастья, что онъ такъ ласково говоритъ съ нею. Наконецъ, ей удалось выговорить:

— Я ужасно счастлива, что вижу васъ... Я здорова... Спасибо!.. Только я еще очень нервна... Я такъ хотѣла все время видѣть васъ и Вѣру Павловну... Я такъ полюбила васъ обоихъ...

Голосъ ея дрогнулъ, и на рѣсницахъ мелькнули слезы...

— О, да въ самомъ дѣлѣ ваши нервы совсѣмъ еще плохи!.. Иванъ Захаровичъ!—позвалъ Рахмаровъ Рогова, который въ это время говорилъ съ Лядовой:—что же вы не исполняете своихъ обязанностей! У васъ тутъ паціентка, а вы, кажется, и не подозрѣваете.

— Что̀ такое? — спрашивалъ тотъ, быстро подходя вмѣстѣ съ Вѣрой Павловной.

— Да вотъ, посмотрите! Нашъ пріѣздъ вызвалъ въ Софьѣ Петровнѣ такой аффектъ, что она заплакала. У нея нервы очень не въ порядкѣ.

— Это пустяки!—сказала Софья измѣнившимся, холоднымъ тономъ.—Я совсѣмъ здорова, но я такъ давно не видѣла васъ всѣхъ, что немножко взволновалась...

Она постаралась улыбнуться и вышла изъ гостиной.

— Что̀ такое съ нею?—тревожно спрашивалъ Рахмаровъ.—Вамъ, Иванъ Захаровичъ, нужно серьезно заняться ея здоровьемъ. Теперь она близко отъ васъ.

Роговъ отвѣтилъ, что она ему не жаловалась на свои нервы.

Въ это время Бѣлоконскій говорилъ Надеждѣ Николаевнѣ:

— Maman очень извиняется, что... еще не отдала вамъ визита. Она будетъ у васъ завтра. Звалъ ее теперь же съ нами, но вся ея жизнь построена изъ формальностей. Непремѣнно въ извѣстный часъ, въ извѣстномъ костюмѣ... Знаете ли, я, благодаря ей, сдѣлалъ научное открытіе: въ отношеніи личности къ обществу существуетъ такой же догматизмъ, какъ и въ отношеніи къ религіи. Одни ничего не дѣлаютъ для общества, но исполняютъ мельчайшіе его обряды; другіе почти игнорируютъ обряды и стараются приносить обществу пользу.

— Ахъ, какъ это вѣрно! А вы къ какимъ относитесь?

— Я? Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Я—либрпансёръ, эсте-

тикъ! Обрядники общественной службы, это—холопы... Искренніе ея служители—глупцы!

— Какъ?! Искренніе служители общества—глупцы?! А ваши планы съ милліонами? Развѣ не для общества?

— Они разсчитаны не на общество, а на все человѣчество, на борьбу съ его невыносимой глупостью и холопствомъ! Мнѣ эстетически омерзительно и то, и другое... Я не за общество, а противъ него...

— Я не совсѣмъ понимаю... Объясните!..

Въ это время вернулась Софья и сѣла невдалекѣ отъ нихъ. Бѣлоконскій замѣтилъ ее и заговорилъ громче, чтобы она слышала:

— Тутъ все просто,—говорилъ онъ:—неужели вы не чувствовали отвращенія къ лакеямъ по призванію? У моей maman есть идеальный лакей въ этомъ смыслѣ: это—ходячій догматикъ общественныхъ обрядовъ, какъ и она... Я его видѣть не могу! Но у меня передъ глазами были иногда и настоящіе служители общества... слѣпые, фанатическіе, готовые жертвовать жизнью для этого Молоха... И я не рѣшаюсь сказать, кто хуже!

Софья Петровна почти съ ужасомъ взглянула на него. „Неужели онъ намекаетъ на Рахмарова“?

Надежда Николаевна слушала наполовину, не вдумываясь, поглощенная мыслью, что она „не занимаетъ“ другихъ гостей. Она сказала Бѣлоконскому:

— Это геніально! Вы когда-нибудь развейте мнѣ эту мысль... А сейчасъ... pardon, я иду къ нимъ...

Она направилась къ Рахмарову, Лядовой и Рогову, сообщая имъ, какъ онѣ скучали эти дни съ Соней, какъ мечтали даже о крестьянскихъ посидѣлкахъ, и т. д., и т. д.

Бѣлоконскій подошелъ къ Софьѣ.

— Вы чѣмъ-то разстроены? Больны? Какъ вы блѣдны сегодня!..

— Оставьте въ покоѣ мою блѣдность и объясните то, что вы сейчасъ говорили Надѣ: вы серьезно считаете самоотверженіе—глупостью?

— Считаю!—сказалъ онъ покойно, всматриваясь въ ея лицо своими бархатными глазами такъ упорно, что она опустила рѣсницы.—Я слышалъ отъ Вѣры Павловны, что и вы сами не считаете общественной работы настоящей жизнью.

— Мнѣ часто казалось, что тратиться на мелкое служеніе людямъ, ну, въ родѣ того, что дѣлаетъ Вѣра Павловна,—можно только отъ скуки, когда нѣтъ ничего другого, болѣе высокаго,

грандіознаго... Какое мнѣ дѣло, будутъ ли дѣти грамотны? Моя жизнь отъ этого не проиграетъ, не выиграетъ... А вѣдь прежде всего надо, чтобы я жила сама—всѣмъ, что̀ во мнѣ есть... А есть во мнѣ, я это чувствую, потребность чего-то широкаго, неогляднаго, не будничнаго...

— Совершенно вѣрно! Это я и называю потребностью эстетической: жажда великаго, возвышеннаго...

— Но я считала мое настроеніе не достоинствомъ, а несчастіемъ. Я была убѣждена, что это во мнѣ недостатокъ любви къ людямъ, недостатокъ сочувствія къ страданіямъ... Я и теперь тоже думаю... Безъ любви нѣтъ цѣли въ жизни... Я часто думала, что эту цѣль можетъ дать ненависть... Безъ цѣли—зачѣмъ жить?

— Тутъ не все вѣрно: любить людей не за что! Ненавидѣть ихъ тоже не стоитъ! Можно презирать и немножко жалѣть... Но ихъ глупость и холопство,—мнѣ по крайней мѣрѣ—невыносимы инстинктивно! Да, инстинктивно, эстетически! И это моя почва, на которой я готовъ работать. Вы правы: безъ цѣли или, точнѣе, безъ борьбы за что-нибудь не стоитъ жить... То, что̀ обыкновенно называютъ наслажденіями, по̀шло до одурѣнія...

— Да. Въ томъ, что̀ вы говорите, много правды,—сказала Софья Петровна, задумавшись:—но только все-же, мнѣ кажется, есть еще что-то... безъ чего все это неполно, пусто, холодно... и безъ чего жить не стоитъ.

Онъ замѣтилъ, что легкій румянецъ разлился по ея лицу, и любовался ею, думая уже не въ первый разъ: „Какъ она хороша! И это не внѣшняя красота! Что-то изнутри освѣщаетъ эти чудныя черты, какъ огонь, зажженный внутри статуи“!

Подошло остальное общество. Рахмаровъ старался держаться вдали отъ пасынка и не вступалъ въ разговоръ съ нимъ, но это дѣлалось такъ свѣтски-тонко, что никто не замѣтилъ ихъ натянутыхъ отношеній.

Надежда Николаевна сіяла и цвѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Она была счастлива и какъ хозяйка, у которой собрались такіе милые люди, и какъ влюбленная женщина: Бѣлоконскій незамѣтными оттѣнками обращенія, мимолетными взглядами, мелкими услугами давалъ ей чувствовать, что занятъ исключительно ею...

Между Роговымъ и Лядовой установилось что-то въ родѣ безмолвнаго союза наблюдателей: онъ ревниво слѣдилъ за каждымъ взглядомъ и словомъ сперва Софьи и Рахмарова, а потомъ, послѣ разговора Софьи съ Бѣлоконскимъ, его ревность включила и того. Лядова же чувствовала себя одинокой среди

всѣхъ нихъ: никому, въ сущности, не было до нея дѣла; Иванъ Захаровичъ былъ ей ближе всѣхъ, но она видѣла, что всѣ его мысли сосредоточены на Лопатиной, а она сама служитъ ему только громоотводомъ.

Черезъ часъ гости стали собираться въ обратный путь. Надежда Николаевна объявила, что поѣдетъ съ Соней ихъ провожать. Она снова распорядилась запрягать лошадей. Въ этотъ промежутокъ времени Бѣлоконскій очутился въ залѣ около рояля и сталъ играть какой-то сентиментально-страстный вальсъ, подпѣвая себѣ изрѣдка красивымъ теноромъ. Могучіе звуки громко раздавались подъ высокими потолками.

Рахмаровъ подошелъ къ Софьѣ Петровнѣ, сидѣвшей все время на одномъ мѣстѣ послѣ разговора съ Бѣлоконскимъ.

— Вы, кажется, разсердились на меня давеча за то, что я сказалъ о вашихъ слезахъ?.. Ради Бога, простите меня. Это у меня невольно сорвалось! Я знаю, что это вышло неловко! Но меня испугала ваша нервность... Я очень, очень жалѣю...

— Хорошо, что пожалѣли хотя послѣ!—сухо отвѣтила она.

— Да, вы сердитесь! И я теперь вижу, что сочувствовать людямъ можно иногда очень неудачно!—сказалъ онъ печально.

— Есть два рода сочувствія,—отвѣтила она:—въ васъ явилось сочувствіе моему здоровью, но не душевному состоянію... Оно... было вамъ не интересно... Я не сержусь на васъ... Но мнѣ стало больно... Я почему-то всегда видѣла въ васъ человѣка очень чуткаго... Мнѣ всегда казалось, что именно вы можете мнѣ отвѣтить на нѣкоторые самые мучительные мои вопросы... Вы такъ много перестрадали, передумали, видѣли...

— И вы теперь думаете, что я не могу помочь вамъ?

— Не знаю... Но у меня пропало желаніе говорить съ вами объ этомъ. Ахъ, еслибы вы знали, какъ опостылѣла эта вѣчная фраза, которую со всѣхъ сторонъ слышишь: „У васъ—нервы, нервы! Надо лечиться“! Какъ люди не поймутъ, что и сами нервы больны оттого, что душа болитъ! Ее нужно вылечить! Ей нужно дать отвѣтъ! „Нервы, нервы“! Какъ это все надоѣло... Это—лазейка, чтобы ни во что не вдумываться и не всматриваться поглубже...

Рахмаровъ сидѣлъ около нея нѣсколько наклонившись и чувствовалъ такую печаль въ тонѣ ея голоса, что въ душѣ проклиналъ свою нечуткость. Ему казалось, что онъ жалѣетъ ее, какъ любимую дочь, страдающую и безпомощную.

Она посмотрѣла случайно въ его выразительное и открытое

лицо, и сразу ея настроеніе измѣнилось: въ глазахъ вспыхнула надежда, почти радость. Она быстро протянула ему руку.

— Забудемъ это! Простите меня! Вы хорошій! И мнѣ опять хочется говорить съ вами обо всемъ, что меня мучитъ... Когда бы намъ поговорить такъ, чтобы не помѣшали? Послѣ сегодняшняго разговора съ Бѣлоконскимъ мнѣ особенно необходимо говорить съ вами...

— Если вы найдете удобнымъ, то мы можемъ поѣхать отсюда въ моихъ санкахъ... Дѣло устроится ко всеобщему удовольствію... Роговъ сядетъ съ Вѣрой, пасынокъ—съ Надеждой Николаевной... Дорогой мы поговоримъ... Впрочемъ, я всегда могу пріѣхать сюда, когда вы скажете.

— Нѣтъ, здѣсь Надя будетъ мѣшать! Въ ея присутствіи не говорится о такихъ вещахъ. Я поѣду сегодня съ вами...

Въ передней послышался звонокъ. Бѣлоконскій пересталъ играть.

— Ахъ, Боже мой!—послышался изъ зала голосъ Надежды Николаевны: — я знаю, кто это! Это—Зиновьевъ! Намъ помѣшаютъ! Я совсѣмъ забыла, что назначила ему сегодня. Отецъ поручилъ мнѣ переговорить съ нимъ о страховой кассѣ для рабочихъ...

Лакей уже докладывалъ о приходѣ Зиновьева.

— Господа, я приму его. Вы извините! Придется подождать нѣсколько минутъ! Я скоро кончу... Просите его въ кабинетъ!—сказала она лакею.

— Ну, едва-ли скоро кончите!—насмѣшливо сказалъ Бѣлоконскій.—Знаю я, какъ вы скоро кончаете ваши разговоры...

— Злой!—сказала она кокетливо.—Даю слово, что на этотъ разъ сдержу свою болтливость.

Она ушла.

— Это не тотъ ли Зиновьевъ,—обратился Рахмаровъ къ Рогову,—который тогда, помните, восьмого февраля сказалъ такую умную рѣчь на студенческомъ вечерѣ?

— Да, это онъ,—отвѣтилъ Иванъ Захаровичъ.—Ну, съ нимъ Надежда Николаевна не разговорится. Онъ каждое свое слово по червонцу цѣнитъ, если не дороже...

— Что это за Зиновьевъ? Отчего мнѣ Надя не говорила о немъ?—спросила Лопатина у Рогова.

— Это очень оригинальный человѣкъ,—сказалъ Иванъ Захаровичъ:—онъ весь отданъ своему дѣлу... Живетъ здѣсь съ матерью-старушкой, женщиной съ рѣдкимъ образованіемъ... Онъ —

большая умница... Хотя мы въ убѣжденіяхъ съ нимъ расходимся, но я уважаю его очень...

— Что̀ ты называешь его дѣломъ?—спросилъ Бѣлоконскій.— Вѣдь онъ,—насколько я помню изъ тогдашней его рѣчи,—марксистъ бернштейновскаго толка?

— Эти клички надо оставить Петербургу,—отвѣтилъ уклончиво Роговъ.

Послѣ разговора съ Бѣлоконскимъ о Ѳедѣ онъ рѣшилъ, что съ нимъ откровенничать не слѣдуетъ: Богъ его знаетъ, гдѣ у него кончается пріятель и начинается оффиціальный служитель Ѳемиды?

— Да, но ты все-же не объяснилъ намъ, въ чемъ состоитъ его дѣло здѣсь?—настаивалъ Бѣлоконскій.

— Онъ техникъ при фабрикѣ... Обучаетъ нѣсколькихъ рабочихъ химической сторонѣ здѣшняго производства...

— И только? Я слышалъ, что онъ какое-то общество трезвости здѣсь устроилъ?

— Да, да! Во всякомъ случаѣ ты съ оффиціальной точки зрѣнія можешь быть покоенъ: его дѣятельность вполнѣ законна.

Бѣлоконскій поблѣднѣлъ отъ этого намека и отвѣтилъ язвительно:

— Совѣтую тебѣ прочесть „Судебные Уставы", чтобы отличать слѣдователя отъ сыщика.

— Я ихъ не смѣшиваю, — отвѣтилъ тотъ и тоже поблѣднѣлъ.

Рахмаровъ, чтобы прекратить непріятный разговоръ, спросилъ:

— Какъ странно, что онъ до сихъ поръ не познакомился ни съ кѣмъ изъ насъ! Неужели онъ не скучаетъ здѣсь безъ интеллигенціи?—И, обратившись къ Софьѣ, прибавилъ:—Онъ при васъ бывалъ у Надежды Николаевны?

— Нѣтъ,—сказала она:—я даже не знала о его существованіи. И это досадно! Я бы непремѣнно познакомилась съ нимъ: вѣдь такихъ людей, которые всю жизнь отдаютъ общественному дѣлу, очень немного... Правда, Алексѣй Петровичъ думаетъ, что они глупы... но вотъ въ этомъ-то мнѣ и хотѣлось бы убѣдиться... Иванъ Захаровичъ, этотъ Зиновьевъ глупъ?

— Мнѣ онъ показался очень умнымъ и развитымъ,—отвѣтилъ Роговъ.—Да неужели вы придаете значеніе этому парадоксу Алексѣя Петровича?

— Представьте себѣ, хотя и не придаю значенія, но эта мысль меня давно интересуетъ.

Въ это время явилась Надежда Николаевна.

Всѣ замѣтили, что она была краснѣе обыкновеннаго и смущена.

— Ну, ѣдемъ!—говорила она.—Нашъ разговоръ конченъ.

— Ну, и какъ же? Чѣмъ же вы порѣшили о кассѣ?

Она пожала плечами.

— Ничѣмъ! Онъ отказался принять въ этомъ дѣлѣ какое-либо участіе! И такъ рѣзко, какъ будто я его обидѣла, предложивъ составить проектъ.

— Но почему же?—спросилъ Бѣлоконскій.

Надежда Николаевна замялась.

— Онъ не объяснилъ хорошенько. Сказалъ только, что не сочувствуетъ. Впрочемъ, онъ видѣлъ лошадей у подъѣзда и торопился... Я просила его заходить, чтобы серьезно уяснить себѣ этотъ вопросъ... Если, въ самомъ дѣлѣ, это нехорошо, я отговорю отца... Ну-съ! ѣдемъ, ѣдемъ!

XX.

— Итакъ, вы хотѣли у меня что-то спросить? — сказалъ Рахмаровъ, когда его санки выѣхали со двора, нѣсколько отставъ отъ двухъ троекъ, несшихся впередъ со звономъ бубенчиковъ и колокольчиковъ.

— Дайте собраться съ мыслями,—сказала Софья Петровна.— Не знаю, съ чего начать...

Рахмаровъ правилъ лошадью самъ: это была смирная водовозка. Опустивъ поводья, онъ далъ ей волю бѣжать потихоньку, а самъ любовался широкимъ снѣжнымъ горизонтомъ, гдѣ все искрилось при свѣтѣ мѣсяца.

— Я сначала о себѣ хочу посовѣтоваться, — заговорила Софья Петровна: — какъ мнѣ быть? Вѣдь не могу же я долго оставаться Надиной приживалкой! Что мнѣ дѣлать?

— Вамъ, конечно, необходимо добиться самостоятельной роли въ жизни. Для этого нѣтъ иного пути, какъ научиться предварительно какой-нибудь спеціальности.

— То-есть,—сказала она,—учиться для того, чтобы получить мѣсто; это мѣсто я получу для того, конечно, чтобы имѣть средства платить за каморку, скверный обѣдъ и дрянные башмаки... И день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, цѣлые годы, всю жизнь, всю жизнь, до самой могилы, работать, работать безъ отдыха, работать для осуществленія все того же великолѣпнаго

идеала: грязной или даже не грязной каморки, обѣда, башмаковъ и тому подобныхъ возвышенныхъ предметовъ! Чудная жизнь! Удивительный идеалъ!

Она захохотала, но въ ея голосѣ и смѣхѣ были сдерживаемыя слезы.

— Никто не видитъ идеала въ такой жизни, — отвѣтилъ Рахмаровъ:—но для того, чтобы могъ осуществиться настоящій идеалъ, лучшая жизнь, нужно, чтобы кто-нибудь для этого идеала работалъ.

Она сдѣлала нетерпѣливый жестъ и хотѣла возражать, но онъ перебилъ ее:

— Подождите, выслушайте меня до конца. Есть, конечно, другая дорога, и многія женщины избираютъ ее, и бросить въ нихъ камень, при тѣхъ условіяхъ, какія вы сами сейчасъ нарисовали, не у всякаго хватитъ духа. Этотъ путь извѣстенъ: жить на чужой счетъ, держать лошадей, пожалуй, повара, выписывать башмаки не иначе, какъ изъ Парижа...

— За что вы меня такъ оскорбляете!—воскликнула она съ негодованіемъ, сквозь которое еще сильнѣе заискрились слезы.— Развѣ я такой жизни хочу!? Я презираю ее всѣми силами моей души! Я не вижу въ такой жизни никакой радости, ничего, кромѣ жестокости, нелѣпости... Но я и о той, другой, труженической жизни не могу думать безъ ужаса... А никакой третьей жизни нѣтъ. Значитъ, жить не стоитъ, не нужно, нельзя...

— Да, если жить для себя, то вы вполнѣ правы.

— Вы хотите сказать, что нужно работать и жить для счастья другихъ! Для какого? Для будущаго, конечно: вѣдь теперь его еще не можетъ быть. Но вѣдь меня тогда не будетъ, когда оно придетъ, а теперешнее счастье я считаю глупостью, да и вы также. И я, значитъ, стану работать для глупости?! Нѣтъ, нѣтъ! Жизнь—безсмыслица, нелѣпость, и оставаться жить— позорная слабость!

— Вы находите, что работать для того, чтобы жизнь перестала быть глупостью—очень далекій идеалъ. Хорошо, допустимъ. Но не стоитъ ли работать для того, чтобы сейчасъ уменьшить страданія? Пусть жизнь—нелѣпость, но вѣдь страданія-то ея— фактъ. Будемъ же уменьшать муки хотя бы глупой жизни...

— Ахъ, Боже мой! Это опять старое! Я же сказала, что мнѣ все равно, страдаютъ ли люди или нѣтъ. Если страдаютъ, то отъ своей глупости, и мнѣ ихъ не жаль.

— Подумайте, что было бы, еслибы такъ разсуждали тѣ люди, которые помогли вамъ выбраться изъ родного дома?

— Было бы гораздо лучше: я раньше пришла бы къ выводу, что жить не стоитъ.

— Я ожидалъ этого отвѣта. Скажу одно: подождите рѣшаться на что-нибудь. Я убѣжденъ, что придетъ моментъ, когда ваше сердце крикнетъ вамъ: „нужно жить для того, чтобы другіе меньше страдали"... Этого случая я жду.

Она пожала плечами и горько улыбнулась...

Они ѣхали молча. Софья Петровна упорно думала о томъ, какого случая онъ ждетъ. И какъ можетъ явиться такой случай? „Быть можетъ, онъ думаетъ, что если я полюблю кого-нибудь, у меня найдется и смыслъ въ жизни? Но развѣ любовь не иллюзія? Да, наконецъ, я люблю его, люблю, и отъ этого еще больше страдаю! И даже еслибы я знала, что онъ меня любитъ, и еслибы устроилось то, что̀ люди зовутъ „счастьемъ любви",— какая бы это была пошлость, какой ничтожный самообманъ! Минуты забытья, опьяненія... а потомъ—грязь, пошлость"...

Рахмаровъ прервалъ молчаніе.

— У насъ, т.-е., собственно, у Вѣры Павловны, гоститъ теперь интересный субъектъ... какъ, бишь, его фамилія?.. Кажется, Спиридоновъ... Она познакомилась съ нимъ въ городѣ, когда ѣздила хлопотать за меня... Онъ былъ фельетонистомъ мѣстной газеты, но долженъ былъ оставить это дѣло...

— Чѣмъ же онъ интересенъ?

— Да вотъ хотя бы тѣмъ, что пришелъ почти къ такимъ же выводамъ, какъ вы, но только съ иной точки зрѣнія. У него, наоборотъ, страшная жажда дѣла, работы общественной, но на всѣхъ путяхъ онъ встрѣтилъ полную невозможность приложить свои силы и пришелъ къ тому, что у насъ никакая положительная, созидающая культурная работа невозможна. И вотъ, онъ рѣшилъ отдаться работѣ отрицательной, потому что не можетъ существовать безъ дѣла...

— Какая же это отрицательная работа?

— О, у него много плановъ! Да вотъ, пріѣдемъ къ намъ, и я васъ познакомлю. Вы его разспросите. Это очень интересно. А онъ будетъ говорить охотно, потому что и пріѣхалъ-то къ намъ для того, чтобы вербовать себѣ послѣдователей. Я съ нимъ, конечно, не согласенъ...

Налѣво отъ дороги показалась маленькая покривившаяся деревянная часовня съ старообрядческимъ крестомъ, полузанесенная снѣгомъ...

— Вѣдь здѣсь поворотъ въ нашу усадьбу,—сказала Софья Петровна.—Мнѣ такъ бы хотѣлось взглянуть на нее, хотя из-

дали! Проѣдемте мимо нея... Еслибы вы знали, какъ мнѣ жаль мою вторую сестру, Надю! Вы ее не знаете. Какая она хорошая, тихая, кроткая... и такая слабенькая, мечтательная... Часто она казалась мнѣ цвѣткомъ, который рано, еще не успѣвъ расцвѣсть, охваченъ морозомъ... Проѣдемъ мимо... Быть можетъ, я увижу огонь въ ея комнатѣ... Знаю, что и она тоскуетъ обо мнѣ...

Рахмаровъ повернулъ лошадь влѣво, мимо часовни, на дорогу къ усадьбѣ Лопатиныхъ, и поѣхалъ быстрѣе...

Вотъ изъ-за холма, совсѣмъ близко, открылась усадьба. Высокая, покрытая снѣгомъ крыша Лопатинскаго дома возвышалась надъ крышами надворныхъ построекъ и надъ небольшимъ фруктовымъ садомъ... Какъ тутъ все было знакомо Софьѣ Петровнѣ! Она знала каждую яблоню, каждую вишню въ садикѣ, и этотъ старый заборъ вокругъ него, и высокій шестъ, торчавшій для чего-то на углу... Была мертвая тишь... Все спало подъ снѣжными сугробами... Даже собаки не лаяли. Точно все умерло... Только мѣсяцъ смотрѣлъ съ самой вершины неба... Они проѣзжали около стараго забора, окружавшаго садъ... Длинная вѣтка старой яблони, покрытая мягкими хлопьями снѣга, выдавалась на дорогу. Ее задѣла другая, и снѣгъ посыпался тысячами снѣжинокъ въ лицо Софьѣ Петровнѣ.

— Проѣдемъ такъ, чтобы мнѣ увидать окна,—тихо проговорила она, и Рахмаровъ разслышалъ, что въ звукахъ ея голоса дрожатъ слезы.—Нѣтъ! Постойте!—вдругъ сказала она:—остановите лошадь!.. Только подъѣзжайте поближе къ забору... совсѣмъ близко...

— Зачѣмъ вамъ это?—спросилъ онъ.

— Надя, вѣроятно, теперь перешла въ мою комнату... Она выходитъ въ садикъ. Я увижу ея окно...

Онъ въѣхалъ въ сугробъ и остановилъ лошадь у самаго забора. Софья Петровна встала на ноги въ санкахъ и приникла къ широкому отверстію между досками. Сквозь развѣсистыя вѣтви низенькихъ яблонь она увидѣла освѣщенныя окна своей бывшей комнаты. Да, она не ошиблась: Надя поселилась у нея! Быть можетъ, въ эту минуту она читаетъ ея книги и думаетъ тѣ же думы, какія передумала и она... „Чувствуетъ ли она, что я такъ близко? Еслибы увидѣть на стеклахъ ея тѣнь“!

И это желаніе какъ будто передалось черезъ пространство и черезъ стѣну дома... На освѣщенныхъ изнутри стеклахъ появилась голубоватая тѣнь: ясно были видны голова и плечи... „Да, это она! Подошла къ окну и смотритъ на занесенный садикъ... И, конечно, думаетъ обо мнѣ“...

Тѣнь исчезла... Софья долго ждала, не появится ли она вновь, а потомъ прошептала, садясь:

— Поѣдемте!

Онъ ударилъ лошадь вожжей и повернулъ ее назадъ.

Софья Петровна, склонившись лицомъ на муфту, тихо плакала. Потомъ подняла голову и проговорила:

— Чего бы я не сдѣлала, чтобы и ее взять отсюда!

— Простите, но я ловлю васъ на словѣ,—серьезно и взволнованнымъ голосомъ сказалъ онъ:—развѣ вамъ не все равно, будетъ ли ей хуже или лучше?

Софья была такъ поглощена мыслью о сестрѣ, что не поняла сразу, для чего онъ предложилъ этотъ вопросъ, и горячо воскликнула:

— Господи! Да развѣ можно объ этомъ спрашивать! Да я не знаю, чего бы я не сдѣлала, чтобы ей жилось луч...

Она вдругъ замолкла, не договоривъ слова, какъ будто испугалась того, что̀ сказала, но тотчасъ же необыкновенная радость разлилась по ея лицу и отразилась въ широко раскрывшихся глазахъ, гдѣ сверкало отраженіе луны.

— Господи!—прошептала она, послѣ минутнаго молчанія:—это и есть то, о чемъ вы говорили! Вотъ оно! Какъ ясно и какъ радостно стало сразу! И какъ же я не видѣла, что ужъ если людямъ нужно жить, то не все равно—какъ?..

— Да,—тихо сказалъ Рахмаровъ:—это и есть тотъ случай, котораго я ждалъ. Онъ вамъ самъ отвѣтилъ на вашъ вопросъ: „зачѣмъ жить“? Только теперь вы это поняли, потому что любите сестру... Но увѣряю васъ, что вы любите и не ее одну... а многихъ, многихъ, милліоны!.. Вотъ и тѣхъ сестеръ и маленькихъ братишекъ, и сѣдыхъ стариковъ, и сгорбленныхъ отъ труда старухъ, что въ этихъ хатахъ промерзлыхъ... Вы ихъ любите, да только не замѣчали этого! А подождите, всѣхъ ихъ станетъ вамъ такъ же жаль, какъ и Надю!.. Придетъ случай...

— Отчего же я не замѣчала этого?

— Своя неурядица въ жизни была очень велика. Я увѣренъ, что и о Надѣ вы меньше мучились, пока свое собственное страданіе поглощало все...

Она ничего не отвѣтила.

Доѣхали опять до поворота у часовни.

— Я думаю, наши уже теперь вернулись; я отвезу васъ прямо въ Смирново.

— Да, да! — сказала она такимъ тономъ, какъ будто была въ забытьи и плохо даже слышала его слова...

Они проѣхали уже половину дороги отъ часовни, когда она протянула свою руку къ рукѣ Рахмарова и крѣпко пожала ее.

— Спасибо вамъ! Вы и не подозрѣваете, какъ много вы для меня сдѣлали... Кажется, теперь я буду... здорова...

Онъ сжалъ ея руку и проговорилъ:

— Это не я сдѣлалъ! Это вы сами! Да, вы будете здоровы! И будете счастливы... будете...

— Нѣтъ, счастлива я никогда не буду!—проговорила она упавшимъ голосомъ: — но я буду жить и работать... Если это дастъ какія-нибудь добрыя минутки, и то хорошо!

— Отчего же вамъ и счастливой не быть?! Какъ можно говорить это? Вы встрѣтите тамъ, въ столицѣ, добрыхъ, энергичныхъ, живыхъ людей. Да вы не узнаете себя!..

— Не говорите! Я знаю это счастье... Нѣтъ, у меня не можетъ быть даже радости настоящей...

— Значитъ, есть что-то въ вашей жизни, что̀ мнѣ не извѣстно...

— Да, есть!..

— Но, быть можетъ, кто-нибудь былъ бы въ силахъ помочь вамъ, устранить это препятствіе... Отчего вы до конца не скажете мнѣ всего?

Она молчала.

Показалось село Смирново и усадьба Петренки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это — безуміе! Этого никогда не можетъ быть!—тихо проговорила она какъ бы сама съ собой.—Да и не нужно, чтобы это было!

Онъ не разспрашивалъ.

Выйдя изъ санокъ у подъѣзда, она протянула ему руку.

— Прощайте! Спасибо за все! Помогите мнѣ подумать о Надѣ... Я одна ничего не придумаю...

Онъ повернулъ лошадь и ѣхалъ до своей усадьбы шагомъ, опустивъ голову, и такъ глубоко задумался, что не видѣлъ ничего кругомъ...

XXI.

Софья Петровна, войдя въ прихожую, спросила лакея, пріѣхала ли Надежда Николаевна.

— Точно такъ-съ! И съ ними господинъ Бѣлоконскій.

„Ну, значитъ, онъ сдѣлалъ предложеніе, — подумала она, пока лакей ее раздѣвалъ.—Теперь женихъ и невѣста! Влюбленные!“—Послѣдняя мысль вызвала на ея лицѣ горькую, презри-

тельную улыбку.—„Какъ, однако, это противно! Вѣдь онъ ея не любитъ, конечно, и долженъ притворяться, лизать ея руки! Господи, какъ онъ можетъ! Какъ онъ можетъ“!

А „влюбленные“, услышавъ, что она вернулась, выбѣжали въ залъ на встрѣчу къ ней, держась за руки:

— Поздравь насъ! Мы женихъ и невѣста! — воскликнула Надежда Николаевна, бросаясь ей на шею.—Какъ я счастлива!

— Вы, конечно, этого ожидали? — спросилъ Бѣлоконскій, когда она, пересиливая отвращеніе къ нему, протянула ему руку и поздравила.

— Да... я... догадывалась,—пробормотала Софья Петровна, думая, что быть нелюбезной съ нимъ значитъ огорчить Надю.

И она старалась казаться довольной, веселой, войти въ ихъ тонъ, а въ душѣ было что-то такое гадливое, какъ будто по ея груди ползла жаба. Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ Бѣлоконскаго она видѣла смущеніе: онъ еще не вошелъ въ свою роль. Еслибы Надя была тактичнѣе, эта роль не была бы ему такъ трудна. Но у той не было ни малѣйшей чуткости, даже обыкновеннаго приличія. Или она просто потеряла голову. Не обращая вниманія на присутствіе Сони, она садилась близко къ жениху, брала его руки, гладила ихъ, страстно смотрѣла въ его глаза и спрашивала у Сони:

— Видишь, какъ мы счастливы! Ты должна быть рада за меня...

— Не думаю, чтобы Софьѣ Петровнѣ было пріятно смотрѣть на насъ!—нашелся наконецъ Бѣлоконскій.—Еслибы и около нея былъ женихъ, тогда иное дѣло...

— Ты завидуешь? Завидуешь? — лепетала Надежда Николаевна.—Да? Онъ правду говоритъ? А если я его при тебѣ поцѣлую?

— Алексѣй Петровичъ отчасти правъ,—сказала Соня, стараясь и въ лицѣ, и въ голосѣ выразить любезность:—постороннему такъ же неловко смотрѣть на влюбленныхъ, какъ трезвому на... опьяненныхъ...

— Вотъ видите, Надежда Николаевна, я былъ правъ,—сказалъ Бѣлоконскій.

— Не смѣй меня называть Надеждой Николаевной! Я теперь для тебя Надя! И откуда это „вы“, когда обѣщалъ говорить мнѣ „ты“? А ты, Соня, значитъ, нехорошая! Ты должна бы радоваться, а ты насъ сконфузила! Вотъ я и отойду отъ него! Мнѣ ужъ стыдно!

И она, дѣйствительно, сѣла на другое мѣсто и попробовала

сдѣлать огорченное лицо, но не могла и стала смотрѣть шаловливо, маня къ себѣ пальцемъ Бѣлоконскаго. Онъ пересѣлъ къ ней.

Эта шаловливость вышла естественно и хотя грубо, но по своему граціозна. Соня даже подумала: „А вѣдь она, пожалуй, и мила сейчасъ! Вотъ что дѣлаетъ счастье! У нея и глаза совсѣмъ другіе! Чего добраго, она можетъ сейчасъ ему нравиться“!

Посидѣвъ съ ними нѣсколько минутъ, она сказала, что послѣ катанья хочетъ спать, да и вообще не желаетъ ихъ стѣснять.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, она присѣла въ кресло и старалась прогнать чувство гадливости, снова овладѣвшее ею при мысли о „влюбленныхъ“. Но оно все возростало въ ней, когда, помимо ея воли, воображеніе создавало картины того, что должно было происходить въ кабинетѣ послѣ ея ухода, если даже при ней Надя не могла сдерживаться.

„Какъ онъ можетъ! Какъ онъ можетъ!“—сжимая голову руками, думала она, и ей хотѣлось закричать и заплакать.—„Какая гадость—люди!—продолжала она размышлять, когда первый пароксизмъ негодованія и гадливости нѣсколько затихъ.—Что это я говорю? Да развѣ всѣ люди таковы“?..

„Однако, какую же роль я буду играть теперь при нихъ?—думала она черезъ четверть часа.—Постоянно присутствовать при этихъ пантомимахъ любви?!... А сидѣть въ своей комнатѣ—тоже неловко: Надя обидится... Нѣтъ, это невыносимо! Надо вызвать Рахмарова, поговорить съ нимъ“...

Отъ этой мысли ей стало легче. Уже одно то было хорошо, что есть предлогъ его скоро увидѣть, говорить съ нимъ...

„А зачѣмъ? Не лучше ли совсѣмъ его не видѣть? Вѣдь съ каждой встрѣчей меня все сильнѣе тянетъ къ нему! Что же это будетъ? Онъ, конечно, и не подозрѣваетъ того, что дѣлается со мной... А еслибы догадался? Что подумалъ бы онъ обо мнѣ!.. Нѣтъ, лучше его не звать! Съ Роговымъ посовѣтоваться? Не стоитъ: онъ милый, хорошій, но совсѣмъ рохля, слабый!.. Еслибы познакомиться съ этимъ Зиновьевымъ? Но, говорятъ, онъ суровый“!

Она видѣла одинъ разъ Зиновьева. Его фигура и лицо произвели на нее впечатлѣніе недюжинной духовной силы. Она даже спросила, кто это, но, получивъ отвѣтъ: „техникъ при фабрикѣ“, перестала имъ интересоваться. Сегодня она узнала о немъ подробности: онъ—человѣкъ идейный, учитъ рабочихъ, говорилъ гдѣ-то въ Петербургѣ замѣчательную рѣчь... Непремѣнно надо познакомиться съ нимъ. Пусть Надя позоветъ его. Нѣтъ, Надѣ

теперь не до того. Пойду сама на фабрику и скажу, что желаю ее осмотрѣть. Вотъ и все! А тамъ разговоримся"...

Въ эту ночь Бѣлоконскій поздно уѣхалъ изъ усадьбы Надежды Николаевны и велѣлъ себя везти къ матери. У Рогова онъ рѣшилъ не останавливаться: отношенія къ нему Ивана Захаровича стали явно враждебными; объясненій съ нимъ вести не хотѣлось.

Комната Софьи Петровны была рядомъ съ спальней невѣсты. Соня не спала и слышала, какъ та почти передъ разсвѣтомъ тихонько вошла къ себѣ. Обыкновенно она заходила къ подругѣ, и онѣ долго болтали. Но теперь Лопатина представилась спящей. Она предвидѣла, что та будетъ безъ конца говорить о своемъ счастьѣ. „Еще какъ-нибудь замѣтитъ, что я въ это счастье не вѣрю. Богъ съ ней! Путь думаетъ, что счастлива! Вѣдь что бы я ей ни сказала, это только огорчитъ ее, поссоритъ со мной, а ничему не поможетъ"!

Она поймала себя на этой боязни ссоры между ними, и горечь ея положенія стала для нея еще яснѣе. „Я должна притворяться, чтобы не разсердить свою благодѣтельницу!—подумала она съ горечью.—Вѣдь безъ нея—я пропаду! Боже, какая гадость! Вѣдь это ужъ настоящее рабство"!

XXII.

До самаго разсвѣта не спала Софья Петровна, и на слѣдующее утро проснулась съ сильной головной болью. Горничной она сказала, что больна и не выйдетъ изъ своей комнаты.

Надежда Николаевна проснулась позднѣе, и когда узнала о болѣзни Сони, вбѣжала къ ней встревоженная:

— Милочка! Что съ тобой? Не послать ли за Роговымъ? Ты не простудилась ли вчера во время катанья? Какая досада! У меня такая радость, а ты захворала!

— Не тревожься, серьезнаго ничего нѣтъ! Я просто не спала всю ночь. Твоя радость омрачена не будетъ!—нервно отвѣтила Лопатина, подумавъ, что въ ея положеніи она не имѣетъ даже права захворать, чтобы не нарушить радости своей „благодѣтельницы". Она была въ такомъ настроеніи послѣ безсонной ночи, что каждое слово Нади попадало въ больное мѣсто и вызывало горькое чувство.

— Отчего же ты не спала?

— Думала о своемъ будущемъ.

— Какъ ты смѣешь о немъ думать, когда я около тебя! Я

тебя увезу; будемъ выѣзжать вмѣстѣ. Ты заведешь знакомства въ высшемъ обществѣ и устроишь свою судьбу! О, я объ этомъ позабочусь! И мой Алеша позаботится! У него обширныя связи и знакомства!

— Не болтай пустяковъ, Надя! Я тебя прошу отнестись къ дѣлу серьезно. Мнѣ необходимо устроиться самостоятельно и даже поучиться для этого. Ты помоги мнѣ въ этомъ. Но устрой такъ, чтобы я не стѣсняла тебя, а ты меня,—чтобы я не думала, что должна поддѣлываться къ твоему настроенію, бояться ссоры съ тобой. Пока ты была сама независима, я не думала объ этомъ. Теперь ты не одна. Не къ одной тебѣ я должна приспособляться; будетъ постоянно еще третье лицо, совершенно мнѣ чуждое...

— Я тебя рѣшительно не понимаю!—сказала Надежда Николаевна обиженнымъ тономъ.—Какъ будто бы я и онъ—не одно и то же?!. Впрочемъ, если ты находишь, что твое положеніе двусмысленно, скажи, что я могу сдѣлать для тебя, и я устрою такъ, какъ ты хочешь... А я мечтала, что мы будемъ всегда вмѣстѣ...

— Не говори такъ! А главное,—не обижайся! Я увѣрена, что если ты и мечтала до сегодняшняго дня о томъ, что мы всегда будемъ вмѣстѣ, то теперь ты не можешь этого желать: когда любишь, хочется быть только съ любимымъ человѣкомъ. А тутъ торчитъ постоянно третье лицо!

— Ты ошибаешься! Наоборотъ! Мое счастье удвоивается, когда его видитъ кто-нибудь посторонній. Ты мнѣ нужна даже для этого!

— Спасибо за такую роль! Но мнѣ она не по характеру!..

— Ты завидуешь?!

— Да, да! Ты угадала!—раздражительно вскрикнула Софья. —Какъ же мнѣ не завидовать!

— Ахъ, какъ ты меня злишь!—воскликнула та: — съ первыхъ же дней моего счастья ты устраиваешь сцены, объясненія! Вотъ не могла думать, что съ этой стороны найдетъ облако и омрачитъ мою жизнь! Конечно, если ты такъ относишься ко мнѣ, необходимо подумать, какъ тебя устроить! Я подумаю, а ты успокойся!..

Тонъ ея былъ недружелюбенъ. Она вышла.

Еслибы Соня не видѣла ясно, что иного выхода, кромѣ помощи Нади, у нея нѣтъ, она отвѣтила бы ей, что не приметъ отъ нея ничего. И ей такъ хотѣлось это сказать!.. Но въ во-

96 4184

ображеніи вставала картина жизни у отца, и ее охватывалъ такой ужасъ, что она, стиснувъ зубы, не отвѣтила ничего...

Въ теченіе дня она узнала отъ горничной, что пріѣзжала съ визитомъ мать Бѣлоконскаго, а затѣмъ пріѣхалъ онъ самъ и остался у „барышни". Позднѣе пришелъ Роговъ.

— Докторъ проситъ позволенія войти къ вамъ, — сказала горничная.

— Пусть войдетъ.

— Что съ вами? Не случилось ли чего-нибудь?—спрашивалъ, входя, Иванъ Захаровичъ встревоженнымъ тономъ.

— Пустяки! Я не спала почти всю ночь... Дайте мнѣ чего-нибудь, чтобы не такъ болѣла голова...

Роговъ послалъ записку къ фельдшеру, а затѣмъ сказалъ, усаживаясь въ кресло:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Вотъ въ чемъ дѣло: Надежда Николаевна просила меня составить списокъ деревенскихъ нуждъ. До сихъ поръ я не успѣлъ этого сдѣлать: хотѣлось все сразу собрать, чтобы не клянчить потомъ... Сегодня я принесъ записку и отдалъ ей, но вижу, что опоздалъ... Она на нее едва взглянула и черезъ секунду забыла о ней... Вы могли бы помочь мнѣ... напомнить ей... Объясните, что съ этимъ медлить нельзя... что нужда очень велика...

— Хорошо, Иванъ Захаровичъ, я сдѣлаю, что могу, но... кажется, между нами тоже не все ладно... Мы почти поссорились сегодня.

— Въ чемъ дѣло?

Софья Петровна подумала, слѣдуетъ ли разсказывать ему о томъ, что произошло. Но ей была такъ нужна чья-нибудь поддержка, что она разсказала все, не исключая и совѣта Рахмарова, что ей необходимо искать себѣ работы и для этого поучиться.

— Ну, рѣшите, Иванъ Захаровичъ, права ли я?

— Конечно, вы правы... Ваше положеніе будетъ не изъ удобныхъ... И Рахмаровъ правъ...

— Надо это хорошенько обдумать, — отвѣтила она. — Не обойдешься безъ помощи Нади!.. А вы не можете ли поговорить обо мнѣ съ ней? Постороннему это легче. Я буду вашимъ адвокатомъ, а вы—моимъ. Согласны?

— О, конечно!

Отъ фельдшера принесли лекарство противъ мигрени. Роговъ научилъ ее, какъ имъ пользоваться, и, уходя, обѣщалъ сегодня потолковать съ Надеждой Николаевной.

Софья была значительно покойнѣе... Вечеромъ она даже рѣшила выйти изъ своей комнаты. Надежда Николаевна очень обрадовалась, когда увидѣла ее, а Бѣлоконскій былъ опять смущенъ.

— Ну, что̀, мое капризное дитятко? Успокоилась немножко? Я много говорила о тебѣ съ Роговымъ и моимъ Алешей, и мы кое-что рѣшили,—заговорила она, обнимая Софью Петровну.— Твои опасенія сами собой устраняются: мы съ Алешей рѣшили не откладывать свадьбы въ долгій ящикъ. Я дня черезъ три ѣду въ Москву, предупредить отца. Туда пріѣдетъ Алеша и его мать... Если ты хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ... въ Москвѣ обдумаемъ, посовѣтуемся съ умными людьми, какъ тебѣ устроиться... Я сюда, конечно, не вернусь... Послѣ свадьбы уѣдемъ за границу... Конечно, ты на мѣсяцъ останешься въ Москвѣ у моего отца, а потомъ пріѣдешь къ намъ. Согласна?

— Пріѣхать къ вамъ?! За границу? — удивилась Софья.— Но развѣ Роговъ ничего не говорилъ съ тобой обо мнѣ?

— Говорилъ, но ужасные пустяки. Алеша разбилъ его на всѣхъ пунктахъ. Онъ хотѣлъ доказать намъ, что тебѣ необходимо учиться, подготовиться къ какому-нибудь самостоятельному труду... Это — дѣтскія утопіи! Что̀ можетъ дать такой трудъ?! Ты совсѣмъ не знаешь жизни! Спроси Алешу! Онъ знаетъ, какъ живутъ учительницы, гувернантки! Заштопанныя платья, чулки! Стоптанные башмаки! Грязная, сырая каморка! Гнилой, отвратительный обѣдъ! Да развѣ ты вынесешь такую жизнь?!

— Я убѣжденъ, Софья Петровна,—сказалъ Бѣлоконскій,— что вамъ посовѣтовалъ это мой отчимъ. Но, ради Бога, не забывайте вы, что эти старые утописты идеализируютъ и жизнь, и людей. Не слушайте вы ихъ! Вамъ ли, съ вашей красотой, съ вашимъ умомъ, затеряться въ какихъ-то грязныхъ, вонючихъ меблированныхъ комнатахъ? Изсушить себя въ безсмысленномъ, оплачиваемомъ грошами, каторжномъ трудѣ! Вы должны создать себѣ иные планы... широкіе... И они у васъ были! Онъ просто загипнотизировалъ васъ своими утопіями... Пріѣзжайте къ намъ за границу... Мы будемъ жить въ самыхъ блестящихъ центрахъ, куда стекаются сливки петербургской знати... Съ вашимъ умомъ и красотой, вы будете вертѣть ими, какъ пѣшками...

— Все, что̀ вы говорите, — сказала она дрожащимъ голосомъ, сдерживая негодованіе,—мнѣ очень, очень не нравится... Простите, но вѣдь вы мнѣ назначаете... роль кокотки?!

— Боже меня избави! Да развѣ вы не съумѣете среди тамошней толпы отыскать человѣка, который вамъ понравится?!

Не думайте такъ плохо о нашемъ высшемъ обществѣ. Въ немъ есть люди блестящаго ума, образованія, широкихъ плановъ. Вы, именно вы... можете разсчитывать на партію, вполнѣ подходящую для васъ...

— Ловить богатаго жениха?—сказала она.

— Не жениха и не ловить! А избрать хорошаго человѣка, обладающаго тѣмъ, безъ чего у насъ дышать нельзя, — богатствомъ и высокимъ положеніемъ въ обществѣ... Этого человѣка взять себѣ, какъ человѣка, а его силу и богатство употребить на осуществленіе своего идеала.

Бѣлоконскій говорилъ горячо, сильно волнуясь, и въ концѣ рѣчи сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

Вошелъ лакей и доложилъ, что Надежду Николаевну хочетъ видѣть Зиновьевъ.

— Попроси въ кабинетъ,—сказала она. — Я васъ оставлю не надолго. Убѣди ее, Алёша... Я по ея лицу вижу, что она начинаетъ сдаваться.

— И не думаю сдаваться, — отвѣтила Соня съ холодной улыбкой.—А вотъ что̀, Надя: послѣ того, какъ ты кончишь дѣловой разговоръ съ Зиновьевымъ, пригласи его сюда. Мнѣ необходимо познакомиться съ нимъ...

— Что̀ за желаніе?

— Это мое дѣло. Послѣ объясню...

— Хорошо, я приглашу, но онъ всегда такъ торопится... Ты лучше войди въ кабинетъ, такъ черезъ четверть часа... И ты, Алёша! Мнѣ такъ трудно съ нимъ говорить! Вы поможете.

— Отлично! — отвѣтилъ Бѣлоконскій.—Кстати, мнѣ нужно его позондировать: что̀ это за гусь? Твой отецъ безусловно ему довѣряется, ну, а я-то этихъ господъ знаю! Онъ еще чего-нибудь натворитъ у тебя на фабрикѣ, потомъ и не расхлебаешь! У насъ съ тобой будутъ свои цѣли, и быть игрушкой чужихъ, да еще неизвѣстныхъ,—глупо, нелѣпо!

— Какой ты у меня умный! — Она не удержалась, подбѣжала къ нему и, схвативъ его голову, поцѣловала въ лобъ, а затѣмъ выбѣжала.

Софья Петровна не видѣла выраженія лица Бѣлоконскаго: она опустила глаза, но даже и при этомъ они выражали такъ много гнѣва, презрѣнія, что Алексѣй Петровичъ не сразу заговорилъ съ ней. Онъ сначала нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, потирая руки, какъ будто ему было холодно. Наконецъ остановился передъ нею и грустнымъ тономъ сказалъ:

— Да, это—ясно! Вы не довѣряете мнѣ!

Она молчала.

— Молчаніе—знакъ согласія, говорятъ уѣздные франты,— продолжалъ онъ, переходя въ насмѣшливый тонъ. — Итакъ, я не ошибся?! Но мнѣ хотѣлось бы выяснить, въ чемъ именно вы мнѣ не довѣряете? Въ томъ ли, что я дѣлаю то, что дѣлаю, не ради себя? Или въ томъ, что я люблю Надежду Николаевну?

Она опять молчала.

— Странный у насъ разговоръ!—воскликнулъ онъ уже съ нѣкоторой досадой. — Вы хотите, чтобы я говорилъ одинъ. Извольте. Доказать вамъ, что я хлопочу не для себя, я, конечно, словами не могу... Это покажетъ будущее... Станемъ говорить только о Надѣ. Люблю ли я ее или нѣтъ,—это вопросъ второстепенный. Любовь, это—сентиментальная выдумка жалкихъ миннезенгеровъ, раздутая потомъ романтизмомъ... Есть страсть, а не любовь. Страсть, которая охватываетъ, опьяняетъ, можетъ свести съ ума, можетъ длиться дни, недѣли, можетъ завертѣть и на всю жизнь... Такой страсти у меня къ Надѣ нѣтъ! Но я не могу сказать, чтобы я не цѣнилъ ея чудесной доброты, чистоты, искренности, простоты, даже ума, котораго у нея больше, чѣмъ у очень и очень многихъ. Но дѣло не въ томъ: я васъ спрашиваю: она счастлива теперь или нѣтъ? Отвѣтьте мнѣ. Это очень важно...

— Хорошо. Отвѣчу: она счастлива, потому что обманывается; она вѣритъ, что вы любите ее не такъ...

— Допустимъ... Хорошо-съ. А вы вѣрите, что она встрѣтитъ человѣка, который ее будетъ любить такъ, какъ она мечтаетъ? Вы вѣрите въ возможность и прочность счастья отъ той любви, какой бы ей хотѣлось? Отвѣтьте искренно, искренно.

— Не вѣрю, — тихо сказала она: — такой любви ей не встрѣтить, и такого счастья, вѣроятно, не бываетъ... долго...

— Да, да! Потому что такое счастье основано на взаимной иллюзіи, на самообманѣ двухъ людей... Ну-съ, такъ вотъ я ей даю эту иллюзію, хотя самъ не участвую въ ней. Но именно потому-то, что я въ ней не участвую, я могу длить въ ней эту иллюзію всю жизнь! Теперь попробуйте себѣ отвѣтить: еслибы въ вашей власти было дать ей такую иллюзію, а значитъ, такое счастье,—не забудьте, что всякое счастье иллюзія,—вы не дали бы ей его? А если другой,—я, напримѣръ,—даетъ ей это счастье, прочное, на всю жизнь, — вы были бы способны разбить его?! Отвѣтьте мнѣ...

Она молчала.

— А! Вы молчите! Теперь вы молчите! А какимъ презрѣ-

ніемъ былъ полонъ вашъ взглядъ десять минутъ тому назадъ! И съ какимъ негодованіемъ вы смотрѣли на меня вчера, хотя употребляли страшныя усилія, чтобы казаться любезной. Я читалъ на вашемъ лицѣ каждую вашу мысль...

Она подняла на него свои глаза и съ удивленіемъ спросила:

— Что̀ вамъ въ моемъ мнѣніи? Почему вы такъ волнуетесь?

Онъ на мгновеніе смутился; легкій румянецъ скользнулъ по его щекамъ. Но онъ отвѣтилъ быстро:

— Я вижу въ васъ единственнаго человѣка, и не только здѣсь, но среди всѣхъ, кого я знаю, а я знаю и зналъ тысячи женщинъ... И вы одна только способны понять, быть моей союзницей... У меня есть все: и планы, и теперь большія средства, и нѣтъ одного: я страшно одинокъ, совсѣмъ одинокъ... А одинъ ничего не сдѣлаешь... Даже для вѣры въ себя нуженъ другой... Вы такъ много передумали и пережили, что объяснять вамъ этого не нужно... Скажу только два слова: человѣкъ—животное общественное, и нѣтъ страданія для него, которое было бы ужаснѣе одиночества... О, вѣдь можно жить въ обществѣ и быть болѣе одинокимъ, чѣмъ преступникъ въ одиночномъ заключеніи: у того есть какой-нибудь паукъ, какой-нибудь мышенокъ, котораго онъ приручилъ.

— Но у васъ—Надя! Она васъ безумно любитъ!

— Да поймите же вы: мнѣ не это нужно! Не любовь слѣпая и беззавѣтная! Мнѣ нуженъ такой же критическій и въ то же время творческій духъ, какъ мой! Нуженъ товарищъ по уму, волѣ, по созиданію того новаго, небывалаго дѣла, о которомъ я мечтаю...

Его рѣчь прервалъ лакей.

— Надежда Николаевна приказали доложить, что онѣ кончили разговоръ съ господиномъ Зиновьевымъ.

— Пойдемте!—сказалъ Бѣлоконскій.—Надѣюсь, что вы позволите мнѣ когда-нибудь окончить этотъ разговоръ... И скоро... Необходимо, чтобы вы рѣшили пріѣхать къ намъ за границу...

Въ дверяхъ она ему отвѣтила задумчиво:

— Да, этотъ разговоръ нужно будетъ возобновить... Мнѣ необходимо знать ваши планы.

— Вы ихъ узнаете до моего отъѣзда.

XXIII.

Когда Софья Петровна съ Бѣлоконскимъ вошла въ кабинетъ, Надежда Николаевна познакомила ихъ съ Зиновьевымъ, назвавъ

Алексѣя Петровича своимъ женихомъ, а Соню — „другомъ дѣтства“.

— Вы живете съ ней въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, а еще незнакомы! — сказала она тономъ шутливаго упрека. — Да вы, кажется, ни съ кѣмъ здѣсь не знакомы? Рахмарова и Лядовой вы тоже не знаете?

— Да... не успѣлъ... Много работы,—сухо и безъ улыбки сказалъ Зиновьевъ.

— Вотъ, Алексѣй Петровичъ,—обратилась хозяйка къ жениху, не понимая сама, почему не назвала его при Зиновьевѣ „Алёшей“:—мнѣ не удалось убѣдить мосьё Зиновьева принять участіе въ проектѣ отца. Онъ находитъ, что такое страхованіе—въ ущербъ рабочимъ... Не убѣдите ли вы его. Вы—юристъ, а я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю... Мосьё Зиновьевъ находитъ, что рабочіе, принявъ это страхованіе, будутъ получать ничтожныя суммы въ случаѣ несчастья, а зато потеряютъ право искать убытки, что̀ дало бы имъ больше...

Зиновьевъ молчалъ. Заговорилъ Бѣлоконскій:

— Вы забываете, мнѣ кажется, одно обстоятельство: по проекту будутъ получать извѣстную сумму всѣ рабочіе, въ случаѣ инвалидности, т.-е. старости, тяжкой болѣзни... А вѣдь иски дадутъ право только изувѣченнымъ или убитымъ на работѣ.

— Я этого не забываю. Но я помню и то, что получить эти единовременныя пособія рабочіе могутъ только прослуживъ на фабрикѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ. А если случится, что имъ понизятъ плату, или просто разсчитаютъ за ненадобностью? Тогда и на это пропадаетъ право; выходитъ такъ, что это—фикція, а вовсе не право. Этой фикціей будутъ, однако, держать ихъ въ полной кабалѣ, и будутъ держать до той поры, пока администраціи фабрики не заблагоразсудится удалить ихъ... Извините, но въ такомъ проектѣ я не могу принять участія. Понимаю, что мое участіе нужно для того собственно, чтобы я одобрилъ проектъ передъ рабочими, которые мнѣ немножко довѣряютъ. Но развѣ я могу солгать имъ? Да и сами они—очень неглупый народъ, и сразу поймутъ, что имъ только кабала, а выгоды никакой...

— Я увѣрена,—сказала горячо Надежда Николаевна,—что отцу этого не приходило въ голову! Я его хорошо знаю! У него была одна цѣль—обезпечить ихъ... Быть можетъ, онъ измѣнитъ проектъ, если вы сдѣлаете поправки, указанія...

— Трудно ихъ сдѣлать... Въ такой проектъ нельзя ввести главнаго, что̀ важно для рабочаго, а именно—помощи на случай

потери работы или собственнаго отказа отъ нея, напримѣръ, вслѣдствіе крайняго пониженія заработной платы...

— На случай стачки?—спросилъ Бѣлоконскій иронически.

— Вовсе не на случай стачки только! Хотя почему же и не на случай стачки?

— Онѣ не разрѣшены закономъ...

— Да вѣдь и крѣпостное право было недавно подъ охраной закона... Законы мѣняются по требованіямъ жизни... Но, впрочемъ, я вовсе не предполагалъ говорить здѣсь о такихъ вопросахъ... Меня спросили, согласенъ ли я содѣйствовать этому проекту, и я отвѣчаю: нѣтъ, несогласенъ. Вотъ и все.

Зиновьевъ поднялся со своего мѣста.

— Быть можетъ, вы сами предложите какой-нибудь проектъ? —торопливо заговорила Надежда Николаевна, стараясь его задержать.

— У меня есть проектъ... То-есть, не у меня, а у нѣкоторыхъ рабочихъ. Еслибы вашъ батюшка принялъ въ немъ участіе, я ничего бы не возражалъ... Онъ построенъ совсѣмъ на иныхъ началахъ... Это—страховая касса самихъ рабочихъ... изъ ихъ небольшихъ взносовъ... Еслибы господинъ Петренко пожертвовалъ въ эту кассу, безъ всякихъ условій, извѣстную сумму, было бы недурно... Касса могла бы начать свои функціи раньше, чѣмъ это возможно при ничтожныхъ взносахъ самихъ рабочихъ. Еще важнѣе, чтобы онъ пособилъ при утвержденіи устава этой кассы... Если вы поможете этому,—будетъ дѣло хорошее...

— Я сдѣлаю все, что могу! Даю вамъ слово!—воскликнула Надежда Николаевна.—Вы дадите мнѣ свой проектъ?

— Едва ли вашъ отецъ согласится на такой проектъ, — сказалъ Бѣлоконскій:—вѣдь это прямо противъ его интересовъ. Вы поторопились дать слово!

— Я его дала и назадъ не возьму! — сказала она, вспыхнувъ. — Я знаю отца! Онъ не таковъ! Пожалуйста, дайте мнѣ этотъ проектъ или уставъ...

— Хорошо-съ, я вамъ его доставлю...

Онъ простился и ушелъ.

— Почему ты думаешь, что отецъ не согласится на этотъ проектъ? — сказала ласкающимъ голосомъ Надежда Николаевна, когда Зиновьевъ вышелъ: она чувствовала, что учинила маленькій бунтъ противъ Бѣлоконскаго, и теперь старалась загладить свою вину.

— Весьма просто! — возразилъ Бѣлоконскій холоднымъ тономъ:—не найдется такого глупца, который далъ бы деньги и

самъ бы еще хлопоталъ о томъ, что направлено противъ него: вѣдь эта касса будетъ давать помощь рабочимъ въ случаѣ ихъ отказа отъ работы! Неужели вы этого не понимаете?

— Я это отлично понимаю!—воскликнула Надежда Николаевна тономъ обиды:—но я понимаю и то, что это—хорошо! Вѣдь никто изъ насъ не можетъ поручиться, что управленіе фабрики всегда право! Отецъ живетъ далеко, я—тоже! Хорошо, что въ прошлый разъ мнѣ телеграфировалъ Рахмаровъ! Не всегда это возможно...

— Ну-съ, это все „гуманство", а по моему — фабрикантъ, такъ ужъ фабрикантъ, и тогда гуманство это нужно бросить; съ нимъ и въ трубу вылетишь... Вѣдь тутъ не бабья филантропія, а конкурренція съ другими! Поговорите-ка вы съ отцомъ... Онъ объяснитъ вамъ, что всякій лишній расходъ на рабочихъ онъ долженъ разложить на цѣну товара, т.-е. повысить ее. А если онъ повыситъ цѣну сравнительно съ другими фабрикантами, будутъ покупать не у него, а у нихъ. . И онъ вылетитъ въ трубу...

— Значитъ, вы противъ интересовъ рабочихъ? — спросила Софья Петровна съ любопытствомъ.

— Нисколько! Я просто объективно смотрю на дѣло и логически прихожу къ точнымъ выводамъ,—конечно, съ точки зрѣнія отца Надежды Николаевны.

— А почему же Зиновьевъ приходитъ логически къ противоположному выводу?

— Онъ смотритъ съ точки зрѣнія рабочихъ.

— А развѣ нельзя стать на какую-нибудь третью точку зрѣнія? Ну, напримѣръ, на вашу „новую", которой я еще не знаю...

— Можно. И я отчасти стою на ней. Моя точка зрѣнія требуетъ разрушать человѣческую глупость, а „гуманство" тутъ нелѣпость, ложь противъ самой сущности дѣла, которое сполна основано на разсчетѣ, а не на гуманствѣ. Иначе оно вылетитъ въ трубу... И всѣ такія „гуманства" только вводятъ въ заблужденіе, т.-е. дѣлаютъ людей глупѣе...

— Отецъ не вылетитъ въ трубу! — гордо сказала Надежда Николаевна: — у него эта фабрика такъ, въ родѣ удовольствія! Мнѣ—на булавки, какъ онъ сказалъ однажды... Ну, вотъ я и буду жертвовать своими булавками!.. А ты ужъ на меня разозлился! А этого не слѣдуетъ!.. Ты долженъ радоваться, что твоя Надя—такая добрая, и любить ее еще больше! Ну, довольно дуться! Ахъ, ты, мой строгій юристъ!..

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы меня понимали!.. Это для васъ очень важно!

— Ну, хорошо, хорошо! Буду понимать! Нельзя же сразу!

Я чувствую, что твои идеи очень глубоки, оригинальны... Ты мнѣ ихъ разъясни... Ахъ, кстати! Что же, мы поѣдемъ сегодня къ Рахмарову? Такая чудная ночь! Ты давеча хотѣлъ?.. Тройка! Луна!..

— Нужно поѣхать. Вы должны побывать и у моей матери,— отвѣтилъ тотъ все еще сурово.

— А ты, Соня,—поѣдешь съ нами?

Софьѣ Петровнѣ послышалось въ тонѣ ея вопроса нежеланіе, чтобы „третье лицо" участвовало въ этой поѣздкѣ при лунѣ... Но ей очень хотѣлось поговорить съ Рахмаровымъ. Разговоръ, происходившій передъ тѣмъ, сбилъ ее совершенно съ толку. Ея собственная мысль была такъ утомлена въ послѣднее время, что она чувствовала себя безсильной разобраться въ противорѣчіяхъ, которыя зароились въ ней подъ вліяніемъ словъ Рахмарова, Зиновьева и Бѣлоконскаго.

— Я боюсь, что помѣшаю вамъ,—отвѣтила она уклончиво.

— О, нисколько! — воскликнулъ Бѣлоконскій. — Наоборотъ, намъ вдвоемъ ѣхать совершенно невозможно! Мама этого не проститъ! Еслибы вы не пожелали сопутствовать намъ,—пришлось бы пригласить миссъ Ромэнсъ.

Это была старушка англичанка, взятая Надеждой Николаевной въ качествѣ компаньонки, а на самомъ дѣлѣ исполнявшая обязанности кастелянши и совершенно стушевавшаяся по пріѣздѣ въ деревню: даже обѣдала она отдѣльно, и только иногда ее звали разливать чай.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду,—сказала Софья Петровна.

Черезъ полчаса тройка, звеня колокольчиками и бубенчиками, мчалась по снѣжному полю, озаренному луной. Пристяжныя поднимали мелкую снѣжную пыль, которая алмазами сверкала въ воздухѣ и, попадая изрѣдка въ лица дѣвушекъ, заставляла звонко смѣяться Надежду Николаевну.

Софья же была очень задумчива: она уже раскаявалась, что поѣхала.

„Пусть бы взяли съ собой англичанку! Я хитрю передъ собой: не посовѣтоваться мнѣ нужно съ Рахмаровымъ, а просто увидѣть его, услышать... Воли нѣтъ... Надо бы сразу все оборвать! Чего я хочу?! На что надѣюсь? Глупо, нелѣпо"!

— Зачѣмъ вы такъ печальны?—обратился къ ней Бѣлоконскій.—Для чего эти думы? Живите всей душой! Жизни не бываетъ два раза! Надо ловить жизнь, ловить мгновенье!

И онъ неожиданно запѣлъ своимъ слабымъ, но задушевнымъ

теноромъ извѣстную малороссійскую пѣсню, кончающуюся грустнымъ припѣвомъ:

„А молодость не вернется, не вернется она“!

Этотъ припѣвъ всегда хватаетъ за душу того, кто чувствуетъ, что молодость его уже на исходѣ. Онъ шевельнулъ и въ сердцѣ Софьи смутную тоску о счастьѣ, котораго она не знала и, вѣроятно, не узнаетъ никогда.

А Бѣлоконскій упорно повторялъ припѣвъ.

— Чудная пѣсня!—сказалъ онъ.—Довольно только получше понять ее, и поймешь смыслъ жизни... Я знаю только другую такую же чудную пѣсню.

И онъ запѣлъ:

„Ночи безумныя“...

— Ради Бога, не пойте! — тихо проговорила Софья Петровна: — я совсѣмъ не могу слышать этой пѣсни... я расплачусь...

— Не буду, не буду! — воскликнулъ онъ весело.—Лучше я вамъ продекламирую стихи, гдѣ ту же мысль выразилъ французъ... Но какая разница! Слушайте:

„Tout est mensonge: aime pourtant,
Aime, rêve et désire encore;
Présente ton coeur palpitant
A ces blessures qu'il adore“!..

Вдругъ онъ самъ сталъ задумчивъ и замолкъ.

— Какой ты странный! — сказала Надежда Николаевна:— сейчасъ звалъ насъ къ радости и счастью, а теперь самъ задумчивъ и грустенъ.

— Бываютъ такія состоянія, — отвѣтилъ онъ глухо, — когда вдругъ начинаешь видѣть все глубже и яснѣе. Начинаешь схватывать такія свои чувства, которыхъ обыкновенно не замѣчаешь... Это сейчасъ пройдетъ.

Онъ сказалъ это такимъ серьезнымъ, унылымъ голосомъ, что обѣ дѣвушки взглянули на него. При свѣтѣ луны, при блѣдномъ, голубоватомъ сіяніи снѣга, лицо его показалось имъ очень блѣднымъ; на этой матовой блѣдности мерцали его большіе черные глаза, задумчиво смотрѣвшіе вдаль, на широкую снѣжную равнину. На горизонтѣ чернѣлъ сипеватой лентой лѣсъ, а около него горѣла красная, огненная точка: то былъ фонарь желѣзнодорожной станціи.

Онъ случайно взглянулъ на Софью и увидѣлъ выраженіе ея глазъ, устремленныхъ на него. Что-то нѣжное, загадочное померещилось ему въ ея взглядѣ, и его еще сильнѣе охватила тоска о какомъ-то неиспытанномъ счастьѣ „настоящей“ любви. Вспыхнули туманныя, смутныя, давно забытыя юныя мечты... Невольно онъ перенесъ взглядъ на Надежду Николаевну, и его непріятно поразили—и этотъ маленькій носикъ „пуговкой“, покраснѣвшій отъ холода, и это красное кругленькое лицо, и маленькіе, восторженно улыбающіеся глазки. А она, какъ нарочно, защебетала мечтательнымъ, счастливымъ голоскомъ:

— Не нужно скучать! Не нужно никакихъ тяжелыхъ думъ и сомнѣній! Ты будешь счастливъ! Ты достоинъ счастья! Смотри впередъ безъ страха и сомнѣнья! Вѣдь около тебя—я!

Софьѣ Петровнѣ показалось, что она понимаетъ душевное состояніе Бѣлоконскаго и чувствуетъ, какъ каждое слово Нади должно ранить его сердце стыдомъ и злобой. Онъ какъ-то весь съёжился, глаза потухли...

Но черезъ нѣсколько минутъ Бѣлоконскій былъ уже другимъ: онъ шутилъ, смѣялся надъ собой, смѣшилъ Надежду Николаевну и поцѣловалъ руку, которую та протянула къ его губамъ.

Подъѣзжали къ усадьбѣ Рахмарова.

Бѣлый старый домъ со своими башнями возвышался надъ чернымъ паркомъ, какъ привидѣніе, при мерцающемъ свѣтѣ луны...

Сердце у Софьи замерло отъ мысли, что сейчасъ она увидитъ Рахмарова и будетъ говорить съ нимъ, слушать его ласковый голосъ. Она забыла все остальное. Только въ памяти неотвязно звенѣлъ унылый припѣвъ: „А молодость не вернется, не вернется она“!

XXIV.

Когда всѣ они вошли въ уютную, маленькую гостиную Вѣры Павловны, тамъ, кромѣ хозяйки, былъ Рахмаровъ и, незнакомый пріѣзжимъ, молодой человѣкъ небольшого роста, съ копной кудрявыхъ бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и съ блестящими темными глазами. Это былъ тотъ фельетонистъ Губернскаго Вѣстника“, съ которымъ мы уже познакомили читателей.

Рахмаровъ подвелъ его къ Софьѣ Петровнѣ, сѣвшей въ уголкѣ, и сказалъ:

— Вотъ нашъ гость, о которомъ я говорилъ вамъ на-дняхъ и съ которымъ вы желали побесѣдовать.

Софья Петровна взглянула на Петра Григорьевича съ изумленіемъ: она ничѣмъ ему не выразила желанія побесѣдовать съ этимъ господиномъ.

Спиридоновъ, крѣпко пожавъ ея руку, присѣлъ рядомъ на маленькій пуфъ, а Рахмаровъ подошелъ къ Рогову, чтобы не мѣшать ихъ бесѣдѣ.

— Вѣроятно, скучаете въ деревнѣ?—спросилъ Спиридоновъ, чтобы какъ-нибудь завязать разговоръ.

— Напротивъ, и не думаю скучать,—раздражительно отвѣтила Софья; она ѣхала сюда, чтобы видѣть Рахмарова, а тотъ навязалъ ей этого господина!

— Вѣроятно, нашли себѣ здѣсь дѣло по душѣ? Простите мое любопытство: какое же это дѣло?

— Никакого дѣла не нашла и не ищу! — отвѣтила Софья, раздражаясь все сильнѣе на это „интервью".

— Та-акъ-съ!—протянулъ Спиридоновъ, не понимая, за что она сердится.—Но это довольно странно,—продолжалъ онъ:—не скучать здѣсь безъ всякаго дѣла! Вы—оригинальное исключеніе...

— Да, да! Я—оригинальное исключеніе...

— Интересно бы, однако, узнать, какимъ же образомъ ваша оригинальная душа,—слово „оригинальная" Спиридоновъ иронически подчеркнулъ,—примиряетъ такія непримиримыя вещи, какъ деревенская скука, бездѣлье и отсутствіе недовольства?..

— Объ этомъ долго разсказывать,—отвѣтила она, и громко позвала Рахмарова:—Петръ Григорьевичъ!

Когда онъ подошелъ къ ней, она тихо сказала:

— Мнѣ необходимо говорить съ вами много и совсѣмъ свободно, чтобы никто не помѣшалъ... Хотите пойти со мной въ паркъ?

— Идемте,—сказалъ онъ, смотря на нее съ изумленіемъ.

Вотъ они вдвоемъ въ очень знакомой ей аллеѣ, по которой когда-то, осеннимъ влажнымъ утромъ, она шла, полная отчаянія, послѣ разговора съ Роговымъ на крылечкѣ у Марьи Семеновны. Почему-то ей съ необыкновенной ясностью вспомнилось то осеннее утро, рѣзкія слова, сказанныя ею измученному, поблѣднѣвшему Рогову... Какъ она боялась тогда остаться здѣсь, чтобы не встрѣтиться съ Рахмаровымъ, если онъ скоро вернется! А теперь?.. Она сама, помимо своей воли, ищетъ встрѣчи съ нимъ...

„Но что же я скажу ему? Я надоѣла ему своими вопросами! Нѣтъ, о нихъ я не буду говорить... О нихъ я поговорю съ Зиновьевымъ... Съ нимъ мнѣ надо говорить о другомъ, да, о другомъ!.. Надо кончить эту муку! Что-нибудь одно! Пусть скажетъ

„да“ или „нѣтъ“... И я буду знать, что здѣсь все для меня умерло“...

А Рахмаровъ шелъ рядомъ съ ней, покорно ожидая, когда она начнетъ разговоръ. По ея волненію онъ еще въ комнатѣ замѣтилъ, что говорить она хочетъ о чемъ-то очень щекотливомъ; она уже тогда то вспыхивала, то блѣднѣла... И теперь— это долгое молчаніе!.. Волненіе ея начало передаваться и ему...

Снѣгъ тихо поскрипывалъ подъ ея легкими шагами... Въ аллеѣ былъ голубоватый свѣтъ отъ отраженныхъ снѣгомъ лунныхъ лучей, пробиравшихся сквозь черныя вѣтви облетѣвшихъ деревьевъ.

— Петръ Григорьевичъ,—заговорила Софья упавшимъ голосомъ:—когда мы ѣхали съ вами въ тотъ разъ, вы угадали: у меня въ душѣ есть одно страданіе... Оно на даетъ мнѣ жить...

Она вдругъ замолкла. У нея захватило дыханіе. Но вотъ она опять заговорила:

— Я ни о чемъ другомъ думать не могу... Вы одинъ можете помочь мнѣ. Скажите прямо, даже грубо отвѣтьте на тотъ вопросъ, который я хочу вамъ сдѣлать... Да, грубо, рѣзко, чтобы сразу обрубить...

— Да что̀ же такое? Что̀ же это съ вами?—спросилъ онъ ласково, наклоняясь къ ней и взявъ ея руку. Но она ее торопливо отняла у него...

— Я люблю... я сумасшедшая... я люблю васъ,—прошептала она, закрывъ лицо муфтой, и заплакала.

Онъ вздрогнулъ и, ничего не отвѣчая, какъ-то согнулся весь, точно его придавили эти слова... Однако, онъ быстро оправился и, замѣтивъ, что она идетъ нетвердо, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Возьмите меня подъ руку. Дойдемъ до бесѣдки и тамъ поговоримъ. Надо говорить много...

— О, нѣтъ, немного! Только два слова! Скажите мнѣ, что это гадко, дерзко, возмутительно, невозможно! Я только этого хочу... Я знаю, что другой отвѣтъ невозможенъ! Я это тысячу разъ говорила себѣ... Но пусть вы его сами скажете...

Она остановилась передъ нимъ, но не могла взглянуть въ его глаза.

— Этого-то я и не скажу,—отвѣтилъ онъ такъ ласково и грустно, что она не повѣрила сразу, его ли это голосъ.—Я скажу вамъ другое,—продолжалъ онъ:—да, это—невозможно! Это—совсѣмъ невозможно!.. И мнѣ кажется, что вы страшно ошибаетесь,—что это какой-то самогипнозъ, ужасная душевная иллюзія... Не можете вы любить меня!.. Вы любите кого-то дру-

гого, кого видите во мнѣ... Вѣдь я—развалина, развалина и тѣломъ, и душой...

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула она: — вы здѣсь моложе, юнѣе всѣхъ! Вы не знаете, вы не знаете!..

Онъ взялся руками за голову, какъ будто его мозгъ разрывался на части, и ему нужно было удержать его...

Долго ждала она его отвѣта. Онъ проговорилъ чуть слышно:

— Пойдемте дальше... я отвѣчу... сейчасъ...

Казалось, онъ собирался съ силами,—такъ труденъ былъ для него этотъ отвѣтъ.

...Они подошли къ пруду... Здѣсь отъ луны было свѣтло, какъ днемъ. Правѣе возвышалась бесѣдка на своемъ холмѣ... За прудомъ виднѣлись занесенныя снѣгомъ крыши деревенскихъ хатъ...

— Вы хотѣли, чтобы я былъ съ вами рѣзокъ, даже грубъ,— заговорилъ онъ холоднымъ, почти суровымъ тономъ, отъ котораго она вздрогнула: — Да, вы правы, вамъ отъ этого будетъ легче... И вотъ, я говорю грубо, рѣзко, и вы должны мнѣ вѣрить: то, что вы принимаете за любовь ко мнѣ, не есть любовь; это—потребность любви, не встрѣтившая пока человѣка, какой вамъ нуженъ... Уѣдете отсюда, увидите много хорошихъ людей, и найдете, и полюбите по настоящему... Меня вы любите совсѣмъ другой любовью, не той, за какую вы ее считаете: вы видите во мнѣ нѣкоторыя стороны, которыя уважаете... Но и только... Вы не любите вашего отца; едва ли любите мать... И вотъ, у васъ эта потребность, именно эта, потребность дочерней любви,—обратилась на меня. И не стыдитесь этого чувства; не стыдитесь, что сказали мнѣ о немъ. И пусть эта любовь сохранится въ васъ... Быть можетъ, я и стою ея... Она даже поможетъ вамъ жить... И не только думайте, что любите меня, какъ хорошаго отца, но и знайте, что этотъ отецъ любитъ васъ тоже, и любитъ васъ какъ дочь...

Голосъ его задрожалъ и прервался. Говорить онъ больше не могъ.

Она стояла, опустивъ голову, какъ будто ждала, что онъ скажетъ еще что-то, совсѣмъ другое... Но онъ молчалъ. Въ ней проснулась гордость. Поднявъ голову, она сухо сказала:

— Быть можетъ, вы и правы... Простите, пожалуйста...

Но у нея не хватило силы продолжать тѣмъ же холоднымъ тономъ, и вдругъ вырвалось почти рыдающимъ звукомъ:

— Прощайте!..

Не подавъ ему руки и не оборачиваясь, она быстро пошла къ дому.

XXV.

Когда Софья Петровна вернулась въ комнаты, всѣ замѣтили, что она необыкновенно блѣдна и едва можетъ идти. Но спросить у нея о причинѣ никто не рѣшался,—только Роговъ, явившійся къ Лядовой позднѣе ея пріѣзда и во время ея ухода съ Рахмаровымъ,—сказалъ, здороваясь:

— А у васъ видъ нехорошъ! Не нужна ли моя помощь?

— Нужна,—почти шопотомъ сказала Лопатина:—можете вы отвезти меня домой поскорѣе?.. Я нехорошо себя чувствую...

Она едва выговаривала слова.

— Но сдѣлайте это какъ-нибудь незамѣтно... Пусть знаетъ одна Вѣра Павловна...

Роговъ отвелъ въ сторону Лядову, поговорилъ съ нею и вышелъ, чтобы распорядиться о лошадяхъ, а Вѣра подошла къ Софьѣ и, обнявъ ее, сказала:

— Мнѣ нужно сказать вамъ два слова. Пройдемте въ мою спальню.

Ни о чемъ не разспрашивая, она дала ей выпить воды, горячо поцѣловала ее въ лобъ, помогла надѣть шубку, укутала платкомъ и проводила до передней; тамъ уже ожидалъ Роговъ, совсѣмъ готовый въ путь.

Всю дорогу оба молчали. Только подъѣзжая къ дому, Роговъ сказалъ:

— Я зайду къ вамъ. Вамъ надо что-нибудь прописать.

— Зайдите! Но прописывать ничего не нужно...

Она чувствовала, что если въ этотъ вечеръ останется одна, это будетъ послѣдній вечеръ ея жизни. Но противъ этого возмущалось ея самолюбіе, ея гордость... Кромѣ того, ея не покидала мысль, что она еще не сдѣлала ничего для сестры Нади.

Они прошли прямо въ ея комнату.

— Я озябъ,—сказалъ Роговъ:—хорошо бы стаканчикъ горячаго чаю... Да и вамъ не мѣшаетъ. А еслибы въ него нѣсколько капель рому или коньяку, такъ и совсѣмъ отлично! У васъ зубъ на зубъ не попадаетъ...

— Сейчасъ скажу. Велю и каминъ затопить...

Принесли чай; растопили каминъ. Она совсѣмъ овладѣла собой, и чтобы завести какой-нибудь разговоръ, стала передавать

то, что разсказывалъ Бѣлоконскій объ ужасной жизни трудящихся интеллигентныхъ женщинъ.

— Вы ихъ видѣли много. Правда ли это? — спрашивала она.—Я не могла бы вынести такой жизни; я это очень хорошо чувствую.

— Да, жизнь не особенно легкая и сытая!—отвѣтилъ онъ:— Но въ ней есть стороны, которыя многое скрашиваютъ: задушевное товарищество хорошихъ, чистыхъ людей, наука, хорошіе разговоры, театръ, концерты, публичныя чтенія... Я не припомню ни одной молодой дѣвушки этого круга, которая была бы печальна отъ матеріальной обстановки. У всѣхъ такой жизнерадостный, счастливый видъ! Конечно, необходимо съузить свои матеріальныя требованія...

— Значитъ, Бѣлоконскій очень сгустилъ краски?..

— Для чего онъ это дѣлаетъ? Для чего хочетъ, чтобы вы ѣхали непремѣнно за границу съ ними?

— Онъ старался объяснить мнѣ это своими идейными планами. Я не имѣю права разсказывать вамъ обо всемъ этомъ подробнѣе.

— Пожалуй. Но только совѣтую вамъ одно: не довѣряйте ему. Я знаю этого человѣка давно, съ ранней юности. Болталъ онъ и мнѣ еще недавно о своихъ планахъ... Никакихъ у него плановъ нѣтъ! Онъ ихъ самъ еще долженъ выдумать, чтобы оправдать эту женитьбу... Вотъ и все!

— А мнѣ хочется ему вѣрить! Ну, пусть даже его планы еще не ясны ему самому, хотя, впрочемъ, онъ обѣщалъ мнѣ ихъ сообщить еще до отъѣзда въ Москву,—значитъ, они есть... Но пусть еще нѣтъ. А вѣдь я по себѣ знаю это стремленіе къ чему-то болѣе широкому, чѣмъ обыденная жизнь, въ которой все, все такъ мизерно, такъ не удовлетворяетъ... Если у него будутъ милліоны, онъ можетъ сдѣлать все, что создастъ его фантазія... И уже одна эта возможность... отъ нея захватываетъ духъ!.. И въ этомъ ужъ оправданіе, пожалуй, и его женитьбы... Но оставимъ его. Онъ меня мало интересуетъ. У меня есть другое, болѣе важное дѣло къ вамъ: меня мучитъ мысль о сестрѣ Надѣ... Я думаю, все думаю, какъ ее вырвать изъ нашей семьи, и ничего не могу придумать... Помогите мнѣ въ этомъ... Что можно сдѣлать для нея? Тамъ она совсѣмъ погибнетъ, зачахнетъ... Мнѣ невыносима мысль объ этомъ... Вѣдь, у нея даже общества нѣтъ никакого; поговорить ей не съ кѣмъ! А я знаю, какъ это ужасно!.. Къ Лядовой ее не пустятъ... А больше здѣсь никого нѣтъ!..

— Постойте! Мнѣ пришла мысль! У Зиновьева мать — идеальная старушка,—милая, образованная... Я мало знаю ее, но увѣренъ, что если ей все откровенно разсказать, она приметъ въ ней участіе, сама поѣдетъ познакомиться съ вашей семьей и будетъ часто звать къ себѣ Надежду Петровну.

— Это чудесная мысль! Знаете, пойдемте сейчасъ къ этой Зиновьевой, поговоримъ съ ней... Вѣдь это ничего, что безъ визитовъ! А надо дѣлать поскорѣе... Вѣдь Надя задыхается тамъ. Каждый день дорогъ!..

— Я не прочь! А вы согрѣлись ли?

— Отлично себя чувствую...

И вотъ, они уже шли къ фабрикѣ черезъ паркъ. Иней, покрывавшій вѣтви столѣтнихъ деревьевъ, сверкалъ искрами въ лунныхъ лучахъ. Синія тѣни лежали на снѣгу отъ этихъ гигантовъ, спавшихъ непробуднымъ сномъ.

— Я привелъ вамъ гостью,—сказалъ Роговъ, когда на ихъ звонокъ въ квартирѣ Зиновьева, отперла дверь его мать.

— А! Рѣдкій гость!—воскликнула старушка ласково:—очень, очень рада! Кого же это вы привели?

— Подруга Надежды Николаевны, Софья Петровна Лопатина...

— Входите, входите, пожалуйста! И какъ хорошо вы сдѣлали, что безъ китайскихъ церемоній, прямо вечеромъ! Вотъ и сынъ сейчасъ вернется. Мы живемъ ужъ очень одиноко... Не разъ я ему говорила, что надо знакомства завести... Вѣдь,— молодой человѣкъ! Нельзя же все только работать да со мной, старухой, сидѣть. И онъ бы самъ не прочь, да только работы много... времени-то не хватаетъ знакомства завести.

Она усадила ихъ въ своей маленькой гостиной, вокругъ стола, на которомъ горѣла недорогая лампа съ зеленымъ абажуромъ, и стала разспрашивать Софью объ ея семьѣ, о матери, объ отцѣ; старушка не подозрѣвала, какъ той тяжело было отвѣчать на эти вопросы. Роговъ поспѣшилъ на выручку къ Софьѣ Петровнѣ.

— А знаете, Лидія Ѳедоровна, мы къ вамъ пришли не совсѣмъ безъ дѣла.

— Что̀ такое? Всѣмъ рада служить, чѣмъ могу,—оживилась Зиновьева.

— Да ужъ буду говорить вамъ прямо,—отвѣтилъ онъ и, обратившись къ Лопатиной, спросилъ:—Вы позволяете?

Та кивнула головой. Роговъ сталъ разсказывать, что въ семьѣ Софьи не все ладно, что она ушла оттуда; вынести не могла...

А тамъ осталась вторая сестра... И у нея ни общества, ни даже человѣка, съ которымъ бы слово сказать было можно.

— Впрочемъ, вы такъ не поймете,—перебилъ онъ самого себя.—Надо вамъ все разсказать отъ Адама.

И онъ разсказалъ, по возможности, все, что̀ заставило Соню уйти отъ отца; не сказалъ только, щадя ее, о главномъ,—о доносахъ Лопатина на Рахмарова и Лядову.

Когда онъ окончилъ, старуха все поняла и предупредила его вопросомъ:

— Нужно, чтобы я поѣхала туда, познакомилась и брала къ себѣ почаще Надежду Петровну? Да? Ну, я завтра же поѣду и завтра же постараюсь увезти ее къ себѣ, если понравлюсь имъ!

— О, навѣрное понравитесь! — воскликнула Софья. — Какая вы добрая! Какая милая!—И она схватила ея руки, смотря въ ея глаза съ любовью и лаской; а въ ея умѣ пробѣжала мучительная мысль: „Господи, еслибы у меня была такая мать! Развѣ жизнь моя сложилась бы такъ, какъ теперь!“

Поговорили еще о разныхъ предметахъ, о свадьбѣ Надежды Николаевны, о планахъ Софьи, двоившихся между столичными курсами и поѣздкой за границу. Зиновьева убѣждала ее поучиться на курсахъ; хотя съѣздить за границу, чтобы посмотрѣть, какъ люди хорошо могутъ устроиться, тоже полезно... И это слѣдуетъ сдѣлать,—только не надолго...

Въ это время вернулся Зиновьевъ. Онъ, конечно, былъ удивленъ, увидѣвъ гостей; но они могли замѣтить, что удивленіе его было радостное. Онъ видѣлъ, что мать была необыкновенно оживлена и уже успѣла подружиться съ гостьей. Сухой и нѣсколько чопорный видъ, какой былъ у него въ кабинетѣ Надежды Николаевны, здѣсь исчезъ сразу; онъ весело и ласково заговорилъ съ гостями, и всѣ сразу почувствовали себя давно знакомыми; гости приняли даже участіе въ скромномъ ужинѣ, который въ эти часы обыкновенно подавался на столъ, что̀ не было нарушено и въ этотъ вечеръ, съ чисто западной регулярностью.

Среди оживленныхъ разговоровъ, Софья Петровна упомянула о мнѣніи Бѣлоконскаго относительно участія старика Петренко въ кассѣ рабочихъ, проектируемой ими самими и Зиновьевымъ.

— Онъ находитъ, что это участіе было бы обманомъ,—сказала она.—Вѣдь эта касса будетъ идти въ разрѣзъ съ интересами Петренки: она будетъ поддерживать рабочихъ въ тѣ моменты, когда они, напримѣръ, не согласятся на пониженіе заработной платы или захотятъ ее повысить, и тому подобное... А вѣдь ни одинъ фабрикантъ не станетъ дѣлать что-нибудь противъ своихъ

интересовъ. Если тутъ встрѣтится исключеніе, то оно можетъ быть принято рабочими за правило... Значитъ, ихъ введутъ въ заблужденіе?..

Роговъ громко засмѣялся.

— А, вѣдь, это та самая мысль, которую вы, Зиновьевъ, высказали мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ! Помните, когда я спрашивалъ вашего совѣта относительно телеграммы къ Надеждѣ Николаевнѣ—по поводу стачки? Какъ же теперь вы соглашаетесь на участіе Петренки въ этой кассѣ?

— Да очень просто,—отвѣтилъ тотъ:—я вовсе не узкій доктринеръ, который какое-нибудь одно правило прикладываетъ ко всевозможнымъ случаямъ. Каждый случай имѣетъ свои особенности, свою индивидуальность... Тогда, съ этой телеграммой, я былъ вполнѣ правъ, не желая въ ней участвовать. Филантропія этой барышни явилась ложью относительно общаго правила, а между тѣмъ случай былъ такой, что эта ложь бросалась въ глаза, ослѣпляла, оставляла сильное впечатлѣніе; да, яркое, неизгладимое впечатлѣніе! А тутъ совсѣмъ другое дѣло: пожертвуетъ онъ въ кассу, ну, положимъ, тысячу рублей, похлопочетъ о ея разрѣшеніи, и все это легко забудется, а касса останется и сослужитъ большую службу, ну, хотя бы для нѣкотораго единенія рабочихъ, для ихъ привычки дѣлать общее дѣло... Выгоды отъ кассы перевѣшиваютъ невыгоды отъ мимолетнаго впечатлѣнія этой филантропіи.

— Я вполнѣ васъ понимаю и совершенно съ вами согласна! —сказала Софья Петровна, испытывая то пріятное чувство умственнаго удовлетворенія, когда вопросъ, казавшійся труднымъ, разрѣшается легко и просто.

— Ну, а я несогласенъ!—сказалъ Роговъ, улыбаясь:—т.-е., несогласенъ съ самымъ первымъ положеніемъ, что подобная филантропія вообще вноситъ какую-нибудь ложь въ умы. Въ этомъ нѣтъ ни іоты правды! Вотъ была бы ложь, еслибы человѣкъ, желая что-нибудь сдѣлать ближнимъ, не дѣлалъ этого потому, что кто-то сдѣлаетъ изъ этого ошибочный выводъ. Ну, не дикій ли это парадоксъ? Человѣкъ хочетъ быть добрымъ, сдѣлать добро, а ему говорятъ: „Не смѣй, будь золъ, притворись злымъ, иначе дашь ложное понятіе о людяхъ вообще, которые по теоріи должны быть злы“... Да вѣдь это-то и есть ложь! Поймите вы, господа! Вѣдь, значитъ, есть и добрые люди, и есть злые люди, а вы хотите, чтобы была извѣстна только одна сторона жизни—злоба людей! Вѣдь это все равно, что въ математической задачѣ выбросить одну величину ради другой, хотя онѣ обѣ важны!..

— Да въ математикѣ такъ и дѣлается,—сказалъ Зиновьевъ: —если величина ничтожна, ее игнорируютъ!

— Да, если она ничтожна!—сказалъ Роговъ.—Вотъ я приведу сейчасъ примѣръ! Дайте договорить, а не то собьюсь!— Онъ вскочилъ съ мѣста и, потирая лобъ, забѣгалъ по комнатѣ: —Да вотъ вамъ: вы думаете, какъ Гоббсъ, что человѣкъ человѣку волкъ, homo homini lupus! Отлично! А вотъ мы сегодня съ Софьей Петровной не повѣрили этому и пришли къ вашей матушкѣ съ важнымъ дѣломъ, разсчитывая на ея доброту, и не ошиблись: она обѣщала помочь намъ... Что, еслибы мы вѣрили только въ то, что люди злы, что они—волки для другихъ людей?! Мы бы не пошли, и хорошее дѣло не осуществилось бы!

Начался споръ, въ которомъ старушка приняла сторону Рогова противъ сына, а Софья молчала, опять сбитая съ толку двумя совершенно противоположными идеями, которыя казались ей одинаково вѣрными...

Но къ ея удивленію теперь это не мучило ее, какъ бывало прежде. Наоборотъ, она чувствовала себя очень хорошо среди этихъ людей, такъ горячо спорившихъ, но, видимо, уважавшихъ другъ друга, одинаково честныхъ и добрыхъ, думавшихъ только объ истинѣ, о наилучшемъ рѣшеніи вопроса, обезпечивающемъ хорошее существованіе людей. Она начинала понимать, что многія изъ тѣхъ противорѣчій, которыя такъ возмущали ее въ книгахъ, вызваны тѣмъ же горячимъ исканіемъ истины и любовью къ человѣку, для счастья котораго эта истина отыскивалась...

„Да, это особенные люди!—думала она:—они не думаютъ о себѣ! И какъ хорошо около нихъ! И какъ холодно, какъ ужасно тамъ, дома, у отца, у Надежды Николаевны“...

Потомъ она стала думать, какъ хорошо будетъ ея Надѣ среди этихъ людей, и ей даже захотѣлось самой остаться здѣсь, въ деревнѣ, чтобы жить около нихъ...

Но когда ея воображеніе нарисовало ярко, что она навсегда осталась бы вотъ въ этихъ самыхъ маленькихъ комнатахъ, съ этими хорошими людьми,—что на мѣсяцы, на годы, на всю жизнь она должна остаться въ этомъ уголкѣ,—ея сердце сжалось тоской, точно въ него вложили кусочекъ льда...

„Я не могла бы, нѣтъ, не могла бы долго жить такъ!.. Вотъ Надюша моя, она—совсѣмъ другой человѣкъ. И, быть можетъ, Зиновьеву она понравится, а онъ ей... и тогда... Какъ бы это хорошо было!.. Она бы дала ему счастье и сама была бы счастлива... А я точно „juif errant“... Для меня нѣтъ нигдѣ счастья“!..

XXVI.

День, назначенный для отъѣзда въ Москву жениха и невѣсты, давно наступилъ и прошелъ, а они не уѣзжали. Причиной былъ Бѣлоконскій, у котораго сдѣлалась лихорадка, хотя Рогова онъ не звалъ и лечился отъ нея самъ.

По наружности онъ былъ, дѣйствительно, боленъ: похудѣлъ, раздражался, брюзжалъ, какъ-то съёжился весь...

Надежда Николаевна ухаживала за нимъ и была сильно разстроена.

— Вотъ препятствіе! Вотъ неожиданное препятствіе!—повторяла она унылымъ голосомъ:—Алеша, да выздоравливай ты поскорѣе! Это даже неловко! Въ Москвѣ насъ ждутъ! Отецъ—Богъ знаетъ что̀ можетъ подумать!

— Не могу же я рисковать жизнью изъ-за того, что̀ онъ подумаетъ!—отвѣчалъ сердито Бѣлоконскій.—Ему послана телеграмма! Ну, пошли еще! Ничего нѣтъ удивительнаго, что у человѣка лихорадка!

Онъ оживлялся только тогда, когда въ комнату входила Лопатина, но это было очень рѣдко, потому что та цѣлые дни проводила у Зиновьевыхъ, гдѣ еще гостила ея сестра.

Но оживленіе Бѣлоконскаго въ присутствіи Софьи Петровны было какое-то странное: онъ вышучивалъ ея „увлеченіе Зиновьевыми“, рисуя въ каррикатурномъ видѣ и старуху, и ея сына; напримѣръ, онъ говорилъ неожиданно:

— Скажите, она нюхаетъ табакъ?

— Кто она?—спрашивала Софья.

— Ну, эта „божья коровка“, мать Зиновьева.

— Нѣтъ, не нюхаетъ. Почему вамъ кажется, что она должна нюхать табакъ?

— Вотъ подите же! Самъ не знаю, почему! Какъ-то я видѣлъ въ окнѣ одного петербургскаго магазина каррикатурную статуэтку: старикъ и старуха смотрятъ влюбленно другъ на друга и нюхаютъ табакъ изъ одной табакерки! И вотъ, кажется мнѣ, что это—Зиновьева и ея сынъ!

— Но вѣдь онъ—молодой!—смѣясь, возразила Надежда Николаевна:—какія тебѣ фантазіи въ голову приходятъ!

— Онъ?!.. Молодой?!.. Да это—иллюзія! У него около губъ старческія складки! А его сгорбленная фигура! Правда, годами онъ молодъ, но душой и тѣломъ такіе люди никогда не бываютъ молоды! Воображаю, что̀ изъ него выйдетъ лѣтъ черезъ

пять! Особенно, если онъ женится, обзаведется ребятами... Ха-ха-ха! Чудная картина! Онъ навѣрное надѣваетъ по вечерамъ колпакъ, какъ всѣ нѣмцы, и спитъ въ немъ подъ периной!

— За что вы его такъ не любите?—спрашивала Лопатина.

— А вы, кажется, не шутя занялись этимъ сфинксомъ?—сказалъ онъ съ досадой.

— Да, не шутя: онъ—человѣкъ очень интересный и новый для меня. А вы не отвѣтили, за что такъ не любите его?

— За то, что онъ аршинъ проглотилъ и держитъ себя какъ индюкъ, или, по меньшей мѣрѣ,—гордый испанецъ! И эта индюшиная манера у него основана на томъ, что онъ вычиталъ въ иностранной книжкѣ одну мысль и думаетъ, что открылъ такую Америку, что передъ нимъ, какъ передъ Колумбомъ, всѣ мы—мальчишки и щенки! И, конечно, васъ онъ успѣлъ загипнотизировать этой великой идеей?

— Какой идеей?

— Будто вы не знаете?! Ну, что въ Россіи должно наступить,—да ужъ и наступило,—царство капитализма. Его наступленію нужно помочь. Оно создастъ изъ русскаго мужика классъ европейскихъ рабочихъ-пролетаріевъ, отнявъ у нихъ землю. Затѣмъ, эти рабочіе сознаютъ себя какъ классъ, интересы котораго противоположны капиталистическимъ, и... тогда устроятъ рай на землѣ!.. Вѣрно я передалъ?

— Я эту теорію знаю, но вовсе не отъ него, а изъ книгъ. Онъ никогда не говоритъ объ этомъ, — отвѣтила Софья съ досадой.—А что же? По вашему, это не вѣрно?

— А пусть даже и вѣрно! А мнѣ какое до этого дѣло? И вамъ какое до этого дѣло?

— Какъ?! Но вѣдь это указываетъ путь для работы...

— Ха-ха-ха! Для меня или для васъ это указываетъ, какъ намъ лучше устроить свою жизнь, и только!

— Я васъ не понимаю!

— Да мы съ вами—кто же будемъ? Вы капиталистка, т.-е. землевладѣлица, я—тоже. И мы можемъ утѣшиться, что, значитъ, наступаетъ наше время. Помощи господина Зиновьева мнѣ не нужно. Я и самъ это себѣ устрою. Устроите и вы, вѣроятно, если попадете подъ хорошее вліяніе,—напримѣръ, мое... А что будетъ потомъ, когда какой-то тамъ рабочій классъ сознаетъ себя и устроитъ рай,—до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла! Судя по тому, какъ онъ медленно, почти два столѣтія, устроиваетъ этотъ рай въ Америкѣ, Англіи, Франціи,—это устроится у насъ лѣтъ черезъ пятьсотъ... Отъ насъ тогда не останется даже и

пра-пра-пра-правнуковъ. Такъ почему же мнѣ можетъ быть интересенъ или любъ этотъ господинъ, проглотившій аршинъ? По моему, онъ, т.-е. не лично онъ, а всѣ они—безъ винта въ головѣ... Это загипнотизированные нѣмецкой книжкой бараны,—и только! И замѣтьте, у нихъ даже выраженіе лица баранье! Глупое и вмѣстѣ важное. Глаза у всѣхъ круглые, какъ будто ихъ кто ударилъ по лбу и ошеломилъ... И дѣйствительно, ихъ хватила по лбу нѣмецкая книга, ошеломила,—они такъ и остались навсегда съ круглыми глазами. Вы скажете: они—необыкновенные люди, потому что увлечены идеей! Но это вовсе не рѣдкость. Пойдите въ любой домъ умалишенныхъ, одержимыхъ какой-нибудь маніей, въ родѣ Гаршинскаго „Краснаго цвѣтка", и вы увидите прототипы этихъ героевъ.

— Но тѣ—сумасшедшіе, а этотъ—здоровый человѣкъ,—возразила Софья Петровна.

— Эхъ, кто же теперь не знаетъ, что между здоровымъ и сумасшедшимъ нельзя указать границы... Хороши здоровые, которые загипнотизированы чужой идеей, и готовы поэтому лѣзть на стѣну! Экая энергія, подумаешь! Да, наконецъ, пусть тамъ у нихъ раз-энергія, а намъ-то до нихъ какое дѣло?! У насъ есть свои цѣли... Напримѣръ, вы мечтали жить въ широкомъ смыслѣ этого слова... весь міръ охватить, все испытать, всѣмъ овладѣть... Такъ какой же смыслъ—интересоваться этими маніаками?! Съ ними еще въ какую-нибудь исторію влопаешься, и будешь потомъ всю жизнь,—какъ мой почтенный отчимъ,—киснуть да ныть, величаясь тѣмъ, что пострадалъ,—самъ не зная, за что, и сталъ жертвой невѣдомо чего! И неужели васъ, такую умную, можетъ подобный вздоръ интересовать? Ну, пожалуй, какъ всякая новинка, это интересно. Но довольно разъ видѣть и слышать ихъ,—и они исчерпаны, теряютъ интересъ, какъ стоптанныя туфли!.. Нѣтъ, судя по тому, что̀ я слышалъ о васъ, я... думаю, что вы не увлечетесь этимъ филистеромъ! Простое эстетическое чувство должно васъ удержать отъ его нѣмецкаго ночного колпака!..

— Ты такъ горячишься,—сказала Надежда Николаевна,—что Соня можетъ подумать,—ужъ не ревнуешь ли ты ее къ этому Зиновьеву?

— А если и ревную! Каждый человѣкъ идеи ревнуетъ тѣхъ, кто можетъ стать его послѣдователемъ, если видитъ, что они хотятъ идти за другимъ.

— Не ревнуйте меня, если такъ: я не буду ни вашей, ни его послѣдовательницей,—сказала Софья.

— Что его послѣдовательницей вы не будете, это я и самъ

сказалъ,—воскликнулъ Бѣлоконскій:—ну, а что моей не будете, это мы еще посмотримъ... Вы вѣдь еще не знаете, къ чему я стремлюсь... Объ этомъ мы еще будемъ говорить!

— А я думаю, что никогда этого не узнаю и говорить вы объ этомъ не будете. Ужъ очень долго мы ждемъ.

— А я уже кое-что знаю!—хвастливо сказала Надежда Николаевна:—онъ будетъ издавать большую газету!

Бѣлоконскій вспыхнулъ.

— Какой вздоръ! — рѣзко отвѣтилъ онъ. — Я жалѣю, что сказалъ вамъ даже это! Развѣ не ясно, что это только одна изъ деталей моего плана?! Какъ вы меня поняли!?

— Ну, не сердись же, Алеша! Я вѣдь не сказала, что это весь твой планъ...

— Да, но вы такъ сказали, что это можно подумать! Я вижу, что съ вами приходится молчать о самомъ дорогомъ для меня вопросѣ! И я этого не забуду...

— Ну, не сердись! Ну, прости меня!—бросилась къ нему невѣста.

Софья Петровна не могла безъ негодованія видѣть этой унизительной сцены. Она почувствовала ясно, что этотъ человѣкъ лгалъ ей, когда говорилъ, что намѣренъ дать Надѣ „иллюзію счастья". Онъ ясно почувствовалъ свою силу надъ этой несчастной и старается еще больше забрать ее въ руки, чтобы она и пикнуть не смѣла.

Такъ прошло дней пять. Софья Петровна старалась не встрѣчаться съ Бѣлоконскимъ и почти цѣлые дни проводила у Зиновьевыхъ, даже обѣдала тамъ.

XXVII.

Какъ-то утромъ Софья Петровна получила записку отъ матери Зиновьева: „Ваша сестра у меня. Мнѣ удалось упросить вашу матушку, чтобы она ее отпустила—погостить у меня нѣсколько дней. Приходите. Она очень жаждетъ видѣть васъ".

Встрѣча сестеръ вышла очень трогательной: Надя ждала Софью Петровну, и когда та отворила дверь въ квартиру Зиновьевыхъ, она какимъ-то инстинктомъ почувствовала, что пришла именно Софья. Надя съ тихимъ крикомъ бросилась въ прихожую и, охвативъ своими тонкими руками шею сестры, разрыдалась отъ радости. Софья Петровна сама едва сдержала слезы.

Когда мать Зиновьева ввела ихъ въ свою пріемную, Софья Петровна увидѣла въ уголкѣ наклонившагося надъ книгой Спиридонова. При ея входѣ онъ оторвался отъ книги и лѣниво поднялся съ мѣста.

— Вы знакомы?—спросила старушка.

— Немного,—отвѣтилъ съ улыбкой фельетонистъ, подавая руку Софьѣ.

— Почему вы смѣетесь?—спросила Надя, которая уже успѣла съ нимъ наговориться вдоволь и привыкла къ нему.

— О, мое знакомство съ вашей сестрой было хотя и кратко, но очень сердито! Она меня оборвала, какъ школьника,—смѣясь, отвѣтилъ тотъ.

— Простите, — улыбаясь также, сказала Софья:—я тогда была страшно нерасположена говорить. У меня было важное дѣло къ Рахмарову, а онъ навязалъ мнѣ васъ... Но сегодня я не злая, и вы меня не бойтесь. Я очень рада, что васъ встрѣтила здѣсь...

— Ну, и отлично! Значитъ, побесѣдуемъ... У меня есть большой порокъ—всѣхъ обращать въ свою вѣру! Вотъ пріѣхалъ, чтобы и Зиновьева совратить съ пути, да онъ крѣпокъ, какъ кремень... А вотъ съ вами потолкую, быть можетъ, съ бо̀льшимъ успѣхомъ.

— Вы думаете, что женщину легко убѣдить въ чемъ угодно, потому что у нея волосъ дологъ, да умъ коротокъ?—шутливо сказала Софья.—Однако, хотя у меня и длинные волосы, а я тоже въ своемъ родѣ кремень... Меня очень трудно переубѣдить въ чемъ-нибудь, если я думаю иначе...

— Вотъ это и отлично! Я немножко знаю, какъ вы думаете, и потому-то увѣренъ, что мы сойдемся: мы думаемъ почти одинаково...

— Откуда вы знаете, какъ я думаю?!—спросила Софья, быстро краснѣя.

— Слухомъ земля полнится. Я говорилъ о васъ съ Рахмаровымъ и Вѣрой Павловной...

Мать Зиновьева извинилась, что уйдетъ на минутку распорядиться завтракомъ.

— Ну, и что̀ же вы узнали отъ нихъ о моихъ взглядахъ?—спросила Софья Петровна у Спиридонова.

— Узналъ только самое хорошее: вы хотите собственной мыслью добиться правды, потому что разочаровались въ книжкахъ, которыя прочитали... Вы нашли въ нихъ противорѣчія... Вы еще больше разочарованы въ тѣхъ якобы истинахъ, которыя

намъ всѣмъ подсовываетъ такъ называемая житейская мудрость, которую всѣ проповѣдуютъ на словахъ для другихъ и никогда не исполняютъ сами... Говоря кратко, вы сознали и—что̀ всего важнѣе,—вы глубоко прочувствовали, что все кругомъ—ложь, обманъ, лицемѣріе; вы желали бы пересмотрѣть вновь всѣ взгляды, критически провѣрить всѣ чувства, на которыхъ окружающіе строятъ правила жизни, поведенія, дѣятельности...—Онъ пріостановился.

— Да, вы знаете превосходно мои взгляды! Ну, и вы знаете, конечно, что я признала себя безсильной рѣшить всѣ тѣ вопросы, которые возникли передо мной, и живу, не зная, какъ нужно думать, что̀ нужно дѣлать...

— И это знаю... И нисколько это не удивительно... Въ вашемъ положеніи былъ каждый изъ насъ, задавшійся тѣми же вопросами... И я былъ въ этомъ положеніи... Вовсе не такъ легко одному человѣку рѣшить то, надъ чѣмъ уже думаютъ и работаютъ сотни людей, и не одинъ десятокъ лѣтъ, начавъ съ того же, съ чего начали и вы...

— И они пришли къ чему-нибудь?

— О, конечно... Одному рѣшить трудно,—на это не хватило бы жизни... Но, повторяю вамъ, надъ этими вопросами думали сотни выдающихся умовъ, о нихъ написаны книги, которыхъ вы не видѣли и не могли видѣть... Онѣ написаны очень недавно...

— И онѣ есть у васъ? И вы дадите мнѣ...

— Есть, и, конечно, я вамъ ихъ дамъ...

— Онѣ теперь у васъ, съ собой?

— Да...

— И когда же вы можете дать ихъ мнѣ?

— Когда хотите. Хоть сейчасъ...

Ихъ разговоръ перебила Надя.

— Ты такъ увлеклась своимъ новымъ знакомымъ,—сказала она сестрѣ,—что и не спросишь меня, что̀ дѣлается у насъ дома...

— Милая ты моя, не обижайся! — отвѣтила Софья, обнимая ее.—Я знаю, что̀ тамъ дѣлается; ничего хорошаго; все попрежнему... Лучше не разсказывай мнѣ... Я только разстроюсь... А впрочемъ, быть можетъ, есть что-нибудь новое и важное?..

— Нѣтъ,—отвѣтила грустно Надя:—ты не ошиблась: все по прежнему... все... все...

Спиридоновъ вышелъ въ другую комнату.

— А ты вѣдь не знаешь, я тебя на дняхъ видѣла. То-есть, не тебя, а твою тѣнь на окнѣ моей комнаты.

И Софья Петровна разсказала, какъ она съ Рахмаровымъ подъѣхала къ усадьбѣ, какъ она смотрѣла на окно Нади...

— И ты ничего не почувствовала тогда? Припомни хорошенько... Это было третьяго дня, часовъ въ девять вечера...

— Вотъ не помню! — смущенно улыбаясь, отвѣтила Надя. — Знаю, что мнѣ было грустно, что я думала о тебѣ. Но это бываетъ каждый день, а вечеромъ особенно... Помню, что и къ окну подходила... и...—она наклонилась къ уху Софьи, тихо шепча:—и... немножко поплакала...

— Ну, и со мной было то же самое въ тотъ вечеръ,—смѣясь, сказала Софья Петровна, цѣлуя ее нѣсколько разъ въ глаза и лобъ:—а теперь мнѣ такъ хорошо, что я тебя вижу!

Въ это время Спиридоновъ вернулся въ комнату, неся въ рукахъ съ десятокъ книжекъ разныхъ форматовъ, между которыми были и совсѣмъ крохотныя брошюры...

— И здѣсь вся премудрость?—спросила Софья нѣсколько насмѣшливо.

— Сказать, что вся, — было бы очень смѣло... Ну, а на главные ваши вопросы отвѣты найдутся.

— Спасибо!.. Буду читать сегодня всю ночь.

— Да вы не торопитесь... Я пробуду здѣсь и у Вѣры Павловны еще дня три...

Пришелъ Зиновьевъ съ фабрики. Подали завтракъ. Софья отказалась отъ него.

— Я пока лучше просмотрю эту премудрость, которая должна просвѣтить меня; ужъ очень нетерпѣніе сильно: вѣдь не правда ли,—обратилась она къ Зиновьеву,—не чудо ли обѣщаетъ мнѣ этотъ юноша? Сколько лѣтъ я искала отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы, и вдругъ, прочту вотъ эти книжки, и все узнаю?!...

— Вы смѣетесь надъ тѣмъ, что онѣ такія маленькія и ихъ не много, — отвѣтилъ Спиридоновъ.—Ну, а Евангеліе—вѣдь тоже небольшая книжка, а сколько милліоновъ людей узнавали изъ нея все, что̀ имъ было нужно...

Зиновьевъ улыбнулся, но скорѣе ласково, чѣмъ насмѣшливо.

— Милая молодость! — сказалъ онъ:—какъ она хорошо и горячо вѣритъ!..

— Ужъ будто вы такой старикъ? — спросила его, смѣясь, Софья, и вдругъ громко засмѣялась, вспомнивъ, какъ Бѣлокон-

скій увѣрялъ, что Зиновьевъ старъ, нюхаетъ табакъ и спитъ въ ночномъ колпакѣ.

— Что васъ такъ разсмѣшило въ моихъ словахъ?—спросилъ онъ.—Годами я молодъ, но я уже неспособенъ увлекаться, какъ бывало... Мало прожито, но много пережито... а еще больше передумано...

— Но вѣдь у васъ есть убѣжденія, въ которыя вы вѣрите...

— Тѣ убѣжденія, которыя я имѣю,—не плодъ вѣры, а рѣшенія науки...

— А я о своихъ думаю такъ же,—шутливо сказалъ Спиридоновъ.—Почему привилегія научности принадлежитъ только вашимъ взглядамъ... А я думаю, наоборотъ, что вы—юноша, что вы увлекаетесь, вѣря въ свой путь, а мы стоимъ, наоборотъ, на почвѣ самой строгой науки и критики.

— Не буду спорить... Вѣдь мы другъ друга не убѣдимъ,—ласково отвѣтилъ Зиновьевъ.

Софья Петровна, вернувшись домой, дѣйствительно, всю ночь читала книжки Спиридонова и была очень удивлена: въ нихъ она не нашла рѣшительно ничего новаго для себя; все, что въ нихъ говорилось, она уже давно передумала. Ново для нея было одно—что она не одна думала такъ,—что есть, очевидно, не мало людей на свѣтѣ, которые пришли къ тѣмъ самымъ выводамъ, къ которымъ пришла она. И это ее обрадовало. Она не была одинока. У нея есть братья по мысли и чувству...

Она поняла, что всѣ ея мысли, которыя она считала исключительно своими, которыя она приписывала странному устройству своей души, своего ума и сердца, были у цѣлой группы людей, какъ будто какая-то внѣшняя сила заставляла и ее, и этихъ людей думать совершенно одинаково...

„Какъ это можетъ быть? Отчего это можетъ быть?“—спрашивала она себя и не находила отвѣта.

На другой день, придя къ Зиновьевымъ, она этотъ вопросъ предложила прежде всѣхъ другихъ Спиридонову.

— Очень просто, — отвѣтилъ онъ: — вамъ жилось очень трудно, нехорошо... И тѣмъ, чьи книжки вы читали, жилось также плохо... И причины, почему плохо жилось, были и у васъ, и у нихъ, въ сущности, однѣ и тѣ же: повальная ложь, жестокость и несправедливость всего окружающаго... Было бы странно, еслибы вы и они не пришли къ одинаковымъ вопросамъ и рѣшеніямъ.

— Но вѣдь моей средой была исключительно семья?..

— Это все равно... Дѣло зависитъ не отъ величины того

круга, который наводитъ на мысли, а отъ одинаковыхъ условій жизни—въ маломъ ли кругѣ, въ семьѣ, или въ большомъ кругѣ,—обществѣ, человѣчествѣ...

— Однако, живутъ же другіе и ни къ чему такому не приходятъ...

— А вы забыли знаменитый стихъ, что одинъ и тотъ же „млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ". Одни и тѣ же условія жизни однихъ дробятъ, другихъ мнутъ, а третьихъ куютъ... Все отъ характера зависитъ...

— Ну вотъ, какъ я рада!—смѣясь, отвѣтила Софья:—значитъ, я—булатъ!..

Когда Спиридоновъ уѣзжалъ черезъ два дня, она обѣщала переписываться съ нимъ.

— Бросьте здѣсь все,—убѣждалъ онъ:—поѣдемте сперва въ губернскій городъ, а оттуда въ Питеръ. Средства найдутся у насъ...

— Еще надо подумать,—отвѣтила она.—Но я не говорю „нѣтъ"... Весьма возможно, что пріѣду: здѣсь нечего дѣлать... Однако, повторяю вамъ: ваши книжечки не сказали мнѣ ровно ничего новаго. И меня поражаетъ, какъ вы можете придавать имъ такое значеніе?

XXVIII.

Послѣ отъѣзда Спиридонова прошла недѣля.

Былъ вьюжный зимній вечеръ. Вѣтеръ метался съ печальнымъ свистомъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ деревьевъ парка. По аллеѣ расхаживалъ, кутаясь въ шубу, Бѣлоконскій. Вотъ онъ подошелъ къ бесѣдкѣ, построенной въ видѣ китайскаго домика на краю аллеи, вошелъ въ нее, присѣлъ на одинъ изъ диванчиковъ и закурилъ папиросу.

Черезъ нѣсколько времени со стороны фабрики послышались голоса и шаги. Это Софья Петровна возвращалась отъ Зиновьева, который провожалъ ее.

— Теперь вы можете вернуться; я не боюсь здѣсь,—сказала она, протягивая ему руку.

— Завтра придете, конечно?—дружески спросилъ Зиновьевъ.

— Непремѣнно. Ваша матушка хотѣла помочь мнѣ въ переводѣ нѣкоторыхъ мѣстъ... А, быть можетъ, и вы понадобитесь. Въ этихъ книжкахъ есть термины, которыхъ я не могу перевести.

— Будемъ ждать васъ. Матушка такъ васъ полюбила. Я не знаю, какъ она будетъ обходиться безъ васъ, когда вы уѣдете...

— Останется моя сестра... Вы ее пріютите...

— А вы непремѣнно рѣшили уѣхать? Вы не находите, что и здѣсь можно жить и работать?

— Да, я рѣшила... Мнѣ хотѣлось бы очень остаться здѣсь. Такъ хорошо жилось эти дни, но... Я знаю себя... Я затосковала бы здѣсь скоро. А въ такомъ состояніи я невыносима... Нѣтъ, нужно уѣхать...

— Ваше дѣло!—сказалъ онъ.—Только вспомните: хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Всю жизнь искать, значитъ—ничего не дѣлать!..

— Ну, ужъ такая я несчастная! А, быть можетъ, и найду...

— Отъ души желаю найти! И, пожалуй, не стану васъ заранѣе разочаровывать... Если ничего не найдете по душѣ, можете вѣдь и сюда вернуться... Здѣсь вы встрѣтите всегда тѣхъ же вѣрныхъ друзей, очень полюбившихъ васъ... Ну-съ, до завтра...

Они простились, и Софья Петровна медленно пошла къ дому. Когда она подходила къ бесѣдкѣ, Бѣлоконскій зажегъ восковую спичку, освѣтившую его лицо, такъ что она сразу узнала его. „Зачѣмъ онъ здѣсь? Такъ поздно? Больной?!“

Непріятное предчувствіе сжало ея сердце. Она торопливо прошла мимо бесѣдки, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ его. Но онъ ее окликнулъ. Было бы невѣжливо не остановиться и не подождать его.

— Однако, вы рискуете, выходя съ лихорадкой въ такой вѣтеръ,—сухо проговорила Лопатина.

— Лихорадки у меня нѣтъ давно, по крайней мѣрѣ физической. А отъ другой, душевной лихорадки я вышелъ лечиться сюда... Я васъ ждалъ. Мнѣ необходимо объясниться съ вами... Вы позволяете?

— Говорите, пожалуйста!

— Я очень счастливъ, что услышалъ послѣднія слова вашего разговора съ Зиновьевымъ...

— Во-первыхъ, какое вамъ дѣло до меня и моего разговора съ нимъ? А во-вторыхъ, вы дурно сдѣлали, что не предупредили насъ о своемъ присутствіи... Вѣдь мы могли говорить и о томъ, что̀ для васъ не назначалось...

— Какое мнѣ дѣло? Вы хотите знать, какое дѣло? Хорошо, я скажу вамъ: вообразите себѣ человѣка, идея котораго, взлелѣянная всей жизнью, требуетъ крупнаго богатства для своего

осуществленія. И вотъ, для него представляется случай взять это крупное богатство, и въ этотъ-то моментъ онъ встрѣчается съ дѣвушкой, которая внушаетъ ему безумную любовь. Какъ поступить тутъ? Отказаться отъ цѣли всей жизни, отъ огромной и важной задачи, и идти въ сторону любви, или, наоборотъ, принести любовь въ жертву идеѣ? Дайте мнѣ совѣтъ.

— Дѣло, очевидно, идетъ о Nadine... Кто другая—мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Вы хотите, чтобы я дала совѣтъ. Онъ очень простъ: убѣдите Надежду Николаевну въ правотѣ своей идеи, сдѣлайте ее вашей послѣдовательницей, и тогда она отдастъ на ваше дѣло свои милліоны безъ всякаго обмана!

— Но почему же обманъ вы такъ презрительно отвергаете?! Развѣ больныхъ не обманываютъ? А она больна любовью ко мнѣ... Если стать выше предразсудковъ, то я сдѣлаю дурно, сказавъ ей правду: это сведетъ ее съ ума... А дѣло я потеряю...

— Ну, а другого совѣта я не вижу!.. Извините, я должна идти...

— Ради Бога, постойте! Ну, а еслибы часть этихъ милліоновъ была нужна и для того еще, чтобы дать той дѣвушкѣ, которую я безумно полюбилъ, тѣ широкіе горизонты, о которыхъ она мечтаетъ? Что бы вы сказали на это?

— То-есть, вы хотѣли бы устроить семейное тріо, гдѣ одна играла бы роль... ужъ я и не знаю, какъ назвать эту роль!— воскликнула она съ отвращеніемъ.

— Но вѣдь это предразсудокъ! Эта дѣвушка выше толпы! Она, конечно, не придаетъ значенія брачнымъ формальностямъ, устарѣвшей, шаблонной морали...

— Если не признаетъ, то она, быть можетъ, и приметъ ваше предложеніе.

— Вы думаете?

— Конечно! Если она раздѣляетъ ваши взгляды... Но она потребуетъ, разумѣется, и для себя такого же права обманывать васъ... Вѣдь вы говорите, что безумно влюблены, значитъ, тоже больны... Тріо обратится въ квартетъ...

— Какъ цинично вы говорите объ этомъ!

— А! Вы находите, что когда дѣло идетъ о васъ,—это цинично?! А я полагаю, что эта дѣвушка, зная и раздѣляя ваши взгляды, должна будетъ поступить еще циничнѣе: такъ какъ въ ея рукахъ ваша тайна, то она можетъ всѣ ваши планы сейчасъ же уничтожить, разсказавъ вашей невѣстѣ. И вотъ, представьте себѣ, что, не вступая съ вами ни въ какіе дальнѣйшіе разговоры, она говоритъ: „подѣлитесь со мной своимъ милліо-

номъ, да на слово я вамъ еще не повѣрю, потому что морали вы не признаете, а дайте вексель или какой-нибудь формальный документъ"...

— Вы шутите, конечно?!

— Нисколько! Говорю совершенно серьезно! Эта дѣвушка, при ея убѣжденіяхъ (т.-е. при вашихъ), будетъ очень глупа и непослѣдовательна, если не поступитъ такъ...

— Что вы такое говорите?! Вѣдь это—преступленіе, это—шантажъ!

— Да, да! И надо быть дурой, чтобы не поступить такъ съ человѣкомъ, который призналъ себя стоящимъ внѣ морали. Если вы требуете, чтобы другіе были моральны относительно васъ, то, значитъ, вы лгали,—вы все-же признаете мораль. Но тогда какъ же оскорбительно ваше предложеніе!! Видите: эта дѣвушка—хорошая ученица ваша, и только! Вы съ такимъ ужасомъ вскрикнули: „шантажъ"! Удивляюсь, какъ вы, отрицающій всякіе принципы, осмѣливаетесь бросать ей съ такимъ негодованіемъ это слово: не вы ли проповѣдовали ей, что принципы—вздоръ, что только умъ, разсчетъ и смѣлость достойны уваженія?.. Итакъ, преклонитесь передъ ней!.. Она осуществляетъ вашъ идеалъ человѣка. Вы—мужчина fin de siècle, а она—дѣвица fin de siècle, но только болѣе смѣлая и послѣдовательная, чѣмъ вы! Но... довольно мнѣ шутить съ вами! Вы, кажется, готовы серьезно испугаться! А я только разыграла съ вами такую же сцену, какую вы когда-то разыграли съ Роговымъ по поводу несчастнаго Ѳеди!.. Дрянной вы человѣчишка! Дайте мнѣ дорогу!

Она быстро пошла къ дому. А онъ остался, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ, что падаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, что тотъ ореолъ, которымъ онъ старался окружить себя въ своемъ собственномъ мнѣніи, съ него сорванъ.

Среди обширнаго, когда-то барскаго, а теперь купеческаго парка стоялъ онъ, осколокъ старой аристократіи, и съ омерзѣніемъ къ самому себѣ чувствовалъ, что не можетъ отказаться отъ этого парка, отъ этого дома, отъ этихъ милліоновъ, и что никакихъ идей тутъ нѣтъ, а есть обыкновенная, пошлая торговля своей личностью и своимъ барскимъ именемъ... Ему хотѣлось зарыдать, но изъ груди вырвался только истерическій хохотъ надъ собой и, какъ ему казалось, надъ жизнью, надъ цѣлымъ міромъ...

А Софья Петровна, вернувшись въ свою комнату, набросала записку Рогову, въ которой просила его достать ей завтра

рано утромъ лошадей до станціи желѣзной дороги и нѣсколько денегъ на билетъ до губернскаго города.

Рано утромъ, ни съ кѣмъ не простившись, она уѣхала, оставивъ Надеждѣ Николаевнѣ письмо, въ которомъ говорилось: „Обстоятельства неожиданно сложились такъ, что я должна уѣхать отъ тебя, не воспользовавшись твоей помощью. Думай объ этомъ, какъ знаешь. Искренно благодарю тебя за все, что ты для меня сдѣлала. Если когда-нибудь понадобится помощь, обращусь".

Прошло около года.

Въ усадьбѣ Рахмарова декабрьскимъ вечеромъ собрались у Вѣры Павловны почти всѣ наши знакомые. Тутъ былъ Роговъ, самъ Рахмаровъ, Вѣра Павловна, Ѳедя Ермолаевъ, Зиновьевъ съ Надей, на которой онъ женился, и со своей матерью: познакомившись съ Рахмаровымъ и Лядовой, они часто навѣщали ихъ и очень подружились. Не было только Софьи Петровны Лопатиной.

Пили чай. За окнами завывала мятель, а въ комнатѣ Вѣры Павловны было тепло и уютно. Лилась тихая бесѣда о послѣднихъ новостяхъ изъ столицъ, о статьяхъ въ журналахъ, о деревенскихъ дѣлахъ и новостяхъ... Ожидали газетъ и писемъ, которыя въ этотъ часъ привозила обыкновенно земская почта; особенно ждали письма отъ Софьи Петровны, которая писала, мѣсяцъ тому назадъ, что она въ Якутскѣ.

— Сегодня почта навѣрное запоздаетъ по случаю мятели,— сказала Вѣра Павловна:—страшно подумать, что ради нашей привычки читать письма и газеты человѣкъ долженъ во всякую погоду ѣхать, почти жертвуя иногда жизнью. Вѣдь, въ такую мятель, какъ сегодня, нерѣдко замерзаютъ.

Прошло съ полчаса, послышался стукъ въ окно...

— Вотъ и почта!.. Ѳедя, голубчикъ,—сказала Вѣра Павловна,—выйди и позови его погрѣться чаемъ... Я думаю, онъ совсѣмъ замерзъ.

Ѳедя вернулся съ пожилымъ крестьяниномъ, совершенно покрытымъ снѣгомъ, съ оледенѣвшей бородой, рѣсницами и бровями. Онъ сталъ въ передней отряхать снѣгъ.

— Есть письма?—спросилъ Рахмаровъ.

— Есть телеграмма къ вамъ, батюшка Петръ Григорьевичъ... А! Да вотъ здѣсь и Иванъ Захарычъ: и къ тебѣ, родимый, есть письмецо,—сказалъ крестьянинъ, увидѣвъ Рогова.

И онъ сталъ рыться въ своей почтовой сумкѣ, а Вѣра Павловна налила ему стаканъ чаю и понесла въ прихожую.

— Позвала бы тебя сюда, къ намъ,—сказала она,—да ты весь въ снѣгу.

— Мнѣ и тутъ хорошо, мужичку! Я у васъ тамъ наслѣжу.

Онъ вынулъ изъ сумки газеты, телеграмму и письмо къ Рогову.

Когда Рахмаровъ прочиталъ телеграмму, онъ разорвалъ ее и, бросивъ на полъ, воскликнулъ:

— Вотъ нахалъ!

— Что̀ такое? Отъ кого?—спрашивала Вѣра Павловна.

Онъ громко захохоталъ, наклонился съ своего кресла и, поднявъ клочки телеграммы, сложилъ ихъ передъ собою на столѣ. Затѣмъ сталъ раздѣльно читать по-французски (телеграмма была изъ Ниццы):

„Новорожденный внукъ, слившій въ себѣ вѣтви древней аристократіи съ вѣтвью могучей буржуазіи, шлетъ привѣтъ дѣду изъ страны вѣчныхъ розъ въ страну вѣчнаго снѣга.—Бѣлоконскій“.

— Нахальство невыразимое!—повторилъ онъ.

Роговъ ничего не слышалъ. Прочитавъ полученное письмо, онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руку, и задумчиво смотрѣлъ на черныя стекла окна, за которыми была мятель. Наконецъ, на него обратили вниманіе.

— Что̀ съ вами! Роговъ! Что̀ такое случилось?!—спросила первой Вѣра Павловна.

Онъ указалъ рукой на письмо, всталъ и молча заходилъ по комнатѣ, проговоривъ лишь:

— Бѣдная, бѣдная! Вотъ чѣмъ кончилось!

Письмо взяла Вѣра Павловна, но едва прочла вслухъ первую строчку, замолкла, поблѣднѣла, рука ея, державшая письмо, задрожала. Въ этой первой строчкѣ говорилось:

„Сегодня, въ восемь часовъ утра, Софья Петровна Лопатина“...

— Дальше, дальше!—крикнула Надя.—Она умерла?!

— Сильно заболѣла,—чуть слышно выговорила Лядова.

— Нѣтъ, нѣтъ, не скрывайте отъ меня! дайте мнѣ письмо! —Надя протянула руки, мгновенно выхватила письмо у Вѣры Павловны и прочла:

„...умерла отъ скоротечной чахотки. Она просила меня, ея товарку, когда все кончится, написать именно вамъ, докторъ, чтобы вы осторожно сообщили это извѣстіе ея сестрѣ. Она предвидѣла свою смерть, хотѣла писать сама, но уже не могла. Вѣроятно, чахотка была у нея и раньше, но здѣсь приняла очень быстрое теченіе, подъ вліяніемъ климата и ужасной обстановки.

Передъ самой смертью, она просила написать еще, что вспоминаетъ всѣхъ, кто остался въ деревнѣ, и всѣхъ очень любитъ, и чтобы вы это имъ передали"...

Надя, истерически рыдая, упала головой на столъ. Ея мужъ, его мать и Роговъ, возились около нея. На Вѣру Павловну напалъ настоящій столбнякъ: она стояла неподвижно около стола, а губы ея шептали:

— Господи, Господи! Одна! Въ такой обстановкѣ! Да что же это! Боже!

Затѣмъ наступило молчаніе. Всѣ были точно громомъ поражены. Рахмаровъ сидѣлъ за столомъ блѣдный, подперевъ голову руками, съ убитымъ, растеряннымъ видомъ. Наконецъ, онъ заговорилъ глухимъ, прерывающимся голосомъ, путаясь въ словахъ и останавливаясь:

— Терзаетъ меня теперь одна мысль... Не виноваты ли мы... да,—и голосъ его прервался на минуту:—не виноваты ли мы,—повторилъ онъ,—въ томъ, что она... она... погибла... Отчего мы не умѣли... создать... такое дѣло, чтобы ей по душѣ было... Ахъ, не то я говорю!.. Отчего мы такъ безсильны!

Вдругъ лицо его перекосилось жалкой, болѣзненной улыбкой, и онъ вскрикнулъ съ какимъ-то визгомъ:

— Эхъ, да что же теперь говорить! Поздно ужъ теперь говорить! Всему конецъ!

И вдругъ онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, смотря на всѣхъ изумленными, испуганными глазами, какъ будто самъ не могъ понять, какимъ образомъ могло случиться, что онъ плачетъ. Прошло мгновенье, и онъ, схвативъ шапку, быстро выбѣжалъ изъ комнаты...

Л. Е. Оболенскій.

ТАЙГА

и

ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

Изъ путешествія по сибирской тайгѣ.

I.

„Заимка“ Поваренкина находится въ сѣверной тайгѣ томской губерніи. Подъ „заимками“ въ Сибири разумѣютъ одинъ домъ или избу, много двѣ или три, принадлежащія одному какому-либо хозяину, уѣхавшему изъ деревни по причинѣ „утѣсненія“ и выстроившему на привольномъ мѣстѣ себѣ жилище—или для временныхъ выѣздовъ на полевыя работы, причемъ вокругъ такихъ заимокъ сосредоточены всѣ пашни, иногда и луга,—или для постояннаго мѣстопребыванія. Въ послѣднемъ случаѣ заимщикъ уже кончаетъ счеты со своей родной деревней, въ смыслѣ домоводства, и платитъ лишь подати въ общество. Поваренкина заимка—особая статья. Она возникла въ тайгѣ, куда добраться можно лѣтомъ по рѣкѣ Чети, быстрой таежной рѣкѣ, изливающей свои воды въ р. Чулымъ—правый притокъ Оби. Какъ возникла эта заимка, про то вѣдаютъ старцы, поселившіеся въ тайгѣ ради спасенія души, да сами заимщики. А говорятъ про ея начало вотъ что̀. Изъ вятской губерніи пришелъ Якимъ Поваренкинъ, удалившійся отъ преслѣдованія властей во время гоненія на старовѣровъ въ срединѣ прошлаго столѣтія. Сначала онъ приписался къ дер. Рубиной, томской губерніи. Въ деревнѣ ему показалось тѣсно, да и обряды старинные править не такъ удобно было. И пошелъ онъ въ тайгу искать „бѣльниковъ“, что̀

кромѣ березы да осины другихъ породъ мало имѣютъ, да привольныхъ мѣстъ близь широкой рѣки. Такихъ мѣстъ въ тайгѣ не мало; поискать да походить—много найдешь. И вотъ на берегу Чети, почти у самаго устья рѣки Кандата, при сліяніи двухъ рѣкъ, нашлись такія мѣста. Прирѣчные цвѣтущіе луга здѣсь уступаютъ тѣнистымъ дубравамъ; воды много, чистой, вкусной, какая только въ таежныхъ да горныхъ рѣчкахъ встрѣчается. Звѣря и птицы вокругъ не оберешься, вся живность подъ выстрѣлъ сама просится; ягодъ—малины, смородины, черники, голубицы—хоть отбавляй. Всего таежнаго добра не выбрать, много зря пропадаетъ, некому собирать; медвѣдей хоть не мало, да имъ всего не переѣсть. За кедровыми шишками не надо далеко ходить. Переѣхалъ р. Четь—на правомъ берегу ужъ тайга начинается, а прошелъ двѣ, три версты въ сторону—тамъ и кедровники попадутся. Сообразилъ Поваренкинъ все добро, всю пользу этой палестины и, несмотря на лѣсную глушь, выстроилъ избу, выписалъ своихъ близкихъ да родныхъ и сталъ съ ними жить въ лѣсу да добра наживать. Состарѣлся Поваренкинъ, удалился отъ міра и суеты людской, выстроилъ себѣ келью и заперся въ ней хоть и неподалеку отъ главной избы, да все равно какъ бы въ пустыню удалился, пересталъ видѣться съ посторонними людьми, дѣла же всѣ передалъ сыну. Сынъ же его Иванъ былъ дошлый, бойкій человѣкъ, смѣтливый и въ дѣлахъ торговыхъ аккуратный и по стариннымъ книгамъ начетчикъ смышлёный. А дѣлъ было не мало. Весь кедровый промыселъ забралъ въ руки Иванъ...

Прошли годы, и вмѣсто одной избы, типичной заимки, выросла за дремучей Чиндатской тайгой цѣлая деревня. Населилась она старообрядцами разныхъ толковъ. Тутъ были и австрійцы, и часовенные, и бѣгуны, и ярославцы, всѣ въ перемежку, всѣхъ тайга привлекла и кормила; „двуперстники“ крѣпко держались другъ друга, а за Поваренкина, какъ за богатѣя и основателя заимки, —въ особенности. Нѣкоторымъ и тутъ тѣсно показалось, пошли они по сосѣдству приволья искать, стали селиться и строиться отдѣльными заимками; такъ образовались заимки Шишлянникова, Рубина, Нечаева по сосѣдству съ Поваренкиной. Всѣ онѣ соединены между собою дорогами и тропами торными. И связаны не столько дорогами, сколько дѣлами общими... Деньжонокъ ли, хлѣбца ли, охотничьихъ ли припасовъ нужно, идутъ неимущіе къ Поваренкину, и тотъ даетъ, зная, что ни единой копѣйки ни за кѣмъ не пропадетъ; все кедровыми орѣхами осенью да пушниной зимой получитъ съ большой прибылью, а не хватитъ сырья — натурой должники на его просторныхъ пашняхъ да лугахъ отрабо-

таютъ. И сталъ Поваренкинъ богатѣть съ каждымъ годомъ, и въ городахъ его узнали. Въ Томскѣ и Красноярскѣ сталъ орѣхи да шкуры сбывать, а въ неурожайные для орѣховъ годы съ великими барышами оптомъ собранный по пудамъ таежный товаръ продавать. Прослышало начальство о привольѣ Четской лѣсной дачи, начало заглядывать къ Поваренкину. Всѣхъ принималъ онъ, былъ мужикъ обходительный,—даромъ что крикунъ, начетчикъ и киржакъ, а умѣлъ каждому честь отдать и принять. Лѣсной ли ревизоръ, или лѣсничій пріѣдетъ, или исправникъ—каждому чиновнику мѣсто и пища найдутся въ просторномъ Поваренкинскомъ домѣ, гдѣ и чистая „свѣтская" горенка имѣется и гдѣ чортово зелье—табачокъ покурить можно, гдѣ и грѣшная трава, что „чаемъ" зовется, въ ведерномъ самоварѣ варится и гостямъ разливается...

Въ Россіи стало тѣсно крестьянамъ,—хлынулъ переселенческій потокъ въ пространную Сибирь. Заняли непрошенные и нежеланные для коренныхъ сибиряковъ гости всѣ свободные луга и поля вокругъ населенныхъ мѣстъ. Прошла чугунка по Сибири. Затрещали подъ топоромъ лѣса, сталъ православный народъ въ тайгу торгаться. Заботливое начальство принялось имъ въ тайгѣ отводить участки. Хоть на первое время находилось и мало охотниковъ до лѣсной глуши, а потомъ попривыкли; стали новоселы лѣсъ рубить да пни корчевать и тайгу въ пашни да луга обращать. Начались межевыя работы въ тайгѣ, а съ ними—осмотры, рекогносцировки и всякія изслѣдованія. И при этомъ безъ Поваренкиной заимки не обошлось, и тутъ запасливый хозяинъ пригодился. Гдѣ въ тайгѣ хлѣба взять, какъ за сто верстъ въ тайгу отъ ближней деревни заберешься? У Поваренкина. Гдѣ лошадей подъ провіантъ достать при работахъ у р. Кандата и Чиндата, какъ не у Поваренкина? Онъ хоть и цѣну возьметъ, но всего дастъ, все у него въ запасѣ. И хлѣбецъ, слава Богу, амбары ломитъ, и крупа для рабочихъ изъ закромовъ сыплется, и мясо отъ скотины лишней бываетъ, и масло и сметана не переводятся. Чего по крестьянству у Поваренкина ни спросишь—все найдется. И лавки открытой нѣтъ, а покупателей да просителей—хоть отбавляй. И само собой какъ-то вышло, что Поваренкина заимка стала центромъ работъ по изслѣдованію Чулымской тайги и отвода въ ней переселенческихъ участковъ. Пришлось то-и-дѣло въ нее заглядывать. Поплутаешь по тайгѣ, сдѣлаешь „заѣздъ" дней на двадцать, и опять вернешься въ Поваренкину, чтобы не возвращаться въ большое село при желѣзной дорогѣ, до котораго надо безъ малаго шесть сутокъ идти на коняхъ,

ибо въ тайгѣ безъ дорогъ рысью не разскачешься, да и по тропамъ шибко очень поѣдешь—съ лошади кувырнешься или глазъ вѣткою выткнешь.

И въ эту поѣздку въ „черную“ тайгу Поваренкина заимка явилась пунктомъ отправленія, куда мы (я и нашъ топографъ) ѣхали съ таежнымъ багажемъ и рабочими по вновь прорубленной дорогѣ-тропѣ черезъ тайгу, отъ деревни Тюхтети до рѣки Кандата, съ поворотомъ на заимку Поваренкину. Спасибо межевымъ за эту дорожку! Хоть и узка она, а все-таки по ней и кони, и люди прошли безъ труда, а до нея по этому пути нельзя было ни пройти, ни пролѣзть, хоть сколько ни бейся въ иныхъ мѣстахъ. Рабочихъ было съ нами четверо: Тихонъ-киржакъ, неуклюжій Дементій, хозяйственный Иванъ, ходившій въ „поварахъ“, да Костя—съ немалой лѣнцой, которому было пятьдесятъ лѣтъ; сверхъ того, еще не хватало знающихъ проводниковъ, съ которыми въ тайгѣ не заблудишься. Задача наша была нелегкая. Не по заимкамъ идти, да со старцами бесѣдовать задумали, а лѣзть на-проломъ въ тайгу по компасу.

Повстрѣчали мы Ивана Якимовича Поваренкина на нашей тропѣ, въ „малинникѣ“, далеко за полдень, какъ солнце стало закатываться, и наши кони сильно пріустали, ибо шли мы мѣрнымъ лошадинымъ шагомъ съ самаго ранняго утра, сдѣлавъ одинъ привалъ въ серединѣ дня для отдыха. Разсиживаться да разлеживаться было некогда, хотѣлось добраться хоть къ вечеру до заимки.

Много „гари“ въ тайгѣ. Охотники, а иногда таежники, а главное, „жители“, не жалѣя лѣсу, рубятъ его; этого мало имъ кажется, они жгутъ его напропалую. Горитъ тайга нерѣдко на протяженіи десятковъ верстъ; бѣда попасть путнику въ область огня, — если самъ ноги уберетъ, такъ вещей да припасовъ не досчитается. Не до корня лѣсины горятъ, а большею частью обугливаются, и стоятъ онѣ потомъ мрачными, черными столбами съ цѣпкими длинными колючими вѣтвями, въ кровь царапающими зазѣвавшагося таежника. Среди гари обильно ростетъ кустарникъ изъ таволги разныхъ сортовъ да малины, а между кустарникомъ пробиваются и молодыя березки да осинки. И выростаетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ на мѣсто пихтовой да еловой тайги березовый да осиновый лѣсъ. Среди такой гари малина густо ростетъ. А въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы Поваренкина повстрѣчали, не доходя версты четыре до рѣки Чети, малинникъ глазомъ не окинешь. Верстъ на пять, а то и болѣе, въ окружность расширились да расплодились малиновые кусты. Засѣлъ

Иванъ Поваренкинъ съ своей семьей въ малинѣ, и не видать никого изъ нихъ было, когда мы подъѣхали со своей оравой. Ягодъ было ужъ очень много. Кусты краснѣли на солнцѣ прозрачными яхонтовыми ягодами. Цѣлые кузова да корзины стояли то тутъ, то тамъ, до верху наполненные свѣжей малиной. На нашъ говоръ и шумъ отъ лошадиныхъ ногъ, ступающихъ по упавшимъ лѣсинамъ и ломающихъ обугленныя вѣтви, вышелъ къ намъ Поваренкинъ безъ шапки, съ головой, повязанной по-бабьи сѣткой, безъ которой ни одинъ таежный житель и путникъ не обходится, иначе—комары да мошки заѣдятъ.

— Здравствуйте! Какъ здоровье? Куда путь держите?—кричалъ онъ намъ издали.

— Къ тебѣ, Иванъ Якимычъ; въ тайгу идемъ, — отвѣчалъ я, здороваясь съ нимъ за руку.

— Пожалуйте, пожалуйте, на перепутьи погостите, отдохните... малинки не угодно ли?—и онъ протянулъ березовый туесъ съ малиной, изъ котораго я и топографъ взяли нѣсколько горстей.—Ягодъ нынѣ столько Господь уродилъ, что всѣмъ хватитъ; всѣхъ работниковъ своихъ выгналъ съ Васильемъ (сыномъ), да и дѣвокъ своихъ послалъ собирать малину, да, окромя меня, всѣ заимщики, чай, разсыпались по-малину,—говорилъ онъ, закрывая ладонью отъ солнца глаза и тряся своей рыжей бородой и шапкою такихъ же волосъ на головѣ.

— Мѣста все удобныя разыскиваете? — разспрашивалъ онъ меня, какъ стараго знакомаго,—россійскихъ выходцевъ устраиваете, много ли участковъ наобразовали?

— Да порядочно, Иванъ Якимычъ, только бы заняли, а мѣста въ тайгѣ найдется.

— А за дорожку, что прорубили черезъ тайгу, въ нашей заимкѣ, благодарствуемъ. Порасширить бы ее надо, а то я, намеднись, по ней въ деревню Тюхтеть ѣздилъ, такъ только верхомъ и можно проѣхать; въ одномъ мѣстѣ такъ лошадь застряла, пришлось спѣшиться да ее вытаскивать изъ болота.

— Расширить-то ее больно дорого, Иванъ Якимычъ, и ту тропу, что прорубили, пришлось изъ казенныхъ суммъ, данныхъ на работы, дѣлать, и это вскочило въ немалую копѣйку,—объяснилъ я ему.

— У казны денегъ много: хотятъ Сибирь заселить,—надо и раскошеливаться,—говорилъ разсудительно киржацкій воротило,—безъ расходовъ такія дѣла не дѣлаются.

Этотъ неученый мужикъ своимъ здравымъ умомъ порѣшилъ по своему вопросъ, надъ которымъ думаютъ немало чиновниковъ

въ настоящее время. Дорожный вопросъ при колонизаціи является на первой очереди и „довлѣетъ“ самому себѣ, ибо какъ могутъ заселиться таежные участки переселенцами безъ немедленнаго проведенія удобныхъ дорогъ къ будущимъ мѣстамъ заселенія! А между тѣмъ нерѣдко бываетъ такъ, что участки „нарѣзались“ и пустовали въ виду того, что добраться до нихъ никакъ нельзя было, а денегъ для устройства дорогъ нѣтъ, или ассигновывались такія малыя суммы, что къ одному участку выстроятъ дорогу, а другіе ждутъ да подождутъ.

— На заимкѣ-то остался кто-нибудь? — спросилъ я Поваренкина.

— Какъ же, жена тамъ приметъ и пища найдется... тутъ вѣдь недалече. Къ солнцезакату прибудете... Счастливо оставаться... Я и самъ поспѣшу.

— Поспѣшай, Якимычъ, завтра въ тайгу надо ѣхать!—крикнулъ я ему, когда нашъ караванъ тронулся.

— Погостите у насъ, тайга не уйдетъ!—кричалъ онъ.

— Тайга не уйдетъ, да дни-то ясные пройдутъ,—отвѣчалъ ему на-ходу топографъ.

Дѣйствительно, къ вечеру мы были на заимкѣ, переправившись вбродъ черезъ довольно широкую рѣку Четь; и когда мы вступали за калитку просторнаго двора Поваренкиныхъ, на крыльцѣ стояла расторопная Аѳимья, жена хозяина, и привѣтствовала насъ, размахивая руками.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли въ „свѣтской“ горницѣ просторной „пятистѣнной“ [1]) избы, за шипящимъ огромнымъ самоваромъ, съ обычными сибирскими угощеніями, въ видѣ ватрушекъ—„шанегъ“, „хвороста“, малиноваго варенья, вареной рыбы, кедровыхъ орѣховъ и прочей „прикуски“.

— А у насъ никогошенько въ дому нѣтъ, всѣ по-малину уѣхали, и далъ же Богъ ея намъ нонѣшній годъ!—говорила намъ нараспѣвъ хозяйка, присѣвъ на широкую кровать, стоявшую у противоположной стѣны.

Начались разспросы бойкой Аѳимьи, которая за словомъ въ карманъ не лѣзла, о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Услыхавъ, что мы на другой день собираемся въ тайгу, да еще въ верховья Чиндата и Кандата, она хлопнула о полы руками.

— Матушки-свѣты! Труды-то какіе вы воспринимаете! Да вы тамъ, ваше благородіе, въ болотахъ-то застрянете; вѣдь тамъ глушь-то какая, звѣрья-то сколько... медвѣдей-то, лосей-то...

---

[1]) Пятистѣнными называются избы на двѣ половины, съ сѣнями между ними.

— Подавай намъ Богъ этого звѣрья, тетенька! — проговорилъ топографъ.

— Сначала по бѣльникамъ-то пройдете, какъ по саду, и малинки вдоволь покушаете, а вотъ въ тайгу заберетесь—ужъ тутъ плохо вамъ будетъ! - И она, съ соболѣзнованьемъ смотря на насъ, стала причитать и охать.

— Служба, Аѳимья,—проговорилъ я въ раздумьи.

— Охъ, ужъ трудная ваша служба! Наградятъ, поди, за это?

— Объ этомъ пока нечего думать, пройти бы намъ только.

— Бѣда, бѣда!.. А помните, какъ вы ѣздили по старцамъ, такъ многіе изъ нихъ ужъ разбѣжались: Исаакъ ушелъ на Четь, къ Никифору, Михей—преставился. Старики древніе въ монастырѣ остались доживать послѣдніе дни свои. Новоселовъ они шибко испугались; имъ не ужиться съ ними, и рѣшили они, что будутъ безпремѣнно около нихъ участки. Потому и разъѣхались.

Не прошло и часу въ такихъ разговорахъ, какъ въ горницу вошелъ Иванъ Якимычъ.

— А вотъ и я васъ нагналъ!—закричалъ онъ, здороваясь.— Здоровыми ли доѣхали, какъ черезъ рѣку переѣзжали?

— Ничего, спасибо, благополучно,—отвѣтили мы ему.

Онъ присѣлъ къ столу, за которымъ мы пили чай. На стулѣ онъ вертѣлся и откашливался, какъ будто бы готовился къ какой-то важной для него бесѣдѣ, хотя съ загорѣлаго лица, покрытаго морщинами, не сходила „политичная“ улыбка.

— Какъ мы, значитъ, ознакомились и не впервые видимся,— заговорилъ онъ торжественно, смотря въ потолокъ, крикливымъ тономъ начетчика,—осмѣлюсь высказать просьбу вамъ...

— Что-жъ, говори, Иванъ Якимычъ—послушаю, а что могу— сдѣлаю,—отвѣтилъ я ему, прихлебывая изъ стакана.

— Мы теперича, я и родитель мой съ нашими домочадцами, живемъ во всякомъ довольствѣ и при домашности на сей землѣ десятки лѣтъ, молимся Богу, и никому изъ людей своихъ и пришлыхъ зла не дѣлаемъ, окромя добра и всякаго вспоможенія. Задумали мы, значитъ, оставаться здѣсь и на будущія времена и въ томъ разсужденіи, какъ вы насъ извѣстили, что здѣсь нарѣжутся участки и вокругъ насъ поселятся разные чужіе люди, то ежели таперича намъ приписаться къ новымъ людямъ, то великое послѣдуетъ намъ утѣсненіе. Выживутъ они насъ отселева со всѣмъ домомъ и хозяйствомъ, стоющимъ трудовъ большихъ. Мысли наши въ разбродъ пошли и съ остальнымъ обществомъ никакого сладу у насъ не выходитъ. Задумали мы съ родителемъ выдѣлиться изъ участка и просить васъ дать намъ наши

поля и пашни по надѣлу, сколько причтется, въ наше владѣніе. По закону можно это сдѣлать?

— Можно,—отвѣчалъ я,—каждому заимщику предоставляется право или войти въ составъ будущаго участка, или вымежевать свои угодья.

— Такъ, значитъ, и просьбу можно написать, потомъ и отрѣжутъ?

— Можно и отрѣзать, какъ только межеваніе участка будетъ закончено. Только какъ же ты, Якимычъ, со скотиной будешь дѣлаться,—вѣдь твои земли не около самой заимки, а въ отдаленіи?

— Будемъ арендовать,—отвѣтилъ онъ.

— Сдерутъ съ тебя односельчане и новоселы.

— Что подѣлаешь, куда дѣваешься! зато ужъ собственная земля будетъ на вѣчныя времена,—отвѣтилъ онъ.

— А усадьба какъ же?

— Да ужъ и усадебныя мѣста, и мельницу, что около заимки, покорнѣйше прошу вымежевать.

Когда я согласился сдѣлать по закону, онъ былъ въ большой радости и началъ суетиться, не зная, чѣмъ угощать. Но такъ какъ мы насытились, то постарались отбояриться отъ Демьяновой ухи, рѣшивъ завалиться пораньше спать, чтобы „утречкомъ“ двинуться въ тайгу.

II.

Утромъ весь дворъ обширной Поваренкинской заимки постепенно сталъ наполняться народомъ. Словно какъ пчелы, заснувшія на ночь въ ульяхъ пасѣки, вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ на добычу, оглушая воздухъ жужжаньемъ, такъ и обитатели заимки, упокоившіеся на ночь въ разныхъ клѣтяхъ и амбарахъ, стали вылѣзать изъ своихъ логовищъ, сначала медленно, почесываясь, а потомъ болѣе энергично и съ опредѣленной цѣлью. Не прошло и часа, какъ наши рабочіе, и проводники, и члены семьи Поваренкинской, копошились на дворѣ, занятые приготовленіями къ „походу“. Кто складывалъ вещи въ мѣшки, кто „ладилъ“ ремни у сѣдла, кто велъ поить коня, и каждый это дѣлалъ серьезно, сосредоточенно, какъ солдатъ, готовящійся къ „дѣйствію“. У всѣхъ было сознаніе, что тайга—это не шутка, и въ ней происходитъ также война, но война не людей между собою, а война съ тяжелыми условіями пути, съ препятствіями и лишеніями.

Всѣ были даже угрюмы, при чемъ надтреснутый и зычный голосъ самого Поваренкина еще болѣе рѣзко и повелительно раздавался въ разныхъ углахъ заимки. Онъ, какъ коршунъ, налеталъ на всѣхъ, кто подвертывался ему подъ руку; его рыжая косматая голова издали виднѣлась, колеблемая утреннимъ вѣтеркомъ, такъ какъ онъ ходилъ большею частью безъ шапки. Пестрядинная рубаха, подпоясанная узкимъ пояскомъ, болталась на немъ при его рѣзкихъ движеніяхъ; трясущаяся рыжая борода развѣвалась. Его типичная фигура мелькала то тутъ, то тамъ по широкому двору заимки. Я наблюдалъ съ крыльца за копошащимся людомъ и постепенно проникался ощущеніями „таежнаго похода". „Въ тайгу скорѣе, — говорилъ во мнѣ внутренній голосъ,—подальше отъ людей, не на лоно, а вглубь природы, въ сокровенное ея царство, не тронутое рукой людей..." Передо мною открывалась широкая картина. Дворъ ограничивался рѣдкою изгородью, за которой протекала рѣчка; на ней шумѣла непрестанно мельница съ глухимъ гуломъ; черезъ мельничный мостикъ проходили заимщики на противоположный крутой берегъ, покрытый пестрѣющимъ луговымъ покровомъ, среди котораго возвышались раскидистыя сосны въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Дорожка, ведущая отъ мельницы, терялась среди цвѣтущаго луга, обрамляемаго зеленою стѣною лиственнаго и хвойнаго лѣса, начинающагося невдалекѣ отъ заимки и составляющаго преддверіе этой завѣтной безконечной тайги. Изъ-за лѣса показались двѣ человѣческія фигуры... Кто ѣздилъ по нашимъ дорогамъ, тотъ навѣрное встрѣчалъ такихъ странниковъ, съ палками и съ котомками за спиной, въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ, ступающихъ мѣрною поступью ногъ, обутыхъ въ лапти. У всѣхъ у нихъ большею частью сѣрыя, запыленныя лица, на которыхъ написано утомленіе, соединенное съ любопытствомъ и надеждой,—но утомленіе бодрое, не подавленное и замученное, имѣющее такой видъ, что эти люди, прошедшіе тысячи верстъ, могутъ отмахать и еще столько же своимъ размѣреннымъ шагомъ. Это—не каторжники, бѣгущіе отъ людей и скрывающіеся по глухимъ тропинкамъ съ традиціонными котелками; это—не бродяги, просящіе подаяніе и угрожающе исподлобья посматривающіе на встрѣчныхъ людей, нося въ своихъ загрубѣлыхъ сердцахъ нерѣшительность, не зная опредѣленно, нападутъ ли они, или станутъ униженно просить, смотря по обстоятельствамъ. Нѣтъ, это люди, прямо смотрящіе въ глаза прохожимъ, знающіе цѣль своего пути, ищущіе новыхъ мѣстъ. Изъ этого „сѣраго" люда, разбросаннаго по отдѣльнымъ тропинкамъ, слагается волна,

хлынувшая за послѣдніе годы изъ тѣсной Западной Россіи въ широкую и просторную Сибирь; и нѣтъ конца этой стихійной волнѣ...

Солнце ярко свѣтило, бросая снопы лучей на противоположный берегъ, по которому спускались эти двѣ фигуры. Поваренкинъ, очутившійся недалеко отъ меня, тоже сталъ смотрѣть на рѣку, прикрывши лицо ладонью, чтобы защитить глаза отъ ослѣпляющаго солнечнаго „сіянія", какъ онъ любилъ выражаться. „Ходоки идутъ!"—рѣзко крикнулъ онъ. „Ходоки!"—пронеслось по двору, среди возящихся съ лошадьми и вещами людей, изъ которыхъ каждый, отрываясь отъ спѣшной работы, вглядывался въ приближающіяся двѣ человѣческія фигуры. Скрипнула калитка, и „ходоки" вошли во дворъ заимки, направляясь къ крыльцу.

— Къ вамъ, ваше благородіе, пришли мы, — проговорили ходоки, подойдя къ ступенямъ крыльца, на которомъ я стоялъ, и снимая свои катанныя шляпы.

— Здравствуйте, любезные! Что̀ скажете?

— Да, вотъ, — проговорилъ одинъ изъ нихъ, съ черными усами и съ темнымъ загаромъ кожи; онъ былъ нѣсколько старше своего товарища, съ бѣлымъ лицомъ безъ бровей и съ выпуклыми, нѣсколько удивленно смотрѣвшими глазами: — ужъ больно намъ полюбились эти мѣста, ваше благородіе,—нельзя ли намъ здѣсь поселиться?

— Вишь, разлакомились на чужое-то добро! — проворчалъ Поваренкинъ и, тряхнувъ волосами, отошелъ въ сторону, собираясь, очевидно, слушать, что̀ будетъ говорить „саранча", какъ онъ ихъ про себя называлъ.

— Да васъ сколько?—спросилъ я.

— Мы, значитъ, ходоки, идемъ отъ обчества, выбранные осмотрѣть мѣста, ходили къ начальнику (крестьянскаго начальника здѣсь просто называютъ „начальникомъ"), нѣтъ ли участковъ, чтобы намъ поселиться... Онъ сказалъ, что готовые, то-есть, прошлогодніе всѣ записаны на людей, а новые осмотрѣть только можно. Мы было-хотѣли на старые участки записаться,—вѣдь они всѣ пустуютъ, развѣ только гдѣ два да три дома повыстроила мордва, да намъ отказали... заняты, говорятъ... а кѣмъ?

И черный почесалъ въ затылкѣ.

— Здѣсь еще пока не образуются участки вокругъ заимокъ, и я пріѣхалъ осматривать мѣста; вотъ я сегодня только выѣзжаю на осмотръ тайги,—проговорилъ я.

— Ваше благородіе!—взмолился бѣлобрысый:—возьмите меня въ тайгу! Я буду вамъ служить, да заодно и землю, и лѣса увижу.

Я съ любопытствомъ началъ его разсматривать.

— Глупый ты человѣкъ! — проговорилъ Поваренкинъ, подошедши къ нему: — а провіантъ-то ты куда положишь? а есть ли онъ у тебя?

— Купить можно, — беззаботно проговорилъ онъ съ малорусскимъ акцентомъ.

— Ты изъ какой губерніи? — спросилъ я его.

— Полтавской.

— Хохолъ, и видать, что хохолъ, — проговорилъ подошедшій къ нашей группѣ рабочій Костя, искавшій всегда случая „покалякать" и „отдохнуть" отъ работы.

— Такъ чего же, баринъ! — проговорилъ „ходокъ", отмахиваясь какъ отъ назойливыхъ мухъ, отъ обступившихъ его рабочихъ.

Въ это время во дворъ въѣхалъ всадникъ, ведя за собою еще другую лошадь. На головѣ его торчала круглая шапка изъ потертаго мѣха (несмотря на жару), покрытая сѣткой, что̀ имѣло видъ турецкой чалмы. Въ зубахъ дымилась трубка. За плечомъ висѣло ружье, а у сѣдла лошади торчало другое, привязанное въ особомъ чахлѣ, называемомъ охотниками „нагалищемъ". За нимъ слѣдовали двѣ собаки. Всадникъ оказался „знаменитымъ" Никифоромъ Игнатьевымъ. Онъ, не торопясь, слѣзъ съ лошади и, широко улыбаясь, приблизился къ нашей группѣ. „А вотъ, паринъ, и я подоспѣлъ!" — и онъ началъ здороваться съ окружающими. Его появленіе произвело сенсацію, подобно появленію „знаменитости" среди провинціальной труппы. Всѣ наперерывъ привѣтствовали его, начиная съ самого Поваренкина, который постоянно останавливался на „Никифоровской" или „Игнатьевской" заимкѣ, а главное постоянный успѣхъ въ звѣриномъ промыслѣ окружалъ его уваженіемъ таежныхъ жителей. Хохолъ былъ оставленъ, что̀ дало ему возможность безпрепятственно заняться сборами въ тайгу. Съ другого конца двора подошелъ топографъ, который вернулся еще рано утромъ, послѣ охоты на медвѣдицу, довольно неудачной, ибо медвѣдица, почуявъ человѣка, ходила всю ночь вокругъ и около, а на выстрѣлъ не попалась. Онъ, немного поспавши послѣ охоты въ пустомъ амбарѣ, былъ уже готовъ къ отправленію. За нимъ шелъ мужичокъ съ рыжеватой бородкой и съ елейной физіономіей. Все лицо его осклаблялось отчасти лукавой, отчасти почтительной улыбкой. Маленькіе глаза глядѣли умно и насмѣшливо.

— А я вамъ еще проводника привелъ, П. И., — проговорилъ топографъ: — отлично знаетъ тайгу и проведетъ отъ Коп-

дата до Тойлока, рекомендую—„отче“ Абрамій. Кланяйся „отче“! —и онъ засмѣялся.

— Здравствуйте, ваше в-діе, ужъ возьмите пустынника-то, меня грѣшнаго, раба божія Абрамія!—и „отче“ низко поклонился, по прежнему осклабившись.

— Хорошъ пустынникъ!—проговорилъ весело топографъ:— уже троихъ дѣтей имѣетъ.

— Все по силамъ, ваше в-діе, сколько вмѣстить могу,—отозвался Абрамій.

Я изъявилъ свое согласіе, весьма заинтересованный „пустынникомъ“.

— А ты насъ не задержишь сборами?—спросилъ я его.

— Святый Никола да Іоаннъ Столпникъ помогутъ собраться отшельнику, да много ли мнѣ и надо,—былъ бы хлѣбушко да водица,—говорилъ „отче“ смиренно.

— Такого, я вамъ скажу, чудака, какъ этотъ „отче“, я не видывалъ никогда,—проговорилъ топографъ.—Ну, и штукарь же!..

— Что̀ вы-съ... помилуйте!.. какія у грѣшника штуки! были бы въ тайгѣ ноги да руки,—скромно и елейнымъ голосомъ возражалъ „отче“.

Условіе было заключено, и Абрамій съ Игнатіемъ приняли на себя обязанности проводниковъ по глухой тайгѣ.

— Ну, братцы, собирайтесь живѣе! — крикнулъ топографъ на рабочихъ, и мы съ нимъ пошли подкрѣпляться чаемъ „съ прикуской“ (по-сибирски) въ горницу, гдѣ уже расторопная Парасковья, въ городскомъ платьѣ, раскраснѣвшаяся въ хлопотахъ по кухнѣ, разставляла вокругъ кипящаго огромнаго самовара подрумяненныя булочки, пирожки, блюдо съ малиной и прочую снѣдь.—Прикушайте передъ дальней дорожкой-то!—уговаривала она насъ. Мы, конечно, не заставили ее долго упрашивать и основательно принялись за ѣду, стараясь не терять времени передъ тѣмъ моментомъ, когда явится одинъ изъ рабочихъ съ вѣстью, что „все готово“.

III.

Вотъ уже третій день, какъ тянется нашъ караванъ по тайгѣ. Впереди открываетъ шествіе „отче“ Абрамій, съ неизмѣнными прибаутками подхлестывая свою рыжую кобылу, за которой бѣжитъ съ веселымъ видомъ Манерка, его собака. За нимъ ѣдетъ Никифоръ Игнатьевъ, имѣющій видъ бандита въ своей широкой шапкѣ съ трубкой въ рукахъ; сзади него ѣдемъ мы съ топогра-

фомъ, подъ которымъ идетъ громадная лошадь, называемая имъ „каланчой“; за нами двигаются два вьючныхъ коня и лошадь съ однимъ изъ устающихъ рабочихъ, каковымъ большею частью оказывался Костя Сухоплюевъ. За конями идутъ пѣшіе, хохолъ, неизмѣнный предметъ шутокъ остальныхъ рабочихъ-сибиряковъ, Дементій и Иванъ, имѣющій обязанности повара и никогда не упускающій случая набрать грибовъ по дорогѣ въ платокъ или мѣшокъ, или малины въ туесъ, почему онъ всегда оказывался въ арьергардѣ съ молодымъ Тихономъ, котораго звали то Павломъ, то Тихономъ. Послѣдній киржачилъ, то-есть, придерживался строго старовѣрства и держался молча и въ сторонѣ. По бокамъ бѣжали бодро, перескакивая черезъ всѣ препятствія, наши собаки-друзья Соколка и Чернякъ, и еще одна приставшая собачонка. До сихъ поръ это собачье тріо не выражало особеннаго интереса къ путешествію, ибо мы ѣхали отъ рѣки Чети по „бѣльникамъ“ (березово-осиновымъ насажденіямъ) и по мѣшанному лѣсу; встрѣчались только бѣлки, сидящія на высокихъ пихтахъ и еляхъ, на которыхъ собаки лаяли рѣдко и какъ бы по обязанности. Когда мы, въ силу новизны, слѣзали съ коней и кто-нибудь изъ насъ подстрѣливалъ еще не выдержанную по мѣху бѣлку, оказывавшуюся или рыжею, или черноватой (подполью), собаки вели свою линію, но, увидѣвъ наше пренебреженіе къ бѣлкамъ, лѣниво тявкали на нихъ и бросали въ концѣ концовъ это дѣло. Манерка почти не лаяла, а ловила болѣе мышей и потѣшно скакала за ними.

— Зачѣмъ ты эту собаку водишь съ собой, отче?—спрашивалъ съ улыбкой топографъ: — вѣдь она къ охотѣ негодна, хлѣбъ только переводитъ. — „Э, баринъ, она дорогая мнѣ собачка; еслибы не она, такъ не ѣздить бы мнѣ съ вами“,—сладкимъ голосомъ отвѣтилъ Абрамій. — Какъ такъ? — „Понятно, безъ Николы многомилостиваго и его помощи дѣло не обошлось“. —Ну, разсказывай. — „Наняли меня наши киржаки поваренкинскіе да рубинскіе ладить нынѣшней зимой дорогу; выѣхалъ я это съ Манеркой одинъ, я да Богъ, да Никола угодникъ, вотъ и всѣ тутъ, да еще савраска съ санками; лажу я дорогу, то-есть, пни срубаю да снѣгъ раскапываю, и потрудился я такъ съ ранняго утра до поздняго вечера... Какъ смеркаться стало, я и не примѣтилъ; мнѣ бы къ зимней избушкѣ, что на пути, а я стукъ да стукъ, весь день и простукалъ, а вечерокъ-то и подступилъ, а по дорогѣ-то попался пень большу-у-щій,—какъ на грѣхъ, видно, лукавый подставилъ мнѣ; я около него возиться сталъ, вдругъ моя Манерка какъ бросится отъ меня въ сторону

да какъ залаетъ! Я за бердянку свою схватился, жду, что̀ будетъ, да и думаю: вѣрно куропатки; а вмѣсто куропатокъ зашевелилось, шагахъ такъ въ тридцати, черное чудовище, да какъ зарычитъ на меня! Не взвидѣлъ я свѣта, сердце—тукъ да тукъ, а медвѣдь-то,—это онъ былъ,—бѣжитъ на меня, а Манерка-то, голубка, такъ и заливается, да сзади его хватаетъ, ходу ему большого не даетъ. Онъ пробѣжитъ шаговъ пять, да назадъ огрызнется. Я присѣлъ за пень, бердянку наставилъ съ патрономъ,—думаю, что̀ будетъ, а выпалю. Медвѣдь-то—къ пню, да ужъ лапы положилъ на него; я—бацъ въ него, прямо ему въ грудь; онъ—назадъ,—вѣрно ловко угодило, да не совсѣмъ, и пошелъ удирать отъ меня во всю! Я по кровавому слѣду за нимъ съ Манеркой, тутъ ужъ храбрости набрался. Понятно, не догналъ, а его все-таки прогналъ... Потомъ, какъ весной охотники рубинскіе убили его, такъ по пулѣ-то моей узнали, что это тотъ же медвѣдь, пуля-то заросла мясомъ, рубецъ лишь остался... матерущій медвѣдь былъ"...

— Вишь, какая собака у тебя дошлая! — промолвилъ Никифоръ.

— А вотъ и тайга-матушка начинается!—сказалъ Абрамій.

До сихъ поръ, когда шли бѣльники съ высокими березами и осинами, хохолъ, не знавшій усталости, все изумлялся. „Жерди, жерди-то какія!"—говорилъ онъ, останавливаясь и загибая высоко голову на стройныя осины, стоявшія сѣрыми колоннами, до самой вершины оголенныя и покрытыя группами лишаевъ и мховъ.

— Вотъ бы настроилъ избъ-то,—говорили ему въ тонъ рабочіе. — Да ты шапку-то не потеряй, неровёнъ часъ—шею вывернешь. Небось, у себя не видалъ такого добра; деревцо-то у васъ отъ деревца, поди, за версту стоитъ?

Первое моховое болото дало себя знать и лошадямъ, и людямъ, избаловавшимся за два дня прохожденія по сухимъ бѣльникамъ. Изумрудно-зеленый, издали бархатно-мягкій покровъ изъ сфагновыхъ мховъ съ торчащими среди него высокими, курчавыми кедрами и съ корявыми березами, уныло покосившимися, затягивалъ въ себя; лошади то-и-дѣло проваливались; приходилось снимать вьюки, вытаскивать бьющихся лошадей, а за болотомъ чернѣла глухая тайга сплошной стѣной, безъ просвѣту. Въ ней было тихо и мрачно; уныло каркала одна кедровка, эта „таежная ворона"; не было слышно ни свиста рябчиковъ, которыхъ мы изрядно пострѣляли по бѣльникамъ, ни мельканья бѣлокъ. Наши путники, особенно новички, насупились и затихли. Пошелъ

„пихтачъ“, черезъ который было трудно пробраться; доставалось лошадямъ съ вьюками, которые то-и-дѣло задерживались между густо ростущими пихтами и елями.

— А это что̀ за тропинка? — вдругъ спросилъ топографъ. И дѣйствительно, среди густого пихтача показалась какъ бы изъ земли выросшая дорожка, ведущая къ болоту, оставшемуся за нами. Абрамій какъ будто не слыхалъ и дальше протискивался черезъ „пихтачъ“, оставивъ насъ.—Эй, ты, „отче“, куда прешь? крикнулъ топографъ:—остановись!—Тотъ остановился, и мы къ нему подъѣхали.

— Куда эта дорожка ведетъ, Абрамій? — спросилъ я его. Онъ видимо смутился.

— Да ты не финти, братъ, а сказывай!—допытывалъ его топографъ.

— Да тутъ старушка одна спасается, ваше б—діе,—проговорилъ онъ медоточивымъ голосомъ, какъ бы извиняясь.

— Такъ что̀ ты скрываешь-то? Веди насъ къ ней!..

— Да она испужается больно; гляди, какъ бы со страху не умерла.

— Да какъ звать старуху-то?—спросилъ Костя Сухоплюевъ. —Можетъ быть, молодуха тебѣ знакомая, да ты скрываешь...

— Показать не хочетъ, еще киржачитъ! — заговорили молодые.

— Чтобъ пропасти на васъ не было! — окрысился „отче“ съ напускнымъ гнѣвомъ.—Мнѣ ли, пустыннику, заниматься такими дѣлами!.. тьфу... Матерь Божія!.. Древняя она старуха, старая, убогая; зовутъ ее,—ужъ все вамъ сказать,—Анной Дмитріевной.

— Ну, и веди насъ къ ней!—крикнули мы ему... Повернули на тропинку. Тропинка шла по глухой тайгѣ, но довольно сухой, обходя задомъ отъ свалившихся старыхъ пихтъ и елей; наконецъ, версты черезъ полторы просвѣтлѣло; показались березы, кустарники таволги и черемухи, и къ нашему удовольствію, на высокомъ и сухомъ бугрѣ, очутившемся какъ оазисъ въ хвойной тайгѣ, среди кудрявыхъ березъ и осинъ съ развѣсистой рябиной, появилась словно изъ-подъ земли приземистая избушка, около которой зеленѣли грядки, засаженныя разною овощью, съ огурцами включительно. За маленькимъ огородомъ виднѣлся журавль отъ колодца, за которымъ невдалекѣ сочился маленькій ручеекъ. Картина была веселая и умилительная по своей миніатюрности. „Ай да бабушка, ай да старушка, какую она себѣ хату выстроила! Вотъ такъ хибарка!.. чудо, чудо!“—удивлялся хохолъ. Изъ избушки, въ которой оказались окна и дверь, выскочила

черная собачка и пронзительно залаяла. Наши псы сейчасъ же ее окружили, солидно обнюхивая другъ друга.

— Какъ ее увидать-то намъ теперь?..—проговорилъ Абрамій.—Вѣдь она къ намъ не вылѣзетъ; поди, легла и притаилась...

— Что ты ломаешься! — крикнулъ Никифоръ.—Ступай къ ней въ избу, ты вѣдь святой!.. Ступай, ступай, отче!—заговорили мы. И „отче" кряхтя, слѣзъ съ лошади и, не торопясь, полѣзъ въ хату.

— Вишь, плутина какая!—проговорилъ Никифоръ:—хотѣлъ вѣдь насъ провести мимо тропы.

— Не любятъ, видно, киржаки своихъ-то святыхъ показывать,—замѣтилъ Костя.

Прошло нѣсколько минутъ въ ожиданіи, и Абрамій вышелъ изъ хаты со словами:—Насилу поднялъ, обмерла со страху; я ужъ ее уговаривалъ, что худого ничего не будетъ. Ну и старуха! — Черезъ минуту на порогѣ появилась вся въ черномъ древняя старуха, которая не вышла, а просто выползла изъ избы и съ трудомъ дотащилась до самой лошади, стоявшей впереди. Дотащилась и стала на колѣни, простирая ко мнѣ руки.

— Да что ты, бабушка, чего ты боишься? Развѣ мы худое пришли тебѣ сдѣлать? Встань, встань!—старался я успокоить ее.

— Не могу, батюшка, охъ, не могу!—зашамкала старуха.—Не погуби, кормилецъ, дай съ покаяніемъ умереть! Вѣдь ужъ ходить почти-что не могу, все хвораю; добрые люди навѣщаютъ, хлѣбушка приносятъ. Ужъ давно пора умирать, одинокая я, горемычная, душу спасаю свою... Пощади, кормилецъ!

— Да живи съ Богомъ, бабушка, никто тебя изъ насъ не тронетъ. Вотъ только, какъ одна-то ты здѣсь живешь, ни звѣря никого не боишься?—говорилъ я ей, сойдя съ лошади.

— Ничего, кормилецъ, звѣрь меня не трогаетъ, щадитъ мою старость; намеднись медвѣдушка вечеромъ-то постучался ко мнѣ въ окно лапой, а я ему грожу изъ избы: пошелъ ты, ничего у меня нѣтъ. Онъ пофыркалъ, поскребся въ дверь, да и ушелъ... Погоди, батюшка, я тебѣ принесу на дорожку,—и старуха поплелась въ избу, какъ видно, освоившись съ нами. Всѣ спутники наши только ахали отъ изумленія и качали головами. Старуха вскорѣ опять появилась, держа въ рукахъ яйца и протянула ихъ мнѣ.

— Покушай, родимый, съ дорожки! Небось, въ тайгу-то неволя завела,—проговорила она.

— Что ты, бабушка, мы сыты, намъ ничего не нужно отъ тебя, ты вѣдь одна живешь,—и съ этими словами я протянулъ

ей нѣсколько серебряныхъ монетъ. Она такъ и отшатнулась, увидѣвъ деньги.

— Что̀ ты, что̀ ты, кормилецъ, не надо, не надо! Еще убьютъ меня здѣсь съ деньгами-то. Нѣтъ, господинъ, я денегъ не беру въ тайгѣ. Вотъ, если милость будетъ, оставьте маленько деньжонокъ на заимкѣ у Михея Бабкина; онъ богобоязливый человѣкъ, мнѣ хлѣбушка купитъ. Водицы испить не хотите ли—студеная въ колодцѣ, а я, простите меня, старую, въ избушку пойду полежать, — и она отъ насъ удалилась въ свою келью. Всѣ пошли къ колодцу, изъ котораго бадейкой, съ помощью самаго примитивнаго журавля, достали воды, оказавшейся весьма вкусной и свѣтлой.

День клонился къ вечеру, когда мы опять потянулись, обмѣниваясь впечатлѣніями по поводу удивительной старухи. Абрамій видимо прибавлялъ шагу и съ безпокойствомъ оглядывался по сторонамъ. Въ тайгѣ становилось темнѣе, и вся зелень мховъ и немногихъ цвѣтковыхъ растеній принимала болѣе мрачный колоритъ.

— Гдѣ же мы будемъ ночевать, отче? — спросилъ его топографъ.—„Да вотъ я и поглядываю, что надо намъ къ острову придти, что на рѣкѣ Кандатѣ,—и съ этими словами онъ вынулъ компасъ, привѣшенный на бичевкѣ, по таежному обычаю, и спрятанный за пазухой.—Правильно идемъ, какъ будто,—проговорилъ онъ въ раздумьи и вдругъ соскочилъ съ лошади.—„Что̀ ты это!“—крикнули мы ему.—„Да полѣзу-ка я на колокольню“. При этомъ онъ на минуту скрылся за стволомъ высочайшаго кедра и къ удивленію своему мы увидѣли его взбирающимся, какъ бѣлка, по гладкому почти стволу ввысь. Его кожаные штаны, въ которые онъ облачился, шуршали по кедровой корѣ, пока онъ не добрался до первой вѣтки. „Вотъ и до неба недалеко“,—говорилъ онъ намъ сверху, сбрасывая кедровыя шишки. Еще прошло нѣсколько мгновеній, и онъ очутился на самой верхушкѣ высочайшаго кедра, безстрашно покачиваясь. „Эка благодать-то!“ слышалось оттуда; видно, что онъ чувствовалъ себя на такой страшной высотѣ,—отъ которой, стоя на землѣ, становилось жутко,—какъ у себя дома. Вскорѣ онъ слѣзъ, встряхивая съ себя куски древесной коры, облѣпившей его. „И былъ я восхищенъ на небо, братіе,—заговорилъ онъ пѣвучимъ голосомъ,—и привидѣлось мнѣ видѣніе, и чудеса же я узрѣлъ... видѣлъ я зеленое поле безъ конца, а среди его близко и водицу; къ водицѣ-то этой мы и пойдемъ,—Богъ милостивый да Никола и доведутъ“,—и онъ вкарабкался на свою савраску, вставши пред-

варительно на ближайшій пень, чтобы легче было занести ногу на сѣдло, изъ-подъ котораго висѣли широкіе мѣшки.

Наши путники, пріунывшіе-было въ виду наступающей темноты, подбодрились, обмѣниваясь разными соображеніями по поводу „хитроумія“ Абрамія. Дѣйствительно, не задолго до наступленія ночи мы очутились на берегу Чиндата, протекавшаго среди тайги и образовавшаго въ этомъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ острова или скорѣе полуострова, причемъ противоположный берегъ узкимъ мысомъ вдавался въ рѣку и представлялъ удобное мѣсто для разбитія палатки, покрытое черемушникомъ (кустарникомъ, состоящимъ изъ ивъ, черемухи и черной ольхи). Кормъ для лошадей оказался на томъ берегу, гдѣ мы стояли, ибо у самой рѣки расположенъ былъ мѣшанный лѣсъ. Раскинуть же палатку рѣшено было на „островѣ“ для ночёвки. Такимъ образомъ нашъ караванъ раздѣлился на двѣ части. Иванъ, въ качествѣ повара, переправился съ нами на „островъ“, причемъ въ видѣ моста были переброшены двѣ тутъ же на берегу срубленныя ели, изъ которыхъ одна служила перилами, а другая—мостомъ. Остальная часть каравана осталась ночевать при коняхъ, за исключеніемъ Абрамія и Тихона, которые кочевали съ одного берега на другой, трудясь надъ разбивкой палатки. Собаки наши остались съ лошадьми на другомъ берегу, за исключеніемъ Манерки, перебѣгавшей съ необычайною ловкостью по бревну съ одного берега на другой.

Сдѣлалось совсѣмъ темно; развели костеръ, освѣтившій угрюмую обстановку дѣвственнаго лѣса. За узкимъ мысомъ по обѣ стороны блестѣла вода, на поверхности которой изрѣдка всплескивала рыба. Отраженіе отъ костровъ протянулось двумя огненными полосами по рѣкѣ, и отъ этого фантастическаго свѣта огромныя деревья, стоявшія по обоимъ берегамъ и склонившія свои вершины надъ водою, рисовались на темномъ фонѣ неба сказочными гигантами, съ громадными руками и нахлобученными шапками. Говоръ рабочихъ, звяканье колокольчиковъ, привязанныхъ къ конямъ, щипавшимъ траву со спутанными ногами, заставлявшими ихъ скакать отъ времени до времени, трескъ пылающихъ сучьевъ, — все это нарушало таинственную тишину ночи среди мрачнаго лѣса и разсѣявало жуткость и неловкость, которыя невольно испытываются среди лѣсного мрака.

— А вотъ мы съ отцомъ Павломъ и груздей набрали,— раздался успокоительный голосъ около нашей палатки, въ которой уже мы растянулись на разложенныхъ кошмахъ, довольно утомленные сдѣланнымъ переходомъ:—сейчасъ мы грибовницу будемъ варить,—такъ, Павелъ?.. Вотъ какая милость Божія на

насъ сошла, всѣхъ Господь питаетъ,—говорилъ онъ наставительно,—не по грѣхамъ нашимъ.

— А грѣховъ-то много у тебя?—отозвался топографъ.

— Много, баринъ!—усмѣхнулся Абрамій.—Вотъ мы нашу грибовницу съ отцомъ Павломъ скушаемъ,—говорилъ онъ, возясь у костра и поворачивая котелокъ, висѣвшій на шестѣ рядомъ съ нашимъ чайникомъ и котломъ, причемъ лицо его дѣлалось отъ огня темно-краснымъ, а бородка просвѣтлѣла,—а потомъ, значитъ, когда наши утробы насытятся, коли угодники святые допустятъ и смерть къ намъ не придетъ до самаго этого времени, я вамъ одинъ случай о грѣхѣ и разскажу.

— Или помирать собрался скоро?—раздался голосъ Кости, который пришелъ къ намъ за топоромъ съ другого берега.

— Зачѣмъ помирать, Костенька!—авось Никола этого скоро и не допуститъ,—говорилъ Абрамій, уже набивая себѣ ротъ хлѣбомъ, который онъ жевалъ, хлопоча около грибовницы. Намъ подали въ палатку ужинъ, состоявшій изъ неизмѣнныхъ рябчиковъ, и въ жареномъ, и въ вареномъ видѣ, которые намъ уже порядкомъ надоѣли, ибо изъ десятка подстрѣленныхъ штуки три за день протухли совсѣмъ, а остальные были съ маленькимъ душкомъ.

Съ другого берега раздавались гулко и отчетливо голоса рабочихъ среди ночной тишины; между ними слышался больше всего голосъ Никифора, повѣствовавшаго о своихъ многочисленныхъ звѣриныхъ встрѣчахъ на охотѣ, за которою онъ проводилъ большую часть своей жизни. Когда я вышелъ изъ палатки, чтобы нѣсколько размять ноги, затекшія отъ десятичасовой верховой ѣзды въ теченіе дневного перехода, я залюбовался картиной ночи въ тайгѣ, съ пылающими кострами среди темнаго фона угрюмой лѣсной чащи, съ блещущей рѣкой въ огненныхъ полосахъ, отражающихъ костры, и видомъ нашей палатки, которая отъ горѣвшей внутри свѣчи казалась свѣтлою и прозрачной, какъ бы сотканной изъ свѣтлой, воздушной ткани. Голоса стали затихать, рабочіе укладывались, а нѣкоторые уже храпѣли, подложивъ подъ головы котомки и мѣшки и покрывшись зипунами (армяками). Огонь въ кострахъ началъ догорать, и синеватые языки ходили по огненнымъ головнямъ, наваленнымъ другъ на друга. Раздавался тихій трескъ отъ горѣвшихъ головней, въ которыхъ переливались огненные цвѣта, то болѣе яркіе, то темные, то вспыхивая мѣстами, то погасая. Клонило ко сну, и я, залѣзши въ палатку, въ которой топографъ уже спалъ, растянулся на кошмѣ и началъ дремать подъ тихую трескотню потухающаго костра.

Не успѣлъ я еще хорошо заснуть, какъ надъ моимъ ухомъ раздался голосъ Павла:—„Баринъ, къ намъ изъ тайги медвѣдь подходитъ!“—Гдѣ?!—спросилъ я, поднимаясь съ кошмы и хватаясь за ружье, лежавшее около меня.—„Недалеко отъ палатки хрустнуло, да и не разъ“.—Я вылѣзъ изъ палатки и, зарядивъ оба ствола пулевыми патронами, началъ прислушиваться, напряженно вглядываясь по указанію Павла. Около палатки виднѣлись темные силуэты черемушника, колеблемаго тихимъ вѣтромъ. За черемушникомъ надвигалась темная стѣна, въ которой ничего нельзя было разобрать. Раздался тихій трескъ, одинъ, другой... отъ ломаемыхъ сучьевъ подъ тяжелыми, но осторожными шагами. Всѣ собаки были на противоположномъ берегу и не могли слышать. „Выстрѣлите, баринъ, въ лѣсъ, онъ тутъ не далеко ходитъ“,—тихо прошепталъ мнѣ Павелъ. Хоть мнѣ и жалко было потерять даромъ зарядъ съ пулями, но я выстрѣлилъ. Раздалось далеко по рѣкѣ длиннымъ эхомъ. Собаки проснулись и залаяли. „Что̀ такое?“ послышался голосъ топографа изъ палатки. „Медвѣдь ходитъ около насъ“... Всѣ стали слушать. Черезъ минуту явственный трескъ раздался въ лѣсу. Скоро къ намъ подоспѣлъ съ другого берега Никифоръ съ собаками и началъ ихъ натравливать по направленію къ лѣсу. Псы стали обнюхивать ближайшіе кусты и скоро скрылись. „Напали на слѣдъ проклятаго“,—проговорилъ тихо Никифоръ. Мы стояли съ ружьями наготовѣ. Раздался собачій лай. „Нашли!“—прошепталъ Никифоръ. — „Пойдемте туда!“—проговорилъ топографъ.—„Темно, баринъ, стрѣлять нельзя; вѣдь такъ темно, что, неровёнъ часъ, на самого его наскочишь“,—говорилъ Никифоръ. Еще нѣсколько моментовъ тяжелаго ожиданія, и раздался дикій ревъ звѣря, а за нимъ послышался азартный лай. „Пойдемъ за нимъ!“—крикнулъ топографъ и бросился въ кусты. Мы пошли за нимъ, ежеминутно спотыкаясь о сучья и переплетенныя между собою вѣтви цѣпкаго кустарника. Слышался въ отдаленіи трескъ отъ удаляющагося звѣря. Ревъ раздался дальше, покрываемый собачьимъ лаемъ. „Уходитъ!“—проговорилъ съ досадой Никифоръ и остановился.—„Не догнать его ночью, ни зги не видать... кабы къ костру подошелъ“... Добравшись до первыхъ таежныхъ елей и пихтъ, мы остановились. Ревъ раздавался далеко и чуть слышно. Скоро все затихло.

Я проснулся на зарѣ и сѣлъ у палатки. Вся природа пробуждалась. Вотъ, шелестя крыльями и торопясь, пролетѣли утки надъ рѣкой; высоко въ небѣ, размахивая громадными крыльями, пролетѣлъ большой глухарь; нырнулъ вальдшнепъ и спрятался въ

чащу; затрещала кедровка;—словомъ, началась лѣсная жизнь пернатыхъ, жизнь, оживляемая присутствіемъ рѣки, несущей живительную влагу для каждаго живого существа. Утренній туманъ разсѣялся и показалось солнце; вся тайга просвѣтлѣла, рѣчка засеребрилась и засверкала, и радость пробудившейся природы сообщилась успокоившемуся сердцу, встревоженному ночными страхами.

IV.

Чѣмъ дальше мы двигались отъ р. Чиндата по направленію къ старовѣрскимъ заимкамъ, тѣмъ болѣе восхищались той мѣстностью, по которой пришлось проходить. Таежные заломы смѣнились ровной площадью, покрытой мелкимъ березнякомъ съ почвой, одѣтой пестрымъ ковромъ цвѣтущихъ разными оттѣнками луговыхъ травъ. Мало того, среди березняка попадались цѣлыя луговыя поляны, просящіяся подъ сѣнокосъ или пашню. „Старцы“ не даромъ здѣсь поселились; долго они вѣроятно ходили по тайгѣ, пока не нашли для себя новой ханаанской земли, столь пригодной для культуры. На этой высокой мѣстности не встрѣчалось болотъ; если бы не дождикъ, портившій намъ настроеніе, это бы было не путешествіе, а прогулка. Наши кони также не могли оставаться равнодушными къ такой благодати, и моя лошадь, какъ и остальныя, то-и-дѣло нагибала голову, чтобы схватить сочный листъ или вѣтку какого-либо зонтичнаго, „оробуса“ или мышинаго горошка. Приходилось натягивать узду и силой отрывать лошадиную морду отъ лакомаго кушанья, чтобы только далѣе двигаться. Наши рабочіе и проводники были въ прекрасномъ настроеніи духа, даже нерѣдко пытались затянуть пѣсню; когда же дождикъ прекратился и показалось солнышко, совсѣмъ стало весело на душѣ. Къ довершенію благополучія, на пути встрѣтился густой малинникъ на большомъ пространствѣ, съ пропастью ягодъ. Пѣшіе рабочіе въ немъ совсѣмъ утонули, увлекшись ѣдой и сборомъ малины. Они просто садились около какого-нибудь куста, особенно краснѣвшаго ягодами, которыя на солнцѣ даже просвѣчивали и краснѣли, будучи смочены каплями дождя, и манили каждаго своей величиной и спѣлостью. Пришлось на нѣсколько минутъ остановиться, пока не насытятся. Они сами ѣли и намъ подавали цѣлые кусты съ крупнѣйшими ягодами. „Все равно въ тайгѣ пропадутъ,—говорили они,—медвѣдю да старцамъ все добро не съѣсть“. И дѣйствительно, этого добра было множество.

Вдругъ Артемій сталъ пристально смотрѣть вправо на деревья. „Рябчики, баринъ, сѣли,—слышите, посвистываютъ, идите стрѣлять!“—шопотомъ проговорилъ онъ. Собаки уже замѣтили и побѣжали въ ту сторону. „Никифоръ, попридержи собакъ!“—крикнулъ ему топографъ, снимая ружье изъ-за плеча,—а то опять бросятся и разорвутъ“.

У Соколки,—потому-ли что Никифоръ мало его кормилъ,—но была для охотника скверная привычка, образовавшаяся на звѣриной охотѣ: схватывать подстрѣленнаго рябчика и тотчасъ его разрывать. Это бѣсило страшно, и разъ едва въ него не былъ пущенъ зарядъ за это. Мы пошли съ Абрамомъ въ ту сторону, гдѣ сѣлъ табунокъ рябчиковъ. Топографъ сталъ приманивать ихъ пищикомъ. Они стали откликаться. У Абрамія были великолѣпные глаза, а при охотѣ на рябчиковъ это чрезвычайно важно, ибо они, заслышавъ погоню, имѣютъ обычай сокращаться, и такъ прижмутъ голову, что принимаютъ видъ сѣрой кочки на деревѣ. Если долго стоять у дерева безъ движенія, то можно увидѣть, какъ эта кочка зашевелится, и вытянется шея рябчика. Артемій же различалъ отлично рябчика въ видѣ такой кочки на деревѣ. „Смотрите, баринъ, вонъ, прижался на сучкѣ!“—проговорилъ онъ шопотомъ, указывая на березу. Дѣйствительно, сразу его никакъ не разберешь на высокой березѣ или осинѣ. Но, приглядѣвшись, я выстрѣлилъ, и кочка, оказавшаяся рябчикомъ, свалилась. Послѣ перваго выстрѣла начинается безпокойство среди табуна и перелетъ рябчиковъ, которые, впрочемъ, далеко не улетаютъ, а скоро садятся на ближайшую березу или осину, откуда ихъ можно уже легче высматривать по направленію перелета. У насъ пошла пальба, рябчики валились; собаки хотя и бросались, но ихъ били и удерживали; одного рябчика все-таки прозѣвали, и Соколка имъ полакомился, за что былъ сильно поученъ Никифоромъ. Послѣ этой остановки мы опять двинулись.

П. И. Соколовъ.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

Окончаніе.

XII *).

Семидесятые годы.—Славянское движеніе и берлинскій конгрессъ.—Университетская жизнь и опасенія университетской реформы. — Пріѣздъ въ Кіевъ графа Д. А. Толстого.—Коммиссія для пересмотра устава.—Временныя правила 1879 года.—Студенческія волненія и университетскій судъ.—Мои научныя работы въ 70-хъ годахъ.—Моя болѣзнь и поѣздка за границу въ 1881 году.—Университетскія дѣла до введенія новаго устава 1884 года.

Въ исторіи не часто встрѣчаются моменты, запечатлѣнные такимъ своеобразнымъ характеромъ и представляющіе такой глубокій интересъ, какъ наши семидесятые годы. Угрюмые и скептическіе, они смѣнили полные вѣры и надежды шестидесятые годы, когда такъ легко жилось и такъ искренно вѣрилось. Какъ объяснить эту перемѣну въ настроеніи общества? Страна только-что получила рядъ великихъ реформъ, способныхъ оживотворить

*) См. выше: май, 181 стр.

народную жизнь, поднять и ободрить духъ общества:—упразднено было крѣпостное право, дарованъ скорый и правый судъ, земство и города получили самоуправленіе, воинская повинность распространена на всѣ общественные классы, университеты получили правильную организацію, построенную на началѣ автономіи. Казалось бы, такія реформы могутъ удовлетворить самую требовательную прогрессивную программу. А между тѣмъ общество все чего-то ждало, чего-то еще хотѣло, очевидно, боясь за судьбу великихъ реформъ, которыя начала подтачивать реакція.

Духъ пессимизма и недовольства быстро овладѣлъ всѣмъ обществомъ: недовольны были высшіе и богатые общественные классы; недовольна была интеллигенція; недовольны были классы торгово-промышленные, а о крестьянствѣ и говорить нечего—малоземелье начинало угнетать его. Героемъ дня во внѣшней политикѣ въ это тяжелое время дѣлается Бисмаркъ съ его оригинальной этикой, построенной на началѣ—„beati possidentes"; борьба за существованіе у Дарвина придавала частной морали своеобразную окраску. Славянское движеніе какъ-будто хорошо сначала подѣйствовало на настроеніе русскаго общества, но подъ знамена Черняева собрались, подъ другими именами, также и наши Ноздревы, Хлестаковы и Подхалюзины. Жертвы плевненскихъ неудачъ болѣзненно отзывались на насъ, а униженіе берлинскаго конгресса горько почувствовалось русскимъ обществомъ. Все это завершилось ужаснымъ днемъ перваго марта 1881 года...

На такомъ мрачномъ фонѣ развивалась въ 70-хъ годахъ и наша университетская жизнь. Надъ университетомъ нависла задумываемая графомъ Д. А. Толстымъ реформа. Въ академическую среду вторгся новый принципъ совмѣстительства: между товарищами подъ-часъ шла ожесточенная газетная война...

2-го мая 1872 года ректора Матвѣева замѣнилъ Н. Х. Бунге. Несмотря на всю безупречность веденія имъ университетскаго дѣла, имъ многіе были недовольны, такъ какъ онъ не могъ быть такимъ пассивнымъ ректоромъ, какимъ былъ Матвѣевъ. По своей рабочей и вмѣстѣ талантливой натурѣ онъ не могъ оставаться безъ почина, а въ этомъ усматривали посягательство на автономію совѣта. Бунге всегда принималъ къ сердцу студенческую нужду, придумывая мѣры противъ нея; онъ улучшилъ „Университетскія Извѣстія", которыя въ значительной степени были его созданіемъ. Его озабочивало устройство студенческаго отдѣла библіотеки, которымъ онъ думалъ увеличить учебныя средства студентовъ; не карами, а увѣщаніями онъ думалъ бороться со студенческими

сходками и волненіями; его запросы историко-филологическому факультету по поводу незамѣщенныхъ основныхъ каѳедръ были весьма категоричны... Во всемъ этомъ профессорскій кружокъ усматривалъ посягательство Бунге на права и привилегіи, дарованныя университету уставомъ 1863 года, и популярничанье предъ молодежью. Все это усиливало вражду и недоразумѣнія между членами университетской семьи, тогда какъ имъ слѣдовало сплотиться во-едино: надъ университетомъ уже нависла гроза еще невѣдомой, но какой-то тяжелой реформы. Мысль объ этой реформѣ отравляла университетскую жизнь въ теченіе цѣлаго десятилѣтія; общее настроеніе было вялое, апатичное: какъ будто всѣ были проникнуты мыслью, что университетскіе порядки не сегодня—завтра будутъ отмѣнены.

Отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей" къ уставу 1863 года на первыхъ порахъ было примирительное: когда забаллотированіе такого талантливаго ученаго, какимъ былъ В. И. Герье, вызвало протестъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати, „Русскій Вѣстникъ", въ 1868 году, тѣмъ не менѣе защищалъ и отстаивалъ принципъ университетскаго самоуправленія. Борьба съ уставомъ началась со времени забаллотировки Леонтьева, друга Каткова. Въ 1872 году сообщено было совѣту предложеніе министра попечителю, гласившее, что въ теченіе шестилѣтняго управленія министръ нашелъ многіе недостатки въ уставѣ 1863 года, которые будутъ предметомъ обсужденія коммиссіи для пересмотра этого устава; при этомъ министръ предложилъ членамъ совѣта высказать свои мнѣнія по университетскимъ вопросамъ. Совѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для этого дѣла.

Въ сентябрѣ 1873 года самъ гр. Толстой пріѣхалъ въ Кіевъ. Знакомство съ университетомъ онъ началъ съ моей лекціи по русскому государственному праву. Онъ сидѣлъ прямо противъ меня, и до сихъ поръ мнѣ живо представляется его оригинальное лицо, холодное, какъ бы застывшее. Толстой довольно долго пробылъ въ Кіевѣ, проживая у своего родственника Демидова. Какъ-то онъ созвалъ профессоровъ и директоровъ гимназіи на чашку чая. Это именно была „чашка чая", такъ какъ ни о чемъ серьезномъ рѣчи не было. А мы надѣялись узнать что-нибудь о задуманной университетской реформѣ. Такая таинственность особенно насъ смущала.

Дѣло не выяснилось и въ 1875 году, когда къ намъ прибыла наконецъ коммиссія, въ составъ которой входили А. И. Георгіевскій и Любимовъ. Эта памятная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Делянова, руками котораго гр. Толстой хотѣлъ провести

свою университетскую реформу, приглашала для опроса каждаго профессора въ отдѣльности; каждому предлагались вопросы, сквозь которые свѣтилась задняя мысль—иронія и презрѣніе къ существующимъ университетскимъ порядкамъ. Отвѣты на эти вопросы, сколько помню, записывались Георгіевскимъ. Иногда эти отвѣты вызывали переглядываніе членовъ коммиссіи. Всему этому придавалось что-то таинственное, инквизиціонное.

Затѣмъ, въ 1876 году, образована была коммиссія для пересмотра устава: ректоръ Матвѣевъ отказался быть ея членомъ, и его замѣнилъ проректоръ Рахманиновъ. О дѣятельности этой коммиссіи и о направленіи ея работъ мы ничего не знали, такъ какъ все дѣло продолжали вести въ секретѣ. Только временныя правила 1879 года, отмѣнившія должность проректора, замѣнивъ ее инспекторомъ, непосредственно подчиненнымъ попечителю, выдали затаённую мысль графа Толстого. Студенческія волненія того времени начались еще съ конца 60-хъ годовъ и почти-что не прекращались въ 70-хъ. Только тактъ ректора Бунге умѣлъ сдерживать эти волненія, не доводя ихъ до крайностей. Не стало этого такта, — волненія обострились и въ то же время сдѣлались предметомъ разбирательства университетскимъ судомъ, которому до тѣхъ поръ совсѣмъ не приходилось функціонировать. Члены этого суда выбирались на одинъ годъ; сначала составъ измѣнялся, но мало-по-малу повторяли выборъ однихъ и тѣхъ же лицъ, такъ что они сдѣлались почти несмѣняемыми; въ число ихъ попалъ и я. На мою долю выпало разбирать два сложныя дѣла въ 1876 и 1878 годахъ. Въ декабрѣ 1876 года штатный доцентъ Цвѣтаевъ предложилъ студентамъ какую-то работу, въ отвѣтъ на что они сговорились не посѣщать его лекцій. Дѣло поступило на разсмотрѣніе суда, а потомъ на утвержденіе совѣта и попечителя. Другое дѣло было болѣе важное и имѣло болѣе серьезныя послѣдствія: въ мартѣ 1878 года какой-то студентъ былъ арестованъ полиціей; товарищи потребовали заступничества университетскихъ властей. Въ студенческой лекторіи начались сходки, которыя продолжались съ 14-го по 20-е марта. Сходки избирали предсѣдателя; на нихъ говорились шумныя рѣчи.

Проректоромъ тогда былъ Митюковъ; какъ ни уважали его студенты, но настроеніе ихъ было таково, что и его увѣщанія не подѣйствовали. Не подѣйствовали и увѣщанія попечителя Антоновича, котораго также студенты чтили, зная его сердечное отношеніе къ нимъ. Предложено было участникамъ записать свои имена, что̀ съ полною готовностью было ими исполнено; списки

эти представлены были проректоромъ въ судъ. Въ теченіе шести дней мы разбирали дѣло, допрашивая каждаго студента въ отдѣльности; но допросы эти не привели ни къ чему, такъ какъ подсудимые предъявили требованія, чтобы допросы производились въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ, а иначе они отказывались отъ показаній. Студенческой формы тогда не было, и мнѣ въ памяти запечатлѣлись широкополыя шляпы, суковатыя палки, русскія поддёвки или малороссійскія свитки студентовъ. Судили мы въ то памятное время, когда одновременно въ Кіевѣ велись политическіе процессы. Подсудимые студенты были раздѣлены на четыре группы: къ первой отнесено пятьдесятъ человѣкъ, на три года исключенныхъ изъ университета; вторая группа—изъ семидесяти-пяти человѣкъ—на два года; третья—изъ десяти—на одинъ годъ, и послѣдняя—изъ нѣсколькихъ человѣкъ—приговорена была къ выговору. Интересно, что среди этихъ тогдашнихъ бунтарей находились такія лица, которыя теперь занимаютъ довольно высокія мѣста: деканъ новороссійскаго медицинскаго факультета Подвысоцкій, профессоръ варшавскаго университета Горбъ-Ромашкевичъ, извѣстный генералъ-губернаторскій чиновникъ Никандръ Молчановскій и многіе другіе...

Приговоръ суда былъ внесенъ на утвержденіе совѣта, который принялъ его тридцатью-четырьмя голосами противъ четырехъ. Я помню, что при особомъ мнѣніи остался профессоръ Лучицкій, къ которому присоединился профессоръ Шкляревскій. Я самъ находилъ приговоръ слишкомъ строгимъ, и когда дѣло перенесено было на окончательное утвержденіе попечителя, то я просилъ Антоновича смягчить участь нѣкоторыхъ приговоренныхъ. Въ оправданіе строгаго суда можно сказать, что онъ дѣйствовалъ при такихъ обстоятельствахъ, что приговоръ его не могъ быть болѣе мягкимъ. Результатомъ всѣхъ этихъ событій была перемѣна университетскихъ властей: уволились Матвѣевъ и Митюковъ. Перваго замѣнилъ Бунге, имѣвшій гражданское мужество взять на себя ректорство при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Митюкова замѣнилъ Рахманиновъ, но не надолго. Перемѣненъ былъ и составъ суда: совѣтъ оцѣнилъ всю тяжесть нашихъ полномочій и пожелалъ освободить насъ отъ нихъ, замѣнивъ насъ другими профессорами. Для изысканія же мѣръ къ прекращенію безпорядковъ среди студентовъ назначена была коммиссія изъ декановъ подъ предсѣдательствомъ проректора. Не припомню результатовъ дѣятельности этой коммиссіи, но въ концѣ мая 1878 года была назначена другая съ той же самой цѣлью.

Припоминая всѣ эти событія—этотъ судъ, эти студенческія

Журнальный фонд
Новосибирской обл. библиотеки

сходки и волненія,—я сравниваю ихъ съ тѣмъ, что̀ творилось позже, и не могу не подчеркнуть слѣдующихъ чертъ: автономный университетъ въ 70-хъ годахъ былъ уже поколебленъ, но все-таки еще существовалъ. Этотъ автономный университетъ имѣлъ болѣе средствъ бороться съ необузданной молодежью, противопоставляя ей значеніе и достоинство университета, и какъ ни разнузданна была иногда молодежь и въ тогдашнее время, она все-таки чтила и признавала авторитетъ своей almae matris. А теперь? Разрушенный и распавшійся на отдѣльныя составныя части, университетъ не имѣетъ никакихъ силъ бороться съ молодежью, которая беретъ верхъ надъ нимъ, оставаясь глухою и нѣмою къ значенію и достоинству храма науки. Что касается сравненія университетскаго суда съ судомъ правленія, то несомнѣнно, что первый былъ судомъ болѣе правильнымъ и справедливымъ, чѣмъ послѣдній, представляющій собой анахронизмъ соединенія суда съ администраціей.

По увольненіи Матвѣева, 7-го сентября 1878 года, ректоромъ, какъ мы сказали, былъ выбранъ Бунге. Это было тяжелое время: студенты еще не успокоились, продолжая сходки. Большинство членовъ совѣта требовало не компромисса, но строгихъ взысканій. Ректоръ Бунге не могъ слѣдовать этимъ указаніямъ, такъ какъ его университетская политика всегда основывалась на сердечномъ участіи къ молодежи. Стали раздаваться голоса, что ректоръ Бунге распускаетъ студентовъ, что онъ бьетъ на популярность. Не могу забыть полнаго достоинства заявленія ректора въ совѣтѣ въ началѣ января 1879 года. Это были золотыя слова, которыя считаю нужнымъ выписать изъ протокола: „Во время бывшей попытки вызвать заявленія студентовъ на сходкахъ,—говорилъ Бунге совѣту,—не допускаемыхъ закономъ и дѣйствующими правилами университета, я пригласилъ нѣкоторыхъ студентовъ и заявилъ о своей готовности содѣйствовать всему, что̀ можетъ прямо и косвенно способствовать ихъ научнымъ занятіямъ, оставаясь въ предѣлахъ устава и существующихъ правилъ. Смѣю думать, что совѣтъ, который почтилъ меня избраніемъ въ должность ректора, имѣлъ въ виду такого рода образъ дѣйствія съ моей стороны. Въ свою очередь прошу совѣтъ поддержать меня въ попыткѣ сдѣлать для научнаго образованія студентовъ то, что̀ зависитъ отъ университета и общества“. При этомъ Бунге предложилъ совѣту избрать комитетъ, который бы изыскалъ способы содѣйствовать достиженію такой цѣли. Такой комитетъ и былъ избранъ.

Но время было слишкомъ смутное; университетская молодежь

была экзальтирована. Агитація шла извнѣ. Противъ нея была безсильна благородная политика Бунге: онъ очутился между двухъ огней—недовольствомъ безпокойныхъ студентовъ и недовольствомъ многихъ членовъ совѣта, требовавшихъ суровыхъ и крутыхъ мѣръ. Понятно, что Бунге было не по силамъ дотянуть до конца третье ректорство: 14-го марта 1880 года онъ заявилъ совѣту о выборѣ ему преемника.

Преемникомъ этимъ явился Ѳеофилактовъ.

Возвращаясь къ началу семидесятыхъ годовъ, остановлюсь предъ вопросомъ, какое вліяніе на мои литературные и ученые труды имѣли различныя впечатлѣнія и приключенія этого десятилѣтія? Не скажу, чтобы это время было вовсе непроизводительно, но все-же я былъ не въ силахъ работать, и работа шла тяжело и принужденно—не такъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ, когда я писалъ магистерскую диссертацію, или въ шестидесятыхъ, когда складывалась моя исторія русскаго дворянства. За изданіе своего курса по русскому государственному праву я принялся еще въ 1870 году, печатая его въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ", а потомъ—выпусками. Я пріостановилъ третій выпускъ вслѣдствіе того, что въ немъ должно было заключаться мѣстное управленіе, реформа котораго тогда выработывалась. Я думалъ дождаться реформы, а затѣмъ продолжать изданіе. Но реформы я такъ и не дождался, и мой курсъ остался недодѣланнымъ. Что касается моего политическаго „credo", которое было проведено черезъ мой курсъ, то оно складывалось въ царствованіе Александра II-го, когда верховная власть творила великія дѣла для преуспѣянія Россіи. Отсюда понятенъ былъ у меня восторженный піэтетъ къ той формѣ государственной власти, которая исторически у насъ сложилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я, тѣмъ не менѣе, считалъ земское начало присущимъ нашему историческому государственному строю.

Курсъ моей науки я проходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ для первыхъ четырехъ семестровъ, по четыре часа въ недѣлю. Грѣшный человѣкъ, я пересталъ надъ нимъ работать: хотя онъ былъ очень далекъ отъ совершенства, но меня охлаждало къ этому дѣлу усиливающееся равнодушіе къ наукѣ студентовъ. Для меня же всегда настроеніе аудиторіи опредѣляло мое собственное: многолюдная и увлеченная лекціей аудиторія вызывала такое же увлеченіе и съ моей стороны... Устроивалъ я иногда и практическія занятія. Они состояли въ томъ, что, на основаніи указан-

ной книги, кто-нибудь изъ слушателей составлялъ очеркъ какого-нибудь вопроса. Этотъ очеркъ читался потомъ въ аудиторіи, и по поводу его происходили иногда бесѣды и состязанія. Работы этого рода всегда нравились студентамъ. Для нихъ онѣ были какъ бы подготовкой къ предстоящему коллоквіуму.

Если ко всѣмъ занятіямъ профессора присоединить еще массу служебныхъ дѣлъ,—разборъ и оцѣнку диссертацій на высшія ученыя степени и участіе въ диспутахъ, экзамены, которые, при многолюдствѣ студентовъ въ юридическомъ факультетѣ, крайне обременительны, засѣданія въ совѣтѣ, правленіи, въ факультетѣ и коммиссіяхъ,—то наше профессорское дѣло оказывалось очень сложнымъ и берущимъ много времени отъ занятій литературныхъ и ученыхъ. Несправедливы, такимъ образомъ, упреки, что профессора дѣлали мало...

Кромѣ своихъ служебныхъ дѣлъ, профессоръ, какъ членъ общества, не можетъ уклоняться отъ дѣлъ общественныхъ. Я всегда былъ противникомъ только совмѣстительства и находилъ несоотвѣтствующимъ достоинству профессора служить, напримѣръ, въ банкѣ, въ управѣ и подобныхъ учрежденіяхъ. Но быть, напримѣръ, почетнымъ мировымъ судьей или гласнымъ не только совмѣстимо со званіемъ профессора, но и весьма желательно. Въ 1875 году я былъ назначенъ почетнымъ мировымъ судьей радомысльскаго уѣзда. Отдаленность разстоянія не позволяла мнѣ принимать въ дѣлахъ съѣзда дѣятельное участіе. Я былъ назначенъ и по кіевскому съѣзду, въ которомъ я могъ принимать уже большее участіе. Лѣтъ тридцать я служилъ въ мировой юстиціи и прослѣдилъ, какъ она видоизмѣнялась. Вначалѣ и участковые, и мировые судьи назначались съ бо́льшею строгостью, а потомъ постепенно персоналъ ихъ сталъ ухудшаться. Вначалѣ ихъ авторитетъ и компетенція стояли гораздо выше, а потомъ мало-помалу надъ ними стала возвышаться администрація...

Вслѣдъ за паденіемъ газеты „Кіевскій Телеграфъ", который ополчался иногда противъ „Кіевлянина", послѣдній сдѣлался единственной и монопольной газетой въ Кіевѣ. Намъ думалось, что такое монопольное положеніе газеты едва-ли желательно, что не мѣшало бы противопоставить ей другую газету: мы замыслили испросить въ Петербургѣ разрѣшеніе на изданіе такой газеты. Въ мартѣ 1875 года мнѣ пришлось поѣхать въ Петербургъ: было кстати провѣдать въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, не удастся ли получить разрѣшеніе на изданіе новой газеты. Во главѣ этого управленія стоялъ тогда Лонгиновъ. Я побывалъ у него, но мнѣ показалось, что нашъ извѣстный библіографъ го-

товъ скорѣе закрыть нѣсколько старыхъ газетъ, чѣмъ разрѣшить одну новую: пріемъ его былъ болѣе чѣмъ непривѣтливъ.

Страстный любитель деревни, я давно мечталъ о пріобрѣтеніи деревенскаго уголка, въ которомъ я бы могъ упражняться въ миніатюрномъ сельскомъ хозяйствѣ, а лѣтомъ отдыхать отъ треволненій университетской и городской жизни. Мнѣ указали на такой уголокъ въ селѣ Жерновкѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи „Боярка". Я пріобрѣлъ его сначала на арендномъ правѣ, а потомъ—на правахъ полной собственности. Съ увлеченіемъ занялся я обработкой песчанаго грунта моихъ миніатюрныхъ владѣній: выростилъ фруктовый садъ, развелъ плантаціи всякихъ ягодъ, куртины прекрасныхъ цвѣтовъ, и подъ тѣнью выращенныхъ мною чудныхъ елей проводилъ жаркіе лѣтніе дни. Нигдѣ не жилось мнѣ такъ привольно, какъ въ этомъ уголкѣ, который называли то „Тускуланумомъ", то „Розовымъ-Уголкомъ". Бывало, верхомъ проѣзжаешь разстояніе отъ Кіева, въ тридцать верстъ, бодрый, здоровый, веселый. Иной разъ случится какая-нибудь непріятность, и я прячусь подъ тѣнь своихъ елей и акацій. Много радостей доставило мнѣ мое маленькое владѣніе, и мнѣ больно думать, что, лишенный здоровья и зрѣнія, я долженъ буду разстаться съ нимъ. Въ мои молодые годы здоровьемъ Господь Богъ меня не обидѣлъ. Первые недуги я сталъ замѣчать только въ 1880 году. Помню, на высшихъ женскихъ курсахъ я читалъ лекцію о Богданѣ Хмельницкомъ и присоединеніи Малороссіи; во время этой самой лекціи я ощутилъ въ первый разъ приступъ желчной лихорадки. Болѣзнь усиливалась,—я слегъ. Врачи посовѣтовали мнѣ Карлсбадъ, и такимъ образомъ пришлось мнѣ отправиться за границу, гдѣ я и оставался до конца года, побывавъ снова въ тѣхъ мѣстахъ, которыя я посѣтилъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Только на обратномъ пути, осенью, я попалъ въ Вѣну въ первый разъ. Вѣна, несмотря на свои „ринги", послѣ Парижа, только-что оставленнаго мною, показалась мнѣ грязноватымъ городомъ, какъ какой-нибудь стереотипный губернскій городъ послѣ Петербурга. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производила она на меня позже, когда я пріѣзжалъ въ нее изъ Кіева... Вѣнскій университетъ въ 1881 году помѣщался еще въ старомъ зданіи. Я пошелъ туда, желая послушать лекціи Лоренца Штейна. Онъ еще былъ очень бодръ въ это время и бодрымъ, здоровымъ голосомъ излагалъ свое ученіе объ управленіи предъ весьма небольшой аудиторіей.

Въ Кіевъ я пріѣхалъ наканунѣ Екатеринина дня. Ректоромъ въ университетѣ былъ тогда Рахманиновъ. Въ январѣ 1883 года, за окончаніемъ его срока, происходили выборы новаго ректора. Равенство голосовъ получили Ѳеофилактовъ и Рененкампфъ. На перебаллотировкѣ послѣдній получилъ однимъ шаромъ больше и былъ провозглашенъ ректоромъ. Въ отроческіе нѣжинскіе годы я былъ въ большой дружбѣ съ Рененкампфомъ; въ періодъ студенчества наши отношенія колебались, а когда мы были оставлены для приготовленія къ профессурѣ, добрыхъ товарищескихъ отношеній между нами уже не было. Войдя въ совѣтъ, мы дѣйствовали иногда солидарно, но въ 70-хъ годахъ, когда Рененкампфъ удѣлилъ часть профессорскаго времени банку и управѣ, отношенія между нами совершенно обострились. Мнѣ жалко было юныхъ дружескихъ отношеній, но я не подавалъ даже повода возвратиться къ нимъ...

Въ это время мы доживали послѣдніе дни нашего автономнаго университетскаго режима: 31-го мая 1884 года было послѣднее засѣданіе совѣта по уставу 1863 года. Въ іюнѣ былъ утвержденъ уставъ 1884 года, введеніемъ къ которому послужили событія пятидесятилѣтняго юбилея кіевскаго университета...

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

ВЛАДИМІРЪ РАЕВСКІЙ

и

ЕГО ВРЕМЯ

Біографическій очеркъ: род. 1795; ум. 1872 г.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду возстановить память о замѣчательномъ въ свое время человѣкѣ — о маіорѣ Владимірѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ. Онъ забытъ такъ основательно, что съ его именемъ у современнаго читателя, вѣроятно, не связывается никакихъ представленій. Даже спеціалисты упоминаютъ о немъ вскользь. Между тѣмъ Раевскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣли бы нѣкоторое право на память потомства, а біографія его имѣетъ значеніе какъ для исторіи нашихъ общественныхъ теченій 1818—1822 гг., такъ и для исторіи нашей литературы. По складу своего характера, Раевскій является однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей конца Александровской эпохи. Будучи членомъ „Союза Благоденствія", а потомъ „Южнаго тайнаго общества", онъ былъ арестованъ задолго до конечнаго взрыва движенія, еще въ 1822 году, и его процессъ даетъ нѣкоторыя любопытныя подробности для исторіи этого движенія. Изслѣдователь русской литературы со вниманіемъ остановится также на его отношеніяхъ къ Пушкину, завязавшихся во время кишиневской ссылки поэта, и отмѣтитъ вліяніе политическаго агитатора и заговорщика на поэта, художника. Наконецъ, Раевскій самъ былъ поэтомъ; правда, его стихи не печатались при его

жизни и не оказали вліянія на развитіе русской поэзіи, но они заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, какъ безъискусственное и искреннее свидѣтельство о настроеніи, которое охватывало тогда не одного Раевскаго, но и другихъ его современниковъ [1]).

Надъ его головой пронесся бурный, губительный вихрь, разбившій всѣ надежды; человѣкъ оказался внѣ жизни... Заброшенный въ Сибирь, спустя много лѣтъ, онъ съ горечью въ сердцѣ писалъ:

„Гдѣ мой кумиръ и гдѣ моя
Обѣтованная земля?
Гдѣ трудъ тяжелый и безплодный?
Онъ для людей давно пропалъ,
Его никто не записалъ,
И человѣкъ къ груди холодной
Тебя, какъ друга, не прижалъ"!..

I.

Объ отцѣ Раевскаго, маіорѣ Ѳедосѣѣ Михайловичѣ, мы знаемъ, что онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ курской губерніи. Вотчины Раевскихъ находились главнымъ образомъ въ старо-оскольскомъ уѣздѣ (с. Хворостянка). Старооскольскіе дворяне не разъ выбирали маіора Ѳедосѣя Раевскаго своимъ пред-

---

[1]) Свѣдѣнія о Раевскомъ крайне отрывочны и разбросаны по историческимъ журналамъ. Главнѣйшій матеріалъ для его жизни и дѣятельности—въ письмахъ Раевскаго къ его сестрѣ Вѣрѣ Ѳедосѣевнѣ („Русская Старина", 1902, мартъ; 1903, апр.); въ его замѣткахъ по поводу приговора по его дѣлу („Русская Старина", 1873, т. VII, стр. 373 и слѣд.) и въ воспоминаніяхъ И. И. Липранди („Русскій Архивъ", 1866 года). Кромѣ этихъ указаній, приводимъ всѣ, какія намъ пришлось найти, упоминанія о Раевскомъ, хотя бы самыя незначительныя: „Русская Старина", 1873 г., т. VII, стр. 720; 1882 г., т. XXXVI, стр. 102; 1881 г., т. 30, стр. 873; 1887 г., т. 56, стр. 132; „Вѣстникъ Европы", 1874 г., іюнь; С. В. Максимовъ, „Сибирь и каторга", т. III, Спб., 1871 г., стр. 251, 263; Записки Басаргина, „Девятнадцатый вѣкъ", изд. П. Н. Бартенева, М., 1872 г., кн. I, стр. 74, 100; Бѣлоголовый, П. А., „Воспоминанія" и др. статьи. М., 1897 г., стр. 57; Записки С. Г. Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 318, 405, 409, 477; Записки И. Д. Якушкина, стр. 51, 62; Сборникъ старинныхъ бумагъ И. И. Щукина, М., ч. VIII, стр. 244; Воспоминанія Вельтмана и Пущина въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ", Спб., 1899 г., стр. 81, 86, 125. Кое-какія изъ этихъ свѣдѣній повторяются въ книгахъ А. Н. Пыпина (Общ. движеніе при имп. Александрѣ I), Богдановича (Ист. царств. имп. Александра I, т. VI) и біографіяхъ Пушкина. См. также статью „Изъ Пушкинской эпохи" въ книгѣ В. А. Мякотина: „Изъ исторіи нашего общества", Спб., 1902 г. Стихи Раевскаго напечатаны въ „Русской Старинѣ", 1890 г., т. 66, стр. 365 и слѣд. Сравн. также нашу замѣтку о Раевскомъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза и Ефрона, т. 51.

водителемъ. Маіоръ, человѣкъ крутого нрава, былъ не чуждъ литературѣ: намъ извѣстна одна его замѣтка въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [1]). Жена Раевскаго происходила изъ рода князей Фениныхъ. У Раевскихъ была очень большая семья. Мы знаемъ имена пяти дочерей и пяти сыновей: Надежда [2]), Наталья, Александра, Вѣра [3]), Любовь [4]), Александръ, Андрей [5]), Владиміръ, Петръ [6]) и Григорій. Изъ всей этой многочисленной семьи право на нашу память заслуживаетъ только Владиміръ Ѳедосѣевичъ, да еще младшій братъ Григорій по своей безпримѣрно-несчастной судьбѣ.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ родился 28 марта 1795 года. У насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ о его дѣтствѣ; мы можемъ только догадываться, что оно не было счастливо. Семейныя отношенія Раевскаго складывались неудачно и невесело. Отецъ и мать относились къ нему иначе, чѣмъ къ другимъ дѣтямъ, и не скрывали разницы отношеній. Когда другія учились вмѣстѣ въ пансіонѣ, мать присылала имъ денегъ на конфекты, и Владиміру всегда меньше, чѣмъ другимъ сыновьямъ. Объ отцѣ самъ Владиміръ Ѳедосѣевичъ, уже будучи старикомъ, писалъ: „любилъ ли меня отецъ наравнѣ съ братьями Александромъ и Андреемъ,— я не хотѣлъ знать, но онъ вѣрилъ мнѣ болѣе другихъ братьевъ, надѣялся на меня одного,—я это зналъ. Онъ хорошо понималъ меня и въ письмахъ своихъ, вмѣсто эпиграфа, начиналъ: „не будь гордъ, — гордымъ Богъ противенъ“; въ моихъ отвѣтахъ я начиналъ: „смиреніе паче гордости“ [7]). По тому, какъ относились братья и сестры къ Владиміру Ѳедосѣевичу, когда онъ былъ въ ссылкѣ въ Сибири, можно думать, что и въ дѣтствѣ нѣкоторые его братья и сестры были непріязненно настроены

---

[1]) „Благодѣтельный помѣщикъ“. Письмо въ редакцію изъ Хворостянки отъ Ѳедосея Раевскаго. „От. Зап.“, 1822 г., ч. 12, стр. 108—111.

[2]) Была замужемъ за Н. Н. Бердяевымъ, очень богатая, въ свое время блистала въ петербургскомъ свѣтѣ, но пережила тяжелую и печальную старость. Совершенно разорившись, она жила въ имѣніи своей сестры Вѣры, а послѣ ея смерти доживала свои дни въ пріютѣ для престарѣлыхъ дворянъ въ Курскѣ, и умерла, около ста лѣтъ отъ роду, въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка.

[3]) Жена Іоасафа Александровича Попова, новооскольскаго предводителя дворянства.

[4]) По мужу Веригина.

[5]) Служилъ въ лейбъ-уланахъ и былъ главнымъ дѣятелемъ по изданію военнаго журнала при г.-ад. Сипягинѣ. См. „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1430.

[6]) Объ этомъ Петрѣ внукъ Влад. Ѳед. Раевскаго сообщаетъ, что онъ былъ извѣстенъ своими безшабашными выходками и скандалами. См. „Русскую Старину“, 1902, мартъ.

[7]) „Русская Старина“, 1902, мартъ.

по отношенію къ нему. По неяснымъ намекамъ, по обращенію отца, можно думать, что и въ дѣтствѣ Владиміръ Ѳедосѣевичъ обнаруживалъ необычайное упорство и силу воли, которыя отмѣчаютъ всю его жизнь. Гордый и одинокій, онъ рѣдко открывалъ свою душу и жилъ невѣдомой для посторонняго глаза сложной жизнью.

Раевскіе заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Мы знаемъ, что дочери ихъ Наталья и Александра воспитывались въ смольномъ институтѣ, а сыновья, Александръ, Андрей и Владиміръ, учились въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. О годахъ своего ученія Владиміръ Ѳедосѣевичъ вспоминаетъ въ слѣдующихъ стихахъ своего посланія къ дочери:

„А я въ твои младые годы
Людей и свѣта не видалъ...
Я много лѣтъ не зналъ свободы,
Однихъ товарищей я зналъ
Въ моемъ учебномъ заключеньи,
Гдѣ время шло, какъ день одинъ,
Безъ жизни, красокъ и картинъ,
Въ желаньяхъ, скукѣ и ученьи.
Тамъ въ книгахъ я людей и свѣтъ
Узналъ“...

Въ эти годы Раевскій положилъ начало тѣмъ солиднымъ познаніямъ, которыя выдѣляли его изъ среды сослуживцевъ; быть можетъ, въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ зародилась въ немъ любовь къ литературѣ [1]). Должно быть, прямо со школьной скамьи онъ перешелъ въ военную службу: „17-ти лѣтъ,— говоритъ онъ самъ о себѣ,—я встрѣтилъ безпощадную, кровавую войну“. Это былъ 1812-ый годъ—война, роковая въ извѣстномъ смыслѣ для иностранцевъ, принимавшихъ въ ней участіе, и для нашихъ, уцѣлѣвшихъ—для событій 14-го декабря. Раевскій такъ описываетъ свое роковое вступленіе въ жизнь:

„Среди моленій и проклятій,
Средь скопища пирующихъ рабовъ,
Подъ гулами убійственныхъ громовъ
И стонами въ крови лежащихъ братій
Я встрѣтилъ жизнь, взошла заря моя“...

Раевскій служилъ сначала въ артиллеріи; за Бородино онъ получилъ золотую шпагу съ надписью: „за храбрость“; съ рус-

---

[1]) Братъ его, Андрей Ѳедосѣевичъ, въ юные годы тоже занимался литературой. Въ „Вѣстникѣ“ 1809 года есть его стихи. Отзывъ объ Андреѣ Ѳедосѣевичѣ см. въ „Запискахъ“ Никитенка.

скими войсками былъ за-границей. Онъ довольно быстро подвигался по службѣ. Вступивъ въ военную службу позже своихъ братьевъ, онъ обогналъ ихъ; въ одиннадцати сраженіяхъ онъ получилъ два чина за отличіе, и 25-ти лѣтъ, за два года до катастрофы, уже былъ маіоромъ 32-го егерскаго пѣхотнаго полка и имѣлъ два военныхъ ордена. Исторія внѣшней жизни Раевскаго не сложна и, кажется, исчерпывается данными о его успѣхѣ по службѣ. Эта жизнь не имѣла цѣны въ его глазахъ, она была только видимой. „Внутренняя, настоящая моя жизнь разъяснялась для посторонняго наблюдателя только моимъ крѣпостнымъ заключеніемъ",—говоритъ о себѣ Раевскій. За повседневной, будничной жизнью офицера, состоящей въ отправленіи служебныхъ обязанностей, скрывалась таинственная дѣятельность члена тайнаго общества; за мнимой надменностью и гордостью одиночества таилось глубоко-идеалистическое настроеніе, проникавшее всѣ помышленія и чувства. Жизнь въ мысляхъ Раевскаго представлялась странствіемъ къ высокой цѣли и—

„Странника вездѣ одушевлялъ
Высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень" [1]).

Откуда эти идеалистическія настроенія?—Самъ Раевскій, будучи уже въ Сибири, искалъ источниковъ своего юношескаго идеализма въ религіозныхъ представленіяхъ:

„Когда я былъ младенцемъ въ колыбели—
Кто жизни планъ моей чертилъ,
Тотъ волю, мысль, призывъ къ высокой цѣли
У юноши надменнаго развилъ" [2]).

Здѣсь мы подходимъ къ любопытной психологической чертѣ людей Александровской эпохи, отличавшихся высокимъ идеализмомъ. Были эпохи, когда война рождала мечты о славѣ и являлась источникомъ идеализма, но Раевскій въ своихъ стихахъ весьма опредѣленно говоритъ о томъ, какое событіе его жизни зажгло въ немъ „высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень":

„Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спалъ подъ буркой у огня,—
Тогда я не горѣлъ къ высокому любовью,
Высокихъ тайнъ постигнуть не алкалъ,
Не жалъ руки гонимому украдкой,
И шопотомъ надежды сладкой
Жильцу темницы не вливалъ" [3]).

---

[1]) „Русская Старина", 1890, т. 66, стр. 378.
[2]) Ibidem, стр. 374.
[3]) Ibidem, стр. 378, 379.

Не во время войны случилось духовное преобразованіе Раевскаго, а послѣ, по возвращеніи въ Россію, по вступленіи въ тайное общество. Намъ трудно теперь представить, какое значеніе и какой ореолъ имѣла дѣятельность по тайному обществу въ глазахъ самихъ его членовъ: вступая въ общество, думали, что найдена цѣль жизни,—и жизнь получала какъ бы освященіе. „У многихъ изъ молодежи,—вспоминаетъ И. Д. Якушкинъ,—было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть предъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ“ [1]). Другъ Пушкина, Ив. Ив. Пущинъ, въ слѣдующихъ трогательныхъ строкахъ говоритъ о своемъ вступленіи въ общество: „эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдать за собою, какъ за частицей хотя ничего не значащею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе“ [2]). Къ этимъ свидѣтельствамъ присоединимъ еще слова самого Раевскаго о своемъ вступленіи въ общество:

„Но для слѣпца свѣтъ свыше просіялъ...
И все, что мнѣ казалося загадкой,
Упрекъ людей болѣзненный сказалъ...
И Богъ проститъ мнѣ прежнія ошибки,
Не для себя я въ этомъ мірѣ жилъ,
И людямъ жизнь я щедро раздарилъ“ [3])...

Приведенныя нами свидѣтельства участниковъ движенія ярко закрѣпляютъ въ нашей памяти идеалистическій моментъ въ ихъ дѣятельности. Ихъ жизнь, полная трагизма, совершалась во имя самыхъ отвлеченныхъ истинъ. Они думали работать для блага людей, а это благо они понимали абстрактно, какъ наивысшую цѣнность,—работали для Бога. Въ своей „Предсмертной думѣ“ (1842 годъ) Раевскій припоминаетъ свою жизнь, и у него вырываются сильныя и вдохновенныя строфы:

„Меня жалѣть?.. О, люди, ваше ль дѣло?
Не вами мнѣ назначено страдать!
Моя болѣзнь, разрушенное тѣло—
Есть жизни слѣдъ, душевныхъ силъ печать!
. . . . . .
. . . . . .

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 15.
[2]) Л. Н. Майковъ. „Пушкинъ“. Спб., 1902, стр. 69.
[3]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 379.

И жизнь страстей прошла, какъ метеоръ,
Мой конченъ путь, конецъ борьбы съ судьбою;
Я выдержалъ съ людьми опасный споръ
И падаю предъ силой неземною!

Къ чему же мнѣ безплодный толкъ людей?
Предъ нимъ отчетъ мой конченъ безъ ошибки;
Я жду не слезъ, не скорби отъ друзей,
Но одобрительной улыбки"! [1])

Вспоминая въ 1846 году о поворотномъ моментѣ своей жизни, опредѣлившемъ все ея теченіе и составившемъ ея трагедію, Раевскій писалъ въ посланіи къ своей дочери:

...„Съ волею мятежной,
Какъ видитъ бой вдали атлетъ,
Въ себѣ самомъ самонадежный
Пустилъ чрезъ океанъ безбрежный
Челнокъ мой къ цѣли роковой.
О, другъ мой, съ бурей и грозой
И съ разъяренными волнами
Отецъ боролся долго твой...
Онъ видѣлъ берегъ въ отдаленьи,
Тамъ свѣтъ зари ему блисталъ;
Онъ взоромъ пристани искалъ
И смѣло вѣрилъ въ Провидѣнье" [2]).

Нельзя яснѣе выразить того настроенія, которое одушевляло Раевскаго въ теченіе всей жизни, того идеалистическаго порыва, необыкновенно сильнаго, мощнаго, который охватилъ его и держалъ въ своей власти отъ момента вступленія въ общество до момента катастрофы.

Внѣшніе мотивы присоединенія Раевскаго къ тайному обществу—тѣ же, что были и у декабристовъ, и одинаково излагаются во всѣхъ извѣстныхъ намъ запискахъ того времени. Вспоминая объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ къ жизни тайное общество, Раевскій на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, конечно, вліяніе заграничныхъ походовъ, изъ которыхъ онъ, какъ и всѣ декабристы „возвратились на родину уже съ другими, новыми понятіями" [3]); заграничная жизнь открывала передъ изумленными глазами новые, огромные горизонты и всю глубину нашихъ вну-

---

[1]) „Русская Старина", 1890, т. 66, стр. 374.
[2]) Ibidem, стр. 376.
[3]) Русская Старина", 1902, мартъ, стр. 601.

треннихъ неустройствъ: гнетъ крѣпостного права, приниженіе личности, жестокость нравовъ, соединенную съ невѣжествомъ. На ряду съ этими первостепенной важности основаніями для возникновенія тайнаго общества, Раевскій рѣзче, чѣмъ всѣ другіе мемуаристы, подчеркиваетъ специфическія, частныя обстоятельства, которыя способствовали возбужденію оппозиціоннаго настроенія и придали всему движенію декабристовъ особую, милитаристскую окраску. „Армія, избалованная побѣдами и славою, вмѣсто обѣщанныхъ наградъ и льготъ, подчинилась неслыханному угнетенію. Военныя поселенія, начальники такіе, какъ Ротъ, Желтухинъ и десятки другихъ,—забивали солдатъ подъ палками; боевыхъ офицеровъ вытѣсняли со службы, новые наборы... производили глухой ропотъ... Власть Аракчеева, ссылка Сперанскаго, неуваженіе знаменитыхъ генераловъ и такихъ сановниковъ, какъ Мордвиновъ и Трощинскій, сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновленія, улучшеній, благоденствія, исцѣленія тяжелыхъ ранъ своего отечества“ [1]).

II.

Въ какомъ году и кѣмъ былъ принятъ Раевскій въ члены тайнаго общества, мы не знаемъ. Можно думать, что еще за границей завязались связи, которыя выросли потомъ въ тайный союзъ, и что Раевскій былъ однимъ изъ первыхъ, примкнувшихъ къ обществу. Достовѣрно извѣстно, что Владиміръ Ѳедосѣевичъ былъ ревностнымъ членомъ „Союза Благоденствія“, основаннаго въ 1818 году и прекратившаго свою дѣятельность въ 1821 году. Дѣятельность Раевскаго была прервана его арестомъ въ февралѣ 1822 года. Слѣдовательно, въ моментъ катастрофы онъ былъ членомъ южнаго тайнаго общества, начавшаго самостоятельное, независимое отъ сѣвернаго, существованіе въ 1821 году. Правда, въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ уже въ Сибири въ 1844 году, Раевскій, указывая на то, что слѣдствіе не открыло его принадлежности къ декабристамъ, говоритъ, что онъ и не могъ принадлежать къ нимъ, потому что то общество, конечнымъ эффектомъ котораго было 14-е декабря, основалось лишь въ 1823 году. Это утвержденіе, какъ увидимъ дальше, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не трудно объяснить, почему не соотвѣтствуетъ: оно написано по поводу оффиціальной бумаги, имѣетъ въ виду

---

[1]) Ibid, 601.

указать несоразмѣрность понесеннаго Раевскимъ наказанія съ матеріаломъ уликъ, и является данью таинственности. Въ интимномъ письмѣ къ сестрѣ Раевскій прямо заявляетъ: „Тайна (ареста и заключенія, длившагося годами) оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади". Очевидно, самъ Раевскій понималъ цѣли и значеніе своей дѣятельности, и зналъ, къ чему она должна была привести. Для того, чтобы выяснить роль Раевскаго въ тайномъ обществѣ, сущность и значеніе его процесса въ исторіи тайнаго общества, необходимы предварительныя свѣдѣнія изъ этой исторіи. Мы даемъ ихъ здѣсь, ограничиваясь самыми общими и неподлежащими сомнѣнію данными.

Извѣстно, что первые тайные кружки и союзы съ политическимъ направленіемъ возникали тотчасъ же по возвращеніи нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода въ 1815 году. Мы знаемъ о существованіи „Союза спасенія", „Военнаго общества" и другихъ кружковъ. Учредители ихъ берутъ за образецъ извѣстные въ Россіи масонскіе союзы и заграничныя тайныя общества. На первыхъ порахъ интересуются формой больше, чѣмъ содержаніемъ; вполнѣ въ духѣ времени—отводятъ много мѣста обрядности и таинственному элементу. Съ годами, общества становятся серьезнѣе, объединяются; появляется крупная организація „Союза Благоденствія" съ двумя думами—петербургской и тульчинской; ея мѣсто занимаютъ два самостоятельно дѣйствующихъ общества—сѣверное и южное. Внутренняя исторія обществъ характеризуется тѣмъ, что постепенно разъясняются способы дѣйствія и опредѣляются задачи. На одномъ концѣ стоитъ мирная культурная работа, на другомъ—крайній политическій радикализмъ. Но наши свѣдѣнія объ устройствѣ, способахъ дѣйствія и идейной стороны обществъ крайне скудны. На основаніи данныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, мы не можемъ составить точнаго и яснаго представленія не только объ обществахъ, существовавшихъ до „Союза Благоденствія", но и о самомъ „Союзѣ", самомъ крупномъ изъ всѣхъ. Источники нашихъ свѣдѣній—оффиціальныя данныя и записки участниковъ движенія. Первыя сгруппированы въ извѣстномъ „Донесеніи слѣдственной коммиссіи" для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Это донесеніе преслѣдовало опредѣленную цѣль и, должно сказать, занималось гораздо больше выслѣживаніемъ преступныхъ словъ, когда-либо произнесенныхъ обвиняемыми, чѣмъ выясненіемъ реальной дѣятельности декабристовъ, условій ихъ работы, средствъ, къ которымъ они прибѣгали. А авторы мемуаровъ почти все свое внима-

ніе сосредоточиваютъ на подробностяхъ 14-го декабря или на событіяхъ, вызванныхъ этимъ днемъ, и совсѣмъ не останавливаются на томъ, что̀ дѣйствительно интересно для насъ,—на исторіи своей повседневной дѣятельности—и не касаются теоріи и практики пропаганды. Нельзя забывать слѣдующей особенности сообщеній декабристовъ: ихъ воспоминанія въ значительной мѣрѣ создавались подъ вліяніемъ круга данныхъ, обращавшихся во время слѣдствія: усвоенные ими пріемы сохраненія тайны въ періодъ дѣятельности сохраняли свое значеніе въ извѣстной степени и послѣ оффиціальнаго разслѣдованія дѣла. Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что какъ во всѣхъ тайныхъ обществахъ, такъ и въ организаціяхъ декабристовъ лишь очень немногіе члены, самые вліятельные, стоявшіе во главѣ дѣла, понимали и знали всѣ цѣли и всѣ дѣйствія организаціи, а были и такіе, которые, заявивъ свое сочувствіе идейной сторонѣ движенія, исполняли порученія старшихъ членовъ и были, такъ сказать, на посылкахъ. Огромное большинство членовъ знало только свою спеціальность и имѣло сношенія не со всѣми, а съ опредѣленными лицами. Тѣ члены общества, которые дѣйствительно могли бы въ деталяхъ разъяснить исторію движенія, мемуаровъ не оставили; записки исходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ членовъ, игравшихъ второстепенную роль и сравнительно мало освѣдомленныхъ. Кстати отмѣтить здѣсь значеніе конспираціи въ декабристскомъ движеніи: декабристы были гораздо таинственнѣе, чѣмъ это принято думать. Самое важное доказательство тому—продолжительность существованія общества и крайняя скудость фактическихъ данныхъ по исторіи движенія въ оффиціальномъ изслѣдованіи. Въ сторонѣ долженъ быть поставленъ источникъ, игравшій видную роль въ созданіи обычнаго представленія, пытающагося, въ противовѣсъ сужденіямъ „Донесенія“, уменьшить значеніе движенія, выставить на видъ его несерьезность и стереть черезчуръ рѣзкіе штрихи „Доклада коммиссіи“. Мы говоримъ о свидѣтельствѣ Ник. Ив. Тургенева въ его извѣстной французской книгѣ о Россіи. Опубликованныя въ самое послѣднее время (1901 и 1902 гг.) данныя позволяютъ утверждать, что Тургеневъ въ своемъ разсказѣ объ обществѣ допускалъ сознательное отклоненіе отъ истины, и заставляютъ насъ отнестись съ весьма большимъ недовѣріемъ къ тѣмъ страницамъ его книги, которыя посвящены декабристамъ и легли въ основу сужденій о нихъ, обращающихся въ большой публикѣ [1]).

---

[1]) Н. И. Тургеневъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ членовъ тайнаго обще-

„Союзъ Благоденствія“, членомъ котораго былъ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій, въ свое время былъ извѣстенъ подъ названіемъ общества „Зеленой Книги“, по цвѣту обертки устава этой организаціи. Онъ былъ учрежденъ въ 1818 году; вѣрнѣе, въ этомъ году было реформировано ранѣе существовавшее тайное общество, которое получило теперь новый уставъ и названіе „Союза“. Уставъ „Союза Благоденствія“ заключалъ въ себѣ двѣ части. Въ первой части авторы устава предлагаютъ вступающимъ въ „Союзъ“ заниматься различными отраслями культурной работы. Первый параграфъ первой книги устава о цѣли „Союза Благоденствія“ заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Убѣдясь, что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной, и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва-ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, „Союзъ Благоденствія“ въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена“. Уставъ „Союза“ намѣчалъ четыре спеціальности: каждый изъ членовъ долженъ былъ трудиться на одномъ изъ слѣдующихъ поприщъ: человѣколюбіе, т.-е. дѣла частной и общей благотворительности; заботы объ умственномъ и нравственномъ образованіи, т.-е. распространеніе истинныхъ познаній; содѣйствіе правильному и справедливому отправленію судопроизводства, и теоретическія занятія политической экономіей. До насъ дошла только та первая часть, предназначенная для прозелитовъ. Учредители, конечно, знали, что дѣйствія общества не могутъ ограничиться только содѣйствіемъ культурной работѣ правительства. „Настоящая же цѣль Союза Благоденствія,—по собственному сознанію его членовъ,—заключалась въ томъ, чтобы ввести въ Россіи представительное правленіе, причемъ они надѣялись на содѣйствіе своимъ видамъ

ства. Изданныя въ 1901 году записки С. Г. Волконскаго еще разъ авторитетно подтверждаютъ важную роль Тургенева въ обществѣ. Въ 1901 и 1902 году въ „Русской Старинѣ“ были напечатаны его оправдательныя записки по дѣлу и переписка его съ братьями. Когда начался судъ надъ декабристами, Тургеневъ былъ за границей и заочно былъ присужденъ къ смерти. Разсчитывая на таинственность своихъ дѣйствій, онъ усиленно хлопоталъ черезъ братьевъ и Жуковскаго передъ имп. Николаемъ I о смягченіи его участи и позволеніи вернуться въ Россію для оправданія. И братьевъ, и царя, онъ увѣрялъ въ ничтожности дѣйствій тайнаго общества, и въ томъ, что его роль въ немъ сводилась къ нулю. Понятно, онъ не могъ быть безпристрастнымъ историкомъ общества.

государя" [1]). И. Д. Якушкинъ такъ говоритъ объ этомъ уставѣ: „Въ самомъ началѣ изложенія его было сказано, что члены тайнаго общества соединились съ цѣлью противодѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Въ этихъ словахъ была уже на половину ложь, потому что никто изъ насъ не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства" [2]).

Во всякомъ случаѣ, на первыхъ порахъ вожди „Союза Благоденствія", которымъ были извѣстны отдаленныя цѣли „Союза", заботились главнымъ образомъ о распространеніи оппозиціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, созданіи общественнаго мнѣнія, расположеннаго въ пользу этихъ идей, и пріуготовленіи преданныхъ членовъ общества. Они достигли своей цѣли: число членовъ „Союза" быстро увеличивалось и сказывались слѣды дѣятельной пропаганды. Какъ вербовались члены тайнаго общества и что открывалось имъ при посвященіи,—приведемъ для того разговоръ, бывшій лѣтомъ 1822 года у члена южнаго общества, князя Барятинскаго, съ Фаленбергомъ, тогда еще не знавшимъ объ обществѣ. Барятинскій открылъ ему его существованіе.

„— Какая же цѣль этого общества?—спросилъ Фаленбергъ.

„— Избавить отечество отъ порабощенія,—отвѣчалъ Барятинскій,—и ввести правленіе конституціонное.

„— Но Россія далеко еще не готова къ принятію такого правленія,—замѣтилъ Фаленбергъ.

„— Правда,—сказалъ Барятинскій,—и потому-то въ планѣ общества принято правиломъ прежде всего распространять просвѣщеніе и свободомысліе; а между тѣмъ, отыскивая повсюду людей съ благороднымъ духомъ и независимымъ характеромъ, безпрестанно ими усиливаться; когда же общество будетъ такъ сильно, что голосъ его не можетъ быть неуваженъ, потребовать отъ государя настоятельно конституціи такой же, какъ въ Англіи" [3]).

1818—1819 годы были временемъ наивысшаго развитія дѣятельности „Союза"; 1820-й—былъ годомъ перелома въ его дѣятельности. Событія не оправдывали надеждъ будущихъ декабристовъ на то, что дѣло измѣненія существующаго строя произойдетъ само собой; наиболѣе энергичные и нетерпѣливые члены требовали перехода къ болѣе рѣшительной дѣятельности. Начались разговоры

---

[1]) Богдановичъ, Ист. царств. имп. Александра I, т. VI, стр. 420.

[2]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 23, 24.

[3]) Neue Materialen, veröffentlicht v. Th. Schiemann. 1902, стр. 367, 368.

о различныхъ формахъ возможнаго будущаго и о вѣрнѣйшихъ средствахъ къ его достиженію. Крайніе взгляды нашли себѣ представителей въ южномъ отдѣлѣ „Союза“—тульчинской думѣ. Здѣсь была тоже правая, представленная Бурцевымъ, Комаровымъ, вскорѣ прекратившими свою тайную дѣятельность, и лѣвая, имѣвшая своимъ руководителемъ талантливаго агитатора П. И. Пестеля.

Въ 1821 году, въ февралѣ, депутаты петербургской и тульчинской думы собрались въ Москвѣ на съѣздъ, чтобы обсудить вопросъ о будущемъ тайнаго общества. Рѣшено было объявить о закрытіи „Союза Благоденствія“ и, удаливъ такимъ образомъ всѣхъ ненадежныхъ и умѣренныхъ членовъ общества, приступить къ коренной реформѣ „Союза“. Этотъ съѣздъ приступилъ къ выработкѣ устава, который долженъ былъ дѣлиться на двѣ части: въ первой части, по прежнему, вступающимъ въ „Союзъ“ предлагалось избрать родъ дѣятельности по прежнимъ отдѣламъ. Члены высшаго разряда знали и дѣйствовали по второй части устава; эту часть писалъ Н. И. Тургеневъ. „Въ ней уже прямо было сказано, что цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи, а чтобы пріобрѣсти для этого средства,—признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай“ [1]). Депутатъ тульчинской думы Бурцевъ, представитель умѣренныхъ на югѣ Россіи, долженъ былъ заявить о прекращеніи дѣйствій „Союза“ всѣмъ членамъ, а затѣмъ избраннымъ (изъ этихъ избранныхъ исключалась непріятная Бурцеву партія Пестеля и его приверженцевъ) предложить принять участіе въ реформированномъ обществѣ съ новымъ уставомъ. Послѣ съѣзда произошло слѣдующее. Петербургская дума, подъ руководствомъ Никиты Муравьева, приняла выработанный на съѣздѣ уставъ, а тульчинской думѣ онъ остался неизвѣстнымъ, такъ какъ Бурцевъ исполнилъ только первую часть своего порученія; онъ объявилъ о закрытіи „Союза“ и скрылъ о его реформѣ. Члены тульчинской думы отнеслись отрицательно къ постановленію съѣзда, полагая, что депутатамъ не принадлежало право распускать „Союзъ“. Конечно, они рѣшили продолжать свою дѣятельность, но уже въ томъ крайнемъ направленіи, которое обнаружилось въ послѣдній годъ (1820) и находило защитника въ П. И. Пестелѣ. Такимъ образомъ, петербургская дума, ставшая теперь сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, и тульчинская, превратившаяся въ южное, стали независимы въ своей дѣятельности одно отъ другого, не прекращая, конечно,

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 73.

сношеній между собой. Сѣверное общество стояло на сторонѣ монархически-конституціоннаго переворота; южное — имѣло въ виду республику. С. Г. Волконскій оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующее свидѣтельство, кратко резюмирующее дѣятельность обоихъ обществъ. „Дѣла южнаго общества, замышляющаго радикальный переворотъ, быстрыми шагами подвигались впередъ; вербовка членовъ шла успѣшно, причемъ самоотверженіе отъ аристократическихъ началъ придавало какую-то восторженность частнымъ убѣжденіямъ, а поэтому—и самому общему ходу дѣла. Дѣйствія же сѣвернаго общества, какъ по существу своему, такъ и по принятымъ имъ началамъ, были не такъ живительны, и болѣе относились къ приготовленію разныхъ проектовъ конституціи, между которыми трудъ Муравьева болѣе всѣхъ другихъ былъ сѣверной думою одобряемъ, какъ мысль; но въ затѣянномъ переворотѣ ставится все въ мысленную рамку преждевременно. Для успѣшнаго переворота надо просторъ, увлеченіе, а по переворотѣ—надо сильную волю, чтобъ избѣгнуть анархіи, и къ этой цѣли клонилось постановленіе южнаго общества, чтобы, при удачѣ, вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствіи отобрать отъ народа или черезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россія“ [1]).

Такимъ образомъ, теперь были ясно намѣчены средства, которыми думали достигнуть переворота: извѣстная планомѣрная система дѣйствій на войско. Необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ сознавалась,—правда, не совсѣмъ опредѣленно,—и раньше, и нѣкоторые опыты воздѣйствія предпринимались. Прежде всего, конечно, нужно было расположить къ себѣ солдатъ хорошимъ обращеніемъ и заботливостью объ ихъ нуждахъ, а затѣмъ укрѣпить въ нихъ чувство собственнаго достоинства, нѣсколько ослабивъ чувство полной покорности авторитету дисциплины и начальства. Теперь уставъ возродившихся къ новой жизни обществъ прямо говорилъ объ извѣстномъ воспитаніи, извѣстной подготовкѣ съ разсчетомъ на опредѣленный эффектъ. Но именно эта сторона дѣятельности декабристовъ намъ извѣстна очень мало: оффиціальныя данныя скудны до чрезвычайности; быть можетъ, ихъ было больше, но не сочли удобнымъ ихъ опубликовывать. Записки декабристовъ совсѣмъ не касаются этого вопроса, а между тѣмъ для правильной оцѣнки конечнаго результата усилій декабристовъ были бы необходимы точнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ декабристы

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, Спб. 1901, стр. 420.

дѣйствовали въ войскахъ. Конечные эффекты—неудавшееся военное возстаніе, день 14-го декабря на Сенатской площади и междоусобное сраженіе подъ Бѣлою-Церковью. При этомъ, необходимо принять во вниманіе, что чувство привязанности, которое такъ умѣли внушать къ себѣ декабристы, могло заставить солдатъ пойти за людьми, ими уважаемыми и любимыми. Играло роль и то обстоятельство, что приказывали офицеры, а солдаты исполняли ихъ приказаніе и шли въ открытый бой со своими же товарищами. Но врядъ-ли всѣ эти указанныя причины могутъ объяснить размѣръ бунта, такъ какъ не взводы выходили на площадь, а цѣлыя части войскъ! Очевидно, что декабристы вели систематическую пропаганду, и эта пропаганда находила удобную почву. „Въ войскахъ,—показывали на допросахъ Сергѣй и Матвѣй Муравьевы,—есть начала, коими смѣлый мятежникъ можетъ всегда воспользоваться для произведенія неустройствъ"... „Главнымъ они почитаютъ,—продолжаетъ авторъ „Приложенія" къ докладу слѣдственной коммиссіи,—пороки настоящаго образа продовольствія; ибо эти нижніе чины не только лишаются принадлежащихъ имъ по праву остатковъ и всѣхъ выгодъ бережливости, но иногда не имѣютъ и достаточнаго пропитанія; видя же, что начальники похищаютъ ихъ собственность, пріучаются и ненавидѣть, и презирать ихъ. Другое, столь же важное зло есть большое число штрафованныхъ солдатъ и разжалованныхъ офицеровъ и иныхъ чиновниковъ, людей если не всегда очернившихъ себя злодѣяніями, то по крайней мѣрѣ оказавшихъ худыя склонности, и сверхъ того лишенныхъ всякой надежды на улучшеніе судьбы своей въ будущемъ, слѣдственно готовыхъ на все" [1]). Только эти соображенія и привелъ авторъ „Приложенія", задавшійся, между прочимъ, спеціальной цѣлью отвѣтить въ этомъ конфиденціальномъ документѣ на вопросъ: „какими средствами злоумышленники надѣялись обольстить войско"? Подробностей онъ не сообщаетъ. Князь Васильчиковъ, бывшій командиромъ гвардейскаго корпуса во время извѣстной исторіи въ Семеновскомъ, былъ убѣжденъ, что „всѣ полки были болѣе или менѣе подготовлены къ 14-му декабря неудовольствіемъ, возбужденнымъ излишнею взыскательностью фронтовой службы" [2]). Такимъ образомъ, для пропаганды въ войскахъ находились благопріятныя условія. Въ извѣстной семеновской исторіи (отказъ подчиниться властямъ) размѣръ и сущность агитаціи не выяснены, но она была несо-

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1875, кн. 3, стр. 437.

[2]) Ibid., 1875, кн. 1, стр. 349.

мнѣнно. Въ перепискѣ князя Васильчикова съ императоромъ и начальникомъ его штаба, Волконскимъ, находится не мало любопытныхъ указаній и намековъ. Во время семеновскихъ волненій былъ захваченъ „пасквиль". Въ немъ „проповѣдывали солдатамъ считать самихъ себя властителями; проповѣдывали, чтобы они удалили или отставили бы того, кто имѣлъ власть донынѣ, также какъ всѣхъ офицеровъ или старшихъ, и выбрали бы другихъ между собою" [1]). Прокламація заканчивалась словами: „Спѣшите слѣдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій.—Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ, Единоземецъ". Авторъ прокламаціи остался неразысканнымъ. Н. К. Шильдеръ дѣлаетъ предположеніе о томъ, что эту прокламацію сочинилъ одинъ изъ будущихъ декабристовъ; что болѣе предпріимчивые изъ членовъ тайнаго общества намѣревались воспользоваться смятеніемъ, возбужденнымъ семеновской исторіей, чтобы вызвать всеобщее возстаніе среди войскъ [2]). Вотъ любопытный отрывокъ изъ письма Волконскаго къ Васильчикову: „Я очень удивленъ, что вы мнѣ ни слова не говорите объ арестованіи полиціею унтеръ-офицера гвардейскаго егерскаго полка Степана Гушеварова, который препровожденъ въ шлиссельбургскую крѣпость за веденные имъ разговоры съ однимъ изъ своихъ товарищей и музыкантомъ Преображенскаго полка насчетъ исторіи Семеновскаго полка и о томъ, что ежели не вернутъ арестованные батальоны, то они докажутъ, что революція въ Испаніи ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ они сдѣлаютъ" [3]). Въ позднѣйшее время, прокламаціонная литература была въ большомъ ходу. У насъ нѣтъ свѣдѣній о ней; быть можетъ, они и есть, да пока еще недоступны. Самый яркій документъ этого рода представляетъ „Православный катехизисъ", написанный С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ и прочитанный передъ войсками въ день сраженія подъ Бѣлой-Церковью. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ него:

„Вопросъ: Для чего Богъ создалъ человѣка?

„Отвѣтъ: Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и счастливъ.

---

[1]) „Русскій Архивъ"; 1875, кн. 1, стр. 353.

[2]) Н. К. Шильдеръ, Исторія Александра I, т. IV, стр. 184 и слѣд., и 470.

[3]) Ibid., 1875, кн. 2, стр. 57. Съ этими данными любопытно сопоставить сообщенія нѣкоторыхъ декабристовъ о томъ, что по дорогѣ въ Сибирь они чувствовали себя всегда хорошо тамъ, гдѣ часовыми были разжалованные солдаты Семеновскаго полка. См. также біографію декабриста И. И. Сухинова („Русскій Архивъ", 1870, стр. 908 и слѣд.): въ ней найдется нѣсколько подробностей объ агитаціи среди солдатъ.

„Вопросъ: Что̀ значитъ вѣровать въ Бога?

„Отвѣтъ: Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю для спасенія насъ, оставилъ намъ святое свое Евангеліе. Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ законовъ.

„Вопросъ: Что̀ значитъ быть свободнымъ и счастливымъ?

„Отвѣтъ: Безъ свободы нѣтъ счастія. Св. апостолъ Павелъ говоритъ: „Цѣною крови куплени есте, не бу̀дете раби человѣкамъ“ и т. д.

Дальше идутъ вопросы о томъ, должно ли повиноваться власти, когда она поступаетъ вопреки воли Божіей; какимъ образомъ ополчаться всѣмъ чистымъ сердцемъ; какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ? Противна ли Богу присяга, и т. д. [1]).

Пропаганда въ войскахъ, помимо пасквилей или листковъ, могла вестись систематическимъ путемъ въ школахъ для солдатъ по ланкастерской системѣ, которыя существовали въ то время при многихъ частяхъ войскъ. Раевскій былъ преподавателемъ одной изъ такихъ школъ, и ниже мы остановимся на этой сферѣ его дѣятельности.

Такимъ образомъ, быть можетъ, приведенныя выше слова С. Г. Волконскаго о „самоотверженіи отъ аристократическихъ началъ, придававшихъ какую-то восторженность частнымъ убѣжденіямъ“, содержатъ свидѣтельство о томъ „хожденіи въ войска“, о которомъ осталось весьма мало свѣдѣній.

III.

Ареной дѣйствій южнаго отдѣла „Союза Благоденствія“, а съ 1821 года и южнаго тайнаго общества, была вторая армія, состоявшая изъ двухъ корпусовъ, 6-го и 7-го, и расквартированная на югѣ Россіи, въ губерніяхъ кіевской, подольской, херсонской, екатеринославской, таврической и Бессарабіи. Душою дѣла и вождемъ движенія на югѣ былъ П. И. Пестель, адъютантъ начальника штаба второй арміи, П. Д. Киселева. Квартира штаба была въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, ставшемъ центральнымъ пунктомъ движенія. Другой пунктъ, памятный въ исторіи декабристовъ,— помѣстье Раевскихъ (извѣстнаго генерала 12-го года) въ кіевской губерніи, Каменка. Здѣсь ежегодно собирались члены тайнаго общества. Въ первый періодъ движенія (1818—1821), пе-

[1]) Schiemann, op. cit., стр. 409—412.

ріодъ пропаганды, важнымъ центромъ былъ Кишиневъ. Здѣсь было управленіе намѣстника Бессарабіи и штабъ 16-й дивизіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и руководителемъ былъ генералъ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, человѣкъ необыкновенной привлекательности и выдающихся способностей. Онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ „Союза Благоденствія". Онъ дѣятельно пропагандировалъ идеи общества, занимаясь спеціально распространеніемъ просвѣщенія въ духѣ исповѣдуемыхъ имъ истинъ, и былъ главнымъ дѣятелемъ по устройству школъ взаимнаго обученія [1]). Изъ другихъ членовъ тайнаго общества, жившихъ въ Кишиневѣ, мы знаемъ Владиміра Ѳедосѣевича Раевскаго, адъютанта Орлова, капитана Охотникова, подполковника Липранди [2]). По всей вѣроятности, членомъ „Союза" былъ по-

---

[1]) О М. Ѳ. Орловѣ см. „Русск. Стар." 1872, т. V; 1877, т. XXI; 1878, т. XX. Для характеристики его взглядовъ см. письма къ нему П. Д. Киселева (Ibid., 1887, кн. VII, стр. 231). О ланкастерской школѣ, основанной имъ въ Кіевѣ,—записка И. Р. Мартоса въ „Кіевской Старинѣ", 1897, т. 56, іюль—авг., стр. прилож. 65—69. Характеристику его см. Сочиненія Герцена, т. I, стр. 2 и слѣд.

[2]) Липранди оставилъ подробнѣйшія записки о Пушкинѣ и кишиневской жизни, и, какъ членъ тайнаго общества, могъ бы сообщить интересныя свѣдѣнія о его дѣятельности въ 1818—1823 гг., но, къ удивленію, мы находимъ въ его запискахъ утвержденіе, что никакого движенія не было, и въ 6-мъ корпусѣ совсѣмъ не было участниковъ „Союза Благоденствія" (всѣ перечисленныя нами лица какъ-разъ служили въ 6-мъ корпусѣ). Наше удивленіе исчезнетъ, если мы вспомнимъ, что этотъ Липранди—тотъ самый Липранди, который впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность, какъ тайный и ревностный агентъ по дѣлу петрашевцевъ и по процессамъ скопцовъ и раскольниковъ. С. Г. Волконскій пишетъ о Липранди слѣдующее: „Въ уваженіе его передовыхъ мыслей и убѣжденій, принятъ въ члены открывшагося въ 16-й дивизіи отдѣла тайнаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ „Зеленой Книги". При открытіи, въ двадцатыхъ годахъ, возстанія въ Италіи онъ просилъ у начальства дозволенія стать въ ряды волонтеровъ народной итальянской арміи, и по поводу непріятностей за это, принятое какъ дерзость, ходатайство, онъ принужденъ былъ выйти въ отставку и, выказывая себя вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ къ прогрессу и званію члена тайнаго общества, былъ другомъ маіора В. Ѳ. Раевскаго, сослуживца его по 32-му егерскому полку... И этотъ Липранди, при такихъ предшествующихъ данныхъ, служа впослѣдствіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Перовскомъ и его преемникахъ по особымъ порученіямъ, былъ тайнымъ усерднымъ сыщикомъ въ царствованіе Николая, былъ орудіемъ гоненія раскольниковъ, былъ орудіемъ разысканія едва установившагося общества соціалистовъ и, наконецъ, имѣлъ дерзость, уже при Александрѣ II, подать проектъ объ учрежденіи при университетахъ школы шпіоновъ, вмѣняя въ обязанность попечителямъ давать свѣдѣнія министерству о тѣхъ студентахъ, которыхъ употребляютъ они, чтобы имѣть данныя о мысляхъ и дѣйствіяхъ ихъ товарищей, а министерство этими данными руководствовалось бы, чтобы этихъ мерзавцевъ (но не такъ ихъ онъ выставлялъ) назначать и употреблять, какъ сыщиковъ и шпіоновъ въ обществѣ, и, основываясь на полученныхъ отъ попечителей свѣдѣніяхъ, давать имъ по службѣ ходъ" („Записки С. Г. Волконскаго", Спб. 1901, стр. 318).

ручикъ Таушевъ, гевальтигеръ дивизіи. Были, конечно, и другіе члены, но ихъ фамиліи намъ неизвѣстны.

До насъ дошли крайне скудныя извѣстія о кишиневской жизни 1818—1825 гг., и ими мы обязаны только тому, что въ Кишиневѣ жилъ Пушкинъ. Изъ отрывочныхъ данныхъ можно заключить, что кишиневскіе члены общества самымъ точнымъ образомъ исполняли обязанности, налагаемыя на нихъ „Союзомъ". Къ нимъ можно было примѣнить слова Якушкина, сказанныя имъ о главныхъ членахъ „Союза Благоденствія" въ 1818—1819 годахъ: „въ это время они вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно" [1]). Они настойчиво распространяли идеи, легшія въ основу общества; въ своихъ бесѣдахъ постоянно направляли мысль на критику существующаго порядка вещей и строя всей государственной жизни, говорили о необходимости реформъ, частичныхъ и общихъ. Одно обстоятельство особенно подогрѣвало пылъ кишиневскихъ членовъ и придавало ихъ рѣчамъ рѣзкое, боевое настроеніе. Въ порабощенной Греціи шла въ это время борьба за освобожденіе и подготовлялось возстаніе гэтэристовъ, вспыхнувшее въ 1820 году. Въ Кишиневѣ было очень много греческихъ патріотовъ; здѣсь именно и дѣйствовалъ ихъ революціонный комитетъ. Понятно, какой отзвукъ нашли въ сердцахъ русскихъ мечтателей призывные клики возстанія, имѣвшаго цѣлью сверженіе турецкаго ига. Раевскій писалъ:

„Простите, тамъ для васъ, друзья,
Горитъ денница на востокѣ,
И отразилася заря
Въ шумящемъ кровію потокѣ.
Подъ сѣнь священную знаменъ
На поле славы боевое
Зоветъ васъ долгъ, добро святое;
Спѣшите, тамъ вокальный звонъ
Поколебалъ подземны своды,
Пробудитъ онъ народный сонъ
И гидру дремлющей свободы" [2]).

Въ Кишиневѣ была масонская ложа; надо думать, что члены

Быть можетъ, загадка молчанія или даже отрицанія того, что́ было, объяснится, если примемъ во вниманіе послѣдующую дѣятельность Липранди, а также неясныя сообщенія Н. С. Алексѣеву Пушкина, отъ 30 октября 1826 г.: „Липранди тебѣ кланяется, живетъ по прежнему здѣсь открыто и, какъ другой Каліостро, Богъ знаетъ, откуда беретъ деньги" (Бумаги Пушкина, вып. 1-й, М. 1887 г., стр. 82).

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 34.

[2]) „Русская Старина", 1890, т. 66, стр. 368.

„Союза“ придали ея собраніямъ рѣзкій политическій характеръ. Но мы собственно ничего не знаемъ о ней. Когда Пушкинъ, въ 1826 году, въ своемъ письмѣ къ Жуковскому припоминалъ всѣ свои связи, могущія компрометировать его съ точки зрѣнія политической благонадежности, онъ писалъ: „Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи“. Основателемъ ложи былъ бригадный командиръ, генералъ П. С. Пущинъ. Сохранился конецъ экспромпта, обращеннаго къ нему Пушкинымъ. Онъ содержитъ несовсѣмъ ясныя для насъ свидѣтельства о направленіи ложи:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа —
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „свобода“!
Хвалю тебя, о, вѣрный братъ,
О, каменщикъ почтенный!
О, Кишиневъ, о, темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный“!

Пропаганда оппозиціонныхъ идей шла всюду, гдѣ собирались члены общества и когда они бывали другъ у друга, и на обѣдахъ у генерала Орлова [1]). Не ограничиваясь распространеніемъ идеи въ обществѣ, кишиневскіе члены старались проложить имъ путь въ среду солдатъ. Дѣйствуя въ духѣ свободомыслія, они старались вывести жестокое обращеніе съ солдатами, но отъ этихъ заботъ, обязательныхъ для всякаго, они переходили къ заботамъ о духовной личности солдата. Старались стать въ болѣе близкія и искреннія отношенія къ своимъ подчиненнымъ и, пытаясь расшатать чувства слѣпого подчиненія, они признавали въ солдатѣ независимую личность,—и это былъ фактъ глубоко революціонный. Орловъ ставилъ своей задачей ввести въ своей дивизіи человѣческое отношеніе къ „людямъ“; преслѣдовалъ начальниковъ, жестоко обращавшихся; съ извѣстной точки зрѣнія, онъ являлся нарушителемъ военной дисциплины, принимая и поощряя жалобы нижнихъ чиновъ на жестокость обращенія, и этимъ самымъ вызывая пробужденіе сознанія человѣческаго достоинства. Вниманіе Орлова было обращено на распространеніе грамот-

[1]) Извѣстный севастопольскій генералъ Толевъ, начавшій службу въ 16-й дивизіи, вспоминаетъ о политической атмосферѣ разговоровъ: „Однимъ изъ бригадныхъ командировъ дивизіи Орлова былъ генералъ Бологовской, еще будучи капитаномъ стоявшій на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ въ ночь кончины имп. Павла. Бологовской, не стѣсняясь, хвастался, что его шарфъ получилъ историческую извѣстность“. „Русск. Старина“, 1881, т. 30, стр. 873.

ности и просвѣщенія среди солдатъ. Имъ была открыта при дивизіи школа взаимнаго обученія по ланкастерской методѣ для солдатъ, и онъ ревностно заботился о ея процвѣтаніи. Въ письмахъ П. Д. Киселева, начальника штаба второй арміи, отъ 1818—1822 годовъ, сохранились различныя свѣдѣнія о броженіи въ войскахъ. 22 января 1822 года, онъ писалъ А. А. Закревскому въ Петербургъ: „удалите отъ военной службы всѣхъ тѣхъ, которые не дѣйствуютъ по смыслу правительства; всѣ они въ англійскомъ клубѣ безопасны, въ полкахъ чрезмѣрно вредны; духъ времени распространяется повсюду, и нѣкое волненіе въ умахъ замѣтно; радикальные способы къ исторженію причинъ вольнодумства зависятъ не отъ насъ; но дѣло наше—не дозволять распространяться оному и укрощать, сколько можно, зло. Неумѣстная и безпрерывная строгость возродитъ его, а потому остается зараженныхъ удалять и поступать съ ними какъ съ чумными: лечить сколько возможно, но сообщеніе—воспрещать“.

Распространеніе броженія побудило Киселева, въ 1821 г., учредить при арміи тайную полицію. 15 марта 1822 года, онъ писалъ объ этой полиціи Закревскому слѣдующее: „секретная полиція, мною образованная въ іюлѣ 1821 г., много оказала услугъ полезныхъ, ибо много обнаружила обстоятельствъ, черезъ которыя лица и дѣла представились въ настоящемъ видѣ; духъ времени заставляетъ усилить часть сію“. Вотъ еще одинъ отзывъ изъ письма Киселева отъ 22 января 1822 года: „Касательно арміи я долженъ тебѣ сказать, что въ общемъ смыслѣ она, конечно, нравственнѣе другихъ; но въ частномъ разборѣ несомнѣнно найдутся лица неблагомыслящія, которыя стремятся, но безъ успѣха, къ развращенію другихъ; мнѣнія ихъ и дѣйствія мнѣ извѣстны, а потому, слѣдя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности и довершу издавна начатое“ [1]).

Секретные агенты доносили слѣдующія характерныя подробности о броженіи въ Кишиневѣ. „Въ Ланкастеровой школѣ, говорятъ, что кромѣ грамоты учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Нижніе чины говорятъ: дивизіонный командиръ (М. Ѳ. Орловъ) нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ. 167-ю дивизію называютъ Орловщиной... Пушкинъ ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство, но даже и правительство... Липранди говоритъ часовымъ, у него стоящимъ: „не утаивайте отъ меня, кто васъ обидѣлъ, я тотчасъ

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, Гр. П. Д. Киселевъ и его время. Спб. 1882 г., т. I, стр. 156, 157.

доведу до дивизіоннаго командира. Я вашъ защитникъ. Молите Бога за него и за меня. Мы васъ въ обиду не дадимъ, и, какъ часовые, такъ вѣстовые, наставленіе сіе передайте одинъ другому". Охотскаго полка 3-ья гренадерская рота при выходѣ со двора корпуснаго командира разсуждала, и, между прочимъ, вотъ разговоръ одного унтеръ-офицера съ рядовымъ за квартою водки. *Рядовой*:—Ну! какъ принялъ насъ корпусной! Это значитъ, что онъ не хочетъ подражать дивизіонному, который желаетъ образовать дивизію по своему вкусу, а корпусному-то непріятно, но, дастъ Богъ, найдемъ правду. *Унтеръ-офицеръ*:—Меньше говорить, да больше думать, вотъ какое дѣло. Что-то нашъ полковой мошенничаетъ, только врядъ ли удастся корпусному утушить" [1]).

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій былъ дѣятельнымъ помощникомъ Орлова и вполнѣ оправдывалъ свое званіе члена тайнаго общества. Онъ опредѣленно и ясно заявлялъ свои взгляды, вѣрный своему рѣзкому характеру; между прочимъ, своими разговорами онъ вліялъ на Пушкина, жившаго въ это время въ Кишиневѣ, и поддерживалъ въ немъ оппозиціонное настроеніе; но объ отношеніяхъ Раевскаго и Пушкина мы будемъ говорить особо. Конечно, въ донесеніяхъ агентовъ имя Раевскаго попадалось нерѣдко, и Киселевъ въ теченіе долгаго времени до ареста имѣлъ подъ надзоромъ Раевскаго, который ему былъ извѣстенъ „вольнодумствомъ, совершенно необузданнымъ" [2]). Но помимо постоянной устной пропаганды въ средѣ, окружавшей Раевскаго, Раевскій находился въ тѣхъ особыхъ отношеніяхъ къ солдатамъ, при которыхъ, пользуясь ихъ любовью и уваженіемъ за гуманное обращеніе, онъ могъ разсчитывать, что его слова найдутъ путь въ головы солдатъ. Когда Орловъ открылъ при своемъ дивизіонномъ штабѣ ланкастерскую школу, онъ выбралъ преподавателемъ В. Ѳ. Раевскаго. Здѣсь Раевскій (употребимъ спеціальный терминъ) „занимался" съ солдатами. Въ 1821 году, „Союзъ Благоденствія" былъ закрытъ, и тайное общество, дѣйствовавшее въ двухъ его организаціяхъ—сѣверной и южной, вступило на путь активной пропаганды съ яснымъ сознаніемъ тѣхъ цѣлей, которыхъ надо достигнуть. Въ это время, уже ясно поняли, какой помощи въ ихъ дѣлѣ нужно ждать отъ солдатъ и что нужно дѣлать, чтобы этой помощи добиться. Если прежде съ солдатами толковали о просвѣщеніи, то теперь старались просвѣтить ихъ въ духѣ исповѣдуемыхъ обществомъ истинъ. Извѣстно, что на

---

[1]) „Русская Старина", 1883, т. 40, стр. 657, 658.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, op. cit., стр. 158.

съѣздѣ членовъ „Союза Благоденствія“, въ февралѣ 1821 года, въ Москвѣ, М. Ѳ. Орловъ, по личнымъ соображеніямъ, формально порвалъ связи съ обществомъ и съ этихъ поръ уже не принималъ участія въ тайныхъ обществахъ. Не слѣдуетъ думать, что онъ измѣнилъ всѣмъ своимъ убѣжденіямъ,—въ своей основѣ его взгляды были убѣжденіемъ человѣка, гуманнаго и отрицательно относящагося къ существующему порядку. Отдалившись отъ членовъ общества, онъ, понятно, зналъ объ ихъ работѣ, не препятствовалъ ей и оставилъ Раевскаго по прежнему преподавателемъ школы. Раевскій, послѣ закрытія „Союза“, остался въ числѣ членовъ общества и остался вѣренъ, по выраженію князя С. Г. Волконскаго, „принятой имъ клятвѣ“ [1]). Онъ, очевидно, сочувствовалъ повороту въ направленіи общества и понималъ, какая работа предстояла теперь ему. Не даромъ онъ вспоминалъ впослѣдствіи, что таинственность его дѣла объяснилась на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Оставаясь учителемъ въ дивизіонной школѣ, Раевскій разсчитывалъ на поддержку Орлова, но, по словамъ Якушкина, „въ надеждѣ на покровительство Орлова, онъ слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ“ [2]). Когда Раевскій былъ арестованъ, онъ ни словомъ не обмолвился объ Орловѣ. Изъ тюрьмы онъ просилъ передать Орлову, что „онъ судьбу свою сурову съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ,—нигдѣ себѣ не измѣнилъ“.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій былъ арестованъ 6 февраля 1822 года. Началось продолжительное слѣдствіе. Главное вниманіе слѣдственныхъ властей привлекли дѣйствія Раевскаго въ ланкастерской школѣ. „Необузданное вольнодумство“ было извѣстно и, надо думать, засвидѣтельствовано рѣзкими заявленіями самого Раевскаго; искали преступныхъ дѣйствій. Доказать, что Раевскій принадлежитъ къ тайному обществу, не удалось, хотя нити заговора были въ рукахъ судей. При обыскѣ, въ бумагахъ Раевскаго, нашли списокъ всѣмъ тульчинскимъ членамъ. Якушкинъ разсказываетъ удивительную исторію объ этомъ спискѣ: „генералъ Сабанѣевъ отправилъ при донесеніи этотъ списокъ, и члены ожидали очень дурныхъ послѣдствій по этому дѣлу. Киселевъ, который безъ сомнѣнія зналъ о существованіи тайнаго общества, призвалъ къ себѣ Бурцева (Бурцевъ тоже былъ членомъ „Союза Благоденствія“ вплоть до его закрытія въ 1821 году; потомъ онъ, подобно Орлову, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, стр. 409.

[2]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 62.

южнаго общества), который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подалъ ему бумагу и приказалъ тотчасъ по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ былъ очень удивленъ, нашедши между листами данной ему бумаги списокъ тульчинскимъ членамъ, писанный Раевскимъ и присланный Сабанѣевымъ отдѣльно; Бурцевъ сжегъ списокъ, и тѣмъ кончилось дѣло" [1]).

Такимъ образомъ, слѣдствію оставалось заниматься только дѣломъ о пропагандѣ Раевскаго среди солдатъ, въ ланкастерской школѣ. Тайные агенты въ свое время доносили о томъ, „что Раевскій въ школѣ задабриваетъ солдатъ и что прописи включаютъ въ себѣ имена извѣстныхъ республиканцевъ: Брута, Кассія и т. п." [2]). Трудно было уловить слѣды преступной пропаганды, потому что она совершалась устно. Слѣдственной коммиссіи хотѣлось найти документальное подтвержденіе извѣтамъ шпіоновъ въ тѣхъ прописяхъ, которыя употреблялись въ школѣ Раевскаго. Если онѣ существовали, то нужно предположить, что Раевскій воспользовался весьма остроумнымъ средствомъ для распространенія своихъ идей. Прописи—надо думать—заключали въ себѣ извѣстныя сентенціи, правила поведенія, тѣ истины, которыя декабристы желали распространить въ войскахъ. Фразы прописей воспринимались памятью безъ участія сознанія, прочно осѣдали въ памяти, и нужно было ждать извѣстнаго момента, который ярко освѣтилъ бы содержаніе этихъ фразъ, чтобы вслѣдъ послѣдовала активная реакція на это содержаніе. Коммиссія производившая дознаніе, кинулась искать таинственныхъ прописей, но нашла только дозволенныя и обращавшіяся во всѣхъ ланкастерскихъ школахъ печатныя таблицы Греча. Тогда привлекли къ дѣлу гевальтигера 16-ой пѣхотной дивизіи, поручика Таушева. Ему поставили въ вину то, что онъ, „получа отъ начальства предписаніе о принятіи въ вѣдѣніе свое, послѣ ареста Раевскаго, всѣхъ находившихся въ школѣ таблицъ, книгъ и разныхъ вещей, взялъ только однѣ печатныя таблицы Греча, а книги и письменныя прописи, подъ предлогомъ ненужныхъ, отдалъ служителю капитана Охотникова, который жилъ на одной квартирѣ съ Раевскимъ и находился съ нимъ въ тѣсной связи [3]). Намъ извѣстно, что Охотниковъ былъ также членомъ „Союза Благоденствія", и только смерть спасла его отъ преслѣдованій. Какъ бы тамъ ни было, но прописей, компрометирующихъ Раевскаго, не нашли. Остались только подозрѣнія и доносы. Среди доносчиковъ

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 57, 58.

[2]) „Русскій Архивъ", 1866, стр. 1437.

[3]) „Русская Старина", 1873, т. VII, стр. 373, 374.

были не только безъименные тайные агенты,—были и всѣмъ извѣстные доносители. Объ одномъ изъ нихъ и мы знаемъ. Это былъ иркутскій архіерей Ириней; его знали еще по „иркутскому бунту". Будучи уже иркутскимъ архіепископомъ, онъ отказался признать за подлинные синодскіе указы о своей отставкѣ и обвинилъ губернскія власти въ злоумышленіи на его жизнь и государственной измѣнѣ и т. д. [1]). Онъ былъ сосланъ въ Вологду, въ Прилуцкій монастырь; здѣсь ему учинили допросы, и на этихъ допросахъ онъ сообщилъ слѣдующее о своемъ разговорѣ съ городскимъ головой. Между прочимъ, городской голова сказалъ Иринею, что „есть въ Иркутскѣ (собственныя показанія Иринея) Раевскій, и что когда я былъ еще на пути изъ Пензы въ Иркутскъ, распространилась молва, что я виною ссылки его, Раевскаго, въ Сибирь, что онъ проводитъ часто время у Муравьева... При семъ я вспомнилъ, что еще когда былъ ректоромъ въ Бессарабіи, то мной первоначально было открыто зловредное для государства ученіе, которое преподавалъ бывшій тогда маіоръ сей Раевскій юнкерамъ въ военномъ бессарабскомъ лицеѣ. Тогда дивизіоннымъ командиромъ былъ Мих. Ѳед. Орловъ, а корпуснымъ—Сабанѣевъ. Раевскій найденъ былъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь" [2]).

Для возбужденія дѣла противъ Раевскаго было достаточно причинъ на мѣстѣ, но тутъ играли роль и другія обстоятельства. По характерному выраженію Липранди, изъ главной квартиры настоятельно требовали открытія заговора. Почти съ самаго вступленія въ должность начальника штаба (въ 1819 году), Киселевъ получалъ обильныя предостереженія отъ Закревскаго относительно Пестеля: „Возьми свои мѣры,—писалъ Закревскій 2 іюня 1819 года;—Государь своего мнѣнія о Пестелѣ не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его хорошо, кажется, знаетъ" [3]). Въ 1821 г. была подана имп. Александру I графомъ Бенкендорфомъ извѣстная записка о тайныхъ обществахъ. Съ самаго начала своего служенія во 2-ой арміи Киселевъ былъ озабоченъ созданіемъ правильно организованной секретной полиціи. Ему ревностно помогалъ въ этомъ дѣлѣ корпусный командиръ Сабанѣевъ. Полиція должна была выслѣживать нити заговора. О необходимости открытія общества писали, по всей вѣроятности, изъ Петербурга. Поиски разрѣшились арестомъ Раевскаго, который не пользовался симпатіями ни

[1]) О немъ въ послѣднее время появилась статья г. Пфадіуса въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи" за 1900 годъ.

[2]) „Русская Старина", 1882, т. XXXVI, стр. 102.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій, op. cit., стр. 89.

корпуснаго командира Сабанѣева, ни начальника его штаба, Вахтена. Вахтенъ уже давно имѣлъ свои причины негодовать на Раевскаго. „При инспектированіи полка, когда Раевскій былъ еще ротнымъ командиромъ, Вахтенъ сообщалъ, что онъ много говоритъ за столомъ при старшихъ и тогда, когда его не спрашиваютъ; что онъ, на свой счетъ, сшилъ для роты двухшевные сапоги; что онъ часто стрѣляетъ изъ пистолета въ цѣль“ [1]). Начиная явное разслѣдованіе о преступной дѣятельности Раевскаго, разсчитывали открыть самый заговоръ. Пушкинъ, подслушавшій разговоръ Сабанѣева съ Инзовымъ о Раевскомъ наканунѣ его ареста, ясно уразумѣлъ изъ послѣднихъ словъ Сабанѣева, настаивавшаго на арестованіи Раевскаго, что „ему такъ приказано: ничего нельзя открыть, пока Раевскій не арестованъ“ [2]). Любопытно, что декабристы, знавшіе Раевскаго и по его дѣятельности въ тульчинскомъ отдѣлѣ, и по Сибири, очень глухо говорятъ о сущности его дѣла. Почему же глухо? Не по соображеніямъ ли, внушеннымъ осторожностью?—Басаргинъ, сидѣвшій въ петропавловской крѣпости рядомъ съ Раевскимъ и переговаривавшійся съ нимъ, ограничивается только сообщеніемъ: „онъ мнѣ разсказалъ подробности своего дѣла“ [3]). Деталей своего дѣла не сообщаетъ въ письмахъ и самъ Раевскій. Открыто ли ихъ оффиціальное разслѣдованіе, хранящееся, надо думать, въ государственномъ архивѣ?

Вотъ—все, что̀ намъ удалось найти о политической дѣятельности Раевскаго, окончившейся 6 февраля 1822 года; но исторія бурныхъ лѣтъ кишиневской жизни Владиміра Ѳедосѣевича была бы неполна, если бы мы прошли молчаніемъ важный въ исторіи нашей литературы эпизодъ сношеній Раевскаго и Пушкина, жившаго въ это время въ ссылкѣ въ Кишиневѣ. Подробности этихъ отношеній обрисовываютъ личность Раевскаго съ другихъ, еще неизвѣстныхъ намъ сторонъ и помогутъ намъ составить о немъ болѣе ясное представленіе.

IV.

Кажется, ни въ одной исторіи провинціальнаго русскаго города не разработывались съ такими подробностями и такимъ вниманіемъ событія короткаго, двухъ или трехлѣтняго періода городской жизни, какъ въ лѣтописяхъ города Кишинева годà 1820—1823.

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1437.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1874, іюнь, стр. 858.

[3]) Девятнадцатый вѣкъ, изд. П. И. Бартенева, кн. 1-я. М. 1872, стр. 74.

Особенный интересъ именно этихъ лѣтъ кишиневской лѣтописи объясняется тѣмъ, что на это время падаетъ пребываніе въ этомъ городѣ Пушкина. Эпизодъ его отношеній къ Владиміру Ѳедосѣевичу Раевскому—одна изъ наиболѣе интересныхъ и значительныхъ страницъ исторіи кишиневской жизни поэта. Среди массы кишиневскихъ пріятелей, собутыльниковъ, пріятныхъ и веселыхъ собесѣдниковъ, знакомыхъ просто,—Раевскій былъ однимъ изъ немногихъ людей, которыхъ поэтъ дарилъ своей дружбой, и единственнымъ человѣкомъ, который былъ достоинъ этой дружбы. Къ „друзьямъ" великихъ людей нужно относиться особенно осторожно: стоитъ только подумать о томъ, какъ много, напримѣръ, было друзей у Пушкина, да такихъ, о дружбѣ которыхъ съ поэтомъ мы знаемъ не изъ ихъ собственныхъ разсказовъ только, а изъ свидѣтельствъ самого Пушкина. Истинныхъ друзей, людей, которые вносили бы свое творчество, свою индивидуальность въ отношенія дружбы, у Пушкина было немного, а обиліе друзей находитъ свое объясненіе въ богатствѣ и щедрости души поэта. Онъ не бралъ дружбы, а дарилъ ее. Различныя воспоминанія о кишиневскихъ годахъ жизни Пушкина называютъ имена пяти лицъ, съ которыми онъ былъ дружески близокъ и общеніе съ которыми доставляло ему искреннее удовольствіе: это—Алексѣевъ, Горчаковъ, Вельтманъ, Липранди и Раевскій. Алексѣевъ и Горчаковъ платили поэту за его отношеніе чувствами искренней преданности, но врядъ ли дружескія чувства, связывавшія ихъ съ Пушкинымъ, были глубоки. Одна характерная фраза изъ письма Алексѣева (отъ 1826 года) къ Пушкину освѣщаетъ характеръ ихъ отношеній; вспоминая о названіяхъ: „лукавый соперникъ и черный другъ", данныхъ ему Пушкинымъ, Алексѣевъ пишетъ: „Я имѣлъ многихъ пріятелей, но въ обществѣ съ тобою я себя лучше чувствовалъ, и мы, кажется, понимали другъ друга. Несмотря на названія лукаваго соперника и чернаго друга, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и *жили пріятно*" [1]). Съ Горчаковымъ и Вельтманомъ Пушкинъ могъ бесѣдовать о литературѣ; сохранился отвѣтъ Пушкина Горчакову на его критическія замѣчанія о „Кавказскомъ Плѣнникѣ",—отвѣтъ, по которому чувствуется, что Пушкинъ не очень цѣнилъ эстетическія сужденія своего пріятеля. Липранди, въ ту эпоху занимавшійся собираніемъ историческихъ данныхъ о Бессарабіи и выдѣлявшійся своимъ радикализмомъ, также былъ друженъ съ Пушкинымъ. „Онъ мнѣ добрый пріятель,—писалъ о немъ Пушкинъ

---

[1]) Бумаги А. С. Пушкина. Вып. I-й М. 1881, стр. 81.

Вяземскому,—и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его" [1]). Въ бумагахъ Пушкина сохранился еще отзывъ о Липранди, какъ о человѣкѣ, „соединяющемъ ученость истинную съ отличными достоинствами человѣка" [2]). Но и Липранди, и Вельтманъ, и Горчаковъ и Алексѣевъ—были мало оригинальныя фигуры, среднія личности, и, можно съ увѣренностью утверждать, ничего не дали поэту, кромѣ, быть можетъ, воспоминаній о *пріятности* совмѣстной съ ними жизни. Если былъ въ Кишиневѣ человѣкъ, общеніе съ которымъ могло быть плодотворно и значительно для Пушкина, то такимъ человѣкомъ былъ Раевскій. Пушкинъ не зналъ о томъ, что Раевскій былъ членомъ тайнаго общества, и его нелегальная дѣятельность оставалась неизвѣстной Пушкину. Онъ и впослѣдствіи, очень интересуясь судьбой Раевскаго, никакъ не могъ уяснить себѣ сущности его процесса, тайнаго и преступнаго элемента его дѣятельности. Но, безъ сомнѣнія, отъ Пушкина не могло укрыться то идеалистическое возбужденіе, которое привело Раевскаго къ вступленію въ тайное общество и не оставляло его во все время дѣятельности по дѣламъ общества; понятно, Раевскій, какъ и всѣ молодые заговорщики, не сознавалъ своихъ политическихъ убѣжденій, своего образа мыслей. Въ эпоху 1820—1823 годовъ, и въ Кишиневѣ, и въ Каменкѣ, куда съѣзжались на свои собранія будущіе декабристы, Пушкинъ жилъ въ атмосферѣ политическихъ разговоровъ: стоитъ только вспомнить, что въ этотъ періодъ въ Кишиневѣ находились и Орловъ Мих. Ѳед., и Раевскій, и Охотниковъ, и Липранди, принадлежавшіе къ „Союзу Благоденствія". Пушкину суждено было только подозрѣвать своихъ знакомыхъ и друзей въ принадлежности къ тайному обществу, только догадываться, что гдѣ-то внѣ сферы его зрѣнія эти люди занимаются чѣмъ-то тайнымъ, недозволеннымъ и страшнымъ, такимъ, что можетъ кончиться очень плохо. Быть можетъ, помимо политическихъ убѣжденій, Пушкина тянулъ къ этимъ людямъ еще скрытый, но чувствуемый художникомъ трагизмъ ихъ жизни. Возможность трагическаго конца жизни освѣщала этихъ людей особымъ свѣтомъ. Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ (№ 2368, листъ 38-ой), мы встрѣчаемъ слѣдующій рисунокъ: валъ и ворота крѣпости, на валу висѣлица и на ней пять повѣшенныхъ, а сбоку страницы приписка: „я бы могъ, какъ тутъ на"... Внизу

---

[1]) Ibid., т. VII, стр. 27.
[2]) Ibid., т. I, стр. 279.

опять тотъ же рисунокъ и начало фразы: „И я бы могъ". Въ этой замѣткѣ, относящейся къ 1826 году и къ казни пяти декабристовъ, набросанной невольно, не предназначенной для другихъ, не нужно искать указаній на фактическую исторію жизни Пушкина; рисунокъ и замѣтка свидѣтельствуютъ только о томъ волненіи, которое возбуждалъ въ немъ трагизмъ дѣятельности декабристовъ. Дальше мы увидимъ, что Раевскій былъ однимъ изъ немногихъ людей въ Кишиневѣ, къ которымъ поэтъ относился съ полнымъ уваженіемъ.

У Раевскаго была одна общая черта со многими декабристами, въ особенности съ декабристами-писателями,—своеобразный патріотизмъ. Возвысившись до идеальнаго представленія о высокой цѣли жизни и благѣ родины, посвятивъ свою дѣятельность самоотверженной любви къ своимъ соотечественникамъ,—и Раевскій, и многіе другіе не могли освободиться отъ чувства національной исключительности и нетерпимости. Раевскій питалъ, напримѣръ, ненависть къ нѣмцамъ; однимъ изъ мотивовъ возникновенія въ немъ оппозиціоннаго настроенія было „возстановленіе" всегда враждебной намъ Польши. На ряду съ этой нетерпимостью необходимо отмѣтить стремленіе къ національной самобытности,—борьбой за самобытное, національное содержаніе опредѣляется значеніе литературной дѣятельности декабристовъ. Раевскій въ своихъ разговорахъ съ Пушкинымъ не разъ утверждалъ, что въ русской поэзіи не должно приводить ни именъ изъ миѳологіи, ни историческихъ лицъ Греціи и Рима,—что у насъ то и другое есть свое. Къ достоинствамъ Раевскаго нужно отнести его образованность, его солидныя и большія знанія, особенно въ области историческихъ наукъ. Наконецъ, Раевскій самъ былъ поэтомъ и, слѣдовательно, могъ быть судьей поэтическихъ произведеній. Вотъ тѣ данныя, которыхъ, во всей ихъ совокупности, не было ни у одного изъ кишиневскихъ пріятелей Пушкина, и которыя вызвали дружбу Пушкина къ Раевскому и выдвигаютъ послѣдняго на первое мѣсто въ кишиневской толпѣ друзей поэта. Въ общеніи съ Раевскимъ на Пушкина могъ еще дѣйствовать темпераментъ поэта и заговорщика. Человѣкъ громадной энергіи, рѣдкой силы воли, пылкій и горячій, онъ всегда находился, по выраженію Липранди, „въ весело-мрачномъ" расположеніи духа.

Соберемъ теперь разбросанныя данныя, освѣщающія картину отношеній Пушкина и Раевскаго [1]). Въ своемъ письмѣ

[1]) Приводя цитаты изъ воспоминаній Липранди („Русскій Архивъ", 1866), не указываемъ страницъ.

къ Жуковскому, отъ января 1826 года, Пушкинъ, перебирая всѣ свои связи, могущія компрометировать его въ глазахъ правительства, на первомъ мѣстѣ вспоминаетъ о Раевскомъ. „Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ“, — пишетъ Пушкинъ. Вотъ его собственное показаніе о характерѣ отношеній къ Раевскому. Пушкинъ бывалъ у Раевскаго и часто встрѣчался съ нимъ у Липранди. Эти встрѣчи очень часто сопровождались спорами „всегда о чемъ-нибудь дѣльномъ“; изъ чтенія „Воспоминаній“ Липранди выносишь такое впечатлѣніе, будто споры —специфическая особенность отношеній Раевскаго и Пушкина. Первый былъ очень рѣзокъ въ своихъ возраженіяхъ, но Пушкинъ, не переносившій рѣзкостей со стороны собесѣдниковъ, выслушивалъ ихъ отъ Раевскаго и не обижался. Липранди подмѣтилъ, что Пушкинъ иногда завязывалъ споры съ видимымъ желаніемъ удовлетворить своей любознательности; поэтому-то онъ не оскорблялся рѣзкими выраженіями своего оппонента, а напротивъ, какъ казалось Липранди, „искалъ выслушивать бойкую рѣчь Раевскаго“. Пушкинъ, очевидно, находилъ пользу въ этихъ спорахъ, такъ какъ не разъ, черезъ день, два послѣ такихъ бесѣдъ, обращался къ Липранди, обладавшему большой библіотекой, за книгами, которыя имѣли отношеніе къ предмету спора. Между прочимъ, Пушкинъ условился съ Липранди на тотъ счетъ, что если у него, Липранди, не найдется нужныхъ Пушкину книгъ, то Липранди будетъ доставать ихъ у другихъ лично для себя, скрывая, что онѣ предназначаются поэту. Эти споры, по свидѣтельству Липранди, очень содѣйствовали расширенію умственнаго кругозора Пушкина и обогатили его знанія, особенно въ области историческихъ наукъ; очевидецъ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ: „одинъ разъ какъ-то Пушкинъ ошибся и указалъ на мѣстность въ одномъ изъ европейскихъ государствъ не такъ. Раевскій кликнулъ своего человѣка и приказалъ ему показать на висѣвшей на стѣнѣ картѣ пунктъ, о которомъ шла рѣчь; человѣкъ тотчасъ исполнилъ. Пушкинъ смѣялся болѣе другихъ, но на другой день взялъ Мальтебрюна“.

Въ памяти Липранди осталось нѣсколько споровъ Раевскаго съ Пушкинымъ. Одинъ разъ Пушкинъ оспаривалъ приведенное выше мнѣніе Раевскаго о томъ, что въ русской поэзіи не должно приводить не-русскія имена; не одинъ разъ въ своихъ бесѣдахъ они обращались къ вопросу о мѣстѣ ссылки Овидія (кстати: у Раевскаго было свое прозвище для Пушкина—„Овидіевъ племянникъ“). Въ спорахъ часто затрогивались, конечно, темы политическія и историческія, но кромѣ этихъ темъ Пушкинъ бе-

сѣдовалъ съ Раевскимъ о литературѣ. Липранди пишетъ объ этихъ спорахъ: „такъ какъ предметъ этотъ меня вовсе не занималъ, то я и не обращалъ никакого вниманія на эти диспуты, неоднократно возобновлявшіеся". Только одинъ споръ, по темѣ своей тоже отчасти литературный, сохранился въ памяти Липранди. „Помню очень хорошо, — пишетъ онъ, — между Пушкинымъ и В. Ѳ. Раевскимъ горячій споръ (какъ между ними другого и быть не могло) по поводу: „рѣжь меня, жги меня"; но не могу положительно сказать, кто изъ нихъ утверждалъ, что—„жги" принадлежитъ русской пѣснѣ, и что вмѣсто „рѣжь", слово—„говори"—имѣетъ въ „пыткѣ" то же значеніе, и что споръ этотъ порѣшилъ отставной фейерверкеръ Ларинъ, обыкновенно жившій у меня. Не понимая, о чемъ дѣло, и уже довольно попробовавшій за ужиномъ полыннаго, потянулъ онъ эту пѣсню — „ой, жги, говори, рукавички барановыя"! Эти послѣднія слова превратили споръ въ хохотъ и обыкновенныя съ Ларинымъ проказы".

Пушкинъ и Раевскій сыпали остроуміемъ въ своихъ бесѣдахъ. Въ одну изъ нихъ Раевскому пришла мысль приспособить извѣстную пѣсню о Мальбругѣ, отправившемся въ походъ, къ смерти извѣстнаго фронтовика, подполковника Адамова. По почину Раевскаго и при усердномъ содѣйствіи Пушкина изъ передѣлки получилась сатира, затронувшая многихъ лицъ по начальству.

Когда 6-го февраля 1822 года былъ арестованъ Раевскій,—и совершенно внезапно порвались тогда и его личныя сношенія съ Пушкинымъ,—Пушкину, жившему у Инзова, пришлось узнать о готовящемся арестѣ Раевскаго, и онъ за день до ареста, 5 февраля, предупредилъ своего друга. Вотъ какъ разсказываетъ самъ Раевскій объ этомъ:

„1822 года, 5-го февраля, въ 9 часовъ пополудни, кто-то постучался у моихъ дверей. Арнаутъ, который стоялъ въ безмолвіи передо мною, вышелъ встрѣтить или узнать, кто пришелъ. Я курилъ трубку, лежа на диванѣ.

— Здравствуй, душа моя!—сказалъ Пушкинъ весьма торопливо и измѣнившимся голосомъ.

— Здравствуй, что̀ новаго?

— Новости есть, но дурныя; вотъ почему я прибѣжалъ къ тебѣ.

— Добраго я ничего ожидать не могу послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ С. (очевидно, Сабанѣева). Но что̀ такое?

— Вотъ что̀,—продолжалъ Пушкинъ. — Сабанѣевъ уѣхалъ

отъ генерала (Инзова); дѣло шло о тебѣ. Я не охотникъ подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрѣшилъ, приложилъ ухо. Сабанѣевъ утверждалъ, что тебя надо непремѣнно арестовать; нашъ Инзушка—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отстаивалъ тебя горячо. Долго еще продолжался разговоръ, я многаго не дослышалъ, но изъ послѣднихъ словъ Сабанѣева ясно уразумѣлъ, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестованъ.

— Спасибо,—сказалъ я Пушкину:—я этого почти ожидалъ, но арестовать штабъ-офицера по однимъ подозрѣніямъ—отзывается турецкою расправой; впрочемъ, что̀ будетъ, то будетъ. Пойдемъ къ Липранди,—только ни слова о моемъ дѣлѣ“ [1]).

Раевскій былъ отвезенъ въ тираспольскую крѣпость. Несмотря на строгія предписанія, все-таки была возможность видѣться и говорить съ нимъ. Липранди, въ серединѣ 1822 года, нашелъ случай поговорить съ Раевскимъ во время его прогулки по глазису крѣпости. Раевскій передалъ ему свое большое стихотвореніе „Пѣвецъ въ темницѣ“ и поручилъ сказать Пушкину, что онъ пишетъ ему длинное посланіе. „Пѣвецъ въ темницѣ“ произвелъ большое впечатлѣніе на Пушкина и, быть можетъ, оказалъ непосредственное вліяніе на его произведенія; мы не знаемъ, къ сожалѣнію, этого стихотворенія въ полномъ видѣ. Посланіе къ Пушкину вовсе не дошло до насъ; зато въ сохранившемся „Посланіи къ друзьямъ въ Кишиневѣ“, написанномъ въ тираспольской крѣпости 28-го марта 1822 года, мы находимъ строки, относящіяся къ Пушкину. Въ нихъ данъ какъ бы итогъ всѣхъ разговоровъ между друзьями; въ нихъ „пѣвецъ въ темницѣ“ шлетъ свое завѣщаніе поэту, оставшемуся на свободѣ. Раевскому приходятъ на мысль тѣ страданія, которыя готовитъ ему тюремное заключеніе, быть можетъ, долголѣтнее, и онъ чувствуетъ, что его силъ не хватитъ на изображеніе этихъ страданій. Онъ вспоминаетъ о Пушкинѣ, и это обращеніе содержитъ въ себѣ высокую оцѣнку поэтическаго дарованія поэта и выражаетъ взглядъ Раевскаго на задачи поэзіи:

„Но пусть не я, другой пѣвецъ,
Страстей высокихъ юный жрецъ,
Сіи подземныя картины
Страданья, пытки Уголины,
Стихами Данта воспоетъ!

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1874, іюнь, стр. 857, и „Русская Старина“, 1887, т. 56, стр. 132.

Сковала мысль мою, какъ ледъ,
Уже темничная зараза;
Жилецъ темницы отдаетъ
Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа.
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь:
Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь;
Гдѣ катъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой" [1]).

Пушкинъ очень интересовался судьбой „спартанца", какъ они прозвали Раевскаго. Онъ очень много, съ видимымъ участіемъ разспрашивалъ о Раевскомъ Липранди, послѣ его свиданія съ заключеннымъ; но онъ, очевидно, никакъ не могъ добиться точныхъ и опредѣленныхъ разъясненій, за что же собственно былъ взятъ „спартанецъ" въ крѣпость. Дѣло Раевскаго представлялось ему таинственнымъ, важнымъ и страшнымъ. Во время извѣстнаго свиданія Ив. Ив. Пущина съ Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ, 11-го янв. 1825 года, въ разговорѣ они незамѣтно коснулись опять подозрѣній насчетъ общества. „Когда я ему сказалъ,—вспоминаетъ Пущинъ,—что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: „Вѣрно, все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ тираспольской крѣпости и ничего не могутъ выпытать" [2]).

Быть можетъ, сложившееся у Пушкина представленіе о важности дѣла Раевскаго и было причиной того, что онъ въ одномъ случаѣ, о которомъ мы разскажемъ ниже, выказалъ неожиданное и несвойственное ему житейское благоразуміе. Въ 1824 году Пушкину случилось заночевать въ Тирасполѣ, и здѣсь ему представилась возможность имѣть свиданіе съ Раевскимъ. Сабанѣевъ, которому были извѣстны дружескія отношенія Раевскаго и Пушкина, далъ на это согласіе, но Пушкинъ рѣшительно отвергнулъ предложеніе повидаться съ Раевскимъ, отговариваясь тѣмъ, что ему надо быть въ опредѣленный часъ въ Одессѣ. Въ Одессѣ Липранди задалъ Пушкину вопросъ, почему онъ не повидался съ Раевскимъ, когда ему было предложено это самимъ корпуснымъ командиромъ. „Пушкинъ,—пишетъ Липранди,—будто бы нѣсколько былъ озадаченъ моимъ вопросомъ и сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ спѣшилъ, и кончилъ полнымъ признаніемъ, что въ его положеніи ему нельзя было воспользоваться этимъ предложеніемъ, хотя онъ былъ убѣжденъ, что оно было

---

[1]) „Русская Старина" 1890, т. 66, стр. 368.
[2]) Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ". Спб. 1899, стр. 81.

сдѣлано Сабанѣевымъ съ искреннимъ желаніемъ доставить ему и Раевскому удовольствіе, но что нѣмецъ Вахтенъ не упустилъ бы сообщить этого свиданія въ Тульчинъ, а тамъ много усерднѣйшихъ, которые поспѣшатъ сдѣлать то же въ Петербургъ и пр.". Такое поведеніе было благоразумнымъ съ практической точки зрѣнія и имѣло свои основанія, но изъ стихотвореній Раевскаго мы видимъ, какъ тяготило его во время пребыванія въ тюрьмѣ безучастное отношеніе друзей:

„Когда громъ грянулъ надъ тобою,
Гдѣ были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Ихъ голосъ смѣлый подъ грозою?
Нѣтъ, ихъ раскрашенныя лица
И въ счастьи гордое чело—
При словѣ: казни и темницы—
Могильной тѣнью повело"...

Все-же надобно думать, что Раевскій не причислялъ Пушкина къ тѣмъ друзьямъ, о которыхъ онъ говоритъ въ этихъ стихахъ...

Атмосфера, окружавшая Пушкина въ кишиневскій періодъ его жизни, атмосфера политическихъ разговоровъ, бесѣдъ о „тѣхъ" и „той" [1]), мечтаній о зарѣ свободы золотой, поддерживала оппо-

„Вотъ эвхаристія другая,
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безцѣнной, мерзлою струей
И за здоровье *тѣхъ* и *той*
До дна, до капли выпивали...
Но *тѣ* въ Неаполѣ шалятъ,
А *та* едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ", и т д.

зиціонное настроеніе поэта и питала его гражданскія стремленія. Кишиневскій періодъ былъ эпохой наибольшаго воздѣйствія на поэта оппозиціонныхъ теченій первой четверти прошлаго вѣка; мы не ошибемся, если скажемъ, что эти годы были поворотными въ отношеніи Пушкина къ движенію, въ которомъ принимали участіе многіе изъ его друзей. Быть можетъ, то житей-

---

[1]) Въ извѣстномъ письмѣ къ В. Л. Давыдову Пушкинъ вспоминаетъ о разговорахъ, происходившихъ въ Каменкѣ:

ское благоразуміе, которое поэтъ выказалъ въ 1824 году въ Тирасполѣ относительно свиданія съ Раевскимъ, было результатомъ уже сложившагося въ душѣ Пушкина рѣшенія о своихъ отношеніяхъ къ заговорщикамъ. Ни въ какой другой періодъ Пушкина не занимали такъ сильно мысли и убѣжденія, раздѣлявшіяся членами тайныхъ обществъ и людьми радикально настроенными; никогда его такъ не волновали ихъ чувства и настроенія. Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ въ эти годы, мы найдемъ не мало отраженій политической атмосферы, окружавшей поэта. „Его поэзія,—по справедливому замѣчанію г. Мякотина,—и теперь не стала поэзіей гражданской, тѣмъ менѣе политической, но въ ней прорывались въ эту пору болѣе рѣзкіе и страстные звуки, чѣмъ когда бы то ни было“ [1]). Стòитъ только вспомнить, что въ это время написаны: „Кинжалъ“, стихотвореніе необыкновенной силы, извѣстное посланіе къ В. Л. Давыдову о „тѣхъ“ и „той“, „Наполеонъ“, отрывокъ, заключающій сопоставленіе Наполеона съ Александромъ, и т. д. Еще болѣе драгоцѣнныя свидѣтельства о степени вліянія политическихъ настроеній на творчество поэта—въ отдѣльныхъ фразахъ, замѣткахъ, стихахъ, начатыхъ и брошенныхъ, рисункахъ, разсѣянныхъ въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта [2]). Всѣ эти мелочи, набросанныя на бумагу, быть можетъ, совершенно непроизвольно, даютъ ключъ къ тому, чтò занимало и волновало поэта. Мы найдемъ въ рукописяхъ и многочисленные рисунки фригійскихъ шапокъ, и рисунки головъ съ рѣзкими чертами лица (одна въ ночной повязкѣ съ надписью: „Marat“; подъ другой, съ длиннокудрыми волосами, подписано: „Sand“ и т. д.). Вотъ, напр., афоризмъ: „только революціонная голова, подобная Мар. (Мир.—?) и И. (?), можетъ любить Россію такъ, какъ писатель можетъ любить ея языкъ... Все должно творить въ этой Россіи и въ этомъ русскомъ языкѣ“. А вотъ отрывокъ: „Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ; вездѣ злобный иль малодушный. Предразсужденья Тиранъ-льстецъ,—Предразсужденій рабъ послушный“... Вотъ прекрасный черновой набросокъ:

„Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,

---

[1]) В. А. Мякотинъ, Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 1902, стр. 279.

[2]) См. описаніе ихъ въ статьяхъ В. Е. Якушкина: „Рукописи Пушкина, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ“; „Русская Старина“, 1884 годъ. Отсюда взяты нами всѣ свидѣтельства рукописей; отдѣльныхъ ссылокъ не дѣлаемъ.

Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . . . .
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ"!

Въ рукописяхъ поэта найдется еще не мало подобныхъ замѣтокъ, этихъ тайныхъ и невольныхъ свидѣтелей того, о чемъ думалъ ихъ хозяинъ. Не будетъ, кажется, преувеличеніемъ утверждать, что мысли политическаго характера давали тонъ всему настроенію поэта въ теченіе его кишиневской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ наиболѣе,—быть можетъ, даже самымъ усерднымъ и энергичнымъ проводникомъ и защитникомъ политическихъ идей передъ Пушкинымъ—былъ Раевскій. Мы, конечно, не можемъ точно опредѣлить степень вліянія Раевскаго на складъ политическихъ убѣжденій и настроеній поэта; невозможно уловить и фиксировать это вліяніе. Но есть другія области, въ которыхъ вліяніе Раевскаго сказывается гораздо ощутительнѣе.

Вспомнимъ строфы изъ посланія къ Чаадаеву:

„Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ".

Къ этимъ стихамъ, какъ къ свидѣтельству самого поэта о своихъ занятіяхъ съ цѣлью расширенія кругозора, часто относились съ недовѣріемъ; но вспомнимъ о спорахъ Пушкина съ Раевскимъ и ихъ значеніи для поэта. Вотъ своеобразно выраженное мнѣніе Липранди о бесѣдахъ съ Раевскимъ (кромѣ него, еще и съ Охотниковымъ, Орловымъ и Вельтманомъ): „онѣ, такъ сказать, дали толчокъ къ дальнѣйшему развитію научно-умственныхъ способностей Пушкина, по предметамъ серьезныхъ наукъ". Раевскій особенно интересовался исторіей и географіи родной страны; этотъ интересъ стоитъ въ связи съ чувствами своеобразнаго патріотизма и характернымъ для многихъ декабристовъ стремленіемъ къ самобытности. Въ литературѣ типичный образецъ этого обращенія къ національному представляютъ „Думы" Рылѣева. Мы знаемъ взгляды Раевскаго на необходимость русскаго содержанія въ поэтическихъ произведеніяхъ. Надо думать,

что Раевскій не разъ толкалъ Пушкина къ подобнымъ сюжетамъ; впослѣдствіи и Рылѣевъ побуждалъ Пушкина къ нимъ. „Ты около Пскова,—писалъ онъ ему:—тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы, — настоящій край вдохновенія, и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы“, и т. п. Во всякомъ случаѣ, Раевскій несомнѣнно обратилъ вниманіе Пушкина на русскую старину и содѣйствовалъ обогащенію его историческихъ знаній. Какъ разъ въ кишиневскихъ рукописяхъ поэта мы найдемъ много свидѣтельствъ того, что поэта очень занимали въ это время темы древней русской исторіи. Сохранился цѣлый рядъ историческихъ программъ различныхъ произведеній объ Олегѣ, Изяславѣ, Владимірѣ и т. д. Къ 1822 году относится и первый планъ для сказки о „Царѣ Салтанѣ“. Въ этомъ же году поэтъ дѣлалъ вступительные наброски къ поэмѣ о Вадимѣ, но объ этомъ скажемъ ниже. Наконецъ, къ этому же году относятся замѣтки Пушкина о русской исторіи со временъ Петра I; взгляды, высказанные въ этихъ замѣткахъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ мнѣніямъ передовыхъ элементовъ русскаго общества. Подъ извѣстной „Пѣснью о вѣщемъ Олегѣ“ стоитъ дата: „1 марта 1822 г.“. Раевскій арестованъ былъ 6 февраля этого же года. Не вспоминалъ ли Пушкинъ о бесѣдахъ съ Раевскимъ, о его проповѣди самобытнаго содержанія поэтическихъ произведеній, когда онъ набрасывалъ эту балладу?

Липранди записалъ въ своемъ дневникѣ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на Пушкина первое чтеніе „Пѣвца въ темницѣ“. „Начавъ читать стихотвореніе, Пушкинъ замѣтилъ, что Раевскій упорно хочетъ брать все изъ русской исторіи, что и тутъ онъ нашелъ возможность упоминать о Новгородѣ и Псковѣ, о Марѳѣ Посадницѣ и Вадимѣ, и вдругъ остановился: „Какъ это хорошо, какъ это сильно; мысль эта мнѣ нигдѣ не встрѣчалась; она вертѣлась въ моей головѣ; но это не въ моемъ родѣ, это въ родѣ Тираспольской крѣпости, а хорошо“, и пр. Онъ продолжалъ читать, но видимо болѣе серьезно. Прочитавъ стихотвореніе до конца, онъ продекламировалъ вслухъ недоумѣвающему Липранди отрывокъ, его поразившій:

„Какъ истуканъ, нѣмой народъ
Подъ игомъ дремлетъ въ тайномъ страхѣ:
Надъ нимъ бачей кровавый родъ
И мысль, и взоръ казнитъ на плахѣ“.

Послѣ чтенія зашелъ разговоръ еще объ одномъ четырехстишіи изъ стихотворенія Раевскаго, но у Пушкина не проходило впечатлѣніе поразившаго его отрывка. Онъ былъ въ вол-

неніи... Вдругъ началъ бороться съ Таушевымъ, потомъ схватилъ Таушева подъ-руку и ушелъ. На другой день Таушевъ передавалъ Липранди мнѣніе Пушкина, что мысль этого отрывка едва ли Раевскій не первый высказалъ.

Вслѣдъ за этимъ отрывкомъ въ стихотвореніи Раевскаго находятся обращеніе къ русской старинѣ и упоминанія о Новгородѣ и Псковѣ, Вадимѣ и Марѳѣ Борецкой. Такъ какъ въ неоконченныхъ набросках Пушкина изъ поэмы или трагедіи изъ жизни Вадима, можно прослѣдить отдаленное вліяніе произведенія Раевскаго и его теоретическихъ разсужденій о поэзіи, то мы остановимся нѣсколько подробнѣе на исторіи темы о Вадимѣ въ русской литературѣ и цѣликомъ приведемъ извѣстныя намъ строфы посланія Раевскаго, слѣдующія за приведенными отрывками:

„Къ моей отчизнѣ устремилъ
Я, общимъ зломъ пресытясь, взоры,
Съ предчувствьемъ мрачнымъ вопросилъ
Сибирь, подземные затворы
И книгу, кою открывалъ,
Дыша къ землѣ родной любовью.
Но хладный потъ меня объялъ,—
Листы залиты были кровью!

Я бросилъ сумрачный свой взоръ
Съ печалью на кровавы строки—
Тамъ былъ подписанъ приговоръ
Судьбою гибельной, жестокой:
„Во прахъ и Новгородъ, и Псковъ,
Конецъ ихъ гордости народной!
Они дышали шесть вѣковъ
Во славѣ жизнію свободной“.

Погибли Новгородъ и Псковъ,
Во прахѣ пышныя жилища,
И трупы добрыхъ ихъ сыновъ
Звѣрей голодныхъ стали пища.
Но тамъ безсмертныхъ имена
Златыми буквами сіяли;
Богоподобная жена—
Борецкая, Вадимъ,—вы пали:
Съ тѣхъ поръ исчезъ, какъ тѣнь, народъ,
И гласъ его не раздавался
Предъ вѣстью бранныхъ непогодъ,
На площади онъ не сбирался“ и т. д.

Конецъ стихотворенія намъ неизвѣстенъ.

Обращенія къ Новгороду, Пскову, Вадиму, столь обычныя въ нашей литературѣ первой четверти вѣка, являются, безъ сомнѣнія, результатомъ старательнаго желанія создать самобытную, національную русскую литературу; но у поэтовъ оппозиціоннаго лагеря обращенія именно къ Пскову и Новгороду имѣли особый смыслъ. Искренно желая свободы своей странѣ, они искали свободнаго состоянія своихъ согражданъ въ глубокой древности. Исторія Новгорода и Пскова казалась имъ исторіей древней славянской свободы. Въ борьбѣ за свободу имъ нуженъ былъ легендарный эпическій герой, и они нашли его въ Вадимѣ, вождѣ новгородскаго возстанія, убитомъ въ 863 году [1]). Тема о Вадимѣ имѣетъ любопытную литературную исторію. За обработку ея брались и Екатерина II, и Херасковъ, и Муравьевъ М. Н., и Княжнинъ, и Жуковскій. Каждый изъ авторовъ, при полнѣйшемъ отсутствіи историческихъ данныхъ, рѣшалъ вопросъ о личности Вадима по своему. И вотъ какъ измѣнялся образъ Вадима въ нашей литературѣ. Въ то время, какъ по изображенію Екатерины Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика, представителя просвѣщеннаго абсолютизма,—Княжнинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима, новгородскаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго Брута. Приходитъ французская революція, и взгляды мѣняются. Въ поэмѣ Хераскова посвященной Павлу I, Вадимъ — „юноша, предерзкій, злобный, свирѣпствомъ льву подобный", честолюбивый бунтарь и ярый республиканецъ. „Дней Александровыхъ счастливое начало" будитъ вновь неясныя, неопредѣленныя мечты о свободѣ, и Вадимъ Муравьева и Жуковскаго является сентиментально-романтическимъ ревнителемъ національной свободы. Для Рылѣева и лицъ, раздѣлявшихъ его взгляды, Вадимъ являлся опять желаннымъ героемъ, русскимъ Брутомъ. Этотъ типъ удовлетворялъ и ихъ стремленіямъ къ самобытности и къ чувству, требовавшему героя. Вадимъ сталъ своего рода паролемъ для радикаловъ Александровской эпохи, подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами древне-славянской свободы. Темы о Вадимѣ касался Рылѣевъ въ своей „думѣ". Въ его „думѣ" Вадимъ

---

[1]) Этому Вадиму они могли придать дорогія имъ черты героя-революціонера съ тѣмъ большею увѣренностью, что о немъ не сохранилось никакихъ данныхъ. Всѣ данныя заключаются въ слѣдующей записи въ Никоновской лѣтописи подъ 873 годомъ: новгородцы возмутились правленіемъ Рюрика и... „того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ, совѣтниковъ его".

является мощнымъ и сильнымъ борцомъ за свободу, крѣпко вѣрящимъ въ успѣхъ своего дѣла [1]).

„Дума“ Рылѣева не была извѣстна Пушкину во время его пребыванія въ Кишиневѣ; зато отъ Раевскаго, постоянно проповѣдывавшаго о самобытности, Пушкинъ не мало наслышался о древне-славянской свободѣ Новгорода, Пскова, о Вадимѣ. Принимаясь за обработку темы о Вадимѣ, Пушкинъ не только вспоминалъ разсужденія Раевскаго, но имѣлъ предъ собой и „Пѣвца въ темницѣ“. Изъ его плановъ ничего не вышло; до насъ сохранилось, кромѣ программъ, два отрывка: одинъ предназначался для драмы о Вадимѣ, другой—для поэмы. Въ первомъ отрывкѣ мы найдемъ кое-что и о древне-славянской свободѣ, и о народѣ, влачащемъ свое ярмо. Вадимъ разспрашиваетъ Рогдая: „Ты видѣлъ Новгородъ,—ты слышалъ гласъ народа: скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?—Иль князя чуждаго покорные рабы—рѣшились оправдать гоненіе судьбы“? Рогдай отвѣчаетъ: „Народъ нетерпѣливый,—старинной вольности питомецъ горделивый, досадуя, влачитъ позорный свой яремъ“, и т. д. Невольно вспоминается то впечатлѣніе, которое произвелъ на Пушкина отрывокъ изъ стихотворенія Раевскаго, рисующій положеніе народа подъ ярмомъ власти. Въ отрывкѣ изъ поэмы образъ Вадима развитъ подробнѣе и представляетъ уклоненія отъ типа Вадима—героя-революціонера; тутъ замѣтно вліяніе Вадима въ изображеніи Жуковскаго. Между прочимъ, во снѣ Вадимъ Пушкина видитъ Новгородъ. Поэтъ рисуетъ картину запустѣнія: „Онъ видитъ Новгородъ великій,—знакомый теремъ съ давнихъ поръ; но тынъ обросъ крапивой дикой;—обвиты окна повиликой,—въ травѣ заглохъ широкій дворъ“ и т. д. Не приходили ли на память Пушкину стихи Раевскаго: „Погибли Новгородъ и Псковъ,—во прахѣ пышныя жилища“, и т. д.? Конечно, сближенія отдѣль-

[1]) Въ Вадимѣ Рылѣева нѣтъ и тѣни разочарованія. Г. Замотинъ, изслѣдовавшій исторію преданія о Вадимѣ въ русской литературѣ, несомнѣнно ошибается, зачисляя Вадима Рылѣева и Раевскаго въ толпу разочарованныхъ героевъ Байроновскаго оттѣнка. По мнѣнію г. Замотина, Рылѣевскій Вадимъ, собирающійся на подвигъ борьбы, предчувствуетъ, что она не удастся. Онъ очевидно не зналъ конца „думы“; послѣдняя извѣстная ему строфа: „До какого насъ безславія довели вражды гражданъ! (думаетъ Вадимъ) Насылаетъ Скандинавія властелиновъ для славянъ“!.. Въ рукописи „думы“, найденной В. Е. Якушкинымъ („Вѣстникъ Европы“, 1888 г., № 11) есть еще строфа: „Грозенъ князь самовластительный! Но наступитъ часъ ночной; и настанетъ часъ рѣшительный, часъ для гражданъ роковой“. Для Раевскаго Вадимъ тоже былъ идеаломъ героя, тоже паролемъ. См. И. И. Замотинъ. Преданіе о Вадимѣ новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ, 1901. Сравн. замѣтку объ этой книгѣ П. Щ. въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1902, іюнь, стр. 1092—1094.

ныхъ стиховъ не могутъ дать прочныхъ выводовъ: они всегда случайны и они должны быть приводимы подъ знакомъ вопроса.

Мы исчерпали всѣ данныя объ отношеніяхъ Раевскаго и Пушкина; намъ кажется, что въ біографіи Пушкина Раевскій долженъ быть помянутъ, какъ человѣкъ, дружба котораго была полезна Пушкину и оказала вліяніе на развитіе его міросозерцанія. Мы не должны забывать и попытокъ Раевскаго побудить Пушкина ввести русское содержаніе въ поэзію,—но въ этой области Пушкинъ былъ мастеромъ, понимавшимъ самобытное въ литературѣ безконечно глубже и проникновеннѣе Раевскаго.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о стихахъ самого Раевскаго. Какъ поэтъ, Раевскій совершенно неизвѣстенъ, и мы впервые касаемся его поэтической дѣятельности. До насъ дошло немного его стихотвореній, и всѣ дошедшія написаны имъ или въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ, въ Сибири. Правда, стихотворенія Раевскаго не появлялись въ печати въ моментъ ихъ созданія, и никакого вліянія на развитіе русской поэзіи не могли оказать, но въ исторіи русской поэзіи имя В. Ѳ. Раевскаго должно быть упомянуто, потому что его стихи—историческій памятникъ гражданскаго направленія поэзіи, которое было выдвинуто и нашло дѣятельныхъ представителей среди декабристовъ. Раевскій долженъ быть поставленъ рядомъ съ А. И. Одоевскимъ, другимъ поэтомъ изъ декабристовъ, тоже не оказавшимъ никакого вліянія на современную ему литературу.

Изъ многочисленныхъ отрывковъ изъ произведеній Раевскаго, выше приведенныхъ нами, читатель можетъ составить извѣстное представленіе о характерѣ его дарованія. Его стихи не блещутъ отдѣлкой, красотой формы, но они производятъ сильное впечатлѣніе выразительностью и энергіей стиля. Припомнимъ, какъ восторгался Пушкинъ строфами „Пѣвца въ темницѣ". Неотъемлемое достоинство стиховъ Раевскаго—ихъ простота и безусловная искренность. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ онъ говоритъ о себѣ и своихъ пережиткахъ, или же съ необыкновенной силой исповѣдуетъ свои политическія убѣжденія. Взгляды Раевскаго на сущность и значеніе поэзіи намъ уже извѣстны. Онъ совѣтовалъ Пушкину обратиться къ соціальнымъ темамъ:

„Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ катъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой"!

Мы видѣли—Раевскій, раздѣляя взгляды своихъ современниковъ, стремился вложить національное содержаніе въ поэзію.

Вмѣстѣ съ этимъ, искусству онъ ставитъ задачу непосредственнаго служенія жизни, служенія опредѣленному направленію. Обѣ эти черты сближаютъ Раевскаго съ Рылѣевымъ и позволяютъ зачислить его въ ряды первыхъ по времени представителей того направленія, которое распространилось въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ.

IV.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій, арестованный 6 февраля 1822 года и заключенный въ тираспольскую крѣпость, пробылъ въ заключеніи, въ различныхъ крѣпостяхъ, почти 6 лѣтъ (5 лѣтъ и 8½ мѣс.). Онъ вспоминалъ объ этомъ времени:

„Прошли темничной жизни годы,—
И эти каменные своды,
Во тьмѣ двѣ тысячи ночей—
Легли свинцомъ въ груди моей“ [1]).

За это время надъ маіоромъ Раевскимъ произвели четыре военно-судныхъ дѣла, въ четырехъ различныхъ коммиссіяхъ. Прямыхъ уликъ по его дѣлу не было, а онъ самъ ничего не сообщалъ и отвѣчалъ судьямъ на ихъ вопросы крайне рѣзко, особенно въ первой инстанціи, въ коммиссіи при 6-мъ корпусѣ, гдѣ дознаніе производили корпусный командиръ Сабанѣевъ и начальникъ штаба Вахтенъ — люди, настроенные враждебно противъ Раевскаго. Продолжительность дознанія и переходъ дѣла изъ одной коммиссіи въ другую объясняются, очевидно, тѣмъ, что, пока Раевскій сидѣлъ, правительство обогащалось все новыми данными о тайныхъ обществахъ и дѣло Раевскаго хотѣли связать съ новыми, возникающими дѣлами. Когда началси процессъ декабристовъ, маіоръ Раевскій былъ привлеченъ къ суду комитета противъ государственныхъ преступниковъ и переведенъ изъ тираспольской крѣпости въ петропавловскую. Когда закончилось разслѣдованіе этого комитета, дѣло Раевскаго было передано въ Высочайше учрежденную въ царствѣ польскомъ коммиссію, подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова. Всѣ эти разысканія увѣнчались разборомъ дѣла при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашева и подъ наблюденіемъ великаго князя Михаила Павловича. О производствѣ дѣла мы знаемъ слѣдующее.

---

[1]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 373.

Въ стихотвореніяхъ Раевскаго можно найти данныя о первомъ разслѣдованіи дѣла при 6-мъ корпусѣ. Въ посланіи къ друзьямъ въ Кишиневъ изъ петропавловской крѣпости, отъ 28 марта 1822 года, Раевскій такъ очерчиваетъ свое поведеніе во время слѣдствія":

„Скажите отъ меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ!
Нигдѣ себѣ не измѣнилъ,
И въ дни убійственные жизни
Немраченъ былъ, какъ день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнулъ право укоризны" [1]).

Дѣло осложнялось личнымъ раздраженіемъ судей противъ Раевскаго и рѣзкостью его отвѣтовъ. Въ стихахъ Раевскаго разсѣяны намеки, для насъ несовсѣмъ неясные, по которымъ все-таки можно составить нѣкоторое представленіе объ обстановкѣ допросовъ и о характерѣ судебнаго слѣдствія. Вотъ одинъ отрывокъ, отъ 28 марта 1822 г., напечатанный въ „Русской Старинѣ" съ сокращеніями:

„Наемной лжи передъ судомъ
Я слышалъ голосъ двуязычной,
И презрѣлъ видъ ея двуличной!
Съ какимъ-то рабскимъ торжествомъ,
Въ порокахъ рабскихъ закоснѣлый,
Предатель рабскимъ языкомъ
Дерзнулъ—вопросъ мнѣ сдѣлать смѣлый;
Но я замолкъ передъ судомъ!
. . . . . .
И этотъ тайный трибуналъ
Искалъ не правды обнаженной,
Онъ двухъ свидѣтелей искалъ
Въ толпѣ... презрѣнной.
. . . . . .
Но я сослался на законъ,
Какъ на гранитъ народныхъ зданій" [2]).

Не разъ упоминаетъ Раевскій о враждѣ и клеветѣ, опутывавшей его своими сѣтями (1824 г.):

„Вражда со клеветою
Въ судѣ шипѣли предо мною,
И тщетно я взывалъ права" [3]).

---

[1]) Ibidem, стр. 368.
[2]) Ibidem, стр. 366, 367.
[3]) Ibidem, стр. 372.

Любопытенъ еще одинъ отрывокъ изъ посланія къ дочери, писаннаго въ 1846 году, но мы не можемъ рѣшить, къ какой инстанціи изъ четырехъ, разбиравшихъ дѣло Раевскаго, относятся воспоминанія Раевскаго.

„О, помню я моихъ судей,
Ихъ смѣхъ торжественный, ихъ лица,
Мрачнѣе стѣнъ моей темницы,
И ихъ предательскій вопросъ:
„Ты людямъ славы зовъ мятежный,
Твой ранній блескъ, твои надежды
И жизнь цвѣтущую принесъ,—
Что жъ люди?“ [1])

Можно думать, будто Раевскій открылъ судьямъ идеалистическія настроенія своей души, разсказалъ о томъ, какъ онъ думалъ служить людямъ, исповѣдалъ свои убѣжденія, и съ такимъ предположеніемъ совпадаютъ заключенія послѣдней инстанціи: „хотя маіоръ Раевскій и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки столь важны, что, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни“ [2]).

Когда дѣло Раевскаго было еще въ первой инстанціи, и онъ сидѣлъ въ петропавловской крѣпости,—съ его братомъ, отставнымъ корнетомъ Григоріемъ Ѳедосѣевичемъ случилась исторія, безпримѣрно печальная. Она имѣетъ отношеніе къ дѣлу Раевскаго, да, кромѣ того, и по своему глубокому драматизму, заслуживаетъ быть разсказанной. Дѣло Раевскаго производилось тайно, секретно; родные не могли узнать, за что онъ преданъ суду; кажется, они и не хотѣли знать или боялись предпринимать поиски. Младшій братъ, молодой, семнадцатилѣтній корнетъ въ отставкѣ, Григорій, неотступно умолялъ своего отца разрѣшить ему поѣхать въ Одессу или Тирасполь и тамъ разузнать о причинахъ заключенія Владиміра Ѳедосѣевича Раевскаго. Отказъ отца только усилилъ желаніе молодого человѣка, и онъ рѣшился поѣхать безъ разрѣшенія: между бумагами онъ отыскалъ нѣсколько старыхъ, негодныхъ подорожныхъ братьевъ и, выбравъ лучшую изъ нихъ, подскоблилъ годъ и отправился, въ концѣ 1823 или 1824 года, въ Одессу, сказавъ отцу, что ѣдетъ въ Курскъ. Пріѣхавъ въ Одессу, по молодости и неопытности, онъ

---

[1]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 377.
[2]) Ibid., 1873, т. 7, стр. 373.

проговорился; а такъ какъ дѣло маіора Раевскаго считалось очень важнымъ, то о намѣреніи Григорія Раевскаго сейчасъ же донесли Ланжерону, бывшему генералъ-губернатору. Ланжеронъ донесъ по начальству. Корнета Раевскаго взяли и увезли въ шлиссельбургскую крѣпость. Его тоже заподозрили въ преступной дѣятельности и привлекли къ дѣлу. Въ шлиссельбургской крѣпости молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Зная объ арестѣ брата, Владиміръ Ѳедосѣевичъ, уже изъ петропавловской крѣпости, писалъ о братѣ, объяснялъ причины его поступка: любовь къ своему брату, желаніе видѣться съ нимъ и разспросить его, успокоить его и себя,—и просилъ его освободить. Быть можетъ, въ отвѣтъ на эту просьбу—Григорія Раевскаго перевезли изъ шлиссельбургской крѣпости въ крѣпость Замостье въ то время, какъ уже тамъ находился Владиміръ Ѳедосѣевичъ, и посадили въ камеру на одномъ корридорѣ. Видѣться съ нимъ онъ не могъ, ни тайно, ни явно, но велики были его горе и ужасъ, когда онъ какимъ-то образомъ узналъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ его братъ, и что этотъ братъ сошелъ съ ума. Но дѣло Григорія Раевскаго все продолжалось и окончилось только въ 1827 году, одновременно съ окончаніемъ дѣла брата. Коммиссія, разбиравшая дѣло, „почитая, что корнетъ Григорій Раевскій продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи достаточно наказанъ уже за фальшивый поступокъ, на который рѣшился онъ не по особеннымъ какимъ-либо видамъ, но по незрѣлости лѣтъ и развращенному поведенію; притомъ же поступокъ сей учиненъ имъ до состоянія еще всемилостивѣйшаго манифеста, 22 августа 1826 года, — полагала, освободя упомянутаго корнета Григорія Раевскаго изъ-подъ ареста, доставить въ имѣніе отца, гдѣ и быть ему подъ присмотромъ родственниковъ“. Великій князь Михаилъ Павловичъ согласился съ заключеніемъ коммиссіи, и оно было Высочайше конфирмовано 15 октября 1827 года [1]).

Возвращаемся снова къ Владиміру Ѳедосѣевичу. Не знаемъ, какихъ результатовъ добилась разыскная коммиссія при 6-мъ корпусѣ и какой матеріалъ для обвиненія она собрала. Изъ этой коммиссіи дѣло Раевскаго было передано въ Высочайше учрежденную 17 декабря 1825 года коммиссію для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Эта коммиссія нашла Раевскаго непричастнымъ къ тайному обществу, дѣйствіемъ котораго было 14-ое декабря. Поводомъ къ такому заключенію, повидимому, были

[1]) Исторія Григорія Раевскаго разсказана Влад. Ѳед. Раевскимъ въ его замѣткахъ, писанныхъ въ Сибири въ 1844 г.; здѣсь же данныя и о судѣ надъ Раевскимъ. См. „Русская Старина“ 1873 года, т. VI (мартъ), стр. 376 — 379.

хронологическія сопоставленія: Раевскій былъ арестованъ въ 1822 году, а образованіе новаго отдѣла общества или переформированіе стараго „Союза Благоденствія“, распущеннаго въ 1821 году, не было точно датировано. Вообще, свѣдѣнія комитета не отличались опредѣленностью и точностью. Но разслѣдованіе этой коммиссіи не было эпилогомъ дѣла: оно было передано для новаго разсмотрѣнія въ Высочайше учрежденную въ царствѣ польскомъ при крѣпости Замостье коммиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова. Эта коммиссія подтвердила заключеніе второй инстанціи о непринадлежности маіора къ обществу и сочла возможнымъ вынести слѣдующій приговоръ: „освободить маіора Раевскаго изъ заключенія, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія за службу; а ежели затѣмъ остаются какія-либо подозрѣнія, которыхъ изъ дѣлъ не видно, то отправить въ свое имѣніе подъ надзоръ начальства“. Этотъ приговоръ былъ конфирмованъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Заключенія коммиссіи генерала Дурасова перешли на разсмотрѣніе коммиссіи при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашова и подъ наблюденіемъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ великаго князя Михаила Павловича. Тутъ дѣло Раевскаго приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ. Великій князь, разсмотрѣвъ заключенія коммиссіи, не удовлетворился ея приговоромъ. Онъ нашелъ, что „маіоръ Раевскій, хотя, по удостовѣренію коммиссіи, и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, почему и дальнѣйшее изслѣдованіе объ немъ по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки, изъясненные въ рапортѣ коммиссіи, столь важны, что онъ, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни, и потому насчетъ его, находя приговоръ коммиссіи не соотвѣтствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго маіора Раевскаго, лиша чиновъ, заслуженныхъ имъ—ордена св. Анны 4-го класса, золотой шпаги съ надписью „за храбрость“, медали въ память 1812 года и дворянскаго достоинства,—удалить, какъ вреднаго въ обществѣ человѣка, въ Сибирь на поселеніе“.

Въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ въ Сибири въ 1844 году и напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (1872, мартъ, стр. 376—379), Раевскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ этимъ строкамъ оффиціальной бумаги: „*Собственное* же *поведеніе* и

поступки, а въ особенности *образъ мыслей* (кто ихъ проникъ?) столь *важны*, что ни одного изъ сихъ поступковъ и думъ коммиссія и всѣ суды не могли огласить. Въ чемъ же состояла *важность* его поступковъ и думъ? Для чего бы не сказать, не обнаружить хотя *одинъ* поступокъ и *одну* или *двѣ* мысли"?

На всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба, графа Дибича, въ которомъ было изложено вышеприведенное мнѣніе великаго князя Михаила Павловича, была положена, 15-го октября 1827 года, слѣдующая Высочайшая резолюція: „Быть по мнѣнію его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ. Николай".

Черезъ мѣсяцъ, Раевскаго уже отправили на почтовыхъ въ Сибирь на поселеніе. „Послѣ шестилѣтняго крѣпостного заключенія,—вспоминалъ онъ черезъ сорокъ лѣтъ,—я, наконецъ, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, видѣлъ людей, могъ говорить съ ними; мнѣ дозволяли обѣдать на постоялыхъ дворахъ, ночевать не въ тюрьмахъ, не подъ замкомъ; чиновники и офицеры, которые назначались губернаторомъ тѣхъ губерній, черезъ которыя я проѣзжалъ, обходились со мною не только вѣжливо, но съ непритворнымъ уваженіемъ. Я потерялъ чины, ордена, меня лишили наслѣдственнаго имѣнія, но умственныя мои силы, физическая крѣпость, мое имя—остались при мнѣ".

Сибирь стала второй родиной Раевскому. Только въ 1856 г. ему было разрѣшено вернуться въ Россію, но онъ уѣзжалъ только на время и затѣмъ снова вернулся въ Сибирь. Выброшенный за бортъ, цѣной неимовѣрныхъ усилій, человѣкъ сильной воли и могучей энергіи, Раевскій, безъ всякой посторонней поддержки, съумѣлъ устроить свое матеріальное благополучіе, обзавелся семьей и поставилъ на ноги дѣтей. Изъ ссылки онъ обращался за помощью къ роднымъ и писалъ сестрамъ, но „сестры,—пишетъ Раевскій,—какъ бы судомъ семейнымъ осудили меня на нищету. Александра Ѳедосѣевна отвѣчала очень уклончиво, вовсе не удовлетворительно. Я понялъ, что ссылка моя отдѣлила сестеръ моихъ рѣзко отъ меня, предоставила имъ право не признавать меня своимъ роднымъ братомъ... Я прекратилъ переписку; восемь лѣтъ я не писалъ никому изъ васъ" [1]). Когда у Раевскаго подросли дѣти и нужно было заботиться объ ихъ судьбѣ, Раевскій возобновилъ сношенія, но они, очевидно, не налаживались. Одна изъ сестеръ, Вѣра, взяла на воспитаніе сына Раевскаго. Сестры Раевскаго, воспользовавшись оффиціальнымъ предлогомъ, не только

[1]) „Русская Старина", 1902, мартъ, 602.

отказали ему въ долѣ наслѣдства послѣ отца, но даже совсѣмъ отказались помогать ему. О дѣйствіяхъ сестеръ Раевскаго было въ свое время сообщено въ одномъ заграничномъ журналѣ „Будущность", но мы не имѣли его подъ рукой и не можемъ сообщить подробностей. Въ 1868 году Раевскій писалъ о своихъ сестрахъ: „Веригина имѣетъ деньги на поѣздку въ Парижъ и отказываетъ мнѣ въ такой незначительной помощи. О Бердяевой мнѣ и говорить больно: она, послѣ 40-лѣтней разлуки, не хотѣла видѣться со мной. Я-ль виноватъ, что въ „Будущности" огласили ихъ поступокъ со мною? Неужели онѣ думаютъ, что это тайна? Не одинъ разъ мнѣ предлагали подать прошеніе прямо на имя Государя, такъ какъ это—дѣло совѣсти, не юридикціи. Начинать дѣло, безславить имя моего отца, при моихъ правилахъ—очень тяжело" [1]).

Когда въ 1828 году Раевскій прибылъ въ Сибирь, онъ былъ водворенъ на жительство въ с. Олонкахъ, недалеко отъ Иркутска. Нужно было самому зарабатывать свой хлѣбъ, нужно было кормить свою семью [2]), и Раевскій ушелъ въ практическую дѣятельность; трудно представить себѣ, какъ могъ пристроиться къ практикѣ жизни бывшій офицеръ, богатый человѣкъ, не пріученный къ труду, заговорщикъ, котораго до сихъ поръ оживлялъ „страстей высокихъ пламень". Но въ ссылкѣ Раевскій дѣйствительно развернулъ всю свою энергію и силу воли. Чтобы добыть средства къ существованію, онъ бралъ подряды на поставку вина, сѣялъ хлѣбъ и занимался его продажей; когда эти дѣла пошли плохо, онъ взялъ на себя наемъ рабочихъ на бирюсинскіе золотые промыслы. Въ своемъ письмѣ къ сестрѣ Вѣрѣ Ѳедосѣевнѣ, отъ 21-го мая 1868 года, онъ разсказываетъ подробно исторію своей практической дѣятельности. Читая ее, удивляешься его способ-

---

[1]) Ibid., 605.

[2]) Семьей Раевскій обзавелся довольно скоро. Онъ женился на крещеной бурятке. Исторія отношеній къ той, которая стала его невѣстой, изложена въ его стихотвореніи, отъ 1-го августа 1829 года. Она полюбила его первая, но „грудь моя была какъ камень"... „Безпечная, зачѣмъ ты встрѣтилась со мной?—Зачѣмъ ты странника узнала?—Вся жизнь его—загадка для тебя,—ты съ тайнъ его не снимешь покрывала,—не встрѣтишь съ нимъ ты радостнаго дня,—ты къ сердцу не прижмешь дрожащею рукою—вѣнчальнаго кольца"... Но суровость пѣвца растаяла, его сердце размягчилось. Конецъ стихотворенія: „Она сказала мнѣ отрадное „живи!"—и раны сердца залечила!—Упалъ съ души моей свинецъ!—ты мнѣ дала ключи земного рая—возьми кольцо, надѣнь вѣнецъ,—пойдемъ впередъ, сопутница младая"!.. У Раевскаго была довольно большая семья; изъ сыновей его старшій, Михаилъ—впослѣдствіи казачій полковникъ, извѣстный своимъ удальствомъ и беззавѣтной храбростью—имѣлъ шашку „за храбрость" при усмиреніи польскаго мятежа" („Русская Старина", ibid., 604).

ности къ приспособленію и необыкновенной выносливости. Приведемъ цѣликомъ соотвѣтствующее мѣсто письма:

„По водвореніи моемъ въ с. Олонкахъ, въ 1828 году, первоначально, по просьбѣ крестьянъ, я взялъ небольшой подрядъ на перевозку вина изъ винокуреннаго завода, по одобрительному свидѣтельству или поручительству крестьянъ. Черезъ полтора года, новый откупщикъ безъ одобрительнаго свидѣтельства ввѣрилъ мнѣ всю перевозку, съ жалованьемъ 3.000 руб. (ассигн.) въ годъ. Восемь лѣтъ постоянно я занимался пріемкою вина и доставкою его во всѣ мѣста иркутской губерніи, Забайкальской и Якутской областей. Кромѣ 3.000 р. жалованья, я получалъ до двухъ тысячъ награжденія. Купилъ мельницу, домъ въ г. Иркутскѣ, отстроился въ Олонкахъ, купилъ 30 десятинъ пашни. Когда откупъ Пономарева кончился, а я сильно заболѣлъ затвердѣніемъ печени, я оставилъ должность или званіе довѣреннаго по откупу и занялся хлѣбопашествомъ и торговлею хлѣбомъ [1]). Торговля эта давала отъ 4—5 тысячъ дохода. Девять лѣтъ я занимался покупкою и продажею хлѣба, но, съ пріѣздомъ новаго генералъ-губернатора Муравьева, вмѣсто покупки хлѣба въ казну, начался безбожный, насильственный налогъ. Крестьянамъ выдавались произвольно цѣны на хлѣбъ, не окупавшія труда. Я долженъ былъ бросить и хлѣбопашество, и торговлю хлѣбомъ. Нечего было дѣлать. Я взялъ на себя наемъ рабочихъ людей на бирюсинскіе золотые промыслы, до 2.000 человѣкъ, и получалъ до 3.000 р. сер. въ годъ. Но я долженъ былъ съ ноября мѣсяца по мартъ ѣздить по округамъ и деревнямъ, заключать контракты, выдавать билеты и въ это время, проѣзжая нѣсколько тысячъ верстъ, останавливаться на квартирахъ въ деревняхъ, разсчитывать каждаго особо и лично, а въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣхать на промыслы, тайгою, для разсчета съ управляющими: 250 верстъ верхомъ и обратно, а всего 500 верстъ. Новый откупщикъ предложилъ мнѣ взять на себя пріемку вина и поставку этого вина, отъ 700 до 800 тысячъ ведеръ, во всѣ города и дистанціи Восточной Сибири. Я согласился, и при двухъ откупщикахъ занимался этимъ дѣломъ по довѣренности, какъ довѣренный, 12 лѣтъ, получая до 2.500 руб. сер. Мельница безъ собственнаго присмотра не обезпечивала домашняго содержанія въ Олонкахъ. По окон-

[1]) По разсказу С. В. Максимова, Раевскій занимался также разведеніемъ арбузовъ. „Въ Олонкахъ, подъ Иркутскомъ, на особыхъ грядахъ и безъ излишнихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратили въ промыселъ". См. С. Максимовъ, „Сибирь и каторга". Часть III. Спб. 1871, стр. 263.

чаніи откупа, у меня осталось за всѣми разсчетами до пяти тысячъ рублей серебромъ. Я взялъ подрядъ на поставку вина въ города Иркутскъ и Нижнеудинскъ, 164 тысячи ведеръ, и между прочимъ склады вина и нѣсколько питейныхъ домовъ" [1]).

Но съ 1863 года житейское благополучіе, на созданіе котораго было затрачено столько трудовъ, начинаетъ колебаться. Раевскаго преслѣдуютъ жестокія испытанія и несчастья, иногда просто неожиданныя. Казна какимъ-то путемъ сочла возможнымъ удержать залогъ въ 3.000 руб.; въ одну изъ поѣздокъ Раевскій подвергся нападенію разбойниковъ, которые сильно поранили его; сынъ его, въ самую нужную для отца минуту, проигралъ 1.200 руб.; по неосторожности, Раевскій попалъ въ огонь: у него обгорѣла половина тѣла и онъ лежалъ безъ движенія. Матеріальное благополучіе рушилось мало-по-малу; Раевскій сталъ входить въ долги. Письмо, единственное, дошедшее до насъ, изъ котораго мы выше почерпали біографическія данныя, было написано въ 1868 году, съ цѣлью побудить сестеръ помочь ему деньгами. Несчастья сломили гордую волю человѣка: желая получить деньги, онъ разсказываетъ въ письмѣ всю свою жизнь, и въ заключеніе пишетъ: „чѣмъ скорѣе я получу деньги, тѣмъ болѣе я буду благодаренъ. Если домъ мой опишутъ, для меня достаточно мѣста будетъ на кладбищѣ... Но больная жена, но Соничка... Я и то съ нѣкотораго времени ложусь спать и просыпаюсь, какъ осужденный. Ты бы не узнала своего брата— онъ постарѣлъ" [2])... Не знаемъ, была ли исполнена просьба; этимъ письмомъ обрываются наши свѣдѣнія о жизни Раевскаго.

Въ 1868 г. ему исполнилось 73 года; четыре года спустя, въ 1872 г., онъ скончался.

Къ этимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ письма, намъ уже почти нечего прибавить о жизни Раевскаго. Можно еще сказать, что обвиненія, вызвавшія его ссылку, продолжали тяготѣть надъ нимъ въ теченіе всей его ссылки. Многимъ изъ декабристовъ были даны различныя льготы и сдѣланы смягченія ихъ участи; Раевскій не испыталъ милости. Только при вступленіи на престолъ императора Александра II онъ получилъ прощеніе, но чинъ ему не былъ возвращенъ. Раевскій не разъ пытался вступить въ службу по гражданской части: его энергія обращала на себя вниманіе генералъ-губернаторовъ, и четверо изъ нихъ, по разсказу Раевскаго, входили о немъ съ представленіемъ къ го-

---

[1]) „Русская Старина", 1902, мартъ, 603, 604.

[2]) Ibid., 605, 606.

сударю—но получали отказъ. „Что же было причиной такой немилости? Государь (Николай Павловичъ) считалъ меня виновнѣе другихъ, но доказательствъ не было“ [1]). Н. А. Бѣлоголовый, воспитанникъ декабристовъ, знавшій ихъ жизнь, сохранилъ память и о Раевскомъ. Вотъ строки изъ его „Воспоминаній“, относящіяся къ Владиміру Ѳедосѣевичу и дающія нѣсколько чертъ изъ исторіи его сибирской жизни и характеристики: „На камчатникѣ къ Волконскимъ нѣсколько разъ въ лѣто пріѣзжала семья Трубецкихъ, зачастую привозя съ собой двухъ барышенъ Раевскихъ. Раевскій тоже былъ политическій сосланный, проживший также десятки лѣтъ въ Сибири, и хотя былъ сосланъ одновременно съ ними, но не считался принадлежащимъ къ ихъ кругу и, кажется, на каторгѣ съ ними не былъ. О немъ и о его семьѣ я мало могу сказать: жилъ онъ въ селѣ Олонкахъ, въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска, и имѣлъ, кромѣ жены, двухъ дочерей и двухъ сыновей; дочерей онъ оставилъ при себѣ, а сыновей отправилъ для воспитанія въ Россію. Самъ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій держалъ себя какъ-то особнякомъ и, должно быть, рѣдко выѣзжалъ изъ Олонокъ, потому что мнѣ ни разу не пришлось его видѣть ни у декабристовъ, ни въ городѣ; репутацію онъ имѣлъ человѣка весьма умнаго, образованнаго и остраго, но озлобленнаго и ядовитаго“ [2]).

Такимъ образомъ, мощнымъ ударомъ судьбы была разбита жизнь, съ юныхъ лѣтъ отданная подвигу дѣятельной любви:

„И громъ ударилъ въ тишинѣ...
Какъ будто бы въ ужасномъ снѣ,
На брегѣ дикомъ и безплодномъ,
Почти безлюдномъ и холодномъ,
Борьбой измученный пѣвецъ
Себя увидѣлъ, какъ пришлецъ
Другого міра“ [3])..

Въ „другомъ мірѣ“ всю жизнь заполнила тяжелая борьба за существованіе... Но неужели и внутренняя жизнь была погло-

---

[1]) Ibid., 603. Въ виду этихъ данныхъ о дѣятельности Раевскаго представляется невѣрнымъ сообщеніе Е. И. о томъ, будто В. Ѳ. Раевскій игралъ значительную роль при главномъ управленіи Сибирью. Въ этой же замѣткѣ Е. И. о Раевскомъ сказано, что онъ былъ человѣкъ умный и энергичный, но не внушавшій къ себѣ симпатіи. Приводимое нами въ текстѣ свидѣтельство доктора Бѣлоголоваго исправляетъ это заключеніе. Замѣтка Е. И.—въ „Русской Старинѣ“, 1873, т. VII (май), стр. 720.

[2]) Бѣлоголовый, д-ръ, „Воспоминанія“ и другія статьи. М. 1897, стр. 57.

[3]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 377.

щена этой борьбой? Неужели исчезъ безъ возврата „высокихъ думъ, страстей завѣтный пламень“, и были изгнаны изъ памяти всѣ надежды юной жизни?

„Текутъ впередъ изгнанья годы,
Все тѣ же солнце и луна,
Такая жъ осень и весна,
Все тотъ же гулъ отъ непогоды“ [1]...

Какъ же теперь относился Раевскій къ книгѣ своей жизни, къ тѣмъ ея страницамъ, на которыхъ записана ея трагедія, къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли его въ покинутомъ имъ мірѣ? Отвѣты на эти вопросы даютъ стихотворенія, писанныя имъ въ Сибири:

„Я вопрошалъ у совѣсти моей
Мою вину... она молчала,
И свѣтлая заря въ душѣ моей сіяла“!..

Но вѣдь онъ видѣлъ, что „цѣли онъ желанной не достигъ“ [2]); онъ зналъ, что осталось непонятымъ то, во имя чего онъ боролся; онъ не находилъ у людей признанія ни своимъ трудамъ, ни своимъ мечтамъ. Много нужно было силы душевной и религіознаго идеализма, чтобы не отчаяться въ дѣлѣ всей жизни...

„И что-жъ отъ пламенныхъ страстей
Надеждъ, возвышенныхъ желаній,
Мольбы и набожныхъ мечтаній
Въ душѣ измученной твоей
Осталось?
Вѣра въ Провидѣнье,
Познанье вѣрное людей,
Жизнь безъ желаній, безъ страстей,
Въ болѣзняхъ сила и терпѣнье,
Все та же воля, какъ законъ,
Давно прошедшаго забвенье
И надъ могилой сладкій сонъ“! [3])

Идеалистическія вѣрованія спасали отъ душевной гибели и Раевскаго, и другихъ декабристовъ. Отношеніе къ нимъ, выказанное современниками, отсутствіе сочувствія, могли огорчать, но не убивали ихъ. За подвигъ свой, по оригинальному выраженію Раевскаго, онъ ждалъ только улыбки людей!

„Съ набожной мечтою
И съ чистой вѣрой—не искалъ
Я власти, силы надъ толпою.

---

[1]) Ibid, стр. 374.
[2]) Ibid, стр. 379.
[3]) Ibid, стр. 378.

Не удивленья, не похвалъ
Отъ черни я безсильной ждалъ;
Я не былъ увлеченъ мечтою;
Что скажутъ люди, я не зналъ" [1]).

Раевскій не сѣтовалъ на людей за ихъ незаслуженное отношеніе къ нему, и въ своемъ посланьѣ онъ даетъ дочери слѣдующій завѣтъ:

„Люби людей, дай руку имъ въ пути!
Они слѣпцы, но, другъ мой, наше дѣло
Жалѣть о нихъ и ношу ихъ нести.
Нѣтъ, не карай судомъ и приговоромъ
Ошибки ихъ. Ты знаешь, кто виной,
Кто ихъ сковалъ желѣзною рукой
И заклеймилъ и рабствомъ, и позоромъ" [2]).

Сила религіознаго чувства поддерживала идеализмъ въ сердцахъ осужденныхъ и помогала имъ переживать всѣ невзгоды жизни, а у Раевскаго было еще одно утѣшеніе. У него была почти мистическая вѣра въ то, что его дѣти посвятятъ свою жизнь служенію высокимъ думамъ и страстямъ, и ихъ жизнь станетъ непосредственнымъ продолженіемъ жизни отца:

„Богъ видѣлъ все... Онъ трудъ мой освятилъ...
Онъ мнѣ дѣтей, какъ даръ святой, завѣтный,
Какъ мысль, какъ цѣль, какъ мира вѣтвь—вручилъ!
Итакъ, мой другъ, я волей безотчетной
И мысль, и цѣль тебѣ передаю:
Тотъ знаетъ ихъ, кто знаетъ жизнь мою" [3]).

Въ представленіяхъ Раевскаго между жизнью его дѣтей и его загробною участью существуетъ таинственная связь. Конецъ его посланія къ дочери—этого завѣта ей—грозное и мистическое откровеніе:

„Когда я въ міръ завѣтный отойду,
Когда меня не будетъ больше съ вами,
Не брошу васъ, я къ вамъ еще приду—
И внятными, знакомыми словами,
Къ отчету васъ я строго призову.
Отъ васъ мои иль вѣчныя страданья,
Иль вѣчное блаженство—все отъ васъ!
И трудъ земной пройдетъ какъ день, какъ часъ,
Для нераздѣльнаго небеснаго свиданья" [4]).

П. Е. Щеголевъ.

---

[1]) Ibid, стр. 377.
[2]) Ibid, стр. 376.
[3]) Ibid, стр. 379.
[4]) Ibid, стр. 380.

НА НОВОМЪ МѢСТѢ

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе.

V *).

Проживъ три дня у дяди Левонтія, Корманъ все еще не былъ увѣренъ, что его пріютилъ еврей. Такъ чужда была ему вся обстановка, порядокъ дня, взаимныя отношенія, а главное, работа хозяевъ. Только дождавшись субботы и посмотрѣвъ, какъ она справляется, Корманъ и жена его вздохнули свободнѣе. Они убѣдились, что дядя Левонтій дѣйствительно еврей.

— Знаете что̀, — сказалъ онъ ему вечеромъ въ субботу за ужиномъ:—скажите мнѣ ваше еврейское имя.

— Шлема,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Такъ я васъ буду звать лучше по-еврейски, ребъ Шлема, —предложилъ Корманъ.

— Ну, нѣтъ, какой же я ребъ! Ребъ—это значитъ который ученый да богобоязненный, я вѣдь знаю. А мы какіе же ученые! — Леонтій покраснѣлъ и вздохнулъ. — Зовите прямо Шлема.

Корманъ, однако, не согласился, а жена его, ни съ того, ни съ сего, начала благодарить супруговъ за ихъ „добро“.

*) См. выше: май, 156 стр.

Эти благодарности, повторяемыя ежедневно по нѣскольку разъ, крайне смущали Леонтія и его жену, и это мѣшало имъ болѣе обстоятельно узнать: кто такой пріютившійся у нихъ человѣкъ. Они стѣснялись разспрашивать, боясь обидѣть „гостей".

Въ этотъ субботній вечеръ Корманъ самъ съ большими прикрасами разсказалъ о томъ, что совершенно напрасно и безвинно „попалъ" въ Сибирь. Онъ былъ меламедомъ (еврейскимъ учителемъ) у одного винокуреннаго заводчика. Заводъ сгорѣлъ, хозяина обвинили въ поджогѣ, а его, Кормана, въ пособничествѣ и укрывательствѣ, и обоихъ осудили, но его, Кормана, напрасно, такъ какъ онъ ни въ чемъ не виноватъ. Тутъ Корманъ прослезился, его жена заплакала, а Леонтій и тетка Настасья начали ихъ утѣшать. Имъ въ голову не приходило сомнѣваться въ правдивости разсказаннаго.

Когда Корманы, еще разъ сконфузивъ своихъ хозяевъ благодарностью, ушли къ себѣ, Леонтій, послѣ небольшого молчанія, сказалъ женѣ.

— А, слышь! Онъ, должно, большой ученый, меламедомъ былъ.

— Ну,—согласилась тетка Настасья.

— А знаешь, что̀ я думаю? Оставить бы его у насъ.

Жена молчала, ожидая объясненій.

— Гриньку-то, вотъ, учить надо, а кому? Десять уже лѣтъ, пора. Вотъ его парнёнка—слыхала даве, какъ здо̀рово молитвы-то читалъ?

— Ну, — живо подхватила тетка Настасья.—Ужъ я и то диву далась: такой маленькій, а какъ читаетъ! Сердце радуется.

— Рассейскій!—вздохнулъ дядя Левонтій.

— А нашъ Гринька, слышь, смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, инда меня завидки взяли, прости меня, Господи!

— Вотъ-то я и говорю,—учить пора.

— Дорого, поди, захочетъ. Не по силамъ.

— А у братца Арона? У него вѣдь тоже Санька да Борька. Вдвоемъ, глядишь, оно не такъ бы ужъ много.

— А вѣдь это ты, слышь, хорошо придумалъ; завтра же сходи, поговори!—еще оживленнѣе подхватила тетка Настасья, пораженная идеей мужа, состоящей въ томъ, чтобы пригласить Кормана въ качествѣ меламеда и къ Гринькѣ, и къ двумъ его сверстникамъ, Санькѣ и Борькѣ, дѣтямъ Арона.

Супруги замолчали. Дядя Левонтій былъ очень доволенъ, что его „затѣя" понравилась „бабѣ".

— Знаешь что̀?—вдругъ схватилась съ кровати тетка Настасья.—А можетъ, онъ и шойхетомъ можетъ быть?

Дядя Левонтій тоже приподнялся. Блестящая мысль жены прямо поразила его своей геніальностью. Имѣть не только учителя, но и шойхета, избавиться отъ большихъ расходовъ по выпискѣ его изъ далекаго города, вдобавокъ, имѣть всегда кусокъ мяса, по которомъ почти полгода „скучали“ избалованные сытымъ житьемъ сибирскіе евреи-крестьяне,—это ли не геніальная мысль! Однако, немного подумавъ, дядя Левонтій сказалъ:

— Ну, еще что̀ выдумала! Поди, ино дѣло меламедъ, ино шойхетъ.

— Да самъ же говоришь—ученый, значитъ, все знаетъ,—оправдывалась тетка Настасья.

Леонтій снова задумался.

— Сводить развѣ его къ братцу Василь-Григорьичу?—вслухъ подумалъ онъ.

— А что-жъ, и сведи, завтра же сведи!—поддержала жена.—Братецъ ужо̀ все узнаетъ, какъ слѣдуетъ.

— А это ты, слышь, хорошо придумала, даромъ что баба,—похвалилъ дядя Левонтій, и тетка Настасья осталась очень довольна комплиментомъ мужа. Они еще долго говорили о томъ, какъ хорошо будетъ, если удастся выполнить задуманный планъ.

Получить титулъ ученаго у сибирскихъ евреевъ-хлѣбопашцевъ и легко, и выгодно. Легко потому, что никакой учености не требуется. Нужно только хорошо говорить на жаргонѣ, бѣгло читать и умѣть переводить древне-еврейское, т.-е. знать ровно столько, сколько знаютъ самые лядащіе евреи европейской Россіи. Выгодно потому, что сознающіе свое „невѣжество“ сибиряки взираютъ на каждаго „ученаго“ съ какимъ-то благоговѣніемъ, окружая его всѣми доступными имъ знаками вниманія и уваженія. Зная объ этомъ, евреи-поселенцы по цѣлымъ годамъ живутъ у сибиряковъ; ихъ кормятъ, поятъ не только потому, что гостепріимство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ присуще сибирякамъ, но именно потому, что они ученые, что по субботамъ или въ долгія зимнія ночи такой „ученый“ разскажетъ какую-нибудь талмудическую легенду, притчу, переведетъ главу изъ пророковъ, вообще,—поговоритъ о божественномъ. Вниманіе къ этимъ божественнымъ бесѣдамъ—самое напряженное. Всѣ мужчины, женщины, дѣти слушаютъ, затаивъ дыханіе, очень рѣдко осмѣливаясь прервать ученаго какимъ-нибудь вопросомъ. А если случится, что сойдутся двое „ученыхъ“ и заведутъ между собою хитроумный диспутъ о какомъ-либо совершенно абстрактномъ изреченіи талмуда, то этотъ диспутъ слушается съ наслажденіемъ. Слушатели ни слова не понимаютъ въ спорѣ, но имъ

важно не то, о чемъ спорятъ, не то даже, какъ спорятъ,—важно то, что двое ученыхъ диспутируютъ о божественномъ, и на побѣдителя смотрятъ съ благоговѣніемъ и считаютъ большой честью, если онъ удостоитъ своимъ посѣщеніемъ того или иного „дядю“.

Проживающіе у сибиряковъ „ученые“, конечно, никакой работой не заняты, да они и не могли бы, еслибы даже хотѣли, помогать пріютившимъ ихъ. Тяжелая крестьянская работа была не по силамъ абсолютно ей чуждымъ и физически истощеннымъ отбросамъ еврейства Европейской Россіи.

Что Корманъ ученый—дядя Левонтій имѣлъ случай убѣдиться на другой же день послѣ посѣщенія его у себя, когда, разбирая привезенный съ собой хламъ, Корманъ досталъ десятка полтора книгъ самаго разнообразнаго формата и шрифта. Большинство были такія, что дядя Левонтій не могъ прочитать въ нихъ ни одного слова, такъ какъ онѣ не имѣли объяснительныхъ знаковъ. Дядя Левонтій съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ, муслилъ всѣ пальцы, переворачивая то большіе, то крошечные листы, и все справлялся, какія это книги. Мудреныя и загадочныя названія книгъ внушали ему большое уваженіе къ Корману. Затѣмъ послѣдній, въ разговорахъ, часто вставлялъ длинныя, совершенно непонятныя изреченія на древне-еврейскомъ языкѣ, и именно потому, что они были совершенно непонятны, они восхищали дядю Левонтія. Наконецъ, сообщеніе Кормана, что онъ былъ меламедомъ, окончательно убѣдило дядю Левонтія, что онъ имѣетъ дѣло съ великимъ ученымъ. Меламедъ—это уже не просто ученый, а поучающій, обращающій ихъ, сибиряковъ, въ евреевъ. Слово меламедъ сибиряку неизвѣстно, это слово у нихъ замѣняется почетнымъ титуломъ—„ребе“,—и хотя бы этотъ ребе только и зналъ, что одну еврейскую азбуку, его имя уже не произносятъ, и въ глаза, и за глаза онъ одинаково называется ребе; даже крестьяне, встрѣчаясь съ нимъ, кричатъ:

— Добраго здоровья, реба! Какъ здоровьице?

Мудрому брату Василь-Григорьичу и его женѣ „бабья думка“ тоже по душѣ пришлась. Онъ долго разспрашивалъ брата, рано поутру явившагося къ нему съ своимъ предложеніемъ, какого рода книги привезъ Корманъ. Леонтій, однако, не могъ удовлетворить его любопытства.

— Ужъ я, братецъ, не знаю. Такія, что не прочтешь. Вижу, значитъ, гдѣ атшъ, гдѣ бишъ, а что оно значитъ—и не знаю. А одна, слышь, страсть большая, куды больше нашего молитвенника. Во!—и онъ широко разводилъ руками, опредѣляя объемъ неизвѣстной книги, размѣромъ превышавшей даже самую боль-

шую, имѣвшуюся въ еврейской библіотекѣ всѣхъ трехъ братьевъ Винеровъ.

— Только какъ же, чтобы шойхетомъ? Вѣдь это не то, что другое, прочее,—сомнѣвался Василій.

— Да вѣдь ребой былъ, да еще въ Рассеи, — отвѣтилъ Леонтій.

— Ну, да приведи ужотко, поговорю, узнаю, что̀ и какъ,— рѣшилъ, наконецъ, Василій, и довольный Леонтій отправился къ другому брату, Арону, условливаться насчетъ обученія дѣтей. Аронъ сразу согласился. Его тоже давно озабочивало, что его подросшіе ребята, Санька да Борька, еще „не обучены", и представившаяся возможность обучить ихъ очень его обрадовала.

Довольный успѣхомъ своей миссіи, Леонтій вернулся домой и конфиденціально сообщилъ женѣ объ удовлетворительномъ результатѣ. Пока мужъ велъ переговоры съ братьями, у нея уже совсѣмъ „сердце разгорѣлось". Напоивъ своихъ гостей чаемъ, она прифрантилась, прифрантила и Гриньку, т.-е. одѣла его въ шаровары и чистую ситцевую рубаху, взяла сына за руку и робко вошла въ чистую комнату, гдѣ Корманъ и его сынишка молились.

Усѣвшись на краю скамейки, тетка Настасья съ восхищеніемъ смотрѣла и слушала, какъ молится „паренекъ" Кормана. Мальчикъ читалъ внятно и быстро, съ осмысленной интонаціей, нараспѣвъ и, очевидно, хорошо знакомый съ читаемымъ, бо̀льшую часть молитвъ произносилъ наизусть, глазѣя по сторонамъ и особенно часто останавливая глаза на Гринькѣ, который, заложивъ, по-мужицки, руки за поясокъ рубашки, съ широко раскрытыми глазами тоже смотрѣлъ во всѣ глаза, дивуясь, какъ „здо̀рово рѣжетъ молитву" этотъ худенькій, маленькій мальчикъ. Мать изрѣдка посматривала на своего сына и, наконецъ, прослезилась. Ей стало обидно за него.

Послѣ обѣда Леонтій предложилъ Корману сходить съ нимъ къ „братцу Василь-Григорьичу". Такое же предложеніе сдѣлала женѣ Кормана тетка Настасья. Цѣль посѣщенія, разумѣется, скрыли. Гринькѣ поручили „поиграться съ паренькомъ". Гринька, успѣвшій уже приглядѣться и заинтересоваться своимъ сверстникомъ, сейчасъ же подошелъ къ смирно сидѣвшему мальчику и, по обыкновенію, засунувъ руки за поясокъ рубашки, добродушно спросилъ:

— Тебя какъ же звать?

— Береле,—чуть слышно отвѣтилъ мальчикъ.

— Каакъ?

— Береле,—послышался еще болѣе робкій отвѣтъ.

Гринька безпомощно завертѣлъ головой.

— Тятька! Его какъ же зовутъ? — обратился онъ къ отцу и ткнулъ пальцемъ на совсѣмъ оробѣвшаго мальчика.

— А ты спроси,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Да я спрашивалъ... Не знаю...—медленно тянулъ Гринька, смущаясь и почесывая себѣ голову.

Дядя Леонтій обратился къ Корману,—тотъ сказалъ, что сына зовутъ Береле и что это имя дано ему въ честь какого-то необыкновенно ученаго родственника. Леонтій крякнулъ, многозначительно посмотрѣлъ на жену и обратился къ сыну:

— Борькой, значитъ, звать-то его.

— А-а, Борькой, то-то,—удовлетворился Гринька.—Ну, пойдемъ, что-ли,—и, взявъ за руку новоиспеченнаго Борьку, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты. Матери посмотрѣли обоимъ мальчикамъ вслѣдъ, переглянулись и улыбнулись.

Взрослые тоже отправились къ братцу Василь-Григорьичу.

Гринька повелъ товарища прямо въ загонъ, гдѣ на волѣ разгуливали десятокъ лошадей, нѣсколько жеребятъ и телятъ. Гринька, тщательно закрывъ скрыпучія ворота, усѣлся на колоду изъ-подъ корма и началъ посвящать Борьку въ достоинства и недостатки всѣхъ лошадей. Онъ говорилъ солидно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, употребляя техническія выраженія.

— Видишь, вонъ, буланку? Добрый конь,—хоть ты на него сто пудовъ наложи, повезетъ. Тятька, какъ пахать надо, завсегда буланку беретъ, только лѣнивъ—страсть!—кнута любитъ. А вонъ пѣгонькаго лошанка [1]) видишь? Матка у него осенясь пропала. И съ чего, не знаемъ. Такъ, вдругъ взяла, да пропала. А хорошая кобыла была. Мы было думали, что и пѣгашка пропадетъ, да нѣтъ, вишь, остался. Хорошій конь будетъ, только играть любитъ.—И въ доказательство Гринька бросился къ жеребенку; тотъ, вскинувъ задними ногами, „заигралъ“, т.-е. помчался вокругъ загона. Потревоженные кони заржали и тоже начали бросаться изъ стороны въ сторону. Гринька, не обращая никакого вниманія на мчащихся и брыкающихся коней, съ крикомъ несся по загону за жеребенкомъ, пока, наконецъ, ловко забѣжалъ наперерѣзъ, поймалъ его и моментально очутился у него на спинѣ.—Вишь, какъ играетъ!—крикнулъ онъ Борькѣ. Тотъ отъ страха совсѣмъ забрался въ колоду, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣлъ

---

[1]) Годовалый жеребенокъ.

на продѣлки товарища, который ежеминутно рисковалъ быть убитымъ бѣшено мчавшимися вокругъ лошадьми. Гринька, замѣтивъ, какой эффектъ производятъ его эволюціи, окончательно разошелся. Однимъ прыжкомъ соскочилъ съ жеребенка и бросился къ большимъ лошадямъ. Онъ поочередно ловилъ то одного, то другого коня, вскакивалъ на спины и съ гикомъ: „грабятъ!"—несся по загону. Ошалѣвшіе кони носились какъ вихрь, а Гринька, обхвативъ скакуна за шею, билъ его по бокамъ сапогами. Наконецъ, утомившись, онъ бросилъ эту забаву и, сверкая глазами отъ удовольствія, подошелъ къ Борькѣ. Страхъ послѣдняго дошелъ до апогея. Онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты чего? Боишься развѣ? — съ удивленіемъ спросилъ Гринька.—А ты коней никогда не бойся, потому она, лошадь, лукавая, сейчасъ замѣтитъ, коли кто ея боится, ни за что въ руки не дастся,—докторально поучалъ онъ товарища.

Тотъ все молчалъ. Кромѣ поразившаго его молодечества Гриньки, онъ еще очень плохо понималъ его. Знаніе русскаго языка Борьки было крайне примитивное, и онъ положительно не находилъ словъ объясняться съ нимъ.

— Да ты что̀ это такъ чудно̀ говоришь? — спросилъ его Гринька.

— Я по-русски не умѣю, я по-еврейски,—съ трудомъ объяснилъ Борька.

— По-еврейски! Я по-еврейски не знаю. Тятька знаетъ, хорошо знаетъ, и мамка знаетъ, а я нѣтъ. Меня, тятька сказывалъ, еще учить будутъ, и тогда и я буду говорить,—увѣрялъ Гринька.—А ты, слышь, по-еврейски хорошо знаешь. Даве, вонъ, я слышалъ, ты по книжкѣ читалъ, страсть-здо̀рово!

Эта похвала товарища подбодрила оробѣвшаго Борьку, и онъ началъ сначала несмѣло, но потомъ все болѣе оживляясь, разсказывать на своемъ тарабарскомъ русскомъ языкѣ, что онъ уже давно и много учился, знаетъ многое, даже талмудъ, и что мама его говоритъ, что онъ будетъ раввиномъ.

Настала очередь Гриньки изумиться. Онъ слушалъ разиня ротъ и все больше и больше проникаясь удивленіемъ къ этому маленькому и худенькому „парнёнку", который, вотъ, коней даже боится, а между тѣмъ такой ученый.

— Ишь ты! ребе! — удивлялся Гринька и, желая въ свою очередь поразить будущаго раввина, сказалъ:

— А я нонѣ на маслинкѣ двадцать копѣекъ выбѣжалъ. У Ѳедькинаго тятьки каурая кобыла есть. Она хоть на одну ногу и припадаетъ, да какъ разойдется, бѣжитъ—страсть! Вотъ мы съ

Ѳедькой и ударились,—онъ, значитъ, на кауркѣ, я на карькѣ,—эвона, видишь?—Отъ крутого лога до самаго села. Тутъ верстъ пять будетъ. Ну, вотъ, завели мы коней да и пустились. Каурка-то по началу отстала далеко, да потомъ, слышь, какъ разошлась, да какъ, язви ее, почала, почала! Я давай своего карька, инда потничекъ потерялъ, и таки выбѣжалъ закладъ,—саженей па пятнадцать отстала каурка. Двадцать копѣекъ получилъ. А тятька мой, слышь, такъ цѣлый рупъ. Онъ съ Ѳедькинымъ тятькой ударился на рупъ. Осенясь, вотъ, опять побѣжимъ, потому Ѳедькинъ тятька говоритъ, что пять верстъ для каурки мало, семь надо. Ну, да посмотримъ, я ужо своего карька налажу,—увѣренно закончилъ онъ и побѣжалъ къ карька. Лошадь не сразу далась, но Гринька живо поймалъ ее, и съ самымъ серьезнымъ видомъ началъ поднимать ей то одну, то другую ногу; важно разсматривая копыта, подлѣзалъ коню подъ брюхо, вообще явно бравировалъ, желая поразить и безъ того пораженнаго товарища, ни слова, впрочемъ, не понявшаго изъ всего услышаннаго.—А ты въ бабки играть умѣешь? Пойдемъ, покажу, у меня много бабокъ,—и, не дожидаясь, Гринька пошелъ къ воротамъ. Борька послѣдовалъ за нимъ, трусливо оглядываясь на ржущихъ и расхаживающихъ по загону лошадей. — Вишь, сколько!—хвасталъ Гринька, показавъ цѣлую груду бабокъ.—Ужо завтра поиграемъ, сегодня суббота. Въ субботу, тятька говоритъ, грѣхъ играть. У Митьки косого тоже много бабокъ, и плитка у него хорошая,—продолжалъ онъ.—Только онъ, Митька, хлюздитъ, онъ все норовитъ жида отнять, а я жида не даю, всегда кричу: мой жидъ! Митька злится.

Борька началъ вздрагивать. Въ непонятномъ разсказѣ товарища онъ вдругъ услыхалъ хорошо знакомое и понятное слово: жидъ...

— Развѣ твой тятька не еврей?—несмѣло спросилъ Борька.

— Мой тятька еврей,—увѣренно сказалъ Гринька.

— Такъ ты что... ты зачѣмъ ругаешь?

— Кого ругаю?—изумился Гринька.

— Да жидъ говоришь...—со слезами выговорилъ Борька.

— Ну-у?—еще болѣе изумился его товарищъ.

Дѣти не понимали другъ друга. Одинъ зналъ слово жидъ какъ ругательное; другому оно было знакомо только какъ необходимый терминъ при игрѣ въ бабки.

— Да ты о чемъ плачешь-то?—испугался, наконецъ, Гринька. —Я вѣдь тебѣ ничего не сдѣлалъ.

Борька вытеръ рукавомъ влажные глаза.

— Хочешь, къ дядѣ Василью побѣжимъ?—тамъ и твой тятька, —предложилъ Гринька, не зная, чѣмъ занять страннаго товарища. Борька согласился, и дѣти побѣжали.

VI.

Въ большой комнатѣ чистой половины дома дяди Василія сидѣлъ онъ самъ, его два брата съ ихъ женами. Бабы сидѣли поодаль, но съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за экзаменомъ, которому подвергалъ Кормана братецъ Василій Григорьевичъ. Впрочемъ, мудрый братецъ не столько экзаменовалъ, сколько самъ старался поразить Кормана своей ученостью. Въ то время, какъ остальные, сказавъ два-три слова по-еврейски, сейчасъ же переходили на болѣе для нихъ легкую и привычную русскую рѣчь, Василій самоотверженно говорилъ все на жаргонѣ, не безъ того, конечно, чтобы не путать русскихъ фразъ и не прибавлять любимое „язви-е". Кромѣ того, Василій выложилъ передъ стѣснявшимся гостемъ нѣсколько побасенокъ и разсказовъ о чудесахъ разныхъ цадиковъ. Эти разсказы Василій слышалъ, когда былъ въ губернскомъ городѣ, хорошо запомнилъ и ими поражалъ своихъ братьевъ и знакомыхъ. Тема оказалась для Кормана знакомой. Онъ тоже началъ разсказывать о разныхъ чудесахъ гораздо бо̀льшаго числа всевозможныхъ цадиковъ, древнихъ и современныхъ. Замѣтивъ напряженное вниманіе, съ какимъ его слушаютъ, Корманъ разошелся. Разсказъ слѣдовалъ за разсказомъ, каждый вызывая восхищенные и удивленные возгласы. Но такъ какъ всѣ эти разсказы, свидѣтельствовавшіе объ эрудиціи Кормана, еще не подтверждали и не выясняли учености его, то Василій, воспользовавшись однимъ перерывомъ, обратился къ Корману:

— Знаете что̀? Скажите что-нибудь, скажите.

Это техническое выраженіе, приглашающее истолковать какой-нибудь запутанный текстъ талмуда, Василій тоже слыхалъ въ губернскомъ городѣ, усвоилъ и повторялъ довольно часто.

Корманъ не заставилъ себя просить. Онъ началъ что-то необычайно головоломное, комментировалъ, вступалъ въ споръ, опровергалъ и приводилъ какіе-то доводы, жестикулировалъ и распѣвалъ, и закончилъ, наконецъ, самымъ побѣдоноснымъ образомъ.

Не только женщины и два брата, но и самъ мудрый Василій не понимали ни слова изъ запутаннаго „сказа" Кормана,

но отъ этого послѣдній только выигралъ въ глазахъ своихъ благодарныхъ на рѣдкость слушателей. Особенно бабы были поражены и слушали, какъ очарованныя, „слово божье“.

Когда Корманъ кончилъ, Василій горячо поблагодарилъ его, потомъ вышелъ изъ комнаты, незамѣтно кивнувъ братьямъ. Тѣ тоже послѣдовали за нимъ, и когда пришли на кухню, Василій сказалъ:

— Ученый, страсть!

— Ну-у!—обрадовался дядя Левонтій.—Значитъ, за шойхета можетъ?

— Этого не знаю еще. Вотъ ужò, погодите, поговорю еще. А что насчетъ ребы, такъ это какъ есть, лучше не надо.

— Я сегодня же съ нимъ поговорю,—сказалъ довольный Леонтій.

— Ты, язви-те, не торопись, а то такую цѣну заломитъ, что... Ты ужò мнѣ предоставь. Я уже сдѣлаю, чтò надо.

— Да оно бы скорѣй хотѣлось,—зачесалъ затылокъ Леонтій. —Гринькѣ-то вотъ десять годовъ уже, пора бы.

— Успѣешь!—кратко и рѣшительно сказалъ большакъ, и Леонтій не прекословилъ.—Онъ только вызвалъ свою жену и сообщилъ ей, что братецъ Василій Григорьичъ „даже оченно одобряютъ“ Кормана, какъ ребе.

— А насчетъ шойхета какъ?—интересовалась тетка Настасья.

— А этого мы еще не знаемъ. Погоди, дай срокъ,—важно отвѣтилъ ей мужъ.

Выдавъ Корману аттестатъ ученаго, Василь-Григорьичъ вовсе, однако, не былъ склоненъ переплачивать за эту ученость. Болѣе того, какъ „мужикъ серьезный“, Василій сразу сообразилъ, что Кормана можно даже „малость поприжать“. Хорошо понимая состояніе духа, въ которомъ находится Корманъ, Василій рѣшился немедленно воспользоваться этимъ.

Когда Леонтій съ женой вернулись въ экзаменаціонную комнату и услыхали, о чемъ „братецъ толкуетъ“ съ ученымъ, они только рты разинули отъ изумленія. Василій выражалъ искреннее сожалѣніе по тому поводу, что такой человѣкъ попалъ къ нимъ въ Тюменцевское. Развивая дальше свою мысль, Василій нарисовалъ такую страшную картину будущихъ бѣдствій и лишеній, ожидающихъ Кормана въ селѣ, гдѣ онъ положительно не найдетъ никакого заработка, что ободрившійся-было за эти дни Корманъ окончательно упалъ духомъ и, весь блѣдный, безпомощно озирался по сторонамъ, особенно часто останавливая

испуганный взоръ на дядѣ Левонтіи, словно ожидая отъ него помощи или словъ ободряющихъ.

Аронъ сразу догадался о политическомъ маневрѣ брата и не вмѣшивался. Леонтій изумлялся, ничего не понимая, но не рѣшаясь вмѣшаться въ разговоръ, отчасти въ силу уваженія къ большаку, отчасти въ виду категорическаго приказанія его „предоставить" все ему. Лишь тетка Настасья, которая почувствовала особенную жалость, видя отчаяніе супруговъ, несмѣло замѣтила:

— Ужъ вы, братецъ, тово... Чай, и у насъ...—Но Василій не далъ ей договорить:

— А ты что̀, язви-те, мѣшаешься?—крикнулъ онъ.—Спрашиваютъ тебя, что-ли? Сказано—баба! Обнадежить человѣка—ваше дѣло, а потомъ что̀?

— Ну!..

Тетка Настасья растерялась и замолчала.

Василій снова принялся „пужать" и до того сгустилъ краски, что жена Кормана не выдержала и горько заплакала. Василій замолчалъ, и въ комнатѣ стало тихо; слышались лишь рыданія бѣдной женщины, которую даже бабы не рѣшались утѣшать, видя явно воинственное настроеніе большака.

— Развѣ вотъ что̀,—въ раздумьи произнесъ Василій, заставивъ этимъ Кормана встрепенуться:—ребой васъ взять.

Корманъ не понималъ.

— Вотъ у него парнёнка есть; у него тоже двое ребятъ,—тыкалъ онъ пальцемъ въ братьевъ.—Учить пора ихъ. Поди, вы съумѣли бы, а?—словно сомнѣваясь, кончилъ Василій, мелькомъ бросивъ торжествующій взглядъ на братьевъ.

— О, да, да... Я могу... Я училъ...—торопливо заговорилъ Корманъ, обращаясь ко всѣмъ братьямъ.

— Это что̀ говорить!—извѣстно, можете.—Ужъ коли въ Россіи ребой были, такъ нашихъ ребятъ обучать вамъ однимъ словомъ,—льстилъ Василій.—Только что-жъ это? Не Богъ знаетъ достатки-то какіе, такъ только живутъ по-крестьянски. Многаго вѣдь они дать не могутъ. Да ученье-то какое? Такъ только, чтобы азбуку знали, да читать мало-мало.

Аронъ поспѣшилъ поддержать брата, что, дѣйствительно, ученье самое пустяковое, и что многаго онъ дать не можетъ; въ этомъ поддержалъ его и Леонтій, наконецъ догадавшійся о цѣли запугиванія Кормана. Послѣдній опять упалъ духомъ и молчалъ.

— А вы шойхетомъ не можете быть?

Василій предложилъ этотъ вопросъ такъ неожиданно, что Корманъ не сразу понялъ.

— Шойхетомъ, значитъ, говорю. Потому, какъ у насъ нѣтъ и приходится выписывать, то оно можно бы вамъ лучше платить. Ужъ одно, значитъ, къ одному: ребятъ бы учили и шойхетомъ бы были. Оно, глядишь, на прожитокъ и хватило бы.

Корманъ унылымъ тономъ объяснилъ, что шойхетомъ онъ быть не можетъ, такъ какъ для этого требуются спеціальныя знанія.

— Ишь ты!—среди общаго молчанія заговорилъ дядя Левонтій.—Вотъ оно дѣло-то какое. А я, было, такъ и полагалъ, что ежели человѣкъ ученый, такъ уже значитъ все... А оно вонъ какъ.

Дядя Левонтій въ этотъ моментъ уже хлопоталъ не о себѣ,—ему сдѣлалось жаль Кормана. Послѣдній тѣмъ же унылымъ тономъ опять далъ поясненіе, что сами по себѣ знанія не трудныя, а важно умѣть „ставить ножъ", т.-е. владѣть искусствомъ оттачивать и обдѣлывать ножи, служащіе для рѣзки скота, и что какъ въ знаніяхъ, такъ и въ этомъ искусствѣ необходимо сдавать экзамены предъ раввиномъ и спеціалистомъ.

— Я бы, можетъ, и съумѣлъ, да не предъ кѣмъ,—закончилъ Корманъ.

— А вотъ къ намъ осенью шойхетъ пріѣдетъ—передъ нимъ,—подхватила тетка Настасья и густо покраснѣла за свое вмѣшательство. Ей была дорога собственная идея, жалко было и Кормановъ.

— И чего это у васъ, у бабъ, языкъ-то зря болтается!—снова прикрикнулъ на нее Василій; но по тону, какимъ онъ это сказалъ, братья догадались, что большаку мысль невѣстки понравилась. Однако, преслѣдуя свою цѣль, Василій поспѣшилъ прибавить, что изъ „этого ничего не выйдетъ".

— Потому кому же охота отъ своего счастья отказываться? Онъ, шойхетъ-то, сколько зарабатываетъ за осень-то? И у насъ, и въ Шалаболихѣ, и въ Тесинскомъ,—пересчитывалъ Василій смежныя деревни, гдѣ проживали по одной, по двѣ семьи такихъ же, какъ Винеры, евреевъ, также приглашавшіе шойхета.

— Нѣтъ ужъ, это оставить надо, а вотъ ежели ребой хотите быть, такъ это можно. Все-же оно лучше, чѣмъ, значитъ, ничего. Потомъ, можетъ, приглядитесь и другое что найдете.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Василій уже окончательно „околпачилъ", какъ мысленно опредѣлили братья, Кормана. Онъ не предлагалъ, а, пользуясь безвыходнымъ положе-

ніемъ поселенца, продиктовалъ ему мизерныя условія, на которыя тотъ поспѣшилъ согласиться. Рѣшено было, что Корманъ будетъ жить у Арона, у котораго была маленькая избёнка „для работниковъ“.

Кромѣ того, братья ежемѣсячно уплачивали ему по нѣскольку рублей, и то исключительно за зимній сезонъ, такъ какъ лѣтомъ „ребятамъ“ учиться некогда.

Корманъ былъ радъ и этому. Довольны были и братья, которые, благодаря большаку, выгодно „обдѣлали дѣльце“. Но больше всѣхъ былъ доволенъ самъ Василій, которому удалось одновременно обнаружить и свою мудрость во время экзамена, и свою „сурьезность“ въ системѣ „околпаченія“ Кормана.

— Я ихъ, язви ихъ, этихъ рассейскихъ-то,—даромъ что ученые,—вò!..—и онъ показалъ восхищеннымъ имъ братьямъ сжатый кулакъ.

Братья одобрительно улыбнулись.

Не прошло и недѣли, какъ Василій съумѣлъ убѣдить Кормана заняться изученіемъ наукъ, необходимыхъ для шойхета; а когда осенью явился выписанный изъ губернскаго города шойхетъ, Василій, опять-таки словно случайно, устроилъ между нимъ и Корманомъ диспутъ, результаты котораго тетка Настасья, неизмѣнно, какъ и остальныя бабы, присутствовавшая при всѣхъ „божественныхъ“ бесѣдахъ, резюмировала слѣдующими словами:

— Нашъ-то, нашъ! Какъ того-то къ стѣнкѣ приперъ!

На этомъ основаніи, т.-е. въ виду явнаго превосходства знаній Кормана надъ оффиціальнымъ шойхетомъ, Василій попробовалъ-было убѣдить перваго сдѣлаться шойхетомъ безъ экзамена. Братьямъ онъ говорилъ:

— Намъ-то что? Мы люди неученые. Коли согласье дастъ, да ежели что не такъ—грѣхъ-то, поди, на его душѣ будетъ, не на нашей.

Но какъ ни нуждался Корманъ и какъ ни улыбалась ему возможность сравнительно хорошаго заработка, онъ, однако, наотрѣзъ отказался взять грѣхъ на свою душу. Шойхетъ, къ которому Василій обратился послѣ этого съ просьбой выдать Корману аттестатъ, рѣшительно въ этомъ отказалъ, мотивируя свой отказъ недостаточной компетентностью, но въ дѣйствительности, какъ предсказалъ Василій, изъ нежеланія отказаться „отъ своего счастья“.

Василій думалъ не долго и повезъ Кормана въ одинъ изъ сибирскихъ городовъ, имѣвшій своихъ раввина и шойхета. Въ губернскій городъ онъ не поѣхалъ, опасаясь козней корыстолю-

биваго шойхета. Путешествіе это, помимо расходовъ, было еще опасно въ виду того, что Корманъ не имѣлъ права выѣзда. Но Василій преодолѣлъ и это препятствіе, въ немъ сказался упрямый сибирякъ. Въ отличіе отъ россійскаго безпричиннаго и самодурствующаго упрямства, упрямство сибирскихъ крестьянъ всегда имѣетъ въ основѣ своей хорошо продуманную и выгодную практическую цѣль. Разъ представилась возможность имѣть шойхета дешеваго, да еще безотвѣтнаго поселенца, котораго во всякій моментъ поприжать можно, Василій рѣшилъ имъ воспользоваться и достигъ своей цѣли.

Корманъ вернулся въ Тюменцевское оффиціальнымъ шойхетомъ. Предусмотрительный Василій еще до поѣздки условился съ Корманомъ насчетъ годичной платы. Послѣдній немедленно согласился. Онъ сильно бѣдствовалъ, и предложенныя условія показались ему блестящими. Выгодны они были и для братьевъ, особенно для Василія, который отнесъ на счетъ Арона и Леонтія всѣ расходы по поѣздкѣ и полученію аттестата.

— Вы, язви васъ, ужъ сами. Потому хлопотъ у меня съ нимъ, вожжаться пришлось не мало. Тоже и отъ дому отбиться эвонъ на какой срокъ—чего-нибудь да стоитъ,—говорилъ онъ братьямъ, и тѣ согласились, что, дѣйствительно, „братцу Василь-Григорьичу“ за хлопоты слѣдуетъ, „тово, предоставить“.

— Ну, и башка же, язви его, этотъ Василь-Григорьичъ! Какъ ребу-то своего облапошилъ!—восхищались крестьяне, хорошо знавшіе всѣ перипетіи, предшествовавшія посвященію Кормана въ санъ шойхета.—Сурьёзный мужикъ, однимъ словомъ, своего не упуститъ...

VII.

Шесть лѣтъ прожилъ Корманъ въ Тюменцевскомъ. Матеріально онъ былъ обезпеченъ настолько, что успѣлъ за этотъ періодъ скопить нѣсколько сотъ рублей. Винеры знали о богатствѣ своего шойхета, знали, что источникъ его—„скаредность“, и крайне не одобряли послѣднюю. Корманъ, какъ и большинство русскихъ евреевъ, не привыкъ къ обезпеченному куску хлѣба, всегда дрожалъ за завтрашній день. Это вошло у него въ привычку, отъ которой онъ не могъ, да едва-ли и хотѣлъ отдѣлаться и на новомъ мѣстѣ, несмотря на полную обезпеченность и явную зависимость братьевъ отъ него, а не его—отъ нихъ. Корманъ жилъ въ Тюменцевскомъ такъ, какъ тамъ жить

не привыкли: грязно и впроголодь, сокративъ до минимума потребности своей семьи и удивляя этимъ сельчанъ.

— Ужъ я, матушки, и не знаю, чѣмъ и живы-то... А гря-азно какъ!—съ изумленіемъ тараторили бабы, приглядываясь къ домашнему обиходу своего шойхета. Мужики тоже покачивали головами, пробовали доказать, что такъ жить „не резонъ", но Корманъ „не бралъ во вниманіе". Тогда Василь-Григорьичъ махнулъ на него рукой и объяснилъ братьямъ эту непонятную скупость однимъ презрительнымъ словомъ:

— Рассейскіе!

За исключеніемъ этого пункта, вызывавшаго презрѣніе сибиряковъ, во всемъ остальномъ положеніе Кормана въ селѣ было очень хорошее. За ученость, обнаруженную имъ съ теченіемъ времени въ полномъ блескѣ, онъ пользовался уваженіемъ и даже почетомъ. По субботамъ къ нему собирались всѣ три брата съ семьями и слушали его запутанные „сказы", въ которыхъ, конечно, ничего не понимали, но за которые ему были искренно благодарны, какъ и вообще за каждое „божественное" слово или наставленіе, имѣвшія цѣлью просвѣтить „неученыхъ мужиковъ".

Сначала Корману льстило это грубое, но искреннее поклоненіе предъ его знаніями, но затѣмъ онъ привыкъ къ нему и началъ тяготиться полнымъ одиночествомъ, въ которомъ онъ очутился. Еще болѣе недовольна была новымъ мѣстомъ жена Кормана. Прежде всего она положительно запротестовала противъ даннаго ей имени Ѳедосьи. Она не смѣла протестовать предъ „этими сибирячками", какъ за-глаза презрительно называла она тетку Настасью и ея невѣстокъ, и поэтому говорила мужу:

— Видѣлъ ты! Всю жизнь была Ентой, а тутъ вдругъ Ѳедосья стала. Что это, я уже не еврейка больше?—волновалась она.—Слышишь? Ты имъ скажи, что кромѣ своего имени Ента я не хочу никакихъ другихъ именъ.

Въ концѣ концовъ она добилась того, что ее звали ея еврейскимъ именемъ, причемъ совсѣмъ уже неученые „парни и дѣвки", изъ особаго уваженія и зная, что слово „ребъ"—обязательное прилагательное къ каждому еврейскому имени, называли ее даже „ребъ Ента".

Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Корманы обживались въ Тюменцевскомъ, и Енту охватило одиночество. Съ „этими сибирячками" она положительно не находила никакихъ точекъ соприкосновенія; ей, какъ и вначалѣ, продолжали оставаться чуждыми ихъ интересы, укладъ жизни, распорядки въ домѣ. Ко всему этому прибавилась еще новая бѣда.

— Куда ты меня завелъ? Куда ты меня завелъ?—въ отчаяніи кричала на мужа Ента.—Ты посмотри, вѣдь Береле совсѣмъ гоемъ дѣлается, а Ривка да Іосель на него глядятъ. Что же ты хочешь, чтобы они совсѣмъ окрестились, чтобы стали такими же, какъ „ихъ“ Гринька и Санька? Для этого ты меня привезъ сюда?—вопила Ента.

Кормана и самого озабочивала участь дѣтей. Онъ и самъ съ ужасомъ замѣчалъ, что окружающая обстановка, близость его еврейскихъ дѣтей къ дѣтямъ этихъ „гоевъ“ оказываетъ на первыхъ громадное вліяніе. Даже наружность ихъ измѣнилась. Береле какъ-то вытянулся, возмужалъ, пересталъ робѣть и, къ ужасу своихъ отца и матери, совсѣмъ потерялъ всякій интересъ къ талмудической мудрости; а если его засаживали за книгу, то онъ явно томился, все порываясь скорѣе вырваться и побѣжать къ Гринькѣ, съ которымъ онъ успѣлъ сойтись и сильно подружиться.

Какъ ни трудно давалось Гринькѣ ученье, Корманъ все-таки за два года вдолбилъ въ него еврейскую азбуку, и теперь Гринька каждую субботу восхищалъ тетку Настасью тѣмъ, что, подобно отцу, раскрывалъ молитвенникъ, водилъ по строкамъ толстымъ пальцемъ, съ большими усиліями выкрикивая непонятныя слова субботнихъ молитвъ. По буднямъ Гринька не молился, мать рѣшила, что онъ еще „махонькій“, и что поэтому достаточны одни субботнія моленія.

За шесть лѣтъ Гринька превратился въ здороваго, веселаго и добродушнаго парня, помощника отцу. Его работа, особенно лѣтомъ, не позволяла ему проводить время съ Борькой, и послѣдній бѣгалъ къ нему на пашню. Тамъ онъ хаживалъ по пашнѣ вмѣстѣ съ Гринькой, который просто объяснялъ ему процессы пахоты, бороньбы, посѣва, значеніе косы и серпа.

Борька слушалъ эти объясненія, ничего въ нихъ, на первое время, не понимая, и ему страстно хотѣлось знать столько же, сколько знаетъ Гринька. Предъ нимъ открывался новый, невѣдомый міръ, міръ природы съ ея простыми для Гриньки, но чрезвычайно сложными для Борьки законами. Гринька, выросшій въ этомъ мірѣ, сжившійся съ нимъ, зналъ его, такъ сказать, нутромъ. Онъ не анализировалъ, не зналъ причинъ того или иного проявленія жизни природы. Онъ зналъ, что въ такое-то время года надо „робить“ такую-то работу, и слѣдствіемъ ея должны быть опредѣленные результаты; а если этихъ результатовъ нѣтъ, то виноваты въ этомъ опять-таки вполнѣ опредѣленныя конкретныя причины, въ родѣ дождя, засухи, инея и т. п.

— Бѣда, Борька! Того и гляди безъ сѣна останемся,—озабоченнымъ тономъ взрослаго сказалъ разъ Гринька своему товарищу.

— Почему безъ сѣна?—спрашивалъ Борька.

— Да дожди. Скосить-то скосили, а смести не поспѣли, а тутъ каждый день дождь. Сгоритъ.

— Что̀ сгоритъ?

— Да сѣно.

— Какъ же оно сгоритъ, коли дождь?—недоумѣвалъ Борька.

— Да отъ дождя и сгоритъ.

— Какъ же это?

— Да такъ, вотъ, какъ, знаешь, хлѣбъ горитъ, такъ и сѣно.

Но Борька и въ жизни не слыхивалъ, чтобы отъ дождя могло сгорѣть что-нибудь, а между тѣмъ Гринька другихъ, болѣе точныхъ и ясныхъ объясненій представить не могъ. Самъ онъ въ нихъ не нуждался; онъ зналъ, что отъ продолжительнаго дождя хлѣбъ и сѣно „горятъ"; причины этого явленія онъ не доискивался, ему были интересны слѣдствія; но нервный, впечатлительный Борька, съ широко, въ сравненіи съ товарищемъ, развитымъ умственнымъ кругозоромъ, не довольствовался этими ничего не объясняющими объясненіями Гриньки,—онъ хотѣлъ болѣе ясныхъ и понятныхъ указаній, но получить ихъ было не отъ кого.

— Папа! какъ это можетъ сѣно горѣть отъ дождя?—спросилъ Борька отца.

Это было ночью. Сидѣли за грязнымъ столомъ, освѣщавшимся маленькой лампой съ закоптѣлымъ до-нельзя стекломъ. Возлѣ стола сидѣла и Ента, вязавшая чулокъ. Ривка и Іосель спали въ углу. Предъ отцомъ и сыномъ лежали громадные фоліанты талмуда. Корманъ читалъ въ голосъ какую-то главу, а сынъ долженъ былъ слѣдить по своей книгѣ за объясненіями отца. Свой вопросъ Борька задалъ неожиданно, когда Корманъ, для разъясненія одного непонятнаго, спутаннаго спора двухъ талмудистовъ, сталъ про себя просматривать комментаторовъ ихъ.

— Что̀ такое?—недоумѣвая, спросилъ Корманъ.

— Я говорю: какъ это можетъ быть, чтобы сѣно горѣло отъ дождя? Сегодня мнѣ Гринька сказалъ, что у нихъ сѣно сгоритъ, потому что дождь идетъ. Развѣ это можетъ быть?—объяснилъ Береле.

Помимо того, что и самъ Корманъ не зналъ, можетъ ли это быть, онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ такому вопросу. Въ этотъ моментъ онъ совершенно забылъ, что онъ—поселенецъ, что

окруженъ гоями; онъ весь отдался талмудической мудрости, увлекшись запутаннымъ споромъ древнихъ мудрецовъ, какъ вдругъ вопросъ сына вернулъ его къ дѣйствительности.

— А тебѣ что̀ за дѣло?—сказалъ онъ съ раздраженіемъ.

— Видишь, видишь! Слышишь, о чемъ онъ думаетъ, когда сидитъ за святой торой! — сейчасъ же подхватила съ визгомъ Ента.—Вмѣсто того, чтобы слушать да учиться, онъ думаетъ о какомъ-то сѣнѣ! Вотъ до чего онъ дошелъ... О, бѣда на мою голову! Что̀ же это будетъ дальше? И о чемъ ты думаешь, ты! что̀ ты смотришь? Богъ мой! Что я за несчастная! Зачѣмъ ты меня привелъ сюда? чтобы сдѣлать изъ моихъ дѣтей гоевъ? Для этого, для этого?..

Ента еще долго кричала, проклиная себя, мужа, Борьку. Послѣднему досталось отъ отца, который тоже былъ возмущенъ тѣмъ, что, сидя за торой, Борька думалъ о какомъ-то сѣнѣ.

Это былъ единственный случай, когда Борька попробовалъ-было обратиться за разрѣшеніемъ сомнѣній къ отцу. Проба оказалась неудачной, и мальчикъ уже не возобновлялъ ея. Волей-неволей пришлось довольствоваться объясненіями и посвященіями Гриньки, къ которымъ Борька постепенно привыкъ, какъ постепенно началъ онъ привыкать и къ той работѣ, которую дѣлывалъ Гринька. Эта работа затягивала его, имѣя за собой и прелесть новизны, и наслажденіе запретнаго плода. Отецъ и мать рѣшительно запретили ему „смотрѣть на этого Гриньку", но запрещенія не дѣйствовали, — Борьку тянуло на воздухъ, въ поле, къ товарищу, и каждый разъ, когда, улучивъ удобный моментъ, онъ скрывался изъ дому, тамъ поднимался содомъ. Ента яростно нападала на мужа, рисуя ему ужасное будущее дѣтей, которыя, дескать, совсѣмъ осибирячатся и сдѣлаются гоями. Баталіи заканчивались всегда однимъ и тѣмъ же аккордомъ:

— Куда ты меня завезъ? Что̀ ты дѣлаешь изъ дѣтей?— Словно Корманъ нарочно привелъ семью въ Сибирь.

А будущій гой, прибѣжавъ къ товарищу, сейчасъ же принимался просить какой-нибудь работы себѣ. Когда бороновавшій Гринька передалъ ему въ первый разъ возжи лошадей, и Борька, спотыкаясь, пошелъ по рыхлой пашнѣ, онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, отъ волненія дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, весь охваченный неизвѣданнымъ ощущеніемъ живой работы. Гринька шелъ рядомъ съ товарищемъ и поучалъ его:

— Правую возжу, правую! Рыжку опусти! Заворачивай! Влѣво, влѣво, не такъ... Во̀, какъ надо, видишь?

Опытъ, повторенный нѣсколько разъ, послужилъ Борькѣ на

пользу. На другой день онъ гораздо меньше волновался, шелъ ровнѣе, не дергалъ безъ толку лошадей. Онъ только скоро уставалъ, какъ вообще быстро утомлялся, принимаясь за непривычную работу. Онъ удивлялся силѣ Гриньки, который спокойно и ровно дѣлалъ свое дѣло, не обнаруживая никакихъ признаковъ усталости или утомленія

— Непривышенъ ты, оттого. Привыкнешь, такъ тоже, —утѣшалъ Гринька, и Борькѣ страстно хотѣлось поскорѣе привыкнуть. Само собой, что, по возвращеніи домой, Борькѣ доставалось. Особенно невыносимы были для Борьки субботы. Незанятая кухней мать зорко слѣдила за сыномъ, не выпуская его изъ дому. Борька томился въ одиночествѣ, придумывая разные способы улизнуть, но очень рѣдко удачно.

— Ты это куда опять? къ Гринькѣ? — замѣтивъ маневръ сына къ дверямъ, кричала она.—Ты мнѣ скажи, что̀ тебя тянетъ къ нему? Что̀ онъ тебѣ за товарищъ? Вѣдь онъ почти безграмотенъ, вѣдь онъ даже читать не умѣетъ. Что̀ же? тебѣ тоже хочется сдѣлаться такимъ? Забыть святую тору? обратиться въ мужика?—надрываясь отъ крика, спрашивала мать.

Отецъ пробовалъ дѣйствовать на него убѣжденіемъ:

— Что̀ тебѣ такъ нравится у нихъ? — тыкалъ онъ рукою куда-то въ пространство.—Что̀ тамъ хорошаго, скажи ты мнѣ, скажи?

Борька и самъ не зналъ, что̀ „тамъ хорошаго". Его только брала тоска дома, но объяснить, почему, онъ не могъ.

— Ты уже не маленькій, долженъ самъ понимать, что нѣтъ на свѣтѣ ничего выше и благороднѣе, какъ тора. Посмотри на меня: я пріѣхалъ въ чужой край, къ чужимъ людямъ, почти мужикамъ, а между тѣмъ, слава Всевышнему, самъ видишь, живемъ, да еще какимъ почетомъ пользуюсь у этихъ сибиряковъ... А почему? потому что я всю жизнь учился, всегда зналъ, что святая тора всюду откроетъ мнѣ двери, что Господь не оставитъ меня и никогда, никогда не оставитъ.

Борька, инстинктивно, по вдохновенному тону, какимъ все это сказывалось, чувствовалъ, что отецъ его говоритъ искренно, глубоко убѣжденный въ правотѣ и непреложности своихъ словъ; но и эти убѣжденія, какъ и крики и брань матери, не дѣйствовали на нервную, живую душу мальчика.

Наконецъ, одно уже совсѣмъ экстравагантное обстоятельство окончательно рѣшило участь Кормана и всей его семьи, въ томъ числѣ, конечно, и Борьки.

VIII.

Это было въ началѣ зимы. Корманъ сидѣлъ на скамейкѣ у окна, смотрѣлъ на пустынную, покрытую снѣгомъ улицу и злился. Онъ, Корманъ, работаетъ, „мучится", не знаетъ покоя, а между тѣмъ, когда онъ хочетъ „чего-нибудь закусить", то не можетъ достать. Дѣло въ томъ, что Корманъ, вставъ довольно рано, усердно помолился, потомъ прочиталъ псалтирь, послѣ чего занялся талмудомъ и въ результатѣ захотѣлъ ѣсть, а дома ни души, ни дѣтей, ни Енты. Корманъ злился, обдумывая, какъ онъ будетъ разносить неизвѣстно куда запропавшую жену, а въ ушахъ у него какъ будто звучали отвѣты жены, отвѣты рѣзкіе, грубые, въ которыхъ ясно, какъ божій день, будетъ доказано, что онъ не гой, чтобы такъ гнаться за жратвомъ, что за пять минутъ онъ не подохнетъ съ голоду, что онъ обжора, только и дѣлаетъ, что жирѣетъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за дѣтьми, которыя навѣрное, навѣрное окрестятся и покроютъ позоромъ и его обжорливую, и ея несчастную головы. Само собой, что онъ въ долгу не останется, и также ясно докажетъ женѣ, что она—вѣдьма, что она—она довела его до Сибири, до паденія,—словомъ, произойдетъ одна изъ тѣхъ знакомыхъ сценъ, которыми ошалѣвшіе отъ бездѣлья супруги чуть ли не ежедневно разнообразили свою скучную, монотонную жизнь. И чѣмъ дальше тянулось отсутствіе Енты, тѣмъ жесточе должна была быть семейная баталія. Корманъ дошелъ до высшей точки раздраженія, но когда дверь неожиданно отворилась и на порогѣ появилась Ента, у Кормана моментально испарилась вся его злость.

— Что̀ случилось?—испуганно крикнулъ онъ, соскакивая со скамейки.

Ента, куда болѣе блѣдная, чѣмъ закоптѣлыя стѣны грязной комнаты, стояла у косяка, безсильно опустивъ руки, и тяжело дышала.

— Что̀ случилось? — повторилъ Корманъ, не дождавшись отвѣта.

Ента мутными глазами оглядѣла комнату и мужа, потомъ энергично вся встряхнулась и рѣзко выговорила:

— Пойдемъ!

— Куда?

— Пойдемъ, говорю!—повторила она съ бѣшенствомъ, полными ненависти глазами глядя на перепуганнаго ея видомъ мужа.

Корманъ быстро накинулъ на себя засаленный и загрязненный кровью битой скотины тулупъ и вышелъ вмѣстѣ съ женой.

— Надо запереть, нѣтъ никого,—попробовалъ-было сказать мужъ, указывая на дверь.

— По-ойдемъ! — еще бѣшенѣе выговорила Ента и быстро завернула за уголъ по направленію къ дому дяди Леонтія.

Дядя Левонтій, взявъ у „братца Василь-Григорьича" молотилку по три рубля съ тысячи сноповъ, молотилъ хлѣбъ въ нарочно приспособленномъ для этого балаганѣ, сколоченномъ на скорую руку изъ досокъ и помѣщавшемся позади огорода. Еще издали Корманъ услыхалъ глухой шумъ и, недоумѣвая, хотѣлъ спросить объ этомъ, но рѣшительное, злое, какъ-то заострившееся даже лицо жены лишало его смѣлости. Молча шелъ онъ за ней, пока не подошли къ самому балагану. Здѣсь Ента остановилась, выбрала щель побольше, заглянула внутрь и тѣмъ же рѣзкимъ тономъ сказала мужу:

— Смотри!

Корманъ тоже заглянулъ, но сначала ничего не могъ разобрать. Въ балаганѣ густымъ слоемъ носились тучи пыли, въ которой двигались какія-то темныя фигуры. Мѣшалъ Корману сразу сообразить, въ чемъ дѣло, и адскій шумъ. Здѣсь, у самаго балагана, кромѣ глухого и страшнаго стука самой молотилки, слышались пронзительные крики мальчиковъ-помощниковъ, визгъ женщинъ, грубые крики и здоровый смѣхъ мужчинъ. Всѣ эти разнообразные тоны и ноты странно сливались въ одинъ общій звукъ, имѣвшій въ себѣ что-то свѣжее, бодрящее и здоровое, что-то, что̀ поднимаетъ энергію, вызываетъ краску на лицѣ и желаніе двигаться, что-то дѣлать, кричать, вообще чувствовать себя причастнымъ къ этому шуму силы и здоровья. Даже у Кормана вдругъ сердце странно застучало въ груди; но когда онъ, приглядѣвшись къ фигурамъ, двигавшимся въ этой пыли, увидалъ, что онѣ дѣлаютъ, онъ понялъ, зачѣмъ привела его жена, и сердце у него забилось еще сильнѣе, но уже по другой совсѣмъ причинѣ.

Въ балаганѣ происходилъ обычный процессъ молотьбы. По обѣимъ сторонамъ молотилки, распѣвая пѣсни, стояли женщины съ граблями и отбрасывали обмолоченную солому, которая тутъ же складывалась на носилки и выносилась другими женщинами и мужиками. У вѣялки, сидя на корточкахъ, помѣщался самъ дядя Левонтій и ковшомъ наполнялъ кули отвѣяннымъ хлѣбомъ. Одна сторона балагана до самаго потолка была занята разворошенной скирдой связаннаго въ снопы хлѣба; на этой скирдѣ

стояла дѣвушка и по одному сбрасывала снопы внизъ, которые подхватывались — Корманъ уже ясно различалъ теперь — его Борькой и передавались Гринькѣ, стоявшему у основы молотилки и ловко и быстро подававшему развязанный снопъ въ стучащій и гремящій барабанъ. Само по себѣ уже одно это занятіе было неподходящее для Борьки, но далѣе Корманъ увидалъ нѣчто невѣроятное, отъ чего его родительское сердце, нѣкогда мечтавшее сдѣлать изъ сына раввина, сжималось тупой болью.

Стоявшая на скирдѣ дѣвушка, сбросивъ два-три снопа какъ слѣдуетъ, четвертымъ норовила попасть Борькѣ на голову. Борька сейчасъ же карабкался на скирду, опрокидывалъ дѣвушку, и они оба, хохоча и визжа, начинали барахтаться по мягкой соломѣ, награждая другъ друга тумаками куда попало. Когда визгъ дѣвушки становился особенно пронзительнымъ, ей на помощь прибѣгала одна изъ подметальщицъ или носильщицъ, и обѣ женщины принимались щекотать, мять хохотавшаго во все горло Борьку, пока веселый и грудной голосъ Гриньки не останавливалъ ихъ окрикомъ:

— Эй, вы, черти! Будетъ вамъ баловаться. Подавай!

Баловники бросали и принимались за работы, но черезъ минуту-другую повторялось то же самое, опять визгъ, хохотъ, и опять Борька и дѣвушки катались по мягкой соломѣ. Самъ дядя Левонтій изрѣдка оставлялъ свой ковшъ и смотрѣлъ, какъ „балуются“, широко и добродушно улыбаясь, очевидно, не видя ничего зазорнаго въ томъ, что ребята „играютъ“.

Не такъ думалъ Корманъ. Сначала онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и тихо шепталъ женѣ:

— Что̀ это, что̀ это?

— Что это? А вотъ смотри, такъ увидишь, — не шептала, а шипѣла въ отвѣтъ та... И Корманъ смотрѣлъ, чувствуя, что у него холодѣютъ руки отъ ужаса. Да, сомнѣнія нѣтъ, это онъ, его Борька, шестнадцатилѣтній женихъ, совершаетъ такія неслыханныя, прямо невѣроятныя въ еврейскомъ быту непристойности. Да! что̀ Сибирь, что̀ муки тюрьмы, этапа, ссылки, нужды, одиночества — въ сравненіи съ этимъ страшнымъ наказаніемъ!

— Наказалъ Господь, наказалъ Господь! — чуть слышно шепталъ онъ побѣлѣвшими губами, однако жена услыхала.

— Наказалъ Господь? Погоди, еще не то будетъ, еще не того дождешься! — зловѣще шипѣла она. — Ты, вотъ, посмотри-ка еще на Іоселя.

— Гдѣ, гдѣ? — встрепенулся Корманъ, ожидая увидать еще нѣчто ужасное, однако то, что увидалъ, сразу не такъ поразило

его, какъ похожденія старшаго сына. Восьмилѣтній Іосель стоялъ на оси колеса и вмѣстѣ съ другимъ мальчуганомъ криками и ударами бича подгонялъ лошадей, вертѣвшихъ колесо молотилки. Это, конечно, тоже было ужасное событіе, ужасное по своей опасности,—матери, по крайней мѣрѣ, казалось, что вертѣвшійся вмѣстѣ съ колесомъ Іосель вотъ-вотъ свалится подъ ноги лошадямъ и будетъ ими раздавленъ. Но что̀ эта опасность въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ вытворялъ Борька!

Не обмѣнявшись ни словомъ, оба супруга вдругъ разомъ отдѣлились отъ своего обсерваціоннаго пункта и, пугливо озираясь, трусливо побѣжали домой. Ни Корманъ, ни жена его даже впослѣдствіи не могли объяснить себѣ, почему они такъ быстро ушли. Чего боялись, почему не взяли съ собою дѣтей? Что-то оттолкнуло ихъ отъ балагана, и они молча побѣжали домой, и тамъ Корманъ, какъ былъ, въ полушубкѣ усѣлся на скамейку и тупо сталъ глядѣть себѣ подъ ноги. Жена его сняла платокъ, но осталась въ куцавейкѣ, словно собираясь сейчасъ же уйти опять. Корманъ сидѣлъ, какъ оцѣпенѣлый, а жена смотрѣла на него. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго и глубокаго молчанія.

— Ну?—неопредѣленно произнесла, наконецъ, Ента.

Корманъ не шевелился, и это раздражало его жену.

— Что̀ же ты молчишь? Посмотрѣлъ, полюбовался, понравилось тебѣ? Что̀ ты сдѣлалъ изъ дѣтей? Что̀ дальше будетъ, что̀ будетъ дальше, я тебя спрашиваю?—наступала она на мужа.

Корманъ сорвался съ мѣста, лихорадочно быстро снялъ съ себя шубу и прохрипѣлъ:

— Уѣдемъ!

— Что̀, куда?—спросила пораженная Ента.

— Что? Куда? Куда глаза глядятъ, куда ноги понесутъ... Я не могу больше здѣсь... Я не хочу... Я буду камни таскать... Я буду милостыню просить... Я буду голодать... Только я не допущу, не хочу, не хочу...

Корманъ выкрикивалъ все это, бѣгая какъ изступленный по комнатѣ и безтолково хватаясь то за столъ, то за кровать, то за ухватъ, стоявшій возлѣ печи.

Ента испугалась. Она совсѣмъ не ожидала такого рѣшенія вопроса. Она пилила мужа, требовала отъ него мѣры, сама не зная—какой, но во всякомъ случаѣ не столь радикальной, имѣвшей въ перспективѣ лишенія, нужду даже голодъ.

— Что̀ ты говоришь? Куда поѣдешь? Съ ума сошелъ, что-ли?—спрашивала перепуганная Ента.

— Га! Я съ ума сошелъ? Нѣтъ, я не сошелъ съ ума. Я не

хочу имѣть дѣтей гоями. Ты видѣла? Этотъ мужикъ, этотъ гой, этотъ сибирякъ смотрѣлъ на эту мерзость и смѣялся... Онъ смѣялся!..—взвизгнулъ Корманъ, намекая на добродушнаго дядю Левонтія.

Ента примолкла. Она сообразила, что съ мужемъ сейчасъ не столкуешься, что ему надо дать успокоиться и тогда уже серьезно поговорить.

Дѣйствительно, Корманъ, побѣгавъ еще немного по комнатѣ и варьируя на разные лады почему-то всего болѣе его поразившее, возмутительное, по его понятію, отношеніе къ „мерзости" дяди Левонтія, сразу потерялъ все свое оживленіе и весь опустился. Онъ усѣлся за столъ, подперъ обѣими руками голову. Его фигура, съ надвинутой на глаза шапкой и торчащей клочьями остроконечной бородой, удивительно напоминала дождемъ промоченнаго козла.

Ента, подождавъ немного, прежде всего высыпала на голову мужа цѣлое рѣшето всевозможныхъ проклятій, а затѣмъ начала доказывать, что уѣхать имъ некуда. Что̀ они будутъ дѣлать тамъ въ городѣ? Въ маленькомъ—евреевъ нѣтъ, большіе—имѣютъ своихъ шойхетовъ; что̀ же онъ будетъ дѣлать въ городѣ? онъ, ни на что неспособный, кромѣ того, чтобы жрать, какъ мужикъ, и спать. Нечего имъ тамъ дѣлать, и они умрутъ тамъ съ голоду. Она-то, конечно, только обрадовалась бы, если бы ее „смерть взяла", но вѣдь и онъ, ея горе, ея несчастье, тоже подохнетъ, и его дѣти, эти гои, мешумеды—тоже съ нимъ. Что̀ же онъ будетъ дѣлать въ городѣ, что̀?

Долго еще пѣла Ента свою хорошо знакомую мужу пѣсню. Онъ молчалъ, сознавая, что она права, но въ то же время чувствуя всѣмъ существомъ, что уѣхать надо, что это—единственное средство спасти Борьку отъ тлетворнаго вліянія среды и обстановки, а Ривку и Іоселя—отъ примѣра старшаго брата. Сознавала это и Ента, но ее страшило будущее, нищета и голодъ.

Не дождавшись ни слова въ отвѣтъ, Ента тоже замолчала. Наступила тишина; супруги сидѣли рядомъ, но не смотрѣли другъ на друга. Имъ было очень тяжело.

— Развѣ предложить имъ, этимъ гоямъ, что мы будемъ жить въ „нашемъ" городѣ и ты будешь пріѣзжать къ нимъ?—нарушила молчаніе Ента.

Корманъ захлопалъ глазами и даже привсталъ,—до того поразила его предложенная женой комбинація. Дѣйствительно, это былъ самый удачный выходъ изъ незавиднаго положенія. Развивая дальше свою мысль, Ента нарисовала слѣдующую картину

будущаго. Они будутъ жить въ „нашемъ городѣ“, т.-е. въ ближайшемъ, отстоявшемъ въ тридцати верстахъ отъ Тюменцевскаго. Такъ какъ „эти гои“ чуть ли не ежедневно ѣздятъ въ городъ, то, когда понадобится рѣзать скотину, они будутъ увозить его, „ея несчастье“, къ себѣ. Въ согласіи братьевъ она не сомнѣвалась,—они вѣдь привыкли „жрать, какъ мужики“, и будутъ довольны, что шойхетъ близко. Само собою, что эти поѣздки сопряжены съ расходами, что „гои“ не будутъ уже платить столько, сколько теперь платятъ, что и городская жизнь также стоитъ дороже, но зато, во-первыхъ, у нихъ есть четыреста рублей, и они откроютъ лавочку, а во-вторыхъ, лучше не доѣсть, чѣмъ имѣть крещенныхъ дѣтей.

Когда, часа черезъ два послѣ этого разговора, домой пришелъ Борька, онъ крайне удивился. Давно уже онъ не видалъ на лицахъ отца и матери такого спокойнаго, а главное, мирнаго выраженія. Супруги разговаривали необычнымъ спокойнымъ тономъ и даже улыбались. Еще болѣе удивился Борька, что его появленіе не вызвало обычной баталіи. Правда, когда онъ вошелъ, отца какъ-то передернуло, но онъ крякнулъ, переглянулся съ женой и ничего не сказалъ. На другой день Борька опять изумился, узнавъ, что мать ѣдетъ въ городъ; онъ спросилъ, зачѣмъ; ему отвѣтили кратко, что надо. Мечтавшій о томъ, чтобы скорѣе попасть на молотьбу, Борька удовольствовался этимъ отвѣтомъ.

IX.

Ента принялась хлопотать. Въ городѣ она узнала, что мужъ ея, вслѣдствіе подоспѣвшаго манифеста, пріобрѣвшій права крестьянина изъ ссыльныхъ, тѣмъ самымъ пріобрѣлъ право проживать и въ городѣ. Потомъ она познакомилась съ двумя проживавшими уже тамъ еврейскими семействами. Конечно, это были неважные евреи, одинъ жестяникъ, другой портной, но все-таки не мужики, не сибиряки, а настоящіе евреи, т.-е. россійскіе поселенцы, съ которыми хоть говорить можно на родномъ жаргонѣ. Эти евреи тоже совѣтовали переѣхать, увѣряя, что лавочка можетъ дать хорошій заработокъ.

Три дня провела Ента въ городѣ, и когда вернулась, то оставалось только уложиться и ѣхать. Даже квартиру Ента приготовила.

— Матушки, родимыя! Да что же это такое?—всплеснула руками тетка Настасья, узнавъ отъ сына, которому прибѣжавшій

утромъ, блѣдный какъ смерть, Борька разсказалъ, весь дрожа какъ въ лихорадкѣ, о предстоящемъ черезъ нѣсколько дней отъѣздѣ въ городъ.—Да какъ же это? Да пошто же это? Да... да...—не находя словъ, кричала она и стремглавъ кинулась къ мужу, возившемуся у лошадей, и сообщила ему невѣроятную новость.

— Ты что̀, баба, болтаешь-то? — выпучилъ на нее глаза мужъ. Но уже одинъ видъ тетки Настасьи свидѣтельствовалъ, что слова ея—не бабья болтовня. Дядя Левонтій усиленно зачесалъ затылокъ.

— Надо тово... къ братцу Василь-Григорьичу,—полный недоумѣнія, выговорилъ онъ.

— Бѣги, бѣги! А я къ нимъ побѣгу, суспрошу. Господи! да пошто же это!—твердила одно и то же жена.

Василій тоже по началу не повѣрилъ, но затѣмъ сейчасъ же перевелъ дѣло на практическую почву. Позвали Арона, и братья, какъ и предполагала Ента, рѣшили пользоваться услугами Кормана, какъ шойхета, въ нужныхъ случаяхъ выписывая его къ себѣ или отвозя ему для рѣзки птицу и мелкій скотъ.

— Только, значитъ, насчетъ платы надо будетъ тово... Это онъ нарочно въ нашъ городъ переѣзжаетъ, потому нельзя ему безъ насъ, такъ ужъ и тово...—сообразилъ Василій тайные замыслы Кормана.

Братья поняли эту замысловатую рѣчь.

— Да пошто же онъ уѣзжаетъ? Чѣмъ ему плохо у насъ?—доискивался причины дядя Левонтій.

— Кто его знаетъ? Къ своимъ, должно, потянуло. Тамъ, въ городу, этотъ Гершко портной, да еще другой, ка-акъ его? Ну, язви-е, забылъ. Они, вѣдь, эти рассейскіе, что̀ волки, сколь ни корми, все имъ къ своимъ хочется, — резонерствовалъ Василій.

Всѣ три брата отправились къ Корману и тамъ застали и тетку Настасью, которая никакъ не могла успокоиться, все всплескивала руками и выкрикивала:

— Господи! Да чѣмъ же это мы вамъ не угодили? Аль не понравилось что̀? Какъ же это? Вотъ и Гринька мой тоже скучать будетъ,—онъ вѣдь съ вашимъ Борькой дружки, да и Борька... Ахъ, ты, Господи!—безпорядочно кричала Настасья, не подозрѣвая даже, что эта дружба Гриньки и Борьки—причина отъѣзда Кормановъ.

Явившимся братьямъ Корманъ, конфузясь и заискивающе улыбаясь, плелъ что-то несуразное о томъ, что ему необходимо

уѣхать, что здоровье... жена... — Онъ очевидно такъ-таки и не успѣлъ придумать приличнаго объясненія. Василій слушалъ, слушалъ и наконецъ прервалъ:

— Что-жъ! извѣстно, кажный по своему, какъ лучше. Только какъ же теперь, значитъ, насчетъ шойхета?

Черезъ полчаса все было улажено, и Корманы съ легкимъ сердцемъ начали собираться къ отъѣзду.

День отъѣзда былъ назначенъ на воскресенье, а до этого дня въ квартирѣ Кормановъ стоялъ труба нетолченая. Цѣлый день тамъ толпились; даже мужики заходили, глядя на сборы, качали головой и говорили:

— Ты что̀ же это, реба, надумалъ? Покидать насъ,—а?

Корманъ и имъ улыбался.

Особенно тетка Настасья усердствовала. Она почти не выходила отъ Кормановъ, помогала укладываться, совѣтовала, соболѣзновала, ахала и охала и все возвращалась къ тому, что „Гринькѣ скучно будетъ безъ Борьки, потому дружки"...

Борька, съ момента, когда узналъ о предстоящемъ переселеніи, ходилъ какъ въ воду опущенный. Юношу какъ-то сразу до того перевернуло, что мать начала съ тревогой посматривать на него. Онъ почти не бывалъ дома. Съ утра онъ уходилъ къ Гринькѣ и возвращался только ночью.

— Пойдемъ къ вамъ, посмотримъ, что̀ дѣлается, поможемъ, —предлагалъ по нѣскольку разъ на день Гринька.

— Нѣтъ, не надо. Посидимъ тутъ,—отказывался Борька, у котораго сжималось тупой тоской сердце и на глаза появлялись слезы, едва онъ подходилъ къ дверямъ своей квартиры.

Отецъ и мать не трогали его. Они инстинктивно чувствовали, что сынъ переживаетъ мучительную душевную драму. Только разъ Борька попробовалъ-было заговорить съ родителями. Это было въ субботу за обѣдомъ. Все уложившіе и совсѣмъ уже готовые супруги чувствовали себя прекрасно и, сидя за столомъ, мечтали о томъ, какъ устроятся въ городѣ, гдѣ мать будетъ завѣдывать лавкой, а отецъ разъѣзжать по деревнямъ.

— А я что̀ буду дѣлать?—хрипло спросилъ Борька.

— Ты? ты будешь учиться, а когда захочешь отдохнуть, поможешь матери въ лавкѣ,—отвѣтилъ отецъ.

— Да я вѣдь ничего не знаю, не умѣю,—попробовалъ сказать Борька.

— Не умѣешь? — взвизгнула Ента. — Съ дѣвками играть умѣешь, а въ лавочкѣ...

— Ш-ш... сегодня суббота, не надо ссориться, — торже-

ственно протянувъ руку, остановилъ Корманъ жену, и та замолкла.

Наступилъ день отъѣзда. Съ утра возлѣ квартиры Кормана творился невѣроятный сумбуръ. Чуть ли не вся деревня собралась проводить „ребу". Само собою, что всѣ три брата были тутъ же съ чадами и домочадцами. Бабы плакали, а тетка Настасья ревѣла въ голосъ, несмотря на увѣщанія дяди Левонтія, который, отчаянно скребя себѣ затылокъ, твердилъ безтолково:

— Ну, чего ревешь, чего ревешь?

Послѣднимъ сѣлъ въ кошеву Борька. Онъ крѣпко обнялся съ Гринькой и съ затуманившимися отъ слезъ глазами подошелъ къ кошевѣ. Гринька помогъ ему забраться.

— Ну, прощай, Борька!—еще разъ сказалъ Гринька.

Борька не отвѣтилъ,—онъ только посмотрѣлъ на друга, но въ этомъ взглядѣ было столько душевной муки, что и Гринька заревѣлъ. Ему сейчасъ же откликнулась мать.

— Съ Богомъ! Счастливо! Дай Богъ! — раздавались безпорядочныя восклицанія, когда кошева тронулась.

Корманы отъѣхали верстъ десять, не обмолвившись ни словомъ. Только Ента изрѣдка шептала побѣлѣвшими губами:

— Слава Богу, слава Богу!

Но на сердцѣ у нея было тоскливо, на глаза навертывались слезы, особенно когда она взглядывала на сына, сидѣвшаго напротивъ нея. Лицо Борьки было мертвенно-блѣдно; онъ сидѣлъ, сжавшись въ комочекъ, и казался матери такимъ маленькимъ, маленькимъ...

П. Хотымскій.

„НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ“

ВЪ

ИТАЛІИ

I.

„Какъ бы ни были обширны вашъ умъ и ваше сердце,—старайтесь заполнить ихъ“,—совѣтовалъ Гёте своимъ современникамъ. Сомнительно, чтобы этотъ „веймарскій Юпитеръ“, хотя самъ и полный тѣхъ чувствъ и тѣхъ идеаловъ, которые такъ сильно взволновали конецъ XVIII-го вѣка, хотя бы и сочувствовавшій идеямъ гуманизма и космополитизма, которыя такъ сильно тогда затронули души философовъ и поэтовъ,—сомнительно, говоримъ мы, чтобы, давая такой возвышенный совѣтъ, онъ имѣлъ въ виду, помимо привилегированныхъ классовъ, также и народныя массы. Подъемъ нравственный и умственный этихъ послѣднихъ, значеніе, которое онѣ имѣютъ въ поступательномъ движеніи цивилизаціи, какъ факторы прогресса и регресса, не были въ его мысляхъ, и даже не могли быть. Законодатели національнаго собранія, озабоченные именно этимъ значеніемъ народныхъ массъ, подняли впервые великій вопросъ о народномъ воспитаніи и мужественно поставили передъ собой задачи самаго смѣлаго плана школы; пользуясь столь же великодушными, сколько и геніальными мыслями своихъ предшественниковъ, они подняли вопросъ о народномъ образованіи и о народномъ воспитаніи на такую высоту, какой онъ никогда прежде не достигалъ. Теоретическая дѣятельность Дидерò, Д'Аламбера, Дюмарсе, Ла-Шалоте, Кондильяка, Гельвеція,—какъ и законодатель-

ная—Кондорсè, Лепеллетье, Фуркруа, Лаканаля и др., съ энергіею и съ большимъ знаніемъ приложена была въ тѣхъ знаменитыхъ засѣданіяхъ законодательнаго собранія и конвента, о которыхъ Мишлè съ полнымъ правомъ могъ сказать, что до нихъ никто никогда не заботился такъ о будущемъ. Несмотря на то, дѣятельность эта не нашла себѣ должнаго отголоска: только самые просвѣщенные умы могли понять всю сложность задачъ, заключенныхъ въ проблемѣ народнаго образованія,—остальные относились индифферентно, признавая, что рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ спеціалистамъ. Нечего удивляться потому, если еще и до сихъ поръ мнѣніе это господствуетъ среди большей части политическихъ дѣятелей нашего времени. Но уже Кантъ утверждалъ въ своей „Педагогіи“ (напечатанной въ 1803 г., но преподаваемой имъ еще ранѣе 1789-го года) о необходимости „космополитическаго плана воспитанія, и о томъ, что принципъ воспитанія, котораго никто изъ занимающихся этимъ предметомъ не долженъ упускать изъ вида, состоитъ въ томъ, чтобы дѣти воспитывались не для настоящаго положенія человѣческой расы, а, насколько это возможно, для будущаго, наилучшаго ея положенія“; иначе говоря, —воспитаніе, къ какому бы возрасту ни было примѣнено, не должно быть даваемо только для настоящаго, но всегда должно стремиться за предѣлы его; этотъ благоразумный и возвышенный принципъ примѣненія воспитанія нравственнаго и умственнаго въ видахъ будущности и прогресса остался безъ всякаго воздѣйствія даже на ученыхъ того времени: они не захотѣли или не съумѣли извлечь того наставленія, которое привело бы ихъ къ размышленіямъ болѣе широкимъ и болѣе внушительнымъ насчетъ задачъ народнаго образованія по отношенію къ условіямъ и къ ходу цивилизаціи; и даже теперь не было бы излишнимъ повторять такое наставленіе, въ виду опасной непредусмотрительности arrivism'а, который примѣняетъ школу только къ своимъ личнымъ, непосредственнымъ интересамъ дня, обративъ ее въ подготовленіе къ карьерѣ или къ профессіи.

Теченіе въ пользу высшаго народнаго образованія могло образоваться и придти въ движеніе только гораздо позднѣе, почти въ концѣ прошлаго вѣка, и послѣ уже того, какъ весь обширный матеріалъ по народному первоначальному образованію былъ приведенъ въ порядокъ; при этомъ, нельзя отрицать, что именно девятнадцатому вѣку принадлежитъ честь учрежденія и окончательной систематизаціи народнаго первоначальнаго воспитанія на общественныхъ началахъ—задача, въ исполненіи которой только-что истекшій вѣкъ выказалъ большую энергію.

Нынѣшнему экстенсивному образованію предшествовалъ и сопровождалъ настоящій расцвѣтъ спеціальныхъ учрежденій для распространенія культуры, каковы, напр., конференціи, спеціальные курсы и т. д. Въ Италіи нѣтъ самаго маленькаго города, который бы не имѣлъ своего клуба, своего собранія, цѣль которыхъ—побочная или главная—дать народу научное и литературное развитіе. Но предметы, которые разработывались на этихъ конференціяхъ и на этихъ курсахъ—за немногими развѣ исключеніями, какъ, напр., курсы гигіены, читаемые спеціальными обществами,—представляли характеръ временнаго интереса и не всегда имѣли въ виду исключительно народныя массы; въ большой части случаевъ они ставили себѣ скорѣе цѣлью распространеніе всяческаго знанія среди буржуазіи.

Да и само экстенсивное, университетское учрежденіе вначалѣ не имѣло въ виду только народъ. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ конференціяхъ, во всѣхъ этихъ курсахъ, учреждаемыхъ съ спеціальными цѣлями, съ измѣняющимися критеріями, трудно было уловить общую, руководящую идею о высшемъ народномъ образованіи. Въ нихъ не было ничего похожаго на „Extension University“, въ смыслѣ университетскаго, правильнаго, послѣдовательнаго образованія, а тѣмъ болѣе—намека на то, что̀ подразумѣвается подъ „народнымъ университетомъ“; на нашъ взглядъ, существуетъ громадная разница, все болѣе и болѣе обнаруживающаяся въ силу обстоятельствъ, между „Extension University“ въ полномъ смыслѣ этого слова,—какъ оно понимается, напр., въ Англіи,—и „народнымъ университетомъ“, какъ онъ долженъ бы пониматься у насъ, въ Италіи.

Мы думаемъ, что не понято еще все значеніе этого различія. Уже давно, обсуждая все, что̀ въ зачаточномъ видѣ заключается въ нашемъ новомъ учрежденіи, мы пришли къ тому убѣжденію, что народный университетъ въ Италіи предназначенъ со временемъ оказать вліяніе на преобразованіе государственныхъ университетовъ, то-есть, принудить ихъ измѣниться, какъ того требуютъ новыя времена, и предстать, какъ типъ будущихъ университетовъ, городскихъ или государственныхъ, передвижныхъ или постоянныхъ, но всегда свободныхъ, благодаря свободному преподаванію, свободному выбору предметовъ и профессоровъ, свободному, наконецъ, знанію.

Принимая участіе въ учрежденіи одного изъ такихъ итальянскихъ „народныхъ университетовъ“, и состоя нѣкоторое время членомъ научнаго отдѣленія совѣта управленія, мы имѣли возможность подробно изложить нашу мысль, хотя и съ большой осто-

рожностью и осмотрительностью, такъ какъ мнѣніе наше раздѣляли немногіе, ибо большая часть тѣхъ, кто стоитъ во главѣ нашихъ народныхъ университетовъ, какъ и вообще большая часть общества, находятся въ полномъ подчиненіи государственнымъ университетамъ, отъ нихъ требуя профессоровъ и руководителей, у нихъ заимствуя нормы для преподаванія, даже наименѣе прогрессивныя и наиболѣе невыгодныя для народа.

При всемъ этомъ „народный университетъ“—это не „Extension University“. Само его названіе уже многознаменательно, а тотъ фактъ, что вѣрно понятый народный университетъ не допускаетъ изученія предметовъ, не имѣющихъ между собой тѣсной связи, общихъ программъ, не обоснованныхъ на взаимномъ проникновеніи предметовъ изученія, а требуетъ, наоборотъ, единства органическаго,—служитъ уже достаточнымъ отличительнымъ признакомъ. Чтобы яснѣе выяснить разницу между тѣмъ и другимъ учрежденіемъ, мы прибѣгнемъ къ обобщенію или, точнѣе, къ необходимому историческому изложенію.

Есть три фазиса, черезъ которые прошло „Extension University“, не исключая того случая, когда всѣ они непосредственно слѣдовали одинъ за другимъ и слѣдуютъ въ Англіи еще и теперь. Эти фазисы могутъ назваться зачаточными фазисами „народнаго университета“, разсматриваемаго скорѣе какъ форма будущаго, чѣмъ настоящаго. Первый фазисъ принадлежитъ неопредѣленному желанію научиться, получить общее развитіе помимо установленной школы,—желаніе, принявшее самыя разнообразныя формы и породившее массу собраній, клубовъ, всевозможныхъ обществъ, организующихъ конференціи и курсы. Спеціальность этого фазиса—конференція, а побужденіе еще смутное, безъ всякаго опредѣленнаго руководства.

Необходимость распространенія высшаго культурнаго развитія почувствовалась сильно въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобразованіе политическихъ учрежденій, призвавшихъ избирателей и избираемыхъ на общественныя должности, то-есть къ управленію и къ руководству общественными дѣлами всѣхъ гражданъ безъ исключенія, потребовало отъ народа того необходимаго образованія и той культурной подготовки, которыя до сихъ поръ вполнѣ отсутствовали. Именно эту цѣль имѣла первая „Высшая народная школа“, задуманная Н. Ф. С. Грундвигомъ, въ Даніи, послѣ 1807 г., но учрежденная только въ 1844 году. И въ самомъ дѣлѣ потребовалось тогда дать гражданамъ, молодежи и взрослымъ, „подходящее образованіе и достаточную ясность мыслей, чтобы они подобающимъ образомъ могли исполнять ихъ гражданскія обязан-

ности избирателей и при случаѣ членовъ избирательныхъ корпорацій". Эта мысль, развиваясь, нашла мало-по-малу новыя примѣненія и обогатилась новыми горизонтами.

Вотъ это и былъ второй фазисъ, который, можно сказать, вызванъ необходимостью политическаго характера. Здѣсь еще нѣтъ даже и намека на „Extension University".

Третій фазисъ—это тотъ, когда общее вниманіе обращается на университеты, какъ на хранителей знанія, и провозглашается если не право, то доступность народныхъ массъ на часть этого знанія,—и польза, которую онѣ могли бы извлечь; требуется отъ университетовъ *распространить* даже на тѣхъ, кто не посѣщаетъ университетовъ, блага нѣкоторыхъ научныхъ знаній. Тогда конференціи, не имѣвшія никакой связи, замѣняются цѣлою серіей конференцій и курсовъ на одинъ и тотъ же предметъ, читаемыхъ въ популярной формѣ; аргументы случайные замѣняются нѣкоторыми приблизительно университетскими предметами,—государственный университетъ популяризуется, расширяется. Вотъ это фазисъ уже назрѣвшій, фазисъ „Extension University", который далекъ еще отъ „народнаго университета", такъ какъ не занятъ органическими, обдуманными программами; это не есть правильный дидактическій организмъ, и потому онъ задается только цѣлью дать народу знакомство съ тѣмъ или другимъ университетскимъ научнымъ знаніемъ.

Словомъ, идея „Extension University", можно сказать, заканчивается въ этихъ трехъ фазисахъ, и даже въ послѣднемъ принимаетъ свою конкретную форму, свою абсолютную зрѣлость и свою опредѣленную цѣль, которая хотя и имѣетъ въ виду народныя массы, но не такъ исключительно, какъ „народные университеты", учреждаемые для народа.

Вскорѣ долженъ былъ выступить на сцену болѣе широкій, болѣе высокій взглядъ на народное воспитаніе; пришлось подумать о назначеніи и цѣляхъ общаго воспитанія, поскольку оно способно воздѣйствовать на прогрессъ, замедляя или ускоряя его. Бокль замѣтилъ, что тамъ, гдѣ ученыхъ отъ народа раздѣляетъ глубокая пропасть, цивилизація не подвигается впередъ, и вѣчно ей грозитъ опасность быть разрушенной или отброшенной назадъ. Ученые не имѣютъ никакого вліянія на народныя массы, весьма далекія отъ нихъ, а эти послѣднія не получаютъ никакого блага отъ научныхъ изслѣдованій, не понимаютъ и не оцѣниваютъ ихъ. Заполнить эту пропасть взялись, поощряя культуру народа,—ту культуру, которая заключаетъ въ себѣ не только образованіе, но и воспитаніе, развитіе личныхъ способно-

стей, пробужденіе сознанія у народа,—ту культуру, наконецъ, которая даетъ народнымъ массамъ возможность понять и оцѣнить блага цивилизаціи, истину знанія.

Помимо заботы о непосредственныхъ результатахъ, прибавилась еще мысль, заглядывающая далеко впередъ, съ цѣлью защитить не только настоящую цивилизацію, но также и будущую. Воспитаніе не должно имѣть въ виду только настоящее (это мысль Канта), но и будущее; оно должно подготовить настоящія и будущія поколѣнія къ тому, чтобы они не были чуждыми и враждебными цивилизаціи, въ которой живутъ или должны со временемъ жить.

Вотъ, на нашъ взглядъ, первая задача „народныхъ университетовъ“. Обязанность распространять культуру—не есть уже великодушная сентиментальность,—она принимаетъ суровый видъ необходимости. Высшая культура есть благо, котораго нельзя лишить ни одной части человѣчества; имѣть ее—это право и обязанность также и народа, какъ и остальныхъ классовъ; народу, который не можетъ посѣщать государственные университеты, слѣдуетъ имѣть собственный университетъ, который становится снова тѣмъ, чѣмъ былъ при своемъ возникновеніи, въ средніе вѣка,—свободнымъ и общедоступнымъ

Такимъ образомъ, что въ прошломъ столѣтіи произошло съ первоначальнымъ ббразованіемъ, то теперь готовится произойти съ высшей народной культурой въ ея собственномъ университетѣ. На нее обращено теперь въ Италіи все вниманіе общества и правительства. Но она не можетъ быть руководима, какъ первоначальное образованіе: свойства ея, условія существованія, значеніе, заключаются именно въ ея полной академической свободѣ.

Было бы большой ошибкой ограничить функцію „народнаго университета“ популярнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, какъ это дѣлаетъ „Extension University“, а также и университетскими только предметами. Народный университетъ, какъ онъ не есть „Extension University“, такъ онъ не есть и копія государственныхъ университетовъ, приноровленная къ народу. Это совершенно новое учрежденіе у насъ, вызванное болѣе современнымъ фазисомъ цивилизаціи. Народный университетъ, въ силу обстоятельствъ, въ силу своего происхожденія, своего характера, несетъ въ себѣ самомъ неизбѣжное преобразованіе школы и знанія и постановку истинной культуры, взамѣнъ нынѣшней.

Эта новая культура, включая и обобщая все, что можетъ сдѣлать совершеннымъ современнаго человѣка, пробуждая въ немъ

познаніе себя самого и цивилизаціи, въ которой онъ живетъ, поведетъ неизбѣжно къ отмѣнѣ многихъ старыхъ школьныхъ предметовъ и поставитъ на сцену новые предметы. По меньшей мѣрѣ, произойдетъ то, что многіе предметы, считающіеся теперь недостойными быть преподаваемыми въ школахъ, а могущіе служить только темой для внѣ-школьныхъ конференцій, образуютъ со временемъ жизненную часть культурнаго образованія; и наоборотъ, сдѣлаются темами для конференцій многіе теперешніе школьные предметы.

Итакъ, „народный университетъ",—повторяю еще разъ,—учрежденіе совершенно новое у насъ и отличное отъ „Extension University". Та же экстенсивная функція, общая обоимъ учрежденіямъ, принимаетъ въ томъ и другомъ различный характеръ и различное значеніе. И въ первомъ она—университетская, но университетская народнаго университета, а не государственнаго, и составляетъ только часть отправленія, тогда какъ во второмъ она—все. Въ немъ концентрируются всѣ современныя учрежденія, которыя содѣйствуютъ моральному и интеллектуальному развитію народа; культура тамъ дается посредствомъ органическаго проникновенія предметовъ; она стремится возбудить дѣятельность слушателей, въ особенности дѣятельность критическую, которая образуетъ сужденія, укрѣпляетъ и возвышаетъ сознаніе. Преподаваніе, поэтому, принимаетъ тамъ всевозможныя формы—объяснительную, разговорную, обсудительную, въ закрытомъ зданіи и на воздухѣ; въ экскурсіяхъ, въ театрахъ, въ лабораторіяхъ; предметы безполезные изгнаны окончательно; другіе очищены отъ всего устарѣлаго, ненужнаго и подъ-часъ лживаго; новые предметы вошли въ жизнь,—и все это организовано въ богатую, плодотворную комбинацію программъ и соотвѣтствующихъ дидактическихъ пріемовъ.

Какъ не требуется особыхъ документовъ, чтобы учиться, такъ и не требуется ихъ, чтобы преподавать. Школа тамъ—сотрудничество; функція преподавателя не должна быть понимаема, какъ диктаторство непреложнаго знанія,—какъ, напр., функція офицера, дающаго приказъ солдатамъ,—но какъ разумное объясненіе, оплодотворенное и оплодотворяемое обсужденіемъ. За слушателями признается право обсуждать, совѣтовать, направлять; по меньшей мѣрѣ, они могутъ имѣть представительство въ управленіи университета и могутъ, во всякомъ случаѣ, принимать участіе въ избраніяхъ на университетскія должности, въ выборѣ профессоровъ и предметовъ преподаванія и обсуждать даже значеніе преподаванія.

Чрезвычайно интересна еще одна задача нашего „народнаго

университета“, заключающаяся въ томъ, чтобы помогать развитію отдѣльныхъ интеллектуальныхъ способностей, и стремящаяся дать форму индивидуальную коллективному воспитанію, такъ какъ надо предположить болѣе значительную сумму различій характеровъ и умственнаго развитія среди неподготовленныхъ взрослыхъ, чѣмъ среди молодежи, которая въ среднихъ школахъ годами подводится подъ общій уровень развитія.

Наконецъ, не лишне выставить еще одно незамѣнимое преимущество, встрѣчающееся въ высшей, окончательной формѣ „народнаго университета“, это—ея форма ассоціативная. Воспитательная функція становится шире и полнѣе, благодаря постоянному столкновенію съ общественными элементами, стоящими на болѣе высокомъ умственномъ развитіи. Это общеніе различныхъ общественныхъ классовъ, основанное на общей благородной цѣли и проявляющееся въ разговорахъ, чтеніи, одновременно поднимаетъ тонъ школы, облагораживая высокой солидарностью параллельную дѣятельность слушателей и профессоровъ, облегчаетъ результаты сотрудничества. Знанія, пріобрѣтенныя въ такомъ университетѣ, находятъ способы проявиться, напрактиковаться, укрѣпиться и, наконецъ, умѣститься въ головѣ. Культура ассимилируется, укрѣпляется, интегрируясь въ болѣе широкое поле ассоціацій, освобождаясь отъ всякаго ложнаго предразсудка, отъ всякихъ предвзятыхъ идей; мысли дисциплинируются; сужденіе, избавившись отъ застѣнчивости и хвастовства (то и другое—формы гордости и невѣжества), дѣлается болѣе осмысленнымъ и находитъ точный и подходящій образъ выраженія.

Однимъ словомъ, „народный университетъ“ есть преимущественно учрежденіе для воспитанія, то-есть освобожденія отъ невѣжества,—учрежденіе преимущественно для культуры,—то-есть, возвышенія, развитія моральнаго, интеллектуальнаго. Онъ не задается цѣлью сдѣлать изъ слушателя ученаго, но человѣка съ познаніемъ и разсудкомъ, человѣка развитого; не ученика, подготовленнаго на ту или другую карьеру, но человѣка, способнаго понять и прожить свою жизнь достойно; изъ него не выходятъ усовершенствованные эгоистическіе механизмы, обреченные двигаться только во имя своихъ личныхъ интересовъ, но просвѣщенныя сознанія, которыя въ удовлетвореніи своею моральною высотою, въ наслажденіи гармоничнымъ выраженіемъ всѣхъ своихъ способностей и наклонностей чувствуютъ солидарность какъ съ той цивилизаціей, продуктомъ которой они являются, такъ и той, которой предназначены быть производителями.

Вотъ вкратцѣ характеристика „народныхъ университетовъ“; но да не подумаетъ читатель, что все, что мы сказали, уже примѣнено въ Италіи: это было бы слишкомъ хорошо и слишкомъ поспѣшно; но если бы все это и было реализовано, то оно не имѣло бы въ себѣ ничего анормальнаго, такъ какъ народные университеты возникли поздно и имѣли, слѣдовательно, возможность воспользоваться опытностью англійскихъ „Extension University“. Въ Италіи названіе и кое-что изъ сказаннаго нами уже существуетъ, хотя и въ зачаточномъ видѣ, но многое еще остается сдѣлать. Въ нѣкоторыхъ статутахъ, въ флорентинскомъ, миланскомъ (какъ мы увидимъ впослѣдствіи) уже ясно обрисована типическая физіономія народныхъ университетовъ, какою мы ее желали бы видѣть; на дѣлѣ же, эти университеты еще очень далеки отъ самой главной изъ своихъ функцій—дидактической, въ которой заключается не только вся педагогическая правоспособность учрежденія, но и все значеніе пользы. И все-таки недостатки этихъ университетовъ, въ которыхъ руководящая мысль не выражена ясно, не помѣшали выполненію многаго прекраснаго и необходимаго, вытекающаго само собою изъ характера самого учрежденія. Впослѣдствіи увидимъ нѣкоторыя причины этихъ недостатковъ, по большей части зависящихъ отъ исключительныхъ и измѣнчивыхъ условій среды и людей. Этими условіями объясняется,—чтобы дать примѣръ,—тотъ фактъ, что флорентинскій народный университетъ,—со статутомъ, если и не вполнѣ совершеннымъ, то, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ лучшихъ и даже въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ наилучшимъ,—сдѣлалъ меньше своихъ собратьевъ миланскаго и болонскаго университетовъ и даже туринскаго и венеціанскаго, въ смыслѣ, указываемомъ самимъ статутомъ.

Припомнимъ, по этому случаю, извѣстное изреченіе Платона: „Самое важное для государства—не существовать, а быть добродѣтельнымъ“. Мы же скажемъ про наши народные университеты, какъ и про всякое другое современное учрежденіе, хорошее и полезное, наоборотъ: главное—существовать, а что касается до добродѣтели, то это уже дѣло времени.

II.

Италія выказала бы мало здраваго смысла, еслибы,—принимая во вниманіе условія, въ коихъ живетъ ея народъ, взяла за модель своихъ университетовъ исключительно англійскіе „Extension Uni-

versity“. Благодаря плохимъ условіямъ, матеріальнымъ, какъ и моральнымъ, народъ не можетъ извлечь пользы изъ конференцій, читаемыхъ безъ всякой послѣдовательности; то же можно сказать и про краткіе схематическіе курсы на разнообразныя темы, безъ всякой идеи о синтетической связи предметовъ между собою. Этотъ фактъ, очевидно, болѣе важенъ внѣ большихъ городовъ, внѣ городской скученности; и тѣмъ важнѣе отмѣтить его, что народные университеты должны обратить свою дѣятельность именно на эти эксцентрическіе пункты, менѣе тронутые вѣяніемъ цивилизаціи. Дѣятельность эта, какъ обоснованная на гражданской мудрости и всеобщей справедливости, должна заботиться не о томъ, чтобы увеличить преимущества городовъ, а чтобы сдѣлать менѣе темной и лучше вознаграждаемой жизнь въ эксцентрическихъ пунктахъ, сдѣлать менѣе импульсивнымъ фатальное забвеніе деревень, съ цѣлью распространять свѣтъ и вносить блага цивилизаціи и культуры туда, гдѣ это болѣе всего необходимо для защиты этой же самой цивилизаціи и этой же самой культуры.

Итакъ, если въ самыхъ центрахъ, гдѣ представляется такъ много всякихъ способовъ развитія, гдѣ народъ находится въ постоянномъ столкновеніи съ другими классами и пользуется до нѣкоторой степени благами цивилизаціи, вдыхая ихъ въ самой атмосферѣ,—и въ этихъ центрахъ даже не можетъ быть полезнымъ распространеніе культуры по англійской системѣ,—то легко представить, какъ это преподаваніе должно оказаться безполезнымъ въ маленькихъ центрахъ, среди разрозненнаго населенія. Тутъ отсутствуетъ не только столкновеніе съ высшими элементами, какъ это происходитъ въ городахъ, но недостаетъ библіотекъ (даже передвижныхъ), недостаетъ книгъ, времени, средствъ и, при этомъ, даже желанія пріобрѣсти ихъ. Безсмысленно предполагать, чтобы народъ обходился безъ всего того, что такъ нужно учащемуся, даже самому опытному и напрактиковавшемуся въ школѣ, и надо помнить, что урокъ (мы не говоримъ уже о конференціяхъ, которыя могутъ принести пользу только культурнымъ людямъ), не переработанный въ головѣ, который нельзя просмотрѣть по крайней мѣрѣ по книгѣ,—почти безполезенъ, тѣмъ болѣе среди народа, который не пріученъ сосредоточивать вниманіе, удерживать въ памяти, приводить въ порядокъ мысли. Желать напичкать умъ народа, уставшаго отъ дневной работы, плохо питаемаго, удрученнаго жестокой борьбой за существованіе, обрывками знанія,—не значитъ думать о его благѣ.

Итальянцы высказали бы еще меньше здраваго смысла, если-

бы вздумали подражать въ народныхъ университетахъ своимъ государственнымъ университетамъ: эти послѣдніе, правда, даютъ привилегіи, но чужды всякой культурной новизны, всякому соприкосновенію съ жизнью, идутъ въ разрѣзъ съ самыми справедливыми требованіями времени. Плохая модель, если противъ нея возстаютъ въ Италіи самые консервативные профессора, какъ Бонги, Мартелло и др.; если противъ нея направлены критики наиболѣе просвѣщенныхъ ученыхъ Италіи.

Въ Италіи, по отношенію къ университетамъ, есть свои традиціи, старинныя, но незабвенныя, которыми она имѣетъ полное право гордиться, — это средневѣковые свободные университеты. Вотъ ими должны были бы вдохновляться, а не нынѣшней организаціей государственныхъ университетовъ, болѣе дальновидныя личности, среди тѣхъ, кто впервые взялись въ Италіи за устройство народныхъ университетовъ. И безспорно, названіе „народныхъ университетовъ" присвоено въ Италіи почти безсознательно, въ силу этихъ самыхъ традицій, а не въ подражаніе Франціи, какъ это можно бы было подумать.

Наши государственные университеты возродились только съ началомъ нашего объединенія, послѣ цѣлыхъ столѣтій упадка. Они, можно сказать, слѣдовали судьбамъ страны и процвѣтали и были могущественными и богатыми центрами интеллектуальной и научной жизни въ счастливые періоды отечества; и наоборотъ,—возникшіе съ процвѣтаніемъ республикъ, они скоро устарѣли и окончательно пали съ наступленіемъ политическихъ бѣдствій. Блестѣли послѣднимъ блескомъ на мрачномъ фонѣ XVI-го столѣтія, во времена Галилея, пизанскій и падуанскій университеты, но инквизиція политическая и религіозная тиранія заставили и ихъ быстро погаснуть. Павіанскій университетъ блеснулъ еще во время Наполеовской эпохи, но съ паденіемъ Наполеона, подъ давленіемъ деспотизма, палъ и онъ. Пьемонтскій министръ Казати своимъ закономъ 1859-го года (который и до сихъ поръ руководитъ университетами) имѣлъ въ виду преобразовать университеты по національному образцу, то-есть, реставрировать старый типъ итальянскаго университета,— но законъ вышелъ такъ неудаченъ, что и до сихъ поръ приходится жаловаться на его недостатки.

Собственно отъ этого закона ничего почти не осталось— съ 1860 года прибавлено было множество отдѣльныхъ уставовъ, положеній, которые усложнили и испортили даже лучшую часть этого закона, ту, напр., которая провозглашала свободу преподаванія и свободу слушанія. Такимъ образомъ, Италія, создавшая

типъ университета, который потомъ заимствовали у нея другія страны, какъ Германія и Австрія, сохранившія его и до сихъ поръ, такъ и Франція, отказавшаяся отъ него, за недостаткомъ мужества и возможности передѣлать его „ab infimis fundamentis“ всю организацію высшаго образованія,—Италія только и знаетъ, что прибавляетъ, почти съ каждымъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія, новыя измѣненія къ существующимъ законамъ, образуя запутанную сѣть законовъ, указовъ, положеній, доказывающихъ не только неувѣренность и неясность представленія обо всемъ, что касается высшаго образованія въ государственныхъ сферахъ, но и нежеланіе и неумѣніе поправить дѣло въ законодательныхъ сферахъ. Многіе проекты, предложенные министрами, вышли изъ палаты и изъ сената настолько изуродованными и сокращенными, что представляли собой только простыя, незначительныя поправки къ закону, который хотѣли преобразовать. Наши государственные университеты, на которые смотрятъ въ странѣ, и совершенно основательно, какъ на лабораторіи, выдѣлывающія профессоровъ и профессіоналистовъ, не имѣли до сихъ поръ того престижа и того вліянія, которыя должно бы было имѣть такое важное учрежденіе. Вопросъ о высшемъ образованіи остался у насъ однимъ изъ тѣхъ, которые находятъ мало интересующихся имъ, помимо спеціалистовъ; а когда начинаютъ обращать на него вниманіе заинтересованные люди вообще, то только для того, чтобы видоизмѣнить его въ свою пользу. Самые главные представители итальянской мысли XVIII-го столѣтія большею частью были чужды университетамъ, да и сравнительно немногимъ обязаны имъ выдающіеся умы первой половины XIX-го столѣтія, а среди мыслителей, литераторовъ, поэтовъ, историковъ, писателей XIX-го столѣтія вообще, большая часть совсѣмъ не посѣщала университетовъ или появлялась тамъ на короткое время, какъ, напр., изъ умершихъ—Леопарди, Манцони, Джіоберти, Ботта, Джусти, Адзельо, Кавалотти и мн. др.; Гаэтано Треица, талантливый писатель, самый развитой литературный критикъ нашего времени, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и Робертъ Ардиго, самый извѣстный изъ теперешнихъ итальянскихъ философовъ,—вышли изъ духовныхъ учрежденій.

Хотя въ нѣкоторыхъ городахъ народные университеты стремятся стать въ подчиненіе государственнымъ университетамъ и передаютъ управленіе собой исключительно въ руки университетскихъ профессоровъ—все-таки самымъ просвѣщеннымъ основателямъ даже въ мысль не приходило вдохновляться, а тѣмъ менѣе взять за модель для такого современнаго и новаго учреж-

денія, какъ народный университетъ, университетъ государственный.

Италія, какъ мы уже упомянули ранѣе, имѣла свои славныя традиціи въ своихъ средневѣковыхъ университетахъ, и онѣ не могли не предстать образцомъ, хотя бы безсознательно, для выдающихся иниціаторовъ движенія у насъ въ пользу высшаго народнаго образованія, тѣмъ болѣе если онѣ представлялись, какъ національная модель для государственныхъ университетовъ, пьемонтскому министру. Слѣдовательно, если нужно было пріискивать типъ народныхъ университетовъ, то надо было обратиться къ другимъ временамъ, тѣмъ болѣе, что много пунктовъ соприкосновенія существуетъ между теперешнимъ движеніемъ и средневѣковыми университетами.

Дѣйствительно, нынѣшнее движеніе можетъ въ нѣкоторой степени быть подведено подъ монастырское и свѣтское движеніе среднихъ вѣковъ, создавшее первые итальянскіе свободные университеты (болонскій былъ первымъ, какъ извѣстно; онъ учрежденъ въ 1111 году, если не считать знаменитой медицинской школы въ Салерно, основаніе которой относится къ 900 году).

Мы употребили выраженіе: „монастырское движеніе", принимая во вниманіе сущность знанія тѣхъ временъ, оставшееся схоластическимъ даже внѣ монастырей, и фактъ сосредоточенія изученій и знаній въ монастыряхъ, изъ которыхъ позже извлекли науку университеты. „Свѣтскимъ" можно назвать то движеніе въ томъ отношеніи, что оно характеризуетъ собой интеллектуальную эманципацію свѣтскихъ отъ вліянія и господства духовныхъ. Салернская медицинская школа, хотя и учрежденная иначе, чѣмъ университеты, насколько то возможно теперь предположить была въ этомъ отношеніи типична. Съ самаго своего основанія, повидимому, она имѣла почти свѣтскій характеръ, такъ что должна была бороться и страдать отъ конкурренціи въ преподаваніи духовныхъ, которые не могли помириться съ мыслью потерять преобладаніе, принадлежавшее имъ въ теоретической и практической медицинѣ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ отрасляхъ знанія. Но соперничество между свѣтскими и духовными не могло продолжаться иначе, какъ въ ущербъ этимъ послѣднимъ, и рѣшеніе латеранскаго собора отъ 1139, запретившаго священникамъ и монахамъ предаваться медицинскимъ и юридическимъ наукамъ, подошло какъ нельзя болѣе кстати.

Во всякомъ случаѣ, если по сущности знанія итальянскіе средневѣковые университеты были не очень революціонными по отношенію къ монастырскому знанію (въ этомъ отношеніи

нельзя требовать отъ среднихъ вѣковъ болѣе того, что̀ они могли дать),—все-таки они являлись передовыми, насколько могли. Они образовались послѣ медленной переработки времени, черезъ соединеніе первыхъ свѣтскихъ высшихъ школъ, которыя послѣ X-го столѣтія быстро размножились въ Италіи; и это соединеніе имѣло различныя побужденія: любовь къ знанію среди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ, въ особенности среди вновь народившейся тогда буржуазіи; инстинктъ общей самозащиты; чувство независимости, а также и въ силу того же духа ассоціацій, настолько сильно развитого въ средніе вѣка, что, помимо университетовъ, онъ создалъ *корпораціи цеховъ*, то-есть ассоціацію рабочихъ, и *коммуны*, то-есть ассоціацію жителей для управленія общественными дѣлами.

Почти всѣ историки, изучавшіе средніе вѣка, видятъ въ этихъ старинныхъ формахъ зачатки современной цивилизаціи. Безспорно (оставивъ въ сторонѣ древніе примѣры Греціи), средневѣковой университетъ впервые провозгласилъ свободу преподаванія; она, какъ всякое значительное проявленіе цивилизаціи, зародилась при благопріятныхъ политическихъ и интеллектуальныхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась цивилизація того времени. Эти старинные университеты, очевидно, отразили въ себѣ такія политическія условія, такъ какъ имѣли форму исключительно демократическую, и основаны были по системѣ, которую мы теперь называемъ представительной. По выраженію нѣкоторыхъ историковъ они имѣли видъ маленькихъ республикъ.

Преподаватели и слушатели во взаимныхъ отношеніяхъ, и по отношенію къ наукѣ, пользовались въ тѣ времена абсолютной свободой. Высшая власть была по большей части въ рукахъ слушателей, которые составляли статуты, выбирали профессоровъ, избирали ректора и завѣдывали черезъ посредство своихъ представителей всѣми интересами корпораціи.

Подобные университеты были, слѣдовательно, центромъ свободнаго знанія, по сравненію его съ монастырскимъ, а также центромъ распространенія этого знанія по всему свѣту, собраніемъ гражданъ всѣхъ сословій, которые искали знанія съ единственною цѣлью стать на болѣе высокій уровень интеллектуальный и общественный. Хотя въ своихъ первыхъ шагахъ они были не что̀ иное, по отношенію къ знанію, какъ монастырскія „Extension“, несмотря на то, ихъ организація переродилась быстро въ особыя учрежденія, въ особенности когда само преподаваніе измѣнило характеръ, въ силу новыхъ предметовъ знанія и новыхъ тенденцій знанія. Такъ что эти университеты представляли своимъ

своеобразнымъ организмомъ, перерожденнымъ и перерождаемымъ, освобожденіе отъ ига монастырей, новое направленіе знанія и его правъ, и способствовали значительному преобразованію культуры и цивилизаціи,—ихъ, такъ сказать, соціализаціи (socialisation).

III.

Мы остановились на тѣхъ университетахъ, чтобы лучше дать понять о томъ, какова должна быть среда, въ которой развилось, развивается и будетъ развиваться идея о народныхъ университетахъ, и каково вліяніе традицій, надеждъ, опасеній, болѣе или менѣе основательныхъ, на умы наиболѣе развитые и наиболѣе знакомые съ вопросомъ, а также показать, насколько эти вліянія могутъ воздѣйствовать на направленіе, которое могутъ со временемъ принять въ Италіи народные университеты.

„Цивилизація — это растеніе, qui se propage bien plus souvent qu'elle ne se développe". Не кажется ли вамъ, что это выраженіе Тэйлора можетъ заключать въ себѣ болѣе важное значеніе, если придать слову „развитіе" болѣе широкій смыслъ? Идея народнаго университетскаго „Extension"—какъ это случается со многими другими формами прогресса—распространилась во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, принимая вездѣ спеціальную физіономію, въ сущности же оставаясь всегда одинаковою.

Еслибы Италія сначала была менѣе упорной, и не потеряла бы столько времени, прежде чѣмъ принять новый плодъ цивилизаціи, —навѣрное, хотя бы въ силу подражанія, у нея была бы своя „Extension University" въ ея наиболѣе ошибочной формѣ; и съ трудомъ, или по крайней мѣрѣ очень медленно, она могла бы развить свой собственный типъ, полный и своеобразный, который она имѣетъ пока въ немногихъ своихъ университетахъ, и то скорѣе какъ широкій замыселъ, чѣмъ полная его реализація.

Народное университетское движеніе отразилось и зародилось, слѣдовательно, довольно поздно въ Италіи. Первый народный университетъ,—въ Туринѣ,—открытъ былъ 12 ноября 1900 года; до этого немногіе интересовались высшей народной культурой и не знали, что дѣлалось въ этомъ отношеніи не только въ Англіи, но даже гораздо ближе—въ Бельгіи и во Франціи.

Идея не могла найти надлежащей встрѣчи въ правящихъ классахъ, благодаря тѣмъ предубѣжденіямъ и тому недовѣрію, которыя они иногда питаютъ къ народу, и еще болѣе благодаря настроенію высшихъ классовъ, вызванному горестными днями мая

1898-года и усугубленной необходимостью скрывать то, въ виду общей симпатіи страны. Несмотря на то, движеніе, вызванное къ жизни народными партіями и наиболѣе просвѣщенною частью буржуазіи, въ скоромъ времени распространилось по Италіи, такъ что въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ 1900 до 1902, можно сказать, нѣтъ города, въ которомъ бы не было своего народнаго университета, не принимая во вниманіе тѣхъ, которые нашли способъ устроить клубы по экстенсивному типу. Такимъ образомъ, не только главные города имѣютъ свои народные университеты, но даже и второстепенные; а краткіе, непостоянные курсы существуютъ даже въ нѣкоторыхъ маленькихъ рабочихъ центрахъ, какъ, напримѣръ, въ Сесто, куда народный университетъ ближайшей Флоренціи посылаетъ своихъ преподавателей прочесть тотъ или другой курсъ, на который заявлено желаніе. Болонья, Катанія, Флоренція, Генуя, Миланъ, Неаполь, Римъ, Туринъ, Венеція, Удино, Пиза, Павія, Парма, Падуа, Модена, Ливорно, Мачерата, Феррара и т. д.—всѣ имѣютъ свой народный университетъ.

Вначалѣ мы упомянули, что существовали въ Италіи клубы для конференцій и самыя разнообразныя общества, почти настоящія школы, которыя задавались распространеніемъ высшей культуры среди своихъ членовъ. Они существуютъ и теперь. Система конференцій сильно развита въ Италіи, и въ нѣкоторыхъ городахъ до того преувеличена манія конференцій, въ особенности зимой, что не хватаетъ достаточно слушателей. При этомъ не было упущено изъ вида распространеніе высшей культуры и интеллектуальное воспитаніе народа. Въ „Палатахъ труда“, помимо элементарнаго и профессіональнаго преподаванія, устроивались также правильные курсы по предметамъ культуры. Въ Туринѣ существовало уже ранѣе „Общество культуры“ (Società di Cultura); оно не было учреждено для народа, но мы упоминаемъ о немъ потому, что оно основало первый народный университетъ въ Италіи. Это общество задается цѣлью, какъ говоритъ его программа,—„дать возможность образованнымъ людямъ пользоваться наивозможно большимъ числомъ публикацій, а также и знакомиться другъ съ другомъ“. Оно имѣетъ прекрасную библіотеку, залы для собраній, на которыхъ „разработываются въ разговорной, дружеской формѣ вопросы литературные, артистическіе и общественные и обсуждаются всѣ важныя событія“. Въ спорахъ принимаютъ участіе выдающіяся научныя силы Турина,—Ломброзо, напримѣръ, и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ, надо упомянуть о передвижныхъ земледѣльческихъ каѳедрахъ, устроиваемыхъ на счетъ коммунъ и провинцій. Онѣ имѣютъ

цѣлью распространить научные принципы земледѣльческой техники; такихъ каѳедръ насчитывается до тридцати. Во Флоренціи также существуетъ общество, называемое „Pro Cultura", имѣющее спеціальный характеръ. Тутъ молодые люди, кончившіе курсъ въ университетахъ, и часто даже извѣстные профессора читаютъ конференціи съ роскошными проекціями: одинъ вечеръ для семей членовъ, другой для рабочихъ. Цѣль „Pro Cultura" — объяснить и иллюстрировать Италію со всѣхъ точекъ зрѣнія: географической, естественной, исторической, ариѳметической, индустріальной.

Въ Бреціи существуетъ уже нѣсколько лѣтъ „Общественный институтъ образованія" (Istituto sociale d'Istruzione), въ нѣкоторомъ отношеніи напоминающій народные университеты.

Но ассоціаціи, направленныя исключительно на образованіе народа, были учреждены въ Миланѣ, Болоньѣ, Венеціи, Падуѣ, Кіоджѣ, Фабріано и т. д. Скажемъ нѣсколько словъ о первыхъ двухъ, въ виду того вліянія, которое онѣ имѣли на образованіе народнаго университета. Въ Миланѣ существуетъ съ 1898 года „Ассоціація-поощрительница народной культуры" (Associazione-Promotice della cultura populare), гдѣ при помощи гражданъ и профессоровъ научныхъ учрежденій даются даровыя конференціи для народа. Этой ассоціаціи мы обязаны переводомъ книги Эрнеста Шульце: „Volkshochschulen und Universitäts Ausdehungs-Bewegung", которая такъ сильно способствовала распространенію идеи народныхъ университетовъ.

Въ Болоньѣ, по иниціативѣ „Университетскаго Союза" и при помощи „Рабочаго Общества", которое съ 1862 года работаетъ неутомимо на пользу образованія своихъ членовъ, учредилась въ 1872 году „Лига народнаго образованія", съ богатой библіотекой и съ чтеніемъ даровыхъ конференцій; за недостаткомъ средствъ, лига эта просуществовала только до 1886 года. Но въ 1898 году „Ассоціація XX сентября" (Associazione XX Settembre) выступаетъ снова съ народной идеей и въ одной изъ своихъ программъ ставитъ себѣ задачей народное образованіе и народное воспитаніе, какъ при помощи народнаго университета, долженствующаго „распространять познанія, необходимыя для интеллектуальной, технической, общественной и частной жизни всякаго гражданина, давать позитивныя объясненія феноменамъ физической и общественной жизни", такъ и при помощи учрежденій для гимнастическихъ упражненій. Помимо того, „Associazione XX Settembre" задалась моральной и экономической помощью рабочимъ, учредивъ народное совѣщательное бюро (Ufficio di

consulenze popolare), чтобы „помогать рабочимъ при дѣловыхъ трактатахъ, объяснять законы и уставы, помогать и направлять его во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и т. д.“. Но и эта попытка должна была остаться безъ послѣдствій, пока наконецъ, въ іюнѣ 1900 года „Комитетъ профессоровъ и рабочихъ“ не начерталъ основанія народнаго университета, открывшагося 11-го февраля 1901 года и считающагося теперь однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ въ Италіи. Интересно, что болонскій народный университетъ, придерживаясь желаній „Ассоціаціи XX сентября“, учредилъ особымъ уставомъ „Секцію туристовъ“, задача которой организовывать экскурсіи; помимо физическаго упражненія, онѣ должны имѣть характеръ артистическаго, научнаго, литературнаго воспитанія. Членами этого отдѣленія могутъ быть даже не принадлежащіе къ народному университету; но они должны дать обязательство записаться въ слушатели. Члены этого отдѣленія платятъ годовой взносъ въ 50 сантимовъ; и достаточно, чтобы десятая часть членовъ заявила о желаніи на какую-нибудь экскурсію, чтобы эта экскурсія приведена была въ исполненіе. Послѣ каждой экскурсіи назначается конкурсъ на отчеты, рефераты, фотографическія объясненія и т. д., съ преміями книгъ или другихъ школьныхъ пособій.

Было бы болѣе чѣмъ естественно, если бы всѣ эти клубы, собранія, лиги, которые устроивали чтенія и конференціи для своихъ членовъ, неблагосклонно отнеслись къ учрежденію народныхъ университетовъ,—тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе, не имѣя въ виду исключительно мелкій народъ и развивая серьезно всѣ отрасли знанія, дѣлали ихъ почти излишними. Дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы слиться съ новымъ университетомъ, или по крайней мѣрѣ помочь ему, они совсѣмъ отстранились; и только учрежденія дѣйствительно народныя, какъ, напримѣръ, „Палата труда“ (Camere di lavoro), рабочіе клубы, лиги, съ восторгомъ отнеслись къ новой идеѣ и помогаютъ морально и матеріально, насколько могутъ. Рабочее общество „Гарибальди“ въ Болоньѣ, помимо годового взноса въ тысячу франковъ, даетъ помѣщеніе и освѣщеніе.

Какъ бы то ни было, идея о народныхъ университетахъ нашла готовую почву въ Италіи, по отношенію всего, что касалось высшей народной культуры, но она должна была подчиниться условіямъ, которыя ей ставили политическіе консервативные умы; и даже тамъ, гдѣ народные университеты были прямымъ и единственнымъ дѣломъ народныхъ элементовъ, приходилось все-таки дѣйствовать осторожно, чтобы не зайти далеко и не испугать.

Остановились на полпути даже тѣ университеты, которые могли бы быть гораздо болѣе прогрессивными. Миланскій университетъ, благодаря свободѣ и новизнѣ (modernité) направленія и предметовъ, которые тамъ преподаются, выбора преподавателей и многихъ другихъ условій, есть самое смѣлое, самое молодое учрежденіе, и все-таки онъ далекъ отъ того, чтобы удовлетворить передовые умы. Вѣроятно, съ этой точки зрѣнія, скоро многое измѣнится къ лучшему въ этомъ знаменитомъ городѣ, городѣ иниціативы и энергіи, не даромъ называемомъ „умомъ и моральной столицей Италіи"; именно онъ создаетъ себѣ ясное представленіе о народномъ университетѣ и отдаетъ себѣ полный отчетъ въ главномъ назначеніи новаго учрежденія и въ важности функціи научнаго отдѣленія, которое, составляя часть совѣта управленія, представляется какъ необходимый органъ теоретическаго и практическаго обсужденія, отъ котораго зависитъ весь порядокъ, все направленіе новаго народнаго учрежденія.

Дѣло въ томъ, что наши консервативные элементы стараются поставить народные университеты подъ покровительство школьныхъ властей, въ особенности подъ надзоръ государственныхъ университетовъ и ихъ профессоровъ (если это выгодно по отношенію преподаванія предметовъ чисто научныхъ, то, наоборотъ, оно принесетъ большой вредъ относительно другихъ прикладныхъ предметовъ),—а слѣдовательно, тѣ интеллектуальныя нововведенія, которыя выпали на долю народнаго университета, ему придется выполнить,—будучи это неизбѣжнымъ,—съ большой задержкой, безъ всякаго критерія и съ большой путаницей; съ другой стороны, либеральные элементы, даже наиболѣе передовые, въ общей темѣ знаній, сами не имѣютъ еще, повидимому, идей противоположныхъ идеямъ консерваторовъ; между такими идеями нерѣдко даже можно найти тотъ умственный радикализмъ, который не служитъ еще явной характеристикой передовой партіи. Интеллектуальность народныхъ партій и самихъ соціалистовъ, въ общемъ, далеко не можетъ назваться цѣльной; она представляетъ почти исключительно характеръ экономическій и политическій и имѣетъ самый неясный идеалъ, безъ всякаго опредѣленнаго собственнаго направленія относительно знанія и изученій; она не имѣетъ ни собственныхъ идей относительно наукъ и искусствъ, ни методовъ для его уразумѣнія, своихъ собственныхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, что господствуютъ въ другихъ классахъ; всѣ они стараются всѣми силами примѣниться къ существующему и даже преувеличивать ихъ, какъ буржуа, перенимающій манеры и поступки аристократа, чтобы имѣть значеніе въ глазахъ послѣдняго. Было бы,

слѣдовательно, несправедливо обвинять только консервативные классы въ направленіи, по большей части ортодоксальномъ, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, итальянскихъ народныхъ университетовъ, гдѣ въ такихъ наукахъ, какъ философія, политическая экономія, мораль, исторія, литература, искусство,—преподаются предметы устарѣвшіе, съ устарѣвшими методами, устарѣвшими профессорами, часто даже и молодыми, но которые не въ состояніи освѣжить ихъ какимъ бы то ни было образомъ.

Въ виду всего этого, понятно, почему наши народные университеты (хотя во многихъ отношеніяхъ они не хуже иностранныхъ экстенсивныхъ учрежденій, а нѣкоторые, по сравненію съ этими, гораздо выше, миланскій, напр., по фактамъ, а флорентинскій по статуту стоятъ дѣйствительно высоко),—находятся тѣмъ не менѣе въ хаотическомъ періодѣ, который хотя и можетъ дать вредные результаты, но безспорно даетъ также и полезные.

Приведемъ примѣръ: въ флорентинскомъ народномъ университетѣ, совѣтъ управленія котораго состоитъ преимущественно изъ соціалистовъ, даны были курсы по политической экономіи и по другимъ предметамъ чисто ортодоксальнаго характера; тормазились всегда идеи и проекты либеральнаго и интеллектуальнаго характера, стремившіеся дать цѣльность и современность учрежденію и подъемъ болѣе высокій его работамъ, и поддерживались почти безусловно элементы консервативные. Въ туринскомъ университетѣ, при управленіи чисто консервативномъ, профессоръ Моска, ультра-консерваторъ (профессоръ конституціоннаго права въ тамошнемъ университетѣ), могъ прочесть курсъ по политической экономіи; то же право дано было и профессору Пиккароло, соціалисту, который въ чисто соціалистическомъ духѣ прочелъ исторію собственности; не говорю о многомъ другомъ, что дѣлается въ этомъ университетѣ и что доказываетъ широкій и либеральный взглядъ на вещи.

Не надо забывать, что, исключая Миланъ и нѣкоторые другіе города, не народные элементы, или по крайней мѣрѣ не они одни, были иниціаторами народныхъ университетовъ, хотя они и были яркими поборниками, пропагандистами и наиболѣе энергичными и воодушевленными кооператорами; и это происходило по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что они чувствовали себя не въ силахъ поставить на ноги такое высокое учрежденіе, требующее авторитета, престижа и содѣйствія всѣхъ гражданъ; а во-вторыхъ, они одни не могли бы имѣть на то средствъ.

Мы исключаемъ—и по праву—Миланъ; это индустріальный центръ Италіи, богатый, просвѣщенный, дѣятельный городъ, гото-

вый содѣйствовать всѣмъ хорошимъ и полезнымъ предпріятіямъ; тамъ всѣ граждане привыкли къ широкому обсужденію всѣхъ вопросовъ, и то, что̀ считается полезнымъ, тамъ быстро приводится въ исполненіе—часто всѣми партіями безъ различія. Этотъ большой городъ (наиболѣе населенный послѣ Неаполя) не имѣетъ университета въ полномъ смыслѣ этого слова, но имѣетъ взамѣнъ его научно-литературную академію и политехникумъ, не считая многихъ другихъ превосходныхъ учрежденій, какъ научныхъ, такъ и индустріальныхъ, даже частныхъ учредителей: вскорѣ тамъ будетъ открытъ „коммерческій университетъ" имени Луиджи Боккони, сына богатаго и извѣстнаго коммерсанта, пожертвовавшаго на его учрежденіе значительную для Италіи сумму,—милліонъ франковъ, чтобы почтить память бѣднаго молодого человѣка, ушедшаго волонтеромъ въ Африку и умершаго въ знаменитомъ пораженіи Абба-Каримы.

Объ этомъ коммерческомъ университетѣ и его программѣ наукъ мы желали бы дать болѣе подробное описаніе, но должны ограничиться только замѣчаніемъ, что онъ не будетъ имѣть характера исключительно профессіональнаго, а поставитъ себѣ цѣлью распространеніе научно-коммерческой культуры. Миланъ изобилуетъ учрежденіями, помогающими и покровительствующими образованію и культурѣ народа; тамъ существуютъ даровые школьные завтраки въ элементарныхъ школахъ и въ учрежденіяхъ, называемыхъ „Послѣ школы", то-есть тамъ, гдѣ дѣти рабочихъ проводятъ послѣ-школьное время, готовя уроки, играя, въ ожиданіи возвращенія домой родителей; учрежденія, дающія стипендіи и всевозможныя пособія бѣднымъ учащимся; общества для распространенія культуры; рабочій домъ, рабочая палата; все это—центры, распространяющіе моральное и интеллектуальное воспитаніе по всѣмъ отраслямъ и всѣми способами, въ томъ числѣ и съ помощью народнаго театра.

Въ этомъ же городѣ народныя партіи, даже наиболѣе прогрессивныя, настолько сильны, что властвуютъ въ городѣ. Городской совѣтъ тамъ весьма радикальный, всѣ пять депутатовъ отъ Милана—соціалисты. Но тамъ иниціатива народнаго университета принадлежала всѣмъ народнымъ партіямъ, которыя и привели ее въ исполненіе, такъ что въ Миланѣ все было сдѣлано и все дѣлается по обоюдному согласію, безъ необходимости реакціи, и все побуждалось могучею дѣятельностью къ лучшему, настолько, что изъ всѣхъ городовъ только одинъ Миланъ можетъ дать увѣренность въ быстрой эволюціи, въ смыслѣ болѣе смѣлаго и болѣе

откровеннаго выполненія типа народнаго университета, какъ онъ долженъ пониматься.

Продолжая нашъ сжатый обзоръ мѣстныхъ условій подготовленія и выполненія идеи народнаго университета, возвратимся къ высказанной мысли, а именно, что народные элементы одни не могли бы, за недостаткомъ экономическихъ и моральныхъ средствъ, задумать и поставить на ноги учрежденія высшей народной культуры, которыя имъ были такъ дороги. Они должны были отдать все въ руки господствующимъ классамъ (хотя бы это были исключительно профессора, какъ въ Римѣ, напр.) или опереться на нихъ, теряясь въ уступкахъ. Соучастіе всѣхъ классовъ, болѣе или менѣе сочувствующихъ движенію, становилось необходимымъ. Даже тамъ, гдѣ народныя партіи первенствовали, все-таки было необходимо довѣрить управленіе университетами личностямъ, наиболѣе благопріятнымъ господствующимъ классамъ.

Не должно упускать изъ вида, что Италія—страна, гдѣ политика, со всѣми относящимися къ ней вопросами, находится въ постоянномъ обсужденіи во всѣхъ частныхъ и публичныхъ засѣданіяхъ, и партіи здѣсь отличаются бо̀льшею жизненностью и вліяютъ на всѣ рѣшенія, въ которыя входитъ какая бы ни было часть ихъ программъ и ихъ идеаловъ.

Въ Италіи—масса благотворительныхъ обществъ, гдѣ постоянно сталкиваются самыя разнообразныя политическія убѣжденія, и устроиваются почти каждодневно, при всякомъ удобномъ случаѣ и въ виду всевозможныхъ цѣлей, различные комитеты, въ которые стараются завлечь всѣ оттѣнки партій безъ исключенія. Несмотря на то, въ воспитательномъ и въ школьномъ вопросѣ есть много пунктовъ, по поводу которыхъ партіи приходятъ въ яростную оппозицію другъ съ другомъ.

Отсюда понятно, что всѣ партіи или, по меньшей мѣрѣ, группы однородныхъ партій, стремятся захватить въ свои руки народные университеты, чтобы имѣть вліяніе черезъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ, необходимо констатировать тотъ фактъ, что въ Италіи симпатія къ народнымъ классамъ настолько сильна, въ особенности среди людей науки, что всѣ народные университеты должны были допустить,—и что̀ сдѣлали очень охотно—вмѣшательство общества, прямое или косвенное. И даже тамъ, гдѣ вмѣшательство это минимально, результаты его все-таки чувствительны въ силу того, что преподаваніе тамъ допускаетъ заявленіе всевозможныхъ убѣжденій, и сфера дѣятельности народныхъ университетовъ все расширяется въ виду нуждъ народныхъ.

Впрочемъ, нельзя отрицать, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ на-

родныя партіи сильны, эти убѣжденія идутъ слишкомъ рука объ руку съ вліяніемъ давленія народныхъ партій, передъ которымъ часто не могутъ устоять даже власти. Когда въ Римѣ, прошлымъ лѣтомъ, общество приватъ-доцентовъ тамошняго университета захотѣло учредить народный университетъ, дѣлая его своимъ собственнымъ спеціальнымъ учрежденіемъ,—поднялся протестъ отъ всѣхъ народныхъ партій, которыя не были призваны участвовать въ его устройствѣ, и проектъ рисковалъ быть погребеннымъ. Обществу, которому не по вкусу пришелся этотъ типъ—далеко не демократическій,—возмутилось и, черезъ „Палату труда" и другія народныя ассоціація потребовало разъясненій, и не успокоилось, пока они не были даны.

Эта, скажемъ, уступчивость, болѣе или менѣе искренняя, господствующихъ элементовъ народнымъ партіямъ не менѣе знаменательна и по отношенію преподающихъ профессоровъ, которые хотя и не вполнѣ убѣждены (надо замѣтить, впрочемъ, что такихъ немного), предлагаютъ свой трудъ почти повсюду даромъ. Дѣйствительно, исключая Миланъ и Туринъ, гдѣ преподаватели получаютъ отъ пятнадцати до двадцати-пяти франковъ за урокъ, смотря по доходамъ,—другіе народные университеты не могутъ оплачивать своихъ преподавателей. Во Флоренціи, напримѣръ, народный университетъ не въ состояніи до сихъ поръ даже минимально вознаграждать своихъ профессоровъ, и они великодушно отдаютъ свое время и свой трудъ. Лучшіе профессора медицинскаго факультета здѣшняго института высшихъ наукъ, съ ректоромъ-профессоромъ Кіаруджи во главѣ, прочли блестящія лекціи, открывъ амфитеатры медицинскаго факультета учащимся изъ народа, которые массою шли туда, счастливые уже тѣмъ, что могутъ познакомиться съ науками.

Остальныя лекціи читаются въ другомъ учебномъ заведеніи, даромъ предоставленномъ муниципалитетомъ, которому оно принадлежитъ. Въ этомъ заведеніи, помимо курсовъ научныхъ и литературныхъ, даромъ прочитанныхъ профессорами и учителями лицеевъ, профессоръ Бонавентура могъ дать курсъ исторіи музыки, иллюстрированный небольшими концертами, безъ всякихъ расходовъ, благодаря великодушному содѣйствію дилеттантовъ. Невольно напрашиваются при этомъ на сравненіе блестящія вознагражденія, получаемыя доцентами англійскихъ экстенсивныхъ университетовъ. Впрочемъ, долго такъ продолжаться не можетъ: профессора, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ дали блестящіе образцы популярныхъ лекцій, могутъ прочесть только краткіе курсы, безъ всякой заботы о взаимномъ ихъ соотношеніи; но со-

вѣты управленія могутъ требовать отъ нихъ бо́льшаго приспособленія къ характеру и цѣлямъ народнаго университета. Бо́льшая часть изъ нихъ, медики, адвокаты, инженеры, должны заниматься профессіей, такъ какъ университетскаго жалованья (пять тысячъ лиръ) не хватаетъ на удовлетвореніе ихъ нуждъ, какъ ученыхъ, такъ и семейныхъ, и тѣмъ менѣе—на поддержаніе своего значенія въ обществѣ.

Учителя же среднихъ школъ такъ плохо оплачиваемы (жалованье имъ—отъ двухъ до трехъ тысячъ лиръ), что они вынуждены, чтобы жить и поддерживать семью, давать частные уроки; потому, утомленные дневнымъ трудомъ, они приносятъ по истинѣ жертву, отнимая у себя и то немногое время, что̀ остается имъ на отдыхъ и на попеченіе о семьѣ, и отдавая его на благо народа; отъ нихъ тѣмъ болѣе нельзя требовать серьезныхъ работъ подготовленія, соотвѣтствующаго цѣли.

Если подумать о мизерной стипендіи этихъ тысячъ воспитателей, подготовителей поколѣній, интеллектовъ на службѣ знанія, то приходится удивляться, какъ, несмотря на то, итальянская наука съумѣла занять свое скромное мѣсто среди остальныхъ націй, а культура—сдѣлать столько прогресса въ странѣ; нельзя не думать съ гордостью объ этой фалангѣ учителей, которые съ такимъ сознаніемъ долга и, можно сказать, съ благороднымъ самоотреченіемъ, выполняютъ свою общественную функцію, измученные часто ежедневной борьбой съ самыми необходимыми нуждами и, къ довершенію всего, иногда и безъ всякаго почти моральнаго удовлетворенія.

Франч. Парэсче.

Флоренція, 1903.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—ВЫСОХШІЙ РУЧЕЙ.

Весной въ травѣ журчалъ ручей
Подъ вѣчной зеленью крушины;
Съ зарей звенѣли тамъ кувшины,
Имъ вторилъ смѣхъ и звукъ рѣчей,
И топотъ стадъ—у водопоя...
Но вотъ, подъ жгучимъ игомъ зноя,
Изсякла свѣтлая струя:
Безводнымъ ложе у ручья,
Такимъ сухимъ и жесткимъ стало,
Какъ взоръ, давно не знавшій слезъ,
Глядящій мутно и устало.
Его песокъ полузанесъ,
И онъ оставленъ и покинутъ—
Пока изъ тучи грозовой
Опять струи воды живой,
Какъ слезы жгучія, не хлынутъ.

II.—ВЪ ЗЕЛЕНОМЪ МОРѢ.

Вверху блистаетъ синева,
    Кругомъ, на всемъ просторѣ,
Шумитъ весенняя листва,
    Волнуется, какъ море...

Предъ нами—рябь зеленыхъ волнъ,
    Полдневный блескъ—надъ нами,

И нашъ балконъ—какъ будто челнъ
Межъ свѣтлыми волнами.

Вотъ снова вѣтеръ набѣжалъ,
Сильнѣй дрожатъ осины;
Какъ парусъ, вздулся, задрожалъ
Наметъ изъ парусины.

Плывутъ въ лазури облака,
Вонъ тамъ—корабль воздушный,
И вдаль, по волѣ вѣтерка,
Несется онъ, послушный.

Во снѣ ли слышу, на яву,
Зеленыхъ волнъ удары;
И съ нимъ чудесно я плыву,
Въ страну весенней чары.

III.—ПЕРВАЯ МОЛНІЯ.

Оттого ль, что прошумѣла
Нынѣче первая гроза—
Такъ тревожно и несмѣло
Потупляешь ты глаза?

Отблескъ молній золотистыхъ
Тайну сердца освѣтя,
И въ твоихъ глазахъ лучистыхъ
Не сверкаетъ ли, дитя?

Вешнихъ грозъ живая сила
И тебя—какъ ни таи—
Незамѣтно опалила
Первой молніей любви?

О. Михайлова.

УРОЖЕНЕЦЪ
ВИРГИНІИ

РОМАНЪ.

—The Virginian. A Horseman of the plains, by Owen Wister. London—New-York. 903.

Окончаніе.

XXVI *).

Въ комнатѣ школьной учительницы Молли Вудъ были оставлены только кровать и стулъ. Все остальное было уложено. На стѣнѣ, среди пустыхъ полокъ, еще красовался портретъ-миніатюра прабабушки Старкъ, въ ожиданіи, когда и его упакуютъ вмѣстѣ съ остальными вещами. До вчерашняго дня съ одной стороны портрета висѣлъ головной индѣйскій уборъ, въ видѣ цѣлаго потока перьевъ, а съ другой—лукъ и стрѣлы. На противоположной стѣнѣ была прибита шкура серебристой лисицы, надъ дверью торчали отростки оленьихъ роговъ, а на полу была разостлана медвѣжья шкура. Такимъ образомъ, вся уютная, чистая комнатка была богато убрана охотничьими и военными трофеями, но посѣтители школьной учительницы всегда останавливались передъ миніатюрнымъ портретомъ.

Молли Вудъ рѣшила оставить свое мѣсто въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ и вернуться домой, въ Беннингтонъ въ Вермонтѣ. Такое рѣшеніе явилось слѣдствіемъ послѣдняго посѣщенія виргинца.

---

*) См. выше: май, 208 стр.

Онъ сказалъ Молли Вудъ, что скоро пріѣдетъ, что скоро для него настанетъ рѣшительный часъ, и во избѣжаніе этого часа она рѣшилась бѣжать. Она не довѣряла своимъ силамъ въ присутствіи своего энергичнаго и неукротимаго обожателя. Ей страстно хотѣлось его видѣть, и поэтому не слѣдовало его видѣть совсѣмъ. Она написала виргинцу прощальное письмо, желая ему полнаго счастья. Нелегко ей было написать это письмо, такъ какъ она сознавала, что отнимаетъ у него счастье. Разставаясь съ Молли послѣ своего неожиданнаго короткаго посѣщенія, виргинецъ сказалъ:

— Вы хорошая учительница, по настоящему научили меня любить, но теперь вамъ придется самой выучить этотъ урокъ,— и онъ уѣхалъ, даже не прикоснувшись къ ея рукѣ, а она еще долго сидѣла, глядя на цвѣты кактуса, которые онъ ей привезъ. Потомъ встала и, взявъ нетерпѣливымъ движеніемъ колючіе цвѣты, хотѣла выбросить ихъ за окошко, но раздумала и поставила въ воду.

Теперь, однако, со всѣмъ этимъ было покончено: когда до него дойдетъ прощальное письмо, ея уже не будетъ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“.

Всѣ сосѣди были огорчены отъѣздомъ Молли, а съ лучшимъ ея другомъ, м-съ Тэлоръ, у нея даже вышла ссора по этому поводу.

— Я вышла замужъ по любви,— сказала м-съ Тэлоръ,—и ни разу въ этомъ не раскаялась; а поэтому отъ души желаю всѣмъ знакомымъ и милымъ мнѣ дѣвушкамъ не упускать своего счастья.

— Когда мое счастье придетъ,—отвѣчала Молли,—я, конечно, скажу: „согласна“.

— Значитъ, вы скажете это на будущей недѣлѣ въ Беннингтонѣ. Конечно, скажете,—продолжала м-съ Тэлоръ, не обращая вниманія на протестующее движеніе Молли.— Или вы воображаете, что онъ останется здѣсь, а вы будете жить въ Беннингтонѣ?

— „Онъ“? Ради Бога! Кто такой „онъ“?

— Дитя, дитя! Вы сами недовольны собой съ тѣхъ поръ, какъ выдумали бросить школу, насъ и всѣхъ и все. И что̀ такое съ вами вдругъ случилось? Еслибы онъ не былъ васъ достоинъ, я бы первая... но вѣдь вы теряете лучшаго человѣка въ свѣтѣ. Если кто-нибудь, несмотря на всевозможные соблазны, остается вѣренъ молодой дѣвушкѣ—значитъ, пришло ея счастье.

— Мое счастье? У всякаго свои взгляды на счастье!

— Взгляды!

— Конечно, онъ былъ очень милъ со мною.

— Милъ!—съ негодованіемъ повторила м-съ Тэлоръ: —Ну, если это все, что вы можете о немъ сказать, то, конечно, вамъ лучше всего уѣхать въ Вермонтъ. Если для васъ внѣшняя шлифовка дороже души человѣка и вы такъ слѣпы, что не умѣете отличить бриллiантъ отъ простого камня...

— Однако, м-съ Тэлоръ!..

— Тогда уѣзжайте въ Вермонтъ,—тамъ вы найдете себѣ болѣе подходящаго жениха!—и добродушная женщина въ глубокомъ негодованіи выкатилась изъ комнаты, оставивъ разсерженную Молли среди ея сундуковъ и чемодановъ.

Молодая дѣвушка принялась-было снова за укладку вещей, но дѣло у нея не ладилось. Она выкладывала всѣми попадавшимися ей подъ-руку предметами какія-то фантастическія фигуры, точно отчаянно играя въ домино, но нѣкоторыя вещи никакъ не хотѣли укладываться въ оставленныя для нихъ пустыя мѣста.

Особенно упрямился одинъ проклятый портфель и двѣ старыя книги. Кончилось тѣмъ, что Молли въ полномъ отчаяніи бросила ихъ на полъ и остановилась, съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами, передъ портретомъ прабабушки. Видъ знакомаго изящнаго лица, обрамленнаго бѣлокурыми волосами, немного успокоилъ Молли. Вѣдь ей оставалась еще цѣлая недѣля до отъѣзда и не было никакой необходимости уложить все именно сегодня. Недалеко отъ ея домика паслась лошадь, объѣзженная для нея виргинцемъ. М-съ Тэлоръ видѣла изъ своего окна, какъ молодая дѣвушка ловко и быстро осѣдлала лошадь. Этому научилъ ее все тотъ же виргинецъ. Отъ вниманія м-съ Тэлоръ не ускользнуло то обстоятельство, что, вскочивъ на сѣдло, Молли съ непривычной силой ударила лошадь хлыстомъ, и почтенная дама съ злобной улыбкой прослѣдила за фигурой всадницы, удалявшейся и уменьшавшейся среди пустыннаго солнечнаго пейзажа. Лошадь, привыкшая къ ласковому обращенію, послѣ третьяго рѣзкаго удара хлыстомъ, повернула голову и посмотрѣла на свою хозяйку умными, но недоумѣвающими глазами. Молли ослабила поводъ и позволила ей самой выбирать дорогу. Тогда лошадь съ видимымъ удовольствіемъ побѣжала по знакомой ей дорогѣ къ „Глубокой-Рѣкѣ“. Два или три раза имъ на встрѣчу попались знакомые фермеры и раскланялись съ м-съ Вудъ, удивляясь, что она не узнаетъ ихъ. Проѣхала она и мимо табунщиковъ. Они пасли небольшое стадо быковъ и долго слѣдили

глазами за проѣхавшей амазонкой. „Медвѣжья-Рѣка“ сдѣлалась уже, ея гористые берега сошлись ближе, и маленькіе водопады шумѣли и пѣнились, ярко освѣщенные полуденнымъ солнцемъ. Вдругъ лошадь насторожила уши. Въ самомъ началѣ пути къ родной для нея „Глубокой-Рѣкѣ“ ее уже привѣтствовалъ старый товарищъ, и она ускорила шаги. Это вывело Молли изъ задумчивости и заставило поднять голову. Откуда взялся Монте? Онъ былъ осѣдланъ и стоялъ возлѣ ключа, бившаго изъ скалы. Очевидно, хозяинъ его спѣшился, чтобы напиться. Молли затянула поводъ и хотѣла повернуть назадъ, но одумалась: ускакать теперь, когда виргинецъ уже навѣрное замѣтилъ ее, было бы слишкомъ дико, и она обогнула скалу.

Одна рука южанина была опущена въ воду по локоть, а другая лежала согнутая возлѣ головы, но Молли не могла видѣть отвернутаго лица и разглядѣла только спутанные черные волосы на затылкѣ. Лошадь захрапѣла и стала вскидывать голову, и Молли, испуганная неподвижностью лежавшей передъ нею фигуры, соскочила съ сѣдла и подбѣжала къ виргинцу. Она заглянула ему въ лицо. Между полузакрытыми вѣками блестѣлъ узкой полоской бѣлокъ глазъ. На фланелевой рубашкѣ возлѣ плеча темнѣло пятно крови, сбѣгавшей и терявшейся подъ поясомъ, и все могучее тѣло молодого человѣка лежало вяло и безпомощно.

Инстинктивно она схватила его за руку, стараясь нащупать пульсъ, но ей не удавалось найти его. Тогда она вытащила другую руку виргинца изъ воды, и ощущеніе ледяного холода вернуло ее къ сознанію дѣйствительности. Но тотчасъ же она почувствовала сильную слабость и опустилась на камень, повторяя громко:

„Только бы мнѣ не сдѣлалось дурно... я не хочу, чтобы мнѣ сдѣлалось дурно“...

А обѣ лошади внимательно смотрѣли на нее, насторожив уши.

„А кровь все идетъ!“—вдругъ мелькнуло у нея въ головѣ. Она вскочила, оторвала кусокъ отъ своего платья, и стала мочить его въ водѣ и обмывать рану, пока кровь не перестала течь. Потомъ бросилась къ своему сѣдлу и достала изъ кармана походную фляжку. Наливъ немного коньяку въ крышку, представлявшую собою стаканчикъ, она съ неимовѣрнымъ усиліемъ разжала зубы виргинца и влила ему въ ротъ нѣсколько капель. Почти тотчасъ же она почувствовала, что къ нему возвращается жизнь, и молча замерла на мѣстѣ, когда онъ открылъ и устре-

милъ на нее свои большіе, глубокіе глаза. Но въ этомъ взглядѣ еще не было сознанія.

— Развѣ они не отыскали меня? Я думалъ, что они меня убьютъ,—прошепталъ онъ и снова закрылъ глаза. Отъ этихъ словъ Молли стало еще страшнѣе, чѣмъ отъ молчанія, и она тихо, почти шопотомъ назвала виргинца по имени.

Онъ открылъ глаза.

— Вы всегда были и теперь вы опять... Но не оставайтесь здѣсь...—съ усиліемъ произнесъ онъ и повторилъ:—не оставайтесь здѣсь,—они васъ схватятъ.

Она молча взяла его пистолетъ, вынула пустые патроны и снова зарядила пистолетъ, доставъ пули изъ его пояса.

— Возьмите его себѣ,—произнесъ виргинецъ съ безпокойствомъ.—Мнѣ ужъ защищаться не стоитъ, вы сами видите.

— Такъ, значитъ, вы собрались сдаваться? — сказала она, стараясь придать своему голосу какъ можно больше строгости. —Лежите смирно!—прибавила она, замѣтивъ, что онъ дѣлаетъ попытку встать.

Онъ покорно опустилъ голову къ ней на колѣни и сталъ улыбаться. Увидавъ это, она тоже улыбнулась и взяла его за руку.

— Послушайте, другъ мой,—сказала она,—никто меня не схватитъ, и васъ также. Выпейте-ка еще немного коньяку и отдохните.

— Да, вѣроятно они побоялись меня преслѣдовать слишкомъ близко отъ поселенцевъ, а то бы ужъ они были здѣсь...

— Не разговаривайте, берегите свои силы, — повторила Молли и, прикрывъ голову виргинца широкимъ зеленымъ листомъ, встала, подошла къ лошадямъ и разнуздала ихъ, чтобы дать имъ возможность напиться и пощипать травы.

Когда она вернулась къ раненому, онъ уже не лежалъ, а сидѣлъ, опершись о скалу, и просилъ ее дать ему воды. Голова его горѣла, и смуглая кожа на лицѣ изъ блѣдной сдѣлалась темно-красной.

— Только пять миль,—произнесла Молли, обливая его холодной водой,—и вы теперь въ состояніи сѣсть на лошадь.

Она сняла съ его шеи платокъ и связала его со своимъ платкомъ, но такой перевязки было мало, и поэтому она сняла узелокъ, привязанный къ его сѣдлу. Въ узелкѣ нашлась чистая рубашка, и она разорвала ее на бинты. Изъ рубашки, когда она ее развертывала, выпалъ маленькій носовой платокъ. Молли подняла его и вдругъ увидала на одномъ изъ уголковъ свой вензель.

Ей ясно вспомнились всѣ подробности ихъ первой встрѣчи съ виргинцемъ. Конечно, это былъ тотъ самый платокъ, который она потомъ никакъ не могла найти. Молли осторожно свернула платокъ и сунула его обратно въ узелокъ. Когда она стала перевязывать рану, южанинъ ложно истолковалъ выраженіе ея взгляда, устремленнаго на него.

— Совсѣмъ не больно,—произнесъ онъ успокоительно, совершенно приходя въ сознаніе отъ острой боли, — не тратьте понапрасну свою жалость.

— А вы не тратьте понапрасну свои силы,—возразила она.

Онъ всталъ, желая доказать ей, какъ онъ силенъ, но тотчасъ же зашатался, и она сказала ему, что онъ все-таки ребенокъ.

— Да, — произнесъ онъ тихо, глядя ей вслѣдъ, такъ какъ она пошла за его лошадью, — тотъ самый ребенокъ, который хотѣлъ достать луну съ неба.

Она помогла ему взобраться на сѣдло, и онъ замѣтилъ:

— Долженъ признаться, что во всей этой непріятной передѣлкѣ вы вели себя какъ настоящій мужчина.

Они двинулись въ путь, онъ верхомъ, а она пѣшкомъ, придерживая его правой рукой, а лѣвой ведя въ поводу свою лошадь. Чтобы ободрить его, она считала, сколько ужъ они проѣхали и сколько осталось, называя знакомые предметы, попадавшіеся на пути. Вотъ уже миновали дерево съ осинымъ гнѣздомъ, вотъ сгорѣвшая хижина, а вонъ показалась и тополевая роща. Онъ молчалъ, держась обѣими руками за луку и все больше наклоняясь впередъ, пока наконецъ силы не измѣнили ему и онъ не соскочилъ съ сѣдла въ траву. Изъ раны опять показалась кровь, и Молли не рѣшалась оставить его одного, чтобы съѣздить за помощью. Она дала ему выпить весь оставшійся у нея коньякъ.

— Всего только одна миля осталась,—проговорила она, стараясь ободрить его и подводя лошадь къ стволу упавшаго дерева, чтобъ ему легче было взобраться на сѣдло.

Съ большимъ трудомъ удалось ей усадить его на лошадь, и опять они двинулись шагомъ по дорогѣ. Оставалось полмили до „Медвѣжьей-Рѣки“, какъ вдругъ виргинецъ, все время молчавшій, быстро заговорилъ:

— Теперь я долженъ съ вами проститься.

Сначала Молли ничего не поняла.

— Лошади убѣжали, онъ уѣдетъ... я прошу извинить меня,

сударыня!—и, повернувъ Монте, онъ собирался уѣхать, но она схватила лошадь за узду.

— Вы должны проводить меня до дому!—произнесла она, догадываясь, что у него начинается бредъ.—Развѣ джентльменъ можетъ пригласить лэди на прогулку и такъ оставить ее одну?

Онъ какъ будто задумался.

— Я, конечно, провожу васъ домой,—произнесъ онъ.—Судья Генри пойметъ...—и онъ продолжалъ говорить о какихъ-то воображаемыхъ предметахъ, называя то лошадей, то людей.

Молли отвѣчала ему успокоительнымъ тономъ, соглашаясь со всѣми его фантазіями.

Добравшись до своего домика, она помогла виргинцу слѣзть съ лошади, отвела его за руку въ свою комнату и, усадивъ тамъ, побѣжала къ Тэлорамъ. Но ихъ домикъ былъ запертъ: все семейство уѣхало кататься. Вернувшись къ виргинцу, Молли нашла въ немъ большую перемѣну: возбужденіе его смѣнилось глубокой слабостью. Она уложила его въ свою постель и укрыла потеплѣе, такъ какъ все тѣло у него сдѣлалось холоднымъ, какъ ледъ. Больше она ничего не могла ему сдѣлать и, усѣвшись возлѣ кровати, стала дожидаться возвращенія Тэлоровъ. Глядя на блѣдное, серьезное лицо съ закрытыми глазами, рѣзко выдѣлявшееся на подушкѣ, Молли невольно вспоминала слова, сказанныя ей когда-то виргинцемъ:

„Табунщики рѣдко доживаютъ до старости“.

Скоро раздался стукъ колесъ возвращавшейся домой повозки Тэлоровъ, а черезъ нѣсколько минутъ м-ръ Тэлоръ уже скакалъ къ доктору, жившему за двадцать-пять миль. Двѣ женщины остались однѣ. Онѣ стояли въ той самой комнатѣ, гдѣ утромъ произошла ихъ ссора.

— Поцѣлуйте меня, душа моя!—сказала м-съ Тэлоръ.—Теперь ужъ я за нимъ присмотрю, а вы пойдите отдохнуть.

Но Молли и слушать не хотѣла ни о какомъ отдыхѣ и рѣшила дожидаться у постели раненаго пріѣзда доктора. Онѣ вдвоемъ обмыли и перевязали рану. Это было все, что онѣ умѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ именно то, что было пока необходимо. У виргинца опять начался бредъ. Онъ то шепталъ что-то, то громко выговаривалъ слова и фразы. Часто онъ произносилъ слово „Монте“. Часто также Молли слышала собственное имя, но онъ называлъ ее не иначе, какъ „миссъ Вудъ“, или обращался къ ней со словомъ „сударыня“.

Настала ночь. Вдругъ раненый приподнялся и сѣлъ на по-

стели. М-съ Тэлоръ поспѣшно подошла къ нему, спрашивая, что ему нужно.

— Поднимитесь на ноги, хорекъ вы этакій, — громко произнесъ виргинецъ,—и скажите имъ, что вы—лжецъ!

М-съ Тэлоръ старалась успокоить его и снова уложила на подушки, но онъ продолжалъ что-то бормотать и нѣсколько разъ произнесъ: „Трампасъ".

— Слышите?—спросила м-съ Тэлоръ, обращаясь къ Молли.— Это онъ вспоминаетъ старую исторію. Самъ-то онъ вамъ ее никогда бы не разсказалъ, ну, а я разскажу, хоть онъ и былъ бы этимъ недоволенъ. Этотъ Трампасъ съ удовольствіемъ убилъ бы его, еслибы посмѣлъ, и все изъ-за васъ.

— Изъ-за меня? Но я даже не знаю, кто такой Трампасъ.

— Тѣмъ не менѣе, этотъ негодяй позволилъ себѣ сказать о васъ, въ присутствіи цѣлаго общества табунщиковъ, что-то очень нехорошее, и онъ заставилъ его при всѣхъ признаться въ своей лжи... Однако, милая, какая вы блѣдная,—вы бы пошли ко мнѣ прилечь до пріѣзда доктора.

Но Молли осталась въ своей комнатѣ. Такъ просидѣли онѣ до зари, а утромъ явился посланный и сообщилъ имъ, что докторъ уѣхалъ къ больному, за тридцать миль, и м-ръ Тэлоръ отправился туда же, чтобы потомъ привезти доктора съ собою, какъ только явится возможность. Къ вечеру у виргинца жаръ усилился,—онъ вскакивалъ, кричалъ и бранился. Обѣ женщины съ трудомъ удерживали его на кровати. М-съ Тэлоръ убѣждала Молли пойти къ ней, говоря, что молодой дѣвушкѣ неприлично слушать такія грубыя выраженія, но миссъ Вудъ только улыбнулась.

— Неужели вы думаете, что я не знаю, что всѣ они умѣютъ браниться?—спросила она.

Однако, ей все-таки пришлось уступить и пойти отдохнуть. Онѣ рѣшили караулить раненаго поочередно.

Наконецъ, пріѣхалъ докторъ и сказалъ, что дѣло пойдетъ или очень медленно, или же все кончится очень быстро. Впрочемъ, рана была не изъ безусловно опасныхъ, и обмыванья холодной водой пришлись очень кстати. Раненый обладалъ на рѣдкость крѣпкимъ организмомъ, и съ каждымъ часомъ надежда на выздоровленіе возростала; но отвѣчать ни за что было нельзя, и докторъ обѣщалъ остаться, пока только ему будетъ можно. Нѣсколько разъ въ „Медвѣжью-Рѣку" являлись запыленные всадники, разспрашивали доктора о состояніи раненаго и, уѣзжая, говорили ему:

— Не дайте вы ему умереть, докторъ.

Судья Генри тоже прислалъ спросить, какъ идетъ леченье и не понадобится ли что-нибудь для его управляющаго. Все окрестное населеніе было взволновано приключеніемъ съ виргинцемъ, и всѣ выражали ему свое сочувствіе.

Индѣйцы, ранившіе его, были схвачены и посажены въ тюрьму. Докторъ сказалъ, что южанинъ, конечно, обязанъ миссъ Вудъ жизнью, что она вела себя совсѣмъ не по-дамски, но что теперь ея дѣло окончено, и ей остается только ждать выздоровленія виргинца и того, что̀ онъ скажетъ ей, выражая свою благодарность. При этомъ докторъ многозначительно улыбнулся. Очевидно, м-съ Тэлоръ дала ему какія-то ложныя свѣдѣнія.

— Къ сожалѣнію, я должна буду уѣхать, когда онъ поправится,—холодно отвѣчала Молли, и на какое-то возраженіе м-съ Тэлоръ прибавила:—Но, конечно, я останусь до тѣхъ поръ, пока буду нужна ему, и сдѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ, чтобы онъ скорѣе выздоравливалъ.

Черезъ пять дней въ состояніи здоровья раненаго стала замѣчаться значительная перемѣна къ лучшему: бредъ прекратился, жаръ спалъ. Докторъ объявилъ, что опасность миновала, и уѣхалъ навѣстить другихъ своихъ паціентовъ, предписавъ раненому полный покой.

Когда онъ снова, черезъ день, пріѣхалъ въ „Медвѣжью-Рѣку", то нашелъ уже не одного, а двухъ больныхъ: у Молли наступила реакція послѣ возбужденія и волненія пяти дней, и она принуждена была слечь въ постель въ комнатѣ м-съ Тэлоръ.

Докторъ пожурилъ молодую дѣвушку за то, что она не берегла себя и дѣлала то, что̀ могли бы дѣлать другіе. Виргинцемъ, напротивъ, докторъ остался очень доволенъ, и сказалъ, что черезъ недѣлю его можно будетъ перенести въ какую-нибудь болѣе уютную комнату.

— Ну, а пока придется оставить въ этомъ пустомъ сараѣ,— прибавилъ онъ.

— Какое счастье, что у насъ такой внимательный и милый докторъ!—сказала м-съ Тэлоръ, когда онъ уѣхалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно милый: назвалъ мою комнату сараемъ!—воскликнула Молли.

— Вы сами сдѣлали ее похожей на пустой сарай. Хорошо еще, что больные многаго не замѣчаютъ.

Однако, на другой же день, во время совмѣстной прогулки, м-съ Тэлоръ сообщила Молли, что больной все отлично замѣтилъ, и спросилъ, что̀ значили уложенные сундуки и чемоданы.

— Конечно, я не сказала ему настоящей причины, чтобы не взволновать его, — прибавила м-съ Тэлоръ, — а сказала, что вы собирались съѣздить не надолго къ своимъ роднымъ.

— Конечно, не надо его переносить изъ моей комнаты, — поспѣшно сказала Молли, — гораздо легче перенести сундуки оттуда. Я могу вынуть изъ нихъ нѣкоторыя вещи... чтобъ ему было уютнѣе. Докторъ вѣдь при васъ говорилъ...

— Да, дорогая.

— Надо еще спросить у доктора, нельзя ли постлать шкуру на полъ, и потомъ, быть можетъ, онъ позволитъ мнѣ поиграть въ карты съ больнымъ или почитать ему вслухъ.

Докторъ изъявилъ свое полное согласіе, и Молли отправилась къ виргинцу. Она не видала его уже цѣлую недѣлю. Загаръ на его лицѣ поблѣднѣлъ, щеки были гладко выбриты, а волосы и усы тщательно причесаны. Онъ сидѣлъ, опершись на подушки, и смотрѣлъ на входившую молодую дѣвушку.

— Вамъ лучше? — сказала она первая не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Да. Только мнѣ запрещено говорить, — произнесъ виргинецъ, улыбаясь.

— Конечно. Пожалуйста не говорите... по крайней мѣрѣ, сегодня.

— Хорошо. Дайте мнѣ сказать вамъ только одно... — онъ взглянулъ на нее и замѣтилъ, какъ она вся сжалась: — спасибо за все, что вы для меня сдѣлали, — произнесъ онъ просто.

Она ласково пожала протянутую ей руку, и они начали играть въ карты. Она выиграла одну игру, потомъ — другую, а послѣ третьей — бросила карты и упрекнула его за то, что онъ нарочно ей проигрываетъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, глядя на разставленные въ комнатѣ сундуки. — Только я не могу сосредоточить свои мысли на картахъ. — Никогда еще его голосъ не звучалъ такъ грустно. — Вы уже уходите? — спросилъ онъ, когда она встала.

— Да. Только сначала я немного устрою вамъ эту комнату поуютнѣе, — и, подойдя къ одному изъ сундуковъ, она стала вынимать уложенныя въ него вещи. Скоро на полу опять была разостлана медвѣжья шкура, различныя украшенія и бездѣлушки заняли свои прежнія мѣста, полки украсились книгами и, наконецъ, на столѣ появилась вазочка съ цвѣтами.

— Теперь больше похоже на прежнее, — сказалъ виргинецъ, но голосъ его звучалъ все такъ же грустно. — А ваши родные васъ ждутъ? — прибавилъ онъ.

— О, я могу поѣхать къ нимъ позднѣе,—сказала Молли, наклоняясь, чтобы поправить одѣяло.

— Могу я спросить одну вещь? — проговорилъ виргинецъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, что молодая дѣвушка невольно покраснѣла.

— Если только я въ состояніи буду вамъ отвѣтить.

— О, да. Это было въ самомъ дѣлѣ, что я просилъ васъ бросить меня, а вы зарядили мой пистолетъ и остались, или это мнѣ почудилось въ бреду?

— Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ было. Что̀ же оставалось дѣлать?

— Ничего другого не оставалось... для такой, какъ вы!— воскликнулъ онъ.—У меня все это спуталось въ головѣ; и эта маленькая прабабушка тамъ, на стѣнѣ... я не могу вамъ хорошенько объяснить...—онъ провелъ рукой по своему лбу:—впрочемъ, все это глупости!—прибавилъ онъ какимъ-то почти грубымъ тономъ.

— Ваши родные будутъ удивляться, почему вы не ѣдете,— сказалъ онъ ей на другой день.

— Я думаю, имъ все равно, въ какомъ мѣсяцѣ я къ нимъ пріѣду,—отвѣтила Молли,—особенно, когда они узнаютъ причину, задержавшую меня.

— Я не хочу васъ задерживать, сударыня. Я никогда не забуду всего, что̀ вы для меня сдѣлали. Но, пожалуйста, не оставайтесь больше, сударыня. Вы сами видите, я уже вполнѣ поправился.

— Я не понимаю, зачѣмъ вы все это говорите! — сказала Молли. Она не любила, когда онъ говорилъ ей: „сударыня“.— Я не ѣду, потому что еще не успѣла собраться. Но довольно объ этомъ; не хотите ли, я вамъ лучше почитаю что-нибудь?

— Да, пожалуйста, вотъ этотъ романъ „Эмма“. Вы мнѣ его давали, а я не прочелъ, но послушать, какъ вы его будете читать—это совсѣмъ другое дѣло.

Молли начала читать, сначала равнодушно, но потомъ все болѣе и болѣе увлекаясь произведеніемъ своей любимой писательницы. Дочитавъ главу и опустивъ книгу на колѣни, она увидала, что виргинецъ мирно спалъ.

На другой день онъ былъ очень сконфуженъ и усиленно извинялся передъ нею.

— Сегодня ужъ вы почитайте мнѣ что-нибудь въ другомъ родѣ,—попросилъ онъ,—и я увѣряю васъ, что больше не засну.

— Ну, вотъ, я думаю, это должно вамъ понравиться,—ска-

зала Молли, доставая книжку Броунинга. Это былъ ея любимый поэтъ, и она съ любовью стала переворачивать страницы, не зная, что̀ прочесть. Наконецъ, она выбрала и прочла довольно длинную поэму. Виргинецъ одобрилъ и сказалъ, что это гораздо лучше „Эммы".

— Лошадь хорошо описана,—прибавилъ онъ,—добрая лошадь, но только человѣкъ, который такъ скачетъ, обыкновенно внимательно смотритъ на землю и на попадающіеся рвы и впадины, а не разсматриваетъ, какого цвѣта глаза у его лошади.

Послѣ второго прочтеннаго стихотворенія онъ замѣтилъ:

— Это мнѣ больше нравится. И короче гораздо. Но конецъ слабъ. Этотъ солдатъ не могъ сказать императору, что онъ убитъ.

— А что̀ же онъ могъ ему сказать, хотѣла бы я знать?— спросила не безъ раздраженія Молли.

— Да ровно ничего. Это подстроено въ концѣ для фокуса. „Ты раненъ?—Нѣтъ, государь, я убитъ!"—Человѣкъ, который былъ способенъ такъ поступить, молча упалъ бы мертвый.

Никто изъ пріятельницъ Молли никогда не критиковалъ такъ Броунинга. Многія изъ нихъ не понимали его, но всѣ неизмѣнно имъ восхищались.

— Вѣдь этотъ солдатъ былъ французъ,—заявила Молли, все еще не сдаваясь.

— Французъ,—серьезно повторилъ табунщикъ,—ну, можетъ быть, у французовъ такія глупости и возможны.

— Какая же это глупость?—воскликнула молодая дѣвушка: —это солдатская гордость, здѣсь же сказано. Неужели вы не понимаете?

— Нѣтъ.

Они опять заспорили. Молли сначала горячилась, но потомъ притихла и стала съ интересомъ слушать виргинца, развивавшаго передъ нею свои взгляды на то, что̀ такое настоящая храбрость и скромность (хотя онъ не употреблялъ этихъ громкихъ словъ). Молли сидѣла, нагнувшись впередъ и подперевъ подбородокъ рукою. Броунингъ давно соскользнулъ съ ея колѣнъ и лежалъ на полу, а она все слушала, изрѣдка восклицая, какъ бы про себя:

— Я не подозрѣвала, что возможно что-нибудь подобное!— или:—Это мнѣ никогда не приходило въ голову!

Перевязка на плечѣ виргинца немножко сползла съ мѣста. Молли стала поправлять ее, и это дало другое направленіе ихъ разговору: отъ литературы онъ перешелъ къ дѣйствительной

жизни. Молодая дѣвушка спросила: не бывалъ ли онъ когда-нибудь прежде раненъ, и виргинецъ отвѣчалъ, что это—второй случай въ его жизни.

— Скучно возиться съ раной,—замѣтилъ онъ:—ужъ если кто долженъ быть убитъ...

— Вы никогда...—перебила его Молли и прибавила поспѣшно:—пожалуйста, не разсказывайте, если вамъ и приходилось кого-нибудь...

— Ничего не было бы удивительнаго, еслибы я и убилъ одного изъ этихъ индѣйцевъ,—спокойно возразилъ виргинецъ.—Въ тотъ же самый день я чуть было не убилъ одного бѣлаго. Онъ мучилъ лошадь.

— Мучилъ?—переспросила Молли.

— Да. Я не стану вамъ разсказывать. Вамъ было бы слишкомъ тяжело слушать. Лошади—вѣдь это все равно, что дѣти,—такія же беззащитныя. У васъ бы самой явилось желаніе убить этого человѣка.

XXVII.

Бесѣды и чтенія возобновлялись каждый день, и результаты ихъ очень радовали добродушную м-съ Тэлоръ. О поѣздкѣ домой больше не было и рѣчи, но, оставаясь одинъ, виргинецъ подолгу разглядывалъ всѣ предметы въ комнатѣ: семейные портреты, письменныя принадлежности и всевозможныя мелочи и бездѣлушки, все, что̀ любила Молли и что̀ напоминало ей родной городъ и семью. Силы виргинца возвращались къ нему съ каждымъ днемъ. Скоро судья Генри прислалъ ему его вещи, и Молли нашла его одѣтымъ въ фланелевую рубашку съ шолковымъ платкомъ, повязаннымъ вокругъ шеи. При этомъ онъ объявилъ ей, что очень пріятно чувствовать себя прилично одѣтымъ. Она пришла къ нему по обыкновенію съ книгой, чтобы почитать ему вслухъ. Онъ полусидѣлъ, полулежалъ въ креслѣ, среди подушекъ, и она накинула ему на плечи пестрое шерстяное одѣяло. Она стала читать очень заинтересовавшій его романъ „Давидъ Копперфильдъ“; но его безучастный, отсутствующій взглядъ заставилъ ее остановиться, и она упрекнула его въ невниманіи.

— Да,—согласился онъ, то беря въ руки, то снова кладя на колѣни письмо, только-что привезенное ему посыльнымъ судьи:—я думаю совсѣмъ о другомъ, и я долженъ сказать вамъ, о чемъ я думаю.

Она замѣтила, какъ его рука конвульсивно сжала ручку кресла.

— Вы обѣщали...—начала Молли, вся дрожа.

— Я обѣщалъ, что вы меня полюбите,—перебилъ онъ ее сурово,—обѣщалъ это самому себѣ, и не сдержалъ обѣщанія.

Она машинально захлопнула книгу и сильно поблѣднѣла.

— Мнѣ привезли ваше письмо, вотъ оно,—продолжалъ онъ уже обыкновеннымъ своимъ мягкимъ голосомъ.

— Мое письмо!..—она совсѣмъ забыла о немъ.

— Да, письмо, въ которомъ вы прощаетесь со мною. Вы не говорили мнѣ про него, потому что докторъ не велѣлъ мнѣ волноваться, и вы, конечно, думали, что оно...

— Простите!—воскликнула молодая дѣвушка.—Конечно, я должна была сказать вамъ раньше, и мнѣ нѣтъ оправданія!

— Нисколько! Вамъ не хотѣлось говорить, и вы написали. Что-жъ тутъ такого? Вотъ только вы пишете, что не въ состояніи заплатить мнѣ за доброту и вниманіе, а теперь я не въ состояніи заплатить вамъ за все, что вы для меня сдѣлали,—ничѣмъ не могу заплатить, ничѣмъ!.. Я вѣдь и раньше все понялъ, до письма. М-съ Тэлоръ не умѣетъ лгать, и ей не удалось обмануть меня. Я о многомъ думалъ, лежа въ этой комнатѣ. Думалъ и о томъ, что не могу сдѣлать васъ счастливой.

Онъ замолчалъ, но она не отвѣчала. Голосъ его звучалъ совсѣмъ тихо, но это не былъ шопотъ.

Отъ звука этого голоса она отвернулась, чувствуя на глазахъ своихъ нежданныя слезы.

— Прежде я думалъ, что одной любви довольно,—снова началъ виргинецъ,—и я думалъ, что если мнѣ удастся заставить васъ полюбить меня, вы съумѣете сдѣлать меня менѣе... болѣе похожимъ на васъ. Но одной любви мало. Вотъ м-съ Тэлоръ,—она не знаетъ ничего лучше того, что дѣлаетъ м-ръ Тэлоръ. Она не желаетъ ничего такого, чего бы онъ не могъ ей дать. Его друзья подходятъ къ ней, а ея друзья—къ нему. И мечтая о томъ времени, когда вы будете жить въ моемъ домѣ...—онъ закрылъ глаза и глубоко вздохнулъ. Потомъ опять взглянулъ на нее.—Здѣшняя страна—неподходящая для лэди. Забудете ли вы и простите ли мнѣ всѣ непріятности, которыя я вамъ сдѣлалъ?

— Боже мой!—воскликнула Молли и закрыла лицо руками.

— Вѣдь я долженъ былъ сказать вамъ все это, не правда ли?—проговорилъ виргинецъ упавшимъ голосомъ.—Я долженъ былъ понять сразу, что не могу сдѣлать васъ счастливой.

— Но,—произнесла Молли, продолжая стоять неподвижно и

не отнимая рукъ отъ лица,—но я... но вы должны... я прошу васъ попробовать сдѣлать меня счастливой!—и, вставъ на колѣни возлѣ его кресла, она спрятала голову на его плечѣ. Безмолвно онъ склонился надъ нею, едва смѣя касаться ласковой рукою ея золотистыхъ, всегда такъ плѣнявшихъ его волосъ.

— Ты побѣдила,—прошепталъ онъ наконецъ едва слышно,—мнѣ ли бороться съ тобою?!

Въ комнатѣ опять наступила тишина. Никто не узналъ, что̀ произошло въ ней, кромѣ прабабушки Старкъ. Она выглядывала изъ своей старинной золоченой рамы на двѣ склоненныя передъ нею головы, одну бѣлокурую, другую черноволосую, и на губахъ ея играла улыбка—полу-нѣжная, полу-насмѣшливая.

XXVIII.

Оставшись одинъ, виргинецъ долго лежалъ неподвижно въ креслѣ, глядя въ открытое окно на игру солнца и движеніе листьевъ. Онъ повторялъ мысленно слова, сказанныя ею передъ уходомъ:—„Только теперь я поняла, какъ я была несчастна до сихъ поръ“.—Снова и снова онъ повторялъ эти милыя слова, боясь позабыть ихъ, пока наконецъ, обезсиленный счастливымъ волненіемъ, не закрылъ глаза и не погрузился въ легкое полузабытье. Вдругъ онъ опомнился и открылъ глаза. „Я спалъ,—подумалъ онъ,—но вѣдь она была здѣсь, и все это не приснилось мнѣ, а произошло на яву? Если это былъ только сонъ, болѣзненный бредъ, то лучше мнѣ умереть. Я долженъ убѣдиться... она читала „Давида Копперфильда“, и когда встала, то книга упала на полъ. Здѣсь она? Да, значитъ, все это было въ самомъ дѣлѣ“. Глаза его упали на портретъ прабабушки.—Вы удивительно на нее похожи,—прошепталъ онъ,—удивительно! Можно мнѣ и васъ также поцѣловать, прабабушка?—Онъ всталъ, шатаясь, съ кресла и выпрямился. Пестрое одѣяло соскользнуло съ его плечъ на полъ. Потомъ осторожно, хватаясь за всѣ попадавшіеся подъ руку предметы, онъ перешелъ къ противоположной стѣнѣ и нѣжно прикоснулся губами къ портрету прабабушки.

— Обѣщаю сдѣлать вашу внучку счастливой!—прошепталъ онъ. Колѣни его дрожали, и онъ долженъ былъ схватиться руками за стѣну, чтобы не упасть.—Какъ я ослабѣлъ!—прошепталъ онъ:—но это отъ радости.

Въ эту минуту дверь отворилась, и она показалась на порогѣ съ подносомъ въ рукахъ. Она принесла ему его обѣдъ.

— Боже мой!—воскликнула она и, поставивъ подносъ на столъ, бросилась къ нему. Она усадила его опять въ кресло и прикрыла одѣяломъ. Съ нимъ ничего не случилось, но она прильнула къ нему съ нѣжнымъ испугомъ, и онъ сталъ покрывать ея лицо страстными поцѣлуями.

— Я буду благоразумнымъ,—прошепталъ онъ.

— Да, ради Бога!—отвѣчала она:—ты былъ такъ блѣденъ!

— Ты говоришь такъ же тихо, какъ я,—сказалъ онъ:—мы точно боимся разбудить кого-то. Но вѣдь это не сонъ, и мы не можемъ проснуться.

XXIX.

Нѣсколько времени они хранили свою тайну или, по крайней мѣрѣ, испытывали наслажденіе, воображая, что никто на свѣтѣ не знаетъ, что̀ съ ними случилось. Но я думаю, что былъ человѣкъ, умѣвшій хранить тайну еще лучше, чѣмъ наши влюбленные. М-съ Тэлоръ никому не проговорилась ни единымъ словомъ, но во всей „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ не было болѣе довольнаго и радостнаго существа. Отношеніе ея къ Молли Вудъ совершенно измѣнилось,—отъ прежней строгости не осталось и слѣда. Молодая дѣвушка не встрѣчала ничего, кромѣ ласки и снисхожденія.

М-съ Тэлоръ была строгая хозяйка; она требовала, чтобы всѣ ея домашніе аккуратно являлись къ столу, и всегда выговаривала всѣмъ запоздавшимъ безъ особенно уважительной причины.

Но Молли въ послѣднее время могла являться, когда ей было угодно, не опасаясь навлечь на себя гнѣвъ хозяйки.

— Прежде и ей отъ тебя доставалось, хотя ты и не ея мама, а теперь достается намъ однимъ,—жаловался Жоржикъ Тэлоръ, на что мать возражала ему:

— Сначала спаси кому-нибудь жизнь, а потомъ разговаривай!

М-съ Тэлоръ очень внимательно слѣдила за корреспонденціей и подолгу разглядывала письма, отсылавшіяся изъ „Медвѣжьей-Рѣки“ въ Беннингтонъ и приходившія изъ Беннингтона въ „Медвѣжью-Рѣку“,—какъ будто возможно было узнать ихъ содержаніе черезъ конверты. Въ одинъ прекрасный день ее очень взволновали три письма: одно изъ нихъ было адресовано въ

Беннингтонъ, другое—въ Дунбартонъ, а третье—тоже въ Беннингтонъ, но адресъ былъ написанъ не мелкимъ, изящнымъ почеркомъ школьной учительницы, а крупнымъ и твердымъ мужскимъ почеркомъ.

„Ну вотъ! — подумала м-съ Тэлоръ: — наконецъ онъ самъ написалъ ея матери“! Она была права, и вотъ какъ это случилось. Виргинецъ быстро поправлялся. Силы еще не вернулись къ нему вполнѣ, но онъ уже чувствовалъ себя здоровымъ, и каждый день совершалъ прогулки въ сопровожденіи Молли.

— Сегодня мы прошли три мили,—сказалъ онъ однажды, —но я боюсь, что могъ бы пройти вдвое больше.

— Боишься?

— Да, вѣдь это доказываетъ, что я въ состояніи начать работать, и нашей жизни здѣсь приходитъ конецъ.

Вмѣсто отвѣта, она тѣсно прижалась къ нему.

— А я хотѣлъ бы, чтобы такъ продолжалось всегда... Нѣтъ, не всегда такъ жить, но чтобы всегда мнѣ быть такъ съ тобою и никто бы посторонній не вмѣшивался въ наши отношенія. Только это было бы нехорошо относительно твоей матери. Она имѣла бы право осудить меня. Мы должны ей сказать.

— Зачѣмъ! Развѣ нельзя такъ оставить? Неужели надо, чтобы кто-нибудь зналъ?

— Твоя мать не „кто-нибудь“. Я отвѣтственъ передъ нею за свое поведеніе.

— Но вѣдь это мое поведеніе!

— Ты думаешь? Твоя мать будетъ думать иначе. Я сегодня же напишу ей.

— Ты! Напишешь моей матери!—Впервые Молли ясно представила себѣ все, что ожидало ее и ея возлюбленнаго въ Беннингтонѣ. Ей представилось, какъ они будутъ дѣлать визиты и какъ всѣ будутъ разсматривать ея жениха, наблюдая за каждымъ его движеніемъ. Какой видъ будетъ онъ имѣть въ черной парѣ? Не утратитъ ли свой настоящій обликъ, не сдѣлается ли непохожъ самъ на себя? И, конечно, во время короткихъ визитовъ никто не пойметъ, за что она его полюбила и почему гордилась имъ.

— Ну хорошо,—произнесла она наконецъ со вздохомъ,— если ты находишь это нужнымъ, я сообщу ей.

Она вздохнула не столько отъ смутившихъ ее мыслей при воспоминаніи о Беннингтонѣ, сколько отъ сожалѣнія, что пришелъ конецъ волшебной сказкѣ, въ которой они жили съ нимъ вдвоемъ все послѣднее время.

— Да, сообщи ей,—отвѣчалъ виргинецъ,—а я сообщу съ своей стороны.

— Почему ты не хочешь сдѣлать это черезъ меня?—спросила молодая дѣвушка, смущаясь при мысли, что письмо виргинца можетъ не понравиться ея матери и не вполнѣ удовлетворить всѣмъ правиламъ грамматики. Но онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—ей можетъ не понравиться, что я какъ будто хочу уклониться отъ прямого разговора.—Молли осталась довольна его отвѣтомъ, но не могла освободиться отъ нѣкотораго смущенія. Ей все еще не хватало немного вѣры въ него, и этотъ недостатокъ омрачалъ ея счастье какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе дни. Виргинецъ же вѣрилъ въ нее безусловно, и радость его поэтому была чиста, какъ хрусталь.

— Скажи мнѣ, что̀ ты напишешь?—попросила Молли.

— Нѣтъ, не скажу.

— И не покажешь письмо?

— Нѣтъ, не покажу. Знаешь, какъ устроимся?—продолжалъ виргинецъ, уже входя въ комнату Молли:—ты сядь по одну сторону стола, а я сяду по другую, и будемъ вмѣстѣ писать. Живо пойдетъ у насъ работа.—Они такъ и сдѣлали. Чернильницу поставили по срединѣ стола и приступили къ дѣлу.

— Какъ, ты безъ черновика, прямо начисто?—воскликнула Молли, слѣдя за медленными, но энергичными движеніями его пера.

— Не нуждаюсь въ черновикѣ,—отвѣчалъ виргинецъ, склоняя голову къ бумагѣ.—О, проклятіе! я сдѣлалъ кляксъ!

— Слишкомъ много забираешь чернилъ,—замѣтила она тономъ настоящей школьной учительницы, и снова принялась за свое письмо, но фразы разбѣгались въ ея головѣ, и она не находила словъ, хоть сколько-нибудь выражавшихъ ея мысли. Вдругъ она почувствовала на себѣ его пристальный взглядъ и подняла голову. Онъ складывалъ свое письмо.

— Какъ, уже кончилъ?—воскликнула она.—А я ничего не могу написать, лучше отложу до вечера.

Наканунѣ отъѣзда виргинца къ судьѣ Генри въ „Глубокую-Рѣку“, онъ и Молли объявили всѣмъ, что они—женихъ и невѣста.

— Боже мой!—воскликнулъ снисходительно пріѣхавшій какъ разъ въ этотъ день Мак'Лэнъ.—Да ужъ это стало всѣмъ извѣстно съ того дня, когда она нашла тебя раненаго у ручья.

— А тогда этого еще и не было!—возразилъ недовольнымъ тономъ виргинецъ.

— Господи! Да ужъ всѣ давнымъ давно знаютъ,—не унимался Мак'Лэнъ.

— Гм!—протянулъ виргинецъ:—я не зналъ, что здѣсь такое царство сплетенъ.

— Да ты не сердись!—разсмѣялся его другъ:—м-съ Мак' Лэнъ просила тебя поздравить. Она уже давно просила, но я ждалъ, когда ты мнѣ самъ дашь возможность это сдѣлать. А у насъ тоже новость,—прибавилъ Макъ'Лэнъ, женившійся годъ тому назадъ:—ждемъ появленія на свѣтъ маленькаго или маленькой Мак' Лэнъ. Надѣюсь, что и ты скоро будешь ждать того же.

Насталъ день отъѣзда виргинца. Южанинъ былъ мраченъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, ему было тяжело разставаться съ невѣстой, а во-вторыхъ, ему привезли плохія извѣстія: грабители скота становились все смѣлѣе. То-и-дѣло пропадали то лошади, то быки, и каждый фермеръ сталъ подозрительно относиться къ сосѣдямъ.

— Надо будетъ принять строгія мѣры,—сказалъ виргинецъ.

— Ты будешь ихъ принимать?—быстро спросила Молли.

— Да, вѣроятно и я приму участіе.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Объ этомъ я тебѣ разскажу, когда вернусь.

Между тѣмъ въ Дунбартонѣ было получено коротенькое письмо Молли. Сначала двоюродная бабушка нахмурилась.

— Те, те, те!—произнесла она:—таки бросилась она на шею этому молодцу!—Но мало-по-малу ея брови разошлись и на лицѣ появилось выраженіе нѣжности.—Боже ты мой!—промолвила старушка:—еслибы бракъ былъ такимъ же простымъ дѣломъ, какъ любовь! Во всякомъ случаѣ, если она въ самомъ дѣлѣ нашла настоящую большую любовь...—она отперла старую шкатулку и стала перечитывать старыя письма.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвело длинное, на одиннадцати страницахъ письмо Молли, посланное въ Беннингтонъ. На первыхъ страницахъ она старалась подготовить свою мать къ долженствовавшему поразить ее извѣстію.

Отъ этихъ подготовленій у бѣдной лэди голова пошла кругомъ.

— Ради Бога, Сара!—воскликнула она:—что все это значитъ?—и съ помощью дочери, дойдя до третьей страницы, нашла въ концѣ ея поразительное извѣстіе.

— Дикарь съ пистолетами и кинжалами!—простонала она.

— Мама, я вамъ всегда это говорила,—произнесла старшая дочь въ видѣ утѣшенія.

— Что за управляющій?—воскликнула снова несчастная мать:—и кто этотъ судья Генри?

— Она выходитъ замужъ за главнаго лакея,—продолжала успокоивать ее Сара.—Если эта свадьба и состоится, я едва ли попаду на нее.

Въ тотъ же день страшное извѣстіе было сообщено старой теткѣ, какъ старѣйшему члену семьи, и получился отвѣтъ, въ которомъ старушка старалась успокоить м-съ Вудъ, напоминая ей, что вѣдь и генералъ Старкъ носилъ пистолеты и кинжалы, когда это требовалось по службѣ.

„Ты бы лучше прислала мнѣ письмо этого молодого человѣка,—писала старая тетка,—чтобы я могла понять, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло". Письмо было ей переслано, и она прочла слѣдующее:

„Сударыня, если ваша дочь сообщила вамъ, что спасла жизнь одному человѣку, раненному индѣйцами, то вотъ этотъ самый человѣкъ и пишетъ вамъ это письмо. Едва ли она вѣрно описала вамъ свой поступокъ, потому что она одна во всей странѣ думаетъ, что совершила что-то очень незначительное. Докторъ говоритъ, что она дважды спасла мнѣ жизнь: первый разъ—когда подобрала меня раненнаго, и потомъ—когда такъ удивительно ухаживала за мною. Во всемъ этомъ дѣлѣ она обнаружила столько мужества и силы воли и такую нѣжную, сострадательную душу, что я полюбилъ ее такъ, какъ и не воображалъ, что могу полюбить. Боюсь, м-съ Вудъ, что извѣстіе, сообщаемое мною, будетъ непріятно вамъ. Я знаю, вы никогда не выбрали бы для нея такого человѣка, какъ я, потому что я мало образованъ и невысокаго происхожденія. Большинство моихъ предковъ были фермеры или охотники, а нѣкоторые служили въ военной службѣ. Мой отецъ и два брата были убиты на войнѣ. Я теперь устроился довольно хорошо и могу много работать, такъ какъ молодъ и силенъ. Дочь ваша не будетъ ни въ чемъ нуждаться, выйдя за меня, и можетъ оставить свои занятія въ школѣ. Много я видѣлъ и испыталъ въ жизни, но никогда не убивалъ людей для выгоды и безъ крайней необходимости. Судья Генри можетъ вамъ поручиться за меня. Я узналъ, что люблю вашу дочь настоящей любовью потому, что, встрѣтивъ ее, забылъ всѣхъ другихъ женщинъ. Конечно, не мало ихъ было у меня въ жизни, но вотъ уже три года, какъ никто для меня не существуетъ, кромѣ миссъ Вудъ. Особенно я это почувствовалъ послѣ того, какъ она спасла мнѣ жизнь,

но не хотѣлъ надоѣдать ей больше своей любовью и рѣшился разстаться съ нею; но тогда она сама не захотѣла"...

Здѣсь старушка прекратила чтеніе и, уронивъ голову, стала плакать, повторяя про себя:

— Боже мой! Боже мой! Вотъ то, чего я сама себя лишила!..

На другой же день она написала письмо внучкѣ. Это было единственное ласковое посланіе, полученное Молли съ родины. Всѣ остальныя письма и сплетни, доходившія до нея, причиняли ей боль, и тѣмъ сильнѣе была эта боль, что некому было смягчить ее поцѣлуемъ. Отъ виргинца не было никакихъ извѣстій. Молодая дѣвушка знала только, что онъ странствуетъ гдѣ-то далеко.

XXX.

Я получилъ письмо отъ виргинца, предлагавшаго мнѣ проѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ „Глубокую-Рѣку". Это предложеніе меня очень обрадовало: мнѣ такъ хотѣлось побывать въ пустынѣ послѣ довольно продолжительной жизни въ городѣ. Съ маленькой желѣзнодорожной станціи я отправился верхомъ въ глубь страны. Разразившаяся надо мною гроза съ ливнемъ, конечно, могла показаться мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ, но я такъ былъ радъ одиночеству и свободѣ, что не обратилъ должнаго вниманія на это небесное знаменіе и только наслаждался имъ. Я провелъ на сѣдлѣ почти цѣлыя сутки, отдохнувъ немного въ полуразрушенной хижинѣ, но окружавшее меня бездонное молчаніе удивительно подкрѣпляло и духъ мой, и тѣло. Къ полудню дождь прекратился, и, снявъ съ себя клеенчатый плащъ, я былъ непріятно пораженъ видомъ сложенной газеты, торчавшей изъ моего бокового кармана и напомнившей мнѣ о желѣзныхъ дорогахъ, городахъ и ежедневныхъ дѣлахъ. По указанію виргинца я ѣхалъ на востокъ черезъ Идаго, по дорогѣ, извѣстной ему, но кромѣ него—очень немногимъ честнымъ людямъ. Онъ самъ назвалъ мнѣ ее „Тропою конокрадовъ". Въ эти мѣста его призывало одно дѣло,—писалъ онъ мнѣ, по своему обыкновенію, очень кратко. Мѣстомъ нашего свиданія онъ назначилъ мнѣ развѣтвленіе одной небольшой рѣчки, настолько небольшой, что на картѣ она была изображена совершенно невѣрно. Я предполагалъ пріѣхать на мѣсто тремя днями раньше назначеннаго срока и поудить тамъ рыбу въ свое удовольствіе. Я съ гордостью вспоминалъ, какъ въ мой первый пріѣздъ въ Вайомингъ меня

никуда не отпускали безъ провожатаго, и всѣ смѣялись надъ моими наивными вопросами. Теперь я ѣхалъ совершенно одинъ въ дикой, пустынной мѣстности, даже не обозначенной на картѣ.

Вдругъ моя лошадь заржала, насторожила уши и пошла быстрѣе. Въ отвѣтъ ей тоже послышалось ржанье, и, объѣхавъ выступъ горы, я увидалъ постройку довольно подозрительнаго вида. Возлѣ нея паслось нѣсколько лошадей. Онѣ стояли теперь, поднявъ головы и внимательно глядя на насъ. Мнѣ стало какъ-то жутко. Можетъ быть, это чувство было вызвано молчаніемъ, сдѣлавшимся вдругъ слишкомъ глубокимъ и необъятнымъ отъ присутствія этого покинутаго жилища. Вдругъ дверь конюшни отворилась. Изъ нея вышли нѣсколько человѣкъ и остановились, глядя на меня. Мое усиливавшееся чувство жуткости раздражало меня своею безсмысленностью, и я привѣтствовалъ неизвѣстныхъ мнѣ людей по возможности развязно и спокойно. Я выразилъ надежду, что у нихъ найдется для меня мѣстечко на ночь. На мое привѣтствіе нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили, но на мой вопросъ всѣ промолчали. Между тѣмъ, приглядѣвшись къ нимъ, я сталъ узнавать знакомыя лица, и какъ разъ въ это время изъ конюшни вышелъ виргинецъ.

— Вотъ и я!—сказалъ я ему съ чувствомъ облегченія.

— Я вижу, — отвѣчалъ онъ тономъ, по своей странности вполнѣ соотвѣтствовавшимъ всему, что творилось вокругъ меня, и, обращаясь къ остальнымъ, прибавилъ:—я ручаюсь за этого джентльмена.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ одинъ малый, котораго я встрѣчалъ прежде въ „Глубокой-Рѣкѣ", — только на эту ночь онъ совсѣмъ некстати.

— И на завтра также,—замѣтилъ другой.

— Даже и на послѣ-завтра,—вставилъ третій.

— Положимъ, для васъ всѣ всегда некстати, — рѣзко проговорилъ виргинецъ.

— О, мы васъ ни въ чемъ не подозрѣваемъ,—возразилъ первый, смѣясь.

— Несмотря на вашу тѣсную дружбу со Стивомъ,—замѣтилъ другой.

Они шутили, но для виргинца ихъ слова не были шуткой, и я видѣлъ, какъ судорога прошла по его лицу. Онъ овладѣлъ собою и обратился ко мнѣ:

— Мы надѣялись раньше все покончить. Мнѣ очень жаль, что вы пріѣхали сегодня. Я знаю, что вы предпочли бы не быть здѣсь.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ войти подъ крышу, — сказалъ я, такъ какъ опять начался сильный дождь. Я смутно догадывался, о чемъ они говорили, но еще не понималъ вполнѣ. Виргинецъ молча послѣдовалъ за мною въ конюшню. Тамъ сидѣло рядомъ двое людей, а третій караулилъ ихъ. Этотъ видъ сразу объяснилъ мнѣ все.

— Вы собираетесь ихъ повѣсить завтра?—прошепталъ я.

Виргинецъ молчалъ. Это было дѣло, о которомъ онъ мнѣ такъ коротко упомянулъ въ своемъ письмѣ. Я осмотрѣлъ всѣ углы конюшни, но, кромѣ этихъ двухъ, другихъ плѣнниковъ не было. Я ожидалъ увидать Трампаса и боялся увидать Шорти. Случаи грабежей скота стали повторяться все чаще; нѣсколько человѣкъ, подъ предводительствомъ виргинца, было отправлено для поимки воровъ, и двое изъ нихъ были пойманы, но немного позднѣе, чѣмъ предполагалъ южанинъ. А я явился немного раньше, чѣмъ слѣдовало, и табунщики объявили, что не могутъ теперь отпустить меня, пока „все не будетъ покончено".

— Но ему совсѣмъ не нужно присутствовать,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Лучше спите подольше завтра утромъ, — посовѣтовалъ мнѣ другой. Мнѣ оставалось только покориться. Я сталъ невольно разглядывать плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ спокойно жевалъ табакъ и обмѣнивался замѣчаніями со своими сторожами, какъ будто ровно ничего не случилось. Другой сидѣлъ мрачно и молчаливо, не сводя глазъ съ одной точки, но въ лицѣ его все время что-то двигалось, и я замѣтилъ, какъ онъ то-и-дѣло облизывалъ свои пересохшія губы. Когда я перевелъ глаза на человѣка, жевавшаго табакъ, онъ кивнулъ мнѣ головою и спросилъ:

— Вы не помните меня?

Это былъ Стивъ, тотъ самый веселый Стивъ, съ которымъ я познакомился въ Медисинъ-Боу. Я не узналъ его, потому что онъ отпустилъ бороду. Я былъ такъ мучительно пораженъ, что не могъ выговорить ни слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ ужасно хотѣлось сказать ему что-нибудь ласковое, доброе. Я стоялъ и молчалъ, безцѣльно соображая, что у другого плѣнника была совершенно такая же сѣрая фланелевая рубашка, какъ у меня. Стивъ, замѣтивъ газету, торчавшую изъ моего кармана, попросилъ меня дать ему ее почитать. Я поспѣшно протянулъ ему газету, стараясь скрыть свое волненіе подъ цѣлымъ потокомъ ненужныхъ словъ:

— Пожалуйста, возьмите и оставьте ее у себя! Мнѣ она не

нужна... здѣсь на поляхъ у меня записанъ счетъ, но это все равно... онъ мнѣ не нуженъ... пожалуйста, не возвращайте ее мнѣ!

Стивъ взялъ газету и улыбнулся.

— Послѣ завтрашняго утра она ужъ мнѣ не будетъ нужна,— сказалъ онъ и сталъ просматривать столбцы.—Избраніе Джэка почти обезпечено, — сообщилъ онъ своему товарищу, но тотъ ничего не отвѣтилъ. Я оставилъ Стива, увлеченнаго подробностями выборовъ.

Табунщики объявили мнѣ, что крыша хижины очень протекаетъ, и что мнѣ удобнѣе будетъ спать въ конюшнѣ. Они не понимали, въ какой ужасъ приводило меня то, что они собирались сдѣлать, не понимали, какъ тяжело мнѣ было проводить съ ними эту ночь. Одинъ виргинецъ почувствовалъ, въ какомъ я находился состояніи.

— Мнѣ очень непріятно за васъ,—сказалъ онъ, и я увидалъ, что онъ самъ былъ совсѣмъ въ другомъ настроеніи, чѣмъ его товарищи.

Послѣ двѣнадцатичасовой ѣзды верхомъ все мое тѣло жаждало отдыха и покоя. Я улегся, завернувшись въ одѣяло, но не могъ заснуть отъ мучительнаго волненія. Табунщики еще нѣсколько времени не ложились спать и о чемъ-то тихо переговаривались между собою. Я не могъ разобрать, о чемъ они говорили, и только разъ или два мнѣ послышалось, что они произнесли имена Трампаса и Шорти. Потомъ я услышалъ стукъ снимаемыхъ и бросаемыхъ на полъ сапогъ и, наконецъ, похрапываніе и дыханіе заснувшихъ людей. Вскорѣ всѣ спали, кромѣ меня. Я слышалъ снаружи глухой шумъ дождя и мѣрное паденіе капель въ углу конюшни, гдѣ на крышѣ образовалась дыра. Отъ времени до времени въ щели начиналъ дуть свѣжій вѣтеръ, принося съ собою острый, влажный запахъ прерій. Обыкновенно этотъ запахъ убаюкивалъ меня, какъ пѣсня, но теперь я лежалъ и не спалъ, несмотря на крайнюю усталость. Безсвязныя слова и движенія спавшихъ табунщиковъ, солома, шумъ дождя, мое одѣяло и свѣжія струи воздуха,—все это было такое привычное и обыкновенное. Непривычна и необыкновенна была только мысль о Стивѣ и о его товарищѣ въ сѣрой фланелевой рубашкѣ. Наконецъ, я услышалъ, какъ кто-то всталъ и началъ одѣваться, и почувствовалъ сквозь закрытыя вѣки свѣтъ огня. Вокругъ меня поднялась возня и разговоры, и табунщики стали уходить одинъ за другимъ, а я лежалъ неподвижно, не открывая глазъ и чувствуя, какъ у меня холодѣютъ руки и ноги. Сейчасъ должно было совершиться, и я невольно старался себѣ представить, какъ

это будетъ. Кто-то, присутствовавшій при повѣшеніи, разсказывалъ мнѣ, какъ это дѣлается, но онъ смотрѣлъ на казнь съ моста и тогда вѣшали одного человѣка. А какъ же будетъ теперь? Одинъ будетъ смотрѣть, какъ вѣшаютъ другого?..

До меня донесся запахъ дыма и стукъ посуды. Я совсѣмъ забылъ, что они еще будутъ завтракать. Одинъ табунщикъ, оставшійся въ конюшнѣ, готовилъ завтракъ и варилъ кофе. Всѣ остальные вышли; я слышалъ ихъ голоса и ржанье лошадей за дверью. Потомъ ихъ позвали ѣсть; они стали входить, хлопая дверью, и каждый разъ на меня падала полоса свѣта и на мгновеніе становился слышнѣе шумъ дождя. Всѣ усѣлись за завтракъ и разговаривали, какъ ни въ чемъ не бывало. Къ плѣнникамъ табунщики относились ласково и побратски, не обращаясь къ нимъ непосредственно, но и не исключая ихъ изъ своего разговора. Только голоса виргинца я совсѣмъ не слышалъ. Зато громко раздавался голосъ Стива. Онъ обсуждалъ подробности того, какъ ихъ поймали.

— Какъ мы васъ ловко провели,—говорилъ онъ,—помните, въ четвергъ послѣ полудня? Вы думали, мы далеко, а мы тутъ же были. Я лежалъ на самомъ краю скалы и доносилъ товарищамъ обо всемъ, что̀ вы дѣлали.

Табунщики весело засмѣялись.

— И второй разъ мы васъ здо̀рово надули, когда притаились за деревьями по ту сторону „Змѣиной-Рѣки“.—Табунщики опять захохотали сами надъ собою.

— Да, у насъ все было тонко разсчитано, — проговорилъ Стивъ, и въ первый разъ въ его тонѣ появилась горечь.

— На всякаго мудреца бываетъ довольно простоты! — Это были первыя слова, произнесенныя виргинцемъ.

— Конечно,—сказалъ Стивъ. Тонъ, которымъ онъ сказалъ это виргинцу, былъ отрывистый и совсѣмъ другой, чѣмъ прежде.

Я подумалъ, что подъ „мудрецомъ“ разумѣлся онъ самъ. Но я ошибся.

— Слишкомъ плохіе у тебя были товарищи, Стивъ,—сказалъ одинъ изъ табунщиковъ.

— Да, правда, плохіе,—отвѣтилъ Стивъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ.—И сижу я теперь здѣсь потому, что одинъ изъ насъ тогда сплоховалъ,—и онъ выругалъ сплоховавшаго въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ.—Дернуло его разложить огонь! Этимъ и испортилъ все дѣло.

— Я тогда же сказалъ: кто-нибудь это сдѣлалъ, только не Стивъ,—замѣтилъ одинъ табунщикъ.

ЕНСКОЙ ПУБЛИЧ

— Стивъ не выдалъ бы огнемъ своего мѣстопребыванія.

— Даже досадно, что ты попался, а дуракъ этотъ улизнулъ,—прибавилъ другой табунщикъ.

Всѣ помолчали, точно выжидая чего-то.

— А развѣ онъ улизнулъ?—спросилъ Стивъ.

Опять наступило молчаніе, послѣ чего я услыхалъ еще ни разу не раздававшійся голосъ:

— Я разложилъ тогда огонь, братцы.—Это проговорилъ плѣнникъ въ сѣрой фланелевой рубашкѣ.

— Опоздалъ, Эдъ!—добродушно возразили ему табунщики:—ты, какъ видно, лгать не умѣешь.

Стивъ разсмѣялся.

— Чего ты смѣешься?—спросилъ одинъ табунщикъ:—что Эдъ не съумѣлъ поддержать твою игру? Ты самъ плохо сыгралъ: не надо было такъ ругать человѣка, разложившаго огонь, если хотѣлъ заставить насъ повѣрить, что онъ тутъ сидитъ. Впрочемъ, еслибъ мы и поймали Шорти, то не стали бы съ нимъ особенно возиться, а только припугнули бы его хорошенько. Онъ бы и бросилъ воровать, если бы не связался съ Трампасомъ.

Голосъ Стива зазвучалъ рѣзко, когда онъ произнесъ:

— Вы поймали меня и Эда. Довольно съ васъ.

— Мы иначе думаемъ, Стивъ. Трампасъ улизнулъ, и поэтому наше дѣло не кончено. Мы рады, что и Шорти улизнулъ съ нимъ. Авось еще разложитъ гдѣ-нибудь огонекъ.

Наступило молчаніе.

— Ты ничего не ѣшь, Эдъ,—сказалъ Стивъ.

— Да,—подхватилъ одинъ изъ табунщиковъ,—бери примѣръ со Стива, какъ онъ здорово уписываетъ!

Но Эду, повидимому, было не до завтрака. Скоро всѣ кончили ѣсть.

— Хоть кофе выпей!—сказалъ кто-то:—это тебя согрѣетъ.

— Если всѣ готовы, отправимся! —раздался голосъ виргинца, и я закрылъ голову одѣяломъ, но и сквозь одѣяло я слышалъ, какъ они проходили, какъ зашуршала возлѣ меня солома, задѣтая чѣмъ-то, какъ кто-то сказалъ: „Осторожнѣй, не наступи на руку Эду!“—а другой прибавилъ: „Бѣдный Эдъ, даже не могъ выпить кофе“!

XXXI.

Я не знаю, сколько времени я пролежалъ одинъ, обхвативъ голову руками. Меня вывелъ изъ этого тягостнаго состоянія

виргинецъ. Онъ стоялъ надо мною и, быстро взглянувъ мнѣ прямо въ глаза, отвернулся. Я никогда не видалъ у него такого лица.

— Кажется, все еще дождь идетъ,—началъ я.

— Да, сырая погода.—Онъ выглянулъ за дверь, теребя свои усы.

— Который часъ?—спросилъ я. Онъ взглянулъ на часы.

— Двадцать минутъ седьмого.

Я всталъ и началъ одѣваться.

— Огонь еще не погасъ,—сказалъ виргинецъ, подкладывая вѣтки и оглядываясь, чтобъ найти чашку.

— Если вы это для меня, то не безпокойтесь,—замѣтилъ я, натягивая сапоги.

— Намъ предстоитъ длинный путь,—отвѣчалъ онъ, и, наливъ чашку горячаго кофе, залпомъ выпилъ ее и молча сѣлъ у огня, проводя рукой по лбу и закрывъ глаза. Потомъ вдругъ всталъ и выпрямился, точно желая стряхнуть съ себя тяготившее его чувство.

— Давайте уложимся и поѣдемъ!—сказалъ онъ.

Отъѣзжая отъ конюшни, я невольно еще разъ оглянулся на то мѣсто, гдѣ провелъ такую ужасную ночь. Виргинецъ замѣтилъ это.

— Прощай навсегда!—произнесъ онъ.

— Дай Богъ, чтобъ было такъ!

Это были первыя естественныя слова, произнесенныя нами въ это утро.

Я вынулъ фляжку и протянулъ ему, а потомъ хлебнулъ изъ нея и самъ.

— Вамъ раньше никогда не приходилось этого дѣлать?—спросилъ я.

— Никогда.

— Я бы не былъ въ состояніи.

— А я бы сдѣлалъ еще разъ то же самое сегодня же.

— Да, конечно, вы ничего другого не могли сдѣлать.

Онъ ничего не отвѣчалъ, но опять провелъ рукою по лбу и закрылъ глаза.

— Должно быть, у васъ голова болитъ?

— И не хочу, а все продолжаю видѣть передъ собою Стива,—произнесъ виргинецъ.

— Стива! Но вѣдь онъ велъ себя великолѣпно. Вотъ другой...

— Ахъ, Эдъ? О немъ я забылъ. А Стивъ выдержалъ игру до конца.—Непріятно было видѣть, какъ Эда несли на казнь,

а онъ хваталъ людей за ноги и выказывалъ свой страхъ во всей его наготѣ, а я предпочелъ бы, чтобы и Стивъ разыгралъ изъ себя труса,—и помолчавъ, онъ прибавилъ:—Стивъ не всегда былъ негодяемъ.—Голосъ его задрожалъ.—До конца держался онъ бодро и владѣлъ собою... даже хотѣлъ мнѣ передать вашу газету, только я не взялъ... Онъ умеръ такъ же просто, какъ и жилъ, какъ долженъ умирать каждый, какъ и я надѣюсь умереть. Никакихъ сценъ, никакихъ послѣднихъ словъ. Только простился съ ребятами, какъ разъ въ ту минуту, какъ изъ-подъ его ногъ отводили лошадь... Ну, не ужасайтесь! Я больше не буду передавать никакихъ непріятныхъ подробностей.—Вы не замѣтили, что Стивъ за все время не сказалъ мнѣ ни слова?—продолжалъ, помолчавъ, виргинецъ,—а вѣдь шесть лѣтъ тому назадъ мы были съ нимъ очень дружны и всегда вмѣстѣ. Въ немъ тогда было много хорошаго. Отчего онъ не сказалъ мнѣ ни слова? Можетъ быть, боялся меня подвести, или боялся, что я отъ него отрекусь?

Показалось солнце; туманы стали прорываться, обнажая голубыя дали. Тополевый лѣсъ, гдѣ была совершена казнь, остался далеко позади. Кругомъ тянулись огромныя очертанія горъ, и ни единаго живого существа не было замѣтно: ни птицы, ни звѣря. Ко мнѣ понемногу возвращалось спокойствіе, а виргинецъ, напротивъ, становился все нервнѣе.

— Послушайте,—сказалъ я ему:—еслибы въ то время, какъ вы его караулили, онъ сказалъ вамъ: „отпусти меня",—вы бы это сдѣлали?

— Нѣтъ, сэръ!—гордо отвѣчалъ виргинецъ.

— Въ такомъ случаѣ чего же вы хотите? Чтобы судили судомъ присяжныхъ человѣка, котораго вы повѣсили? Это слишкомъ большое требованіе.

Виргинецъ ничего не отвѣчалъ на мой вопросъ и проговорилъ задумчиво:

— Онъ заплатилъ своею жизнью за глупость Шорти.

— Зачѣмъ вы путаете? Тутъ виноватъ не Шорти, а человѣкъ, привлекшій неумѣлаго Шорти къ такому дѣлу. Вы отлично сами это знаете.

— Да, виноватъ Трампасъ, я знаю,—отвѣчалъ виргинецъ; но все то, что онъ зналъ, не могло его успокоить.—Стивъ простился со всѣми, кромѣ меня,—повторилъ онъ. Вотъ что его мучило.—Вѣдь онъ же не могъ забыть прошлаго. Есть вещи, которыя не забываются!—Онъ всхлипнулъ.

Въ первый разъ я видѣлъ, что онъ плачетъ, и, самъ не помню какъ, подъѣхалъ къ нему и обнялъ его.

Почувствовавъ мою руку на своемъ плечѣ, виргинецъ тотчасъ же овладѣлъ собою и, молча стиснувъ мою руку, заговорилъ о чемъ-то со своимъ Монте, а потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ужасно жаль Шорти!

— Да, очень жаль.

— Онъ недурной человѣкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него никогда не хватитъ ловкости, чтобы быть воромъ. Трампасъ даетъ ему работу не по силамъ. Онъ мнѣ разсказывалъ про свою жизнь. Отца онъ не помнитъ, а мать совсѣмъ не заботилась о немъ. Въ восемнадцать лѣтъ онъ поступилъ приказчикомъ въ магазинъ, но одна дѣвушка, съ которой онъ сошелся, отбирала у него всѣ деньги и требовала еще, такъ что въ одинъ прекрасный день онъ обокралъ своего хозяина. Его накрыли, и ему пришлось бѣжать. Дѣвушка эта еще раньше уѣхала въ деревню къ теткѣ,— такъ она ему по крайней мѣрѣ объяснила,—и бѣдному Шорти не съ кѣмъ было проститься. Онъ поцѣловалъ, уходя, большую кошку изъ магазина. Онъ всегда кормилъ ее; она его знала и любила мурлыкать, сидя у него на колѣняхъ. Онъ и теперь отсылаетъ всѣ свои деньги этой дѣвушкѣ. Только не продержится онъ долго,—здѣшняя страна не по немъ, и Трампасъ слишкомъ забралъ его въ свои лапы.

Виргинецъ замолчалъ, и мы стали подниматься на горы, а внизу подъ нами тянулись голубыя долины. Встрѣтивъ по дорогѣ родникъ, мы сдѣлали привалъ, и я заснулъ, какъ убитый, на голой землѣ. Я спалъ такъ крѣпко, что не сразу пришелъ въ себя, когда меня разбудилъ виргинецъ. Только узкая полоска тополеваго лѣса на горизонтѣ напомнила мнѣ обо всемъ случившемся. Виргинецъ не спалъ совсѣмъ. Онъ объяснилъ это тѣмъ, что долженъ былъ перевязать тюки на вьючныхъ лошадяхъ и сходить наловить форели, но его лицо и выраженіе глазъ выдавали его обманъ. Что бы онъ ни говорилъ, глаза его говорили о Стивѣ. Горе его не могло пройти такъ скоро.

XXXII.

Мы поднялись на вершину горы.

— Тутъ кто-то былъ послѣ дождя,—сказалъ я виргинцу, шедшему сзади, за вьючными лошадьми.

— Послѣ дождя!—воскликнулъ онъ:—значитъ, нѣтъ еще и двухъ дней.—Онъ подошелъ и сталъ разсматривать слѣды.—Человѣкъ и лошадь,—произнесъ онъ, нахмурившись.—Они шли по одному съ нами пути. Какимъ же образомъ они могли насъ обогнать, а мы ихъ не видали?

— Свернули съ другой тропинки,—замѣтилъ я.

— Да, но этихъ тропинокъ почти никто не знаетъ, да и трудно проѣхать по нимъ. Человѣкъ и лошадь. Не могу понять, что̀ ему здѣсь понадобилось.

— Вѣрно, какой-нибудь естествоиспытатель,—предположилъ я.

— Одного только сорта естествоиспытатели здѣсь были,—возразилъ виргинецъ,—да и тѣ жаловались, что никакихъ минераловъ не нашли.

Мы снова сѣли на лошадей и отправились дальше, не понимая, чьи могли быть эти слѣды.

— Странно!—произнесъ виргинецъ:—онъ продолжаетъ идти рядомъ съ лошадью, вмѣсто того, чтобы сѣсть на нее.

— Можетъ быть, онъ ведетъ въ поводу вьючную лошадь? Это какой-нибудь бѣдный охотникъ, не имѣющій верховой лошади.

— Нѣтъ,—возразилъ виргинецъ,—вьючную лошадь не ведутъ то спереди, то сзади,—и соскочивъ съ лошади, онъ ощупалъ слѣды рукою:—имъ нѣтъ и четырехъ часовъ; этотъ склонъ бываетъ въ тѣни только съ часу, а слѣды еще совсѣмъ влажные.

Нѣсколько времени мы ѣхали молча. Вдругъ виргинецъ остановился.

— Ну, что̀ еще такое?—спросилъ я, не въ силахъ будучи преодолѣть какое-то жуткое чувство.

Виргинецъ долго смотрѣлъ на землю, потомъ повернулся на сѣдлѣ въ мою сторону и уставился на меня.

— Ихъ двое,—сказалъ онъ.

— Кого двое?

— Не знаю.

— Однако, вы должны знать, двѣ ли это лошади, или два человѣка,—произнесъ я почти сердито.

Но онъ ничего не отвѣтилъ, неподвижно глядя на землю. Молчаніе стало дѣйствовать на меня какъ гипнозъ. Я нетерпѣливо пришпорилъ лошадь и проѣхалъ впередъ, чтобы посмотрѣть самому. На землѣ были отчетливо видны слѣды двухъ людей.

— Странно!—произнесъ наконецъ виргинецъ:—ихъ двое, и они попеременно ѣдутъ на лошади.

Мы отправились дальше, стараясь разговаривать о посторон-

нихъ вещахъ, но нашъ разговоръ обрывался самъ собой, а взгляды такъ и льнули къ землѣ, слѣдя за отчетливыми слѣдами двухъ неизвѣстныхъ людей и ихъ лошади. Мнѣ начинало казаться, что эти люди проѣхали передъ нами не четыре часа тому назадъ, что они шли съ нами вмѣстѣ, и только мы не могли ихъ видѣть. Мысли мои путались, а воображеніе разыгрывалось все сильнѣе. Я долженъ былъ удерживаться, чтобы не спросить виргинца, съ одной ли лошади вѣшали обоихъ осужденныхъ, или одновременно съ двухъ? Временами мнѣ становилось стыдно за свои дѣтскія фантазіи, и я напоминалъ себѣ, что мнѣ уже двадцать-пять лѣтъ и что я долженъ не только поступать, но и чувствовать какъ взрослый человѣкъ.

Мы подъѣхали къ мѣсту, гдѣ дорога круто поднималась наверхъ, такъ что снова пришлось спѣшиться и вести лошадей въ поводу. Очевидно такъ же поступили и наши предшественники. Разглядывая ихъ слѣды, я сдѣлалъ открытіе и поспѣшилъ сообщить его виргинцу:

— Одинъ изъ нихъ гораздо тяжелѣе другого.

— Я надѣялся, что вы это замѣтите,—отвѣчалъ виргинецъ.

— Ну, вы никогда не даете мнѣ ничего замѣтить первому!—пожаловался я.

Дорога пошла отлого, и мы сѣли на лошадей.

— Пудовикъ сѣлъ, а фунтовикъ пошелъ пѣшкомъ,—замѣтилъ виргинецъ, поправляя платокъ на шеѣ.

Я невольно разсмѣялся, и мнѣ стало стыдно за всѣ свои фантазіи.

Вокругъ насъ громоздились скалы и камни, розовые отъ заходящаго солнца; теперь намъ предстоялъ крутой спускъ, и черезъ полчаса ѣзды мы уже могли очутиться среди зелени и лѣсовъ. Я посмотрѣлъ внизъ, мы оба посмотрѣли внизъ, но нашихъ предшественниковъ нигдѣ не было видно.

— Но вѣдь они должны быть гдѣ-нибудь здѣсь,—сказалъ виргинецъ,—вѣдь не случайно же они сюда заѣхали.

Подулъ свѣжій вѣтерокъ, закрутился среди камней, и передо мною замелькалъ оторванный кусокъ газеты. Вѣтеръ потрепалъ его и бросилъ его на землю.

— Что̀ тамъ у васъ?—спросилъ виргинецъ, такъ какъ я соскочилъ съ лошади и поднялъ принесенный вѣтромъ лоскутъ бумаги:—вѣроятно что-нибудь очень интересное... отчего вы таращите глаза?

— Да,—отвѣчалъ я, и мнѣ казалось, что это не я говорю, а кто-то другой, стоящій рядомъ со мною:—очень интересно!—и

я протянулъ газету виргинцу, слѣдя за выраженіемъ его лица. Онъ спокойно пробѣжалъ листокъ глазами.

— „Скоро начнутся выборы. Можно предполагать, что выберутъ Джэка“...

— Это моя газета,—перебилъ я его:—вотъ, на поляхъ, мои замѣтки.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

— Вы хотите сказать, что это та газета, которую вы давали Стиву... Какъ бы то ни было, вы получили ее обратно.

Онъ протянулъ мнѣ газету, и, случайно коснувшись его руки, я почувствовалъ, что она была холодна, какъ ледъ. Мы поѣхали дальше. Стало темнѣть. Сосны глухо шумѣли. Проѣхавъ еще немного, мы раскинули палатку, и я былъ очень радъ, что не приходилось спать подъ открытымъ небомъ.

— Я буду очень доволенъ, когда мы выберемся изъ этихъ горъ,—сказалъ виргинецъ:—ужъ слишкомъ онѣ огромны. Впрочемъ, бываютъ времена, когда и долины кажутся также слишкомъ огромными.

Шумъ сосенъ совершенно прекратился, но молчаніе было еще страшнѣе шума. Сидя передъ фонаремъ, въ которомъ металось пламя догоравшей свѣчи, виргинецъ опять сталъ предаваться воспоминаніямъ своей прошлой жизни со Стивомъ и разсказывать мнѣ разныя похожденія съ женщинами. Въ этихъ разсказахъ не было ничего оскорбительнаго, благодаря необыкновенной простотѣ его отношенія къ нимъ, и тому чувству тоски, съ какимъ онъ все время говорилъ о Стивѣ. Наконецъ онъ замолчалъ, вышелъ изъ палатки и сталъ раскладывать огонь. Свѣча въ фонарѣ догорѣла; я лежалъ въ темнотѣ, и передъ моими глазами на стѣнѣ палатки двигалась огромная темная тѣнь виргинца. Я глядѣлъ на нее, пока не заснулъ, а когда проснулся, то виргинецъ уже спалъ рядомъ со мною, завернувшись въ одѣяло, и сквозь палатку сѣрѣлъ разсвѣтъ. Южанинъ спалъ безпокойно, сморщивъ лобъ съ выраженіемъ страданія. Вдругъ онъ вскочилъ, вскрикнулъ: „нѣтъ, я поступилъ бы точно такъ же!“—и проснулся, дико оглядываясь по сторонамъ. Увидавъ меня, онъ произнесъ, находясь еще очевидно подъ вліяніемъ страшнаго сна:

— Вы бы лучше бросили меня... Какъ вы думаете, еслибы мы взяли другой путь, мы могли избавиться отъ нихъ?

Я хотѣлъ отвѣтить ему шуткой, какъ вдругъ раздался въ отдаленіи топотъ лошадиныхъ копытъ, и виргинецъ, схвативъ винтовку, выбѣжалъ изъ палатки. Я послѣдовалъ за нимъ, но мы ничего не увидали, кромѣ нашихъ собственныхъ лошадей.

Онѣ прибѣжали, очевидно чѣмъ-то испуганныя, потому что теперь стояли неподвижно, вытянувъ шеи, навостривъ уши и глядя по одному направленію.

— Вѣрно, медвѣдь,—сказалъ я наконецъ.

Виргинецъ посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ.

— Онѣ чуютъ то, чего мы не можемъ чуять,—проговорилъ онъ медленно:—какъ же вы мнѣ докажете, что онѣ не могутъ видѣть того, чего мы не видимъ?

Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ, и я съ невольнымъ страхомъ взглянулъ на лошадей; но одна изъ нихъ уже начала щипать траву, а ея примѣру послѣдовали и остальныя. Мы тоже пошли позавтракать, а потомъ стали сѣдлать лошадей и пустились въ путь. Виргинецъ сталъ разсказывать мнѣ исторію о привидѣніяхъ. Одна женщина передъ смертью очень хотѣла видѣть свою дочь, жившую въ другомъ городѣ, очень далеко, и явилась ей въ минуту своей смерти.

— Вѣроятно обѣ очень думали другъ о другѣ,—заключилъ свой разсказъ виргинецъ.—Но Стивъ вѣдь умеръ. Конченъ. Вы, конечно, не вѣрите въ дальнѣйшее существованіе?

— Хотѣлъ бы вѣрить,—отвѣчалъ я.

— Меня небо мало интересуетъ. Но если существуетъ міръ сновидѣній, послѣ того, какъ уйдешь отсюда... — Онъ не договорилъ и отвернулся.—Куда ни пойдешь мыслью, вездѣ черная бездна,—продолжалъ онъ.—Я думаю, въ душѣ каждаго взрослаго человѣка сидитъ маленькій мальчикъ, отраженіе его самого въ дѣтствѣ, и этотъ мальчикъ всегда боится темноты...

Далеко за горою раздался какой-то слабый звукъ, и мы невольно остановились и прислушались; но звукъ не повторился, все было тихо и спокойно.

— Это они застрѣлили этого медвѣдя,—замѣтилъ я, но звукъ выстрѣла долго еще звучалъ у меня въ ушахъ.

Мы подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ паслись наши лошади и откуда онѣ убѣжали, испугавшись чего-то. Это ясно было видно по слѣдамъ.

— Побудьте съ лошадьми, а я объѣду кругомъ и посмотрю, нѣтъ ли чего,—сказалъ виргинецъ.

Лошади стояли смирно. Еслибы на этомъ мѣстѣ онѣ видѣли медвѣдя, то теперь, навѣрное, обнаружили бы безпокойство. Виргинецъ крикнулъ мнѣ издали, и я пошелъ къ нему.

— Вотъ вашъ медвѣдь,—сказалъ онъ,—и, какъ видите, двуногій и съ лошадью.

Въ землю былъ вбитъ колъ, повидимому, для того, чтобы привязать къ нему лошадь, и вокругъ трава была вытоптана.

— Слѣды какъ будто „Фунтовика“,—сказалъ я,—а гдѣ же „Пудовикъ“?

— „Пудовикъ“ распивалъ кофе, а „Фунтовикъ“ явился сюда, въ надеждѣ раздобыть вторую лошадь, чтобы обоимъ имѣть возможность продолжать путешествіе, какъ подобаетъ настоящимъ джентльменамъ. Идея у него была блестящая, но потомъ онъ сдѣлалъ ошибку, какъ мнѣ сдается.

— Онъ, вѣроятно, хотѣлъ поймать одну изъ нашихъ лошадей, но не поймалъ, а только спугнулъ ихъ... Шорти въ одиночку никогда не умѣлъ поймать лошадь,—замѣтилъ я.

Виргинецъ усмѣхнулся.

— Шорти? У него, дѣйствительно, есть нѣчто общее съ „Фунтовикомъ“. Но я не объ этой ошибкѣ говорю.

Я зналъ, что онъ не сообщитъ мнѣ своей догадки, и не сталъ задавать вопросовъ, радуясь, что этотъ случай отвелъ его отъ мрачныхъ мыслей и вернулъ на землю, къ дѣйствительной жизни. Мы въѣхали на горную вершину.

— Надо всегда держаться повыше, если знаешь, что кругомъ есть люди, намѣренія которыхъ неизвѣстны,—сказалъ виргинецъ, но черезъ нѣсколько времени вдругъ круто повернулъ лошадь и выѣхалъ на дорогу.—Вотъ оно что!—произнесъ онъ:—глядите!

На дорогѣ ясно обозначались слѣды лошадиныхъ копытъ, но это одна лошадь скакала, и рядомъ съ нею никакихъ слѣдовъ больше не было.

— Онъ испугался насъ,—сказалъ виргинецъ:—онъ не могъ знать, сколько насъ окажется; кромѣ нашихъ трехъ лошадей, по близости могла оказаться еще цѣлая дюжина.

Мы доѣхали по дорогѣ вплоть до ночевки нашихъ предшественниковъ, и тогда я понялъ, какую ошибку сдѣлалъ Шорти. Послѣ неудачной попытки поймать лошадь, онъ вернулся къ своему товарищу и сообщилъ ему, что видѣлъ трехъ лошадей. Онъ долженъ былъ оставить своего сообщника и ускакать одинъ, такъ какъ убѣгать отъ преслѣдованія вдвоемъ на одной лошади было крайне неудобно. Но зато это была послѣдняя ошибка бѣднаго Шорти. Онъ лежалъ тутъ же, возлѣ потухшаго огня, лицомъ вверхъ. Убійца выстрѣлилъ въ него сзади. Мы оба закрыли глаза.

— Въ немъ не было ничего дурного отъ природы,—произ-

несъ, наконецъ, виргинецъ, — но въ здѣшней странѣ надо дѣлать свое дѣло умѣючи.

Когда мы подняли Шорти, чтобы опустить его въ наскоро вырытую неглубокую могилу, мы увидали возлѣ него газету, которую онъ читалъ. Онъ привезъ ее изъ тополеваго лѣса, съ мѣста казни, куда они заѣзжали послѣ насъ, чтобы убѣдиться въ судьбѣ, постигшей ихъ товарищей, а можетъ быть также и въ надеждѣ поймать какую-нибудь отбившуюся лошадь. Вся газета была цѣла, кромѣ того листка, который я нашелъ наканунѣ, и на поляхъ ея было написано нѣсколько словъ, но не моимъ почеркомъ.

— „Прощай, Іеффъ,—прочелъ я вслухъ:—я боялся заговорить съ тобою, чтобы не устроить какой-нибудь дѣтской выходки“.—Кто такой Іеффъ?—спросилъ я, но, взглянувъ на виргинца, сразу догадался, въ чемъ дѣло.

Онъ сначала стоялъ неподвижно, потомъ протянулъ руку, взялъ газету и сталъ пристально разглядывать написанныя на ней слова.

— Стивъ всегда называлъ меня Іеффомъ, потому что я—южанинъ,—тихо произнесъ онъ;—кромѣ него, никто меня такъ не звалъ.

Онъ медленно свернулъ это посланіе мертвеца, переданное ему мертвецомъ, и, подойдя къ своей лошади, спряталъ его въ сѣдло. Съ минуту онъ простоялъ, отвернувшись отъ меня и опершись руками и головой о сѣдло, потомъ вернулся назадъ и нѣсколько времени глядѣлъ на лицо Шорти.

— Мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность поблагодарить его,—сказалъ онъ,—очень бы хотѣлось.

Мы похоронили Шорти, набросали на его могилу сосновыхъ вѣтвей и поѣхали дальше. Передъ нами по дорогѣ все время были видны слѣды скакавшей лошади, и только на другой день утромъ они исчезли и больше уже не появлялись.

XXXIII.

Слѣды скакавшей лошади исчезли какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ главной дороги въ горы разбѣгалось много тропинокъ и гдѣ ѣхавшій по ней человѣкъ могъ скрыться и найти временное убѣжище у людей одной съ нимъ профессіи. Онъ растаялъ, какъ туманъ, но молва о его таинственномъ исчезновеніи и обо всемъ, что предшествовало этому исчезновенію, быстро распро-

странилась по окрестностямъ. Никто не говорилъ объ этомъ громко и опредѣленно, но и въ „Глубокой-Рѣкѣ“, и въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ всѣ знали, что Стивъ, Шорти и Эдъ никогда больше не появятся.

Одинъ сосѣдъ, встрѣтивъ миссъ Молли Вудъ, ѣхавшую верхомъ на прогулку, раскланялся съ нею и сказалъ:

— Добраго утра! Что̀, скучаете въ одиночествѣ? Скоро вашему одиночеству конецъ. Онъ уже покончилъ свое дѣло. Хотѣлось бы, чтобы еще болѣе довелъ его до конца. Честь имѣю кланяться!

Молли сама не понимала, почему эти слова произвели на нее странное впечатлѣніе. Ея смутныя подозрѣнія усилились, когда, вернувшись съ прогулки и зайдя къ Тэлорамъ, она нашла тамъ нѣсколькихъ окрестныхъ жителей, и всѣ они замолчали, когда она вошла, точно знали что-то и скрывали отъ нея. Не случилось ли что-нибудь съ ея женихомъ? Но тогда сосѣдъ не сказалъ бы ей, что скоро конецъ ея одиночеству. Безпокойство ея все усиливалось. На другой день, сидя возлѣ своего окна, она услыхала, что дѣти затѣяли какую-то шумную игру.

— Прыгай!—приказывалъ одинъ голосъ:—прыгай!

— Я не хочу,—отвѣчалъ другой, видимо смущенный.

— Ты же согласился! — закричало нѣсколько дѣтей. — Всѣ слышали, что ты согласился. Прыгай живѣе!

— Да я же не хочу!—отвѣчалъ дрожащій голосъ такимъ жалобнымъ тономъ, что Молли вышла посмотрѣть, въ чемъ состояла игра.

Дѣти поставили Боба Кармоди на заборъ подъ дерево, надѣвъ ему на шею веревку, конецъ которой держали трое мальчиковъ. Остальные смотрѣли съ большимъ увлеченіемъ, а три маленькія дѣвочки хлопали въ ладоши и подпрыгивали отъ возбужденія.

— Дѣти, что̀ вы дѣлаете!—воскликнула Молли.

— Онъ ужъ прочиталъ молитву и все, что̀ нужно!—закричали мальчики.—Онъ конокрадъ, и мы его приговорили по закону Линча. Прыгай, Бобъ!

— Я не хочу!..

— Отпустите его, мальчики!—сказала Молли:—вы, въ самомъ дѣлѣ, можете сдѣлать ему больно.

И она положила конецъ игрѣ, что̀ не обошлось, впрочемъ, безъ протеста со стороны юнаго населенія Вайоминга.

— Онъ же самъ согласился,—увѣрялъ Генри Довъ.

— Онъ сказалъ, что будетъ Стивомъ, — подтвердилъ Жоржикъ Тэлоръ,—а Стивъ вѣдь не струсилъ!

И онъ подробно сообщилъ учительницѣ и о Стивѣ, и объ Эдѣ, а учительница слушала его молча, сдвинувъ брови.

— Ты обѣщалъ своей мамѣ, что не станешь разсказывать,— сказалъ Генри Довъ послѣ того, какъ Жоржикъ кончилъ,—а самъ пошелъ да все и разсказалъ!—и онъ покачалъ головою съ видомъ превосходства.

Такимъ образомъ молодая дѣвушка узнала о поступкѣ своего возлюбленнаго. Она никому не сказала ни слова и затаила въ душѣ свое страданіе. Съ какой увѣренностью сказала она въ Дунбартонѣ, въ отвѣтъ на слова старой бабушки: „Надѣюсь, выпадаютъ дни, когда онъ никого не убиваетъ?“ — „Онъ никогда никого не убиваетъ“! Позднѣе, когда онъ лежалъ больной въ ея комнатѣ, изъ его безсвязныхъ словъ она могла догадаться объ истинѣ, но гнала отъ себя эти догадки, успокоивая себя мыслью, что человѣкъ не дѣлаетъ всего того, о чемъ говоритъ въ бреду. Наконецъ, послѣ того, какъ ея мать получила письмо отъ виргинца, сестра Сара написала ей: „Онъ пишетъ съ видимой гордостью, что никогда не убивалъ изъ выгоды или для удовольствія. Поздравляю тебя, моя милая, съ выборомъ защитника съ такой чуткой совѣстью“.

Письмо сестры привело Молли въ такое негодованіе, что приведенныя слова виргинца подѣйствовали на нее очень слабо и только вызвали желаніе защищать своего избранника отъ всѣхъ своихъ родныхъ, такъ дурно судившихъ о немъ. Но теперь!..

— Вы что-то поблѣднѣли за послѣднее время, моя дорогая,— сказала ей черезъ нѣсколько дней м-съ Тэлоръ.

— Неужели?

— И ничего не кушаете.

— О, напротивъ, я ѣмъ очень много!

И Молли ушла въ свой домикъ, а Жоржикъ получилъ сильный нагоняй за непослушаніе. На другой день м-съ Тэлоръ сама отправилась къ Молли.

— Какъ у васъ уютно!—начала она, усаживаясь.—Не могу себѣ представить, какъ мы будемъ жить безъ васъ, но все-таки очень рада, что вы насъ бросаете. Надѣюсь, ужъ онъ теперь скоро пріѣдетъ.

— М-съ Тэлоръ,—вдругъ заговорила Молли,—пожалуйста, не говорите всего этого. Я не выдержу!

Она разрыдалась, и м-съ Тэлоръ никакъ не удалось утѣшить ее.

— Что же она воображаетъ?—сказалъ м-ръ Тэлоръ, когда жена передала ему всю эту сцену. —Она воображаетъ, что здѣсь такіе же нравы, какъ въ Вермонтѣ?

— Мнѣ все равно, что она воображаетъ,—отвѣчала м-съ Тэлоръ,—мнѣ только бы хотѣлось ей помочь.

Помощь явилась въ лицѣ судьи Генри.

— Вы находите, что я долженъ вмѣшаться въ это дѣло?—спросилъ судья, выслушавъ жалобы м-съ Тэлоръ.—Но не лучше ли мнѣ будетъ прислать къ ней его самого, когда онъ вернется. Они сами все уладятъ между собою.

— Только хуже будетъ,—возразила, покачавъ головою, м-съ Тэлоръ:—имъ теперь не надо встрѣчаться.

Судья вздохнулъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—я попробую уговорить ее, если вы на этомъ настаиваете, хотя это совсѣмъ не въ моемъ характерѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, судья Генри попалъ въ очень затруднительное положеніе. Ему приходилось защищать то, что, съ точки зрѣнія закона, было непозволительно, защищать поступокъ, въ которомъ выразилось большее презрѣніе къ закону, чѣмъ въ самомъ преступленіи.

„И однако, я самъ послалъ его на это дѣло,—думалъ въ смущеніи судья, дожидаясь, когда окончатся занятія въ школѣ, чтобы идти къ миссъ Вудъ.—Я отчасти отвѣтственъ за его поступокъ. Ему и такъ это принесло несчастіе: смерть Стива. Если она объ этомъ подумаетъ, то должна... Ахъ, Господи! какъ все это непріятно“!

И судья опять вздохнулъ, такъ какъ, подобно всякому человѣку, зналъ, что иныя вещи должны совершаться въ молчаніи, и говорить о нихъ—величайшая безтактность.

Тѣмъ не менѣе, когда занятія въ школѣ кончились, онъ постучалъ въ дверь учительницы, рѣшившись принесть свой характеръ въ жертву истинной любви.

— Ну,—началъ онъ, прямо приступая къ дѣлу,—случились у насъ темныя дѣла, но надо избѣжать недоразумѣній; мы всѣ слишкомъ васъ любимъ.

— М-ръ Генри,—произнесла Молли Вудъ, также прямо приступая къ дѣлу:—вы пришли ко мнѣ, чтобы выразить ваше одобреніе закону Линча?

Онъ встрѣтилъ ея ударъ:

— Публичному сжиганію южныхъ негровъ—нѣтъ. Повѣше-

нію же вайомингскихъ конокрадовъ—да. Вы не чувствуете, что тутъ есть огромная разница?

— Какая же разница въ принципѣ?

— Та разница, что мы не мучимъ нашихъ осужденныхъ и не приглашаемъ публику любоваться на ихъ казнь. Сожженіе негровъ есть доказательство варварства; судъ надъ конокрадами по закону Линча есть стремленіе къ цивилизаціи. И вы думаете, что принципъ тутъ одинъ и тотъ же?

— Да, только путь другой. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ простые граждане захватываютъ въ свои руки законъ.

— Прекрасно. У кого же они отнимаютъ этотъ законъ? У судовъ? А суды основаны конституціей,—не правда ли?

— Да, только я не понимаю...

— А конституція приводится въ исполненіе делегатами, избираемыми народомъ. Слѣдовательно, законъ есть дѣло народа, и народъ не захватываетъ его въ свои руки, а только возвращаетъ его, такъ сказать, къ его первоисточнику. Наши суды часто бываютъ похожи на искусственныя руки, сдѣланныя только для вида; въ нихъ нѣтъ жизни, нѣтъ силы, и когда простые граждане, какъ вы ихъ назвали, видятъ это, то они стараются возвратить законъ въ свои собственныя живыя руки, изъ которыхъ онъ и вышелъ впервые. Вы можете назвать этотъ способъ примитивнымъ, но во всякомъ случаѣ это не отрицаніе, а утвержденіе закона. Что̀ вы можете на это возразить?

Она ничего не могла возразить, но не могла и согласиться съ нимъ.

— По моему, все это ужасно!—сказала она.

— Съ этимъ я согласенъ. Всякая казнь ужасна, такъ же, какъ и война, и, быть можетъ, въ будущемъ люди съумѣютъ обходиться безъ нихъ, но во всякомъ случаѣ все это менѣе ужасно, чѣмъ безпрепятственный грабежъ и убійство.

Судья Генри уѣхалъ въ „Глубокую-Рѣку“, и никто больше не пробовалъ заговаривать съ Молли, но лицо ея еще долго не прояснялось, и по ея виду можно было заключить, что мысль ея продолжала лихорадочно работать. Иногда, вставъ ночью, она подолгу простаивала передъ портретомъ виргинца, глядя на него съ выраженіемъ любви и ужаса.

XXXIV.

До города оставалось двѣнадцать миль.

Виргинецъ и Молли ѣхали верхомъ по дорогѣ, залитой полуденнымъ солнцемъ и совершенно пустынной. Южанинъ не спускалъ радостныхъ глазъ съ своей невѣсты и часто клалъ руку на грудь, чтобы почувствовать прикосновеніе маленькаго золотого кольца, которое долженъ былъ надѣть ей завтра на палецъ. Онъ былъ безмѣрно счастливъ своей любовью, а въ ея сердцѣ любовь къ нему омрачалась чувствомъ одиночества, охватывавшимъ ее все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ приближался день свадьбы. Никто изъ родныхъ не дожидался ея въ городѣ. Ей предстояло встрѣтить много дружескихъ лицъ, но ни одного лица, знакомаго съ дѣтства, а главное, ей такъ хотѣлось бы увидать въ этотъ день свою мать, оставшуюся далеко, въ Вермонтѣ. Она закрыла глаза, и ей ясно представилась знакомая улица, почтовая контора, старое крыльцо, обвитое плющомъ, и фигура матери, срѣзывающей желтыя розы съ куста. Вдругъ она услыхала приближающійся стукъ копытъ, быстро открыла глаза и увидала, что ея женихъ, повернувшись на сѣдлѣ, слѣдитъ за подъѣзжающимъ къ нимъ всадникомъ. По движенію руки виргинца она поняла, что пистолетъ его былъ на-готовѣ. Всадникъ кивнулъ головой южанину и, обогнавъ ихъ, поскакалъ дальше. Онъ былъ совершенно незнакомъ Молли Вудъ, но она видѣла, какъ онъ посмотрѣлъ на виргинца: это былъ взглядъ затаенной ненависти.

— Кто этотъ человѣкъ?—спросила она.

— Такъ, — отвѣчалъ виргинецъ спокойно, — мы съ нимъ встрѣчаемся отъ времени до времени.

— Его зовутъ Трампасъ?

Виргинецъ поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Когда же это ты видѣла его?—спросилъ онъ.

— До сихъ поръ никогда, но я тотчасъ же его узнала по глазамъ.

— Боже мой!—воскликнулъ ея женихъ, улыбаясь съ снисходительной ироніей: — при тебѣ, однако, надо слѣдить за выраженіемъ своихъ глазъ.

— Я думаю, это онъ совершилъ это убійство.

— А теперь по чьимъ же глазамъ ты читаешь?—спросилъ онъ, но ей было не до шутокъ. Она сжала его большую, сильную руку своими маленькими руками.

— Я знаю про то... про то, что̀ было осенью,—произнесла она, боясь употребить болѣе опредѣленныя выраженія, — и я знаю, что̀ ты сдѣлалъ...

— Только то, что̀ долженъ былъ сдѣлать, — докончилъ онъ грустно, но рѣшительно.

— Да,—подтвердила она, не выпуская его руки:—я думаю, что... законъ Линча,—она почти прошептала это слово,—единственно возможный въ такомъ случаѣ. Но если они умираютъ за конокрадство, то какъ беззаконно, что этотъ убійца...

— А кто можетъ это доказать?—спросилъ виргинецъ.

— Но развѣ ты не знаешь?

— Я знаю множество вещей въ глубинѣ моего сердца. Но это не доказательство. На лицо было только мертвое тѣло, слѣды лошадиныхъ копытъ и... людскія догадки.

— И его даже не арестовали!—произнесла Молли.

— Нѣтъ. Онъ способствовалъ выборамъ здѣшняго главнаго судьи.

— А я видѣла, какъ ты приготовилъ пистолетъ.

— Да, я это сдѣлалъ. Это оказалось совершенно лишнимъ.

И виргинецъ вынулъ пистолетъ и покачалъ, глядя на него, головой, съ видомъ человѣка, давшаго промахъ, а Молли не рѣшилась больше задавать ему вопросы. За послѣднее время они помѣнялись ролями. Онъ не былъ больше ея покорнымъ обожателемъ, а она перестала быть его строгой учительницей. Ея воспитанность и образованіе, служившія ей главнымъ оружіемъ противъ него, стушевывались передъ его природнымъ умомъ и чуткостью. Она знала, что ея табунщикъ со всѣми своими недостатками былъ крупнѣе, чѣмъ она со всѣми ея достоинствами. Онъ все еще былъ ея поклонникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повелитель. Подъ его взглядомъ она чувствовала себя безсильной, и опять въ ней проснулось страстное желаніе увидать въ этотъ день свою мать. Она перевела взглядъ съ неукротимаго человѣка, ѣхавшаго рядомъ съ нею, на дикую Вайомингскую пустыню и на городъ, гдѣ должна была завтра назвать этого неукротимаго человѣка своимъ мужемъ, и отвернулась, чтобы скрыть выступившія у нея на глаза слезы.

— Не ты одна умѣешь читать чужія мысли,—услышала она совсѣмъ близко его голосъ, тихій и нѣжный. Онъ наклонился къ ней со своего сѣдла и поцѣловалъ ее. Она прильнула къ нему и положила голову ему на плечо. — Я думалъ, — продолжалъ онъ, — что ничто не можетъ быть лучше того, какъ мы будемъ вѣнчаться.

— Конечно, ничто,—прошептала она.

— Никакого глазѣющаго народа, никакихъ хлопотъ и суеты, никакихъ шуточекъ, лентъ и нарядовъ, никакихъ взглядовъ и разговоровъ въ тѣ минуты, когда менѣе всего хочешь кого-нибудь слушать или что-нибудь говорить. Благословитъ насъ вайомингскій священникъ. Мнѣ казалось, что такое вѣнчаніе лучше всѣхъ, какія я когда-либо видѣлъ.

Онъ остановился на мгновеніе и потомъ сказалъ:

— Но съ нами не будетъ твоей матери.

Она быстро и съ удивленіемъ заглянула ему въ лицо. Казалось, онъ душою услышалъ крикъ ея души.

— И это очень нехорошо,—прибавилъ онъ.

— Она никогда не могла бы пріѣхать сюда, — возразила молодая дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ мы должны были бы поѣхать къ ней. Я не знаю, какъ выпросить ея прощенье.

— Но это не по твоей винѣ!—воскликнула Молли.

— Нѣтъ, по моей,—вѣдь я ничего не возражалъ. Я не сказалъ тебѣ, что мы должны къ ней ѣхать. Я упустилъ это изъ виду, заботясь только о своихъ собственныхъ чувствахъ. Дѣло въ томъ, видишь ли... ...я до сихъ поръ тебѣ объ этомъ не говорилъ... твоя мать сдѣлала мнѣ очень больно. Я написалъ ей длинное, вполнѣ искреннее письмо, а она мнѣ ни слова не отвѣтила и только поблагодарила черезъ тебя. Я такъ хотѣлъ, чтобы она меня поняла и простила, и такъ меня обидѣло ея молчаніе, что я весь предался своимъ личнымъ чувствамъ и упустилъ изъ виду, что она должна была бы присутствовать на нашей свадьбѣ. Но теперь еще можно измѣнить.

— Что̀ измѣнить?—спросила Молли, не понимая.

— Измѣнить наши планы. Я ненавижу перемѣны, но мнѣ еще непріятнѣе обидѣть твою мать, или должно быть еще непріятнѣе. Мы можемъ поѣхать въ Вермонтъ, тамъ обвѣнчаться и потомъ вернуться сюда въ горы, — словомъ, начать съ того, чѣмъ мы собирались кончить.

Виргинецъ долженъ былъ употребить огромное усиліе воли, чтобы заставить себя сказать это. Отложить день вѣнчанья, о которомъ онъ мечталъ и за который боролся цѣлыхъ три года, отказаться отъ предполагавшейся послѣ совершенія обряда поѣздки въ горы, его любимыя горы, гдѣ они должны были остаться одни среди природы, не оскорбленные ни единымъ любопытнымъ взглядомъ,—отказаться отъ всего этого было слишкомъ тяжело,

но виргинецъ рѣшился пожертвовать своей мечтой и снова спокойнымъ голосомъ повторилъ Молли свое предложеніе.

— Никогда!—воскликнула она:—никогда!

Вѣдь ея родные отнеслись къ нему такъ холодно и неделикатно, да и кромѣ того теперь было уже слишкомъ поздно принимать эту жертву.

— Если ты еще заикнешься объ этомъ, я ускачу въ городъ одна,—шутя, пригрозила Молли виргинцу, стараясь скрыть отъ него и чувство одиночества, и чувство обиды, вызванное въ ней его нежеланіемъ сообщить ей о своихъ дѣлахъ съ Трампасомъ. Но онъ и на этотъ разъ угадалъ ея мысли. Ему не хотѣлось, чтобы темная фигура Трампаса бросила тѣнь на эти ясные отъ счастья дни ихъ жизни, но такъ какъ его молчанье было ей непріятно, то онъ первый заговорилъ о конокрадѣ и о своихъ стычкахъ съ нимъ.

— Первый разъ мы крупно поговорили съ Трампасомъ еще давно, еще когда я тебя не зналъ. Дѣло вышло изъ-за картъ. Я тогда сильно игралъ. Господи, вотъ глупое-то было время! Игралъ я недурно, и Трампасу было досадно проигрывать такому молодому, какъ я,—онъ и позволилъ себѣ какое-то лишнее замѣчаніе; ну, а я тогда и доказалъ ему, что онъ имѣетъ дѣло съ вполнѣ взрослымъ человѣкомъ. Второй разъ мы столкнулись съ нимъ уже гораздо позднѣе, когда судья Генри поручилъ мнѣ...

— Это былъ третій разъ,—перебила его молодая дѣвушка,—развѣ ты не помнишь?—и она покраснѣла. — Это было передъ баломъ. Трампасъ сказалъ обо мнѣ какую-то гадость, и ты заставилъ его сознаться передъ всѣми, что онъ лгунъ.

— Я позабылъ,—смущенно пробормоталъ виргинецъ.

— А я, когда узнала... это совершенно покорило меня.

— Но кто тебѣ сказалъ?

— М-съ Тэлоръ.

— Ну, да, мужчина женщинѣ такую вещь никогда не скажетъ.

— А кто же сказалъ м-съ Тэлоръ?—и Молли разсмѣялась торжествующимъ смѣхомъ.

— Ну, мужья не считаются,—произнесъ, улыбаясь, пойманный виргинецъ.—Значитъ, тебѣ все извѣстно; навѣрное тебѣ сообщили и про третье мое столкновеніе съ нимъ. Сегодня я въ первый разъ встрѣтилъ его послѣ осени. Онъ знаетъ, что я не могу доказать его участіе въ конокрадствѣ и что онъ убилъ Шорти, но онъ знаетъ также, что я чуть-было не поймалъ его, и этимъ очень повредилъ его дѣламъ, а поэтому можешь себѣ

представить, съ какою нѣжностью онъ ко мнѣ относится. Но еслибы мнѣ удалось дожить до двадцати лѣтъ, не имѣя ни одного врага, я считалъ бы себя неудачникомъ.

Этими словами виргинецъ закончилъ свой разсказъ, и Молли была счастлива, что онъ наконецъ откровенно заговорилъ съ нею о своихъ личныхъ дѣлахъ. Это уменьшило чувство страха, примѣшивавшееся къ ея любви.

Нѣсколько времени они ѣхали молча.

— О чемъ ты думаешь?—спросила она.

— Я разсчитываю. Часовъ остается немного, но я раздѣлилъ ихъ на минуты и на секунды. Остается семьдесятъ-двѣ тысячи секундъ до нашей свадьбы.

Повсюду еще горѣлъ солнечный свѣтъ, но отъ главной горной цѣпи уже начали тянуться тѣни по направленію къ городу. Стали попадаться горожане. Иные изъ нихъ были знакомые и раскланивались. Повернувъ на главную улицу города, виргинецъ и Молли были встрѣчены шумными привѣтствіями трехъ друзей: Виггина, Сципіона Лемуана и Лина Мак' Лэна. Всѣ они выразили желаніе выпить за здоровье виргинца, если только его лэди...

— Дайте ему проводить меня до гостинницы,—ласково сказала Молли,—а потомъ онъ вернется къ вамъ, и вы можете пить за его здоровье сколько угодно.

Она проѣхала впередъ, а виргинецъ немного задержалъ свою лошадь, потому что почувствовалъ, что эта встрѣча была устроена не спроста. Сципіонъ сощурилъ свои свѣтло-голубые глаза и сказалъ то, что всѣ они собирались сказать ему:

— Не перемѣняйте платья.

Проводивъ свою невѣсту въ гостинницу, виргинецъ, какъ былъ, съ пистолетомъ за поясомъ, вернулся къ своимъ друзьямъ.

— Спасибо вамъ,—сказалъ онъ. — Онъ меня обогналъ сегодня утромъ.

— Намъ неизвѣстны его намѣренія,—замѣтилъ Виггинъ.

— Знаемъ только, что онъ бродитъ по городу, — вставилъ Мак' Лэнъ.

— И дуетъ виски,—заявилъ Сципіонъ.

Они зашли въ таверну, съ хозяиномъ которой были хорошо знакомы. Къ несчастью, тамъ сидѣло нѣсколько очень глупыхъ посѣтителей, но людскую глупость трудно опредѣлить по первому взгляду.

Друзья выпили за здоровье жениха, но очень умѣренно. Они стояли у прилавка взволнованные и обмѣнивались незначительными замѣчаніями. На прилавкѣ помѣщалась машина, въ кото-

рую посѣтители бросали никеллированные жетоны. Медальки прыгали, ударяясь о цѣлую систему гвоздиковъ, и попадали въ одну изъ многочисленныхъ, сдѣланныхъ внизу, дыръ. Можно было выиграть подъ-рядъ десять ставокъ, но это рѣдко удавалось. Три друга и женихъ занялись этой игрой, покупая никеллированные жетоны, когда ихъ запасъ истощался.

— Сегодня въ городѣ появился, кажется, одинъ вашъ другъ, —сказалъ хозяинъ таверны, обращаясь къ виргинцу.

— Онъ назвалъ себя моимъ другомъ?—спросилъ южанинъ, бросая жетонъ.—Ахъ, не попалъ!

Хозяинъ разсмѣялся, а виргинецъ сталъ слѣдить за жетономъ, прыгавшимъ среди гвоздиковъ.

— Хотите, мы васъ избавимъ отъ этой обузы? — спросилъ его Виггинъ.

— Одинъ изъ насъ или мы всѣ вмѣстѣ,—подтвердилъ Линъ.

Только Сципіонъ молчалъ. Онъ всѣхъ лучше зналъ виргинца. „Не перемѣняйте платья"—въ этомъ заключалась вся помощь, которую онъ могъ оказать своему другу; остальное должны были рѣшить между собою оба заинтересованныя лица, какъ это всегда дѣлается у мужчинъ. Но Виггинъ и Мак' Лэнъ были другого мнѣнія.

— Люди не каждый день вѣнчаются,—проговорилъ Линъ.— Мы выгонимъ его изъ города для тебя.

— Отъ васъ зависитъ избавиться отъ непріятности, — поддержалъ его Виггинъ,—скажите только слово.

Хозяинъ тоже присоединился къ нимъ.

— Я его отправлю ночевать въ преріи, такъ у него хмель изъ головы выскочитъ. Тамъ, небось, не станетъ пустяковъ болтать.

Но виргинецъ молчалъ и продолжалъ бросать медальки.

— Подумай о ней!—тихо проговорилъ Мак' Лэнъ.

— А о комъ же я думаю?—возразилъ южанинъ. Лицо его стало мрачнымъ.—Она совсѣмъ иначе воспитана!—прошепталъ онъ, и сталъ что-то обдумывать.

Всѣ ждали. Хозяину пришла въ голову блестящая идея.

— Я исполняю должность мэра,—сказалъ онъ,—и могу посадить его въ тюрьму, пока вы не обвѣнчаетесь и не уѣдете.

— Скажите только слово!—повторилъ Виггинъ.

Глаза Сципіона встрѣтились съ глазами хозяина, и при этомъ онъ сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе головой. Хозяинъ сдѣлалъ то же самое, и они поняли другъ друга. Дѣло зашло такъ далеко, что могло быть рѣшено только единственнымъ вѣчнымъ

способомъ. Надо было быть большимъ ничтожествомъ, чтобы прибѣгать къ закону.

— Такъ онъ про меня что-то болталъ?—спросилъ виргинецъ.

— Въ немъ виски говорило,—пояснилъ Сципіонъ.

— Онъ бы задалъ стрекача, еслибы былъ въ состояніи понять свои собственные намеки,—сказалъ Мак' Лэнъ.

— Мы ихъ повторять не станемъ,—прибавилъ Виггинъ.

Посѣтители таверны подошли послушать интересный разговоръ. Изъ числа шести зѣвакъ одинъ всегда окажется дуракомъ, а здѣсь набралось человѣкъ двадцать.

— Въ здѣшнемъ краѣ всѣ знаютъ,—началъ одинъ дуракъ, желая пріобрѣсти значеніе въ глазахъ другихъ,—что вы не станете клеймить телятъ, которые не принадлежатъ вамъ.

Виргинецъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Благодарю васъ,—произнесъ онъ,—за вашъ оправдательный приговоръ.

Дуракъ былъ очень польщенъ.

— Весьма радъ, что вы захватили съ собою оружіе,—продолжалъ онъ: — вы знаете, Трампасъ утверждаетъ, что еслибы стали извѣстны всѣ обстоятельства убійства Шорти...

— Освѣжитесь-ка немного,—любезно обратился къ нему хозяинъ, протягивая ему бутылку, — можетъ быть, тогда и ваши новости станутъ болѣе свѣжими.

Важность дурака значительно поубавилась.

— Да вѣдь всѣ это говорятъ,—пробормоталъ онъ.—Трампасъ завелъ себѣ друзей въ городѣ.

Виргинецъ сильно нахмурился.

Итакъ, всѣ знали, что есть человѣкъ, обвиняющій его въ грабежѣ и убійствѣ, и что ему это также извѣстно. Могъ ли онъ избѣжать встрѣчи съ этимъ человѣкомъ? Самъ онъ обвиненій не слыхалъ.

— Конечно,—заговорилъ опять дуракъ,—въ здѣшнемъ краѣ никто не вѣритъ Трампасу, здѣсь...

Но онъ не договорилъ. Среди посѣтителей таверны произошло движеніе, и въ комнату ввалился Трампасъ, съ необыкновенно храбрымъ видомъ, чему, главнымъ образомъ, способствовало виски. Одинъ изъ посѣтителей таверны, схватившій его за руку, очутился на полу, другіе бросились на Трампаса, чтобы отнять у него пистолетъ, но онъ успѣлъ выстрѣлить, и пуля попала въ потолокъ, такъ что штукатурка посыпалась на присутствующихъ. Послышались голоса:

— Вы не смѣете говорить такихъ вещей!—такъ какъ Трампасъ выкрикивалъ злобныя ругательства.

Одинъ виргинецъ стоялъ спокойно у прилавка, и глаза многихъ были устремлены на него съ выраженіемъ глубокаго изумленія.

— Я бы и половины такихъ словъ не позволилъ себѣ сказать,—замѣтилъ одинъ посѣтитель таверны другому.

— Ваши друзья спасли вамъ жизнь! — завопилъ Трампасъ, съ прибавленіемъ площадной брани.—Я вамъ даю срокъ до солнечнаго захода, чтобы убраться изъ города.

Наступило глубокое молчаніе.

— Трампасъ,—произнесъ виргинецъ:—я не желаю съ вами связываться.

— Онъ и никогда не желалъ,—хихикнулъ Трампасъ, поворачиваясь къ присутствующимъ.—Онъ отъ меня увертывался цѣлыхъ пять лѣтъ; ну, да теперь я ему накинулъ арканъ на шею.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбнулись.

— Трампасъ, — снова произнесъ виргинецъ: — увѣрены ли вы въ значеніи вашихъ словъ?

Бутылка виски, брошенная рукою Трампаса, полетѣла черезъ комнату и разбилась объ оконную раму сзади виргинца.

— Это совершенно лишнее,—произнесъ спокойно южанинъ, —если вы не отказываетесь отъ вашихъ словъ.

— Убирайтесь вонъ изъ города съ заходомъ солнца, вотъ и все! — пробормоталъ Трампасъ и вышелъ, пошатываясь, изъ комнаты.

Виргинецъ сдѣлалъ общій поклонъ и тоже вышелъ вслѣдъ за нимъ.

— Ужасно стыдно, что ему пришлось отложить расправу!— вздохнулъ Сципіонъ.

XXXV.

Виргинецъ шелъ по улицѣ совсѣмъ разстроенный.

„Я двухъ мнѣній объ одной и той же вещи“,—думалъ онъ тревожно.

А молва о случившемся уже разливалась, какъ потокъ, и бѣжала по городу, опережая его. Когда онъ приближался, всѣ замолкали и, проводивъ его глазами, начинали снова.

— Онъ что-то не очень взволнованъ,—замѣтилъ одинъ, не прочтя ничего особеннаго на лицѣ виргинца.

— Это больше взволнуетъ его невѣсту,—сказалъ другой.

— Да она не узнаетъ, пока все не будетъ кончено,—произнесъ третій.

— Да развѣ онъ ей не скажетъ?—спросилъ четвертый.

— Не думаю; совсѣмъ не дѣло женщинъ вмѣшиваться въ такія дѣла.

А виргинецъ все шелъ и шелъ.

„Я лучше бы согласился заболѣть, чѣмъ быть въ такой нерѣшимости",—думалъ онъ.

А тамъ, въ гостинницѣ, его ждала невѣста, одна, безъ матери, безъ родныхъ и друзей, ждала его и ничего не знала. Онъ посмотрѣлъ на западъ. Тѣнь отъ горной цѣпи все ближе надвигалась на городъ.

— Черезъ сорокъ минутъ! — произнесъ онъ громко. — Она совсѣмъ иначе воспитана,—прибавилъ онъ со вздохомъ и повернулъ назадъ. Противъ почтовой конторы ему на встрѣчу попался вайомингскій священникъ и привѣтствовалъ его. Одинокое сердце южанина забилось сильнѣе отъ теплаго, крѣпкаго пожатія дружеской руки. Священникъ замѣтилъ вдругъ появившійся влажный блескъ въ его глазахъ, какъ будто отъ подступившихъ слезъ, но слезъ не было, и виргинецъ произнесъ только:

— Радъ васъ видѣть!

Но молва о случившемся уже дошла до священника. Онъ былъ тяжело взволнованъ и прямо спросилъ:

— Что все это значитъ?

Виргинецъ посмотрѣлъ въ глаза священнику открытымъ взглядомъ.

— Вы столько же знаете, сколько и я. Я готовъ отвѣчать на всѣ ваши вопросы.

— Сказали вы миссъ Вудъ?—спросилъ священникъ.

Виргинецъ опустилъ глаза, и когда онъ поднялъ ихъ, то священникъ почувствовалъ острую жалость.

— Я понимаю, какъ вамъ тяжело,—произнесъ онъ, прикасаясь къ его рукѣ, какъ братъ.

— Сегодня болѣе, чѣмъ когда-либо въ моей жизни, мнѣ хотѣлось бы поступить хорошо,—выговорилъ южанинъ, съ трудомъ владѣя своимъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдите и скажите ей все прямо.

— Чтобы только напрасно испугать ее!

— Пойдите и скажите ей прямо.

— Я думалъ, что вы будете совѣтовать мнѣ убѣжать отъ Трампаса. Вы знаете, что я не могу этого сдѣлать.

Священникъ это хорошо зналъ. Еще никогда, за все время его служенія, не приходилось ему сталкиваться съ такими обстоятельствами. Онъ зналъ, что Трампасъ олицетворялъ собою зло всей страны, что конокрады губили своимъ примѣромъ молодежь, что число ихъ все увеличивалось и они грозили спокойствію и благосостоянію цѣлой области. Сердце его было на сторонѣ виргинца. Но то, что̀ собирался сдѣлать южанинъ, шло въ разрѣзъ съ Евангеліемъ, которое священникъ проповѣдывалъ, любилъ и по которому старался жить.

— Хотите вы знать мое искреннее мнѣніе?—спросилъ онъ, наконецъ.—На вашемъ мѣстѣ, я убѣжалъ бы отъ Трампаса.

— Ну, это не совсѣмъ-то искренно, сэ. Припомните, какъ вы вели себя во время бунта на „Бѣлой-Рѣкѣ", въ то время, какъ другіе пасторы улепетывали, думая только о своей личной безопасности. Проклятые трусы!

Священникъ строго остановилъ его, хотя и самъ не одобрялъ поведенія своихъ собратьевъ.

— Мы всѣ только орудія въ рукахъ Провидѣнія, — заключилъ онъ.

— Отлично!—возразилъ виргинецъ:—значитъ, и я, и Трампасъ—мы тоже орудія въ рукахъ Провидѣнія?

— Но въ Библіи сказано: не убій!

— Для меня это ясно, сэ. Сдѣлайте это также яснымъ для Трампаса—и убійства не будетъ.

— Другъ мой,—произнесъ священникъ, вкладывая въ эти слова все свое доброе, горячее сердце,—дорогой мой, уѣзжайте изъ города на одну эту ночь! Онъ опомнится.

Виргинецъ покачалъ головой.

— Онъ не можетъ измѣнить уже сказанныхъ словъ, сэ. Вѣдь я далъ ему возможность взять ихъ назадъ. Не многіе люди вытерпѣли бы то, что̀ я вынесъ отъ него въ таверне̂. Отчего вы не требуете отъ него, чтобы онъ выѣхалъ изъ города?

Священникъ не нашелся, что̀ сказать.

— Но вы все-таки помогли мнѣ,—продолжалъ виргинецъ.—Я пойду и скажу ей все прямо.

Его слова навели священника на счастливую мысль.

— До сихъ поръ ваша жизнь принадлежала вамъ одному,—сказалъ онъ,—но не забывайте, что теперь вы ее отдали женщинѣ.

— Да, я ее отдалъ ей. Но вѣдь жизнь, это—не все. Я ей дважды отдалъ бы жизнь, сто жизней, тысячу! Но я не могу

отдать ей—ни ей и никому на свѣтѣ—мою... мою... Впрочемъ, словомъ, все равно, ничего не выразишь!

Виргинецъ пожалъ священнику руку и ушелъ.

— Да благословитъ его Богъ!—произнесъ ему вслѣдъ священникъ:—да благословитъ его Богъ!

Виргинецъ прошелъ въ свой номеръ въ гостинницѣ, чтобы взять пистолетъ, который онъ, въ опасныхъ случаяхъ, всегда пряталъ за поясомъ, подъ рубашкой. Онъ взглянулъ въ окно. Тѣнь отъ горы подошла совсѣмъ близко, изъ сорока минутъ прошло уже пятнадцать.

„Священникъ не правъ, — подумалъ онъ: — нѣтъ никакого смысла говорить ей!“—и онъ повернулся къ выходу, но дверь отворилась, и въ комнату быстро вошла Молли.

— Боже мой!—воскликнула она и бросилась къ нему.

— Кто тебѣ сказалъ?—спросилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

— Не знаю. Кто-то сейчасъ пришелъ и сказалъ. Я хотѣла бѣжать разыскивать тебя, но удержалась. Ты такъ долго не приходилъ! Но все равно, теперь ты со мною—и все прошло!

— Я долженъ былъ предвидѣть, что какой-нибудь болванъ разскажетъ тебѣ,—произнесъ онъ съ горемъ и раздраженіемъ.

— Теперь вѣдь все прошло! Теперь ужъ все равно!—Она крѣпче обвила его руками.

— Ничто не прошло, — проговорилъ онъ тихо. — Мнѣ непріятно, что тебѣ придется ждать одной, но я надѣюсь, что это будетъ недолго.

Радость сбѣжала съ ея лица и замѣнилась выраженіемъ ужаса.

— Я сдѣлалъ все, что̀ могъ,—продолжалъ онъ:—я позволилъ ему говорить вещи, которыя никогда никому не позволялъ и не позволю говорить. Но я все время думалъ о тебѣ, а то—убилъ бы его на мѣстѣ. Я предложилъ ему взять свои слова назадъ, два раза далъ ему эту возможность, но онъ уперся на своемъ. Теперь съ нимъ надо покончить!

— Покончить?—повторила она почти беззвучно.

— Да,—тихо отвѣчалъ онъ.

Она взялась обѣими руками за голову.

— Значитъ, ты хочешь... о, Боже мой!.. значитъ, ты...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она отшатнулась отъ него и остановилась у стѣны, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Но вѣдь ты можешь уѣхать,—заговорила она,—еще не поздно. Ты можешь избавиться отъ него, уѣхать, такъ, чтобы онъ тебя не нашелъ. Всѣ знаютъ, что ты храбрый. А я уѣду

съ тобой всюду. Въ горы, въ какой-нибудь городъ, куда хочешь. Оставимъ это ужасное мѣсто!..—Она протянула къ нему руки.—Ты не слушаешь меня?

— Я долженъ остаться здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—повторила она, судорожно сжимая его пальцы.—Существуетъ другая жизнь, можно жить лучше, не проливая хладнокровно людскую кровь. Подумай только, что̀ это значитъ! Подумай только, что придется объ этомъ вспоминать! Да вѣдь за это же вы и вѣшаете людей! Вѣдь это же убійство!

— Не называй этого такимъ именемъ!—произнесъ онъ сурово и выпустилъ ея руки.—Онъ самъ это выбралъ. Послушай,—продолжалъ виргинецъ,—ты слушаешь меня?—прибавилъ онъ, такъ какъ она глядѣла тусклымъ, тупымъ взглядомъ. Она наклонила голову.—Здѣсь я работаю. Здѣсь вся моя жизнь. И еслибъ люди здѣсь стали считать меня трусомъ...

— Кто можетъ считать тебя трусомъ?

— Всѣ. И враги, и друзья. Я не смогу жить среди ликующихъ враговъ и друзей, которымъ будетъ за меня стыдно.

— Все можно будетъ объяснить...

— Никакихъ объясненій не существуетъ. Существуетъ фактъ,—произнесъ онъ почти гнѣвно.

— Высшая храбрость состоитъ въ томъ, чтобы не бояться чужого мнѣнія,—произнесла молодая дѣвушка. Южанинъ посмотрѣлъ на нее.

— Конечно. И я выказываю эту храбрость, не подчиняясь твоему мнѣнію.

— Но если ты увѣренъ въ своей храбрости и если я въ ней увѣрена, дорогой мой,—о, мой милый!—то какое тебѣ дѣло до цѣлаго свѣта? Истинно смѣлый человѣкъ долженъ идти своимъ собственнымъ путемъ...

— Я иду моимъ собственнымъ путемъ,—перебилъ онъ ее:—если человѣкъ называетъ меня воромъ, то я не забиваюсь въ уголъ и не шепчу себѣ подъ носъ: „успокойся, ты не воръ, а честный человѣкъ!“—нѣтъ, я иду и наказываю того, кто солгалъ и оскорбилъ меня. И ты не можешь этого понять?

— Нѣтъ, не могу,—отвѣчала она глухимъ, точно не своимъ голосомъ.—Когда я услыхала о казни конокрадовъ, я старалась успокоить себя, говоря: „онъ долженъ былъ такъ поступить, это было исполненіе общественной обязанности“, но теперь...—она вздрогнула,—когда я подумаю о завтрашнемъ днѣ, о томъ, что̀ ждетъ тебя и меня, и о томъ... Если ты это сдѣлаешь, то не можетъ быть завтрашняго дня для тебя и меня.

При этихъ словахъ онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Ты хочешь сказать... — началъ онъ, но продолжать не могъ. Она также не могла отвѣтить ему и отвернулась.

— Значитъ, это конецъ?—выговорилъ онъ съ трудомъ. Ея голова едва замѣтно наклонилась. Онъ стоялъ неподвижно, и только его рука слегка дрожала.

— Посмотри на меня и повтори еще разъ!—прошепталъ онъ, наконецъ. Она не шевелилась.—Можешь ты это сдѣлать?—спросилъ онъ.

Нѣжность его голоса заставила ее обернуться къ нему, но ихъ раздѣляло ея отчаяніе, глубокое, какъ бездна. Онъ взглянулъ въ окно. Теперь уже все было покрыто тѣнью. Голубыя горы покрылись тяжелыми лиловыми тонами. Рука его судорожно сжалась.—Тогда прощай!—сказалъ онъ.

Она бросилась къ нему и упала на колѣни.

— Ради меня,—умоляла она его,—ради меня!

Онъ весь задрожалъ, и, поднявъ голову, она увидала, что онъ закрылъ глаза отъ муки. Но скоро онъ открылъ ихъ, отстранилъ отъ себя ея руки и помогъ ей встать.

— Я не имѣю больше права поцѣловать тебя,—сказалъ онъ и вышелъ, не оглядываясь.

Сколько времени она простояла одна въ этой комнатѣ—она не знала,—быть можетъ минуту, а быть можетъ цѣлую вѣчность. Она помнила только, что услыхала вдали выстрѣлъ, потомъ другой, и увидала, что мимо окна стали бѣгать люди. Она бросилась въ свою комнату и тамъ упала на полъ, закрывъ лицо руками.

Трампасъ бродилъ по городу, выйдя изъ таверны. Онъ зналъ, что всѣ его слова люди уже разнесли по городу, а къ утру разнесутъ и за городомъ, и вся исторія станетъ извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ фермахъ и домикахъ, одиноко стоящихъ по берегамъ горныхъ рѣкъ. Къ ночи будетъ всѣмъ извѣстно и происшествіе, и конецъ его, такъ какъ къ ночи все будетъ кончено. Пять лѣтъ это тянулось, и вотъ теперь къ ночи должно было кончиться. У Трампаса и въ умѣ этого не было, когда онъ проснулся утромъ, и утро казалось ему такимъ далекимъ. Онъ вспомнилъ, какъ завтракалъ сегодня. Какъ-то онъ будетъ ужинать? Вѣдь ужинъ будетъ потомъ. А ужъ многіе и теперь сидѣли за ужиномъ, и ничего ужаснаго имъ не предстояло. Сердцу его стало холодно и больно при мысли о томъ, какъ эти люди уютно сидятъ передъ своими тарелками и чашками кофе. Онъ взглянулъ на горы, увидалъ солнце надъ ихъ вершинами и тѣнь

у ихъ подножія, и такъ близко показалось ему ушедшее утро, къ которому онъ никогда больше не вернется. Мысли его протянулись къ этому утру, какъ руки, чтобы осязать его еще разъ. Приближающейся ночи онъ не могъ видѣть, и его взглядъ и мысли съ ужасомъ отвращались отъ нея. Онъ назначилъ своему врагу срокъ до ночи. Онъ не зналъ, какимъ путемъ дошелъ до этого. Ему вспомнилась ихъ первая встрѣча въ Медисинъ-Боу и слова, породившія его ненависть. Нѣтъ, она родилась раньше словъ, въ то мгновеніе, когда впервые встрѣтились ихъ взгляды. Съ тѣхъ поръ этотъ человѣкъ не давалъ ему покоя и мѣшалъ во всемъ. Но почему именно сегодня все должно было кончиться и почему онъ избралъ именно этотъ способъ: поединокъ? Онъ зналъ множество гораздо лучшихъ способовъ. Но его собственныя слова, произнесенныя при свидѣтеляхъ, прихлопнули его, какъ западня. Теперь ужъ нельзя было бѣжать,—послѣдній негодяй отвернулся бы отъ него послѣ такого поступка. Выстрѣлить первому? Но, все равно, враги не выпустятъ его послѣ этого живымъ. Онъ вышелъ на главную улицу и увидалъ издали виргинца, разговаривавшаго со священникомъ. Ненависть закипѣла въ его сердцѣ, согрѣла его и разогнала холодное чувство отчаянія. Онъ зашелъ въ таверну и выпилъ виски.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ пить такъ много,— сказалъ ему хозяинъ. Но его нервы были такъ возбуждены, что алкоголь уже не дѣйствовалъ на него. Онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей-конокрадовъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними.

— Ну, теперь уже не долго ждать!—сказали они ему, и никогда еще онъ не слышалъ болѣе страшныхъ словъ. Проходя мимо лавки, онъ увидалъ человѣка, стоявшаго опершись на прилавокъ, и такъ вздрогнулъ, что всѣ это замѣтили.

— Онъ такъ похожъ на Шорти, — невольно вырвалось у него, и онъ тотчасъ же пожалѣлъ, что не откусилъ себѣ вовремя языкъ.

— Шорти спитъ себѣ въ горахъ,—сказалъ одинъ изъ товарищей,—и тебѣ нечего о немъ думать.

И, похлопавъ его по плечу, товарищи разошлись, а онъ остался одинъ. Онъ глядѣлъ на окружающіе предметы и не зналъ, настоящіе они или только представляются ему. Потомъ замѣтилъ, что все вокругъ померкло. Это солнце закатилось за горы. Тогда онъ медленно вытащилъ изъ-за пояса свой пистолетъ.

Виргинецъ изъ предосторожности вышелъ не изъ главнаго подъѣзда гостинницы, а изъ задней двери, и пошелъ по боковой дорогѣ. Его увидѣли его три друга и молча издали послѣдовали

Киевской публичной библиотеки

за нимъ. Они знали, что Шорти былъ застрѣленъ сзади. Наконецъ виргинецъ остановился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ къ нему могли подойти только спереди, и, поднявъ голову, увидалъ Трампаса. Еще мгновеніе, и Трампасъ лежалъ на землѣ, поднялъ одну руку и снова уронилъ ее. Отъ пистолета, зажатаго въ этой рукѣ, поднимался легкій дымокъ. Виргинецъ взглянулъ на свой пистолетъ и увидалъ, что и онъ тоже дымится.

— Кажется, кончено,—произнесъ онъ громко, и подошелъ къ Трампасу, все еще держа пистолетъ наготовѣ, такъ какъ лежавшая на землѣ рука двигалась. Два пальца подергались и застыли. Все было кончено. Онъ не замѣтилъ, какъ его окружили друзья и стали поздравлять. Кто-то пожималъ ему руку. Это былъ Сципіонъ, весь въ слезахъ.

— Если кто-нибудь меня потребуетъ, скажите, что я въ гостинницѣ,—проговорилъ виргинецъ.

— Кто можетъ васъ потребовать?—возразилъ Сципіонъ.— Мы видѣли, какъ онъ стрѣлялъ, пуля пролетѣла совсѣмъ близко отъ вашей руки,—и онъ не удержался отъ восторженнаго восклицанія:—а вы то! Сама быстрота и само хладнокровіе!

— Мы еще увидимся съ вами потомъ, — проговорилъ сумрачно виргинецъ и ушелъ.

Сципіонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Можно подумать, что человѣку не посчастливилось,— сказалъ онъ Мак' Лэну.

Виргинецъ пошелъ въ гостинницу и остановился на порогѣ комнаты Молли. Она услыхала его шаги, встала и глядѣла на него, не произнося ни слова.

— Вы должны знать,—сказалъ онъ:—я убилъ Трампаса.

— Ахъ, слава Богу!—воскликнула она и очутилась въ его объятіяхъ. Совѣсть молодой дѣвушки выдержала борьбу до конца, но все-таки должна была сдаться любви.

На слѣдующій день священникъ обвѣнчалъ ихъ, и виргинецъ уѣхалъ со своей женою въ горы.

XXXVI.

Цѣлью своего свадебнаго путешествія виргинецъ выбралъ одинъ пустынный островъ. Онъ намѣтилъ его задолго до свадьбы и часто дѣлалъ большой крюкъ во время своихъ поѣздокъ, чтобы только побывать на своемъ любимомъ мѣстечкѣ, половить форелей подъ скалой, замыкавшей островъ, и заснуть подъ шумъ

протекавшихъ съ обѣихъ его сторонъ потоковъ. Вступивъ на островъ, онъ зналъ, что началось царство горъ. Тамъ росли первыя горныя сосны и распускались первые горные цвѣты. Когда послѣдніе городскіе дома остались позади, Молли стала задавать вопросы своему мужу относительно того, куда они ѣхали, увѣряя, что можетъ ѣхать сколько ему угодно. Виргинецъ, въ отвѣтъ, только кивалъ головою, и она поняла, что онъ уже что-то придумалъ. Они поднимались по берегу потока, и уже всѣ слѣды человѣческаго жилья исчезли. Проѣзжая дорога перешла въ горную тропинку. Но это не были еще настоящія горы, и вѣтеръ долины доносилъ до нихъ теплый запахъ прерій. Два раза потокъ исчезалъ, теряясь подъ сдвинувшимися скалами, и потомъ появлялся опять, причемъ съ каждымъ разомъ вода его становилась чище и прозрачнѣе. Нѣсколько разъ они проѣзжали мимо мѣстъ, вполнѣ годныхъ для ночёвки, съ лѣсомъ, водой и пастбищемъ для лошадей. Каждый разъ Молли думала, что вотъ сейчасъ ея мужъ остановится, но онъ ѣхалъ, не останавливаясь, впереди нея. Вдругъ онъ затянулъ поводья, указывая ей на что-то.

— Что такое?—робко спросила она.

— Сосны,—отвѣчалъ онъ.

Она взглянула и увидала островъ, охваченный съ двухъ сторонъ водою. Красноватымъ золотомъ горѣли на солнцѣ стволы сосенъ, а скала роняла тѣнь на маленькую бухту съ тихой прозрачной водою и песчанымъ берегомъ. Лужайка блестѣла на солнцѣ, какъ изумрудъ; изсушающее дыханіе лѣта еще не коснулось ея. Она поняла, почему онъ привезъ ее именно сюда: болѣе очаровательнаго мѣста они еще не проѣзжали. Они поѣхали рядомъ. На островѣ онъ снялъ ее съ сѣдла. Трепетъ охватилъ ихъ обоихъ, и она спрятала лицо у него на груди, прошептавъ слова восхищенія.

— Я такъ радъ!—сказалъ онъ, все еще держа ее въ своихъ объятіяхъ.—Я всегда мечталъ, что это будетъ именно такъ. Но только дѣйствительность лучше моей мечты.—Помолчавъ, онъ прибавилъ:—Я именно думалъ, что здѣсь мы увидимъ нашъ первый солнечный закатъ и первый солнечный восходъ.

Она хотѣла помочь ему разсѣдлать лошадей и снять вьюки, разбить палатку и разложить огонь, напоминая ему, что онъ обѣщалъ научить ее всему этому; но онъ объявилъ, что это еще успѣется и что сегодня онъ самъ позаботится обо всемъ. Онъ предложилъ ей объѣхать островъ и осмотрѣть окружающія горы. Она уѣхала, а онъ живо принялся за работу. Прежде всего раз-

ложилъ тюки и разбилъ палатку возлѣ сосенъ, такъ чтобы большія вѣтви ихъ могли служить защитой отъ вѣтра и дождя. Полъ покрылъ молодыми сосновыми вѣтками, а сверху разостлалъ буйволовью кожу и одѣяла. Въ головахъ положилъ ея красивый мѣшокъ съ разными вещами. Потомъ разложилъ огонь въ такомъ мѣстѣ, чтобъ его видно было изъ палатки, но чтобы дымъ шелъ въ противоположную отъ нея сторону. Возлѣ огня онъ разставилъ привезенную посуду и съѣстные припасы, но кромѣ того наловилъ свѣжей форели и приготовилъ ее къ ужину, когда сумерки уже начали сгущаться.

Когда она вернулась съ прогулки, то ей оставалось только сѣсть и поужинать вмѣстѣ съ нимъ.

Они долго сидѣли, любуясь послѣднимъ румянцемъ вечерней зари, и дождались той минуты, когда въ небѣ замерцала первая, большая, бѣлая вечерняя звѣзда. Вслѣдъ за нею стали высыпать другія, разгораясь все ярче въ темнотѣ. Онъ послалъ ее въ палатку, а самъ перемылъ посуду и сходилъ взглянуть, не ушли ли лошади съ пастбища, и вернулся къ ней, когда уже совершенно стемнѣло.

Палатка была открыта на востокъ, и изъ нея они любовались солнечнымъ восходомъ. Онъ такъ давно представлялъ себѣ въ мечтахъ это утро, пробужденіе подъ несмолкаемый лепетъ потока, зарождающійся день и блаженное чувство, что весь міръ былъ оставленъ гдѣ-то далеко, далеко. Солнце взошло и согрѣло воздухъ.

— Теперь я иду въ потокъ купаться,—сказалъ онъ:—лѣвая сторона острова моя, а правая твоя; я тебѣ вчера показывалъ.

Когда онъ ушелъ, она тоже встала и тоже пошла купаться. Когда онъ вернулся, огонь уже былъ разложенъ, и она готовила завтракъ. Она успѣла все это сдѣлать, потому что послѣ купанья онъ еще замѣшкался, не желая явиться къ ней небритый. Она побѣжала къ нему на встрѣчу, глядя въ его ясное, радостное лицо.

— Останемся здѣсь навсегда!—воскликнула она.

Послѣ завтрака они пошли вмѣстѣ ловить рыбу.

— Однако пора и собираться, если хотимъ попасть сегодня еще куда-нибудь,—сказалъ онъ.

— Но зачѣмъ же намъ куда-нибудь попадать?— возразила Молли:—развѣ можетъ быть что-нибудь лучше этого!—и она протянула руки къ острову и соснамъ.

Виргинецъ бросилъ удочку, подошелъ къ женѣ, сѣлъ съ нею рядомъ и обнялъ ее.

— Я такъ доволенъ, что мы останемся здѣсь,—прошеп-

талъ онъ:—ты такъ же относишься къ острову, какъ я. Я не надѣялся, что мы будемъ такъ любить его вдвоемъ.

Пока они сидѣли молча и неподвижно, изъ-за скалы выплылъ маленькій дикій звѣрокъ. Онъ не видѣлъ ихъ и не подозрѣвалъ объ ихъ присутствіи. Они замерли и притаили дыханіе, слѣдя за нимъ. Звѣрокъ выплылъ на песчаный берегъ, повернулъ нѣсколько разъ то въ ту, то въ другую сторону свою сѣрую головку съ острымъ чернымъ носикомъ и сталъ кататься на спинѣ по горячему сухому песку. Покатавшись, онъ всталъ на ноги, отряхнулъ свою шкурку и убѣжалъ.

— А вѣдь я на него похожъ,—задумчиво произнесъ виргинецъ:—я часто вотъ точно такъ же катаюсь по песку послѣ купанья.—Онъ вытянулся во всю свою длину на землѣ и положилъ голову на колѣни Молли.—Еслибы я умѣлъ говорить по-звѣриному, я поговорилъ бы съ этимъ звѣркомъ, и онъ сказалъ бы мнѣ: „Пойдемъ, покатаемся по песку. Какая польза въ вашихъ людскихъ волненіяхъ и мукахъ? Что̀ за радость быть человѣкомъ? Пойдемъ-ка лучше, покатаемся со мною". Вотъ что̀ онъ сказалъ бы мнѣ.—Виргинецъ замолчалъ.—Но,—продолжалъ онъ, вздохнувъ,—все несчастье въ томъ, что мы отвѣтственны за нашу жизнь и поступки. Еслибы мы могли съ тобою забыть объ этомъ навсегда!.. Часто, когда я заѣзжалъ на этотъ островъ, у меня являлось желаніе слиться со всѣмъ окружающимъ, но сознавать себя отдѣльнымъ существомъ. Что̀ это такое? Отчего это? Ты не знаешь; не знаю и я. Но ты понимаешь,—онъ нѣжно прикоснулся къ ея рукѣ,—и вотъ почему мы такъ себя чувствуемъ здѣсь и почему дѣйствительность еще лучше моей мечты. А моя мечта была такъ прекрасна!—Онъ еще больше вытянулся, желая быть еще ближе къ землѣ, и продолжалъ говорить такъ, какъ еще никогда никому не говорилъ. Она глядѣла на него, и не могла достаточно надивиться происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Неужели этотъ мечтательный юноша былъ тотъ самый человѣкъ, съ которымъ она подъѣзжала къ городу два дня тому назадъ? Мрачный, неумолимый человѣкъ, отъ котораго она отшатнулась съ такимъ ужасомъ? Неужели этотъ черноволосый мальчикъ, положившій голову къ ней на колѣни, зналъ, что значить убивать? Сегодня ему казалось на видъ не болѣе девятнадцати лѣтъ. Онъ имѣлъ болѣе юный видъ, чѣмъ въ день ихъ первой встрѣчи. Эту перемѣну принесли ему часы, проведенные съ нею на островѣ. Эти часы придали такое невинно-чистое выраженіе его лицу.

Они пробыли на островѣ шесть дней. Послѣ полудня третьяго

дня надъ островомъ разразилась страшная гроза, но они были отлично защищены и отъ вѣтра, и отъ дождя въ своей палаткѣ и выглядывали изъ нея на сверкавшія молніи. Вдругъ Молли замѣтила опасеніе въ лицѣ мужа и поспѣшила отвѣтить на его взглядъ:

— Я не боюсь. Еслибы огонь сжегъ насъ обоихъ въ эту минуту,—что же изъ этого!

Совершивъ поѣздку въ горы, они, прежде чѣмъ вернуться въ городъ, еще разъ заѣхали на островъ и провели на немъ послѣднюю ночь. Они, какъ дѣти, обѣщали другъ другу пріѣзжать сюда каждый годъ, чтобы проводить на островѣ день своей свадьбы. Каждый годъ имъ не удавалось это дѣлать, но все-таки они пріѣзжали нѣсколько разъ именно въ этотъ день на островъ, и каждый разъ могли сказать себѣ:

— Это лучше, чѣмъ моя мечта.

Тридцать дней провели они въ полномъ одиночествѣ въ горахъ, не видя ни единаго человѣческаго лица. Иногда имъ попадались олени и другіе звѣри. Разъ они увидали даже медвѣдя, но Молли не позволила мужу стрѣлять въ него. Ничто не нарушало ихъ счастья. Иногда Молли слышала, какъ мужъ ея въ минуты восторга шепталъ:

— Я хотѣлъ бы умереть,—такая смерть была бы блаженствомъ.

Но она уже дала ему доказательство своей любви болѣе сильное, чѣмъ эти слова. Въ самую роковую минуту своей жизни она подчинила ему свою совѣсть, пожертвовала для него своею душой. Объ этой роковой минутѣ они все еще не рѣшались говорить другъ съ другомъ, но виргинецъ въ первый разъ въ своей жизни открывалъ свою душу женщинѣ, и эти откровенныя бесѣды все болѣе и болѣе сближали ихъ.

Имъ было безумно жаль покинуть горы, но насталъ наконецъ день, когда нужно было вернуться въ долины и ѣхать въ Вермонтъ.

— Еслибы ты только могъ,—сказала она, смѣясь,—поѣхать къ моимъ роднымъ въ такомъ видѣ!

— Верхомъ на Монте и съ шестиствольнымъ пистолетомъ?—спросилъ онъ:—это къ твоей-то матери?

— Я думаю, мама не устояла бы, увидавъ тебя на лошади.

— Но она именно и боится, что я явлюсь въ такомъ видѣ.

Когда онъ явился къ ней въ костюмѣ, приготовленномъ для поѣздки къ родственникамъ, она въ восторгѣ расцѣловала его.

— Теперь ты убѣдилась, что можешь вполнѣ довѣрять мнѣ,—произнесъ онъ съ напускною важностью.

— Какъ ты могъ догадаться, что именно такая пара изъ толстаго сукна всего больше пойдетъ къ тебѣ?

— А мнѣ очень понравился нью-іоркскій костюмъ м-ра Огдена; ты помнишь этого господина, который пріѣзжалъ къ судьѣ Генри? Когда я собрался жениться, то послалъ заказъ его портному.

Въ Беннингтонѣ всѣ были разочарованы.

Одѣтъ виргинецъ былъ прекрасно и говорилъ такъ, какъ дай Богъ всякому. М-съ Флинтъ старалась излить свою досаду, выражая повсюду шумную радость по поводу того, что Самъ Банненттъ женился на богатой дѣвушкѣ и вполнѣ счастливъ. Кромѣ м-съ Флинтъ, всѣ отдали виргинцу должную справедливость и одобрили выборъ Молли. М-съ Вудъ робко бесѣдовала съ своимъ новымъ зятемъ и признавалась дочери, что она поражена его приличными манерами и мягкостью обращенія. Даже Сара старалась быть любезной, а мужъ ея прямо объявилъ Молли, что ей очень посчастливилось. Всѣ были милы, насколько умѣли, и поэтому легко себѣ представить, какая райская атмосфера царила въ домѣ.

Изъ Беннингтона молодые поѣхали къ двоюродной бабушкѣ въ Дунбартонъ. Тамъ ихъ ждалъ самый радушный пріемъ. Старушка была въ саду и срѣзала августовскіе цвѣты, когда они пріѣхали. Услышавъ стукъ подъѣхавшаго экипажа, она закричала:

— Прежде, чѣмъ идти въ домъ, приведи сюда моего племянника, моя дорогая!

Молли сжала руку своего мужа и прошептала:

— Я знала, что она будетъ очаровательна съ нами.

И она побѣжала и бросилась въ объятія бабушки, а за нею медленно шелъ виргинецъ, со шляпой въ рукахъ.

Старая лэди пошла ему на встрѣчу, протягивая слегка дрожащую руку.

— Добро пожаловать, племянникъ!—сказала она.—Ну и высокій же вы, нечего сказать! Повернитесь-ка сюда, сэръ, дайте на васъ посмотрѣть!

Виргинецъ повиновался, покраснѣвъ до ушей.

А его новая родственница повернулась къ его женѣ и дала ей цвѣтокъ, прибавивъ:

— Продѣнь его ему въ петличку, дорогая моя... Признаюсь

тебѣ, я теперь отлично понимаю, почему ты выбрала его себѣ въ мужья.

Потомъ старая лэди повела ихъ въ домъ, показала имъ ихъ комнату и вернулась въ садъ, гдѣ должна была сѣсть на скамью, — такъ ослабило ее радостное волненіе. А Молли, сидя на колѣняхъ мужа, продѣвала ему цвѣтокъ въ петличку и потомъ положила голову къ нему на плечо.

— Я не зналъ, что могутъ быть такія старыя лэди,—сказалъ онъ.—И какъ ты думаешь,—много такихъ?

— Ахъ, право, не знаю,—отвѣчала Молли:—только я такъ счастлива!

Вечеромъ, отправивъ Молли спать, старушка еще долго бесѣдовала съ виргинцемъ объ ихъ будущемъ. Южанинъ сообщилъ ей, что уже давно предвидѣлъ упадокъ скотопромышленности въ своемъ краѣ и готовился къ новому дѣлу.

— Когда я выбиралъ себѣ участокъ земли,—сказалъ онъ,— то старался найти такой, гдѣ было бы много каменнаго угля. Теперь повсюду пройдутъ новыя вѣтви желѣзныхъ дорогъ и явится большой спросъ на уголь.

Виргинецъ совсѣмъ забылъ о своей застѣнчивости и говорилъ, увлекаясь и съ жаромъ, о своей любимой странѣ и о любимой женщинѣ, съ которой жизнь представлялась ему яркой, осмысленной и свѣтлой.

Время, проведенное въ Дунбартонѣ, промелькнуло какъ одинъ счастливый день.

— Да благословитъ васъ Богъ, мои дорогіе,—сказала старая лэди, прощаясь съ племянницей и племянникомъ и пожимая имъ руки:—когда вы пріѣдете въ слѣдующій разъ, я приготовлю дѣтскую.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ покинуть землю, старушкѣ удалось поняньчить перваго ребенка виргинца и Молли.

Судья Генри приготовилъ для молодыхъ свой свадебный подарокъ: дѣла его въ Вайомингѣ такъ расширились, что онъ не могъ самъ всюду поспѣвать, и сдѣлалъ виргинца своимъ компаніономъ. Когда количество конокрадовъ и грабителей въ странѣ превзошло количество мирныхъ фермеровъ и послѣдніе должны были или выселяться, или разориться, виргинецъ, предвидѣвшій эту катастрофу, заблаговременно угналъ всѣ свои стада въ Монтану. Потомъ, въ 1892 году, началась война. Грабители сначала захватили всю власть въ свои руки, но сами погибли отъ своего мятежа, потому что въ опустошенной странѣ нечего было грабить.

Но явилась желѣзная дорога, и одна вѣтка прошла мимо

участка виргинца, гдѣ было много угля. Къ тому времени онъ уже сдѣлался значительнымъ лицомъ въ странѣ, участникомъ многихъ важныхъ предпріятій, и могъ доставлять своей женѣ все, чего только она хотѣла, и даже болѣе. Ея счастье иногда только отравляется страхомъ, что слишкомъ усиленная работа убьетъ ея мужа, но, кажется, это страхъ совершенно неосновательный. Ихъ старшій сынъ ѣздитъ верхомъ на Монте, и, между нами говоря, я думаю, что отецъ его проживетъ еще очень долго.

Съ англ. П—на С—ва.

НА ВЫСОТАХЪ
КАВКАЗА

Путевыя замѣтки и наблюденія.

I.

Кто былъ въ Крыму или на Кавказѣ, тотъ испыталъ, несомнѣнно, томительность переѣзда по однообразнымъ степямъ, тянущимся отъ Курска до самаго подножія Крымскихъ и Кавказскихъ горъ. По владикавказской желѣзной дорогѣ невыносимо скучная степь эта немного разнообразится, начиная отъ Таганрога, видомъ Азовскаго моря и р. Дона; затѣмъ, между станціями Кавказскою и Невинномыскою—видами р. Кубани, а близъ станціи Минеральныя-Воды показываются, наконецъ, горы, причемъ особенно хорошо видны уединенныя отъ общаго хребта вершины Пятигорскаго округа: Зміевая, Бештау, Машукъ и т. д. За Минеральными-Водами владикавказская желѣзная дорога проходитъ черезъ большія горныя рѣки: Куму, Малку и—у самой станціи Котляревской—Терекъ.

Эта послѣдняя станція и была моимъ конечнымъ пунктомъ: отъ нея мнѣ надо было проѣхать 46—47 верстъ на лошадяхъ въ древнюю столицу Большой Кабарды, а нынѣ слободу Терской области—*Нальчикъ*.

Въ словарѣ Брокгауза и Ефрона разстояніе до Нальчика (50 верстъ) показано отъ предшествующей станціи Котляревской — Прохладной, но теперь, насколько мнѣ извѣстно, отъ

Прохладной никто не ѣздитъ, потому что отъ нея до Нальчика и дальше, и дорога хуже; отъ Котляревской же имѣется, хотя и плохое, выложенное щебнемъ шоссе, а черезъ рѣки существуютъ мосты, вслѣдствіе чего проѣздъ, за рѣдкими исключеніями, всегда обезпеченъ, что̀ на Кавказѣ случается не часто: сто̀итъ въ горахъ пройти хорошему дождю, или въ сильные жары усилится таяніе снѣговъ и льдовъ на вершинахъ, или загромоздитъ гдѣ-либо воду обвалъ, и мельчайшіе ручьи, не говоря о рѣкахъ, представляютъ въ такихъ случаяхъ непреодолимыя препятствія [1]).

Но если отъ Котляревской путь удобнѣе, то сама станція не представляетъ ровно никакихъ удобствъ. На ней вы можете получить лишь сомнительнаго качества чай съ черствымъ хлѣбомъ и больше, пожалуй, ничего. А между тѣмъ здѣсь сходятъ сотни пассажировъ, и, казалось бы, прямой матеріальный разсчетъ—имѣть сносный буфетъ или близъ станціи завести торговлю необходимыми продуктами. Такъ, вотъ, подите же—не хватаетъ и на это предпріимчивости!

Невольно припомнился мнѣ при этомъ Западъ: что̀ бы сдѣлали здѣсь швейцарцы, нѣмцы, англичане! И напоили бы, и накормили, и снабдили бы всевозможными литературными свѣдѣніями, и фотографіями, не говоря уже, конечно, объ устройствѣ удобныхъ путей сообщенія [2]). А изъ Котляревской вы не всегда можете скоро уѣхать и совершенно не знаете, сколько придется уплатить за проѣздъ до Нальчика. Всякій отправляющійся въ эту слободу считается „курсовымъ", т.-е., ѣдущимъ лечиться, а „курсовые", по мнѣнію и извозчиковъ, и всего населенія, обладаютъ большими средствами. Поэтому съ васъ заламываютъ очень чувствительную сумму, и чтобы не платить ея,

---

[1]) Такъ, въ августѣ 1902 года, по неизвѣстнымъ причинамъ, вышла изъ береговъ р. Урвань, идущая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ параллельно дорогѣ отъ Котляревской до Нальчика, и чуть-было не прервала сообщенія, несмотря на существованіе шоссе и мостовъ.

[2]) Не странно ли, что въ западно-европейской литературѣ (напримѣръ, у Бедекера) существуютъ весьма подробныя свѣдѣнія о Нальчикскомъ округѣ, куда ежегодно пріѣзжаютъ европейскіе альпинисты, чтобы пробраться къ высочайшимъ вершинамъ округа, превосходящимъ не только вершины Европы, но Африки и Западной Азіи, а у насъ имѣются лишь темные слухи объ этомъ интереснѣйшемъ уголкѣ во всемъ Кавказѣ. Что касается путей сообщенія, то, несомнѣнно, европейцы утилизировали бы, для добыванія электрической силы, невѣроятно мощную, неизсякаемую силу горныхъ рѣкъ, какъ Баксанъ, Черекъ, Урвань и др., протекающія въ самомъ недалекомъ разстояніи отъ станціи Котляревской и пересѣкающія много разъ дорогу въ Нальчикъ. Сколько этой водной силы гибнетъ на Кавказѣ!

надо запастись стойкостью и торговаться или ѣхать на почтовыхъ, что̀ обходится около четырехъ рублей.

Мнѣ, однако, повезло, такъ какъ на станціи были и частные ямщики, и почтовыя обратныя лошади, и два пассажира. Съ послѣдними я и уѣхалъ, нанявъ рессорный экипажъ за шесть рублей, т.-е. по два рубля съ человѣка.

Чудное іюльское утро заставило забыть всѣ вагонныя и станціонныя испытанія, и я всецѣло предался созерцанію природы Предкавказья. Очень скоро вдали, на горизонтѣ степи, въ безоблачномъ голубомъ небѣ ясно вырисовалась громадная цѣпь снѣжныхъ вершинъ на протяженіи отъ Казбека до Эльбруса. Не мало пришлось мнѣ видѣть горъ: былъ я и въ Крыму, и въ Алтайскихъ горахъ, и въ Саянскихъ, и въ швейцарскихъ Альпахъ, но все-же кавказскіе великаны сразу произвели на меня сильное, неотразимое впечатлѣніе.

Къ сожалѣнію, скоро облака окутали ихъ и скрыли съ глазъ. Тогда пришлось ограничить свои впечатлѣнія дорогою. Шла она все еще степью, но это была уже не ровная донская степь, а конецъ южнаго Предкавка̀зья. Волнистая, съ перелѣсками, она поднималась все выше и выше къ темнѣвшимъ впереди горамъ, пересѣкая рѣки: Черекъ (по мѣстному Чурѐкъ), Урва̀нь и Шалу̀ху.

По берегамъ этихъ рѣкъ и на перекресткахъ дорогъ попадалось немало каменныхъ прямоугольныхъ памятниковъ, увѣнчанныхъ чалмами и съ арабскою надписью изъ корана. По сторонамъ, въ степи разбросаны были курганы разныхъ окружностей и высотъ, то одинокихъ, то по нѣскольку въ одномъ мѣстѣ. Относительно каменныхъ столбиковъ ямщикъ объяснилъ, что, будто бы, они ставятся надъ убитыми туземцами. Если это вѣрно, то по истинѣ ужасающее количество совершается здѣсь убійствъ, чему, вѣроятно, способствуетъ господствующая еще во всей силѣ родовая месть. Что касается кургановъ, то нѣкоторые изъ нихъ насыпаны надъ могилами погибшихъ во время кровопролитныхъ кавказскихъ войнъ, а часть, несомнѣнно, относится къ древнѣйшимъ временамъ, доказательствомъ чему служатъ и раскопки, и исторія Кавказа [1]). Съ незапамятныхъ временъ пре-

[1]) Можемъ указать на курганы въ Кубанской области,—раскопанные извѣстнымъ археологомъ Н. И. Веселовскимъ,—происхожденіе которыхъ относится къ II—III в. по Р. Х. Въ Терской области интересныя данныя добыты членомъ археологическаго института поручикомъ В. Р. Апухтинымъ, производившимъ раскопки въ Пятигорскомъ округѣ и въ Нальчикскомъ по р. Баксану. Но много еще неразслѣдованныхъ памятниковъ хранится на Кавказѣ вообще и въ Нальчикскомъ округѣ въ частности.

лестная страна эта привлекала многіе народы и нерѣдко служила, такъ сказать, капканомъ для разъ попавшихъ въ кавказскія горы. Необъятныя степи, предшествующія Кавказу, служили когда-то главною дорогою для дикихъ ордъ изъ Азіи въ Европу. На этихъ степяхъ одни народы вытѣсняли другихъ, и тѣ изъ нихъ, которые должны были спасаться на Кавказѣ, уже не имѣли выхода, запертые тремя морями и высочайшими горами. И вотъ, вся эта кровавая исторія Кавказа зарыта въ этихъ курганахъ и ждетъ еще своихъ историковъ.

На половинѣ дороги, въ небольшой деревушкѣ ямщикъ мѣнялъ лошадей у переселенца изъ курской губерніи. Переселенецъ этотъ, какъ и всѣ другіе, жилъ въ грязной, кривой, крытой соломою избушкѣ. Онъ разсказалъ, что въ деревушкѣ живутъ переселенцы изъ курской и тамбовской губерній, а на вопросъ о причинѣ бѣдности, изложилъ длинную и запутанную исторію о какомъ-то надувательствѣ при покупкѣ земли. Словомъ, пришлось услышать старую, знакомую, тяжелую пѣсню, которая несется изъ всѣхъ переселенческихъ пунктовъ отъ холодной Сибири до жаркаго Кавказа.

Чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе дѣлались лѣсистыя горы, у подножія которыхъ и пріютился Нальчикъ.

Слобода эта произвела на меня, какъ и на всѣхъ пріѣзжающихъ, впечатлѣніе далеко не отрадное. Это не то село, не то заброшенный уѣздный городишко. Въ немъ довольно грязно, пыльно; постройки неказисты; количество населенія не превышаетъ трехъ съ половиною тысячъ, причемъ подавляющее большинство—до 3.000—туземцы-магометане, главнымъ образомъ, кабардинцы. Не-туземное населеніе Нальчика—сборное. Коренные жители изъ русскихъ,—вѣроятно, потомки солдатъ-завоевателей Кавказа. Лѣтъ 80—85 тому назадъ, въ Нальчикѣ было укрѣпленіе, превращенное затѣмъ въ гауптвахту. Предки коренныхъ жителей изъ русскихъ и были защитниками этого укрѣпленія, а впослѣдствіи, по замиреніи края, получили здѣсь земли. Помимо этого, имѣются въ Нальчикѣ переселенцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, которые правомъ собственности на землю не пользуются, а живутъ на арендуемыхъ участкахъ. Близъ слободы расположена еврейская колонія, а верстахъ въ трехъ отъ нея—нѣмецкая, населенная выходцами изъ саратовскихъ колоній. Нѣмцы, какъ, конечно, самая культурная часть населенія, снабжаютъ Нальчикъ лучшими фруктами и молочными продуктами.

Для прогулокъ въ слободѣ имѣется два небольшихъ бульвара, и за слободою—такъ называемый „Атажукинскій“ садъ. Есть

общественный клубъ съ небольшою при немъ библіотекою для членовъ. Имѣется горное низшее училище съ метеорологическою станціею при немъ [1]), и, кромѣ того—мужская и двѣ женскія начальныя школы. Есть церковь, синагога, окружное управленіе, нѣсколько непригляднымъ магазиновъ, но больницъ, кажется, нѣтъ ни одной [2]). Почта приходитъ три раза въ недѣлю: во вторникъ, четвергъ и субботу, а отходитъ: въ понедѣльникъ и пятницу.

Было бы, однако, слишкомъ поспѣшно на основаніи первыхъ впечатлѣній разочаровываться въ Нальчикѣ, что, къ сожалѣнію, случается съ весьма многими „курсовыми", особенно если они пріѣзжаютъ въ ненастную погоду.

Прежде всего, здѣсь все очень дешево, что на курортахъ встрѣчается болѣе чѣмъ рѣдко. Вы можете, напримѣръ, имѣть сносный обѣдъ отъ 9 до 12 руб. въ мѣсяцъ, нанять квартиру отъ 3 до 20 руб. Конечно, большинство квартиръ этихъ болѣе чѣмъ примитивны по своимъ удобствамъ, но жить, какъ говорится, можно, да и не для квартиръ же ѣхать на Кавказъ! Климатъ въ Нальчикѣ превосходный; въ слободѣ,—особенно въ части ея, называемой „Астраханкою",—немало садовъ, отличные виды на снѣжныя горы и довольно сносное купанье въ горной рѣчкѣ, Нальчикѣ, вытекающей не изъ снѣжныхъ вершинъ, а потому вода въ ней вообще, сравнительно, не холодная, а часто нагрѣвается до высокихъ температуръ [3]). А такихъ горныхъ рѣчекъ наберется на Сѣверномъ Кавказѣ, во всякомъ случаѣ, немного.

Впрочемъ, лично я поселился не въ Нальчикѣ, а на такъ называемомъ „Долинскомъ хуторѣ", расположенномъ въ двухъ, много въ трехъ верстахъ на югъ отъ слободы, хотя ямщики,

[1]) Это, насколько намъ извѣстно, единственная метеорологическая станція на весь округъ! Между тѣмъ крайняя гористость округа обусловливаетъ разнообразіе въ высотахъ надъ уровнемъ моря и обособляетъ многія мѣстности въ совершенно самостоятельные климатическіе пункты. Нужно ли говорить, что такія естественныя условія округа требуютъ широкаго развитія метеорологической сѣти, чтобы хотя сколько-нибудь оріентироваться въ атмосферическихъ явленіяхъ. За отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ, горные жители предугадываютъ погоду по горамъ: если изъ ущелій ночью дуетъ свѣжій и сильный вѣтеръ—ожидается хорошая погода. Къ слову сказать, горные вѣтры большею частью дуютъ ночью и сильно понижаютъ температуру.

[2]) На весь округъ имѣется, кажется, всего одинъ врачъ, да еще одинъ военный. Оба они проживаютъ въ Нальчикѣ. Есть, впрочемъ, еще фельдшера и повивальныя бабки.

[3]) Одно неудобство: при дождяхъ вода въ Нальчикѣ дѣлается мутною и даже грязною.

желая „сорвать“ съ „курсового“, утверждаютъ, что разстояніе до хутора—10, 15 и даже 25 верстъ!

На этомъ хуторѣ долина рч. Нальчика окружена лѣсистыми темно-зелеными горами; за ними, на югѣ, высятся громадныя скалы, а за скалами отчетливо видны снѣжныя вершины великановъ Коштанъ-Тау и Дыхъ-Тау. Съ юго-западныхъ холмовъ, въ хорошую, ясную погоду, особенно раннимъ утромъ и при закатѣ солнца, бываетъ видна, въ юго-восточномъ направленіи, громадная снѣжная цѣпь, заканчивающаяся Казбекомъ.

Такое изобиліе разнообразнѣйшихъ горъ является причиною постоянной смѣны чудныхъ картинъ. Въ различные часы дня, въ зависимости отъ того или иного освѣщенія, всѣ эти горы, скалы и снѣжныя вершины мѣняютъ свой видъ до неузнаваемости.

При безоблачномъ небѣ, утромъ, онѣ имѣютъ ясныя и рѣзкія очертанія. Словно выточенныя, бѣлѣютъ въ небесахъ пирамиды снѣжныхъ гигантовъ изъ-за голыхъ, розоватыхъ скалъ; ниже послѣднихъ бирюзою отливаютъ горныя пастбища, а еще ниже—темнѣютъ, подернутыя голубою дымкою, лѣсистыя горы. Къ полудню, и снѣжныя вершины, и скалы прячутся въ тучи, такъ что кто не видалъ ихъ до этого—ни за что не повѣритъ, что онѣ существуютъ. Къ вечеру облака разсѣиваются, и опять за зелеными горами показываются громады, но уже въ иномъ видѣ, чѣмъ утромъ. Случалось, что, лежа на зеленомъ лугу, подъ тѣнью развѣсистыхъ дикихъ грушъ, и слушая шумъ Нальчика, я цѣлыми часами не отрывалъ взора отъ горъ, дававшихъ одну за другою все новыя и новыя картины, словно въ калейдоскопѣ.

А какъ прелестны здѣсь лунныя ночи!

Окрестности хутора также заслуживаютъ вниманія. Здѣсь вы встрѣтите и поля, засѣянныя хлѣбными растеніями, и пасѣки, и роскошнѣйшіе луга, и темные лѣса, и веселыя горныя рѣчки.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не выразить удивленія, что мнѣ не удалось добыть фотографическихъ снимковъ ни Нальчика, ни его окрестностей. Наши фотографы, включая и любителей, идутъ лишь по проторенным дорогамъ,—сидятъ „въ извѣстныхъ“ только курортахъ и снимаютъ общеизвѣстные виды. У нихъ вовсе нѣтъ стремленія къ изученію страны, какъ это дѣлаютъ ихъ западно-европейскіе коллеги. Я съ товарищемъ-литераторомъ предлагалъ заѣзжему въ Нальчикъ фотографу заняться снимками чудныхъ видовъ Нальчикскаго округа, но этотъ

„художникъ“, ссылаясь на то, что „видовъ не покупаютъ“, ограничивался изображеніемъ нальчикскихъ обывателей.

Заслуживаетъ удивленія и то обстоятельство, что въ прекраснѣйшемъ уголкѣ, каковъ „Долинскій хуторъ“, негдѣ жить. Здѣсь имѣется всего-на-всего два домика: одинъ Е. П. Долинской, которая любезно пріютила меня у себя, и другой—г. Мовчановскаго, гдѣ совершенно случайно нашелъ себѣ помѣщеніе товарищъ-литераторъ съ семействомъ. А между тѣмъ желающихъ жить на хуторѣ было и будетъ цѣлое множество, и, конечно, не понесли бы убытковъ лица, которыя построили бы здѣсь дачи.

Но какъ ни хорошо на хуторѣ, все-же истинное ознакомленіе съ кавказскою природою могутъ дать только путешествія по Нальчикскому округу.

Послѣдній, расположенный въ юго-западной части Терской области, представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ не только сѣвернаго, а вообще всего Кавказа.

Если вы посмотрите на карту трехверстнаго масштаба, то увидите, что Нальчикскій округъ, особенно южная часть его, заполненъ высочайшими горами, которыя сгруппированы на пространствѣ не болѣе двадцати верстъ. Среди нихъ вы встрѣчаете: первую по величинѣ гору на Кавказѣ — Эльбрусъ (5 верстъ 150 саженъ), вторую—Дыхъ-Тау (4 версты 436 саж.), третью—Шхора (4 версты 434 саж.) и четвертую по величинѣ гору на всемъ Кавказѣ—Коштанъ-Тау (4 версты 411 саж.). Не говоря объ Эльбрусѣ, всѣ эти горы и еще Джангы-Тау (4 версты 379 саж.) больше Казбека, возвышающагося на 4 версты 364 сажени надъ уровнемъ моря. Мы еще не упомянули о Катынъ-Тау (4 версты 328 саж.), немногимъ уступающей Казбеку.

Эти гиганты являются величайшими вершинами не только на Кавказѣ: высочайшая гора Европы Монъ-Бланъ имѣетъ высоты всего 4 версты 270 саж.; величайшая вершина Африки, въ „Лунныхъ-Горахъ“, Рувензори, возвышается на 4 версты 321 сажень. Что же касается Эльбруса, то онъ конкуррируетъ еще и съ вершинами Западной Азіи: его однофамилецъ, тоже Эльбрусъ, съ вулканомъ Демавендъ, высящійся на восточномъ берегу Каспійскаго моря и считающійся первою вершиною въ Западной Азіи, на 18 саженъ ниже кавказскаго Эльбруса, именно азіатскій Эльбрусъ имѣетъ 5 верстъ 132 саж. высоты.

Съ выше перечисленныхъ горъ Нальчикскаго округа и ихъ отроговъ спускаются величайшіе ледники Кавказа, какъ Би-

зинги (длина 15 верстъ; спускается съ горы Шхора), Дыръ-Су (15 верстъ), Адыль, Агштанъ, Азау и мн. др.

Понятно, что такое скопленіе снѣговъ и льдовъ является причиною зарожденія множества горныхъ рѣкъ, рѣчекъ, каскадовъ, водопадовъ и т. п. И мы встрѣчаемъ въ Нальчикскомъ округѣ такія значительныя рѣки, какъ Малка (притокъ Терека), Черекъ (притокъ Малки), Баксанъ (притокъ Черека), Чегемъ (притокъ Баксана), Урвань; или быстрѣйшія на всемъ Кавказѣ— Адыль, Дыхъ-Су и т. п.

Прибавьте къ этимъ горамъ богатѣйшую и разнообразнѣйшую растительность, и не нужно большого воображенія, чтобы представить всю прелесть, все величіе Нальчикскаго округа [1]).

И всѣмъ этимъ можно легко и, сравнительно, удобно, вдоволь налюбоваться, совершивъ изъ Нальчика двѣ поѣздки: въ Балкарію или, другими словами, къ истокамъ р. Черека, берущаго начало въ ледникахъ Дыхъ-Тау и Коштанъ-Тау, и въ Урусбіевскій аулъ, или, иначе, къ истокамъ р. Баксана, вытекающаго изъ самого Эльбруса.

Я совершилъ обѣ поѣздки и опишу ихъ, чтобы вызвать подражателей этихъ интереснѣйшихъ и очень дешевыхъ путешествій.

Первая поѣздка была въ Балкарію.

Получила она свое названіе отъ народности, ее населяющей— балкарцевъ. Въ Нальчикскомъ округѣ насчитывается пятьдесятъ-четыре степныхъ кабардинскихъ обществъ и пять обществъ горныхъ. Изъ послѣднихъ, живущіе въ истокахъ Баксана называются урусбіевцами, въ истокахъ Чегема — чегемцами, а обитающіе въ истокахъ Черека—бизингинцами, хуламцами и балкарцами.

Относительно происхожденія горныхъ жителей Нальчикскаго округа существуютъ весьма сбивчивыя данныя. Такъ, одни считаютъ ихъ кабардинцами [2]), но большинство причисляетъ нальчикскихъ горцевъ вообще и балкарцевъ въ частности къ мон-

[1]) Какъ во всѣхъ горныхъ странахъ, растительность Нальчикскаго округа распредѣлена полосами. Предгорья и горы до извѣстныхъ высотъ покрыты дубомъ, кленомъ, ясенемъ, букомъ, ольхою, осиною, а изъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ— дикія яблони, груши, кизиль, барбарисъ, малина, крыжовникъ, виноградъ, алыча; выше этого пояса преобладаетъ букъ; еще выше—сосна, береза, можжевельникъ, рябина, рододендроны. Дальше идутъ горные луга съ чрезвычайно разнообразными и красивыми цвѣтами и травами, какъ-то: клеверъ, анемонъ, горныя лиліи, колокольчики, орхисы. Луга въ долинахъ также роскошны, съ громадною сочною травою и множествомъ цвѣтовъ.

[2]) См. Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 4, „Балкарія“.

гольскому племени [1]). Г. Надеждинъ, между прочимъ, говоритъ: „языкъ этихъ горцевъ весьма близокъ къ кумыкскому и карачевскому. Они образуютъ какъ бы островокъ среди другихъ національностей, чуждыхъ имъ по языку и племени (кабардинцевъ, осетинъ и сванетовъ)“ [2]). Профессоръ Вс. Миллеръ также указываетъ на рѣзко выдѣляющіеся здѣсь два типа [3]): „Одинъ, напоминающій монгольскій, хотя и съ значительно сглаженными чертами этого типа; другой типъ арійскій, напоминающій всего болѣе осетинскій [4]). Цѣлый рядъ топографическихъ названій указываетъ на то, что татары-горцы застали въ этихъ мѣстахъ осетинское населеніе, исповѣдывавшее христіанскую религію (незначительные остатки христіанскихъ древностей можно встрѣтить здѣсь и теперь). Горцы-татары рядомъ со своимъ счетомъ сохранили осетинскую систему счета—пàрами, лишь слегка измѣнивъ осетинскія слова. О культурномъ вліяніи осетинъ на татаръ, бывшихъ, впрочемъ, еще кочевниками, можно судить по проникнувшимъ въ татарскій языкъ осетинскимъ терминамъ для земледѣлія и болѣе разумнаго скотоводства“.

Таковы данныя о балкарцахъ.

Свѣдѣнія о Балкаріи точно также разнорѣчивы. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ описанія нашей поѣздки.

Выѣхалъ я изъ Нальчика 21 іюля текущаго года въ сообществѣ двухъ молодыхъ дѣвушекъ и студента. Молодая, веселая компанія эта очень способствовала хорошему настроенію, что̀ весьма важно въ дорогѣ. Посчастливилось мнѣ также и въ ямщикѣ: насъ повезъ отличный человѣкъ — Николай Ѳедотовичъ Зайченко. Самъ онъ уроженецъ екатеринославской губерніи, но давно уже живетъ съ семействомъ въ Нальчикѣ, въ собственномъ домѣ, въ той части слободы, которая называется „Астраханкою“ [5]).

---

[1]) Тамъ же, полут. 26, „Кавказскій край“.

[2]) „Кавказскій край“, второе изд. Тула, 1895 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) Кабардинцевъ и осетинъ нѣкоторые считаютъ потомками алановъ, принадлежащихъ къ скиѳскому племени, которое причисляютъ къ арійцамъ. Эти аланы обитали сначала на Кавказѣ, а затѣмъ распространили свои владѣнія до р. Дона. Въ 375 году, въ союзѣ съ гуннами, они разгромили царство остготскаго короля Германриха, присоединились къ великому движенію народовъ, и въ 406 г. вторглись въ Галлію. Въ послѣднюю византійскую эпоху аланы упоминаются еще на Кавказѣ (Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 65).

[5]) Сообщаю адресъ для будущихъ путешественниковъ, потому что качество ямщика играетъ громадную роль при поѣздкахъ на Кавказѣ.

Николай разъ тридцать бывалъ въ Балкаріи, а потому могъ быть превосходнымъ чичероне въ этой мало извѣстной странѣ. За поѣздку въ Балкарію и обратно (до послѣдняго аула въ Балкаріи 70 верстъ отъ Нальчика), въ теченіе четырехъ дней, онъ взялъ съ насъ десять рублей, и повезъ на парѣ лошадей, въ простой телѣгѣ, покрытой рогожею, что представляло намъ немало удобствъ [1]). Помимо этихъ десяти рублей, нами затрачено было 8 рублей 64 коп. на провизію, которую необходимо было взять съ собою, такъ какъ на всемъ пути возможно раздобыть лишь яйца, куръ да молока, но и то далеко не всегда. Въ этомъ отношеніи Нальчикъ служитъ незамѣнимымъ отправнымъ пунктомъ, въ которомъ все можно достать.

Такимъ образомъ, четырехдневное путешествіе, съ пищею, обошлось на человѣка по 4 рубля 66 коп. или по 1 рублю 16 коп. въ день.

Но перейдемъ къ самому путешествію.

Изъ Нальчика, переправившись вбродъ черезъ рѣчку Нальчикъ, мы поѣхали на востокъ [2]). Благодаря предшествующимъ дождямъ, дорога была грязная. Шла она по волнистой мѣстности, то спускаясь въ ложбины, то поднимаясь въ гору, сначала степью, а затѣмъ мелкимъ перелѣскомъ. Въ правой сторонѣ, время отъ времени, въ ясной лазури неба показывались снѣжныя горы. Приблизительно на 12-й верстѣ лѣсъ кончился, и взору нашему открылась широкая степная долина Черека и Урвани, замыкавшаяся на югѣ темно-зелеными горами, скалами и пиками горныхъ великановъ. На берегу Черека виднѣлся большой кабардинскій Догожуковскій аулъ. Спустившись въ долину, мы у подножія горы увидѣли каменный памятникъ, совершенно такой, о которыхъ я уже говорилъ, описывая путь отъ станціи Котляревской до Нальчика. Далѣе этихъ памятниковъ, какъ и различныхъ кургановъ, встрѣчалось очень много.

Переѣхавъ вбродъ горную рѣчушку Рванёнокъ, мы, въ полдень, по предложенію Николая, остановились на первый привалъ на обширномъ лугу, близъ холоднаго ключа, совсѣмъ незамѣтно вытекавшаго изъ подножія одного изъ холмовъ, окаймлявшихъ долину съ правой стороны.

Несмотря на конецъ іюля, лугъ не былъ еще скошенъ, и мы

---

[1]) Въ рессорныхъ экипажахъ ѣздить въ горы совсѣмъ невозможно.

[2]) При дождяхъ въ горахъ черезъ Нальчикъ переправиться весьма трудно, а иногда и невозможно, вслѣдствіе чего отсутствіе моста черезъ эту рѣчку представляетъ одно изъ очень крупныхъ неудобствъ для проживающихъ въ слободѣ.

превосходно устроились на немъ подъ тѣнью устроенной Николаемъ палатки изъ брезента.

Я полагалъ, что трава на лугу не скошена по случайности, но оказалось, что туземцы убираютъ сѣно всегда въ теченіе іюля мѣсяца. Русское населеніе объясняетъ это лѣнью туземцевъ, которые, будто бы, чтобы не трудиться надъ ворочаньемъ травы, съ цѣлью просушки, косятъ тогда, когда трава совершенно высохнетъ, и ее можно прямо складывать въ стога. Туземцы же утверждаютъ, что въ іюнѣ у нихъ идутъ дожди и губятъ скошенную траву, а въ іюлѣ устанавливается погода [1]).

Часа черезъ два, три, когда свалилъ полдневный зной, мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Вскорѣ открылись прелестные виды на продолжавшуюся долину Черека, а черезъ нѣкоторое время кончилась Кабардинская степь, и мы вступили въ предѣлы Балкаріи.

Первый балкарскій аулъ — это бѣдный и грязный Кашканталъ, съ почтовою станціею въ немъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Балкаріею считается лишь крайній истокъ Черека, но это не совсѣмъ точно. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ мѣстныхъ жителей, Балкарія раздѣляется на верхнюю и нижнюю, или „плоскогорье". Вотъ это „плоскогорье", насколько мы могли понять, и начинается отъ аула Кашканталъ, причемъ, какъ мы ниже увидимъ, нижняя Балкарія по своей природѣ совсѣмъ не похожа на верхнюю.

Миновавъ Кашканталъ, мы черезъ нѣкоторое время подъѣхали къ мосту черезъ рѣку Урвань. Загроможденная громадными камнями, падая съ большой высоты, Урвань въ этомъ мѣстѣ реветъ, пѣнится и съ необычайной силой и быстротой сердито мчитъ мутныя воды, совершенно оправдывая свое названіе, если оно происходитъ отъ русскаго глагола *рвать*.

Долго мы любовались горною грозною рѣкою, стоя на мостикѣ сомнительной крѣпости, казалось, трепетавшемъ отъ каждаго взрыва мощной стихіи.

Нельзя было не испытывать нѣкотораго волненія при видѣ этого примитивнаго сооруженія. Какъ и всѣ другіе, мостъ черезъ Урвань построенъ былъ ужъ очень просто. Въ берега были горизонтально вбиты три или четыре ряда свай, причемъ нижнія немного выступали надъ водою, а слѣдующія—все больше и больше; такъ что самыя верхнія сваи съ той и другой стороны

---

[1]) Русскіе жители утверждаютъ, что нѣкоторые изъ нихъ косятъ въ лѣто два и даже три раза, а туземцы—лишь одинъ разъ.

берега уже значительно выдавались надъ рѣкою; на эти-то послѣднія сваи были положены боковыя основанія моста, въ видѣ толстыхъ бревенъ, а поперекъ ихъ устланы менѣе толстыя круглыя же бревна—вотъ и все. Иногда настилка бываетъ изъ досокъ, которыя кладутся и вдоль, и поперекъ. Въ большинствѣ случаевъ мосты безъ перилъ.

Недалеко за урванскимъ мостомъ начиналось уже ущелье Черека, но мы, за позднимъ временемъ, не доѣхали до него и остановились ночевать на лугу, на берегу красивой горной рѣчки Кара-Су, противъ заброшеннаго дома балкарскаго князя Абаева-Батàшева.

При свѣтѣ костра, на которомъ варилась каша и кипятился чай, Николай сообщилъ намъ свои охотничьи похожденія.

Между прочимъ, онъ выражалъ удивленіе, какъ можно бояться какого бы то ни было звѣря: „Никакой звѣрь не только самъ не бросится на человѣка, а чтобы подобраться къ нему, надо идти противъ вѣтра, потому что звѣрь отъ одного духу человѣческаго уйдетъ“.

Что касается количества и породъ звѣрей, водящихся въ горахъ, то немало имѣется тамъ оленей, сернъ, козъ, лисицъ, куницъ, выдръ, волковъ, но больше всего медвѣдей и особенно дикихъ кабановъ и свиней. Эти послѣднія и служатъ главнымъ предметомъ охоты, такъ какъ на вкусные окорока дикихъ свиней существуетъ, оказывается, большой спросъ изъ Россіи. Вкусны же они потому, что дикія свиньи здѣсь питаются исключительно растительною пищею, причемъ осенью ѣдятъ кукурузу, орѣхи, дикія яблоки и груши. Охота на свиней производится съ пріученными обыкновенными дворовыми собаками, которыхъ гибнетъ видимо-невидимо, потому что свиньи сплошь и рядомъ убиваютъ или, чаще всего, разрываютъ ихъ своими клыками „снизу до верху“.

Что касается опасности для охотника, то она не велика: случаи даже пораненій ихъ очень рѣдки. Хорошій охотникъ въ осенній сезонъ убиваетъ до ста штукъ свиней.

Главнымъ образомъ находятъ ихъ въ кукурузѣ, въ лѣсахъ дикихъ грушъ и яблонь и орѣшникахъ. Кукурузѣ свиньи причиняютъ такой вредъ, что въ періодъ созрѣванія ея туземцы устроиваютъ спеціальную охрану кукурузныхъ плантацій.

Николай, между прочимъ, жаловался, что русскимъ охотникамъ не дозволяютъ имѣть берданокъ, изъ опасенія, что русскіе охотники будутъ продавать ихъ туземцамъ. Вслѣдствіе этого приходится охотиться съ ружьями старыхъ, плохихъ системъ. Впо-

слѣдствіи жалобу эту мнѣ пришлось услышать и отъ другихъ охотниковъ.

Послѣ ужина мы улеглись спать въ телѣгѣ, но долго не могъ я уснуть, любуясь южною ночью. Милліоны звѣздъ ярко горѣли на высокомъ темно-синемъ небѣ. Свѣжій горный воздухъ напоенъ былъ ароматами луга, обрамленнаго лѣсистыми, казавшимися черными горами. Ритмично шумѣла Кара-Су, бѣлѣя игривыми волнами своими въ темныхъ берегахъ. И это были единственные звуки среди глубокаго покоя природы.

Ранняя заря была еще очаровательнѣе. Какъ алмазы горѣли капли росы на сочной высокой травѣ; сверкали и бурлили холодныя струи Кара-Су; темно-зеленые лѣса окружающихъ горъ еще погружены были въ тѣнь, а возвышающіяся за ними на юго-западѣ скалы уже зарумянились отъ лучей еще невидимаго солнца, и дивно бѣлѣли три снѣжные пика какой-то громадной вершины.

Скоро проснулись и мои спутники.

Напившись чаю и оставивъ Николая запрягать лошадей, мы отправились впередъ пѣшкомъ, перейдя черезъ перекладину на правый берегъ Кара-Су. Тропинка шла по сильно росистому еще лугу и привела къ дорогѣ, шедшей по направленію къ Череку, шумѣвшему съ лѣвой стороны подъ крутыми бѣлыми скалами, поросшими лѣсомъ. Версты черезъ 1 ½—2 мы достигли поэтическаго мостика, безъ перилъ, переброшеннаго на громадной высотѣ черезъ ревущій Черекъ.

Сейчасъ за мостомъ мы по тропѣ поднялись на ближайшую лѣсистую гору, и взору нашему открылась по истинѣ очаровательная картина.

Внизу, близъ подошвы горы, среди зеленой долины виднѣлось круглое озеро въ тѣни большихъ деревъ, отчетливо отражавшихся въ его зеркальной, изумрудной поверхности. За озеромъ легкою прозрачною дымкою курилась темно-зеленая стѣна ущелья Чурека, замыкавшаяся вдали необычайной бѣлизны снѣжными пиками и красноватыми скалами. Длинныя, узкія ярко-золотистыя облачка лѣниво плыли близъ утесовъ и скрывались одно за другимъ въ невѣдомыхъ отдаленныхъ ущельяхъ. Тамъ и сямъ въ необъятной бирюзовой выси поднебесной, какъ точки, плавали орлы.

Все было хорошо, но насъ особенно занимало озеро, о которомъ мы слышали не мало восторженныхъ отзывовъ отъ предшествовавшей намъ компаніи. И, спустившись съ горы, мы немедленно направились къ нему.

Отъ озера дѣйствительно вѣяло чѣмъ-то таинственнымъ, фантастическимъ. Необыкновенно тихое, молчаливое, безъ всякихъ признаковъ органической жизни, оно, казалось, замерло на-вѣки, похоронивъ въ необычайно чистыхъ и очень глубокихъ водахъ своихъ большія деревья. Послѣднія, съ громадными сучьями и вѣтвями, покрытыя мхомъ и водорослями, ясно виднѣлись подъ водою, отсвѣчивая голубовато-серебристымъ оттѣнкомъ [1]). Такой отблескъ имѣли и виднѣвшіеся на днѣ озера камни. Правильная круглая форма озера, какъ бы выточенные овальные берега его, воронкообразное углубленіе дна, сѣрнистый запахъ и высокія горы, окружающія озеро, невольно наводили на мысль, что это— кратеръ на-вѣки или временно потухшаго вулкана [2]). Особенно сильный сѣро-водородистый запахъ издавала чистая, свѣтлая рѣчка, выходящая изъ озера.

Рѣчка эта течетъ въ густой заросли. На ней, въ недалекомъ разстояніи отъ впаденія въ Черекъ, пріютились двѣ поэтическія горныя мельницы и заброшенная грязная сакля [3]).

Николай, нагнавшій насъ на озерѣ, замѣтивъ восторженное настроеніе наше отъ окружавшей природы, улыбаясь, замѣтилъ: „Это еще что̀! Вотъ дальше увидите много получше. Ужъ на что я привыкъ ѣздить по этой дорогѣ, а и то въ тѣхъ мѣстахъ всегда удивляюсь“.

И дѣйствительно, дальше на каждомъ шагу открывались все новыя и новыя картины; одинъ видъ конкуррировалъ съ другимъ по своей оригинальности и величію.

Ущелье сдвигалось все больше и больше, пока не превратилось въ сплошной скалистый коридоръ. Внизъ спускались пропасти, откуда чуть-чуть доносился шумъ Черека; надъ дорогою скалы поднимались къ небу. Куда ни посмотришь—духъ захватываетъ, голова кружится! Вотъ съ недосягаемой высоты, среди зелени деревъ, съ шумомъ и звономъ несется горный потокъ. Разбиваясь о камни, бриллiантами блещутъ брызги и пѣна его чистой, холодной, какъ ледъ воды. Пересѣкши дорогу, потокъ, стремясь къ Череку, спрыгиваетъ внизъ и замираетъ шумъ его среди лѣсовъ темной бездны.

---

[1]) Вѣроятно это обстоятельство и послужило причиною названіе озера „голубымъ“, хотя на самомъ дѣлѣ цвѣтъ воды—зеленоватый

[2]) Впослѣдствіи мы узнали, что такія же озера были и на горѣ, на которую мы поднимались. Но расположены они выше, въ лѣсу и въ болотистой мѣстности.

[3]) На всѣхъ малыхъ и большихъ горныхъ рѣчкахъ попадается не мало мельницъ. Обыкновенно горцы отводятъ воду въ особые каналы, по которымъ она и идетъ къ мельничнымъ примитивнымъ турбинамъ, падая изъ нихъ на лопасти своеобразныхъ колесъ и приводя послѣднія въ движеніе.

А вотъ грозный обвалъ. Земля и небо, вѣроятно, содрогались, когда рушились эти куски скалъ—въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ каждая.

Старые обвалы природа убрала уже мхами и деревьями, а новые валяются въ безпорядочномъ хаосѣ, заставляя путешественниковъ скорѣе миновать ихъ.

И эти каскады, водопады, обвалы и осыпи встрѣчаются очень часто. Прибавьте къ этому разнообразную, мощную растительность, тамъ и сямъ бѣлѣющія изъ-за скалъ снѣжныя вершины, голубое небо, жаркое солнце, свѣтъ и тѣни—и вы поймете всю прелесть описываемой части балкарской дороги. Дальше она носитъ другой характеръ. Но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь скажемъ, что колесная дорога въ Балкарію проведена очень недавно,—кажется, въ 1893 году,—а раньше былъ лишь верховой путь, видный и теперь по ту сторону Черека [1]).

Сооруженіе колесной дороги обошлось въ 70.000 или 80.000 руб., причемъ приходилось взрывать горы, пробить два тоннеля и ломать скалы. И теперь путь въ Балкарію настолько широкъ, что мы безъ труда разъѣзжались со скрипучими арбами, запряженными лѣнивыми волами, съ многочисленными верховыми горцами, одѣтыми въ бурки и покрытыми папахами, несмотря на 30-ти градусный зной, и съ десятками маленькихъ осликовъ, навьюченныхъ всякою всячиною.

Нѣкоторыя лица, проѣзжавшія по военнымъ грузинской и осетинской дорогамъ, говорили мнѣ, что описанная часть пути въ Балкарію красивѣе и величественнѣе двухъ первыхъ. Если это даже и не совсѣмъ вѣрно, все-же дорога въ Балкарію заслуживаетъ вниманія ѣдущихъ на Кавказъ.

Приблизительно отъ второго тоннеля начинается вторая часть пути, совсѣмъ не похожая на описанную. Отсюда дорога вступаетъ въ верхнюю Балкарію, въ печальныя безлѣсныя скалы, покрытыя лишь скудною травою [2]). У подножія этихъ скалъ и на разныхъ высотахъ ихъ, до 5.000 и болѣе футовъ, тамъ и сямъ виднѣлись аулы, пасшійся скотъ, сложенное въ стога сѣно, разбросанныя поляны, засѣянныя ячменемъ. Въ долинѣ поля орошались арыками.

Вотъ этотъ-то мрачный уголокъ и называется собственно Балкаріею, хотя, какъ мы выше говорили, сами балкарцы счи-

---

[1]) Отсутствіемъ колесной дороги, вѣроятно, и объясняется, что Балкарія, собственно говоря, terra incognita для большой русской публики и до сихъ поръ.

[2]) Существуетъ преданіе у мѣстныхъ жителей, что нѣкогда скалы верхней Балкаріи также были покрыты густымъ лѣсомъ, но онъ, будто бы, срубленъ.

таютъ страну свою отъ аула Кашканталъ и раздѣляютъ на верхнюю и нижнюю.

Около пяти часовъ пополудни мы прибыли въ послѣдній аулъ Балкаріи—*Кунимъ*—и остановились въ волостномъ правленіи, единственномъ, если не считать мечети, деревянномъ домѣ, затерявшемся среди валунныхъ саклей. Черезъ нѣкоторое время Николай заявилъ, что „въ аулѣ ничего нельзя достать: нѣтъ ни хлѣба, ни сѣна, ни дровъ".

Это обстоятельство заставило насъ поспѣшить ознакомиться съ жизнью кунимцевъ; съ этою цѣлью мы сейчасъ же отправились къ князю Нухтѣ Абаеву-Батàшеву, окончившему нальчикскую горную школу и единственному интеллигентному,—сравнительно,—человѣку на всю верхнюю Балкарію [1]). Онъ живетъ очень высоко, на скалѣ противоположнаго берега Черека, и намъ пришлось не безъ труда взбираться по узкимъ тропамъ среди саклей. Послѣднія производили самое гнетущее впечатлѣніе.

Всѣ онѣ сложены исключительно изъ камней-валуновъ и вмѣсто оконъ имѣютъ лишь небольшія отверстія; плоскія крыши саклей покрываются землею; на нихъ ростетъ трава, причемъ на нѣкоторыхъ крышахъ мы видѣли пасущихся ословъ. Самая ужасная курная крестьянская изба, которыхъ мнѣ приходилось видѣть не мало, на мой взглядъ, во много разъ превосходитъ лучшую саклю, напоминающую скорѣе стойла для скота, чѣмъ человѣческое жилье.

Валунныя же изгороди для скота и дворы отличались отъ саклей только отсутствіемъ крышъ. Въ этихъ изгородяхъ и дворахъ совершенно невѣроятная вонь и грязь, застоявшіяся болотца, переполненныя скотскими экскрементами. Нерѣдко возлѣ этихъ лужъ и у дверей саклей ползали и играли совершенно голыя дѣти.

Съ любознательностью дикарей насъ сопровождали много женщинъ и дѣвушекъ, говорившихъ на непонятномъ для насъ

[1]) Къ слову сказать, въ балкарскомъ, какъ и во всѣхъ горскихъ обществахъ, нѣтъ ни одной русской школы, а другихъ они и имѣть не могутъ, такъ какъ у балкарцевъ нѣтъ своей письменности. Лишь при мечетяхъ, въ медресе, муллы обучаютъ нѣкоторыхъ дѣтей арабскому языку, чтобы читать коранъ. Словомъ, балкарцы—совершенно дикіе, темные, невѣжественные и полунищіе люди. Принимая во вниманіе всѣ эти ужасныя условія существованія балкарцевъ, нужно удивляться ихъ выносливости и добродушію. За исключеніемъ родовой мести и похищеній скота, намъ не приходилось слышать объ особенныхъ преступленіяхъ въ ихъ средѣ, а въ пути мы не имѣли ни одной даже малѣйшей непріятности. Наоборотъ, при встрѣчахъ балкарцы въ громадномъ большинствѣ случаевъ улыбались и любезно привѣтствовали насъ.

нарѣчіи. Другія любопытствующія женщины и дѣти выглядывали и изъ саклей, и съ крышъ. У большинства женщинъ и дѣвушекъ были крайне истомленныя, худыя и старческія лица; почти каждая изъ нихъ держала въ рукахъ веретено съ шерстью и искусно пряла на ходу.

У князя Абаева-Баташева,—встрѣтившаго насъ весьма радушно и любезно,—мы застали торжество: праздновалась свадьба его брата. По этому случаю во дворѣ виднѣлось не мало балкарцевъ, балкарокъ и ихъ дѣтей. Послѣ нѣкотораго замѣшательства, явившагося слѣдствіемъ нашего прихода, начались горскіе танцы подъ русскую гармонію, на которой очень плохо играла молодая, неуклюжая балкарка.

Сначала танцовали лезгинку. Намъ невольно припомнилась при этомъ лезгинка Рубинштейна въ его „Демонѣ".

Въ звукахъ гармоніи мы уловили только одинъ мотивъ, какъ будто что-то напоминающій изъ лезгинки въ „Демонѣ", а въ танцахъ не было ничего общаго съ тою чудною лезгинкою, которую приходилось не разъ видѣть на петербургской и московской сценахъ. Здѣсь ее, какъ и всѣ другіе танцы, исполняли вяло, монотонно, безжизненно, словно это была какая-то тяжелая обязанность. Среди собравшихся вовсе не было веселыхъ и красивыхъ женщинъ. Всѣ онѣ худыя, плоскогрудыя, какія-то истомленныя.

Да это и очень естественно. Положеніе горскихъ женщинъ убійственное. Благодаря тому обстоятельству, что въ 14, даже 13 и 12 лѣтъ онѣ уже выходятъ замужъ и дѣлаются матерями, старѣютъ балкарскія женщины очень и очень рано. Помимо этого, вся тяжесть домашней работы цѣликомъ лежитъ на нихъ. Кромѣ того, горская женщина вѣчно сидитъ въ дымной, полутемной, грязной до-нельзя саклѣ.

Среди мужчинъ, наоборотъ, попадается очень много положительныхъ красавцевъ. И почти всѣ мужчины обладаютъ граціозною, изящною фигурою. Ловкіе наѣздники, мужчины постоянно разъѣзжаютъ верхомъ, всегда на воздухѣ и работаютъ, по общему мнѣнію, много меньше женщинъ, а „привилегированное сословіе", князья и дворяне („уздени"), кажется, и вовсе ничего не дѣлаютъ или, во всякомъ случаѣ, работаютъ очень и очень мало. Вдоволь насмотрѣвшись на однообразные танцы, которымъ не предвидѣлось конца, на шалости оборванныхъ дѣтей, вносившихъ большое оживленіе въ празднество, мы отправились обратно въ волостное правленіе, причемъ съ нами ушелъ и Абаевъ.

Въ волостномъ правленіи устроили чай, за которымъ Абаевъ разсказывалъ намъ о печальной жизни горцевъ своего аула [1]).

Помимо Абаева, во дворѣ волостного правленія набралось немало мужчинъ-горцевъ, въ большинствѣ пожилыхъ, глазѣвшихъ на насъ и дразнившихъ какого-то помѣшаннаго старика, который, при общемъ хохотѣ, рычалъ и дрался палкою, когда отъ него хотѣли отобрать чай и хлѣбъ, данные нами. При этомъ горцы хохотали до упаду, и никто не могъ понять, что сцена эта для насъ болѣе чѣмъ тяжела, а уговоры Абаева—бросить травить сумасшедшаго—оставались безъ всякихъ результатовъ.

Насъ не мало удивляло, что волостной писарь не принималъ участія въ нашихъ бесѣдахъ, былъ очень сухъ и молчаливъ. Но когда поздно вечеромъ горцы ушли, онъ подошелъ къ намъ, и изъ бесѣды выяснилось, что писарь, во-первыхъ, абсолютно не понимаетъ балкарскаго языка, а во-вторыхъ, всѣхъ безъ исключенія горцевъ считаетъ за воровъ, мошенниковъ и обманщиковъ, почему и не принималъ участія въ общемъ чаѣ. Такое высокомѣрное и подозрительное отношеніе къ туземцамъ намъ приходилось встрѣчать на каждомъ шагу со стороны русскихъ вообще и начальства въ особенности. И врядъ ли такая „политика“ можетъ дать благіе результаты.

Переночевавъ на крыльцѣ волостного правленія, мы проснулись очень рано, когда дикія скалы, высившіяся на противоположномъ берегу Черека, чуть-чуть подернулись розовымъ свѣтомъ. Мы спѣшили осмотрѣть кладбище, увидѣть обѣщанную Абаевымъ джигитовку и скорѣе уѣхать, такъ какъ лошадямъ нечего было ѣсть, да и намъ удалось достать лишь щедро разведенное водою молоко, которое мы не могли пить, да кусокъ грязнаго, такъ называемаго „осетинскаго“ сыра, кажется, изъ козьяго молока. Вообще, въ этомъ аулѣ, какъ и во всѣхъ, было лишь изобиліе великолѣпной воды, потому что, помимо Черека, здѣсь вливается въ него превосходная горная рѣка Иртышъ-хи и, кромѣ того, есть великолѣпная ключевая вода.

Кладбище представляло собою какой-то дикій каменный хаосъ, среди котораго тамъ и сямъ возвышались памятники. Но что особенно привлекло наше вниманіе, такъ это ряды камен-

---

[1]) Между прочимъ, Абаевъ сообщилъ, что въ городѣ Балкаріи найдены мѣдныя и свинцовыя руды. Нѣкій Эмерикъ выразилъ желаніе разработывать ихъ и уже заключилъ условіе объ арендованіи горскихъ земель, но балкарцы, живущіе на „плоскогорьѣ“, т.-е. въ нижней Балкаріи, запротестовали, доказывая, что названныя руды находятся на земляхъ, принадлежащихъ „къ плоскогорью“. Дѣло передано теперь въ судъ, и балкарцы ждутъ рѣшенія.

ныхъ пещеръ съ небольшими отверстіями, заполненныхъ массою человѣческихъ костей, цѣлыхъ скелетовъ и даже высохшихъ труповъ съ сохранившимися волосами и одеждою.

Мѣстная легенда гласитъ, будто бы въ отдаленныя времена въ Кунимѣ свирѣпствовала какая-то ужасная эпидемическая болѣзнь, въ родѣ проказы. Для больныхъ этою болѣзнью, будто бы, и сооружены катакомбы. Туда засаживали ихъ десятками, подавая пищу черезъ отверстія, и тамъ больные умирали, и умирали, конечно, не всѣ въ одно время, такъ что живымъ приходилось находиться среди труповъ.

Какъ увидимъ ниже, легенда эта подвергается сомнѣнію, но намъ думается, что если бы въ горскихъ аулахъ сейчасъ проявилась какая-либо эпидемія, пришлось бы, вѣроятно, прибѣгнуть къ такимъ же катакомбамъ и въ XX вѣкѣ, потому что здѣсь медицинская помощь совершенно отсутствуетъ.

Что касается сомнѣнія относительно происхожденія названныхъ пещеръ, то я узналъ объ этомъ совершенно случайно. Въ Кунимѣ мнѣ, между прочимъ, передавали, что аулъ этотъ посѣтила графиня Уварова и брала въ катакомбахъ черепа.

На археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ я бесѣдовалъ по этому поводу съ графинею Уваровой, и она сообщила мнѣ, что лично въ Кунимѣ не была, а ѣздилъ туда проф. Миллеръ, который полагаетъ, что кунимскія пещеры—это не что иное, какъ особый типъ погребенія.

Послѣ осмотра кладбища мы ждали увидѣть джигитовку, обѣщанную намъ княземъ Абаевымъ, но она не удалась, такъ какъ явился лишь одинъ джигитъ.

Тогда остатокъ времени употребленъ былъ на осмотръ принадлежащихъ глубочайшей старинѣ башенъ, виднѣвшихся на скалахъ, окружающихъ аулъ, и на кладбищѣ. Всѣ онѣ имѣютъ форму усѣченныхъ пирамидъ, снаружи оштукатурены, а внутри изъ стѣнъ торчатъ валуны, изъ которыхъ башни сложены.

Князь Абаевъ совершенно основательно замѣтилъ, что современные жители аула, пожалуй, не съумѣли бы соорудить такихъ башенъ и такъ прочно оштукатурить ихъ. Что касается происхожденія башенъ, то рѣшительно никто не знаетъ даже легендъ, относящихся ко времени ихъ возникновенія. Одно только обстоятельство даетъ возможность заключить о давности—это кресты, выдѣланные въ самомъ верху стѣнъ, между тѣмъ какъ всѣ жители—магометане. На вопросъ, предложенный Абаеву, чѣмъ объяснить эти кресты, онъ отвѣтилъ, что существуетъ преданіе, что когда-то жители Кунима были христіане. Не при-

надлежатъ ли эти башни къ тѣмъ „остаткамъ христіанства“, о которыхъ упоминаетъ проф. Вс. Миллеръ въ свѣдѣніяхъ о горцахъ, выше нами приведенныхъ?

По осмотрѣ башенъ, мы, въ сопровожденіи любезнаго князя Нухты-Абаева, уѣхали изъ Кунима, не побывавъ на ледникахъ Дыхъ-тау и Каштанъ-тау, главнымъ образомъ потому, что, какъ мы говорили, не было корма для лошадей, и потому, что я долженъ былъ спѣшить въ Нальчикъ, чтобы ѣхать къ подножію Эльбруса.

Обратный путь изъ Балкаріи въ Нальчикъ можно было проѣхать почти вдвое быстрѣе, такъ какъ приходилось все время спускаться съ горъ, но хотѣлось еще разъ полюбоваться чудною природою, и мы дѣлали привалы и ночевали почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ это дѣлали, когда ѣхали изъ Нальчика.

И. П. Бѣлоконскій.

ПОСЛѢДНІЙ ВѢНОКЪ

I.

Какая красота!.. Какъ вольно дышетъ грудь...
Какъ свѣтомъ солнечнымъ весь воздухъ напоёнъ!
Къ туманнымъ днямъ зимы привыкшій глазъ взглянуть
На возрожденный вновь не смѣетъ небосклонъ.
Весна, опять весна!.. Горячій солнца лучъ
И талая вода—два вѣчныхъ чародѣя—
Въ лѣсахъ, среди полей, средь голыхъ скалъ и кручъ,
Повсюду будятъ жизнь... Вновь ярко зеленѣя,
Трава спѣшитъ прикрыть земную наготу;
Сирени кустъ вотъ-вотъ свои раскроетъ почки;
А тамъ, въ затишьи скалъ, какую красоту
Являютъ персика прекрасные цвѣточки:
Какъ звѣздочки, кругомъ всю вѣтку облѣпивъ,
Рой нѣжныхъ лепестковъ, чуть розовыхъ бѣлѣетъ;
На вѣткахъ тоненькихъ черешенъ, яблонь, сливъ
Живая сила вновь, переливаясь, зрѣетъ.
Весна, опять весна, во всей красѣ и силѣ.
Но милой—нѣтъ... она—вы знаете—въ могилѣ.

II.

О, милая, вчера былъ вечеръ такъ прекрасенъ,
Сводъ неба такъ былъ чистъ, и такъ глубокъ и ясенъ...
А я стоялъ одинъ и думалъ: счастье—сонъ,
Былъ данъ на мигъ, исчезъ—и не вернется онъ...

Вотъ бѣдный холмикъ твой... Средь желтыхъ стебельковъ
Увянувшей травы я вижу ясно вновь
Побѣги свѣжіе. Но травки оживанье
Бывало—милое, теперь—одно страданье...
На кладбищѣ пустомъ, средь жуткой тишины,
Тоска меня грызетъ; я думаю: о, да,
Былинка оживетъ подъ чарами весны,—
А та, что здѣсь лежитъ въ могилѣ? Никогда!..
И развѣ то, что здѣсь подъ дерномъ больше года,
Такъ развѣ жъ это ты?.. И какъ могла природа
То сочетаніе ума и красоты
И чуткой совѣсти, какимъ являлась ты,
Убить безвременно?—Вѣнецъ и перлъ творенья
И жалкая трава—равно добыча тлѣнья...

III.

Я въ полѣ былъ съ дѣтьми. Нашъ маленькій усталъ;
Дорога шла все вверхъ, по склонамъ сѣрыхъ скалъ;
Я поднялъ на руки усталое дитя
И несъ, баюкая и ласково шутя.
А вотъ и домикъ нашъ; мы входимъ—самоваръ
Блеснулъ привѣтливо, струится тонкій паръ...
Скорѣй кормить дѣтей, вотъ хлѣбъ и молоко—
Мнѣ такъ все хочется, чтобъ весело, легко
И шумно было здѣсь, чтобъ въ домѣ жизнь цвѣла,
Какъ было прежде, до... когда здѣсь ты была...
Гнетъ горя и тоски—мертвящій, тяжкій гнетъ:
Подъ бременемъ его душа не расцвѣтетъ.
Прекрасный образъ твой въ сердцахъ твоихъ дѣтей,
Какъ лучшій кладъ души, я свято охраняю,
Но въ блескѣ радостныхъ сверкающихъ лучей
Я образъ матери усопшей вызываю...
Мнѣ можно горевать, но дѣтямъ надо жить,
Я долженъ охранять невѣрной жизни нить.
И, сердце сжавъ, сажусь, гдѣ ты всегда сидѣла,
И замѣнить тебя пытаюсь неумѣло.
И длился мирно часъ... И если бъ легкой тѣнью,
Какъ въ сказкахъ, вопреки безвѣрью и сомнѣнью,
Явилась ты съ небесъ въ вечерній этотъ часъ,—
Съ улыбкой и безъ слезъ взглянула бъ ты на насъ:

Такъ дѣти весело, какъ прежде, щебетали,
Забывъ застывшую вкругъ насъ волну печали...
Но маленькій ужъ сытъ; весь полный сонной лѣни
И теплый, онъ ко мнѣ взобрался на колѣни,
Прижался и лежитъ, какъ будто засыпая...
И я съ отрадою подумалъ: доля злая
Невластна возмутить покой души дитяти;
Еще мгновеніе—и въ маленькой кровати
Покойно онъ уснетъ. Но мальчикъ вдругъ вздохнулъ
И, вскинувъ ручки вверхъ по мягкой спинкѣ кресла,
Съ тоской недѣтскою тихонько мнѣ шепнулъ:
—„Охъ, если бъ мамочка скорѣй бы да воскресла"!..

М. Филипскій.

ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

для

КРЕСТЬЯНЪ

Нѣтъ необходимости указывать, что съ переходомъ натуральнаго хозяйства въ денежное, съ развитіемъ мірового рынка, съ приростомъ населенія, съ возростаніемъ культурныхъ потребностей, крестьянское земледѣліе и крестьянскіе промыслы такъ же нуждаются въ болѣе совершенной техникѣ, какъ и всякое другое промышленное предпріятіе. И дѣйствительно, несмотря на многія неблагопріятныя условія, въ особенности — отсутствіе нормальнаго благоустроеннаго народнаго кредита и недостаточность даже элементарнаго образованія,—мы видимъ въ послѣдніе годы въ крестьянскомъ хозяйствѣ усиливающуюся тенденцію къ улучшенію пріемовъ земледѣлія, что̀ сказывается пока, главнѣйшимъ образомъ, въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ примѣненіи усовершенствованныхъ орудій и машинъ, и развитіи травосѣянія. Но необходимость въ улучшенной техникѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ возростаетъ съ каждымъ днемъ; на очереди стоятъ: введеніе раціональныхъ плодосмѣновъ, воздѣлываніе промышленныхъ растеній, улучшеніе скотоводства и молочнаго производства, меліорація луговъ и т. п. Не менѣе, конечно, нужна совершенная техника и въ кустарныхъ промыслахъ. Новыя производственныя отношенія и въ Россіи уже настолько развились и расширились, что всѣ слабыя и рутинныя предпріятія, казалось бы, уже заранѣе обречены на гибель. Не даромъ еще недавно, въ девяностыхъ годахъ, извѣстная литературная школа, а также и нѣ-

которые оффиціальные культуртрегеры пѣли отходную надъ крестьянской промышленностью, долженствующею уступить мѣсто крупному капиталистическому производству. Это была, конечно, наивная ошибка въ перспективѣ. Кустарные промыслы не могутъ исчезнуть въ земледѣльческой странѣ съ 140-милліоннымъ населеніемъ, въ странѣ, физико-географическія условія которой таковы, что земледѣльческія работы въ ней занимаютъ у населенія въ теченіе года пять-шесть мѣсяцевъ. Очевидно, было бы крайнимъ абсурдомъ въ жизни государства, если бы въ немъ десятки милліоновъ взрослаго населенія въ теченіе шести свободныхъ отъ земледѣлія зимнихъ мѣсяцевъ лежали „на печкѣ съ подтянутыми животами, безъ движенія" (для сохраненія жизненной энергіи и теплоты тѣла), подобно псковскимъ мужикамъ, о которыхъ недавно повѣдали міру псковскіе статистики.

Уже въ силу этихъ естественныхъ условій громадной по территоріи страны, кустарные промыслы должны и будутъ существовать въ Россіи, независимо отъ вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ фабричнаго производства и кустарной промышленности. Фабричная промышленность не можетъ поглотить даже избытка земледѣльческаго населенія, не говоря уже о томъ, чтобы занять послѣднее, въ свободное отъ земледѣлія, время. Въ недавніе годы расцвѣта у насъ фабричнаго производства, обязаннаго всяческому покровительству государства,—всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ этомъ производствѣ, было лишь около 1% населенія Россіи, а въ настоящее время, въ виду промышленнаго кризиса, и того меньше. При томъ же и этотъ 1% не представляетъ фабричнаго пролетаріата, а въ значительнѣйшей части состоитъ изъ рабочихъ, еще связанныхъ съ землей и съ земледѣліемъ.

Итакъ, 88% населенія Россіи не могутъ не заниматься кустарными промыслами. Но тѣмъ не менѣе точно такъ же, какъ крестьянское земледѣліе, и крестьянскіе промыслы не могутъ болѣе оставаться въ прежнемъ рутинномъ состояніи; даже болѣе: хозяйственныя условія новаго времени требуютъ для кустарныхъ промысловъ еще бо̀льшаго приложенія совершенной техники и капитала, до примѣненія механической и паровой силы включительно, чѣмъ для крестьянскаго земледѣлія, что̀ обусловливается уже самой сущностью обработывающей промышленности. И въ сферѣ кустарной промышленности необходимымъ становится обобществленіе производства; должна совершаться, такъ сказать, капитализація промысловъ на кооперативной почвѣ.

Но для всего этого нужны техническія знанія при сравни-

тельно высокой общей интеллектуальности (оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о доминирующемъ значеніи благоустроеннаго сельскаго кредита). Откуда же ихъ взять крестьянамъ?

Значительную роль въ реформѣ крестьянскаго земледѣлія имѣли и имѣютъ пока лишь земскіе „сельскохозяйственные склады" и, какъ консультанты при нихъ, земскіе агрономы. Воздѣйствіе же низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, и техническихъ школъ различныхъ вѣдомствъ на крестьянское хозяйство и промыслы почти отсутствуетъ. Эти дорогія и громоздкія учебныя заведенія мало отвѣчаютъ широкой потребности населенія въ спеціальномъ образованіи. Въ особенности низшія сельскохозяйственныя школы служатъ, какъ это было не разъ констатировано и въ печати, и на съѣздахъ сельскихъ хозяевъ и дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Москвѣ, исключительно интересамъ частновладѣльческихъ экономій и лишь въ незначительной мѣрѣ—общественной агрономіи. И это, конечно, совершенно понятно и естественно. Число ихъ, вслѣдствіе ихъ дороговизны, ничтожно по отношенію къ массѣ крестьянскаго населенія. Казенныя и земскія низшія сельскохозяйственныя школы, устроиваемыя по такъ-называемому нормальному положенію, выработанному министерствомъ земледѣлія, стоятъ очень дорого: первоначальное обзаведеніе ихъ не менѣе 35.000 р. [1]), не считая цѣнности земли (обыкновенно 500 десятинъ); ежегодное содержаніе, въ среднемъ, 10.500 р., не считая аренды за землю и суммъ, расходуемыхъ различными учрежденіями и лицами въ видѣ стипендій и платы за пансіонъ.

Программа теоретическихъ и практическихъ занятій въ большинствѣ этихъ школъ слишкомъ обширна и, въ то же время, узко-шаблонна: одна для всѣхъ условій, для всѣхъ мѣстностей, совмѣщаетъ въ себѣ и изученіе основъ естественныхъ наукъ, земледѣлія и зоотехніи, и хозяйственную практику, и всевозможныя спеціальныя отрасли сельскаго хозяйства и сельскохозяйственно-техническихъ производствъ, и ремесла: столярное, слесарно-кузнечное и пр., и пр., изъ которыхъ каждое одно само

---

[1]) Какъ велики могутъ быть единовременные и ежегодные расходы при учрежденіи земствомъ низшей сельскохозяйственной школы, показываетъ примѣръ уфимскаго земства: Белебеевская низшая сельскохозяйственная школа уфимскаго губернскаго земства потребовала единовременныхъ расходовъ на постройки 55.000 р., на обзаведеніе 16.800 р.; расходы же на содержаніе колеблются отъ 13.416 р. до 27.337 р. въ годъ. Ежегодные расходы конь-колодезской школы воронежскаго губернскаго земства составляютъ, въ среднемъ, 21.000 р., достигая до 24.457 р.

по себѣ уже требуетъ продолжительнаго курса обученія. Питомцы ихъ должны быть фантастическими универсальными техниками, и потому не могутъ изучить ни одного предмета настолько основательно, чтобы быть послѣ школы хорошими практиками, стоящими на собственныхъ ногахъ. Они обучаются понемногу всему и какъ-нибудь. Неудивительно поэтому, что число оканчивающихъ полный курсъ въ этихъ школахъ крайне мало по отношенію къ числу поступающихъ; большая часть учениковъ оставляютъ школу недоучками. Достаточно сказать, что нѣкоторыя большія и дорогія перворазрядныя школы выпускаютъ ежегодно всего трехъ-пять человѣкъ, закончившихъ полный курсъ ученія. Но и тѣ немногіе счастливцы, которые кончаютъ школу, въ большинствѣ случаевъ выходятъ ни павы—ни вороны, ни ученые—ни практики, ни „мужики"—ни „господа", а способны быть лишь ключниками, надсмотрщиками работъ, конторщиками, писцами и т. п. Къ сожалѣнію, нѣтъ статистики распредѣленія по жизненнымъ поприщамъ лицъ, учившихся въ низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. Изъ моихъ личныхъ наблюденій я знаю, что эти лица очень часто поступаютъ на мѣста, не имѣющія ничего общаго съ земледѣліемъ,—напримѣръ, писцами губернскихъ правленій.

Безспорный фактъ, что питомцы сельскохозяйственныхъ школъ никогда не возвращаются въ свою крестьянскую среду. Даже въ „крестьянскихъ"—вятской и пермской—губерніяхъ, гдѣ эти школы устроивались земскими дѣятелями съ исключительной цѣлью внесенія спеціальныхъ знаній въ крестьянскую массу, и гдѣ, по окончаніи курса, питомцы въ видѣ преміи снабжались улучшенными сельскохозяйственными орудіями, они, все-таки, всегда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уходили отъ своихъ отцовъ, будучи уже не въ состояніи выносить обычныхъ условій крестьянской жизни, отъ которыхъ отвыкли за годы пребыванія въ школѣ. Ихъ уже влечетъ къ себѣ какое-нибудь жалкое мѣстишко канцелярскаго писца или ключника въ экономіи, суля имъ по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны болѣе „культурную" обстановку и свободу отъ деревенской „тяготы". Все это понятно тѣмъ болѣе, что трактуемыя школы, отрывая совершенно на нѣсколько лѣтъ подростка отъ семьи, и заполняются въ настоящее время не дѣтьми нормальныхъ крестьянскихъ семействъ, а различными „неудачниками" и „недоучками", уволенными изъ городскихъ среднихъ школъ, принадлежащими ко всякаго рода разночиннымъ и мѣщанскимъ семьямъ, и только частью въ лучшемъ случаѣ лишними членами многолюдныхъ или очень состоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ. Поэтому у бо́льшей части питомцевъ,

по окончаніи сельскохозяйственной школы, и нѣтъ своего хозяйства, куда они могли бы „возвратиться“ и внести свѣтъ знанія въ крестьянскую среду.

Еще болѣе ненормально, чѣмъ казенныя и земскія, поставлены низшія сельскохозяйственныя школы при частныхъ экономіяхъ. Это школы, открываемыя по тому же нормальному положенію 1883 года, что и казенныя и земскія, но лишь субсидируемыя министерствомъ земледѣлія въ размѣрѣ 3.000—4.000 рублей ежегодно. Учебнымъ хозяйствомъ для такихъ школъ и служитъ хозяйство владѣльца, на поляхъ котораго и работаютъ питомцы. Фактическимъ распорядителемъ („попечителемъ“) школы при этомъ является владѣлецъ имѣнья, хотя при каждой школѣ и состоитъ такъ называемый управляющій школы, числящійся на службѣ министерства и содержаніе получающій также отъ послѣдняго. Подобныя школы рѣдко бываютъ въ хорошемъ состояніи. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ школъ, съ одной стороны, несмотря на большіе бюджеты (кромѣ ежегодной субсидіи въ 3.500 руб. отъ министерства, эти школы нерѣдко получаютъ также значительныя ежегодныя субсидіи отъ земства), нѣтъ ни одной химической реторты, никакихъ учебныхъ пособій по естествознанію, хотя въ программу ихъ входятъ значительные курсы химіи и другихъ естественныхъ наукъ, а съ другой стороны—имѣетъ мѣсто чрезмѣрное обиліе практическихъ занятій, но занятій особаго рода, интересныхъ лишь въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ данной экономіей. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ школахъ при свеклосахарныхъ хозяйствахъ, ученики изучаютъ „совершенные пріемы земледѣлія“ довольно-таки односторонне, будучи обязаны ежедневно съ ранней весны до поздней осени стоять лишь надсмотрщиками за работницами на бурачныхъ плантаціяхъ. Между тѣмъ, конечно, по недоразумѣнію, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, повидимому, охотнѣе всего открываетъ школы при частновладѣльческихъ экономіяхъ.

Но, все равно, какія бы достоинства или недостатки ни имѣли низшія сельскохозяйственныя школы „по нормальному положенію“, число ихъ не можетъ быть настолько значительнымъ, чтобы удовлетворять потребность крестьянскаго населенія въ сельскохозяйственныхъ знаніяхъ. Я остановился на отрицательныхъ сторонахъ ихъ только для того, чтобы подчеркнуть несоотвѣтствіе ихъ намѣреніямъ и желаніямъ тѣхъ земствъ, которыя, устроивая или субсидируя сельскохозяйственныя школы, ошибочно видятъ въ нихъ разсадники сельскохозяйственныхъ

знаній въ крестьянской массѣ. До сихъ поръ еще не прошло увлеченіе нѣкоторыхъ земствъ этими школами; до сихъ поръ иногда приходится слышать въ земскихъ собраніяхъ заявленія, что на первый планъ земской сельскохозяйственно-экономической дѣятельности должно быть поставлено открытіе низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ указаннаго типа, а не учрежденіе сельскохозяйственныхъ складовъ, не дѣятельность земскихъ общественныхъ агрономовъ и т. п. Грубая ошибка въ перспективѣ!

Несомнѣнно, не низшія сельскохозяйственныя школы существующаго типа послужатъ источникомъ распространенія сельскохозяйственно-техническихъ знаній въ массѣ народа. На иномъ базисѣ это послѣднее должно быть построено. Въ учебной сферѣ этимъ базисомъ можетъ быть лишь существующая широкая сѣть двуклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ общеобразовательныхъ земскихъ и министерскихъ училищъ, уже дѣйствительно захватившая своимъ вліяніемъ массы крестьянскаго населенія.

Земство, устроившее за тридцатипятилѣтіе тысячи начальныхъ народныхъ школъ, создало массовую грамотность. Почти всеобщая грамотность молодого крестьянства скоро станетъ фактомъ. Для достиженія этой цѣли земство потратило многіе милліоны рублей, взятые изъ скудныхъ средствъ того же крестьянства. Но элементарная грамотность одна, сама по себѣ, безъ развитого сознанія и спеціальныхъ знаній, представляется еще мертвымъ капиталомъ. Въ настоящее время предъ земствомъ стоитъ новая наиважнѣйшая задача—воспользоваться этой грамотностью, этимъ пока малопроизводительнымъ, но таящимъ въ себѣ великую силу капиталомъ, этими многими тысячами народныхъ школъ—для цѣлей поднятія культуры въ интересахъ земледѣлія и промышленности, т.-е. необходимо оживить и использовать эту грамотность, дополнивъ ее техническими познаніями и развитымъ сознаніемъ. Иначе тѣ громадныя суммы, какія потрачены земствомъ на элементарныя школы, могутъ остаться еще долго непродуктивными. Чтобы получить, такъ сказать, % съ затраченнаго на распространеніе элементарной массовой грамотности многомилліоннаго капитала, земство должно сдѣлать эту грамотность орудіемъ культуры. Это разсчетъ, стоящій внѣ сомнѣній. Какимъ же способомъ? Очевидно, кромѣ повсемѣстнаго открытія библіотекъ-читаленъ, книжныхъ складовъ и изданія популярныхъ земскихъ журналовъ, на подобіе земской „Вятской Газеты", необходимы *дополнительные высшіе общеобразовательные и спеціальные сельскохозяйственно-техническіе курсы* при начальныхъ училищахъ, расположенныхъ въ наиболѣе центральныхъ селахъ, въ особенности при двухклассныхъ

училищахъ, министерскихъ и земскихъ. Такіе курсы лучше всего могутъ быть организованы въ формѣ 1—3-хъ-годичныхъ дополнительныхъ отдѣленій. И даже русская земская жизнь, не говоря уже о заграничной жизни, даетъ намъ примѣры такой постановки народнаго образованія. Пермское, самарское и вятское земства уже сдѣлали опытъ устройства подобныхъ дополнительныхъ курсовъ—отдѣленій при начальныхъ школахъ,—и опытъ удачный, судя по имѣющимся у меня отчетамъ. Пермское губернское земство имѣетъ семь высшихъ дополнительныхъ сельскохозяйственно-техническихъ отдѣленій при начальныхъ школахъ, самарское земство—пять, вятское приступаетъ къ организаціи цѣлой сѣти высшихъ курсовъ. Наконецъ, проектъ подобныхъ высшихъ народныхъ школъ обсуждается земствами черниговскимъ, симбирскимъ и тверскимъ.

Жизнь на Западѣ и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, ушла впередъ сравнительно съ Россіей. Нѣмцы любятъ говорить, что Германія обязана своей высокой культурой и благосостояніемъ народной школѣ,—и они несомнѣнно правы. Во всей Германіи начальное общее образованіе обязательно и безплатно для всѣхъ дѣтей до 13-лѣтняго возраста. Но, кромѣ того, на ряду съ обязательной начальной школой, въ Германіи уже существуетъ болѣе 15.000 высшихъ дополнительныхъ школъ—отдѣленій начальной школы, насчитывающихъ свыше 625.000 учащихся. Въ Саксоніи же, Баденѣ, Баваріи и Вюртембергѣ посѣщеніе такихъ высшихъ дополнительныхъ курсовъ объявлено такъ же обязательнымъ, какъ и посѣщеніе низшей школы. Высчитываютъ, что въ общемъ каждый германскій рабочій обучается въ продолженіе десяти лѣтъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что рядомъ съ школою для народныхъ массъ Германіи существуютъ постоянныя выставки, многіе спеціальные журналы, многочисленныя лекціи и т. п.

Данія, Скандинавія, Бранденбургъ славятся своими высшими народными школами, какъ дополнительными къ начальной школѣ. Наконецъ, Швейцарія и Австрія съ успѣхомъ выступаютъ на тотъ же путь. Всѣ эти высшія народныя школы Запада очень разнообразны по программамъ и цѣлямъ, но въ общемъ постановка ихъ далека отъ типа нашихъ громоздкихъ и неуклюжихъ низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ „по нормальному положенію 1883 года“. Напримѣръ, въ Пруссіи изъ 230 элементарныхъ сельскохозяйственныхъ школъ 182 школы *зимнихъ*, безъ интерната, отрывающаго крестьянскаго юношу отъ семьи, хозяйства и его обычной обстановки. Обученіе въ германскихъ

высшихъ народныхъ школахъ безплатное, но всѣ онѣ устроиваются обыкновенно при наличности самыхъ небольшихъ средствъ. Лѣтнія практическія занятія на школьной фермѣ, если таковая имѣется, не обязательны для учащихся.

Отмѣтимъ здѣсь лишь слѣдующее обстоятельство. У насъ, въ Россіи, очень распространено мнѣніе, что включеніе въ курсъ народной школы изученія сельскаго хозяйства влечетъ за собою ущербъ въ интересахъ общеобразовательно-воспитательныхъ. На Западѣ такъ не думаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что изученіе земледѣлія требуетъ изученія основъ естествознанія—этого важнаго фактора въ сферѣ общаго образованія, даже практическія занятія по тѣмъ или инымъ отраслямъ хозяйства—въ полѣ, въ саду, въ огородѣ—при сколько-нибудь раціональной ихъ постановкѣ безспорно развиваютъ въ учащихся вниманіе, наблюдательность, размышленіе, діалектику, т.-е. тѣ элементы въ воспитаніи, которымъ современная педагогія придаетъ важнѣйшее значеніе. И дѣйствительно, высшія дополнительныя спеціальныя народныя школы на Западѣ признаются въ то же время и школами, преслѣдующими задачу общаго культурнаго развитія.

Возвратимся къ нашей родной дѣйствительности. Пермское—это предпріимчивое и чуткое къ интересамъ народа—земство очень долго, такъ же, какъ до сихъ поръ другія земства, возлагало надежду въ дѣлѣ распространенія техническихъ знаній въ массѣ крестьянства на дорогія „низшія сельско-хозяйственныя школы по нормальному положенію 1883 года“; правда, устроивъ нѣсколько такихъ школъ, „губернская земская управа, —по словамъ ея отчета,—уже тогда предвидѣла, что питомцы низшихъ школъ не будутъ возвращаться, по окончаніи курса, на свой надѣлъ, но надѣялась, что они будутъ, все-же, оставаться на родинѣ и будутъ содѣйствовать улучшенію мѣстнаго сельскаго хозяйства, занимая должности народныхъ учителей, волостныхъ или сельскихъ писарей и т. п. Но, къ сожалѣнію, и эти ожиданія не оправдываются, такъ какъ для занятія должности народнаго учителя окончившіе сельскохозяйственную школу не имѣютъ достаточнаго образовательнаго ценза, а для должности волостного писаря нужны также спеціальныя познанія, которыхъ питомцы сельскохозяйственныхъ школъ не имѣютъ; поэтому, не находя службы по своей профессіи на мѣстѣ, они ищутъ ее за предѣлами губерніи или поступаютъ на какую-нибудь службу въ города“. Таково было печальное разочарованіе губернской земской управы.

Тогда среди пермскихъ земцевъ возникла идея объ использованіи въ культурныхъ цѣляхъ уже существующей широкой сѣти начальныхъ земскихъ школъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время директоръ народныхъ училищъ пермской губ., г. Раменскій, обратился къ XXIII земскому собранію съ ходатайствомъ объ ассигнованіи пособія въ 2.387 р. на преобразованіе 10 начальныхъ школъ въ двухклассныя министерскія школы сельскохозяйственнаго характера. При этомъ было выяснено, что количество отдѣленій въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ никакими законоположеніями не установлено. Такъ, въ оффиціальномъ „Циркулярѣ попечителя по с.-петербургскому учебному округу“ 1893 г., № 1, говорится по этому предмету слѣдующее: „Существующія нынѣ, почти повсемѣстно, три отдѣленія начальной школы (младшее, среднее и старшее) образовались лишь практическимъ путемъ; долговременный опытъ показалъ, что научить совершенно безграмотнаго ребенка сколько-нибудь осмысленной грамотѣ (не касаясь уже другихъ сторонъ образованія и воспитанія) ранѣе какъ въ 3 года (или вѣрнѣе въ 3 зимы), при обыкновенныхъ условіяхъ совершенно немыслимо. Но изъ этого вовсе нельзя выводить заключенія, что въ одноклассной школѣ непремѣнно долженъ быть трехгодичный курсъ. При особо благопріятныхъ обстоятельствахъ, если, напримѣръ, въ школу поступятъ дѣти, уже знакомыя съ элементами грамоты и достаточно умственно развитыя, въ училищѣ можетъ быть устроено и 2 отдѣленія; съ другой стороны, если позволяютъ средства имѣть нѣсколькихъ учителей и дѣти имѣютъ охоту учиться, а родители не только тому не препятствуютъ, напротивъ желаютъ, то *закономъ не возбраняется устроить въ той же школѣ 4 отдѣленія*. Народное просвѣщеніе отъ такой постановки можетъ только выиграть“.

Въ виду этого пермское земство и остановилось на устройствѣ четвертыхъ высшихъ дополнительныхъ сельскохозяйственно-техническихъ отдѣленій при обыкновенныхъ одноклассныхъ земскихъ начальныхъ школахъ, оставляя первыя три отдѣленія въ прежнемъ видѣ, посвятивъ ихъ исключительно прохожденію общеобразовательнаго нормальнаго курса. Четвертому дополнительному отдѣленію первоначально иниціаторы дѣла предполагали придать также не столько практическій, сколько сельскохозяйственно-общеобразовательный характеръ съ цѣлью „по возможности осмыслить въ глазахъ учащихся явленія сельскохозяйственнаго производства и пробудить въ нихъ сознательное отношеніе къ хозяйству“. „Крестьянская земледѣльческая семья,—

говоритъ въ прекрасной докладной запискѣ составитель программы дополнительнаго отдѣленія для пермскихъ школъ—такъ неразрывно связана съ хозяйствомъ, которымъ она живетъ, находится отъ него въ такой тѣсной зависимости, что не даромъ говорятъ о „власти земли" надъ крестьяниномъ. Этотъ основной характеръ деревенской жизни опредѣляетъ собой и воспитаніе крестьянскихъ дѣтей. Власть земли и здѣсь проявляетъ свою силу. Крестьянскія дѣти очень рано начинаютъ жить хозяйственными интересами. Въ возрастѣ 10—12 лѣтъ они уже принимаютъ активное участіе въ хозяйствѣ—пасутъ скотъ, боронятъ пашню, возятъ копны, помогаютъ гдѣ и какъ могутъ. Поле, лугъ, лѣсъ, домашняя скотина, полевыя работы, погода,—все, о чемъ говорятъ и думаютъ ихъ родители, усиленно привлекаетъ къ себѣ ихъ дѣтскую наблюдательность и пытливость. И они быстро освоиваются съ хозяйствомъ, поражая посторонняго наблюдателя знаніемъ мелочей хозяйственнаго обихода, дѣловитыми сужденіями о различныхъ вопросахъ домашняго и полевого хозяйства. Но сравнительно быстро достигнувъ той ступени сельскохозяйственнаго развитія, на какой стоятъ ихъ отцы, дѣти какъ бы застываютъ въ этомъ положеніи и остаются такими на всю жизнь. Наличный запасъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній и наблюденій, существующія сельскохозяйственныя воззрѣнія воспринимаются ими до извѣстной степени механически, безъ участія критически-сознательной мысли, какъ вѣчно непреложное и понятное само по себѣ. И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходитъ сельскохозяйственная рутина, медленно и съ трудомъ измѣняясь подъ неотразимымъ вліяніемъ измѣняющихся условій жизни; каждое даже небольшое измѣненіе является плодомъ долговременнаго коллективнаго опыта".

Разбудить мысль молодого крестьянина—вотъ задача школы по мнѣнію составителя программы. За практикой же въ деревнѣ дѣло не станетъ. Сообразно этому, первоначально высшее отдѣленіе начальной школы въ пермской губ. предназначалось для систематическихъ бесѣдъ по естествознанію и основамъ хозяйства, съ экскурсіями въ поле, лѣсъ и луга. Съ такимъ планомъ пермскіе земцы приступили къ дѣлу. Но учебная практика затѣмъ значительно видоизмѣнила первоначальныя намѣренія. Открывшіяся четвертыя сельскохозяйственныя отдѣленія превратились скоро въ упрощенныя сельскохозяйственныя школы съ двухлѣтнимъ курсомъ, но тѣмъ не менѣе опытъ оказался очень удачнымъ. Въ настоящее время пермское губернское земство имѣетъ такія высшія школы при семи начальныхъ училищахъ.

Курсъ обученія въ нихъ продолжается въ теченіе двухъ зимъ и одного лѣта, причемъ дѣлаются продолжительные отпуски домой въ извѣстные періоды года; хотя ученики принимаются только изъ того уѣзда, въ которомъ находится школа, и даже въ большинствѣ случаевъ изъ сосѣднихъ волостей, но пришлось устроить общежитія для учащихся. Правда, въ пермской губ. это объясняется тѣмъ, что селенія въ ней мелкія; въ мѣстностяхъ же съ крупными селеніями, въ особенности на югѣ—потребности въ такихъ общежитіяхъ не будетъ. Но и въ пермской губ. ученики обыкновенно на каждое воскресенье разъѣзжаются по домамъ. При школахъ устроены небольшія показательныя поля-фермы и того или иного рода мастерскія, но вообще въ этихъ школахъ нѣтъ такихъ „практическихъ работъ по сельскому хозяйству, каковы онѣ въ сельскохозяйственныхъ школахъ (по нормальному положенію), гдѣ ученики цѣлыми днями и недѣлями возятъ навозъ, гребутъ сѣно и т. п., т.-е. продѣлываютъ такую работу, которая является повседневною и въ хозяйствѣ ихъ родителей, но гдѣ она совершается не по приказанію начальства, а съ полнымъ сознаніемъ необходимости этой работы для обезпеченія своей семьи, и потому производится при иномъ отношеніи къ ней, чѣмъ въ школѣ.

Завѣдывающіе описываемыми дополнительными отдѣленіями состоятъ лица съ среднимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ, съ жалованьемъ 720—900 р. Программа заключаетъ въ себѣ предварительное систематическое изученіе основъ естествознанія и затѣмъ слѣдующій курсъ сельскаго хозяйства: 1) почва; 2) обработка почвы; 3) удобреніе почвы; 4) воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ; 5) воздѣлываніе картофеля; 6) полевое травосѣяніе; 7) луговодство; 8) скотоводство; 9) вредныя насѣкомыя; 10) лѣсоводство. Лѣтнее преподаваніе основано на частыхъ экскурсіяхъ въ садъ, поле, лѣсъ, на сельскохозяйственныя работы; зимнее—въ видѣ живыхъ бесѣдъ при непремѣнномъ условіи наличности многихъ учебныхъ пособій: коллекцій по основамъ естествознанія, коллекцій почвъ, сѣмянъ, вредныхъ насѣкомыхъ, сорныхъ травъ, гербарія мѣстныхъ и выписныхъ культурныхъ растеній, моделей орудій, машинъ, хозяйственныхъ и техническихъ построекъ, улучшенныхъ типовъ домашняго скота, коллекцій приборовъ тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ отраслей сельскаго хозяйства и производствъ и т. п. Все это вмѣстѣ, постоянно ежегодно пополняясь, составляетъ школьный естественно-историческій и сельско-хозяйственный музей.

Описываемыя школы устроиваются земствомъ съ великой эко-

номіей, при самыхъ небольшихъ средствахъ. Въ 1900 г., на содержаніе всѣхъ высшихъ отдѣленій при начальныхъ школахъ, включая сюда и содержаніе многихъ учащихся въ общежитіи, земство потратило 5.360 р. О суммѣ же единовременныхъ затратъ на первоначальное устройство ихъ можно судить потому, что на устройство одного изъ наиболѣе установившихся IV отдѣленій—устиновскаго—было израсходовано только 900 р. (250 р. на учебныя пособія, 350 р. на пріобрѣтеніе живого и мертваго инвентаря и 300 р. оборотнаго капитала для учебнаго поля). Квартира для классовъ, общежитія и учителя, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, пока нанимается у частнаго лица за 285 р. въ годъ. Предъ нами краснорѣчивый примѣръ земской хозяйственности!

Но, несмотря на минимальныя средства, все дѣло поставлено живо и, насколько возможно при краткомъ времени обученія, основательно. Крестьянскій подростокъ не выходитъ изъ условій крестьянской жизни и хозяйства. Его любознательность, его мысль, весь его интеллектъ развиваются на изученіи родной ему обстановки и съ дѣтства знакомыхъ предметовъ Онъ у себя дома становится сознательнымъ и знающимъ хозяиномъ, оставаясь въ то же время крестьяниномъ. Такимъ образомъ создается дѣйствительно крестьянская сельскохозяйственная школа. Судя по отчетамъ, пермское земство очень довольно своими новыми школами и намѣрено значительно увеличить ихъ число.

Вятское губернское земство выработало программы и условія постановки четырехъ высшихъ типовъ народныхъ школъ на базисѣ современной земской школы съ трехгодичнымъ курсомъ. Первый типъ—общеобразовательная начальная школа съ удлиненнымъ курсомъ обученія до четырехъ лѣтъ, допускаемый уже и въ настоящее время положеніемъ о народныхъ училищахъ 1874 года. Такъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы четырехгодичный курсъ введенъ почти во всѣхъ земскихъ школахъ курской губерніи.

Второй типъ—общеобразовательное двухклассное училище съ пятилѣтнимъ курсомъ, въ настоящее время уже также существующій.

Третій типъ—тоже двуклассное училище, но съ шестилѣтнимъ курсомъ, причемъ третій годъ второго класса прибавленъ къ обыкновенной двуклассной школѣ съ цѣлью придать, на ряду съ общеобразовательнымъ, и утилитарный характеръ въ широкомъ смыслѣ этого слова. При этомъ типѣ въ программу второго класса вводится спеціальный дополнительный курсъ—сельско-

хозяйственный вообще, или съ тою или иною отдѣльною отраслью хозяйства въ частности, или, наконецъ, техническій, ремесленный, горнозаводскій и т. п., смотря по мѣстнымъ условіямъ. По мнѣнію вятскаго земства, эти школы не претендуютъ на то, чтобы воспитанники ихъ выходили вполнѣ образованными и опытными практиками—сельскими хозяевами; нѣтъ, онѣ имѣютъ болѣе скромную, но тѣмъ не менѣе серьезнѣйшую задачу—развить интеллектъ крестьянской молодежи въ направленіи сознательной постепенной реформы земледѣлія. При условіи же развитого сознанія, практиками ихъ сдѣлаетъ деревенская хозяйственная жизнь. Лишь при изученіи частныхъ спеціальныхъ отраслей хозяйства—пчеловодства, садоводства, молочнаго производства и т. п. и при изученіи ремеслъ необходима вполнѣ законченная практическая подготовка.

Наконецъ, четвертый высшій типъ—это промышленныя по различнымъ спеціальностямъ народныя училища съ широкимъ подготовительнымъ общеобразовательнымъ курсомъ на началахъ естествознанія. Промышленныя отдѣленія устроиваются при двуклассныхъ училищахъ, какъ подготовительной школѣ. Курсъ отдѣленія трехгодичный. Въ программу училища включается основательное изученіе естествознанія. Что касается прикладныхъ знаній, то здѣсь прежде всего предполагается избѣгать обилія и разбросанности предметовъ изученія съ тѣмъ, чтобы питомцы выходили, дѣйствительно, вполнѣ подготовленными практиками по какой-либо одной спеціальности. Если промышленное училище земледѣльческое, то въ немъ не должно быть изученія ремеслъ и пр.—и наоборотъ.

Многоразличіе промысловъ населенія, мѣстныхъ хозяйственныхъ условій и нуждъ требуетъ осторожной и разумной согласованности постановки дополнительныхъ спеціальныхъ отдѣленій съ тѣмъ или инымъ характеромъ мѣстности. Сообразно послѣднему, избирается какая-либо одна главная спеціальность: общесельскохозяйственная, молочно-скотоводственная, по садоводству, пчеловодству и т. п. или техническая—по видамъ мѣстныхъ промысловъ—кузнечно-слесарная, столярная, по производству земледѣльческихъ машинъ и орудій, мебели, кожевенная, гончарная, ткацко-кружевная, и пр., и пр. При этомъ необходимы тѣ или иныя учебно-промышленныя учрежденія, согласно спеціальности курсовъ: полевой участокъ, молочная ферма, маслодѣльня, пасѣка, садъ-огородъ, мастерская для производства болѣе простыхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, прочія различнаго рода мастерскія по вышеуказаннымъ и инымъ спеціальностямъ. Учеб-

нымъ мастерскимъ долженъ быть приданъ болѣе или менѣе торгово-промышленный характеръ, какъ это уже имѣетъ мѣсто въ мастерскихъ московскаго, вятскаго и нѣкоторыхъ другихъ земствъ. Примѣръ послѣднихъ показываетъ, что онѣ могутъ быть даже коммерчески-выгодными и окупающими себя. Мастерскія ставятся въ связь съ земскими торгово-коммиссіонными кустарными и сельско-хозяйственными складами, принимая отъ нихъ заказы, что и практикуется уже въ выше помянутыхъ земствахъ. Нѣтъ аномаліи худшей, какъ разбросанность и дилеттантизмъ при техническомъ обученіи. Поэтому выборъ спеціальностей для каждой школы долженъ быть строго ограниченъ. Но при этомъ, какая бы ни была спеціальность, программа дополнительныхъ курсовъ, отдѣленій непремѣнно должна включать наивозможно большій общеобразовательный курсъ по предметамъ естествознанія и гуманитарнымъ, потому что, повторяемъ, главная задача русской народной школы въ настоящее время, это—пробудить и развить сознаніе и мышленіе крестьянина.

Подобнаго устройства новые общеобразовательные и техническіе высшіе дополнительные народные курсы-школы, открытые въ значительномъ количествѣ (а это будетъ возможно, потому что постановка ихъ не будетъ дорогой), дѣйствительно внесутъ знанія въ массу населенія, не отрывая своихъ питомцевъ отъ крестьянскаго хозяйства. Практика же показала, что устройство ихъ не требуетъ отъ земства крупныхъ затратъ.

Цѣлесообразность подобныхъ высшихъ спеціальныхъ дополнительныхъ отдѣленій, при двуклассныхъ училищахъ признана и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Остается лишь пожелать, чтобы оно скорѣе приступило къ ихъ осуществленію.

Я знаю, мысль и стремленіе утилизировать начальную народную школу для цѣлей распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній въ крестьянской массѣ имѣютъ у насъ въ Россіи не мало противниковъ. Напомнимъ хотя бы многократныя заявленія г. Чарнолуцкаго, а также резолюціи нѣкоторыхъ совѣщаній и съѣздовъ, касавшихся даннаго вопроса. Такъ, въ числѣ постановленій недавно бывшаго въ Москвѣ съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству мы встрѣчаемъ слѣдующее „постановленіе“: „Общеобразовательная школа отнюдь не должна служить средствомъ распространенія профессіональныхъ знаній, въ томъ числѣ и сельскохозяйственныхъ“. Но если вникнуть хотя сколько-нибудь въ глубину вопроса, становится очевиднымъ, что подобныя постановленія основаны на недоразумѣніи; происхожденіе ихъ вытекаетъ изъ предположенія

не культурныхъ и раціональныхъ пріемовъ сельско-хозяйственнаго техническаго обученія, а пріемовъ дикихъ и глупыхъ. Именно: при условіи раціональныхъ и культурныхъ пріемовъ обученія, единственно достигающихъ цѣли, изученіе земледѣлія и техники требуетъ предварительнаго изученія основъ естествознанія; изученіе же основъ естествознанія требуетъ предварительной достаточной грамотности ученика, однимъ словомъ, извѣстнаго уровня его умственнаго общаго развитія. Для послѣдней же цѣли, какъ извѣстно, необходимы, minimum, три года обученія, т.-е. нормальная начальная общеобразовательная школа. Даже болѣе: практика показываетъ, что земская элементарная общеобразовательная школа требуетъ не трехгодичнаго, а четырехгодичнаго курса. Поэтому, конечно, дикой представляется мысль о возможности изученія земледѣлія въ элементарной трехгодичной школѣ. Элементарная трехгодичная школа, конечно, должна быть общеобразовательной. Правда, и это положеніе должно быть понимаемо болѣе широко, чѣмъ въ настоящее время понимается по рутинѣ многими.

Элементарная *крестьянская* трехгодичная школа должна быть общеобразовательной, но въ то же время, какъ *крестьянская*, она должна быть и приготовительной къ изученію земледѣлія. Это значитъ, что общеобразовательный трехгодичный, а въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, четырехгодичный курсъ ея долженъ быть болѣе систематическимъ, чѣмъ тотъ, каковъ онъ въ настоящее время. Въ настоящее время программа нашей начальной школы отличается удивительною хаотичностью, пестрой кунсткамерностью. Вѣрнѣе, въ современной начальной школѣ нѣтъ совсѣмъ программы, если не называть программой необходимость обучить чтенію, письму и счисленію, что въ дѣйствительности въ настоящее время и составляетъ и оффиціальную, и фактическую задачу школы при современной ея постановкѣ. Но какъ обучить крестьянскихъ дѣтей чтенію, письму и счисленію? Въ настоящее время въ нашей школѣ это достигается путемъ изученія и зубренія разнаго рода нехудожественныхъ (частью и художественныхъ) побасенокъ и калейдоскопическихъ фантастическихъ „ариѳметическихъ задачъ". Самыми пестрыми кунсткамерностью и калейдоскопичностью отличаются въ большинствѣ случаевъ такъ называемыя „книги для класснаго чтенія" въ начальной школѣ разныхъ случайныхъ чиновныхъ и нечиновныхъ авторовъ. Въ этихъ книгахъ мы находимъ всевозможные обрывки и отрывки „исторіи", „географіи", „естественной исторіи", и проч. и проч., но ни въ одной не встрѣчаемъ цѣльнаго, яснаго, талантливаго,

болѣе или менѣе систематическаго изложенія (не рѣшаюсь сказать: курса).

Объясняется это въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что до сихъ поръ держится рутинное представленіе, что „книга для класснаго чтенія“ въ начальной школѣ должна представлять „разносторонній“ винегретъ стиховъ, нравоучительныхъ разсказиковъ и „полезныхъ“, и „занимательныхъ описаній“. Какъ будто талантливый и живой систематическій курсъ по географіи, по исторіи и по основамъ естествознанія не можетъ быть занимательнымъ, нравоучительнымъ, полезнымъ и доступнымъ для ребенка, обучающагося въ начальной школѣ! Не цѣлесообразнѣе ли, напротивъ, вмѣсто калейдоскопической современной „книги для класснаго чтенія“ имѣть отдѣльно художественную христоматію по изящной словесности и раціональные талантливые цѣльные курсы географіи, естествознанія и исторіи? Даже элементарные уроки по земледѣлію на основѣ естествознанія могутъ прекрасно служить дидактическимъ — педагогическимъ цѣлямъ общеобразовательной школы для крестьянскихъ дѣтей. Точно также даже ариѳметическіе задачники не должны ли быть приноровлены къ условіямъ и вопросамъ реальной крестьянской и міровой жизни? Даже они могутъ заключать въ себѣ уже извѣстный курсъ естествознанія и земледѣлія. Часы занятій въ школѣ въ теченіе дня, недѣли, года должны быть распредѣлены на уроки и бесѣды по художественной христоматіи и по отдѣльнымъ систематическимъ курсамъ. Что касается изученія этимологіи и синтаксиса, то и оно, очевидно, будетъ легче достигаться при помощи указаннаго матеріала для чтенія, бесѣдъ и диктанта, чѣмъ при помощи тѣхъ отрывочныхъ, часто нелѣпыхъ и непонятныхъ фразъ и „предложеній“, какими въ настоящее время въ продолженіе трехъ лѣтъ наполняются головы дѣтей подъ видомъ этимологическихъ и синтаксическихъ образцовъ. Диктантъ, который долженъ въ начальной школѣ занимать видное мѣсто, и будетъ заключать въ себѣ квинтъ-эссенцію школьныхъ бесѣдъ и чтеній по естествознанію, исторіи, земледѣлію и т. д. Диктантъ сопровождается грамматическими объясненіями и повтореніями.

Итакъ, даже въ элементарной общеобразовательной школѣ все дѣло, весь успѣхъ заключаются въ раціональномъ талантливомъ подборѣ матеріала для чтенія, бесѣдъ и диктанта, — и включеніе въ этотъ матеріалъ предметовъ естествовѣдѣнія и земледѣлія, конечно, ужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть въ ущербъ воспитательнымъ задачамъ школы. Поэтому съ полнымъ основаніемъ можно сказать: начальная общеобразовательная

крестьянская школа должна быть въ то же время приготовительной школой для изученія земледѣлія. Для этой цѣли необходимы талантливыя, живыя, систематическія „книги для класснаго чтенія“ въ начальной школѣ. Этихъ книгъ въ настоящее время у насъ нѣтъ. Но онѣ должны быть, и онѣ возможны. На эту сторону дѣла должны обратить особенное вниманіе учебное вѣдомство и наши земства. И успѣхъ здѣсь скорѣе достижимъ, чѣмъ многіе думаютъ. Если для высшей школы необходимы цѣлые ряды талантливыхъ лекторовъ-ученыхъ, то для начальной школы необходимы немногія талантливыя книги-учебники. Конечно, я помню, необходимъ и образованный народный учитель, который былъ бы въ состояніи пользоваться въ школѣ талантливыми учебниками. Но существованіе такого образованнаго народнаго учителя, кажется, не за горами. По крайней мѣрѣ, повсемѣстное сильнѣйшее движеніе въ земскихъ сферахъ къ устройству педагогическихъ, общеобразовательныхъ и сельскохозяйственныхъ курсовъ для учителей обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ желанные результаты.

Отсюда практическое замѣчаніе: земство и учебное вѣдомство, тратя въ настоящее время значительныя суммы на устройство учительскихъ курсовъ, должны также назначить извѣстныя суммы на преміи за лучшіе учебники — „книги для класснаго чтенія“ въ начальной школѣ. Это создастъ сильный толчокъ къ замѣнѣ лубочныхъ учебниковъ надлежащими.

Но, говоря о необходимомъ усовершенствованіи современной начальной общеобразовательной школы, я, повторяю, не покушаюсь на ея курсъ въ интересахъ распространенія въ крестьянской массѣ сельскохозяйственно-техническихъ знаній. Напротивъ, я имѣлъ въ виду только усиленіе, именно, общеобразовательнаго значенія начальной школы. Для ближайшихъ же цѣлей изученія земледѣлія и техники необходимы вышеописанныя дополнительныя высшія профессіональныя отдѣленія народной школы. Центръ тяжести вопроса заключается лишь въ томъ, чтобы распространеніе сельскохозяйственно-техническихъ знаній въ стомилліонномъ крестьянствѣ основывалось на базисѣ уже существующей широкой сѣти земскихъ начальныхъ школъ. Иначе не должно быть и не можетъ быть.

Относительно же сказанныхъ дополнительныхъ профессіональныхъ отдѣленій начальныхъ школъ могутъ возразить, что сельское хозяйство—столь сложный предметъ для изученія, что для него недостаточно двухъ лѣтъ, при томъ же — безъ солидной хозяйственно-учебной обстановки. Но возраженіе это не основа-

тельно: строгая экономія въ выборѣ и объемѣ предметовъ изученія должна быть, какъ я уже сказалъ, непремѣнною чертою трактуемыхъ школъ; преподаваніе должно преслѣдовать лишь усвоеніе основъ естествознанія и земледѣлія; приложеніе же этихъ основъ къ практическому хозяйству будетъ достигаться естественно и непрерывно уже тѣмъ, что питомцы все время остаются въ деревенской земледѣльческой обстановкѣ, недостатки которой для нихъ будутъ тѣмъ яснѣе, что они заинтересованы въ ней, какъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Каждое преимущество, каждый успѣхъ новыхъ культурныхъ пріемовъ, приложимыхъ къ крестьянскому хозяйству, будутъ производить на нихъ большее впечатлѣніе, чѣмъ то было бы при чуждой обстановкѣ; для этого не нужно сложныхъ и дорогихъ комбинацій и приспособленій, а потребуются лишь тѣ наглядныя демонстративныя работы на небольшомъ школьномъ участкѣ—съ одной стороны и на поляхъ ихъ отцовъ—съ другой стороны, какія a priori выгодны и доступны крестьянскому хозяйству. Въ этомъ будетъ даже преимущество предлагаемыхъ дополнительныхъ отдѣленій къ начальнымъ школамъ предъ дорогими низшими сельскохозяйственными школами нормальнаго устава, которыя такъ страдаютъ излишествомъ всевозможнаго агрономическаго балласта.

Что же касается преподаванія болѣе тѣсныхъ, чѣмъ общее земледѣліе, спеціальностей, какъ-то: пчеловодство, молочное производство, ремесла и т. п., то въ этомъ случаѣ, при строгомъ ограниченіи одной спеціальностью, достижимо опять-таки болѣе совершенное практическое изученіе ея, чѣмъ въ низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ при обиліи и разбросанности въ послѣднихъ различныхъ видовъ техническаго обученія.

Итакъ, резюмируемъ всѣ главныя положенія.

Современныя низшія сельскохозяйственныя школы, по такъ-называемому нормальному положенію 1883 года, и большая часть разнаго рода ремесленныхъ училищъ, открываемыя въ городахъ или нерѣдко въ глухихъ мѣстностяхъ, при чуждой для крестьянскаго юношества, дорогой, сложной и тѣмъ не менѣе нецѣлесообразной обстановкѣ,—не служатъ и не могутъ служить цѣли внесенія сельскохозяйственно-техническихъ знаній въ многомилліонную массу крестьянскаго населенія.

Дѣло сельскохозяйственно-техническаго образованія народной массы должно быть построено на иномъ базисѣ, на базисѣ уже существующей нынѣ обширной сѣти земскихъ и министерскихъ начальныхъ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ—въ формѣ высшихъ дополнительныхъ спеціальныхъ 1 — 3-хъ-годичныхъ

отдѣленій при означенныхъ училищахъ, въ наиболѣе центральныхъ селахъ. Только подобныя школы, близкія къ населенію, воспитывающія крестьянское юношество въ деревенской обстановкѣ, многочисленныя, потому что онѣ не дороги, могутъ быть дѣйствительно народными спеціальными школами.

Земствамъ, а также и министерствамъ народнаго просвѣщенія и земледѣлія, въ тѣхъ случаяхъ, когда они ставятъ цѣлью внесеніе сельскохозяйственныхъ техническихъ знаній въ крестьянскую массу, несомнѣнно цѣлесообразнѣе устроивать и субсидировать не современныя низшія сельскохозяйственныя школы, такъ-называемыя нормальнаго типа, а вышеописанныя высшія дополнительныя спеціальныя отдѣленія при начальныхъ школахъ.

При этомъ, крестьянская начальная общеобразовательная школа можетъ и должна быть приготовительной для изученія земледѣлія школой, что не только не будетъ въ ущербъ общепедагогическимъ цѣлямъ, но, напротивъ, будетъ имъ содѣйствовать.

Николай Катаевъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА

— Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ. Москва. 1902.

Два года назадъ, г. Лохтинъ опубликовалъ статистическое изслѣдованіе о „Состояніи сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами“, о которомъ въ свое время (1901 г., кн. VI) былъ данъ отзывъ въ нашемъ журналѣ. Въ настоящее время тотъ же авторъ выступилъ съ новою работою, заключающею указаніе на основныя причины низкаго состоянія русскаго земледѣлія, констатированнаго въ первомъ трудѣ, и на мѣры къ устраненію этихъ причинъ. Въ этой новой книжкѣ имѣется кромѣ того глава, посвященная отзывамъ печати о первомъ изслѣдованіи г. Лохтина, въ которой особенное вниманіе удѣляется рецензіи „Вѣстника Европы“. Г. Лохтинъ обвиняетъ эту рецензію въ томъ, что она даетъ „ложное представленіе“ о его трудѣ, что она „неосновательна и крайне пристрастна“. Подобное же мнѣніе высказано г. Лохтинымъ почти о всѣхъ неблагопріятныхъ отзывахъ о его книгѣ,—а для подкрѣпленія такого мнѣнія онъ прибѣгаетъ къ пріемамъ, которымъ, повидимому, не должно бы быть мѣста въ печати. Мы не считаемъ себя обязанными защищать свои мнѣнія противъ всякаго на нихъ нападенія; но мы не можемъ обойти молчаніемъ замѣчаній г. Лохтина, такъ какъ этотъ авторъ своимъ первымъ изслѣдованіемъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и за первой его работой послѣдовала вторая, въ которой изъ области научныхъ изысканій онъ переходитъ въ сферу практическаго прожектёрства; разсмотрѣніе системы его самозащиты даетъ намъ удобное средство лучше выяснить научный характеръ и литературные пріемы этого писателя. Мы позволимъ себѣ, поэтому, остановить вниманіе читателя прежде всего на полемической части новаго труда г. Лохтина, ограничиваясь при

этомъ лишь тѣми ея сторонами, которыя имѣютъ наибольшее значеніе въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Тридцать откликовъ печати на свою книгу г. Лохтинъ раздѣляетъ на похвальные, индифферентные и отрицательные, причемъ послѣднихъ насчиталъ онъ всего шесть. Изъ этого г. Лохтинъ выводитъ неожиданное заключеніе, „что, повидимому, защитники средневѣкового быта крестьянъ вообще и общины въ частности у насъ обрѣтаются въ меньшинствѣ". „Провинціальные органы, стоящіе близко къ суровой дѣйствительности, а равно и сельскохозяйственные журналы и газеты, хорошо понимающіе техническую нелѣпость средневѣкового быта крестьянъ, отнеслись—говоритъ онъ—къ моему изслѣдованію весьма сочувственно. Сторонники кастоваго обособленія крестьянъ отнеслись къ нему весьма недружелюбно, но сюда относятся лишь 4—5 отзывовъ" (133).

Очень оригинальнымъ является предположеніе г. Лохтина, что характеръ отзывовъ о его изслѣдованіи вообще опредѣлялся не дѣйствительными его достоинствами или недостатками, а сочувственнымъ или несочувственнымъ отношеніемъ писателей къ нѣкоему постороннему предмету; что критическія замѣчанія въ частности на его книгу, заключающую сводъ данныхъ о положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи и за границей, диктовались не мнѣніемъ рецензентовъ о матеріалахъ и пріемахъ изслѣдованія, а ихъ пристрастіемъ къ „средневѣковому быту" и къ „кастовому устройству" крестьянъ. Плохимъ предзнаменованіемъ для ученой карьеры можетъ послужить такая слабая вѣра въ силу и привлекательность истины! Хотя бы еще къ вышеуказанному заключенію г. Лохтинъ приведенъ былъ путемъ неопровержимыхъ фактовъ; а то оказывается, что онъ его высказалъ, несмотря на то, что факты именно говорили противное. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе непріятные для г. Лохтина отзывы появились въ такихъ несходныхъ въ ихъ отношеніи къ общинѣ изданіяхъ, какъ „Вѣстникъ Европы" и „Русское Экономическое Обозрѣніе", „Русскія Вѣдомости" и „Научное Обозрѣніе". Приведенное выше заключеніе г. Лохтина о мотивахъ отзывовъ о его книгѣ характеризуетъ поэтому не отзывы, а самого г. Лохтина—и характеризуетъ не только со стороны его воззрѣній на стремленіе къ истинѣ, какъ мотиву научныхъ изысканій, но и со стороны его знакомства съ направленіями нашихъ періодическихъ изданій.

Изложенное выше заключеніе г. Лохтина есть вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно удачный пріемъ критики и полемики. Дальнѣйшее знакомство съ этимъ авторомъ, къ сожалѣнію, показываетъ, что онъ легко прибѣгаетъ къ пріемамъ, еще менѣе заслуживающимъ сочувствія.

Недостатки изслѣдованія г. Лохтина о „Состояніи сельскаго хозяй-

ства въ Россіи сравнительно съ другими государствами"—рецензія „Вѣстника Европы" находила въ томъ, что на ряду съ первоисточниками статистическихъ данныхъ, не первой, однако, свѣжести, г. Лохтинъ охотно прибѣгаетъ къ справочнымъ книгамъ, преимущественно въ формѣ словарей, а не ежегодниковъ; поэтому, почерпаемыя имъ оттуда цифры, во-первыхъ, не всегда достаточно новы, во-вторыхъ, не для всѣхъ странъ соотвѣтствуютъ одинаковому моменту времени; онъ „недостаточно (для спеціалиста) знакомъ не только съ оффиціальной статистикой иностранныхъ государствъ, но и съ ихъ экономической литературой вообще", и, главное,—онъ незнакомъ съ русской статистической литературой. „Мы уже не говоримъ о такъ называемой земской статистикѣ; даже изданія центральнаго статистическаго комитета извѣстны ему только изъ вторыхъ рукъ, и онъ даже не знаетъ того, къ какому моменту времени относятся соотвѣтствующія изслѣдованія"... „Не зная первоисточниковъ, г. Лохтинъ обреченъ повторять ошибки тѣхъ справочныхъ изданій, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои данныя, и толковать эти послѣднія неправильно". Самые же выводы г. Лохтина изъ разработаннаго имъ матеріала рецензія признаетъ *въ общемъ* правильными, а „его сопоставленія относительно различныхъ сторонъ сельскаго хозяйства—наглядно рисующими убогое состояніе основного промысла русскаго народа". Было только замѣчено, что „данныя имъ *цифровыя* выраженія современнаго состоянія землевладѣнія и хозяйства въ Россіи и за границей во многихъ отношеніяхъ требуютъ провѣрки".

По приведеннымъ выдержкамъ читатель можетъ судить, насколько справедливо утвержденіе г. Лохтина, что рецензентъ „Вѣстника Европы", „приводя примѣры ошибокъ, ни однимъ словомъ не обмолвился о положительныхъ сторонахъ изслѣдованія" (стр. 148), равно какъ и другое его утвержденіе, что этотъ рецензентъ „былъ сильно задѣтъ за живое" изслѣдованіемъ, компрометирующимъ, будто бы, излюбленное имъ „кастовое обособленіе крестьянъ" (такъ характеризуетъ г. Лохтинъ сочувственное отношеніе рецензента къ общинѣ), чѣмъ и „объясняется его недовольство изслѣдованіемъ" (стр. 143). Кромѣ невѣрности по существу, утвержденіе г. Лохтина служитъ однимъ изъ многочисленныхъ проявленій его незнакомства съ русской экономической литературой. „Когда я производилъ свое изслѣдованіе,—говоритъ авторъ на стр. 133 своего новаго труда,—меня занималъ вопросъ, какъ отнесутся „патріоты своего отечества" къ работѣ, показывающей, что нѣтъ ни одного государства, гдѣ бы землепашество велось такъ плохо, какъ въ Россіи". Замѣчаніе это показываетъ, что г. Лохтинъ считаетъ свои выводы о положеніи русскаго хозяйства чѣмъ-то новымъ. Въ дѣйствительности же въ печати сплошь и рядомъ

приводятся данныя, показывающія низкое состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи, сравнительно съ другими государствами, и сравнительное многоземелье русскихъ крестьянъ, и подтверждающія фактъ полуголоднаго существованія послѣднихъ (открытіе котораго г. Лохтинъ приписываетъ также своему изслѣдованію) и т. д. Книга же г. Лохтина только сконцентрировала и систематически разработала соотвѣтствующія данныя. Она бы могла имѣть значеніе и болѣе точнаго цифрового выраженія указанныхъ явленій, еслибы отмѣченные въ рецензіи „Вѣстника Европы" недостатки пріемовъ изслѣдованія не приводили къ необходимости предварительной провѣрки многихъ ея сопоставленій. Что же касается выводовъ и заключеній, то независимо отъ ихъ вѣрности—г. Лохтинъ не далъ ни одной мысли, которая уже не обращалась бы въ обществѣ, и уже по этому одному его книга, какъ изслѣдованіе, не могла „задѣть за живое" ни одного человѣка, интересующагося литературой по вопросамъ нашего хозяйства.

Тенденція усматривать или указывать въ непріятныхъ ему замѣчаніяхъ такія вещи, которыхъ на самомъ дѣлѣ въ нихъ не существуетъ, составляетъ столь явную и заслуживающую всякаго порицанія черту литературныхъ пріемовъ г. Лохтина, что мы не можемъ не обратить на это вниманія. Тенденція эта проявляется даже относительно безобидныхъ для кого бы то ни было отдѣльныхъ выраженій, проявляется, такъ сказать, безкорыстно. На стр. 138 своей новой книги г. Лохтинъ цитируетъ одно мѣсто рецензіи „Вѣстника Европы", въ которой имѣется выраженіе: „Сводъ матеріаловъ (*изд. канцеляріи* комитета министровъ)". Находящееся въ скобкахъ сокращенное слово, въ связи съ тремя послѣдующими, очевидно, можетъ быть прочтено только однимъ манеромъ („изданіе"), и оно представляется тогда относящимся къ книгѣ, именуемой „Сводъ матеріаловъ". Въ выдержкѣ же изъ рецензіи, сдѣланной г. Лохтинымъ и заключенной,—какъ это и принято при передачѣ чужихъ словъ,—въ кавычки,—подчеркнутое мѣсто передано такимъ образомъ: „въ сводѣ матеріаловъ, *изданныхъ канцеляріею* комитета министровъ", и при словѣ „изданныхъ" поставленъ знакъ вопроса, чтобы оттѣнить неправильность согласованія этого слова, отнесеннаго, будто бы, рецензентомъ не къ „Своду", изданному дѣйствительно комитетомъ министровъ, а къ слову „матеріаловъ", которые издавались разными другими вѣдомствами и учрежденіями. Это—мелочь, но она характерна... и непохвальна. Тотъ же пріемъ переиначиванія чужихъ мыслей употребляется авторомъ и въ случаяхъ, которые нельзя уже считать свободными отъ корыстнаго, такъ сказать, элемента.

Въ рецензіи „Вѣстника Европы" указывается на незнакомство

г. Лохтина съ русской статистической литературою, обязывающее его брать свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ и приводящее къ неправильной оцѣнкѣ этихъ свѣдѣній. „Такъ (дѣлаемъ выдержку изъ рецензіи), заключающіяся въ „Сводѣ матеріаловъ“ (изд. канцеляріи комитета министровъ) данныя о землевладѣніи, собранныя, какъ извѣстно, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., отнесены г. Лохтинымъ къ 1892 г., на томъ, вѣроятно, основаніи, что въ томъ же „Сводѣ“ приводятся свѣдѣнія о землѣ подъ посѣвомъ въ 1892 г. На стр. 145—146 площадь земли подъ паромъ и залежью опредѣляется на основаніи относительныхъ цифръ разныхъ авторовъ, но не самаго источника, гдѣ сгруппированы данныя соотвѣтствующаго оффиціальнаго изслѣдованія; и такъ *какъ авторамъ, которыми пользовался г. Лохтинъ, не могли быть извѣстны результаты болѣе новаго изслѣдованія, опубликованнаго позже („Главнѣйшія данныя по земельной статистикѣ по изслѣдованію 1887 г.“), то этимъ источникомъ свѣдѣній не пользовался и г. Лохтинъ*“. Это говорится въ рецензіи „Вѣстника Европы“. А вотъ какъ передаетъ это мѣсто г. Лохтинъ. Онъ приводитъ изъ рецензіи первую половину отмѣченной нами тирады, не упоминаетъ ничего о содержаніи подчеркнутой части и позволяетъ себѣ, затѣмъ, слѣдующую реплику: „Выписка эта показываетъ, что г. В. В. не свѣдущъ въ томъ вопросѣ, который онъ такъ авторитетно разбираетъ. Онъ утверждаетъ (!), что мы имѣемъ свѣдѣнія о землевладѣніи только относящіяся къ 1877—78 и 1881 гг. Это невѣрно“ (стр. 139).

Какъ видно изъ приведенной *нами* выдержки, рецензія „Вѣстника Европы“ утверждаетъ какъ-разъ обратное. Она напоминаетъ объ изслѣдованіи землевладѣнія болѣе позднемъ, чѣмъ 1877—78 и 1881 гг., относитъ это изслѣдованіе къ 1887 году, показываетъ, что г. Лохтину не были извѣстны ни первое, ни второе изслѣдованія, и утверждаетъ, что данныя 70-хъ годовъ, заимствованныя г. Лохтинымъ изъ вторыхъ рукъ, отнесены имъ къ началу 90-хъ годовъ. Въ отвѣтъ на это г. Лохтинъ, путемъ довольно запутанныхъ соображеній, старается доказать, что одна изъ книгъ („Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“), откуда онъ почерпалъ свои свѣдѣнія о землевладѣніи (и которая—сказать кстати—будучи издана въ 1893 г., могла привести свѣдѣнія по этому предмету лишь для конца 70-хъ годовъ, такъ какъ результаты изслѣдованія 1887 г. появлялись въ свѣтъ выпусками въ теченіе 1892—1901 гг.), приводитъ самыя новыя данныя по этому предмету. Доказательства этого утвержденія очень характерны для ученаго, занимающагося спеціально статистическими работами. Вмѣсто подтвержденія своего мнѣнія справкою съ первоисточниками, г. Лохтинъ ссылается на два слова сочиненія „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“. „*Въ настоящее время*,—говоритъ это изданіе 1893 г., составленное

по случаю выставки въ Чикаго, примѣнительно къ читателю-американцу (оно было издано и на англійскомъ языкѣ),—поземельная собственность въ 49 губерніяхъ европейской Россіи распредѣляется слѣдующимъ образомъ". Неточнаго обозначенія момента („въ настоящее время"), къ которому относятся приводимыя свѣдѣнія, оказалось для г. Лохтина совершенно достаточно, чтобы считать послѣднія современными моменту изданія книги, и даже полное почти совпаденіе этихъ свѣдѣній съ цифрами „Свода матеріаловъ",—признанными имъ, наконецъ, относящимися къ концу 70-хъ годовъ,—не убѣдило его въ томъ, что оба изданія пользовались данными одного и того же изслѣдованія. Спрашивается, однако, имѣется ли надобность въ косвенныхъ доказательствахъ происхожденія и значенія спорной цифры, когда обращеніе къ первоисточнику рѣшитъ вопросъ непосредственно; и логично ли защищать спеціальное изслѣдованіе ссылками не на общіе для всѣхъ источники матеріаловъ, а на отдѣльныя выраженія книги, которая — по ея происхожденію — признана авторомъ компетентной, или—какъ это допущено г. Лохтинымъ въ вопросѣ относительно фиктивныхъ цифръ о числѣ малоземельныхъ крестьянъ—заимствованныхъ имъ изъ словаря Брокгауза и Ефрона,—ссылкою на то, что въ этомъ изданіи „участвуютъ 110 академиковъ и профессоровъ" (стр. 142).

Послѣ всего изложеннаго, мы должны высказать, къ сожалѣнію, замѣчаніе, что и теперь, послѣ сдѣланныхъ ему указаній, г. Лохтинъ не ознакомился съ единственными источниками нашихъ свѣдѣній о русскомъ землевладѣніи; не знаетъ того, что данныя болѣе новаго изслѣдованія этого предмета опубликованы въ такое время, что не могли войти въ книги, изданныя въ началѣ 90-хъ годовъ, а черезъ нихъ попасть и на страницы изслѣдованія; г. Лохтинъ не знаетъ, вообще, когда и какъ производятся у насъ общія изслѣдованія землевладѣнія. Онъ не потрудился ознакомиться съ этимъ предметомъ, несмотря на то, что въ своемъ новомъ трудѣ посвятилъ особую главу вопросу „о точности сельско-хозяйственныхъ статистическихъ данныхъ", и сказанное о статистикѣ землевладѣнія мы должны распространить и на другіе предметы. Въ обѣихъ своихъ книгахъ, напр., г. Лохтинъ сталкивается съ вопросомъ о разнорѣчіи данныхъ разныхъ источниковъ объ урожаяхъ хлѣбовъ, и разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу свѣдѣній центральнаго статистическаго комитета, показывающаго болѣе низкіе урожаи, чѣмъ департаментъ земледѣлія и земства. Разрѣшеніе этого вопроса требуетъ прежде всего яснаго представленія о методахъ регистраціи урожаевъ; и хотя методы эти описываются и въ публикаціяхъ соотвѣтствующихъ учрежденій, и у авторовъ, касавшихся даннаго предмета (труды которыхъ значатся въ спискѣ книгъ, прочитанныхъ г. Лохтинымъ), но г. Лохтинъ, тѣмъ не менѣе, пребываетъ

въ невѣдѣніи того, въ чемъ заключается различіе пріемовъ собиранія свѣдѣній объ урожаяхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ съ одной стороны, земствомъ и департаментомъ земледѣлія—съ другой. Ему кажется, что бланки,—разсылаемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ, черезъ посредство волостныхъ правленій, мѣстнымъ хозяевамъ, въ количествѣ двѣнадцати на каждую волость, и заключающіе вопросы о засѣянныхъ и собранныхъ хлѣбахъ,—предназначены для свѣдѣній не о двѣнадцати только хозяйствахъ волости и заполняются не тѣми самыми хозяевами, которые сообщаютъ о себѣ требуемыя свѣдѣнія. Онъ полагаетъ, что хозяева, о которыхъ идетъ рѣчь (и которыхъ онъ называетъ корреспондентами центральнаго статистическаго комитета), подобно добровольнымъ корреспондентамъ департамента земледѣлія и земства, собираютъ свѣдѣнія отъ разныхъ лицъ и представляютъ ихъ въ комитетъ. Составивъ себѣ такое понятіе о предметѣ, г. Лохтинъ резонно удивляется тому, на какомъ основаніи можно предполагать, что свѣдѣнія земскихъ корреспондентовъ будутъ вѣрнѣе свѣдѣній, получаемыхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. „Предположеніе, что крестьяне умѣютъ тонко отличать корреспондентовъ центральнаго статистическаго комитета отъ земскихъ, что они лгутъ только оффиціальнымъ корреспондентамъ и говорятъ правду земскимъ—дѣтски смѣшно“ (стр. 141). Смѣшно—еслибы не было такъ грустно—читать подобныя разъясненія по предметамъ его спеціальности со стороны ученаго статистика, опирающагося на свои знанія для того, чтобы проектировать коренныя преобразованія аграрнаго строя стомилліонной страны.

Незнакомство съ русской статистической литературой обнаруживается чуть не въ каждомъ фактѣ самозащиты г. Лохтина. „Замѣчанія г. В. В., что изданія центральнаго статистическаго комитета о землевладѣніи мнѣ неизвѣстны,—говоритъ онъ, напр., на стр. 140 новаго своего произведенія,—и что я пользовался ими изъ вторыхъ рукъ, даютъ тоже ложное представленіе о моемъ изслѣдованіи. Всѣ свѣдѣнія соотвѣтствующаго характера о Россіи мною взяты *изъ этихъ изданій*“. Въ доказательство этого утвержденія г. Лохтинъ сообщаетъ, что свѣдѣнія о величинѣ владѣній, распредѣленіи угодій, о посѣвныхъ площадяхъ и количествѣ пара заимствованы имъ изъ изданія центральнаго статистическаго комитета—„Сборника свѣдѣній по Европейской Россіи за 1882 г.“,—не вѣдая того, что этотъ „Сборникъ“ и есть „вторыя руки“, а что „изданія центральнаго статистическаго комитета о землевладѣніи“, служащія первымъ источникомъ для вышеуказанныхъ свѣдѣній, носятъ заголовки: „Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи“, „Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, серія III, вып. 10, Поземельная

собственность Европейской Россіи 1877—78 гг.", „Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, серія III, вып. IV, Распредѣленіе земель по угодьямъ и пахатныхъ по посѣвамъ въ Европейской Россіи за 1881 годъ".

Мы считаемъ излишнимъ останавливаться дольше на вопросѣ о томъ, справедливо ли общее заключеніе г. Лохтина, что моя рецензія на его книгу „неосновательна и крайне пристрастна",—и опровергъ или подтвердилъ онъ своими объясненіями мнѣніе рецензіи о томъ, что онъ вовсе не знакомъ или знакомъ очень поверхностно съ источниками свѣдѣній о Россіи, составлявшихъ спеціальный предметъ его разработки. Намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о главномъ предметѣ его новой книги.

Въ своемъ первомъ трудѣ г. Лохтинъ коснулся вопроса о причинахъ „специфической разницы между Россіей и другими странами въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". По этому поводу въ рецензіи „Вѣстника Европы" было высказано слѣдующее: „Мы опасаемся, что данный вопросъ авторъ, пожалуй, еще менѣе изучалъ по источникамъ, чѣмъ вопросъ о современномъ положеніи хозяйства, и та мысль, которую онъ развиваетъ въ этой главѣ (что всему причиной злосчастная община), равно какъ и способъ аргументаціи (ссылка на исторію земледѣлія и на процессъ уничтоженія общины на Западѣ), даютъ много основаній предполагать, что указанныя авторомъ причины отсталости нашего хозяйства не были признаны имъ за таковыя послѣ серьезнаго изслѣдованія предмета; что онъ принялъ извѣстныя мнѣнія, какъ принимаетъ масса ходячія воззрѣнія по тому или другому важному и интересному вопросу. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ браться за очень сложный вопросъ о причинахъ низкаго состоянія нашего хозяйства и о роли общины въ развитіи земледѣлія, г. Лохтину слѣдовало бы ознакомиться съ русской экономической и преимущественно земской литературой". Причинамъ „специфической разницы между Россіей и другими странами въ сельскохозяйственномъ отношеніи" посвященъ новый трудъ г. Лохтина, и читатель, конечно, догадывается, что наши опасенія оказались не напрасны, и что, посвящая свою работу аграрному строю Россіи, авторъ не ознакомился какъ слѣдуетъ „съ русской экономической и, преимущественно, земской литературой". Такъ, въ перечнѣ авторовъ, съ трудами которыхъ ознакомился г. Лохтинъ, указанъ лишь одинъ (К. Р. Качоровскій) изслѣдователь русской общины, издавшій очень цѣнную по этому предмету книгу, но которая составляетъ лишь начало многотомнаго изслѣдованія объ общинѣ. Г. Лохтину неизвѣстно даже классическое сочиненіе о московской общинѣ покойнаго В. И. Орлова. Съ такимъ научнымъ багажемъ, конечно, нельзя было *изслѣдовать* вопросъ о дѣйствительномъ значе-

ніи общины въ сельско-хозяйственной жизни страны и о роли этого фактора, въ ряду другихъ вліяній, въ процессѣ постепеннаго упадка крестьянскаго хозяйства. Никакими другими вліяніями, впрочемъ, г. Лохтинъ не занимается; не интересуется онъ и дѣйствительною жизнью русской общины въ многообразныхъ ея проявленіяхъ въ отношеніи сельскаго хозяйства; онъ только перечисляетъ по русскимъ и нѣмецкимъ книжкамъ техническія и экономическія неудобства аграрной и сельскохозяйственной общины вообще, и на эти недостатки возлагаетъ отвѣтственность за всѣ, кажется, экономическія бѣды русскаго крестьянства, вплоть до отсутствія подсобныхъ для земледѣлія занятій и чуть-ли не вывоза нашего хлѣба за границу. Недостатки эти: скученная жизнь земледѣльцевъ и удаленность полей отъ жилья и скотныхъ дворовъ; трехполье съ мертвымъ паромъ; прогонъ общаго стада черезъ поля отдѣльныхъ общинниковъ; раздробленность земли каждаго хозяина на отдѣльные куски; господство надъ личностью крестьянина власти міра и обычнаго права и т. п.

Эта „устарѣлая система быта крестьянъ ведетъ къ послѣдствіямъ невыгоднымъ не только для крестьянъ, но и для всего государства. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ указать на расточительное и до безсмысленности небрежное отношеніе къ дарамъ природы и къ Богомъ данной способности трудиться“. Выясняетъ это авторъ, сравнивая Россію съ Китаемъ (стр. 29). „Китайцы тщательно удобряютъ землю, употребляя для этого рѣшительно все, что можно достать“; земля ихъ не истощается, а обогащается. Въ Россія „въ вывозимыхъ заграницу хлѣбѣ и продуктахъ скотоводства, и также въ предметахъ, потребляемыхъ городами, земля лишается безвозвратно огромныхъ богатствъ... Заводы, бойни спускаютъ свои отбросы въ рѣку“. Весь навозъ человѣческій, большая часть животнаго, кости и т. д. „теряются зря и безъ толку“. Крестьяне „совершенно равнодушно (?) относятся къ гибели большей части или всего навоза и другихъ удобрительныхъ веществъ“. „Болѣе безсмысленнаго и расточительнаго отношенія къ богатствамъ земли нельзя себѣ представить“ (стр. 31). „Китайцы имѣютъ особыя печи для согрѣванія жилищъ и особыя небольшія печи для приготовленія кушаній“. Они „готовятъ кушанья въ небольшихъ печуркахъ, причемъ вся посуда имѣетъ тонкое дно и нагрѣвается снизу. Нѣсколько горстей сухихъ листьевъ и прутиковъ достаточно для изготовленія обѣда“. „У русскаго крестьянина такого раздѣленія нѣтъ, и въ теплое время печь требуетъ для прогрѣванія почти столько же топлива, какъ и зимою“; для приготовленія пищи „употребляется не прямое тепло топлива, а переданное каменной кладкѣ печи“. „Какъ топливо китайцы употребляютъ всевозможную дрянь: сухіе листья и прутья изъ лѣса (дѣти лазятъ за сухими

листьями на деревья), сухоподстой и т. п.". Наши же лѣса „почти никогда не прорѣзаются и не очищаются... и черезъ гніеніе гибнетъ масса лѣсного матеріала и лѣсныхъ отбросовъ безъ всякой пользы" (стр. 37). „Снѣговая и дождевая вода безполезно стекаютъ съ утрамбованнаго скотомъ и высушеннаго солнцемъ пара"; „никакихъ мѣръ для удержанія и равномѣрнаго распредѣленія снѣга по полямъ не предпринимается"; „у крестьянъ нѣтъ ни малѣйшихъ (?) попытокъ къ орошенію полей (и даже огородовъ), нѣтъ попытокъ избѣжать вымачиванія и вымерзанія посѣвовъ". Крестьянинъ тратитъ „безтолково" массу труда на проѣздъ къ отдаленнымъ полямъ. Вмѣстѣ съ этимъ „также безтолково тратятся время, кормовыя средства, издержки на ремонтъ сбруи, телѣгъ, фуръ и т. п." (стр. 33). Слово „безтолковый" въ примѣненіи къ крестьянскому труду такъ и мелькаетъ на страницахъ разбираемой нами книги. Не брезгуетъ авторъ и другими не менѣе лестными для крестьянъ выраженіями и мыслями. Крестьянинъ— это „манекенъ, автоматически двигающійся, будучи сжатъ и подталкиваемъ со всѣхъ сторонъ такими же манекенами, и свободнымъ (?), хотя и не вполнѣ, онъ можетъ сдѣлаться только однимъ путемъ—отказавшись отъ земли и сдѣлавшись пролетаріемъ" (стр. 18). Его „обычное право—право сильнаго и безправіе слабаго" (стр. 24). „Прославленное равномѣрное распредѣленіе земли между общинниками не можетъ быть поставлено въ заслугу міру, такъ какъ всегда находилось (?) подъ отеческимъ контролемъ правительственныхъ органовъ или помѣщиковъ, не допускавшихъ крупныхъ несправедливостей". „Земля въ общинахъ, какъ извѣстно, дѣлится часто (?) весьма неравномѣрно, причемъ невліятельные крестьяне получаютъ дальнія поля". „Если бы крестьянинъ вздумалъ лучше другихъ удобрять свою землю, то уже черезъ немного лѣтъ поля его стали бы подвергаться осмотрамъ многихъ плотоядныхъ глазъ, и умы его сочленовъ стали бы разрабатывать игривыя комбинаціи, имѣющія цѣлью продажу его земли съ молотка и полученіе возможно большаго могарыча" (стр. 20—21). Только съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ „въ хаотическій міръ крестьянскаго самоуправленія и суда былъ все-таки внесенъ нѣкоторый порядокъ, судебнымъ и другимъ рѣшеніямъ крестьянъ приданъ нѣкоторый характеръ однообразія и опредѣленности", а „розга все рѣже употребляется въ крестьянскомъ „правосудіи". Точно также „и земская помощь крестьянамъ (или земская опека надъ крестьянами) въ различныхъ отрасляхъ жизни (образовательной, врачебной, агрономической и т. д.) явилась значительною частью вслѣдствіе полной неспособности крестьянскаго міра къ разумной и плодотворной общественной самодѣятельности" (стр. 28). „Составленный изъ манекеновъ, насильно связанныхъ другъ съ другомъ, не довѣряющихъ одинъ

другому и управляемыхъ калейдоскопически измѣнчивымъ большинствомъ, онъ способенъ къ нововведеніямъ только подъ воздѣйствіемъ властей, земцевъ, сосѣднихъ помѣщиковъ или постороннихъ лицъ" (стр. 20).

Всѣ эти воздѣйствія, равно какъ и другія мѣропріятія земства и правительства не приведутъ, однако, по мнѣнію г. Лохтина, даже къ предупрежденію дальнѣйшаго истощенія полей, если не послѣдуетъ предварительно преобразованіе техническихъ и экономическихъ условій крестьянскаго хозяйства, т.-е. если часть домохозяевъ крупныхъ селеній не будетъ выселена на окраины надѣла, а оставшіеся на мѣстахъ не получатъ въ личную собственность цѣльные участки земли въ одной межѣ, близъ усадебъ. Когда же это будетъ сдѣлано, начнется эра благополучія крестьянина. „Вслѣдствіе надѣленія крестьянина личною, хотя бы и не отчуждаемою собственностью въ одномъ кускѣ близъ дома, возникло бы безконечное множество культуръ и производствъ, матеріальное положеніе крестьянина улучшилось бы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ деревнѣ явился бы состоятельный покупатель, при отсутствіи котораго хирѣютъ фабрично-заводская и кустарная промышленность, страдаютъ и рабочіе промыслы" (стр. 38). „Въ этомъ случаѣ необходимо произошла бы безконечная спеціализація хозяйствъ и для крестьянъ открылась бы возможность множества различныхъ производствъ, связанныхъ со спеціальными культурами на ихъ землѣ или же съ добычею глины, песка, рудъ, камней, торфа и т. п." (стр. 36). „Пески, овраги, солончаки, болота, мочежины, въ настоящее время никакихъ мѣропріятій со стороны крестьянина, кромѣ почесыванія въ нѣкоторомъ мѣстѣ, не вызывающіе, сдѣлавшись личною собственностью крестьянина, были бы обращены въ доходныя статьи—въ рыбные пруды, мѣста для культуры любящихъ обиліе воды растеній, водные резервуары для орошенія и т. п. Если китайцы устроиваютъ поля и огороды на скалистыхъ горахъ, на рѣкахъ (на плотахъ, судахъ и лодкахъ) и т. п., то и нашъ крестьянинъ, поставленный въ условія, допускающія свободную самодѣятельность, съумѣлъ бы обратить себѣ на пользу разныя неудобныя мѣста" (стр. 17). „Образованіе народа—великая вещь". Но такъ какъ „плодотворная сельско-хозяйственная дѣятельность невозможна для крестьянъ по условіямъ ихъ быта, ...то результатъ теперь былъ бы тотъ же, если бы всѣ крестьяне были магистрами агрономіи" (стр. 27). И затѣмъ, „предварительное образованіе не необходимо для возможности введенія интенсивнаго хозяйства". „Это показываютъ примѣры другихъ странъ. Такъ, земледѣльцы древняго Египта, Ассиріи и т. п., гдѣ сельско-хозяйственная культура стояла на высокой ступени, были люди необразованные. „..Китайцы, японцы, индусы, у которыхъ землепашество стоитъ высоко, отнюдь

не образованнѣе русскихъ крестьянъ. ...Съ другой стороны, несомнѣнно что и въ настоящее время нашъ крестьянинъ оказался бы вполнѣ способенъ къ интенсивной сельско-хозяйственной работѣ, если бы ему была дана къ тому возможность" (стр. 42—43). Дайте только крестьянину „свободное распоряженіе землей" (стр. 17), и все остальное явится само собой.

Таковы историко-соціологическіе взгляды г. Лохтина, и его пониманіе экономическихъ, политическихъ и культурныхъ условій—промышленнаго развитія вообще, хозяйственнаго развитія Россіи въ частности. И откуда же явиться этому пониманію, если г. Лохтинъ, повидимому, до крайности ограничилъ свое общеніе съ печатнымъ словомъ! Если послѣ сказаннаго раньше нужны новыя свидѣтельства для подтвержденія этой мысли,—мы сошлемся на стр. 49 разбираемой книги, гдѣ г. Лохтинъ утверждаетъ, что „модными фразами" настоящаго времени являются фразы „о пользѣ общины, о великой миссіи русскаго народа" и что противники „кастового обособленія крестьянъ ведутся на буксирѣ его защитниками". Характерно въ этомъ смыслѣ и предисловіе къ разсматриваемому труду, въ которомъ г. Лохтинъ объявляетъ себя новаторомъ въ сферѣ обсуждаемыхъ имъ вопросовъ и признается, что „едва ли не первый выступаетъ публично противъ земско-крестьянскаго травосѣянія. Нужно, поэтому, ожидать, что предлагаемый теперь рядъ статей возбудитъ опроверженія и можетъ быть рѣзкія нападки" (ст. III). Можемъ успокоить г. Лохтина: особенныхъ возраженій онъ можетъ и не встрѣтить, такъ какъ проповѣдываемые имъ взгляды на общину—самые теперь модные. Ихъ можно цѣликомъ встрѣтить въ произведеніяхъ г. П. Д., г. А. Никольскаго и другихъ немалочисленныхъ противниковъ общины. А критика земско-крестьянскаго травосѣянія сдѣлалась даже любимымъ конькомъ одного изъ этихъ писателей. Въ новомъ произведеніи, поэтому, какъ и въ предшествующемъ, г. Лохтинъ лишь воспроизводитъ чужія мысли.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1903.

Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.— Порядокъ утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ.—Общее значеніе реформы.— Новое уголовное уложеніе: постановленія о вмѣняемости и вмѣненіи, о видахъ виновности, о давности, о религіозныхъ посягательствахъ.

Въ 1898 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинымъ были внесены въ государственный совѣтъ два законопроекта, изъ которыхъ одинъ касался введенія земскихъ учрежденій въ девяти западныхъ губерніяхъ, а другой—въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской. И тамъ, и тутъ предполагалось сохранить основной земскій принципъ—выборное начало, хотя и съ значительными отступленіями отъ типа принятаго для земскихъ губерній. Въ 1901 г., преемникъ И. Л. Горемыкина, Д. С. Сипягинъ, замѣнилъ оба проекта однимъ, предназначеннымъ какъ для двѣнадцати вышепоименованныхъ губерній, такъ и для губерніи архангельской. О главныхъ чертахъ этого проекта мы тогда же говорили довольно подробно [1]). Большая ихъ часть перешла въ законъ, Высочайше утвержденный 2-го апрѣля нынѣшняго года подъ именемъ—положенія объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ виленской, витебской, волынской, гродненской, кіевской, ковенской, минской, могилевской и подольской. Изъ самаго заголовка закона видно, что реформа коснулась только сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Позволительно надѣяться поэтому, что на губерніи сѣверныя и восточныя будетъ распространено, уже безъ всякихъ значительныхъ отступленій, общее земское положеніе. Такую надежду подтверждаетъ предполагаемое возстановленіе земскихъ учрежденій—земскихъ на самомъ дѣлѣ, а не только по имени,—въ области Войска Донскаго. Весьма вѣроятно, что совершенно особый порядокъ, установленный закономъ 2-го апрѣля, создается для западныхъ губерній лишь по со-

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ №№ 5 и 6 „Вѣстника Европы“ за 1901 г.

ображеніямъ политическаго характера, непримѣнимымъ къ сѣверной и восточной окраинѣ Европейской Россіи. Какъ бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что значительная часть государства остается, на неопредѣленное время, лишенною тѣхъ благъ, которыя даетъ истинное, хотя бы и не вполнѣ развитое и во многомъ ограниченное самоуправленіе. Постановленія большинства губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ западнаго края, такъ единодушно и такъ энергично выразившихъ желаніе воспользоваться этими благами, заставляли думать, что близокъ, наконецъ, рѣшительный шагъ, имѣвшійся въ виду уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, при самомъ утвержденіи перваго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Еще раньше комитетовъ за возможность безотлагательнаго дарованія западному краю настоящихъ земскихъ учрежденій высказались нѣкоторые изъ числа мѣстныхъ администраторовъ, въ томъ числѣ генералъ Драгомировъ. Земское хозяйство далеко отъ жгучихъ политическихъ вопросовъ; въ его сферѣ могли бы мирно сойтись и національности, и сословія, найдя нормальный исходъ для жажды общественной дѣятельности, растущей параллельно съ интересомъ къ общему дѣлу... Въ текущемъ году новое положеніе будетъ введено въ дѣйствіе только въ губерніяхъ витебской, минской и могилевской; разрѣшеніе на дальнѣйшее его распространеніе должно быть испрашиваемо въ законодательномъ порядкѣ. Быть можетъ, опытъ трехъ губерній докажетъ необходимость перемѣны, болѣе рѣшительно отступающей отъ бюрократическихъ традицій.

Организація новыхъ учрежденій почти во всемъ сходна съ тою, которая была намѣчена Д. С. Сипягинымъ. Мѣсто, въ общей земской организаціи принадлежащее губернскому земскому собранію, въ западномъ краѣ занимаетъ губернскій комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства. Въ составъ его входятъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, съ одной стороны—должностныя лица (губернскій предводитель дворянства [1]), вице-губернаторъ, управляющій казенною палатою, начальникъ управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, представитель удѣльнаго вѣдомства, уѣздные предводители дворянства, непремѣнный членъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, непремѣнные члены губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, предсѣдатель и члены губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства и городской голова губернскаго города, а также, при разсмотрѣніи дѣлъ извѣстнаго рода, представители вѣ-

---

[1]) Припомнимъ, что предводители дворянства въ западномъ краѣ не выбираются, а назначаются, и слѣдовательно являются должностными лицами въ полномъ смыслѣ этого слова.

домствъ или частей, которыхъ эти дѣла ближайшимъ образомъ касаются); съ другой стороны—земскіе гласные, въ числѣ двухъ отъ каждаго уѣзда [1]), назначаемые, на три года, министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа лицъ, имѣющихъ постоянное мѣстожительство въ уѣздѣ, если они сами (или жены или родители ихъ) владѣютъ не менѣе трехъ лѣтъ въ предѣлахъ уѣзда, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, обложеннымъ на земскія повинности недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ заведеніемъ. На каждую *должность* земскаго гласнаго (гласные при исполненіи своихъ обязанностей приравниваются къ должностнымъ лицамъ) и кандидата къ нему губернаторъ, по соглашенію съ губернскимъ и мѣстнымъ уѣзднымъ предводителями дворянства, представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ не менѣе двухъ лицъ, но выборъ гласныхъ именно изъ числа этихъ лицъ для министра не обязателенъ. Земскіе гласные пользуются правомъ голоса на одинаковыхъ съ прочими членами основаніяхъ. Губернскіе комитеты созываются въ собранія годичныя (для разсмотрѣнія смѣтъ, раскладокъ, отчетовъ и жалобъ на дѣйствія управъ) и обыкновенныя. Для открытія годичнаго собранія требуется прибытіе не менѣе половины земскихъ гласныхъ, входящихъ въ составъ комитета; если оно не состоится, то созывается второе собраніе, дѣйствительное независимо отъ числа прибывшихъ гласныхъ. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ присутствіе извѣстнаго числа гласныхъ необходимо только при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ дѣлъ, перечисленныхъ въ законѣ. Дѣла въ губернскомъ комитетѣ рѣшатся простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ перевѣсъ дастъ мнѣніе предсѣдателя, т.-е. губернатора. Рѣшенія, не требующія дальнѣйшаго утвержденія, могутъ быть переносимы губернаторомъ, если онъ остался въ меньшинствѣ, на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Уѣздный комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ уѣзда, уѣзднаго исправника, представителей министерства земледѣлія и удѣльнаго вѣдомства, инженера по дорожной части, мѣстнаго городского головы (или городского старосты), непремѣнныхъ членовъ уѣздной управы по дѣламъ земскаго хозяйства и 2—5 волостныхъ старшинъ, по назначенію губернатора. Уѣздный комитетъ ничего окончательно не рѣшаетъ, ограничиваясь составленіемъ *проектовъ* смѣтъ и раскладокъ и представленіемъ губернскому комитету ходатайствъ, свѣдѣній и заключеній. Для дѣйствительности собранія комитета требуется присут-

---

[1]) Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется по ходатайствамъ комитетовъ увеличивать, въ случаѣ надобности, число гласныхъ отъ отдѣльныхъ уѣздовъ до пяти.

ствіе не менѣе семи членовъ, въ томъ числѣ по крайней мѣрѣ одного земскаго гласнаго и одного волостного старшины.

Исполнительными органами новыхъ учрежденій служатъ въ губерніи — губернская, въ уѣздѣ — уѣздная управа по дѣламъ земскаго хозяйства. Предсѣдатель и члены (числомъ отъ трехъ до пяти) губернской управы назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа лицъ, пользующихся правами государственной службы, если они удовлетворяютъ требованіямъ, установленнымъ по отношенію къ земскимъ гласнымъ *или* близко знакомы съ мѣстными условіями по прежней своей служебной дѣятельности въ губерніи. Уѣздная управа образуется, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ уѣзднаго исправника, одного изъ податныхъ инспекторовъ, двухъ земскихъ гласныхъ отъ уѣзда (по назначенію губернскаго комитета) и непремѣнныхъ членовъ, число которыхъ опредѣляется въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ. Непремѣнные члены назначаются губернаторомъ, по представленію губ. управы, съ соблюденіемъ правила, установленнаго для назначенія предсѣдателя и членовъ губернской управы. Для завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства могутъ быть назначаемы министромъ внутреннихъ дѣлъ, на три года, особые попечители, съ правомъ ношенія мундира и съ возмѣщеніемъ изъ земскихъ суммъ произведенныхъ ими по должности расходовъ.

Кругъ вѣдомства новыхъ учрежденій совпадаетъ, въ общемъ, съ кругомъ вѣдомства, предоставленнымъ земству положеніемъ 1890-го года. Нельзя сказать того же самаго о полномочіяхъ новыхъ учрежденій, сравнительно узкихъ. Разсмотрѣнныя губернскимъ комитетомъ смѣты и раскладки представляются министру внутреннихъ дѣлъ и подвергаются предварительному обсужденію въ особомъ совѣщаніи, вновь образуемомъ при хозяйственномъ департаментѣ министерства [1]). Въ первый годъ по введеніи въ дѣйствіе въ каждой губерніи новаго положенія смѣты и раскладки вносятся на утвержденіе законодательной власти, при чемъ государственнымъ совѣтомъ указываются тѣ ассигнованія, которыя и впредь не могутъ быть уменьшены иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ послѣдующіе годы смѣты и раскладки утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ, но первоначально установленный земскій сборъ съ недвижимыхъ имуществъ не можетъ быть увеличиваемъ больше, чѣмъ на три процента въ годъ. На разсмотрѣніе государственнаго

[1]) Въ составъ этого совѣщанія входятъ, подъ предсѣдательствомъ директора хозяйственнаго департамента, два члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, два члена отъ министерства финансовъ и представители другихъ вѣдомствъ (послѣдніе — при разсмотрѣніи дѣлъ и вопросовъ, касающихся даннаго вѣдомства).

совѣта вносятся: 1) предположенія объ увеличеніи земскихъ сборовъ выше упомянутой нормы; 2) предположенія объ измѣненіи смѣтъ и раскладокъ въ виду несоотвѣтствія ихъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явнаго нарушенія интересовъ мѣстнаго населенія; 3) предположенія объ уменьшеніи ассигнованій, изъятыхъ государственнымъ совѣтомъ изъ дѣйствія общихъ правилъ объ утвержденіи смѣтъ, и 4) разногласія между вѣдомствами, не устраненныя соглашеніемъ ихъ главныхъ начальниковъ.

Таковы главныя черты закона, котораго такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ западный край. Существенной перемѣны въ положеніе земскаго хозяйства онъ не вноситъ, оставляя его по прежнему въ рукахъ администраціи. Доказательствомъ этому служитъ, прежде всего, составъ губернскихъ комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ хотя и участвуютъ должностныя лица, но основаніемъ ихъ участія (за исключеніемъ только депутата отъ духовенства) служитъ либо привлеченіе ихъ вѣдомства къ платежу земскихъ сборовъ (представители казны и удѣловъ), либо выборное происхожденіе ихъ полномочій (губернскій и уѣздные предводители дворянства, городской голова губернскаго города, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ). Совсѣмъ не то будетъ представлять собою губернскій комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства: здѣсь должностныя лица будутъ засѣдать именно въ качествѣ должностныхъ лицъ, назначенныхъ начальствомъ и относящихся къ занятіямъ комитета какъ ко всякому другому ввѣренному имъ по службѣ дѣлу. Въ губернскомъ земскомъ собраніи представители казны и удѣловъ могутъ чувствовать себя призванными, наравнѣ съ гласными, къ исполненію общественной задачи; въ губернскомъ комитетѣ они неизбѣжно будутъ смотрѣть на дѣло съ той же точки зрѣнія, какъ и другія, засѣдающія рядомъ съ ними губернскія власти. Примыкать къ послѣднимъ, въ силу своего положенія, будутъ и назначенные предводители дворянства, и назначенный составъ губернской управы. Единственнымъ выборнымъ лицомъ въ комитетѣ будетъ городской голова губернскаго города. Наименьшее число уѣздовъ въ губерніяхъ западнаго края—7, наибольшее—12; слѣдовательно, всѣхъ должностныхъ лицъ въ губернскомъ комитетѣ будетъ отъ 20 до 25, не считая временно приглашаемыхъ [1]), а земскихъ гласныхъ, вмѣстѣ съ городскимъ головой, отъ 15 до 25. Большинство голосовъ почти всегда, такимъ образомъ, будетъ на сторонѣ первыхъ, тѣмъ болѣе, что, живя (за исключеніемъ уѣздныхъ предводителей дворянства) въ губернскомъ

[1]) Замѣтимъ, что изъ числа временно приглашаемыхъ (съ правомъ голоса) членовъ комитета нѣкоторые (напр. губернскій инженеръ, губернскій врачебный инспекторъ, губернскій ветеринарный инспекторъ) прямо подчинены губернатору.

городѣ, они могутъ гораздо аккуратнѣе посѣщать засѣданія комитета, чѣмъ пріѣзжающіе изъ уѣздовъ земскіе гласные. Прибавимъ къ этому, что губернатору, при раздѣленіи голосовъ поровну, принадлежитъ рѣшающій голосъ. Еще важнѣе, конечно, отсутствіе существеннаго различія между должностными лицами, входящими въ составъ комитета, и такъ-называемыми земскими гласными (говоримъ: *такъ называемыми*, потому что до сихъ поръ гласными именовались одни выборные общественныхъ учрежденій). Назначаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ и самимъ закономъ приравниваемые къ должностнымъ лицамъ, они будутъ имѣть очень мало общаго съ гласными земскихъ собраній. Фактически назначеніе ихъ будетъ зависѣть, въ большинствѣ случаевъ, отъ губернатора, такъ какъ министръ рѣдко будетъ располагать свѣдѣніями, идущими изъ другого источника, а соглашеніе съ *назначаемыми* предводителями дворянства не составитъ серьезной гарантіи правильнаго выбора [1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ гласные будутъ чаще попадать люди безцвѣтные, безличные, податливые, чѣмъ самостоятельные, энергичные, умѣло и бодро отстаивающіе свои мнѣнія. Для всѣхъ тѣхъ, кто входитъ въ составъ комитета ex officio, и въ особенности для его предсѣдателя, сессія комитета будетъ не особенно пріятнымъ отвлеченіемъ отъ обычныхъ занятій; естественно явится желаніе сократить ее до крайнихъ предѣловъ—а для этого нужно какъ можно меньше задержекъ со стороны гласныхъ, т.-е. какъ можно меньше возраженій противъ одобренныхъ губернаторомъ докладовъ губернской управы. Гласные, дорожащіе этимъ званіемъ и желающіе сохранить его по истеченіи трехлѣтняго срока, будутъ избѣгать всего того, что̀ можетъ помѣшать новому назначенію; гласные по неволѣ, тяготящіеся своими обязанностями, будутъ неисправно посѣщать засѣданія комитета. А между тѣмъ, абсентеизмъ гласныхъ можетъ имѣть тѣмъ болѣе серьезное значеніе, что въ обыкновенныхъ собраніяхъ комитета многія дѣла подлежатъ рѣшенію независимо отъ числа явившихся гласныхъ. Даже въ лучшемъ случаѣ, при аккуратности, добросовѣстности и независимости гласныхъ, они будутъ гораздо менѣе освѣдомлены о положеніи своего уѣзда, чѣмъ гласные губернскихъ земскихъ собраній, какъ потому, что каждый изъ двухъ гласныхъ можетъ быть хорошо знакомъ только съ сравнительно небольшою частью уѣзда, такъ и потому, что недостатокъ личнаго опыта не будетъ—мы сейчасъ это увидимъ—пополняться преніями уѣзднаго комитета. Очень слаба, наконецъ, можетъ быть связь гласнаго съ мѣстностью, которую онъ какъ бы представляетъ въ губернскомъ коми-

[1]) Отъ соглашенія съ предводителями можно ожидать только одного: подбора гласныхъ преимущественно изъ числа лицъ, преданныхъ интересамъ крупнаго землевладѣнія.

тетѣ. Отъ него требуется только уплата земскаго сбора, въ какомъ бы то ни было количествѣ, хотя бы самомъ ничтожномъ. Мы сочувствовали бы такому пониженію пассивнаго избирательнаго ценза, еслибы дѣло шло о *выборѣ*; но при *назначеніи*—сравнительно высокій цензъ больше гарантируетъ самостоятельность назначаемаго. Правда, установленіе сколько-нибудь высокаго ценза мѣшало бы приглашенію гласныхъ изъ среды крестьянъ—но представительство ихъ могло бы быть достигнуто другимъ путемъ, сходнымъ, напримѣръ, съ намѣченнымъ въ проектѣ И. Л. Горемыкина.

Если положеніе гласныхъ въ губернскомъ комитетѣ представляетъ мало условій для плодотворной дѣятельности, то еще менѣе оно благопріятно въ уѣздномъ комитетѣ, гдѣ они—даже съ присоединеніемъ къ нимъ городского головы—являются ничтожнымъ меньшинствомъ среди массы должностныхъ лицъ. Къ числу послѣднихъ, въ виду состава комитета, слѣдуетъ присоединить и волостныхъ старшинъ, такъ какъ они, будучи назначены губернаторомъ и дѣйствуя на глазахъ своего непосредственнаго начальства, не могутъ не сознавать себя агентами власти, а вовсе не представителями крестьянства. Въ такомъ собраніи земскіе гласные не могутъ ни почерпнуть свѣдѣнія о положеніи всѣхъ частей уѣзда, ни узнать настоящія нужды и желанія населенія. Нѣтъ, притомъ, и достаточнаго побужденія къ дѣятельному участію въ собраніи, вся задача котораго сводится къ приготовленію матеріала для работъ губернскаго комитета. Въ сущности законъ 2-го апрѣля создаетъ, для дѣлъ земскаго хозяйства, только одинъ распорядительный органъ—*губернскій*. Неудобства такого порядка были указаны нами еще при разборѣ законопроекта 1898-го года. Даже уѣздъ—говорили мы тогда—„слишкомъ великъ, его части слишкомъ разнородны, населеніе его слишкомъ мало соприкасается съ центромъ. Это отражается, въ бо̀льшей или меньшей степени, на всѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства. Возможно ли, въ виду этого, разсчитывать на успѣхъ земской организаціи, еще гораздо болѣе отдаленной отъ населенія? Не ясно ли, что если уѣздному земскому собранію не всегда по силамъ одинаково внимательное отношеніе ко всѣмъ частямъ уѣзда, одинаково успѣшная охрана ихъ спеціальныхъ интересовъ, то отъ губернскаго земскаго собранія тѣмъ меньше можно ожидать правильнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся только одного уѣзда, одной части уѣзда, одной волости“? Все это еще въ бо̀льшей степени примѣнимо къ губернскому комитету. Нельзя не признать, однако, что облечь уѣздные комитеты, по отношенію къ уѣзду, тѣми же правами, какія даны губернскимъ комитетамъ по отношенію къ губерніи, было бы до крайности рискованно. Губернскій комитетъ больше на виду, чѣмъ уѣздный, больше долженъ считаться и съ оффиціальнымъ контролемъ, и съ обществен-

нымъ мнѣніемъ. Въ уѣздной глуши широкія полномочія собранія, не связаннаго, по своему происхожденію, съ мѣстнымъ населеніемъ, были бы, поэтому, особенно неудобны.

Всецѣло бюрократическими учрежденіями являются, по закону 2-го апрѣля, губернскія и уѣздныя управы по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернская управа ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ другихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что предсѣдатель ея и члены могутъ быть назначаемы даже не изъ числа мѣстныхъ коренныхъ жителей или землевладѣльцевъ. Ознакомленіе съ мѣстными условіями путемъ прежней служебной дѣятельности—это такое требованіе, подъ которое легко подвести любого изъ числа „старослужащихъ" данной губерніи. Для составленной такимъ образомъ губернской управы мнѣніе губернатора не можетъ не быть несравненно болѣе важнымъ, чѣмъ рѣшеніе губернскаго комитета. Усмотрѣвъ неправильныя дѣйствія управы или подвѣдомственныхъ ей лицъ и учрежденій, губернаторъ предлагаетъ управѣ о возстановленіи нарушеннаго порядка и о своихъ распоряженіяхъ сообщаетъ губернскому комитету—сообщаетъ, очевидно, только для свѣдѣнія, такъ какъ губернскому комитету не предоставлено обсуждать пререканія между губернаторомъ и управой. Подчиненность управы является, такимъ образомъ, полной, ничѣмъ не смягченной. Уѣздныя управы точно такъ же подчинены губернской, а черезъ нее—губернатору. Самый составъ уѣздныхъ управъ не благопріятствуетъ ни самостоятельности ихъ, ни распорядительности: первой—потому что всѣ члены управы (за исключеніемъ, быть можетъ, податного инспектора) прямо или косвенно зависимы отъ губернатора, второй—потому что предсѣдателемъ управы состоитъ уѣздный предводитель дворянства, обремененный массою дѣлъ, а членовъ слишкомъ много, и солидарности между ними, въ виду различія ихъ положеній, ожидать трудно. Бюрократично и внутреннее устройство управы: распредѣленіе обязанностей между предсѣдателемъ и членами управъ утверждается министромъ внутреннихъ дѣлъ или губернаторомъ; предсѣдателю предоставлено останавливать исполненіе опредѣленія управы, и притомъ не только въ случаѣ противорѣчія его закону, но и въ случаѣ несогласія его съ постановленіемъ губернскаго комитета. Единству и правильности земскаго управленія едва ли, наконецъ, будутъ способствовать попечители, назначаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ. Институтъ попечителей выросъ и развился на земской почвѣ; побужденіемъ къ принятію этой должности служитъ довѣріе избирателей. Трудно предположить, чтобы равносильнымъ стимуломъ могло оказаться право на ношеніе мундира.

Среди возраженій, вызванныхъ, два года тому назадъ, проектомъ

Д. С. Сипягина, большую роль играли указанія на несоотвѣтствіе между характеромъ проектируемыхъ учрежденій и предоставленіемъ имъ съ одной стороны, наравнѣ съ земствомъ, правъ юридическаго лица, съ другой—права обложенія, принадлежавшаго до сихъ поръ только законодательной власти и представителямъ населенія. Первая аномалія устранена закономъ 2-го апрѣля, въ силу котораго право пріобрѣтать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать въ обязательства, искать и отвѣчать на судѣ предоставлено новымъ учрежденіямъ на основаніи общихъ *для казенныхъ управленій* правилъ. Совершенно правильно, такимъ образомъ, вновь созданное „управленіе земскимъ хозяйствомъ" въ западныхъ губерніяхъ приравнено къ другимъ казеннымъ управленіямъ. Вторая аномалія не устранена, а только смягчена тѣми постановленіями о порядкѣ утвержденія смѣтъ, которыя приведены нами выше: управленію по дѣламъ земскаго хозяйства и министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставлено увеличивать обложеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ и на почвѣ, предварительно установленной въ законодательномъ порядкѣ. До извѣстной степени, слѣдовательно, сохраняютъ свою силу всѣ аргументы, приведенные, въ свое время, противъ первоначальнаго законопроекта. Постановленія губернскаго комитета, поступающія на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ не въ силу закона, а вслѣдствіе разногласія между губернаторомъ и губернскимъ комитетомъ, *разрѣшаются* министромъ, по соглашенію, когда нужно, съ заинтересованными вѣдомствами. Отсюда слѣдуетъ заключить, что министръ въ правѣ не только *отмѣнить*, но и *измѣнить* постановленіе губернскаго комитета, т.-е. замѣнить его собственнымъ своимъ рѣшеніемъ... Весьма характерно, что губернскому комитету предоставлено возбуждать ходатайства не о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, а только „по различнымъ вопросамъ управленія земскимъ хозяйствомъ". Это совершенно логично, такъ какъ меньше всего губернскій комитетъ является представительствомъ мѣстнаго населенія. Другая характерная черта —крайнее ограниченіе гласности земскаго управленія. О публичности засѣданій комитетовъ не говорится вовсе, и она по всей вѣроятности допущена не будетъ. Печатанію въ губернскихъ вѣдомостяхъ подлежатъ только важнѣйшія постановленія губернскаго комитета и отчеты губернской управы.

Наивно утверждая, что новый законъ привлечетъ къ участію въ земскомъ хозяйствѣ западнаго края *лучшихъ* представителей мѣстнаго населенія, реакціонная печать спѣшитъ провозгласить, что реформа 2-го апрѣля „имѣетъ не только мѣстное значеніе, а представляетъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, и важный политическій шагъ". „Наконецъ-то" —восклицаютъ „Московскія Вѣдомости" (№ 123)—„рѣшились мы (?)

признать, что надлежащая забота о мѣстномъ благоустройствѣ не должна непремѣнно оплачиваться всѣми прелестями мѣстной избирательной борьбы, что привлеченіе мѣстнаго населенія къ заботамъ о земскомъ хозяйствѣ возможно и не на выборномъ началѣ. Пока это лишь теорія. Мы не сомнѣваемся, что черезъ нѣсколько лѣтъ она будетъ считаться незыблемо подтвержденною опытомъ, а въ этомъ случаѣ самъ собою естественно возникаетъ вопросъ: не лучше ли распространить этотъ болѣе совершенный, чѣмъ выборная система, порядокъ привлеченія населенія къ участію въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи и на внутреннія губерніи"? Мы не беремся, подобно московской газетѣ, предсказывать будущее—но мы знаемъ прошедшее, а оно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что все полезное и прочное, созданное земствомъ, достигнуто имъ благодаря независимости, возможной только при дѣйствіи выборнаго начала. Въ учрежденіяхъ, которыя вводятся теперь въ западныхъ губерніяхъ, мы видимъ, поэтому, только временную мѣру, только переходъ къ нормальнымъ основамъ земскаго хозяйства.

Возвращаемся къ новому уголовному уложенію, нѣкоторыя особенности котораго были указаны нами въ предъидущемъ обозрѣніи. Къ наиболѣе совершеннымъ его отдѣламъ принадлежатъ, безспорно, постановленія объ условіяхъ вмѣненія и преступности дѣяній. Одною статьею замѣняется здѣсь длинный перечень причинъ невмѣняемости, съ которымъ до сихъ поръ приходилось считаться нашимъ судамъ. „Не вмѣняется въ вину"—гласитъ ст. 39 новаго закона—„преступное дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, во время его учиненія, не могло понимать свойство и значеніе имъ совершаемаго или руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, или безсознательнаго состоянія, или же умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни". Подъ это общее опредѣленіе могутъ быть подведены всѣ основанія невмѣняемости, перечисленныя въ дѣйствующемъ уложеніи (безуміе, сумасшествіе, безпамятство, умоизступленіе, дряхлость, лунатизмъ, глухонѣмота), а также и другія, имъ не предусмотрѣнныя (напр. состояніе просонковъ, гипнозъ). Суду, опирающемуся на научную экспертизу, предоставленъ достаточный просторъ, дана возможность примѣняться къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая. На сколько новая редакція закона превосходитъ старую, объ этомъ можно судить по одному примѣру. По ст. 95-ой уложенія о наказаніяхъ не вмѣняется въ вину преступленіе, совершенное сумасшедшимъ, если онъ не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свой-

ствѣ своего дѣянія. Бываютъ, однако, такія формы душевнаго разстройства, при которыхъ сознается свойство (а слѣдовательно и противозаконность) дѣянія, но нѣтъ силы удержаться отъ его совершенія. Вполнѣ основательно, поэтому, новое уложеніе ставитъ рядомъ съ неспособностью понимать значеніе совершаемаго неспособность руководить своими поступками. Сжатости формы соотвѣтствуетъ здѣсь полнота содержанія. То же самое можно сказать и о статьяхъ, предусматривающихъ: случай, непреодолимую превосходящую силу, фактическую ошибку и необходимую оборону. Двѣ первыя причины невмѣненія объединены въ одной статьѣ (42-ой), несмотря на свою краткость вполнѣ исчерпывающей предметъ („не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, коего учинившій не могъ предвидѣть или предотвратить"). Новымъ и какъ нельзя болѣе цѣлесообразнымъ является правило ст. 47-ой, давно уже подсказываемое жизнью и судебною практикою: „не почитается преступнымъ дѣяніе, направленное на предметъ несуществующій или, очевидно, негодный для учиненія того рода преступнаго дѣянія, которое замышлено". Сомнѣнія внушаетъ намъ только одна статья даннаго отдѣла (44-ая), по которой „не почитается преступнымъ ни дѣяніе, учиненное во исполненіе приказа по службѣ, даннаго подлежащею властью въ предѣлахъ ея вѣдомства, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, если приказъ не предписывалъ явно преступнаго". „Для обязательности приказа"—сказано въ объясненіи къ этой статьѣ—„необходимо, чтобы исполнитель въ моментъ исполненія приказа не сознавалъ его явной противозаконности, такъ какъ интересы не только частныхъ лицъ, но общества и государства одинаково требуютъ, чтобы подчиненный, исполняя въ точности возложенное на него порученіе, не былъ бы только физическимъ орудіемъ въ рукахъ начальника". Именно изъ того, что исполнитель не долженъ быть только орудіемъ въ рукахъ начальника, слѣдуетъ заключить, что онъ безусловно не въ правѣ исполнять противозаконный приказъ и подлежитъ отвѣтственности за его исполненіе. Конечно, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ судъ можетъ оправдать подчиненнаго, установивъ, что онъ не сознавалъ противозаконность даннаго ему приказа; но заранѣе признавать наказуемымъ только исполненіе приказа *явно преступнаго*, значитъ поощрять подчиненныхъ къ неразборчивости въ исполненіи приказаній. Мы продолжаемъ думать [1]), что вполнѣ достаточно было бы первыхъ словъ статьи 44-ой: „не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное во исполненіе закона"; они обнимаютъ собою и дѣйствія, совершенныя на основаніи правильнаго по формѣ и не противозаконнаго по содержанію приказа. Желатель-

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 1 „Вѣстн. Европы" за 1883 г.

ной представлялась бы, по меньшей мѣрѣ, замѣна выраженія: „явно преступнаго“ выраженіемъ: „явно противозаконнаго“. Вполнѣ согласное съ мотивами закона, оно побудило бы подчиненныхъ къ бо́льшей осмотрительности въ исполненіи получаемыхъ ими приказаній. Явно преступными, т.-е. существенно нарушающими чье-либо основное право, приказы начальствующихъ лицъ бываютъ сравнительно рѣдко; гораздо чаще они идутъ дальше закона, раздвигая его рамки или обостряя его примѣненіе—и вотъ, именно этому произволу могла бы противодѣйствовать болѣе строгая отвѣтственность исполнителей. Поясним нашу мысль примѣромъ: представимъ себѣ, что земскій начальникъ, распоряжаясь, въ силу своей дискреціонной власти, арестомъ крестьянина на три дня, предписываетъ волостному старшинѣ содержать его на хлѣбѣ и на водѣ, не допуская снабженія его другой пищей со стороны его домашнихъ. Въ глазахъ волостного старшины такой приказъ едва ли былъ бы явно преступнымъ (какимъ было бы, напримѣръ, предписаніе не давать арестованному, въ теченіе трехъ дней, *никакой* пищи, т.-е. подвергнуть его мученіямъ голода и жажды); но явно противозаконнымъ онъ несомнѣнно можетъ и долженъ быть признанъ, такъ какъ въ составъ ареста, налагаемаго дискреціонною властью земскаго начальника, вынужденный постъ не входитъ. Ошибочно было бы утверждать, что законъ задается цѣлью свести къ минимуму право подчиненнаго на разсужденіе, обезпечить, по возможности, безпрекословное, слѣпое исполненіе начальственныхъ предписаній. Разсуждать подчиненнымъ придется и при дѣйствіи ст. 44-ой, потому что она освобождаетъ ихъ отъ отвѣтственности за исполненіе такихъ только приказовъ, которые даны: 1) *подлежащею* властью, 2) въ предѣлахъ ея вѣдомства и 3) съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Въ наличности всѣхъ этихъ признаковъ или условій, въ особенности двухъ послѣднихъ, нельзя убѣдиться, не разсуждая.

Много новаго и цѣннаго заключаетъ въ себѣ и отдѣлъ о видахъ виновности. *Двадцать четыре* статьи дѣйствующаго уложенія замѣнены здѣсь *пятью*, не только безъ ущерба, но съ выгодой для полноты и опредѣленности содержанія [1]). До крайности упрощены постановленія объ умыслѣ, о покушеніи и въ особенности о соучастіи

---

[1]) Не совсѣмъ точнымъ кажется намъ только опредѣленіе одного изъ видовъ неосторожности. Преступное дѣяніе—говорится въ ст. 48-ой—почитается неосторожнымъ, „когда виновный хотя и *предвидѣлъ наступленіе послѣдствія*, обусловливающаго преступность сего дѣянія, но легкомысленно предполагалъ такое послѣдствіе предотвратить“. Подчеркнутыя нами слова правильнѣе было бы замѣнить словами: *предвидѣлъ возможность послѣдствія*. Предвидѣть *наступленіе* послѣдствія дѣянія, значитъ дѣйствовать умышленно.

въ преступномъ дѣяніи. Безусловно наказуемымъ покушеніе признается только при тяжкихъ преступленіяхъ; покушеніе на преступленіе наказуемо только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, покушеніе на проступокъ не наказуемо вовсе. Къ числу сооучастниковъ не отнесены попустители, укрыватели и недоносители, подлежащіе отвѣтственности только въ извѣстныхъ случаяхъ, на основаніи спеціальныхъ узаконеній. Не всегда, также, подлежатъ наказанію подстрекатели и пособники, хотя они и причислены къ соучастникамъ. Въ отдѣлѣ объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость,—вниманія и сочувствія заслуживаетъ распространеніе давности не только на тѣ случаи, когда, въ теченіе извѣстныхъ сроковъ, не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, но и на тѣ, когда (въ теченіе сроковъ болѣе продолжительныхъ) не было постановлено приговора или приговоръ не былъ обращенъ къ исполненію.

Особенная часть уложенія начинается главою о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій. Въ проектѣ, составленномъ редакціонною коммиссіею, эта глава была семнадцатою, сообразно съ общей системой, переходящей послѣдовательно отъ охраны государства къ охранѣ общества и общественныхъ союзовъ, а отъ нея къ охранѣ частныхъ лицъ. Порядокъ этотъ, вслѣдствіе замѣчаній со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія, былъ измѣненъ уже въ окончательной редакціи проекта, внесенной на разсмотрѣніе государственнаго совѣта: преступленіямъ противъ вѣры возвращено мѣсто, занимаемое ими въ дѣйствующемъ уложеніи. Сравнительно мало измѣнено и самое содержаніе главы. Редакціонная коммиссія, какъ видно изъ объяснительной ея записки (т. IV), остается здѣсь, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, на почвѣ воззрѣній дѣйствующаго законодательства. Въ западно-европейскихъ государствахъ понятіе о посягательствахъ на Божество уступило мѣсто понятію о посягательствахъ на права религіозныхъ обществъ и ихъ членовъ—посягательствахъ, заключающихся либо въ стѣсненіи свободы богослуженія, либо въ непочтительномъ отношеніи къ тому, что составляетъ для многихъ предметъ благоговѣйнаго уваженія. Отсюда и самый характеръ наказаній,—въ Германіи и Франціи, напримѣръ, не идущихъ дальше тюремнаго заключенія. Редакціонная коммиссія заимствовала изъ дѣйствующаго уложенія понятіе о богохуленіи и оскорбленіи святыни, наказуемость котораго, какъ и теперь, обусловливается цѣлью произвести соблазнъ, увеличивается совершеніемъ преступнаго дѣянія въ молитвенномъ зданіи или публично—и уменьшается опьяненіемъ, неразуміемъ или невѣжествомъ преступника. За значительное смягченіе наказаній, грозящихъ виновному въ богохуленіи или оскорбленіи святыни, стоялъ только одинъ членъ коммиссіи (Н. С. Таганцевъ),

находя, что сущность богохуленія состоитъ не въ посягательствѣ на самое Божество, а въ посягательствѣ на религію, какъ на одну изъ нравственныхъ основъ государственной жизни, и что притомъ посягательства эти, не разрушая тѣхъ благъ, на которыя они направлены, служатъ лишь доказательствомъ отсутствія должнаго къ нимъ уваженія, возбуждая чрезъ то неудовольствіе и соблазнъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Н. С. Таганцевъ признавалъ достаточнымъ назначить за наиболѣе тяжкіе виды богохуленія или оскорбленія святыни ссылку на поселеніе, за менѣе тяжкіе — заточеніе, а при обстоятельствахъ, особо уменьшающихъ вину—арестъ. Большинство коммиссіи высказалось за лѣстницу наказаній, близко подходящую къ существующей: срочная каторга — поселеніе — заточеніе на срокъ не свыше трехъ лѣтъ—тюрьма. Эта система усвоена и уложеніемъ, съ тою только разницей, что рядомъ съ заключеніемъ въ крѣпости (т.-е. заточеніемъ) поставлено заключеніе въ исправительномъ домѣ, а тюрьма замѣнена арестомъ.

Болѣе существенно измѣненіе, внесенное уложеніемъ въ постановленія о поношеніи установленій и обрядовъ христіанской церкви и о поруганіи или поношеніи предметовъ, употребленіемъ при христіанскомъ богослуженіи освященныхъ. Объединяя эти преступленія, а также непристойныя насмѣшки надъ священными предметами или предметами вѣрованій, подъ общимъ именемъ кощунства, [1]) новое уложеніе караетъ ихъ тюрьмою (а въ случаѣ если они совершены по неразумію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія—арестомъ), между тѣмъ какъ въ настоящее время подобныя дѣянія могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, повлечь за собой ссылку на поселеніе или даже въ каторжную работу. Значительно смягчены также наказанія за нарушенія церковнаго благочинія, объединяемыя въ новомъ уложеніи подъ именемъ безчинства (арестъ и только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ тюрьма, а по дѣйствующему уложенію тюрьма на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ). Наказуемымъ, зато, новое уложеніе провозглашаетъ явное оскорбленіе одного изъ признанныхъ въ Россіи нехристіанскихъ исповѣданій (путемъ поношенія, поруганія или безчинства), если оно совершено въ молитвенномъ домѣ этого исповѣданія или при публичномъ отправленіи установленнаго имъ общественнаго религіознаго служенія (наказаніе—арестъ). Это нововведеніе вытекаетъ вполнѣ логически изъ основного

---

[1]) Въ дѣйствующемъ уложеніи кощунствомъ называются только насмѣшки, доказывающія явное неуваженіе къ христіанству. Н. С. Таганцевъ полагалъ, что кощунство (въ широкомъ смыслѣ слова), должно быть караемо не тюрьмою, а заточеніемъ.

закона, обезпечивающаго каждому инородцу — еврею, магометанину, язычнику—свободное отправленіе его вѣры по обычаю предковъ.

Въ составъ новаго уложенія не вошелъ цѣлый рядъ нынѣ дѣйствующихъ статей, предусматривающихъ отступленіе отъ православія и несоблюденіе правилъ православной церкви; но это объясняется исключительно тѣмъ, что всѣ подобныя статьи не установляли никакой свѣтской кары и лишь по недоразумѣнію были включены въ уголовное законодательство. Никакого шага впередъ, въ смыслѣ свободы выхода изъ господствующей церкви, уложеніе, слѣдовательно, собою не знаменуетъ. Запрещенною остается, по прежнему, пропаганда вѣроученій, несогласныхъ съ православіемъ. Въ подробностяхъ, однако, новое уложеніе существенно уклоняется отъ дѣйствующаго. По ст. 90-ой новаго уложенія виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе или секту, если эти дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года или арестомъ. Это наказаніе представляется болѣе мягкимъ въ сравненіи какъ съ дѣйствующимъ законодательствомъ (ст. 189 и 196: тюремное заключеніе на срокъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ), такъ и съ проектомъ редакціонной коммиссіи (заточеніе на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; за ограниченіе этого срока однимъ годомъ стояли только два члена коммиссіи, Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій). На одинъ уровень съ пропагандой редакціонная коммиссія ставила совершеніе раскольникомъ или сектантомъ духовной требы для лица завѣдомо православнаго; уложеніе (ст. 91) отнеслось къ этому дѣянію болѣе снисходительно, назначая за него только арестъ. Смягчена, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ и съ проектомъ, и отвѣтственность духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе духовныхъ требъ для православныхъ и за преподаваніе имъ (во время ихъ несовершеннолѣтія) катихизиса своего вѣроисповѣданія: арестъ замѣненъ денежной пеней и сокращены сроки удаленія отъ должности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ это добавочное наказаніе назначено только за повтореніе проступка (ст. 93 и 94).

Особаго вниманія заслуживаютъ тѣ статьи новаго уложенія, которыя касаются совращенія христіанъ въ нехристіанскую вѣру и православныхъ въ иное христіанское исповѣданіе, расколоученіе или секту. Дѣйствующее уложеніе говоритъ: 1) объ *отвлеченіи* христіанина, черезъ подговоры, обольщенія или иными средствами, въ нехристіанскую вѣру (ст. 184: каторжная работа); 2) о *совращеніи* изъ

православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе (ст. 187: исправительное арестантское отдѣленіе), и 3) о *распространеніи* ересей и расколовъ (ст. 196: поселеніе). Для одного и того же понятія употреблены, такимъ образомъ, три различныя выраженія, изъ которыхъ два послѣднія совершенно неопредѣленны, а попытка точнѣе опредѣлить первое парализована словами: *или иными средствами*. Новому уложенію предстояло, въ данномъ случаѣ, не только объединить терминологію, но и установить условія преступности. Редакціонная коммиссія остановилась на терминѣ: *совращеніе*, но не дала ему строго опредѣленнаго содержанія; изъ средствъ совращенія она указала только насиліе и наказуемую угрозу, какъ обстоятельства, увеличивающія вину и наказаніе. Въ такомъ видѣ проектъ уложенія былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, но въ окончательной редакціи статей о совращеніи (82—84) произведена существенно важная перемѣна. Совращеніе признается наказуемымъ лишь тогда, когда оно учинено посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ, обмана, насилія надъ личностью или наказуемой угрозы (два послѣдніе способа совращенія влекутъ за собою обостреніе уголовной кары). Преимущества такой редакціи очевидны. Еслибы въ законѣ шла рѣчь о совращеніи вообще, безъ дальнѣйшихъ поясненій, подъ это понятіе могло бы быть подведено всякое воздѣйствіе одного лица на другое, хотя бы оно выразилось только въ чтеніи, въ словѣ или даже просто въ нравственномъ вліяніи, едва уловимомъ. Достаточно было бы, напримѣръ, сопоставить два факта: частыя бесѣды убѣжденнаго раскольника съ православнымъ и совершившійся затѣмъ переходъ послѣдняго въ расколъ, — чтобы предположить между ними причинную связь и признать наличность совращенія. При дѣйствіи новаго уложенія это перестаетъ быть возможнымъ; для обвиненія въ совращеніи необходимо будетъ установить употребленіе совратителемъ одного изъ средствъ, предусмотрѣнныхъ закономъ — средствъ, предосудительныхъ по самому своему существу, независимо отъ преслѣдуемой ими цѣли. Точнѣе опредѣляя совращеніе, новое уложеніе смягчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтственность совратителей, за исключеніемъ только совращенія въ расколъ или сектантство: въ послѣднемъ случаѣ, къ сожалѣнію, наказаніемъ остается ссылка на поселеніе (а при насиліи или угрозѣ — каторга). Совращеніе въ нехристіанскую вѣру, теперь влекущее за собою каторжную работу, по новому уложенію наказывается (при отсутствіи насилія и угрозы) заключеніемъ въ крѣпости или въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; совращеніе въ другое христіанское исповѣданіе, теперь караемое отдачей въ исправительное арестантское отдѣленіе, по новому уложенію (при отсутствіи насилія и угрозы) влечетъ за собою заклю-

ченіе въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Два члена редакціонной коммиссіи (Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій) предлагали ограничить наказаніе за совращеніе (ненасильственное) въ нехристіанскую вѣру—заточеніемъ до трехъ лѣтъ, въ расколъ или ересь—заточеніемъ до одного года, а совращеніе (ненасильственное) въ другое христіанское исповѣданіе признать ненаказуемымъ. Они находили, что стремленіе къ обращенію въ свою вѣру является естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства, вслѣдствіе чего самая наказуемость его можетъ возбуждать серьезныя сомнѣнія, а обложеніе его строгимъ наказаніемъ представляется несправедливымъ. Тяжкія кары скорѣе способствуютъ, чѣмъ противодѣйствуютъ развитію сектъ. При совращеніи непринудительномъ крайне трудно доказать, что данное лицо приняло какое-либо религіозное ученіе не по собственному убѣжденію, а по настоянію другого лица. При принудительномъ совращеніи ничто не мѣшаетъ отпадшему, по прекращеніи принужденія, возвратиться въ прежнюю вѣру. Всѣ эти глубоко вѣрныя соображенія рано или поздно должны привести къ новому пересмотру постановленій о совращеніи.

На ряду съ совращеніемъ въ новомъ уложеніи, какъ и въ нынѣ дѣйствующемъ, стоитъ нарушеніе лежащей на родителяхъ или опекунахъ обязанности религіознаго воспитанія своихъ или опекаемыхъ ими дѣтей (до достиженія четырнадцатилѣтняго возраста). Если надъ дѣтьми-христіанами совершены религіозные обряды нехристіанскаго исповѣданія, виновный подвергается заключенію въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ (по дѣйствующему уложенію—ссылка на поселеніе). Если дѣти подлежали воспитанію въ правилахъ православной вѣры, приведеніе ихъ къ таинствамъ другого христіанскаго исповѣданія наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года (по дѣйствующему уложенію — тюрьма на время отъ восьми до шестнадцати мѣсяцевъ). Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствующее уложеніе требуетъ отдачи дѣтей на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Въ новомъ уложеніи это правило не повторено, но отсюда еще не слѣдуетъ, что отобраніе дѣтей у родителей, составляющее одну изъ самыхъ печальныхъ сторонъ нашей общественной жизни, навсегда отошло въ прошедшее: оно остается возможнымъ въ видѣ административной мѣры, принятіе которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо предусмотрѣно закономъ (т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. прест. изд. 1890 г. ст. 57). Перемѣну къ лучшему можно усмотрѣть только въ томъ, что новое уложеніе облагаетъ наказаніемъ конкретныя, сравнительно легко устанавливаемыя дѣйствія (учиненіе обрядовъ, приведеніе къ таинствамъ), тогда какъ теперь въ законѣ говорится, между прочимъ, о *воспитаніи*

по обрядамъ другого исповѣданія, т.-е. о чемъ-то гораздо менѣе опредѣленномъ и гораздо болѣе растяжимомъ.

Въ текстѣ новаго уложенія мы не находимъ одного правила, заключавшагося въ первоначальномъ проектѣ, но встрѣчаемъ, за то, два новыя постановленія — новыя какъ по отношенію къ дѣйствующему законодательству, такъ и по отношенію къ проекту уложенія. Исключена изъ проекта (согласно мнѣнію двухъ членовъ редакціонной коммиссіи, Н. А. Неклюдова и Н. С. Таганцева) статья, въ силу которой послѣдователь расколоученія, вслѣдствіе обращенія его въ православіе возвращенный изъ мѣста ссылки, но вновь отпадшій въ расколъ, долженъ былъ подлежать (какъ и по дѣйствующему уложенію) ссылкѣ на поселеніе. Признано, по всей вѣроятности, что отпаденіе отъ православія, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни произошло, уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ само по себѣ ни въ какомъ случаѣ почитаться не можетъ. Изъ новыхъ правилъ одно (ст. 92) предусматриваетъ публичное оказательство раскола, закономъ воспрещенное, другое (ст. 97)—самовольное присвоеніе сана священнослужителя христіанскаго исповѣданія и совершеніе, въ этомъ качествѣ, священнодѣйствія, которое можетъ быть совершаемо только священнослужителемъ. Признавая вообще крайне нежелательнымъ расширеніе сферы уголовно-наказуемыхъ религіозныхъ посягательствъ, мы не можемъ не замѣтить, однако, что въ данномъ случаѣ оно имѣетъ свою raison d'être. Назначеніе за публичное оказательство раскола уголовной кары, сравнительно легкой (денежной пени не свыше трехсотъ рублей), можетъ предупредить если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти, административныя взысканія, иногда гораздо болѣе чувствительныя. Что касается до самозваннаго совершенія таинствъ, то оно и теперь не оставалось безъ преслѣдованія,—и наказанія, налагаемыя за него по аналогіи, бывали, сколько намъ извѣстно, значительно строже того, которое опредѣлено новымъ уложеніемъ (тюрьма, а въ случаѣ совершенія крещенія или брака—исправительный домъ).

Нѣкоторыя изъ числа преступленій, признаваемыхъ теперь религіозными посягательствами, перенесены новымъ уложеніемъ въ раздѣлы, болѣе соотвѣтствующіе по содержанію. Сюда относится, напримѣръ, такъ называемое святотатство, предусмотрѣнное, подъ именемъ воровства принадлежащихъ церкви предметовъ, въ главѣ тридцать второй: „о воровствѣ, разбоѣ и вымогательствѣ“ (ст. 588). Наказаніе за это преступленіе остается, однако, чрезвычайно строгимъ, доходя, въ случаѣ похищенія изъ церкви или другого христіанскаго молитвеннаго зданія предметовъ священныхъ, до каторги (на срокъ не свыше восьми лѣтъ). Тяжкому, сравнительно, наказанію (заключенію въ исправительномъ домѣ) подвергается, на основаніи той же главы

(ст. 582 пун. 1), и воровство изъ разрытой могилы (разрытіе могилы съ цѣлью похищенія умершаго или поруганія его дѣйствіемъ разматривается новымъ уложеніемъ какъ посягательство религіозное и карается исправительнымъ домомъ или тюрьмою). Исключена, наконецъ, изъ числа преступленій противъ вѣры лжеприсяга, предусмотрѣнная въ главѣ седьмой: „о противодѣйствіи правосудію“ (ст. 158), какъ обстоятельство, увеличивающее наказаніе за лжесвидѣтельство (вмѣсто тюрьмы—исправительный домъ).

Другіе отдѣлы новаго уложенія будутъ разсмотрѣны нами въ слѣдующихъ обозрѣніяхъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЗЕМСКИХЪ И НЕ-ЗЕМСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Весьма интересныя свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ одной изъ обширнѣйшихъ областей государства, занимающей пять большихъ губерній съ двадцати-милліоннымъ населеніемъ, мы находимъ въ вышедшемъ не такъ давно обстоятельномъ отчетѣ г. попечителя кіевскаго учебнаго округа.

Важный вопросъ о народномъ образованіи,—вопросъ, не сходящій со столбцовъ ежедневной и періодической печати,—получаетъ въ отчетѣ, благодаря цѣлому ряду цифръ, таблицъ и вѣдомостей, обнимающихъ свыше 1.200 печатныхъ страницъ,—рельефную обрисовку и детальную фактическую выразительность. Обзоръ народнаго образованія въ кіевскомъ учебномъ округѣ представляетъ еще интересъ и въ томъ отношеніи, что даетъ возможность судить о томъ, какъ удовлетворяются важнѣйшіе духовные запросы населенія въ двухъ частяхъ округа, рѣзко отличающихся по общему гражданскому управленію, а именно, въ двухъ *земскихъ* губерніяхъ (черниговской и полтавской) и въ трехъ *не-земскихъ* (кіевской, подольской и волынской), носящихъ общее названіе юго-западнаго края.

Въ отчетѣ среднимъ учебнымъ заведеніямъ отводится первое мѣсто и удѣляется въ два раза болѣе мѣста, чѣмъ народнымъ училищамъ, но мы остановимся прежде всего на вопросѣ, въ какомъ положеніи находится *начальное* образованіе, какъ наиболѣе важное въ смыслѣ показателя развитія культурныхъ силъ страны.

I.

Въ юго-западномъ краѣ, а именно, въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, къ началу 1901 года состояло 928 народныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія [1]). По типамъ всѣ эти училища распредѣляются на 77 городскихъ, 6 приходскихъ и 740 сельскихъ. При сравненіи съ числомъ училищъ предъидущихъ лѣтъ мы находимъ, что въ 1898 году число училищъ уве-

[1]) Въ это число не вошли училища: ремесленныя, частныя, еврейскія и иновѣрческія, о которыхъ мы упомянемъ при общемъ обзорѣ.

личилось на 27, въ 1899—на 28, въ 1900—на 58, а въ 1901 году—всего на 22. Если принять во вниманіе, что такое возростаніе числа училищъ шло въ краѣ, обнимающемъ 145 тысячъ квадр. верстъ, съ населеніемъ свыше $9^1/_2$ милліоновъ душъ, то станетъ очевидною вся незначительность подобнаго роста.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія цифры: въ кіевской губерніи на одно городское училище приходится 5.873 городскихъ жителя, а на одно сельское—17.090 человѣкъ сельскаго населенія. Въ частности, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ получаются еще болѣе неблагопріятныя данныя; такъ, напримѣръ, въ сквирскомъ уѣздѣ на одно сельское училище приходится 25.279, а *въ уманскомъ—48.479 сельскихъ жителей.*

Въ подольской губерніи на одно городское училище приходится въ среднемъ 6.436 городскихъ и на одно сельское—10.399 сельскихъ жителей. Въ волынской губерніи—7.671 и 8154 [1]).

Если же взять отношеніе числа училищъ къ пространству, то получится, что въ кіевской губерніи, въ среднемъ, на одно училище приходится площадь въ 246,1 кв. верстъ (въ уманскомъ уѣздѣ—площадь въ 630,8 кв. вер.); въ подольской губ.—135,7 и въ волынской—181,5 кв. верстъ.

Отсюда понятно, почему изъ числа 560 волостей, составляющихъ территорію всего юго-западнаго края, *118 волостей совершенно лишены народныхъ училищъ, а въ 234 волостяхъ имѣются по одному училищу. Въ частности, въ кіевской губерніи почти половина всего числа волостей (89 изъ 204) не имѣетъ ни одной школы министерства народнаго просвѣщенія!* Если сравнить съ 1900 годомъ, то окажется, что число волостей всего края, въ которыхъ нѣтъ ни одного училища, уменьшилось лишь на 2.

На содержаніе народныхъ училищъ было отпущено 1.253.258 руб., изъ которыхъ на ассигнованія государственнаго казначейства приходится 20%, а на ассигнованія городскихъ и сельскихъ обществъ 25%; остальная сумма составилась изъ пожертвованій, платы за ученіе и дохода съ капиталовъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что суммы, отпущенныя государственнымъ казначействомъ, расходуются преимущественно на содержаніе „городскихъ училищъ", въ то время какъ содержаніе наиболѣе распространеннаго типа народной школы обезпечивается главнымъ образомъ мѣстными средствами, представляющими вполнѣ добровольныя жертвы населенія на дѣло народнаго образованія. Что касается степени производительности средствъ, затрачи-

---

[1]) Цифры населенія заимствованы изъ изданій центральнаго и губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

ваемыхъ на народную школу, то оказывается, что въ то время какъ содержаніе одного „городского училища“ составляетъ 4.118 руб., а расходъ на одного учащагося въ немъ 20 руб. 93 коп.—стоимость сельской школы не превышаетъ въ среднемъ 593 руб., а расходъ на одного учащагося составляетъ всего 5 руб. 83 коп.

О состояніи школьныхъ библіотекъ имѣется въ отчетѣ много подробныхъ таблицъ, но вмѣсто всего этого матеріала мы приведемъ лишь слѣдующія характерныя слова: „Бо̀льшая часть книгъ,—говорится въ отчетѣ,—входящихъ въ составъ библіотекъ,—учебники, которые выдаются на руки учащимся, и потому скоро они приходятъ въ ветхость; запасъ постоянныхъ книгъ для чтенія въ ученическихъ отдѣлахъ сравнительно незначителенъ“. Особенно бѣдны книгами сельскія училища, такъ какъ въ среднемъ „на пріобрѣтеніе учебниковъ и книгъ отпускается около двадцати рублей на училище“. Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ школьную библіотеку часто обращаются за книгой и бывшіе питомцы школы, а также и взрослое крестьянское населеніе.

Переходя къ составу учащихъ, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ юго-западномъ краѣ преобладаетъ мужской персоналъ, стоящій по полученному образованію ниже учительницъ. Послѣднихъ изъ 1.400 учащихъ всего 30,3% (въ двухъ земскихъ губерніяхъ—онѣ составляютъ 58,46%). По образованію учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ: лицъ съ высшимъ образованіемъ—1,5%, со среднимъ—54,5% (изъ нихъ большинство составляютъ учительницы), съ низшимъ—17,2% и получившихъ педагогическую подготовку—26,8%. Высшій окладъ содержанія—отъ 200 до 300 руб.—получаетъ половина всего количества учащихъ; отъ 100 до 200 руб.—14%, затѣмъ отъ 50 до 100 руб.—21%, а менѣе 50 руб. въ годъ—11%; безплатно обучающихъ—4%. При этомъ нужно принять во вниманіе, что такое вознагражденіе дается при занятіяхъ, гдѣ на одного учителя или учительницу (въ сельской школѣ) приходится 63—72 учащихся. Неудивительно поэтому, если отчетъ отмѣчаетъ такое явленіе: „Необезпеченность въ будущемъ и часто крайняя нужда въ настоящемъ мѣшаетъ сельскимъ учителямъ крѣпко держаться своего дѣла, *если оно даже имъ по душѣ*, и естественно побуждаетъ ихъ искать какого-нибудь другого рода дѣятельности, болѣе вознаграждающей ихъ. Не вполнѣ удовлетворительно также и положеніе учителей городскихъ и особенно уѣздныхъ училищъ, если принять во вниманіе дороговизну жизни въ городахъ“.

Что касается учащихся, заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что изъ 85.356 дѣтей на долю дѣвочекъ приходится всего 18.084, т.-е. 21,2%. При сравненіи соотвѣтствующихъ цифръ за нѣсколько послѣдовательныхъ лѣтъ нельзя сказать, чтобы вопросъ

о начальномъ женскомъ образованіи подвинулся значительно впередъ. Такъ, напримѣръ, въ 1892 году дѣвочекъ было 18,1% общаго числа учащихся; въ 1895 г.—19,4; въ 1897 г.—20,7; въ 1899 г.—21,3; въ 1900 г.—21,9, а въ 1901 г.—21,2%. По отношенію же къ количеству женскаго населенія въ юго-западномъ краѣ *одна дѣвочка, обучающаяся въ народной школѣ приходится на 268 душъ, т.-е. нѣсколько менѣе 0,3%*. Процентное отношеніе числа учащихся мальчиковъ къ количеству мужского населенія также ничтожно—1,3%.

II.

Переходя теперь къ вопросу о положеніи народной школы въ двухъ *земскихъ* губерніяхъ (черниговской и полтавской), мы—для облегченія сравненія приведенныхъ выше данныхъ съ новыми—будемъ держаться прежняго порядка изложенія.

Всѣхъ народныхъ училищъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ къ началу настоящаго года было 1,620, причемъ въ теченіе года вновь было открыто и преобразовано 67 училищъ. Преобладающимъ типомъ является сельская школа—1.546; городскихъ и приходскихъ училищъ—74. При сравненіи этого числа училищъ съ количествомъ населенія получаются слѣдующія соотношенія: въ черниговской губерніи на одно училище приходится 3.363 души населенія, а въ полтавской—3.275. Въ то же время на одно училище въ черниговской губерніи приходится 63,4 кв. верстъ пространства, а въ полтавской—47,1. Относительно постепеннаго роста начальнаго образованія въ этихъ губерніяхъ отчетъ замѣчаетъ слѣдующее: „За послѣднія десять лѣтъ большая часть уѣздныхъ земствъ, на средства которыхъ открыто большинство училищъ, усердно стремится по мѣрѣ силъ и возможности къ увеличенію количества начальныхъ училищъ“.

На содержаніе всѣхъ народныхъ училищъ обѣихъ губерній поступило 1.204.151 руб., причемъ главнымъ источникомъ содержанія училищъ являются суммы, ассигнованныя земствами и составляющія въ общей сложности 57,2% всѣхъ поступленій; затѣмъ слѣдуютъ ассигнованія городскихъ и сельскихъ обществъ въ размѣрѣ 24,3%; пожертвованія, плата за ученіе и проценты съ капиталовъ составляютъ 17,4%; и наконецъ, ассигнованія государственнаго казначейства въ размѣрѣ лишь 9,7%. При сравненіи поступленій изъ суммъ государственнаго казначейства за нѣсколько лѣтъ оказывается, что эти суммы, не измѣняясь почти въ своемъ размѣрѣ, составляютъ, однако, въ общей суммѣ поступленій все меньшій и меньшій процентъ; такъ, въ 1896 году онѣ составляли 11,6%, въ 1898 г.—10,2%, въ 1899 г.—9,9%, а въ

1901 г.—9,7%. Между тѣмъ за этотъ же промежутокъ времени ассигнованія земствъ увеличились съ 454 до 688 тысячъ рублей.

Если сравнить количество поступленій на дѣло начальнаго образованія съ числомъ жителей, то получимъ, что въ разныхъ уѣздахъ обѣихъ губерній ассигнованія государственнаго казначейства колеблются между 0,7 и 5,9 копѣекъ на одного жителя, ассигнованія же земствъ колеблются между 5,1 и 21,8 копѣекъ. Не лишенъ также интереса и тотъ фактъ, что *поступленія на одного члена сельскаго общества на цѣли начальнаго образованія въ селахъ колеблются между 10,9 и 0,1 копѣйками*, откуда очевидно, что даже высшій расходъ на одного члена сельскаго общества (10,9 коп.) нисколько для него не обременителенъ и, слѣдовательно, тревога, поднятая-было „охранительной" печатью о разореніи сельскаго населенія на школы,—совершенно неосновательна.

Что касается средней стоимости училищъ разныхъ типовъ, то и въ данномъ случаѣ сельская школа является самой дешевой (563 руб.), а самой дорогой—четырехъ-классная городская (7.497 руб.). Соотвѣтственно этому расходъ на одного учащагося въ сельской школѣ не превышаетъ 4 руб. 90 к., а въ городскомъ училищѣ—25 руб. 19 коп.

Педагогическій персоналъ народныхъ училищъ состоялъ изъ 4.491 человѣка; причемъ учителей было 41,54%, а учительницъ—58,46%. Вообще, число послѣднихъ все больше ростетъ на счетъ числа учителей. Такая замѣна является весьма желательной, если—помимо другихъ причинъ—принять во вниманіе болѣе высокій образовательный цензъ учительницъ; въ то время какъ учителей, получившихъ среднее образованіе—10,5%, а получившихъ низшее—62,3%,—учительницъ со среднимъ образованіемъ—67,9%, а съ низшимъ—31,14%.

Однако лицъ, получившихъ спеціальную педагогическую подготовку, весьма мало. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что обѣ учительскія семинаріи округа, имѣющія цѣлью подготовку учителей для сельскихъ училищъ, находясь за предѣлами обѣихъ земскихъ губерній, выпускаютъ своихъ воспитанниковъ почти исключительно въ училища юго-западнаго края. Кромѣ того, лица, получившія нѣкоторую педагогическую подготовку въ духовныхъ семинаріяхъ,—какъ отмѣчаетъ отчетъ,—не хотятъ всецѣло отдаться обученію дѣтей въ виду того, что учительство—для нихъ только переходная ступень для достиженія священства, которое они обыкновенно принимаютъ черезъ два—три года послѣ поступленія на службу учителями.

Относительно состава учащихся мы и въ данномъ случаѣ можемъ отмѣтить, что дѣвочекъ въ пять разъ меньше, чѣмъ мальчиковъ: изъ 155.056 учащихся мальчиковъ—130.171, а дѣвочекъ — 24.885, т.-е. 16,1%. Если мы, однако, прослѣдимъ возростаніе числа дѣвочекъ въ

теченіе послѣдняго десятилѣтія, то увидимъ, что мѣстное крестьянское населеніе начинаетъ сознавать пользу женскаго образованія; такъ, въ 1891 г. число дѣвочекъ, посѣщавшихъ сельскія начальныя училища по отношенію къ общему числу учащихся составляло всего 10,1%. При сравненіи числа учащихся съ количествомъ училищъ и педагогическаго персонала получается, что на одно училище приходится 92 учащихся, а на одного учащаго—58 душъ; въ частности, на одно сельское училище приходится 114 дѣтей, что̀ свидѣтельствуетъ о переполненіи училищъ и трудныхъ условіяхъ работы для учителей.

Что касается внѣ-школьнаго образованія, то во всемъ учебномъ округѣ оно выражается въ 233 классахъ для взрослыхъ, существующихъ при училищахъ. Въ составъ обучающихся въ этихъ классахъ входятъ подростки,—недавно окончившіе курсъ начальной школы; бывшіе ученики сельскихъ школъ, выбывшіе до окончанія курса; взрослые, съ трудомъ разбирающіе печатный текстъ и совершенно неграмотные. Поэтому учащихся приходится дѣлить по группамъ, что̀ представляетъ большую трудность, а самыя занятія требуютъ большого напряженія силъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшее развитіе классовъ, усердно и правильно посѣщаемыхъ взрослымъ сельскимъ населеніемъ, встрѣчаетъ препятствіе главнымъ образомъ въ томъ, что наличный составъ преподавателей въ училищахъ, отдаваясь всецѣло школѣ, является въ большинствѣ слишкомъ утомленнымъ для того, чтобы, окончивъ одни занятія,—сейчасъ же приступить къ другимъ, еще болѣе труднымъ.

На основаніи приведеннаго матеріала,—читатель легко можетъ теперь видѣть, насколько лучше поставлено народное образованіе въ двухъ земскихъ, чѣмъ въ трехъ не-земскихъ губерніяхъ одного и того же учебнаго округа. При сопоставленіи приведенныхъ цифръ получается не только количественное, но и качественное превосходство постановки начальнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ, что̀ даетъ поводъ еще разъ убѣдиться въ важномъ значеніи о̀рганов̀ъ самоуправленія въ дѣлѣ культурнаго развитія страны. Въ общемъ народное образованіе въ двухъ земскихъ губерніяхъ почти въ *четыре* раза благопріятнѣе, чѣмъ въ трехъ не-земскихъ, такъ какъ *на одно училище*, какъ мы видѣли, приходится:

Въ кіевской губ. . . .	13.548	душъ	населенія и	169,2	кв. верстъ.
„ подольской губ. . .	9.943	„	„	121,4	„
„ волынской губ. . .	8.111	„	„	166,1	„
„ черниговской губ. .	3.363	„	„	63,4	„
„ полтавской губ. . .	3.275	„	„	47,6	„

Кромѣ того, относительно цѣлесообразности затрачиваемыхъ средствъ

легко судить по тому факту, что въ то время какъ среднее число *окончившихъ* курсъ въ одномъ училищѣ юго-западнаго края не превышаетъ пяти человѣкъ, въ обѣихъ земскихъ губерніяхъ оно достигаетъ семнадцати. Разумѣется, при бо̀льшей самостоятельности земскихъ учрежденій можно было бы ожидать еще болѣе благопріятныхъ результатовъ въ одномъ изъ самыхъ серьезныхъ духовныхъ запросовъ народа.

Перейдемъ теперь къ вопросу о положеніи среднихъ учебныхъ заведеній округа.

III.

Объ отрицательныхъ сторонахъ современной средней школы въ послѣднее время много трактовалось на столбцахъ печати, и потому естественно, что теперь обсуждается снова вопросъ о необходимости существенныхъ реформъ въ дѣлѣ средняго образованія, остающагося, послѣ одного-другого эксперимента, въ прежнемъ ненормальномъ положеніи. Мы поэтому приведемъ здѣсь только одинъ, не лишенный извѣстнаго интереса, *фактическій* матеріалъ.

При обзорѣ постановки средняго образованія въ кіевскомъ учебномъ округѣ на первый взглядъ получаются довольно удовлетворительные результаты, выражающіеся въ высокой успѣшности, обнаруженной учащимися по главнымъ предметамъ, затѣмъ—въ богатствѣ школьныхъ библіотекъ, въ прекрасномъ поведеніи юношества, въ большомъ развитіи пансіоновъ и проч. Однако, при разсмотрѣніи внутренней стороны дѣла, тотчасъ же выступаетъ наружу—помимо другихъ отрицательныхъ сторонъ—вся затруднительность въ соединеніи учащихся различныхъ возрастовъ въ одномъ учебномъ заведеніи, устанавливающемъ одни и тѣ же правила какъ для восьмилѣтнихъ дѣтей, такъ и для юношей 20—22 лѣтъ.

Всѣхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ округѣ—30 съ 12.934 учащимися, изъ которыхъ 9.945 обучаются въ двадцати-двухъ гимназіяхъ, а 2.989—въ восьми реальныхъ училищахъ. Отсюда мы видимъ, что классическое образованіе является преобладающимъ, несмотря на численное превосходство въ Россіи высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, для которыхъ болѣе близкой подготовительной школой являются несомнѣнно реальныя училища.

Заслуживаетъ вниманія составъ учащихся, ярко иллюстрирующій извѣстное отношеніе администраціи учебныхъ заведеній къ дѣтямъ непривилегированнаго класса, къ „кухаркинымъ дѣтямъ“. Такъ, по сословіямъ учащіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ: дѣтей дво-

рянъ и чиновниковъ—52% (въ нѣкотор. гимназ. 62—70,5%); почетныхъ гражданъ и духовнаго званія—12,3%; купцовъ и мѣщанъ—25,4%, а крестьянъ—8,7%. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ увеличеніи контингента учащихся въ гимназіяхъ на долю дѣтей дворянъ и чиновниковъ приходится болѣе третьей части, а на долю дѣтей крестьянъ—всего шестая часть. Почти такое же сословное отношеніе наблюдается и въ составѣ учениковъ реальныхъ училищъ (дворянскаго—44,4%, купеческаго и мѣщанскаго—33%, а крестьянскаго—9,9%).

Естественно было бы ожидать, что зато привилегированный классъ болѣе другихъ участвуетъ въ расходахъ по содержанію средней школы. Между тѣмъ оказывается, что сумма свыше чѣмъ $1^1/_2$ милліона рублей, поступившая на содержаніе гимназій и реальныхъ училищъ, составилась изъ ассигнованій земствъ, государственнаго казначейства, платы за ученіе, городскихъ обществъ и другихъ источниковъ. Правда, *въ 1899 году изъ суммъ дворянства поступило 761 р. 50 коп.* [1]), *а въ 1900 г.—758 руб. 47 коп.* Въ 1901 г. мы и подобныхъ поступленій не находимъ.

Что касается успѣшности, обнаруженной дѣтьми различныхъ сословій, то нѣкоторое превосходство дворянскихъ и купеческихъ дѣтей надъ мѣщанскими,—выражающееся въ отношеніи 84,3% къ 82,3%,—можетъ быть легко объяснено болѣе обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ первыхъ, пользующихся всѣми удобствами для учебныхъ занятій. Успѣшность учениковъ разныхъ исповѣданій опредѣляется слѣдующими цифрами въ процентахъ: православные—83,2%; лютеране—82,4%; католики—80,5% и евреи—92,4%. Кстати замѣтимъ, что евреевъ въ гимназіяхъ насчитывается въ среднемъ всего 9,8%. Ненормальное положеніе послѣднихъ, вызванное процентными ограниченіями, усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время какъ дѣти евреевъ, разъ попавшія въ гимназію, стараются оставаться въ ней до окончанія курса, ученики другихъ исповѣданій въ большомъ числѣ выбываютъ изъ гимназіи, не закончивъ полнаго курса—что, естественно, отражается на процентномъ составѣ учениковъ-евреевъ. Такъ, напр., въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ выбыло 6,3% всего числа учениковъ-евреевъ, въ то время какъ христіанъ выбыло 35%.

Успѣшность учащихся по главнымъ предметамъ выражается слѣдующимъ образомъ: по русскому языку—85,3%; по математикѣ—80,1%; по латинскому языку—86,6% и по греческому языку—89,2%.

---

[1]) Сумма эта приведена въ статьѣ г. Л. Куперника: „Учебные контрасты“, помѣщенной въ 6-й книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1901 г.

Такимъ образомъ *наибольшую успѣшность воспитанники гимназій высказали по греческому языку* [1]).

Это преимущественное положеніе греческаго и латинскаго языка передъ русскимъ и математикой является наиболѣе характерной отрицательной чертой гимназій.

Въ связи съ такимъ пышнымъ ростомъ классицизма не является удивительнымъ констатированіе отчетомъ слѣдующаго грустнаго факта: „При ничтожномъ расходѣ нѣкоторыхъ гимназій на физическіе кабинеты не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы знакомить учениковъ на опытахъ съ главными открытіями въ области физическихъ знаній". На ряду съ этимъ отмѣчается не только хотя бы слабое развитіе кабинетовъ естественныхъ наукъ, а наоборотъ, число предметовъ и пособій въ этихъ кабинетахъ къ концу 1901 года было *меньше*, чѣмъ въ предъидущемъ году на 2.365, или *на 33,3*%.

Нужно, однако, замѣтить, что для удовлетворенія вполнѣ естественнаго стремленія учащейся молодежи къ изученію природы, администрація время отъ времени устроивала научно-образовательныя экскурсіи на Кавказъ, въ Крымъ, въ окрестности Днѣпра, и, разумѣется, наблюденія формъ и явленій природы очень освѣжали эксурсистовъ-классиковъ. Оживленіе среди учащихся вызывали также экскурсіи, организовавшіяся для ознакомленія съ историческими памятниками Кіева и его окрестностей, затѣмъ осмотръ музеевъ, различныхъ заводовъ и образцовыхъ сельскихъ хозяйствъ. Кромѣ того, во многихъ гимназіяхъ устроивались литературные вечера, а въ нѣкоторыхъ и литературныя собесѣдованія съ учениками. Относительно этого весьма интереснымъ является такой фактъ. Въ глуховской гимназіи устроены были бесѣды, посвященныя разбору самостоятельныхъ ученическихъ работъ на данныя темы. Бесѣды эти сначала велись лицомъ, высказавшимъ большую способность въ дѣлѣ руководительства внѣ-класснымъ чтеніемъ учащихся и умѣніе воспитать въ своихъ слушателяхъ любовь къ изученію литературныхъ произведеній, что̀ поставило преподаваніе русскаго языка и словесности на высокую степень и содѣйствовало умственному развитію его учениковъ. Съ перемѣщеніемъ этого педагога бесѣды начали касаться сферы другихъ предметовъ—Закона Божія, отечественной исторіи и древнихъ языковъ; и „теперь,—замѣчаетъ отчетъ,—бесѣды литературныя хотя и поддерживаются, но не имѣютъ прежняго общаго всѣхъ захватывающаго интереса".

Относительно поведенія учащихся, регламентація котораго всегда

[1]) Вообще, успѣшность учениковъ по древнимъ языкамъ за послѣдній годъ оказалась значительно выше средней успѣшности за десять лѣтъ: по латинскому языку на 10,3% и по греческому языку на 11,6%.

представляла предметъ особыхъ заботъ воспитателей средней школы, можно судить по слѣдующимъ весьма благопріятнымъ даннымъ. Изъ всѣхъ учащихся въ двадцати-двухъ гимназіяхъ баллъ *три* получило лишь 28 человѣкъ, т.-е. 0,4% общаго числа; *четыре*—всего 5,2%, а высшій баллъ *пять*—94,4%. Полное нравственное удовлетвореніе воспитателямъ и пекущимся родителямъ могутъ также дать цифры, касающіяся поведенія учениковъ реальныхъ училищъ, гдѣ *пять* за поведеніе имѣютъ 90,9% общаго числа учащихся. Невольно, однако, напрашивается мысль, почему всѣ эти примѣрные юноши оказываются, спустя нѣкоторое время, „отрицательнымъ" элементомъ въ высшей школѣ, откуда ихъ исключаютъ сотнями? Впрочемъ, нѣтъ никакой надобности входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, являющагося въ настоящее время вполнѣ выясненнымъ, но, къ сожалѣнію, еще не разрѣшеннымъ...

Мы здѣсь лишь отмѣтимъ, что въ теченіе одного года въ мужскихъ гимназіяхъ произведено было 12.862 взысканія, а въ реальныхъ училищахъ—4.365; причемъ на учениковъ младшихъ классовъ приходится 68,9%, а на воспитанниковъ старшихъ классовъ—31,1%.

Бо̀льшее число взысканій, падающихъ на учениковъ младшихъ классовъ, отчетъ совершенно справедливо объясняетъ „особенностями дѣтскаго возраста, естественной наклонностью дѣтей къ движенію, къ шалостямъ, которыя, къ сожалѣнію, иногда подводятся подъ рубрику проступковъ". Такая очевидная ненормальность въ системѣ воспитанія еще больше усугубляется, если принять во вниманіе, что самый характеръ взысканія является подчасъ крайне суровымъ. Въ гимназіяхъ, какъ извѣстно, до настоящаго времени примѣняются: оставленіе по окончаніи уроковъ, задержаніе въ гимназіи въ праздничные и воскресные дни, заключеніе въ карцеръ съ назначеніемъ письменной работы и содержаніемъ на черномъ хлѣбѣ, выговоръ начальства передъ классомъ, а также одиночное сидѣніе въ классѣ, отдѣленіе отъ общества товарищей и удаленіе изъ учебнаго заведенія. Нужно замѣтить, что такія наказанія, какъ заключеніе въ карцеръ, падаютъ и на дѣтей младшихъ классовъ: изъ 1.355 разъ на время отъ 1 до 4 часовъ на учениковъ младшихъ классовъ приходится 870 разъ; на время свыше 4, но не болѣе 8 часовъ изъ 426—191 разъ. Даже „заключеніе въ карцеръ на время *свыше 8 часовъ, но не болѣе какъ на сутки изъ 91 раза на учениковъ младшихъ классовъ приходится 36*". Еще болѣе тяжелой мѣрой являются отмѣченныя выше наказанія: одиночное сидѣніе въ классѣ и отдѣленіе отъ общества товарищей безъ лишенія свободы. Послѣдняя мѣра въ одной гимназіи была примѣнена въ 1898 году *190 разъ*. Отчетъ замѣчаетъ, что такое употребленіе тяжелыхъ взысканій „можетъ лишить ихъ

всякаго нравственнаго значенія". Комментировать такой способъ воспитанія совершенно излишне.

Женскихъ гимназій въ округѣ—29 съ 9.352 учащимися, причемъ въ юго-западномъ краѣ ихъ 10, а въ черниговской и полтавской губерніяхъ—19, т.-е. въ двухъ земскихъ—женскихъ гимназій почти въ два раза больше, чѣмъ въ трехъ не-земскихъ губерніяхъ. На содержаніе гимназій поступило 827.118 руб., изъ которыхъ 46,3% приходится на плату за ученіе, 13,2%—на ассигнованія земствъ и городскихъ обществъ, а всего на ассигнованія государственнаго казначейства—лишь 5,8%. И въ данномъ случаѣ приходится отмѣтить, что изъ суммъ дворянства не было никакихъ поступленій, между тѣмъ какъ воспитанницы гимназій по сословіямъ распредѣляются: на дѣтей дворянъ—37,6%; купцовъ и мѣщанъ—37,7%, а крестьянъ—7,7%. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ ученицъ привилегированныхъ сословій 77—86,4%. Подобно мужскимъ гимназіямъ, женскія также не могутъ похвастать богатствомъ физическихъ приборовъ и естественно-историческихъ пособій: въ среднемъ на каждую изъ гимназій приходится физическихъ приборовъ на сумму около двухъ тысячъ рублей, а естественно-историческихъ—едва на *500 рублей.*

IV.

Намъ остается отмѣтить одно весьма интересное явленіе, существующее по всей вѣроятности въ учебныхъ заведеніяхъ не одного только кіевскаго учебнаго округа. Какъ часто, въ отвѣтъ на раздающіяся въ обществѣ жалобы о недостаточномъ количествѣ среднихъ учебныхъ заведеній, указываютъ на отсутствіе средствъ, какъ на самый серьезный и непоколебимый аргументъ.

Между тѣмъ, даже при бѣгломъ обзорѣ отчета бросается въ глаза часто повторяющаяся отмѣтка: „остатки отъ содержанія". *Оказывается, что эти „остатки" отъ содержанія однѣхъ мужскихъ гимназій округа составляютъ около милліона рублей (939.975 руб.);* образовались они изъ сбереженій по суммамъ сбора за ученіе, изъ пожертвованій, изъ неизрасходованныхъ ассигнованій государственнаго казначейства, изъ процентныхъ суммъ съ разныхъ капиталовъ, изъ сбора по содержанію воспитанниковъ въ пансіонахъ и т. д. Сбереженія отъ средствъ содержанія реальныхъ училищъ составляютъ 175.567 рублей, а отъ содержанія женскихъ гимназій—314.649 рублей. При этомъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія слова отчета: „Какъ указано было и въ отчетахъ за прошлые года, эти остатки въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ *не оказываются случайнымъ явленіемъ одного года: они правильно повторяются*

изъ года въ годъ".—Приведя затѣмъ цѣлый рядъ цифръ въ подтвержденіе послѣднихъ словъ, отчетъ замѣчаетъ: „Къ такимъ крупнымъ, сравнительно съ общими расходами, сбереженіямъ слѣдуетъ относиться съ полнымъ предубѣжденіемъ... На такое не вполнѣ нормальное явленіе было указано и въ прошлыхъ отчетахъ".

Явленіе это, разумѣется, болѣе, чѣмъ „не вполнѣ нормальное" если принять во вниманіе, что изъ 4.387 лицъ, подавшихъ прошеніе о пріемѣ, было принято лишь менѣе половины; что за послѣднія десять лѣтъ число дѣтей, желающихъ поступить въ среднюю школу, увеличилось на 118%; что существующее теперь „крайнее переполненіе гимназій, при общей тѣснотѣ учебныхъ заведеній, заключаетъ въ себѣ большое зло для здоровья учащихся и учащихъ и не отвѣчаетъ требованіямъ правильнаго образованія и воспитанія учащихся". На ряду съ убожествомъ физическихъ и естественно-научныхъ кабинетовъ, для которыхъ почти ни одна изъ гимназій не имѣетъ подходящаго помѣщенія; на ряду съ низкой, сравнительно, платой учащимъ, вынужденнымъ, при все бо̀льшемъ переполненіи гимназій, вести все болѣе и болѣе многолюдные классы, возросшіе за послѣднее десятилѣтіе отъ 32 до 40 человѣкъ; и затѣмъ на ряду съ высокой платой за ученіе, являющейся часто недоступной для семьи со среднимъ достаткомъ—образованіе подобныхъ остатковъ представляется совершенно непонятнымъ и крайне вреднымъ явленіемъ. Наконецъ, ни для кого не тайна, что многіе учащіеся вынуждены выбывать изъ средней школы за неуплату годового взноса за ученіе; такъ, изъ гимназій до окончанія курса „по разнымъ причинамъ" выбыло 919 человѣкъ, а изъ реальныхъ училищъ—387 (за малоуспѣшность и дурное поведеніе выступила лишь десятая часть изъ этого числа); отсюда ясно, сколько человѣкъ лишено было возможности окончить курсъ вслѣдствіе матеріальной недостаточности, въ то время какъ сбереженій по суммамъ сбора за ученіе въ однѣхъ мужскихъ гимназіяхъ находится свыше 131 тысячи рублей.

Даже изъ суммы въ 2.457.409 руб., отпущенной на содержаніе народныхъ училищъ, къ январю 1902 года имѣется остатокъ въ 266.028 рублей, на которые можно открыть 450 сельскихъ школъ.

Въ общемъ, *остатокъ изъ средствъ, ассигнованныхъ на содержаніе среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній округа составляетъ около двухъ милліоновъ рублей*!..

Закономъ предусмотрѣна возможность образованія остатковъ, и вотъ что̀ мы читаемъ въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія, отъ 20-го января 1899 года, за № 1457 [1]):

[1]) См. „Настольную книгу по народному образованію" Фальборка и Чарнолускаго, второй томъ, стр. 962.

„Министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ установить такой порядокъ распредѣленія остатковъ отъ содержанія личнаго состава учебныхъ заведеній, *содержимыхъ при участіи мѣстныхъ обществъ*, чтобы, за обращеніемъ казенной части остатка на нужды министерства, остальная часть его, причитающаяся на долю обществъ, по перечисленію ея въ соотвѣтствующую статью смѣты министерства, была употреблена на нужды даннаго учебнаго заведенія, но не иначе, какъ *по соглашенію* съ воспособляющими обществами. При этомъ желательно, чтобы, въ видахъ своевременнаго удовлетворенія потребностей учебныхъ заведеній, начальства оныхъ дѣлали сношеніе съ сими обществами благовременно“ ...

Едва ли мы, однако, ошибемся, если скажемъ, что такого соглашенія въ настоящее время не бываетъ, несмотря на вполнѣ точное указаніе циркуляра. Нужно ли доказывать, какъ важно было бы для всего дѣла народнаго образованія, чтобы почаще происходили соглашенія между земствами, городскими и сельскими обществами, съ одной, и начальствомъ учебныхъ заведеній, съ другой стороны. Подобныя соглашенія повели бы не только къ болѣе нормальной постановкѣ матеріальной стороны народнаго образованія, но вообще заполнили бы ту пропасть, которая существуетъ между школой и обществомъ. Какъ мы видѣли, циркуляръ министерства вполнѣ благопріятствуетъ подобному сближенію.

Въ заключеніе мы, для полной обрисовки положенія народнаго образованія въ округѣ, должны прибавить, что кромѣ перечисленныхъ учебныхъ заведеній въ округѣ насчитываются:

11 промышленныхъ училищъ съ 787 учащимися; 88 частныхъ училищъ съ 4.514 учащимися; 205 еврейскихъ училищъ съ 13.115 учащимися; 306 иновѣрческихъ—съ 11.467 учащимися; одинъ учительскій институтъ и двѣ учительскія семинаріи — въ общемъ съ 337 учащимися.

На основаніи этихъ и раньше приведенныхъ цифровыхъ данныхъ мы получаемъ, что во всѣхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, находящихся въ округѣ, обучается 292.921 человѣкъ. Если мы теперь допустимъ, что въ училищахъ другихъ вѣдомствъ обучается даже сто тысячъ человѣкъ, то—принимая установленный на послѣдней всероссійской выставкѣ для учета дѣтей школьнаго возраста коэффиціентъ въ 11% населенія [1])—мы при населеніи въ 20.967.232 че-

---

[1]) Этотъ коэффиціентъ долженъ быть повышенъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ входятъ учащіеся, перешедшіе за предѣльный школьный возрастъ—15 лѣтъ.

ловѣка получимъ, что *въ кіевскомъ учебномъ округѣ внѣ школы остается около двухъ милліоновъ дѣтей школьнаго возраста (1.913.674), т.-е. 83% общаго количества дѣтей школьнаго возраста!..*

Послѣ такого вывода, полученнаго на основаніи фактическаго матеріала, совершенно излишне сопоставлять, какъ это часто дѣлаютъ, наши данныя съ данными о состояніи народнаго образованія въ западно-европейскихъ государствахъ...

Кіевъ, 1903. М. Ц.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1903

Иностранная газетная кампанія противъ Россіи. — Полемика по манчжурскому вопросу.—Международныя злоупотребленія.—Балканскій кризисъ.—Сербскія и болгарскія дѣла.—Имперіализмъ и его представители въ Англіи.

Въ иностранной печати замѣчается въ послѣднее время какой-то враждебный поворотъ по отношенію къ Россіи: опять стали появляться прежніе рѣзкіе отзывы о нашей политикѣ, внутренней и внѣшней; оживилось прежнее недовѣріе къ нашимъ порядкамъ и намѣреніямъ, и непріятный оскорбительный тонъ чувствуется во многихъ разсужденіяхъ, касающихся нашего отечества. Даже страны, считавшіяся безусловно доброжелательными и дружественно къ намъ расположенными, какъ Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, начинаютъ обнаруживать непріязнь, которую до сихъ поръ мы привыкли встрѣчать только у англичанъ. Американскія газеты предприняли теперь ожесточенный походъ противъ Россіи по поводу ея мнимаго коварства относительно Манчжуріи, и само правительство президента Рузевельта отнеслось къ нашей дипломатіи такъ, какъ едва ли оно могло бы отнестись къ кабинетамъ другихъ великихъ державъ, напр. Англіи или Германіи.

Мы не знаемъ въ точности, какія новыя требованія предъявлены были въ Пекинѣ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Плансономъ; но эти требованія несомнѣнно поняты въ смыслѣ попытки прямого нарушенія формальныхъ международныхъ обязательствъ, относящихся къ Китаю и въ частности къ Манчжуріи. Россія, будто бы, не желаетъ выпустить изъ рукъ занятую ею китайскую территорію и старается подъ разными предлогами уклониться отъ исполненія своихъ обѣщаній; она хочетъ, будто бы, выговорить для себя и для своихъ подданныхъ разныя привилегіи, которыя обезпечивали бы ей фактическое господство въ странѣ, и только подъ этимъ условіемъ соглашается передать управленіе краемъ китайскимъ властямъ, тогда какъ въ дѣйствительности она обязалась очистить Манчжурію въ извѣстные сроки, съ соблюденіемъ принципа „открытыхъ дверей“ для всей вообще иностранной торговли и промышленности. Еслибъ мы требовали для себя въ Китаѣ особыхъ преимуществъ, несогласныхъ съ правами другихъ иностранцевъ, сознательно опираясь при этомъ на реальный фактъ военной оккупаціи, стоившей намъ громадныхъ жертвъ,

то въ сущности мы дѣйствовали бы только въ духѣ обычной дипломатической практики, которая всегда придерживалась правила, формулированнаго Бисмаркомъ въ словахъ: „beati possidentes“; но мы сами заранѣе отказались отъ этой общепринятой точки зрѣнія и условились сохранить безкорыстіе до конца, такъ что предъявлять новыя требованія передъ очищеніемъ Манчжуріи было бы по меньшей мѣрѣ непослѣдовательно и неосторожно.

Въ одной изъ американскихъ газетъ помѣщена каррикатура, изображающая положеніе дѣлъ на дальнемъ Востокѣ: большой бѣлый медвѣдь положилъ свою лапу на несчастнаго беззащитнаго тюленя съ надписью „Манчжурія“ и грозно скалитъ зубы на встрѣчу подплывающему сопернику—тоже медвѣдю, съ надписью „Японія“; на заднемъ планѣ, съ одной стороны, озадаченныя или испуганныя фигуры Джонъ-Буля и Вильгельма II, а съ другой—фигура „дяди Сама“, въ позѣ внимательнаго наблюдателя, съ ружьемъ въ рукѣ. Внизу поясненіе: Джонъ-Буль удерживаетъ своего „кузена Вилли“, говоря, что „съ этимъ старымъ медвѣдемъ не легко справиться“; лучше обождать и „посмотрѣть, какъ возьметъ его дядя Самъ“. Изъ этого видно, что намъ приписываютъ желаніе вызвать изъ-за Манчжуріи борьбу съ цѣлою коалиціею, въ которой главная роль принадлежала бы Японіи и Сѣверной Америкѣ,—или вѣрнѣе, что намъ угрожаютъ коалиціею въ случаѣ покушенія Россіи на окончательный захватъ Манчжуріи. Зачѣмъ же мы ставили бы себя въ такое положеніе, чтобы противъ насъ пускались въ ходъ подобныя угрозы? Съ какою цѣлью мы сначала брали бы на себя опредѣленныя обязательства, а потомъ придумывали бы способы обойти или нарушить ихъ? Если Манчжурія намъ нужна, то мы имѣли полную возможность заявить это послѣ разгрома китайцами русской манчжурской желѣзной дороги, или по крайней мѣрѣ мы могли тогда не отвергать мысли о присоединеніи. Если же мы не имѣли и не имѣемъ въ виду завладѣть Манчжуріею, то какими поступками или погрѣшностями давали мы матеріалъ для уподобленія Россіи хищному звѣрю, котораго должны укрощать американцы, въ союзѣ съ японцами и англичанами?

Дѣйствительная политика наша въ Китаѣ едва ли оправдывала непріязненное настроеніе, выразившееся въ нападкахъ американской печати на Россію. Мы несравненно больше другихъ пострадали отъ китайскихъ волненій и гораздо меньше другихъ заботились о возмѣщеніи убытковъ и объ огражденіи нашихъ интересовъ на будущее время. Манчжурія была занята нами по необходимости, подъ давленіемъ событій, которыхъ мы не предвидѣли или не съумѣли предупредить; а разъ вступивъ въ китайскую провинцію, мы естественно не могли выбраться изъ нея, пока не устроили въ ней прочнаго по-

рядка и пока не обезпечили безопасности нашихъ желѣзнодорожныхъ сооруженій; устроивъ же порядокъ и обезпечивъ безопасность дороги, мы опять-таки не рѣшались рисковать всѣми плодами нашихъ усилій и по неволѣ медлили передачей занятой области китайцамъ, пока не добились отъ нихъ нѣкоторыхъ гарантій относительно будущаго. Въ этомъ логическомъ сцѣпленіи обстоятельствъ трудно было усмотрѣть слѣды коварнаго завоевательнаго замысла, способнаго возбудить негодованіе или протесты заинтересованныхъ культурныхъ націй; съ нашей стороны можно было замѣтить скорѣе неразсчетливость, чѣмъ коварство, —ибо самый планъ проведенія желѣзной дороги черезъ чужую территорію, въ разсчетѣ на старинныя сосѣдскія отношенія, заключалъ въ себѣ элементы сильнѣйшаго риска.

Разныя колебанія, противорѣчія и неясности въ нашихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ по манчжурскому вопросу могли происходить отъ причины, вполнѣ понятной для насъ, но не существующей для иностранныхъ кабинетовъ. Въ дѣлахъ Манчжуріи участвуютъ и распоряжаются у насъ три различныя вѣдомства, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особые взгляды и смотритъ по своему на охраняемые государственные интересы: министерство иностранныхъ дѣлъ стремится главнымъ образомъ избѣгнуть всякихъ пререканій и недоразумѣній съ иноземными правительствами, и потому всегда готово давать примирительныя обѣщанія и увѣренія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе ихъ зависитъ не отъ однихъ только дипломатовъ; министерство военное, съ своей стороны, руководствуясь соображеніями военной предусмотрительности, не можетъ удалять войска изъ области, нуждающейся еще въ военной охранѣ, и часто вообще находитъ нужнымъ принимать именно тѣ мѣры и рѣшенія, отъ которыхъ отрекается дипломатія; наконецъ, министерство финансовъ прежде всего озабочено громадными матеріальными интересами, связанными съ восточно-китайскою желѣзною дорогою, и должно поэтому стоять за строгую обдуманность и постепенность въ очищеніи Манчжуріи. Тамъ, гдѣ замѣшаны три самостоятельныя вѣдомства, трудно ожидать единства и послѣдовательности въ оффиціальныхъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ;—этимъ и объясняются нѣкоторыя особенности въ ходѣ нашихъ китайскихъ дѣлъ. Разнорѣчія между отдѣльными вѣдомствами принимаются иностранцами за доказательства неискренности правительства, за признаки скрытыхъ цѣлей и честолюбивыхъ плановъ, направленныхъ прямо или косвенно противъ интересовъ другихъ державъ.

То же самое мы видѣли во время прежнихъ средне-азіатскихъ споровъ съ Англіею: дипломатія заявляла одно, а военныя власти дѣлали другое; министерство иностранныхъ дѣлъ обязывалось соблюдать такія условія, которыя съ военной точки зрѣнія

оказывались неисполнимыми, и постоянно приходилось занимать войсками тѣ области, отъ которыхъ раньше открещивалась дипломатія,—а отвѣчать на нареканія и протесты иностранныхъ кабинетовъ должно было опять-таки дипломатическое вѣдомство. На долю дипломатическихъ дѣятелей выпадало крайне неблагодарное занятіе—отписываться отъ Европы, и эти „отписки" получали иногда характеръ вынужденныхъ изворотовъ послѣ фактическаго военнаго нарушенія какихъ-либо кабинетныхъ комбинацій или обѣщаній. Отсюда обычные за границей толки о двуличіи и коварствѣ нашей политики,—тогда какъ можно было ставить намъ въ вину, напротивъ, отсутствіе цѣльной, точно опредѣленной программы по каждому данному вопросу, вслѣдствіе внутренняго разлада между отдѣльными заинтересованными вѣдомствами. Недоумѣнія иностранныхъ государствъ разрѣшаются обыкновенно новыми успокоительными разъясненіями и уступками, согласно требованіямъ отечественной дипломатіи, которой въ концѣ концовъ принадлежитъ послѣднее слово во внѣшней политикѣ. Такъ и въ новѣйшемъ фазисѣ манчжурскаго кризиса все окончилось благополучно: протесты американскаго статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, м-ра Гея, и запросы британскаго министра, маркиза Лансдоуна, привели къ тому, что съ нашей стороны вновь подтвердилась полнѣйшая готовность строго держаться состоявшихся соглашеній, а сообщенныя газетами свѣдѣнія о требованіяхъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ признаны невѣрными или ложно понятыми. Обиднымъ остается только то внутреннее недовѣріе къ нашей добросовѣстности, которое сквозитъ въ замѣчаніяхъ иностранныхъ дипломатовъ и въ комментаріяхъ иностранной печати. Лондонскій „Times" ядовито высмѣиваетъ американцевъ, удовлетворившихся оффиціальными отвѣтами и увѣреніями русскаго правительства,—хотя, очевидно, нельзя было не удовлетвориться этими отвѣтами, которые успокоили и ближайшихъ нашихъ соперниковъ на дальнемъ Востокѣ, англичанъ и японцевъ.

Высокомѣрный тонъ относительно Россіи вызывается, конечно, не грѣхами нашей дипломатіи, и не увлеченіями или слабостями нашей внѣшней политики, а чѣмъ-то другимъ; -мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ многихъ симптомовъ коренного принципіальнаго антагонизма, для котораго международные вопросы служатъ только удобнымъ предлогомъ. Иностранныя газеты, не исключая даже самыхъ авторитетныхъ, все чаще позволяютъ себѣ проводить какія-то неподходящія параллели между Россіею и Турціею, причемъ пользуются матеріаломъ, о которомъ не принято высказываться въ нашей печати. Дипломатическое лицемѣріе, коварство и изворотливость внѣшней политики, варварскіе политическіе пріемы,—все то, въ чемъ упре-

каютъ насъ по поводу Китая и Манчжуріи, свойственно въ гораздо большей мѣрѣ англичанамъ и отчасти также другимъ народамъ, въ томъ числѣ и американцамъ. Вспомнимъ поведеніе американцевъ относительно Кубы до и послѣ испанской войны, и особенно образъ дѣйствій ихъ на Филиппинскихъ островахъ. Какъ быстро освободительная культурная миссія превратилась въ откровенно хищническую, завоевательную! Еще недавно въ американской печати обсуждались возмутительныя подробности о томъ, какъ американскіе офицеры и солдаты укрощали филиппинцевъ. Главный начальникъ сѣверо-американскихъ войскъ, генералъ Майльсъ, былъ посланъ правительствомъ на Филиппинскіе острова для контроля и ревизіи, и представленный имъ отчетъ, опубликованный въ концѣ апрѣля, произвелъ сильное впечатлѣніе на публику. Генералъ Майльсъ нашелъ, что многія мѣстности совершенно опустошены и что населеніе находится въ крайне угнетенномъ состояніи; въ одномъ городѣ обыватели, во главѣ съ своимъ выборнымъ старшиною, жаловались ему на разныя жестокости: пятнадцать человѣкъ было подвергнуто „пыткѣ водою", и одинъ почтенный старикъ, доведенный этимъ до безпамятства, былъ брошенъ въ домъ, который затѣмъ подожгли, такъ что онъ сгорѣлъ заживо; жители сгонялись изъ окрестностей и скучивались въ отдѣльныхъ домахъ, гдѣ ихъ запирали въ такой давкѣ, что многіе умирали; это обстоятельство подтвердилъ мѣстный американскій врачъ. Генералъ Майльсъ убѣдился въ справедливости разныхъ другихъ обвиненій подобнаго же рода: американскіе офицеры засѣкали туземцевъ до смерти, разстрѣливали плѣнныхъ, пытали и грабили священниковъ. Эти варварскіе поступки не имѣли никакого политическаго оправданія, и даже „Times" признаетъ ихъ позорными для американской арміи. И тѣмъ не менѣе американцы, заодно съ англичанами, относятся къ намъ свысока именно съ точки зрѣнія политической морали, и мы какъ будто чувствуемъ себя въ положеніи людей, нуждающихся въ защитѣ и снисхожденіи предъ судомъ культурнаго міра. Ясно, что дѣло тутъ не въ судьбѣ Манчжуріи и не въ спорныхъ вопросахъ современной международной политики...

Обстоятельства рѣшительно благопріятствуютъ туркамъ и ихъ правительству: бѣдствія Македоніи и другихъ балканскихъ земель, подвластныхъ Портѣ, перестали занимать общественное мнѣніе Европы, и вопросъ о преобразованіи турецкаго режима можетъ фактически считаться поконченнымъ. Динамитные взрывы, произведенные 17 (30) апрѣля въ Салоникахъ, явились очень кстати для туркофиловъ и „сразу освѣтили,—какъ выражается „Кельнская Газета",—истинное

положеніе дѣлъ на Востокѣ". Болгарскіе революціонеры, повидимому, прибѣгли къ отчаянному средству, чтобы вызвать вмѣшательство великихъ державъ, и они достигли только общаго раздраженія кабинетовъ противъ болгаръ, которые признаются уже главными виновниками нынѣшнихъ замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Туркамъ фактически предоставлена свобода дѣйствій для усмиренія недовольныхъ христіанъ; въ Македоніи и Старой Сербіи собраны большія массы турецкихъ войскъ, которыя при содѣйствіи башибузуковъ поддерживаютъ авторитетъ султанской власти и могутъ въ случаѣ надобности угрожать Болгаріи. Турецкіе патріоты заговорили въ повышенномъ тонѣ о правахъ Оттоманской имперіи, нарушаемыхъ, будто бы, попытками внѣшняго контроля; они смѣло ссылаются на явленія и событія, происходящія въ другихъ странахъ и не дающія, однако, повода къ дипломатическимъ мѣрамъ. Реформы и льготы, возвѣщенныя султаномъ, получили значеніе милостей, которыхъ могло бы и не быть.

Какъ осуществляются въ Турціи реформаторскія предположенія державъ—объ этомъ легко судить по имѣющимся безспорнымъ свѣдѣніямъ. Инспекторъ трехъ неспокойныхъ провинцій, Хильми-паша, принялъ на службу, въ качествѣ жандармовъ, извѣстное количество христіанъ, не превышающее пятой доли общаго числа жандармскихъ дѣятелей; но эти христіане-жандармы, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, взяты преимущественно изъ категоріи завѣдомыхъ шпіоновъ и продажныхъ негодяевъ, такъ какъ другіе и не пошли бы на турецкую службу. Объявлена была амнистія всѣмъ осужденнымъ и обвиняемымъ въ политическихъ преступленіяхъ, точно также какъ и эмигрантамъ; на этомъ основаніи выпущено на свободу нѣсколько десятковъ человѣкъ, а болѣе трехъ тысячъ арестованныхъ содержится по прежнему въ тюрьмахъ Малой Азіи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ милостей султана. Въ Монастырскомъ округѣ освобождено изъ-подъ ареста около трехсотъ человѣкъ, задержанныхъ неизвѣстно почему, а за то вновь заключено въ тюрьму свыше тысячи обывателей, тоже вѣроятно ни въ чемъ неповинныхъ. Амнистія какъ будто примѣняется, но безъ видимой пользы для населенія; общее безправіе подданныхъ остается въ полной силѣ. Хильми-паша охотно принималъ иностранныхъ корреспондентовъ и сообщалъ имъ утѣшительныя свѣдѣнія о предстоящемъ благополучіи края; только въ послѣднее время ему запрещено допускать пріѣзжихъ журналистовъ внутрь страны, для избѣжанія нескромныхъ разоблаченій. Мусульмане открыто возстаютъ противъ уступокъ Порты по отношенію къ христіанамъ и берутся за оружіе для защиты своихъ привилегій; въ разныхъ мѣстахъ совершаются жестокія безчинства, къ которымъ турецкія власти относятся довольно равнодушно. Въ Монастырѣ, 6 мая, турки напали на бол-

гарскій кварталъ, разграбили много домовъ и убили двадцать-пять болгаръ, прежде чѣмъ мѣстное начальство успѣло сообразить, въ чемъ дѣло; по оффиціальному отчету, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, виноватыми оказывались сами пострадавшіе: какой-то болгарскій мясникъ обидѣлъ, будто бы, мусульманина, и изъ-за этого возникла свалка, которая выразилась въ одностороннемъ нападеніи фанатической мусульманской толпы на христіанское населеніе.

Самое печальное для Македоніи — это рознь и взаимная вражда среди самихъ туземныхъ христіанъ. Греки ненавидятъ болгаръ и съ удовольствіемъ участвуютъ въ подавленіи ихъ; они искренно возмущаются болгарскими притязаніями на первенство въ старинной греческой землѣ; многіе изъ нихъ поступаютъ на турецкую службу только для того, чтобы имѣть случай проявить свои чувства относительно соперниковъ. Энергическіе и предпріимчивые болгаре постепенно усиливаютъ и распространяютъ свое вліяніе въ Македоніи, чѣмъ вызываютъ непріязнь не только грековъ, но и сербовъ. Туркамъ остается только пользоваться этимъ внутреннимъ разладомъ между различными христіанскими народностями, натравливать одну часть населенія противъ другой и сохранять такимъ образомъ свое владычество безъ всякихъ государственныхъ реформъ и улучшеній.

Къ счастью для Турціи, самостоятельныя балканскія государства находятся не въ такомъ положеніи, чтобы брать на себя рѣшеніе спорныхъ національныхъ вопросовъ помимо Европы, путемъ совмѣстной борьбы противъ Порты. Греція давно уже обречена на безсиліе по разнымъ причинамъ, и ее почти совсѣмъ не принимаютъ въ разсчетъ при обсужденіи періодическихъ кризисовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Сербія имѣетъ слабыхъ правителей, удовлетворяющихъ свое честолюбіе благорасположеніемъ вѣнскаго двора и неспособныхъ возвыситься надъ мелочными династическими и партійными разсчетами; король Александръ идетъ по стопамъ своего отца, короля Милана, не имѣя его крутого характера, его пороковъ и увлеченій. Привычка ставить личные вкусы и взгляды впереди интересовъ государства и народа всегда отличала Милана; она перешла отчасти и къ его сыну, вмѣстѣ съ наклонностью къ неожиданнымъ рѣшеніямъ и комбинаціямъ, непріятнымъ для окружающихъ. Король Александръ началъ въ юности свою карьеру государственнымъ переворотомъ, который поразилъ его опекуна, Іована Ристича; позднѣе онъ нѣсколько разъ прибѣгалъ къ подобнымъ же театральнымъ эффектамъ, чтобы отдѣлаться отъ того или другого министерства или отъ господствующей въ данное время партіи. Въ концѣ марта онъ озадачилъ своихъ подданныхъ совершенно небывалымъ подвигомъ: онъ внезапно объявилъ объ отмѣнѣ конституціи 6 апрѣля 1901 года, измѣнилъ составъ государственныхъ учрежденій

и вслѣдъ затѣмъ обратно возстановилъ ту же конституцію 1901 года, которую только-что призналъ зловредною. Въ своемъ первомъ манифестѣ король заявлялъ, что созданный на основаніи новой конституціи сенатъ и народная скупштина установили законы, которые оказались нецѣлесообразными. „Конституція, давъ просторъ политическимъ страстямъ, причинила вредъ интересамъ отечества и помѣшала его государственному и національному развитію. Обстоятельства на Балканскомъ полуостровѣ весьма серьезны. Сербія нуждается въ порядкѣ, согласіи и мирѣ. Для возстановленія согласія и порядка въ отечествѣ отмѣняется конституція, и полномочія сенаторовъ прекращаются; члены государственнаго совѣта освобождаются отъ своихъ должностей, и скупштина подлежитъ обновленію". Отмѣнены законы о печати, о выборахъ, о городскомъ и сельскомъ общинномъ устройствѣ; одновременно съ этимъ назначены новые консервативные сенаторы и члены государственнаго совѣта, взамѣнъ бывшихъ прогрессистовъ, — послѣ чего упраздненная конституція вновь введена въ дѣйствіе. Сенату и государственному совѣту въ новомъ составѣ предстоитъ выработать новые органическіе законы о печати, о выборахъ и мѣстныхъ общинахъ, но „уже не въ партійномъ духѣ", или, вѣрнѣе, въ духѣ только одобряемыхъ партій, болѣе или менѣе консервативныхъ и благонадежныхъ, безъ участія другихъ группъ, которыя прежде тоже считались благонадежными и часто призывались къ управленію страною. Такимъ страннымъ способомъ король Александръ сразу удалилъ со сцены многихъ почтенныхъ дѣятелей, замѣнивъ ихъ другими по своему усмотрѣнію, и эта перемѣна, конечно, не возвыситъ авторитета сената, государственнаго совѣта и конституціи въ глазахъ населенія, какъ не подниметъ и престижа власти, столь игриво обращающейся съ основными законами государства. Если одни и тѣ же законы и учрежденія сначала объявляются неподходящими, а потомъ опять признаются полезными и необходимыми, то что̀ подумать обывателямъ при этой смѣнѣ правительственныхъ настроеній? Возможно ли дѣлать внезапные законодательные перевороты только для того, чтобы измѣнить личный составъ существующихъ учрежденій?

Сербскій король, разумѣется, не задавался никакими общими планами и идеями при совершеніи своего послѣдняго coup d'état; онъ просто хотѣлъ, чтобы сенатъ, государственный совѣтъ и скупштина во всемъ соглашались съ министерствомъ г. Цинцара Марковича, которое въ данный моментъ пользуется полнымъ довѣріемъ короля. Имѣя очень высокое мнѣніе объ исторической роли и важности дома Обреновичей, король Александръ очень низко цѣнитъ здравый смыслъ своего народа и слишкомъ часто производитъ надъ нимъ опыты, которые трудно чѣмъ-нибудь объяснить или мотиви-

ровать; впрочемъ, и самъ родоначальникъ его фамиліи, знаменитый Милошъ, бывшій нѣкогда скромнымъ свинопасомъ, удивлялъ современниковъ странными перемѣнами своей карьеры и своихъ взглядовъ, хотя исключительныя обстоятельства, быть можетъ, и оправдывали его поведеніе. Дѣйствія и распоряженія короля Александра не имѣютъ видимой связи ни съ какими внѣшними событіями, а вытекаютъ изъ его личныхъ, отчасти загадочныхъ побужденій, явно противорѣчащихъ интересамъ государства; не было, очевидно, никакого разсчета затѣвать внутреннія замѣшательства въ правительственной системѣ Сербіи, въ то время какъ сосѣднія турецко-славянскія земли переживаютъ опасный политическій кризисъ, близко затрогивающій жизненныя національныя чувства и стремленія сербской народности.

Благодаря своеобразной политикѣ своихъ правителей, Сербія почти вовсе не участвуетъ въ общемъ движеніи, отъ котораго въ концѣ концовъ зависитъ судьба различныхъ племенъ и областей Балканскаго полуострова;—дѣйствуетъ въ сущности одна Болгарія, на которую державы все болѣе привыкаютъ смотрѣть, какъ на центръ и ядро будущей политической организаціи европейской Турціи. Болгаре выступили на первый планъ и въ нынѣшнемъ македонскомъ вопросѣ; они являются единственными сознательными руководителями злосчастныхъ турецкихъ христіанъ и этимъ создаютъ для своего отечества положеніе славянскаго Пьемонта, который рано или поздно завершитъ дѣло объединенія родственныхъ странъ. Князь Фердинандъ представляетъ собою политическія традиціи Кобурговъ, умѣвшихъ всегда достигать своихъ цѣлей при помощи твердой выдержки, умѣнья приспособляться къ обстоятельствамъ или, напротивъ, приспособлять ихъ къ своимъ интересамъ. Болгарскій князь также вызываетъ иногда рѣзкіе правительственные кризисы; недавно онъ очень круто обошелся съ министерствомъ Данева, подъ предлогомъ личнаго конфликта съ министромъ народнаго просвѣщенія Радевымъ, но всякій догадывается, почему ему понадобилось разстаться съ министрами-теоретиками и передать власть такимъ энергическимъ людямъ, какъ генералъ Петровъ и бывшій сподвижникъ Стамбулова, Петковъ. Князь Фердинандъ несомнѣнно руководствовался политическими и государственными интересами, а не личными чувствами и вкусами, когда рѣшился перемѣнить своихъ министровъ послѣ пріѣзда изъ Парижа; очень можетъ быть, что сдѣланный имъ шагъ былъ результатомъ его политическихъ бесѣдъ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Новые болгарскіе министры, вѣроятно, болѣе симпатичны нѣмцамъ и австрійцамъ, безъ содѣйствія которыхъ ничего нельзя устроить въ сферѣ балканскихъ дѣлъ; а министры, извѣстные своимъ руссофильствомъ, всего менѣе могутъ разсчитывать на успѣхъ и автори-

тетъ при современномъ ходѣ событій. Таково, къ сожалѣнію, фактическое положеніе нынѣшняго восточнаго вопроса на Балканахъ...

Въ Англіи политическая жизнь имѣетъ свою особую логику, не всегда понятную въ остальной Европѣ. Казалось бы, что послѣ разорительной южно-африканской войны британское правительство должно было избѣгать крупныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, не требуемыхъ настоятельною необходимостью; между тѣмъ, кромѣ ассигнованія огромныхъ суммъ на возстановленіе фермъ въ Трансваалѣ и Оранжевой колоніи, предполагаются еще колоссальныя затраты на устройство поземельныхъ дѣлъ въ Ирландіи. Новый ирландскій билль, внесенный въ парламентъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Ирландіи, м-ромъ Виндгамомъ, и принятый уже палатою общинъ, напоминаетъ знаменитыя земельныя реформы Гладстона по своему общему характеру и направленію; законодательство вновь ставитъ себѣ задачей преобразовать аграрныя отношенія страны согласно желаніямъ и потребностямъ наиболѣе заинтересованныхъ и многочисленныхъ классовъ мѣстнаго населенія. Организуется систематическій переходъ имѣній лордовъ въ руки фермеровъ, черезъ посредство особой правительственной коммиссіи, при содѣйствіи государственнаго казначейства; на первое время назначается на это дѣло изъ казны вспомогательная сумма въ двѣнадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ—больше ста милліоновъ рублей. Ни милліарды, поглощенные бурскою войною, ни сотни милліоновъ, расходуемыя на оживленіе опустошенныхъ земель южной Африки, не останавливаютъ англичанъ въ новыхъ громадныхъ затратахъ на Ирландію. Неистощимыя финансовыя средства Англіи ни въ чемъ не проявляются такъ краснорѣчиво, какъ въ этихъ широкихъ проектахъ добровольныхъ государственныхъ пожертвованій, которыя всегда могли бы быть откладываемы до другого времени даже при сознаніи ихъ важности и полезности.

Но финансовое богатство не зависитъ—или только въ незначительной мѣрѣ зависитъ—отъ особыхъ условій политическаго быта Англіи; несравненно болѣе любопытно другое явленіе, съ которымъ никакъ не могутъ примириться на материкѣ Европы,—удивительный подъемъ популярности и силы главнаго виновника и вдохновителя бурской войны, министра колоній Чемберлэна. Послѣ тяжелыхъ испытаній и разочарованій, связанныхъ съ этой войною, долженъ былъ бы прежде всего удалиться со сцены тотъ политическій дѣятель, который безъ крайней надобности и съ легкимъ сердцемъ втянулъ Англію въ воинственное предпріятіе, обошедшееся такъ дорого англичанамъ во всѣхъ отношеніяхъ; континентальная печать неутомимо изобличала Чемберлэна въ раз-

ныхъ грѣхахъ и провинностяхъ не только передъ чужими націями, но и передъ англійскимъ народомъ и передъ совѣстью всего образованнаго міра. Повсюду господствовало убѣжденіе, что неудачный ходъ войны нанесъ непоправимый ударъ Чемберлэну, и что немыслимо будетъ удержаться ему послѣ возстановленія мира. Въ дѣйствительности произошло нѣчто прямо противоположное: чѣмъ болѣе выяснялась трудность предпринятой борьбы, тѣмъ сильнѣе становилось положеніе Чемберлэна, и авторитетъ его возвысился и окрѣпъ въ небывалой еще степени послѣ тяжелыхъ событій въ южной Африкѣ. Имперіалистская политика торжествовала побѣду именно тогда, когда заграничные наблюдатели возвѣщали ея паденіе; Чемберлэнъ сдѣлался могущественнѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ Англіи въ то самое время, когда иностранная пресса ниспровергала и осуждала его съ наибольшимъ усердіемъ. Во всякой другой странѣ Чемберлэнъ долженъ былъ бы выйти въ отставку при первыхъ же крупныхъ неудачахъ, и его смѣнилъ бы какой-нибудь второстепенный представитель мирной и сдержанной колоніальной политики; но англичане, разъ усвоивъ извѣстную практическую программу, не отказываются отъ нея такъ легко и не бросаютъ своихъ вождей изъ-за сдѣланныхъ ими ошибокъ и упущеній; — они чрезвычайно дорожатъ выдающимися людьми и упорно держатся поставленныхъ государственныхъ цѣлей, не смущаясь временными препятствіями и пораженіями. Только при подобной выдержкѣ могутъ осуществляться серьезно задуманные политическіе планы, безъ которыхъ не можетъ обходиться ни одна великая держава; британскіе имперіалисты, сторонники мірового расширенія британскаго владычества, чувствуютъ потребность въ такомъ предводителѣ, какъ Чемберлэнъ, и сохраняютъ ему вѣрность именно потому, что раздѣляютъ его идеи и стремленія. Въ томъ-то и дѣло, что Чемберлэнъ—не просто министръ, назначенный властью короны, а выразитель взглядовъ и интересовъ цѣлой націи или значительной ея части, проповѣдникъ и исполнитель извѣстной государственной программы; такого дѣятеля не увольняютъ, а онъ самъ держится или уходитъ, въ зависимости отъ распространенности и силы его идей въ обществѣ. Чемберлэнъ воплощаетъ собою новѣйшія мечты англичанъ о внѣшнемъ величіи и могуществѣ британской имперіи; онъ даетъ этимъ мечтамъ реальныя формы и обѣщаетъ осуществить ихъ въ будущемъ,—и оттого онъ сталъ теперь центральной политической фигурою въ Англіи, главнѣйшимъ изъ британскихъ министровъ въ кабинетѣ, номинальнымъ главою котораго является до сихъ поръ Бальфуръ.

Недавно Чемберлэнъ произнесъ передъ своими избирателями въ Бирмингамѣ замѣчательную рѣчь, въ которой подробно развилъ свою программу имперіализма; онъ намѣтилъ грандіозный проектъ міровой

британской федераціи, для которой первымъ фундаментомъ долженъ служить таможенный союзъ Англіи со всѣми ея колоніями. По мнѣнію Чемберлэна, необходимо прежде всего признать, что колоніи имѣютъ право на пониженные тарифы при сбытѣ своихъ продуктовъ въ метрополію или въ другія колоніальныя владѣнія; промышленная, экономическая солидарность должна сопутствовать политическому единенію, блестящія доказательства котораго были представлены во время бурской войны. Около пятидесяти тысячъ колоніальныхъ солдатъ сражалось на ряду съ британскими войсками на поляхъ Трансвааля и Оранжевой области, въ силу добровольнаго рѣшенія своихъ отечественныхъ парламентовъ и правительствъ, и эти яркіе симптомы единства британской имперіи не могутъ пройти безслѣдно для ближайшаго будущаго. Чемберлэнъ рисуетъ эту будущность въ самыхъ заманчивыхъ образахъ, если Англія смѣло и твердо пойдетъ по пути имперіализма, и вполнѣ естественно, что британское общественное мнѣніе увлекается его призывами и готово подчиниться его руководству. Рѣчь Чемберлэна была всѣми принята какъ открытое возвѣщеніе его кандидатуры на постъ премьера, и самъ Бальфуръ видимо соглашается отодвинуться на второе мѣсто, чтобы не стѣснять свободы дѣйствій министра, имѣющаго полное нравственное право считать себя душою правительства. Англійскія газеты, съ „Таймсомъ" во главѣ, превозносятъ таланты и заслуги Чемберлэна, выдвигаютъ его заявленія на степень національныхъ событій и окружаютъ его имя такимъ ореоломъ славы, какой въ былое время выпадалъ на долю немногихъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Его сравниваютъ съ Биконсфильдомъ, отъ котораго онъ заимствовалъ свои имперіалистскія идеи; общее у нихъ обоихъ—способность возбуждать противъ себя вражду и ненависть внѣ предѣловъ отечества. Никого такъ не клеймили позорными именами въ европейской и русской печати, какъ Чемберлэна и Биконсфильда; особенно наши газетные патріоты долго упражнялись въ изобличеніи коварства „еврея Дизраэли", пока дипломатія не покорилась его волѣ въ Санъ-Стефано и на берлинскомъ конгрессѣ. Надо надѣяться, что ничего подобнаго не случится съ нами по отношенію къ Чемберлэну...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1903.

I.

— Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Подробный библіографическій указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстомъ. Со многими портретами гр. Толстого. Составилъ Юрій Битовтъ. Москва, 1903.

Г-нъ Битовтъ возъимѣлъ счастливую мысль собрать литературу о гр. Толстомъ: знать эту литературу не только существенно важно для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе изучить знаменитаго писателя, но и вообще гр. Толстой представляетъ собой столь особенное и столь крупное явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни, что и для читателя обыкновеннаго можетъ быть интересно получить хотя бы общее понятіе о литературѣ, которая была ему посвящена у насъ и за границей...

Но въ исполненіи книги оказываются немалые недостатки. Многаго въ ней нѣтъ, что̀ должно бы быть; много есть лишняго, что̀ только напрасно ее утолщаетъ; наконецъ, въ перечетѣ и библіографическомъ обозначеніи имѣющагося матеріала употреблены пріемы ошибочные. Составитель напрасно не посовѣтовался съ людьми, знающими библіографическое дѣло,—потому что давнымъ-давно существуютъ извѣстные пріемы библіографическихъ указаній, сложившіеся не произвольно и случайно, а по существу дѣла, для простого удобства: указанія авторовъ и ихъ книгъ, или журналовъ (съ ихъ отдѣлами), гдѣ помѣщены статьи; порядокъ номенклатуры (вначалѣ имя автора или названіе книги) и т. п. Соблюденіе этихъ подробностей весьма облегчаетъ читателей библіографическихъ сочиненій, потому что упрощаетъ общій обзоръ и справки.

Въ настоящей книгѣ эти привычные библіографическіе пріемы нарушаются сплошь и рядомъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ.

Стр. 3, указано подъ 1855 годомъ „Письмо петербургскихъ лите-

раторовъ къ М. С. Щепкину по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, одобренное его высокопревосходительствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія"; сдѣлана ссылка на „Современникъ" 1855. Самое письмо не приведено, но приведены имена *всѣхъ* подписавшихъ письмо литераторовъ,—въ чемъ не было никакой библіографической надобности; довольно было отмѣтить, что въ числѣ подписавшихъ и гр. Л. Н. Толстой былъ.

Стр. 5, жирнымъ шрифтомъ: „Изъ общественной хроники". Далѣе, простымъ: „Рѣчь графа Л. Н. Толстого по поводу московской переписи. Вѣстникъ Европы, 1882, III". По простому библіографическому пріему слѣдовало бы поставить все это какъ разъ наоборотъ: указать „Рѣчь", потомъ статью, которая посвящена ей, т.-е. назвать журналъ, годъ, книжку и ея отдѣлъ. Кромѣ того, эта рѣчь появилась не въ „Вѣстникѣ Европы" въ первый разъ.

И дальше опять множество разъ повторяются подобныя библіографическія неправильности или неловкости. Жирнымъ, или толстымъ шрифтомъ ставится не то что имя автора или названіе сочиненія, а названіе отдѣла въ журналѣ или газетѣ, напр.: „Разныя разности" (это—отдѣлъ смѣси въ „Недѣлѣ"), или: „Изъ литературнаго міра", „Изъ общественной хроники", „Внутреннія извѣстія", т.-е. названія, ровно ничего не означающія, и только дальше, обыкновеннымъ шрифтомъ, приводится настоящее названіе автора и статеекъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ гр. Толстому. Или жирнымъ шрифтомъ ставится одно первое слово заглавія,—что̀ совсѣмъ ничего не говоритъ читателю. Или, при новомъ изданіи книги или статьи, читатель въ началѣ новаго библіографическаго нумера встрѣчаетъ жирный шрифтъ: „перепечатано"—цѣлыми рядами; или повторяется безъ конца заглавіе: „Поликушка", „Поликушка"... „Два старика", „Два старика"... „Воскресеніе", „Воскресеніе"... „Крейцерова соната" и т. д.,—не выдержанъ и библіографическій пріемъ. „Азбука" и „Книги для чтенія" ихъ подробнымъ пересчитываньемъ (стр. 69—79) безполезно удручаютъ читателя.

Также безполезны и многія другія вещи. Когда составителю приходится упоминать сборникъ или иное сочиненіе, гдѣ лишь случайно участвовалъ или упоминался гр. Толстой, то составитель приводитъ (какъ бы слѣдовало) не только то именно, что̀ относится къ гр. Толстому, но приводитъ оглавленіе цѣлаго сборника или сочиненія, что̀ для цѣли книги совершенно излишне.

Напр., на стр. 46—47 приведено цѣликомъ все оглавленіе сборника, изданнаго въ 1884 Литературнымъ Фондомъ, гдѣ гр. Толстымъ помѣщенъ былъ отрывокъ „Декабристовъ". Кромѣ одной строки съ

этимъ указаніемъ, все остальное оглавленіе, занимающее цѣлую страницу, совершенно не нужно.

На двухъ страницахъ 56—57, не нужное, кромѣ трехъ строкъ, оглавленіе сборника „Помощь голодающимъ".

Стр. 58—59, ненужное, кромѣ двухъ строкъ, оглавленіе сборника „Помочь".

На полутора страницахъ 60—61, ненужное, кромѣ двухъ строкъ, оглавленіе сборника „Путь-дорога".

Стр. 64—65, ненужное, кромѣ одной строки, оглавленіе сборника „Починъ".

Затѣмъ опять рядъ ненужныхъ (или по крайней мѣрѣ на три четверти ненужныхъ) оглавленій къ сочиненіямъ Анненкова, Арс. Введенскаго, К. Головина, Меньшикова. Шесть страницъ мелкой печати занято оглавленіемъ сборника Зелинскаго, и т. д.

Къ изложенію „гр. Толстого въ искусствѣ" составитель прибавилъ рядъ портретовъ и кромѣ того изображенія скульптуръ г. Аронсона, Кенигсейдера и кн. Трубецкого (всѣ довольно странны: въ бюстѣ г. Аронсона представленъ не гр. Толстой, а какой-то Ааронъ; вторая скульптура, кажется, просто неудачна; третья—съ вычурнымъ импрессіонизмомъ); къ нимъ слѣдовало присоединить бюстъ и весьма удачную статуэтку г. Гинцбурга.

Въ изложеніи переводовъ сочиненій гр. Толстого опять встрѣчаемъ немалыя странности. Частью составитель помѣщаетъ просто извѣстія русскихъ журналовъ и газетъ объ этихъ переводахъ; частью беретъ свои указанія изъ иностранныхъ каталоговъ, и повторныя изданія являются, напр., въ слѣдующемъ видѣ:

3146. War and peace... 1886.

3147. Same (!)... 1889.

3148. Same bound in two vols (!)... 1889.

3149. Same in four vols... 1889.

3150. Same as above... 1897.

И дальше приведено еще нѣсколько изданій, которыя называются „Same" или „Also" (!).

Извѣстія о переводахъ гр. Толстого на славянскіе языки опять не весьма удовлетворительны. Библіографическія указанія взяты иногда просто изъ упоминаній русскихъ журналовъ и газетъ, а частью приведены съ такими грубыми ошибками, которыя привели бы въ ужасъ чеховъ, поляковъ, хорватовъ, вообще славянскую братію. А кромѣ того, и славянская братія перемѣшана; въ чешскую литературу попадаетъ словацкое изданіе (№ 3287); въ сербскую литературу попало извѣстіе о трудѣ словацкаго писателя Гурбана-Ваянскаго (№ 3294), и т. п.

Вслѣдствіе неурядицы въ пріемахъ составленія книги въ нее вошло, какъ мы упоминали, множество вещей, не имѣющихъ къ гр. Толстому никакого отношенія. Это ненужное отразилось и въ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ книги. Здѣсь мы находимъ, напр., г-жу Хвощинскую, извѣстную писательницу (стр. 370). Зачѣмъ она попала въ книгу о гр. Толстомъ? Очень просто: она упомянута въ (ненужномъ) оглавленіи книги Головина о русскомъ романѣ, и оттуда такимъ же ненужнымъ образомъ попала въ указатель. Такимъ же способомъ попали въ указатель, черезъ книгу Головина, гг. Ясинскій и Эртель, не имѣющіе никакого отношенія къ гр. Толстому, и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, составитель взялся за свой трудъ безъ яснаго представленія о требованіяхъ правильной библіографіи: отсюда масса неточностей, излишествъ, а также и недостатковъ. Чтобы взяться за подобную работу, надо было раньше выяснить себѣ ея требованія, напр. хотя бы посовѣтовавшись съ людьми, знающими это дѣло. Въ частности, по литературамъ славянскимъ надо было просто посовѣтоваться съ опытными спеціалистами... При болѣе обдуманной постановкѣ дѣла, изъ книги пришлось бы выбросить не мало вещей, совсѣмъ излишнихъ; многое, напротивъ, привелось бы добавить,—и книга лучше послужила бы той цѣли, которую составитель для нея предположилъ.—А. П.

II.

— Ю. Н. Лавриновичъ (Надеждинъ). Очерки французской общественности. Спб. 1903.

Очерки г. Лавриновича прочтутся русской публикой не безъ интереса. Авторъ ставитъ своей задачей охарактеризовать типичныя черты французской общественности, выработавшіяся столько же въ зависимости отъ особенностей пройденнаго историческаго пути, какъ и отъ основныхъ свойствъ національнаго генія. Во введеніи авторъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, не лишенное, кажется, большой вѣроятности: въ самомъ дѣлѣ, рѣдко на комъ отразилась до такой степени двойственность личной и общественной психологіи, какъ на французскомъ народѣ. Французъ и французское общество въ его цѣломъ являются мало похожими другъ на друга. Отдѣльный французъ разсчетливъ, даже скупъ, холоденъ къ интересамъ ближняго, меркантильно буржуазенъ, тщеславенъ, суетенъ, легкомысленъ и неустойчивъ во взглядахъ. Но тотъ же французъ становится неузнаваемъ въ общественной жизни. „Здѣсь только,—говоритъ авторъ,—его нравственная физіономія принимаетъ тѣ черты величавости, смѣлости, широкаго размаха мысли,

изъ которыхъ слагается исторія французскаго общества. Если въ этой исторіи и играли часто весьма крупную роль отдѣльныя личности, то ихъ значеніе и успѣхъ ихъ дѣятельности все-таки находились въ гораздо большей зависимости отъ современныхъ имъ условій общественности, нежели отъ ихъ индивидуальныхъ свойствъ. Правда, эти условія не разъ приводили Францію, въ ея вѣчномъ исканіи общественныхъ идеаловъ, къ ошибкамъ. Но она же сама эти ошибки и исправляла, и онѣ не помѣшали созданію ея величія".

Первый изъ очерковъ посвященъ журнализму и журналистамъ во Франціи; въ основаніе его положены, главнымъ образомъ, работы Авнэля [1]) и Таверньé [2]). Исторія французской журналистики поучительна и любопытна. Печать и политика такъ тѣсно переплелись между собою во Франціи, что можно безъ преувеличенія опредѣлять исторію Франціи XIX столѣтія какъ исторію ея печати, и исторіей печати характеризовать исторію Франціи. Красной нитью проходитъ по исторіи печати исполненная своеобразнаго драматизма борьба, которую вела французская печать съ правительствомъ, на политической почвѣ. Начиная съ 1631 г., когда д-ръ Теофрастъ Ренодò положилъ начало періодической печати первой еженедѣльной газетой „Gazette de France", печати этой пришлось пережить не мало критическихъ моментовъ. Впервые тѣсную связь между прессой и политикой обнаружила революція, вызвавшая къ жизни множество политическихъ газетъ, во главѣ которыхъ стали такіе дѣятели, какъ Андрé Шеньé, Робеспьеръ, Маратъ, Мирабо. Учредительное собраніе провозглашало полную свободу печати: „Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка. Каждый гражданинъ, поэтому, можетъ свободно говорить, писать и печатать, отвѣчая передъ закономъ лишь за злоупотребленіе этой свободой". Но Наполеонъ I вскорѣ нарушилъ признаніе за гражданиномъ права свободно говорить, писать и печатать. Сначала, въ качествѣ перваго консула, онъ уничтожилъ почти всѣ политическія газеты, по его объясненію,— „для защиты республики". Черезъ четыре года, когда первый консулъ сталъ императоромъ, подобныя мѣры примѣнялись имъ съ обратной цѣлью—для защиты имперіи отъ республиканцевъ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ, и въ газетахъ при немъ писалось только то, что̀ было угодно императору и его полиціи.

Авторъ послѣдовательно отмѣчаетъ различные моменты борьбы правительства съ печатью. Постоянныя притѣсненія и гоненія слу-

---

[1]) Henri Avenel. Histoire de la presse française dépuis 1789 jusqu'à nos jours. P. 1901.

[2]) Eugène Tavernier. Du journalisme, son histoire, son rôle politique et religieux. 1902.

жили ей хорошей школой, которая настолько закалила ее для борьбы, что искусственныя мѣры для ослабленія печати оказывались часто безсильными, и она стала пріобрѣтать то значеніе „третьей власти", которымъ она пользуется теперь. Реакція особенно дала себя знать послѣ убійства герцога Беррійскаго, въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Послѣ нѣкоторыхъ льготъ предшествующихъ лѣтъ были снова возстановлены: предварительная цензура, воспрещеніе издавать газеты безъ особаго разрѣшенія правительства, пріостановка газетъ безъ суда на шесть мѣсяцевъ... Вскорѣ былъ вотированъ господствовавшею въ палатѣ правою стороною новый законъ, который отдавалъ дѣла о преступленіяхъ печати правительственнымъ судамъ. „Дальше,—говоритъ авторъ,—при существовавшихъ въ то время условіяхъ, идти было некуда. Желѣзное кольцо стягивалось все плотнѣе. Судебныя преслѣдованія газетъ сдѣлались такъ часты, что оппозиція въ печати становилась невозможной: если не находилось поводовъ привлечь газету за какую-нибудь отдѣльную статью, то ее преслѣдовали „за вредное направленіе", которое могло выразиться въ серіи статей, хотя бы въ отдѣльности онѣ ничего собою не представляли. Дѣло дошло даже до курьезнаго проекта „покупки правительствомъ всѣхъ существовавшихъ газетъ и воспрещенія выпускать какія бы то ни было новыя"...

Изложеніе свое авторъ иллюстрируетъ документальными данными, изъ которыхъ многія чрезвычайно интересны въ смыслѣ изображенія эпохи и характера борьбы. Остановимся на одномъ изъ нихъ—на протестѣ ста четырехъ дѣятелей печати, послѣдовавшемъ послѣ извѣстнаго приказа Карла X, уничтожавшаго не только свободу печати, но и самый режимъ представительнаго правленія. Текстъ этого протеста авторъ заимствуетъ у Анри Авнэля, приводя его въ русскомъ переводѣ.

„Въ положеніи, въ которомъ мы теперь находимся,—говорится въ этомъ протестѣ,—повиновеніе перестаетъ быть нашей обязанностью. Журналисты были первыми гражданами, призванными къ повиновенію; они же первые должны подать примѣръ и сопротивленія власти, отказавшейся отъ закона.

„Сегодня правительство нарушило законность, и мы поэтому считаемъ себя свободными отъ подчиненія ему; мы попытаемся выпускать наши газеты, не спрашиваясь у правительства—это предписываетъ намъ нашъ гражданскій долгъ, и мы его исполнимъ.

„Мы не имѣемъ въ виду указывать незаконно распущенной палатѣ ея обязанности. Но мы умоляемъ ее отъ имени всей Франціи не отказываться отъ своего очевиднаго права и сопротивляться до послѣдней возможности нарушенію законовъ. Это право такъ же несомнѣнно, какъ и то, на которомъ основывались мы. Статья 50-ая

хартіи гласитъ, что король можетъ распустить палату депутатовъ; но для этого нужно, чтобы она была раньше собрана и учреждена. Пока не состоялось первое собраніе палаты—существуютъ только выборы. Хартія же ни однимъ своимъ пунктомъ не даетъ королю права кассировать выборы. Между тѣмъ, опубликованными сегодня королевскими приказами выборы уничтожены. Эти приказы незаконны, ибо хартія не дозволяетъ издавать такіе приказы. Слѣдовательно, выборы депутатовъ и созывъ ихъ на 9 августа должны оставаться въ силѣ. Ихъ права сегодня таковы же, какъ и вчера, и Франція умоляетъ ихъ не забывать этого. Они должны сдѣлать все возможное для того, чтобы заставить уважать эти права.

„Правительство сегодня уничтожило законность, предписывающую повиноваться ему. Мы сопротивляемся ему во всемъ, что касается насъ самихъ. Франція же пусть обсудитъ, до какихъ поръ должно простираться ея собственное сопротивленіе".

Тотчасъ по опубликованіи этого манифеста въ газетахъ „Temps" и National",—разсказываетъ г. Лавриновичъ,—полиція арестовала печатные станки съ наборомъ и уничтожила ихъ. Наборщики, вытѣсненные полиціей, разсыпались по улицамъ Парижа съ криками: „Да здравствуетъ свобода! Долой министровъ!"—Такими возгласами сопровождалась и начавшаяся вслѣдъ за симъ іюльская революція...

Не послѣднюю роль сыграли журналисты и въ дѣлѣ революціи 1848 года. Такъ, временное правительство этого года было образовано изъ журналистовъ. „National" и „Réforme" стали какъ бы колыбелью второй французской республики. „Происшедшія событія, приблизивъ журналистовъ къ управленію страною, возложили на нихъ высокую миссію умиротворенія и просвѣщенія. Ставъ у власти, журналисты проявили трогательную терпимость, стремленіе къ единодушію. Передъ сознаніемъ долга, предъ націею забывалась старая вражда, и печать съ удивительнымъ единодушіемъ старалась внушить народу уваженіе къ временному правительству и привить ему понятія объ общемъ избирательномъ правѣ и о демократическомъ направленіи. Одинъ изъ членовъ временнаго правительства, авторъ „Исторіи революціи 1848 года" Гарнье-Пажé разсказываетъ, что, всегда враждовавшая до того, пресса старалась не только добросовѣстно передавать факты и событія, но въ своихъ сообщеніяхъ смягчала все, что могло влiять раздражающимъ образомъ, и всячески умиротворяла наиболѣе нетерпимыхъ полемистовъ". Этотъ миролюбивый характеръ былъ вскорѣ утраченъ прессой, когда водворилась республика, жизнь вошла въ свое русло, и парламентъ предоставилъ благодарную почву для разгара политическихъ страстей.

Властвованіе Наполеона III прошло въ ожесточенной борьбѣ съ пе-

чатью. По усмотрѣнію префектовъ, предостереженія слѣдовали одно за другимъ; бывали случаи и совершеннаго закрытія газетъ безъ предварительной пріостановки и безъ суда. Тяжелый гнетъ, легшій на печать въ пору Наполеоновской реакціи, лишилъ политическія газеты ихъ независимости и выработалъ особый типъ оппортунистскихъ и умѣренно-оппозиціонныхъ газетъ, выражавшихъ свои взгляды на существующій порядокъ въ формѣ намековъ; тогда же возникла и новая форма выраженія мыслей—хроника. Газеты заговорили эзоповскимъ языкомъ.

Отсылая читателей къ подробному разсказу о дальнѣйшихъ моментахъ исторіи развитія печати, скажемъ нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которомъ находится французская печать въ переживаемое нами время. По закону 1881 года, печать и книжное дѣло въ странѣ признаются свободными. Совершенно отмѣнены издательскій залогъ, пошлины на газеты и предварительное разрѣшеніе. Почти всѣ преступленія по дѣламъ печати отнесены къ юрисдикціи суда присяжныхъ. „Одна эта мѣра,—по выраженію автора,—вызвала у журналистовъ вздохъ облегченія, избавивъ ихъ отъ Дамоклова меча административнаго произвола, заставлявшаго ихъ трепетать за всякое смѣло написанное слово. Въ судѣ общественной совѣсти они нашли справедливаго и нелицепріятнаго судью своихъ поступковъ". Вообще, законъ 1881 года отличается миротворнымъ направленіемъ, въ которомъ выразилось желаніе законодателя не только дать печати свободу, но и поставить ее въ такія условія, при которыхъ она меньше всего могла бы впадать въ нарушеніе закона.

Отмѣтивъ свѣтлыя и темныя стороны французской печати, авторъ задается вопросомъ: къ какому же выводу можно придти на основаніи знакомства съ ея прошлымъ и настоящимъ?—и дѣлаетъ такое заключеніе: „исторія французской печати убѣждаетъ насъ, что Франція можетъ гордиться своею прессою не только потому, что послѣдняя достигла рѣдкаго развитія и могущества, но потому, главнымъ образомъ, что она дала странѣ свободу, своею пропагандою освободивъ ее отъ деспотизма и всегда смѣло поднимая голосъ противъ всякихъ попытокъ стѣснить эту свободу и навязать странѣ новое иго. Благодарная Франція отвѣтила на это полнымъ освобожденіемъ печати, даровавъ ей законъ 1881 г."

Въ другихъ очеркахъ, не менѣе интересныхъ, чѣмъ настоящій авторъ знакомитъ читателей съ такими вопросами, какъ рабочіе союзы, армія просвѣщенія, демократизація науки, заботы о будущемъ человѣчествѣ. Написанная легко, съ очевиднымъ знаніемъ дѣла и на основаніи документальныхъ данныхъ, книга г. Лавриновича возбуждаетъ цѣлый рядъ живыхъ вопросовъ и является несомнѣнно полез-

нымъ вкладомъ въ литературу общедоступныхъ книгъ въ цѣляхъ общественнаго самообразованія.

III.

— Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ „Скорпіонъ". Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903.
— А. С. Пушкинъ. „Труды и дни". Хронологическія данныя, собранныя Николаемъ Лернеромъ. Книгоиздательство „Скорпіонъ". М. 1903.

Пушкинская литература продолжаетъ обогащаться новыми матеріалами, освѣщающими различныя стороны жизни и дѣятельности поэта. Въ этомъ отношеніи работаютъ многія ученыя учрежденія и общества, „Пушкинскіе" кружки и т. д., и нельзя не выразить сочувствія тому новому направленію дѣятельности книгоиздательства „Скорпіонъ", которое пошло на встрѣчу общимъ усиліямъ историко-литературнаго изученія Пушкина и посвятило два изъ своихъ изданій работамъ научнаго свойства. Въ первомъ изъ упомянутыхъ изданій, названномъ не совсѣмъ точно письмами Пушкина и къ Пушкину, есть не мало дѣйствительно новыхъ матеріаловъ, хотя и не заключающихъ въ себѣ существенно важныхъ, по отношенію къ Пушкину, біографическихъ или историческихъ чертъ. Однѣ изъ помѣщенныхъ здѣсь бумагъ были извѣстны раньше въ извлеченіяхъ, другія—лишь въ изложеніи, третьи появляются здѣсь впервые. Къ послѣдней группѣ относятся семь писемъ Пушкина, представляющихъ наибольшій интересъ. Такъ, весьма любопытно письмо къ князю П. А. Вяземскому, отъ 1823 г. (по предположенію издателя), въ которомъ Пушкинъ проситъ написать ему обстоятельнѣе „о тяжбѣ своей съ цензурою: это касается всей православной кучки". „Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ жаловаться на Бируковыхъ,—продолжаетъ онъ,—можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, таковой поступокъ пріемлется за бунтъ. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду; но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасное подозрѣніе и причинить большія безпокойства. Соединиться тайно, но явно дѣйствовать въ одиночку, кажется, вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не впервой совралъ, когда утверждалъ que c'est le plus vil des métiers—Pas plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ, но не мнѣ. На конченную свою поэму я смотрю, какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ, и продаю съ барышомъ. Цѣховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ,

обрѣзываетъ, портитъ товаръ. Я въ накладѣ, иду жаловаться частному приставу. Все это въ порядкѣ вещей".

Кромѣ писемъ, мелкихъ записокъ, росписокъ и прошеній Пушкина, находимъ въ той же книгѣ бумаги и разнаго рода матеріалы, относящіеся къ сношеніямъ поэта съ шефомъ жандармовъ Бенкендорфомъ, А. Н. Мордвиновымъ, Б. А. Адеркасомъ, Л. В. Дубельтомъ и др. и частныя письма къ Пушкину разныхъ лицъ (И. И. Козлова, барона Е. Ѳ. Розена, С. С. Уварова, А. И. Тургенева и др.), уже извѣстныя въ печати, но напечатанныя здѣсь, по словамъ редактора, съ рукописей и въ полномъ видѣ, т.-е. съ приведеніемъ вступленій и заключительныхъ словъ, которыя пропускались прежними издателями. „Между тѣмъ,—замѣчаетъ г. Брюсовъ,—эти вступленія и особенно отпуски чрезвычайно характерны. Бенкендорфъ не безъ умыслу подписывался то „покорнѣйшимъ слугою", то просто фамиліей, то оставлялъ письмо безъ подписи. Любопытно, что въ первыхъ письмахъ онъ писалъ слово „покорнѣйшій" въ безобразной формѣ „покорнейшей", потомъ сталъ ставить гдѣ слѣдуетъ „ѣ" и, наконецъ, въ тридцатыхъ годахъ, началъ писать его и совсѣмъ правильно".

Въ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщены три отрывка изъ бумагъ Пушкина: 1) нѣсколько стиховъ изъ „Русалки"; 2) программа „Дубровскаго" и 3) примѣчаніе къ „Евгенію Онѣгину". Къ книгѣ приложены fac-simile записокъ и рисунковъ Пушкина.

Весьма полезную книгу составилъ и г. Лернеръ, задавшійся цѣлью создать болѣе или менѣе полный справочникъ для всѣхъ изучающихъ Пушкина. Его книга—хронологическій подборъ данныхъ жизни и творчества поэта изъ разнообразныхъ матеріаловъ историко-литературнаго, біографическаго характера, изслѣдованій, переписки и т. д., — нѣчто подобное тому, что сдѣлалъ когда-то Я. К. Гротъ въ своей „Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина". Но „канва" Грота давно уже устарѣла, и въ этомъ отношеніи гораздо болѣе полный и обстоятельно сдѣланный сводъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству составителя, къ бывшему у него подъ рукою обширному матеріалу онъ старался относиться строго-критически и осторожно.

IV.

— Литературный Архивъ, издаваемый П. А. Картавовымъ, Спб., 1902.
— Статьи и матеріалы, посвященные Некрасову въ „Литературномъ Вѣстникѣ", 1903, кн. I.
— Писатели изъ народа. Литературный Сборникъ. 1877—1902. Памяти Некрасова. Серія I. Выпускъ II. М. 1903.

По поводу отмѣченныхъ первыхъ двухъ изданій, преслѣдующихъ цѣли детальнаго историко-литературнаго изученія творчества писателей, и въ данномъ случаѣ преимущественно—Некрасова, нельзя ставить общаго вопроса о значеніи его дѣятельности въ идейномъ и художественномъ смыслѣ. Но именно относительно Некрасова нельзя не отмѣтить, что историко-литературный интересъ къ его произведеніямъ возникъ не въ однихъ спеціальныхъ кружкахъ, посвящающихъ свои силы разработкѣ прошлаго отечественной литературы, но что онъ органически связанъ съ заглохшимъ на время и неожиданно съ новой силой проснувшимся общественнымъ интересомъ, наглядно показавшимъ, что поэтъ не умеръ для насъ, что онъ, можетъ быть, болѣе нашъ, чѣмъ въ свое время, омраченное для поэта „ненастьемъ и грозою". Живительной струей ворвался этотъ интересъ въ нашу угнетенную и гнетущую унылыми буднями общественную жизнь, и освѣжилъ и взволновалъ душу пѣснями не только „музы мести и печали", но и всепрощающей любви къ человѣчеству. Онъ явился могучимъ протестомъ противъ надвигающейся на литературу рати упадочниковъ всякаго рода, своекорыстныхъ умовъ, замѣнившихъ вычурностью таланты, и талантовъ безъ ума, которые провозгласили новый путь литературнаго движенія—безъ ясныхъ идеаловъ впереди и связей съ традиціями лучшихъ нашихъ писателей въ прошломъ. Обаяніе, а главное—родство наше съ Некрасовымъ, болѣе почувствовалось обществомъ, чѣмъ нашло соотвѣтственное выраженіе въ литературѣ; однако и здѣсь, въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, оно отразилось съ необычнымъ единодушіемъ и искренностью.

Четверть вѣка со дня смерти—срокъ достаточный для того, чтобы дать время улечься личнымъ страстямъ и подвести безпристрастный итогъ наслѣдству, оставленному поэтомъ. Едва ли не самымъ цѣннымъ показателемъ этого итога является тотъ фактъ, что въ обществѣ стало пробуждаться стремленіе идти, вслѣдъ за поэтомъ, прочь отъ общественнаго индифферентизма и эстетическаго самоублаженія, исчерпывавшаго большинство темъ современной поэзіи.

Независимо отъ общественной оцѣнки поэзіи Некрасова, стала сознаваться потребность ея детальнаго историко-литературнаго изученія.

Въ этомъ отношеніи „Литературный Архивъ“ г. Картавова представляетъ несомнѣнный интересъ. Издателю его посчастливилось найти, въ числѣ пріобрѣтенныхъ у книгопродавца В. П. Полякова бумагъ, неизданныя произведенія Н. А. Некрасова, относящіяся къ ранней порѣ его литературной дѣятельности. Изъ этихъ произведеній въ первой книжкѣ „Литературнаго Архива“ помѣщена драматическая фантазія Некрасова „Юность Ломоносова“, разрѣшенная цензурой въ 1840 г. Сцена первая рисуетъ обстановку Ломоносова въ домашней средѣ и его стремленіе къ ученью. Во второй сценѣ Ломоносовъ рѣшается бѣжать изъ отцовскаго дома и направляется — „въ Питеръ“. Эпилогъ изображаетъ Ломоносова на вершинѣ почестей и славы. Вспоминая прошлое, Ломоносовъ говоритъ:

„Трудовъ не мало перенесъ я:
Не рѣдко даже голодалъ,
Съ людьми боролся и съ судьбою,
Дороги самъ себѣ искалъ“,—

слова, весьма идущія къ самому Некрасову той поры. Вообще, выборъ темъ чрезвычайно характеренъ для начинающаго поэта.

Здѣсь же находимъ двѣ новыя строфы изъ стихотворенія Некрасова „Рыцарь на часъ“. Онѣ не вошли въ полное собраніе сочиненій поэта и найдены г. Картавовымъ въ альбомѣ Л. П. Шелгуновой. Вотъ онѣ:

„Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...
. . . . . .
Въ эту ночь со стыдомъ сознаю
Безполезно погибшую силу мою,
И трудящійся, бѣдный народъ
Предо мною съ упрекомъ идетъ,
И на лицахъ его я читаю грозу,
И въ душѣ подавить я стараюсь слезу...
. . . . . .
Да! теперь я къ тебѣ бы воззвалъ,
Бѣдный братъ, угнетенный, скорбящій!
И такою бы правдой звучалъ
Голосъ мой, изъ души исходящій,
Въ немъ такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла“...

Въ книжкѣ „Литературнаго Вѣстника“ находимъ немало интересныхъ матеріаловъ, касающихся жизни и творчества Некрасова. Г. Налимовъ, въ статьѣ „Къ Некрасовскимъ поминкамъ“, останавливается на вопросѣ, въ какой мѣрѣ приложимъ къ Некрасову эпитетъ *народнаго* поэта, и приходитъ къ положительному выводу. „Не колеблясь, — го-

воритъ онъ, — можно называть Некрасова русскимъ народнымъ поэтомъ... Некрасова знаютъ и любятъ арміи школьниковъ—настоящихъ и бывшихъ, толпа, улица поющихъ и „музицирующихъ“; многіе и многіе грамотные люди изъ самой „неприличной“, „сѣрой“ публики привязаны къ строфамъ его. Наичаще встрѣчающіяся „крылатыя слова“, поговорки книжнаго происхожденія — послѣ Крылова, Грибоѣдова, Пушкина—Некрасовскія!“ В. Н. Перетцъ, въ статьѣ „Памяти Н. А. Некрасова и К. Д. Ушинскаго“, говоритъ о томъ громадномъ моральномъ и воспитательномъ значеніи, какое пріобрѣтаетъ поэзія Некрасова „въ сумеркахъ нашего общественнаго существованія“: „она ставитъ такіе вопросы, на которые нельзя отвѣтить уловкой или уверткой“. Въ отдѣлѣ „Изъ русской печати“ заботливо подобраны статьи и замѣтки, являющіяся дополненіемъ къ сочиненіямъ Некрасова. Здѣсь мы встрѣчаемъ, между прочимъ, случайно пропускавшійся въ прежнихъ изданіяхъ эпилогъ къ „Морозу—Красному-Носу“, по рукописи Публичной Библіотеки, съ такимъ началомъ:

„Задумавъ правдивую повѣсть,
Безъ всякихъ эффектныхъ затѣй,
Я взять не рѣшаюсь на совѣсть
Погибель крестьянки моей.
Она не погибла“...

Кромѣ матеріаловъ, относящихся къ Некрасову, мы находимъ въ „Литературномъ Архивѣ“: статьи И. С. Аксакова въ газетѣ „Парусъ“, не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій, „Незамѣченный портретъ А. И. Герцена“, „Списокъ сочиненій А. И. Герцена (1836 — 1848)“ и др.; въ „Литературномъ Вѣстникѣ“: историко-литературный очеркъ А. Л. Слонимскаго, посвященный „Душенькѣ“ Богдановича, библіографическія работы В. Е. Якушкина, А. М. Ловягина, А. П. Альбицкаго и др.

Памяти Некрасова посвященъ „Литературный Сборникъ“ писателей изъ народа. Сборникъ этотъ производитъ симпатичное впечатлѣніе; въ его стихотвореніяхъ и очеркахъ есть неискусные, неувѣренные штрихи, но на ряду съ ними—страницы, живо и даже талантливо написанныя. Открывается сборникъ стихотвореніемъ Егора Нечаева, посвященнымъ памяти Некрасова. Приведемъ изъ него первую и послѣднюю строфы:

„Въ дни безпросвѣтнаго горя народнаго,
Гнусной неволи цѣпей,
Въ образѣ дивномъ пѣвца благороднаго,
Звукомъ чарующимъ слова свободнаго
Тронулъ сердца ты людей.

. . . . . .

Время умчало тебя быстротечное

Въ міръ, гдѣ страданія нѣтъ...
Живы лишь пѣсни... Спасибо сердечное
Скажемъ тебѣ мы за доброе, вѣчное,
Нашъ незабвенный поэтъ"!

Отмѣтимъ еще двѣ-три строфы изъ стихотворенія М. Савина „На могилѣ Некрасова":

„— Склонись, мой внукъ, склонись надъ этою могилой,—
Въ ней мирно спитъ Руси великій гражданинъ,
Кто въ пѣсняхъ пламенныхъ, пропѣтыхъ съ грозной силой,
Оставилъ лѣтопись годинъ.
— Онъ все въ нихъ очертилъ кровавыми слезами,
Все горькой истиной для насъ запечатлѣлъ —
Неправый судъ, творимый надъ рабами,
Нѣмыхъ рабовъ безвыходный удѣлъ...
. . . . . .
— Ты молодъ... Не поймешь его святой заслуги:
Ты барства надъ собой не чувствуешь ярма,
За завтра не дрожишь въ тревогѣ и испугѣ,
И цѣлый міръ тебѣ не клѣтка, не тюрьма"...

Темами разсказовъ служатъ различныя стороны народнаго житья-бытья и сродныхъ ему настроеній. Въ одномъ изъ нихъ авторъ дѣлится своими воспоминаніями о томъ, какое впечатлѣніе производило на него чтеніе Некрасовскихъ стиховъ въ дѣтствѣ. „Я многаго не понималъ, но что-то таинственное, захватывающее духъ овладѣло мной. Вниманіе мое было напряжено, такъ что нѣкоторыя четверостишія я сразу запомнилъ наизусть, и до сего дня эти стихи не изгладились въ моей памяти:

„Попъ трусливъ... боится... не хоронитъ...
Убѣдить его мы не могли,
И въ оврагъ, гдѣ горько вѣтеръ стонетъ,
На рукахъ покойницу снесли"...

Впослѣдствіи авторъ перечиталъ и Пушкина, и Лермонтова, но „муза мести и печали", по его словамъ, была ему особенно близкой и родной по духу.

V.

— Первое столѣтіе Иркутска. Изданіе В. П. Сукачева. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Спб. 1902.
— Тюмень въ XVII столѣтіи. Изданіе А. И. Чукмалдиной. М. 1903.

Обѣ книги заключаютъ въ себѣ матеріалы для мѣстной исторіи, обѣ сопровождаются введеніемъ и заключительными статьями П. М. Головачева, изъ которыхъ первая посвящена вопросу о составѣ населенія и экономическомъ бытѣ Иркутска до сороковыхъ годовъ XVII

вѣка, а вторая даетъ очеркъ экономическаго быта Тюмени въ XVII вѣкѣ. Исторія Сибири, удаленной отъ вопросовъ и интересовъ, дававшихъ содержаніе внѣшней политикѣ и общему ходу дѣлъ въ московскомъ царствѣ, складывается своеобразно, но въ весьма несложныхъ и опредѣленныхъ рамкахъ. Это исторія того, главнымъ образомъ, въ какихъ направленіяхъ разселялись въ странѣ новые пришельцы, какъ приспособлялись къ новымъ условіямъ жизни, и въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ они подчинялись общему экономическому и государственному строю московской Руси. На первомъ планѣ стояли у населенія вопросы матеріальные, экономическіе и хозяйственные,—они-то и отразились прежде всего въ историческихъ документахъ этого края. „Дѣйствительно,—говоритъ г. Головачевъ,—для сибирскаго горожанина XVII в. исключительный, жизненный интересъ представляла именно та система чисто-матеріальныхъ, хозяйственныхъ, фискальныхъ отношеній, обязанностей и вопросовъ, которая господствовала надъ всѣмъ его существованіемъ и охватывала всѣ стороны его несложной жизни: „пашенные люди“ обязаны были пахать „государеву пашню“; посадскіе — вносить оброкъ, платить за свои промыслы и ремесла, отбывать очень многочисленныя и отвѣтственныя „вѣрныя“ службы; пріѣзжіе торговые люди должны были платить съ объявляемыхъ ими капиталовъ, привозимыхъ товаровъ и при покупкѣ товаровъ мѣстныхъ: „денежное, хлѣбное и соляное жалованье“ играло первенствующую роль въ жизни служилыхъ людей и „ружниковъ“; наконецъ, всѣ жители города безъ исключенія обязаны были платить разнообразнѣйшіе налоги при всякой сколько-нибудь гласной покупкѣ и продажѣ“.

Документы обѣихъ книгъ извлечены, главнымъ образомъ, изъ московскихъ архивовъ—министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ: это—описи, писцовыя книги, расходныя, таможенныя, дозорныя, разгонныя, разнаго рода списки и т. п. Въ нихъ мало свѣдѣній, способныхъ привлечь къ себѣ средняго читателя общей картиной исторической жизни края, но нѣкоторыя страницы, при всей сухости изложенія, способны остановить на себѣ вниманіе и не спеціалиста-историка. Такова, напр., лѣтопись губернскаго города Иркутска, своеобразно отражающая послѣдовательныя смѣны царствованій и эпохъ; не безъ интереса читается и извлеченіе изъ дѣла „о бунтѣ заморскихъ казаковъ“ противъ иркутскаго воеводы Аѳанасія Савелова 1696 г., не додавшаго жалованья казакамъ, — „и какъ-де они (казачьи дѣти) пришли въ Нарымъ и изъ тобольскихъ казачьихъ дѣтей Петрушка Сорокинъ съ товарищи 100 человѣкъ въ Нарымѣ къ острогу приступали съ всякимъ шумомъ и боемъ, съ канатами и баграми, и на острогъ канаты наметывали и острогъ хотѣли выломить

и государеву казну пограбить и торговыхъ людей изъ острогу прошали изъ животовъ ихъ хотѣли мучить"...

Къ книгамъ приложены виды и планы Иркутска и Тюмени въ старину.

Слѣдуетъ добавить, что сборъ отъ продажи обѣихъ книгъ предназначенъ для просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣлей.—Евг. Л.

VI.

— Изабелла Гриневская: „Бабъ", драматическая поэма изъ исторіи Персіи. Въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Спб. 1903.

Г-жѣ Гриневской пришла счастливая мысль ознакомить въ поэтической формѣ русскую публику съ грандіозной личностью и замѣчательной проповѣдью персидскаго пророка новѣйшихъ временъ, Али-Мохаммеда, получившаго имя „Бабъ", что̀ значитъ буквально „дверь" (дверь истины). Онъ проповѣдывалъ среди персіянъ въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка, и результатомъ этой проповѣди, окончившейся мученической смертью проповѣдника, явилась весьма распространенная и вліятельная секта. Однимъ изъ существенныхъ элементовъ проповѣди Али-Мохаммеда была эмансипація восточной женщины. Быть можетъ, эта-то сторона его ученія и обратила на себя наибольшее вниманіе поэтессы. Оно сказалось въ содержаніи рѣчей Али-Мохаммеда, введенныхъ въ поэму въ значительномъ количествѣ. Наоборотъ, соціальные элементы его проповѣди развиты нашей поэтессой гораздо менѣе, и о нихъ мы можемъ судить больше по разговорамъ народа о проповѣдяхъ учителя, чѣмъ изъ его собственныхъ словъ. Гораздо больше оттѣнена общая моральная сторона его ученія, а именно проповѣдь мира и любви между людьми. Этой сторонѣ посвящена даже одна изъ лучшихъ сценъ произведенія г-жи Гриневской. Я говорю о той сценѣ, въ которой послѣдователи „Баба", собравшіеся ночью на сходку въ гористой мѣстности около Шираза, въ развалинахъ дворца, „Тронъ Джемшида", избиваютъ, въ отсутствіе Али-Мохаммеда, стражу, явившуюся арестовать ихъ. Когда отсутствовавшій пророкъ возвратился къ мѣсту побоища, его послѣдователей уже не было, и при лунномъ свѣтѣ онъ увидѣлъ лишь распростертыя на землѣ тѣла умирающихъ и трупы убитыхъ. Кроткую, женственно-нѣжную душу пророка—а такимъ онъ изображенъ въ поэмѣ—охватываетъ глубокая скорбь, почти отчаяніе. На просьбу одного умирающаго дать ему воды, пророкъ отвѣчаетъ:

„Гдѣ взять воды живительной?
Гдѣ взять воды живой?
Къ Пульвару путь медлительный...
Нѣтъ тучи грозовой...
Вода изъ рукъ расплещется,
Пока я донесу...
(Плачетъ.)
Мой другъ, тебѣ мерещется,
Что пьешь съ деревъ росу,—
Слезу ты пьешь горячую,
Слезу, слезу мою...
То надъ тобою плачу я,
Я, я тутъ слезы лью“...

Далѣе, пророкъ сокрушается о томъ, что его слова, его рѣчи, „которыя въ душѣ его слагались, въ груди, исполненной любви“,—

„Отъ нихъ теперь въ крови
Безъ жизни плаваютъ вотъ эти люди...
Не дышатъ трепетныя груди...
Уста молчатъ... угаснулъ взоръ...
Межъ жизнію теперь и смертью конченъ споръ...
Убили ихъ слова... Мои слова то были,
Сказалъ онъ тутъ, Агка... Мои слова закрыли
На вѣки имъ глаза... У ногъ моихъ, у ногъ
Міры убитые лежатъ... Всякъ человѣкъ—чудесный,
Широкій міръ. И я міры убилъ... Мой Богъ“!

Послѣ длинныхъ разсужденій на ту же тему,—что̀ составляетъ важный недостатокъ всѣхъ рѣчей и даже простыхъ разговоровъ поэмы,—Али-Мохаммедъ обращается къ Богу съ такой молитвой:

„Что̀ людямъ говорить, о, Господи, скажи!
Ахъ, какъ роса цвѣтовъ, что̀ исцѣляетъ раны,
Пусть будетъ рѣчь моя! Въ уста мои вложи,
О, Господи, слова, что бы сближали страны,
Свели-бъ какъ агнцевъ всѣхъ людей
Въ одно прекрасное *святое стадо.*
Ты рѣчью, Господи, моею самъ владѣй!
Что̀ говорить мнѣ надо?
И какъ сказать, молю, мнѣ, Господи, открой,
Чтобы слова мои въ мечи не обратились“... и т. д.

Изъ этихъ выдержекъ читатели могутъ судить о томъ, насколько г-жа Гриневская владѣетъ стихотворной рѣчью. Иногда она даже злоупотребляетъ этой своей способностью, черезчуръ удлинняя, какъ я уже замѣтилъ, монологи и реплики своихъ дѣйствующихъ лицъ. Отъ этого они выигрываютъ въ экстенсивности, но очень теряютъ въ интенсивности. Другой недостатокъ ея стиховъ состоитъ въ нѣкоторомъ злоупотребленіи фигурой усугубленія, что̀ читатели могли за-

мѣтить и въ приведенныхъ выдержкахъ. Въ общемъ же, поэма производитъ сильное и ярко-поэтическое впечатлѣніе, вызывая въ душѣ читателя высокія и трогательныя эмоціи. Въ ней разсѣяно не мало глубокихъ мыслей, соблюденъ восточный колоритъ въ образной формѣ рѣчей, въ изображеніи толпы, которыя у г-жи Гриневской очень удачны... Вообще, поэмѣ слѣдуетъ пожелать полнаго успѣха не только въ чтеніи, но и на сценѣ, для которой она приспособлена и гдѣ должна явиться зрѣлищемъ въ высшей степени эффектнымъ. Въ наше время безъидейныхъ драмъ, кормящихъ зрителя адюльтерами и любовными похожденіями, или грубымъ реалистическимъ фотографированіемъ порока и паденія, такая драма была бы отраднымъ отдыхомъ и для эстетическаго, и для моральнаго чувства.—Л. Ов—скій.

VII.

— А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1903. 2-е изд.

Тюремныя мытарства русскаго политическаго арестанта семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія—таково содержаніе книжки г. Фаресова, выходящей уже вторымъ изданіемъ. Автобіографическій характеръ, который она, повидимому, носитъ, представляетъ слабую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильную ея сторону. Авторъ болѣе всего старается воспроизвести субъективную сторону испытанныхъ тогда „увлеченій и нравственныхъ страданій". Въ этомъ отношеніи его произведеніе примыкаетъ къ тому типу воспоминаній, самымъ яркимъ образцомъ которыхъ остаются и теперь „Мои темницы" Сильвіо Пеллико. Большая нужна сила чувства и искренности, чтобы въ такихъ автобіографическихъ произведеніяхъ не допустить искусственности и нѣкоторой фальши: уже въ силу того, что воспоминанія пишутся въ значительно другомъ настроеніи, чѣмъ то, которое сопровождало описываемыя событія, въ нихъ часто звучатъ невѣрныя и коробящія читателя нотки. Только сильное художественное дарованіе, въ родѣ Достоевскаго, можетъ совершенно избавиться отъ нихъ, творчески перерабатывая пережитое.

Г-нъ Фаресовъ совсѣмъ, совсѣмъ не художникъ, и даже наиболѣе сильныя мѣста его произведенія не лишены тѣхъ качествъ, о которыхъ сказано выше... Предположеніе, высказываемое авторомъ во вступленіи, что его „воспоминанія дадутъ нѣсколько штриховъ для характеристики пережитого времени, уже сдѣлавшагося достояніемъ исторіи", — не оправдывается содержаніемъ книги: можетъ быть, по обстоятельствамъ, отъ повѣствователя и независящимъ, въ книгѣ мы

не находимъ никакихъ данныхъ, хоть сколько-нибудь характеризующихъ то народническое движеніе, участникомъ котораго, повидимому, былъ герой повѣствованія. Нѣтъ фактовъ, нѣтъ и воспроизведенія психологіи и личности дѣятелей этого движенія, которое еще ждетъ своего художника.

Но то, что̀ дѣйствительно имѣетъ значеніе въ книгѣ Фаресова— это матеріалъ для оцѣнки нашихъ тюремныхъ порядковъ, матеріалъ, доставляемый человѣкомъ, на себѣ перенесшимъ всю тяжесть ихъ. Не менѣе любопытны, правда, отрывочныя воспоминанія о нѣкоторыхъ сторонахъ нашего судебнаго строя, связанныхъ съ преступленіями, въ которыхъ обвинялся герой повѣствованія.

Какъ извѣстно, политическіе арестанты содержатся въ строгомъ одиночномъ заключеніи. Каково дѣйствіе продолжительнаго одиночнаго заключенія на интеллигентныхъ людей? Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ герой воспоминаній:

„Я уже и безъ того значительно потерялъ способность воспринимать впечатлѣнія, и ихъ почти у меня не было. Я создавалъ искусственно себѣ жизнь и воспоминаніями поддерживалъ свои силы... я утрачивалъ понемногу потребность къ свободной жизни. Какой-то чужой представлялась она мнѣ: и трудъ людей за кусокъ хлѣба, и дѣти безпечныя, и красота природы, и даже любовь къ женщинѣ, все заволакивалось туманомъ и отдалялось. Даже крѣпкое мое тѣло какъ бы смялось и обезсилѣло. Я пріобрѣлъ привычки старика: сидѣть вытянувъ ноги, опрокинувшись или понуро согнувшись въ продолжительномъ забытьи“. Потомъ идутъ уже галлюцинаціи и специфическое нервное тюремное разстройство, разрушающія психику заключеннаго.

Достигаетъ ли своихъ цѣлей система одиночнаго заключенія? Достигается ли по крайней мѣрѣ та абсолютная изоляція, ради которой приносятся въ жертву всѣ требованія человѣческой природы? И на эти вопросы книга г. Фаресова даетъ отвѣтъ такого рода: надламывая часто человѣка, система одиночнаго заключенія вырабатываетъ только особые специфическіе способы сообщенія, и всѣ ухищренія усовершенствованныхъ тюремъ безсильны противъ всевластнаго инстинкта. Иллюстраціи г. Фаресова весьма поучительны въ этомъ отношеніи. Цѣлесообразность исчезаетъ, остается жестокость. Только послѣдней можетъ быть объясненъ и режимъ одной изъ московскихъ тюремъ (Пугачевская башня) для политическихъ арестантовъ, описаніе котораго для семидесятыхъ годовъ даетъ г. Фаресовъ. Казематъ представлялъ что-то въ высокой степени ужасное. Когда герой воспоминаній покидалъ его, смотритель отдалъ приказаніе перевести въ него какую-то барышню.

„Я не вытерпѣлъ, — передаетъ авторъ воспоминаній,—и сказалъ

ему, что въ моемъ номерѣ даже сильный мужчина теряетъ силы.— Въ стѣнахъ и въ кровати—насѣкомыя.

— Чудесно! — воскликнулъ онъ.—Я бы иголокъ насыпалъ туда! Иголокъ!

— Зачѣмъ эта суровость?

— А мы въ томъ присягу принимали, — отвѣтилъ онъ безъ смущенія"... [1])

Изъ описаній г. Фаресова видно, что въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія пріемы судебнаго изслѣдованія тѣхъ преступленій, за которыя привлекался герой воспоминаній, представляли собою нѣчто худшее, чѣмъ даже дореформенные судебные порядки. Дознанія тянулись годами (то, о которомъ разсказываетъ авторъ, четыре года), арестованные томились въ ужасномъ одиночномъ заключеніи по тюрьмамъ, въ полной неизвѣстности и неопредѣленности; окончаніе слѣдствія и судъ представлялись имъ благодѣяніемъ, какія бы кары ихъ ни ожидали. Система допросовъ основывалась, вопреки основному принципу судебныхъ уставовъ, на стремленіи во что бы то ни стало получить признаніе отъ самихъ подсудимыхъ. Тюремный режимъ и ухудшеніе его примѣнялись въ качествѣ кары за то, что подсудимые пользовались основнымъ своимъ правомъ не давать показаній. Слѣдственныя власти прибѣгали и къ запугиванію, и къ чисто іезуитскимъ пріемамъ полученія показаній. Вотъ картина того, какъ создается изъ растерявшагося юноши, попавшаго въ какую-нибудь передрягу, беллетристъ-инсинуаторъ, для котораго иногда возможный конецъ—или полное нравственное паденіе, или самоубійство и сумасшествіе.

„Сначала юноша думаетъ обмануть слѣдственную власть искренностью своихъ показаній и подтверждаетъ цѣлый рядъ фактовъ, уже раскрытыхъ слѣдствіемъ ранѣе или въ будущемъ.

— Все это намъ извѣстно,—презрительно обрываютъ его,—вы ничего новаго не сообщаете. Если хотите быть выпущеннымъ на поруки, то будьте искреннѣе и откройте намъ новыя обстоятельства

---

[1]) Года два тому назадъ, въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" былъ напечатанъ проектъ тюремной инструкціи, составленный г. Витте (инспекторомъ главнаго тюремнаго управленія); согласно этой инструкціи подслѣдственные политическіе арестанты, по окончаніи о нихъ жандармскаго дознанія, въ случаѣ выраженнаго ими желанія должны переводиться въ общія, спеціально для этой категоріи преступниковъ предназначенныя камеры; одиночное заключеніе прекращается также по заявленію врача о вредѣ его для здоровья заключеннаго. Максимумъ срока одиночнаго заключенія установленъ въ полтора года. Проектъ этотъ, какъ сообщалъ оффиціальный „Журналъ Министерства Юстиціи", долженъ былъ лечь въ основу работъ особой коммиссіи по улучшенію тюремныхъ порядковъ. До сихъ поръ въ печать не проникло никакихъ свѣдѣній о судьбѣ этихъ предположеній.

дѣла..... Васъ не выпустятъ, если вы укрываете факты. Это все слова, что̀ вы говорите.

Плохо кормленный въ тюрьмѣ юнецъ, лишенный солнца и истомленный неизвѣстностью, начинаетъ уже и себя не жалѣть, ссылаясь на молодость, легкомысліе...

— Вашъ соучастникъ,—говорятъ ему,—во всемъ признался. На вашемъ мѣстѣ вполнѣ будетъ честно отплатить ему тѣмъ же; а другой бѣжалъ за границу, и вы напрасно боитесь скомпрометировать его. Теперь вамъ надо думать о себѣ и о полномъ своемъ раскаяніи.

Несчастный хватается за удобный предлогъ и убаюкиваетъ свою совѣсть вымыслами о подлости одного друга и бѣгствомъ за границу другого. Онъ даетъ пространное показаніе и разсказываетъ все, что̀ зналъ изъ личной и общественной жизни своихъ товарищей. Но и это не помогло его освобожденію... Ему осталось приняться за политическіе вымыслы".

А вотъ другая сценка, происходящая между представителемъ слѣдственной власти и тоже юнцомъ, но съ болѣе крѣпкими нервами и чуткой совѣстью. Первый показываетъ второму томы дознанія съ цѣлью демонстрировать предательство товарищей и склонить давать показанія.

„— Довольны ли вы?... Не церемоньтесь же съ ними! Дайте намъ правдивыя показанія о нихъ, и, можетъ быть, участь ваша смягчится. Будьте откровенны... Вѣдь другіе же даютъ откровенныя показанія и васъ самого нисколько не щадятъ.

— Я это вижу... Я это читалъ...

— Ну, такъ что же? Пишите и вы...

— Не стану. Прикажите дать мнѣ стаканъ воды.

— Вотъ вы какъ волнуетесь... Не угодно ли чаю? Со сливками или съ лимономъ..."

И за „упорство" юнецъ снова былъ отправленъ на дальнѣйшее пребываніе въ тюрьму, одно описаніе которой внушаетъ ужасъ.

Не знаемъ, что̀ въ этихъ картинахъ представляется современнымъ и теперь. Узаконенія (1035 ст. уст. уг. суд.) остаются съ 1871 г. тѣ же, и слѣдовательно уже ко времени разсказа г. Фаресова слѣдственныя дѣйствія при дознаніи должны были вестись по принципамъ, положеннымъ въ основаніе Судебныхъ Уставовъ для предварительнаго слѣдствія, какъ о томъ говоритъ указъ 1871 года.

VIII.

— П. Д. Боборыкинъ. „Вѣчный Городъ“. Москва, 1903 г.

„Ich zähle einen zweiten Geburtstag, eine wahre Wiedergeburt von dem Tage, da ich Rom betrat...“ Эти слова Гёте о томъ вліяніи, какое оказалъ на него Римъ,—въ той или иной формѣ повторяются, распускаются въ томъ неисчислимомъ количествѣ путешествій и описаній, которыми наводнена западно-европейская литература. Но обиліе словъ объ Италіи и Римѣ для европейца—не звукъ пустой. Психика культурнаго человѣка западной Европы органически выросла изъ идей и образовъ античнаго міра, средневѣковья и „Возрожденія“; живымъ символомъ всѣхъ этихъ глубоко лежащихъ психическихъ наслоеній является „Вѣчный Городъ“. Европеецъ въ Римѣ невольно чувствуетъ, что тутъ начало всего, что̀ есть лучшаго, и чѣмъ онъ живетъ; его міросозерцаніе, каково бы оно ни было, такъ или иначе связано съ Римомъ. Школа прививаетъ къ нему эстетическія понятія объ искусствѣ, неразлучныя отъ представленій объ Италіи; религіозныя представленія его такъ или иначе связаны опять съ Римомъ. Неудивительно, что Италія и Римъ влекутъ къ себѣ европейца, что это дѣйствительно два обаятельныхъ звука, которые приводятъ въ трепетъ его внутренній міръ.

Въ иномъ положеніи русскій обыватель, и не только тотъ, который, какъ авторъ „Вѣчнаго Города“, былъ полуклассикомъ, но и настоящій классикъ, прошедшій всю школьную муштровку по системѣ графа Д. Толстого. Если въ школьные годы автора, протекавшіе отъ половины 40-хъ до половины 50-хъ годовъ, никто любовно не говорилъ питомцамъ школы о римской культурѣ, о древнемъ искусствѣ, не упоминалъ о памятникахъ зодчества, о статуяхъ, театрахъ, картинахъ, то пожалуй еще въ худшемъ положеніи находилась молодежь, взлелѣянная грамматическимъ классицизмомъ 70-хъ, 80-хъ годовъ и послѣдующихъ десятилѣтій. У полуклассиковъ было отсутствіе отношенія къ древней культурѣ; у классиковъ школы Толстого воспитывалась тупая вражда къ ней, какъ къ чему-то, что̀ связано съ наиболѣе непріятными моментами юныхъ лѣтъ. Чтобы пробудить въ себѣ интересъ ко всѣмъ этимъ явленіямъ, которыя такъ влекутъ къ себѣ образованнаго европейца, россійскому обывателю часто приходится не только проникнуться міросозерцаніемъ общечеловѣческой культуры, но и преодолѣть отвращеніе ко всему классическому, привитому намъ школой.

Во вступленіи къ своимъ интереснымъ очеркамъ авторъ разсказываетъ, какъ постепенно въ немъ наростало стремленіе въ страну

оливъ и апельсиновъ. Любопытно, что рѣшающимъ моментомъ была жизнь автора въ Дерптѣ. Здѣсь, среди чисто нѣмецкихъ традицій и нравовъ, жилъ русскій страстный поклонникъ Рима—Кудрявцевъ. „Онъ уже побывалъ въ Италіи, страстно любилъ поэзію Данте и Аріосто, *чувствовалъ* обаяніе Рима, и античнаго, и папскаго, и умѣлъ въ бесѣдахъ со мной образно возстановлять цѣлыя эпохи". Дальнѣйшая жизнь автора за границей создавала въ немъ то психическое состояніе культурнаго человѣка, о которомъ мы говорили выше. „Область красоты",—пишетъ авторъ,—„исторія изящнаго искусства, всѣ высшіе образцы всемірнаго творчества, собранные въ музеяхъ, коллекціяхъ, библіотекахъ, рядомъ съ памятниками архитектуры, съ продуктами музыкальнаго и драматическаго генія, на фонѣ разнообразныхъ картинъ природы—все это переплеталось съ остальными проявленіями культурной жизни. И въ этой школѣ росла и закрѣплялась потребность въ воспріятіи прекраснаго, выяснялись взгляды и симпатіи, развивалась привычка къ болѣе систематическому знакомству со всѣми областями общечеловѣческаго творчества". Эта школа, подкрѣпленная изученіемъ всего интереснаго, что̀ дала западно-европейская литература о Римѣ, и явилась той подготовкой, которая дала возможность П. Д. Боборыкину дѣйствительно почувствовать Римъ и передать свое настроеніе читателямъ.

Очерки г. Боборыкина, печатавшіеся раньше въ „Русской Мысли", чрезвычайно интересны. Беллетристическій таланта автора, его наблюдательность и широкое, всестороннее образованіе счастливо сочетались при описаніи „вѣчнаго" города. Отдѣльный очеркъ, подъ названіемъ „Римъ и западная интеллигенція", даетъ бѣглую характеристику европейской литературы о Римѣ, начиная съ эпохи „Возрожденія". Тутъ передъ читателемъ пестрыми рядами проходятъ ученые, поэты, беллетристы, художественные критики, начиная отъ Рабле и кончая Зола̀. Легкими штрихами авторъ набрасываетъ тѣ настроенія, которыя вызвалъ Римъ въ теченіе вѣковъ въ лучшихъ представителяхъ европейской интеллигенціи. Этотъ очеркъ служитъ прекраснымъ введеніемъ къ тѣмъ римскимъ итогамъ, которые авторъ сдѣлалъ лично для себя. Основаніе впечатлѣнія, которое Римъ производитъ, заключается въ томъ *настроеніи*, которое городъ вызываетъ. „Не безусловная красота вида съ любой изъ этихъ вышекъ дѣйствуетъ на васъ,—говоритъ авторъ,—а то, что это—*Римъ*, вѣковѣчный пріемникъ самой могучей и продолжительной человѣческой культуры, на материкѣ Европы. Вы не можете отрѣшиться отъ того, что̀ въ васъ самихъ уже создалъ этотъ Римъ: какую игру идей и образовъ, какое сочетаніе душевныхъ элементовъ!.. Вотъ главный источникъ впечатлѣній"... Знатокъ искусства чувствуется въ томъ обзорѣ памятниковъ и художе-

ственныхъ произведеній, который мы находимъ въ третьемъ и четвертомъ очеркахъ. Но г. Боборыкину не свойственна роль только описывателя; онъ слишкомъ для этого живой человѣкъ, слишкомъ „злободневный“ романистъ, который не можетъ не откликаться на жизнь, кипящую вокругъ него; этой жизни посвящены пять очерковъ; въ нихъ мы знакомимся съ Ватиканомъ и его теперешнимъ положеніемъ, съ современнымъ Римомъ, его классами, интересами, типами, съ политическимъ настроеніемъ партій, съ его домашней и семейной жизнью. Тутъ уже талантъ жанриста, столь свойственный г. Боборыкину, проявляется во всемъ блескѣ: сцены изъ жизни, типичныя фигуры духовенства, аристократіи, ученыхъ, литераторовъ, туристовъ мелькаютъ передъ читателями—всегда живыя, всегда интересныя. Г. Боборыкинъ вращался во всѣхъ кругахъ итальянскаго общества и широко воспользовался своими знакомствами для своихъ очерковъ, которые даютъ прекрасное представленіе не только о Римѣ мертвомъ, но и о Римѣ живомъ, ростущемъ и развивающемся на почвѣ новой Италіи.

IX.

—С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. его жизнь и царствованіе, I и II т. СПб. 1903.—

Два обширныхъ тома изслѣдованія г. Татищева привлекутъ несомнѣнно вниманіе всѣхъ, интересующихся исторіей современности. Авторъ, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, не стремился къ исторической оцѣнкѣ лицъ, дѣяній и явленій знаменательной эпохи, которая, по его мнѣнію, слишкомъ близка къ намъ, чтобы судить о ней съ той безпристрастной объективностью, безъ которой нѣтъ правдивой исторіи. Цѣль автора — дать точный и по возможности полный прагматическій сводъ событій царствованія Александра II и личнаго въ нихъ участія или воздѣйствія императора въ области политики какъ внутренней, такъ и внѣшней. Авторъ вполнѣ правъ, когда онъ упрекаетъ русское общество въ неосвѣдомленности относительно фактическаго содержанія эпохи преобразовательной, просвѣтительной, объединительной и освободительной, значеніе которой глубоко отразилось на историческихъ судьбахъ Россіи. Но удалась ли автору его цѣль дать *прагматическое* изложеніе событій, если подъ послѣднимъ понимать выясненіе причинъ и слѣдствій историческихъ явленій? При самыхъ скромныхъ требованіяхъ, трудъ г. Татищева далеко не удовлетворяетъ научнымъ пріемамъ исторіографіи. Сообщаемые факты связаны обыкновенно не болѣе какъ хронологи-

чески. Вы не встрѣтите здѣсь ни изображенія эпохи, ни анализа общественныхъ силъ, вліявшихъ на то или иное историческое явленіе. Вы не имѣете въ сочиненіи г. Татищева и художественной исторической біографіи. Автора можно назвать типичнымъ, оффиціальнымъ историческимъ хроникёромъ, точка зрѣнія котораго на событія всегда вполнѣ совпадаетъ съ той мотивировкой и освѣщеніемъ ихъ, которыя даются въ оффиціальныхъ актахъ. Это особенно сказывается на тѣхъ главахъ, которыя касаются внутренней жизни Россіи. Самыя вступленія къ этимъ главамъ весьма характерны. Вотъ какъ начинается глава, имѣющая своимъ предметомъ освобожденіе крестьянъ: „Великимъ общественнымъ зломъ представлялось молодому Государю крѣпостное право, объ упраздненіи котораго уже неоднократно помышляли предшественники Его, давно мечтали всѣ лучшіе русскіе умы“... И далѣе идетъ уже изложеніе событій. Изложенію фактовъ, относящихся къ экономической жизни описываемой эпохи, предшествуетъ такое вступленіе: „Развитіе торговли какъ внутренней, такъ и внѣшней было предметомъ особой заботливости Правительства“. Глава, посвященная просвѣщенію, начинается такъ же оригинально: „Развитіе просвѣщенія въ русскомъ народѣ и утвержденіе его въ вѣрѣ и благочестіи составляли предметъ постоянныхъ заботъ Императора Александра II“...

Историческое міросозерцаніе автора отразилось и на подборѣ того фактическаго матеріала, который представляетъ собою центръ тяжести всего сочиненія. Факты, относящіеся ко внѣшней политикѣ, интересуютъ его по преимуществу, и въ этомъ отношеніи сочиненіе даетъ массу и новаго, и цѣннаго матеріала. По внутренней жизни г. Татищевъ часто только скользитъ, совершенно не интересуясь заглянуть въ глубь этой жизни, хотя бы путемъ сообщенія фактическихъ свѣдѣній. Земской, городской и судебной реформѣ не посвящены отдѣльныя главы, какія мы имѣемъ въ сочиненіи г. Татищева о парижскомъ мирѣ, о коронаціи, о сближеніи съ Франціей и т. д. Это одностороннее отношеніе къ фактамъ исторической жизни тѣмъ болѣе досадно, что авторъ находился въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ при составленіи своего труда; какъ авторъ сообщаетъ въ предисловіи, ему были открыты наиболѣе интересные наши правительственные архивы, именно: Государственный, архивъ Государственнаго Совѣта, архивъ бывшаго III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, архивъ Департамента Полиціи, архивы иностранныхъ государствъ и многіе частные архивы. Конечно, мы понимаемъ, что опубликованіе массы архивнаго матеріала, относящагося къ внутренней жизни, немыслимо,—но и при этомъ ограниченіи наше замѣчаніе остается въ силѣ.

Весь трудъ г. Татищева распадается на семь книгъ. Первая книга содержитъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія, относящіяся къ событіямъ жизни императора Александра II до его вступленія на престолъ. Въ этой книгѣ наиболѣе интересны документальныя данныя о воспитательномъ планѣ Жуковскаго, который несомнѣнно имѣлъ вліяніе на преобразовательную дѣятельность царя-Освободителя. Вторая книга излагаетъ, главнымъ образомъ, событія Восточной войны и послѣдствія ея для Россіи въ дипломатическомъ отношеніи. Центръ тяжести этой книги—свѣдѣнія, сообщаемыя на основаніи подлинныхъ дипломатическихъ актовъ. Третья книга касается событій отъ 1856 до 1866 года. Спеціальная глава посвящена освобожденію крестьянъ, при чемъ въ этой главѣ мы не нашли ничего, что не было бы уже извѣстно изъ сочиненій г.г. Семенова, Барсукова и др. Въ этой же книгѣ читатель найдетъ довольно подробную передачу внѣшнихъ событій польской смуты и въ особенности цѣнныя данныя дипломатической переписки, относящейся къ этой смутѣ. Четвертая и пятая книги излагаютъ внутреннія реформы, при чемъ авторъ особенно подробно останавливается на преобразованіи арміи, флота, на финансовыхъ и экономическихъ мѣропріятіяхъ и на учебномъ дѣлѣ. Здѣсь же дается и изложеніе событій, относящихся къ завоеванію Средней Азіи. Интересныя данныя въ этихъ книгахъ находимъ о школьной реформѣ, давшей Россіи классическую систему графа Д. Толстого. Шестая книга сплошь посвящена русско-турецкой войнѣ и дипломатическимъ актамъ, съ ней связаннымъ. Тутъ масса новаго не опубликованнаго матеріала, касающагося отношенія державъ къ Россіи въ эту эпоху. Особенно любопытна та глава, которая трактуетъ о союзѣ Германіи и Австріи противъ Россіи. Седьмая, послѣдняя, книга цѣликомъ посвящена внутренней жизни Россіи. Спеціальная глава посвящена крамолѣ отъ 1861 до 80-го года. Это, кажется, первый опытъ систематическаго изложенія въ цензурной печати исторіи соціально-революціоннаго движенія въ Россіи и мѣропріятій правительства, направленныхъ на борьбу съ нимъ. Матеріалъ для этой главы, почерпнутый авторомъ изъ архивныхъ источниковъ, даетъ кое-что новое неизвѣстное изъ правительственныхъ сообщеній, появлявшихся одновременно съ описываемыми событіями. Еще болѣе содержательны въ этомъ отношеніи послѣднія двѣ главы сочиненія г. Татищева, относящіяся къ эпохѣ „диктатуры сердца". Дѣятельность Лорисъ-Меликова и верховной распорядительной коммиссіи освѣщена документами, крайне любопытными и до сихъ поръ совершенно неизвѣстными. Особенно интересенъ приводимый г. Татищевымъ докладъ Лорисъ-Меликова о преобразованіи внутренняго управленія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что большая часть фактовъ, приводимыхъ авторомъ, была имъ

уже использована въ жизнеописаніи императора Александра II, помѣщенномъ въ I-мъ томѣ Русскаго Біографическаго Словаря, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

Свой общій взглядъ на царствованіе императора Александра II авторъ излагаетъ въ послѣсловіи. „Великими внутренними преобразованіями,—читаемъ мы,—вдохнувшими въ Россію новую жизнь, Александръ Николаевичъ оправдалъ историческое міросозерцаніе русскаго народа, исконную вѣру его въ Самодержавіе. Во внѣшней политикѣ онъ смѣлѣе и дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ Россію по пути ея всемірно-историческаго призванія, освободивъ отъ мусульманскаго ига соплеменные и единовѣрные ей христіанскіе народы европейскаго Востока и распространивъ въ глубь Азіи просвѣщеніе и гражданственность съ расширеніемъ предѣловъ Богомъ ввѣренной ему державы до Восточнаго океана и подножія Гималайскаго хребта. Конечно, не всѣ его благія начинанія увѣнчались успѣхомъ. Причины тому—независимо отъ несовершенства, вообще присущаго человѣческой природѣ, — промахи, ошибки, заблужденія, увлеченія, страсти совѣтниковъ и сотрудниковъ императора, не всегда точныхъ исполнителей его державной воли, а также неподготовленность русскаго общества къ воспріятію дарованныхъ ему щедрою царскою рукою гражданскихъ правъ и къ закономѣрному пользованію ими. Вотъ чѣмъ, на нашъ взглядъ, объясняются какъ внутренніе, такъ и внѣшніе недочеты царствованія Александра II и самый его трагическій исходъ. Къ сожалѣнію, благодушный государь, быть можетъ, слишкомъ часто внушенія разума подчинялъ влеченію чувства“.....

При всѣхъ своихъ крупныхъ недостаткахъ, трудъ г. Татищева заслуживаетъ несомнѣнно серьезнаго вниманія, и нашъ журналъ надѣется посвятить ему особую статью.—М.—Г-анъ.

Въ теченіе мая мѣсяца въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Баландина, В. А.—Къ вопросу о кредитѣ для сельскаго населенія Енисейской губерніи. Народный кооперативный кредитъ въ Германіи и Россіи. Краснояр., 903. Ц. 30 к.

Баръ, Герм.—Апостолъ, ком. въ 3 д. Съ нѣм. О. Поповой. Спб 903. Ц. 1 р.

Богословскій, Л., студентъ II курса Восточнаго Института.—Къ вопросу о характеристикѣ японцевъ. Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи. Владив. 903. Ц. 1 р.

Боцяновскій, В. Ѳ.—Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Съ портр. и факсимиле М. Г. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 60 к.

Ватсонъ, М.—Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 902.

Вересаевъ, В.—По поводу „Записокъ врача". Отвѣтъ моимъ критикамъ. Дополн. изд. Спб. 903. Ц. 35 к.

Випперъ, проф. Р.—Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Водовозова, Е. Н.—Жизнь европейскихъ народовъ. Т. III: Жители средней Европы. Съ 32 рис. Изд. 3-ье. Спб. 903. Ц. 3 р. 75 к.

Войновичъ, Драго.—Исторія сербскаго народа. Съ картой Балканскаго полуострова. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Гизель, Ф.—О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Перев., п. р. проф. М. И. Коновалова. Съ прим. М. 903. Ц. 35 к.

Гинперъ, Ѳ.—Опытъ теоріи цѣнности и денежнаго обращенія. Спб. 903. Цѣна 75 коп.

Гогебашвили, Я. С.—Какъ улучшить кавказскую народную школу. Тифл. Спб. Ц. 30 к.

——— Правда о Тифлисѣ. Тифл. 902. Ц. 20 к.

Гольмсъ, Ф. М.—Чудеса человѣческой изобрѣтательности. Великіе люди и ихъ произведенія. 42 иллюстраціи. Съ англ. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 1 р.

Гордикъ-второй, П. К.—Дѣти провинціи. Очерки и разсказы. Т. I. Екатеринодаръ, 903. Ц. 1 р. 25 к.

Горбовъ, Н. М.—С. А. Рачинскій. Спб. 903. Ц. 30 к.

Гошкевичъ, В. И.—Клады и древности Херсонской губерніи. Кн. 1-я, съ художественными иллюстраціями. Херс. 903.

Демченко, Г. В.—Судебный прецедентъ. Варш. 903. Ц. 2 р.

Демчинскій, К. А.—Нужда сельскаго хозяйства и будущее Россіи. Спб. 903. Ц. 60 к.

Добровольскій, В. К.—Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. IV. М. 903.

Дмитровскій, А.—Методическія замѣтки по чтенію, письму и счету. Изъ курса начальной школы. Нѣжинъ 903. Ц. 25 к.

Ельмановъ, Н. В.—Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ въ хозяйствахъ. Датскій способъ. Для сельскихъ хозяевъ. Новг. 903. Ц. 10 к.

Елпатьевскій, К.—Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 8-е изд. Допущено Уч. Ком. Мин. нар. пр., Главн. Управл. в.-учебн. завед., Уч. Комит. Вѣд. учрежд. Имп. Маріи и Уч. Ком. при св. Синодѣ для духовныхъ семинарій. Спб. 903. Ц. 1. 40 к.

Зола, Эм.—„Моя ненависть" и др. публицистическіе очерки. Съ франц., п. р. и съ предисловіемъ З. Н. Журавской. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Задерацкій, В.—Наши недуги (какъ живутъ и работаютъ желѣзнодорожные служащіе). М. 903. Ц. 60 к.

Кернъ, Э.—Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Съ 38 рис. и 8 таблицами. 4-ое изд. Спб. 903. Ц. 75 к.

Кильдюшевскій, Н. П.—Прямолинейная тригонометрія. Каз. 903. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А.—Господа и слуги. Разсказы: Мамки-кормилицы.—Дѣдушка-именинникъ.—Новый знакомый.—Въ неладахъ.—Изъ Ниццы.—Квартирная страда.—Кухарки и горничныя.—Телефонъ поставленъ.—Въ хорошемъ тѣлѣ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Лоренцъ, Г.—Элементы высшей математики. Т. I. (Библіотека для самообразованія, XIV). Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложенія къ естествознанію. Переводъ съ дополненіемъ В. П. Шереметевскаго. 2-е изд. М. 903.

Лухманова, Н. А.—„Не сказки". Для дѣтей. Спб. 903.

Менгеръ, К.—Основанія политической экономіи. Общая часть. Съ нѣм. Г. Тиктинъ и И. Абезгусъ, п. р. Р. Орженцкаго. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Мошинъ, Алексѣй.—Штрихи и настроенія. Вмѣсто предисловія. Бесѣда съ гр. Л. Н. Толстымъ. М. 903. Ц. 75 к.

Марковскій, М.—Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ душъ". Кіевъ 902.

Никольскій, А. П.—Столѣтіе военнаго министерства: 1802—1902 гг. Главное управленіе казачьихъ войскъ. Историч. очеркъ. Спб. 902. Т. XI, ч. 1 и 2.

Нечаевъ, Ал-дръ.—Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Ч. I. Процессы умственной жизни. Спб. 903. Ц. 1 р.

Ончуковъ, К.—Былинная поэзія на Печорѣ. Спб. 903. Ц. 40 к.

Поповъ, акад. Л. В.—О временномъ функціональномъ съуженіи лѣваго венознаго устья, съ недостаточностью митральнаго клапана, при хроническомъ міокардитѣ и утомленномъ сердцѣ. Спб. 903.

Петрушевскій, А.—Разсказы про Петра В. Удостоено двухъ премій. Изд. 9-ое. Спб. 903. Ц. 50 к.

Полторацкій, А-ѣй.—Старымъ варяжскимъ путемъ. Плаваніе кадетъ Полоцкаго корпуса 1901 г. изъ Полоцка до Рижскаго залива на ялѣ „Константинъ". Спб. 903. Ц. 80 к.

Платоновъ, С. Ѳ., проф.—Статьи по русской исторіи (1883—1902 г.). Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ нѣм. Б. Юргенинъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. XI. М. 903. По подп. 6 руб.

Руссофиловъ, П.—Къ вопросу о малоуспѣвающихъ учащихся въ начальныхъ школахъ. Харьк. 903. Ц. 20 к.

Реклю, Эл.—Земля и Люди. Всемірная Географія. Вып. VI: Франція. Съ франц. Д. А. Коропчевскій. Со 108 иллюстр. Спб. 903. Ц. 3 р.

Скворцовъ, проф. Ир.—О воспитаніи и нравственности. Спб. 903.

Серафимъ, архимандритъ (Чичаговъ).—Лѣтопись Серафимо-Дивѣевскаго монастыря Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, съ жизнеописаніемъ основателей ея, преподобнаго Серафима и схимомонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой. Изд. 2-ое. Спб. 903. Ц. 5 р.

Сергѣевичъ, В.—Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 3-ье изд., дополн. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Смирновъ, С. И.—Какъ служили міру подвижники древней Руси? Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ. О. Тр. Серг. Лавра, 903. Ц. 70 к.

Сеньобосъ, Ш.—Политическая исторія современной Европы. Эволюціи партій и политическихъ формъ. 3-ье изд. Т. I и II. Съ приложеніемъ очерка: „Европа нашихъ дней" (1897—1902 гг.) и русской библіографіи. Спб. 903. Ц. за 2 т.—3 руб.

Татищевъ, С. С.—Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Т. I и II. Спб. 903. Ц. 8 р. 50 к.

Федотовъ, И.—Къ 200-лѣтію С.-Петербурга. Историческій очеркъ г. С.-Петербурга и его окрестностей. Историческіе планы; рисунки 12 историч. медалей царствованія Петра I и Екатерины II, программа юбилейныхъ торжествъ; новый подробный планъ г. С.-Петербурга 1903 года; планъ-адресъ. Спб. 903. Цѣна 1 рубль.

Шифферсъ, Р. К.—Опытъ рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ нашего времени. Спб. 903.

Шмигельскій, Н. И.—Клиническое значеніе количественнаго опредѣленія фосфора въ крови, по способу W. Маскіе. Спб. 903.

Щегловитовъ, С. Г.—Судебные уставы Имп. Александра II, съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовнаго судопроизводства по продолженію 1902 года. 8-ое изд., исправл. и дополнен. по 1 марта 1903 года (неоффиц.). Спб. Ц. 5 р. 50 к.

Яновскій, С. Я.—Еврейская благотворительность Спб. 903.

Языковъ, Д. Д,—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. 1-ый. 2-е изд. М. 903.

Энгельгардтъ, Н.—Исторія русской литературы XIX-го столѣтія. 1850—1900. Критика, романъ, поэзія и драма. Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библіографіи и алфавитнаго указателя къ обоимъ томамъ. Спб. 903. Ц. 2 р.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Ленскій золотоносный районъ. Вып. II. Енисейскій золотоносный районъ. Вып. IX, съ 2 карт. Спб. 903.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи Сибирской желѣзной дороги. Вып. XXVI. Спб. 903.

— Два года жизни и дѣятельности перваго въ Россіи учрежденія на пользу трудящейся молодежи Комитета для оказанія содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія, состоящаго подъ почетнымъ попечительствомъ Е. В. Принца Александра Петровича Ольденбургскаго. 1900—1902 г.г. Спб. 903.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. директора инстит. А. Позднѣева. Т. III: 1901—1902 академ. годъ. Вып. 1 и 3. Владивостокъ 901.

— Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1902 г. Москва. 903.

— Отчетъ Особаго Отдѣла по предупрежденію слѣпоты за 1901 г. Спб. 902.

— Отчетъ по Главному Тюремному Управленію. Изд. Гл. Тюремн. Управл. Спб. 902.

— Почтово-телеграфная статистика за 1900 г., съ краткимъ обзоромъ дѣятельности почт.-телегр. вѣдомства за тотъ же годъ. Изд. Главн. Управл. почтъ и телеграфовъ. Спб. 903.

— Сельскохозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 19 годъ. Орелъ, 903.

— Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ, п. р. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Спб. 903. Вып. VI: Гаван-Гумбольдтъ. Спб. 903. Ц. за 3 т.—15 р.; отдѣльно—1 р. 50 к.

— Современный Петербургъ. 1703—1903. Изд. „Родника". Спб. 903. Ц. 75 к.

— Тридцать-восьмое очередное Нижегородское Уѣздное Земское Собраніе въ сентябрѣ 1902 г. Н.-Новг. 903.

— Труды Минскаго Общества сельскаго хозяйства по вопросамъ, возбужденнымъ Высочайше утвержденною программою о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Минскъ, 903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anatole France. Histoire Comique. Стр. 324. Paris, 1903. (Edit. Calman-Levy).

„Histoire Comique"—заглавіе новѣйшаго романа Анатоля Франса—означаетъ не „смѣшную исторію", а „исторію изъ жизни комедіантовъ". Франсъ пишетъ въ нѣкоторомъ родѣ pendant къ знаменитому „Roman Comique" Скаррона, писателя XVII-го вѣка. Скарронъ описывалъ нравы актеровъ своего времени, Франсъ изображаетъ закулисную жизнь современнаго Парижа, вслѣдствіе чего получается параллель для сравненія нравовъ общества на протяженіи болѣе двухъ вѣковъ. Трудно сказать, въ пользу ли современности будетъ это сравненіе. Романъ Скаррона славится грубостью и распущенностью описанныхъ въ немъ нравовъ—но хотя гистріоны современнаго Парижа, описываемые Франсомъ, и болѣе утонченны, безконечно болѣе культурны, но по существу они едва ли нравственнѣе и чище. Франсъ имѣлъ случай наблюдать закулисную театральную жизнь, благодаря постановкѣ на одной изъ лучшихъ сценъ Парижа его пьесы „Таиса". Его новый романъ, очевидно,—результатъ этихъ наблюденій, какъ въ свое время романъ „Красная Лилія" написанъ былъ вслѣдствіе его временнаго близкаго соприкосновенія съ жизнью парижскаго свѣтскаго общества.

„Histoire Comique", какъ и „Красная Лилія", стоитъ внѣ излюбленныхъ Франсомъ серій философско-сатирическихъ повѣстей, связанныхъ между собой общимъ героемъ и изображающихъ текущую дѣйствительность съ безстрастіемъ будущаго ея историка. Таковы были повѣсти о переживаніяхъ и мысляхъ аббата Коньяра, изображавшія бытъ XVIII-го вѣка, или вѣрнѣе примирительную жизненную мудрость XVIII-го вѣка, которая продолжаетъ жить въ позитивизмѣ современной Франціи. Въ томъ же духѣ написаны многочисленныя короткія повѣсти Франса, разработывающія вѣчные мотивы человѣческой психологіи—ея суетность и вмѣстѣ съ тѣмъ ея трогательность—на фонѣ художественно очерченныхъ историческихъ эпохъ. Въ послѣдніе годы Франсъ создалъ совершенно новый родъ историческаго романа; въ серіи подъ общимъ заглавіемъ: „Histoire Contemporaine" онъ художественно сочеталъ факты общественной жизни съ вымысломъ, и получилась единственная въ своемъ родѣ картина современной Франціи

въ спокойномъ историко-философскомъ освѣщеніи. Въ „Histoire Comique“ онъ отвлекся отъ этой схемы, забылъ героя „Histoire Contemporaine“, Бержере, мудро-снисходительнаго судью жизни, не отступающаго отъ философскаго безпристрастія, даже когда событія касаются его самого, и написалъ романъ въ духѣ обычныхъ „романовъ парижскихъ нравовъ“. Этого рода романы менѣе всего удаются Франсу: его „Красная Лилія“—слабая вещь въ сравненіи съ другими его произведеніями; „Histoire Comique“ тоже во многихъ отношеніяхъ разочаровываетъ цѣнителей своеобразнаго и высоко художественнаго дарованія Анатоля Франса. Въ этомъ романѣ слишкомъ много, такъ сказать, „декольтированныхъ“ сценъ, не нужныхъ по своей банальности, и потому что онѣ слишкомъ часто повторяются во всякомъ французскомъ романѣ, въ которомъ пустота содержанія прикрывается пикантностью описаній. Франсъ и въ прежнихъ романахъ не избѣгалъ рискованныхъ въ этомъ смыслѣ сценъ;—есть, напр., знаменитая сцена въ „Mannequin d'Osier“, когда Бержере входитъ къ своей женѣ въ неурочный часъ и застаетъ у нея своего же молодого ученика; но эта сцена такъ своеобразно описана и психологически углублена, что оригинальность мыслей совершенно уничтожаетъ элементъ „пикантности“. Въ „Histoire Comique“, напротивъ того, Франсъ сбивается на обычную французскую пошлость въ слишкомъ частыхъ описаніяхъ подробностей женскаго туалета, подробностей эротическихъ сценъ. И въ этихъ сценахъ, конечно, чувствуется обычный умъ Франса, его умѣнье придавать философскій смыслъ самымъ мелкимъ и пошлымъ подробностямъ жизни,—но слишкомъ ужъ много этихъ подробностей, и слишкомъ онѣ надоѣли въ адюльтерныхъ романахъ Бурже́ и компаніи.

Но за этими крупными недостатками, возбуждающими только досаду у серьезнаго читателя, въ романѣ Франса кроется очень интересная и глубокая основная идея, и въ разработкѣ ея авторъ стоитъ на прежней высотѣ. Онъ возбуждаетъ вопросъ объ отвѣтственности человѣка передъ человѣкомъ за невольно причиненное имъ другому страданіе; онъ показываетъ, во что̀ сознаніе отвѣтственности превращается съ одной стороны въ культурномъ человѣкѣ, воспитанномъ на традиціонныхъ понятіяхъ о нравственности, а съ другой—въ душѣ, живущей только инстинктивными чувствами. Душевная трагедія героини романа, красивой, талантливой актрисы, пользующейся большимъ успѣхомъ, вызвана самоубійствомъ неудачника-актера, Шевалье. Онъ полюбилъ легкомысленную, поглощенную закулисными интригами, своими успѣхами и своими мѣняющимися сердечными увлеченіями, актрису Фелиси. Его сценическій „амплуа“—комическія роли, и даже, благодаря своему характерному, уродливому лицу, неуклюжимъ дви-

женіямъ, огромному росту и худобѣ и врожденному комическому таланту—имѣетъ успѣхъ. Но въ жизни этотъ комикъ очень трагично относится ко всякимъ переживаніямъ; его любовь—источникъ безконечныхъ терзаній и для него, и для Фелиси, которую онъ преслѣдуетъ своей ревностью. Она на короткое время увлеклась имъ, уступила его страсти, но очень скоро охладѣла къ нему; онъ же не можетъ забыть своего кратковременнаго счастья, и терзается тѣмъ, что Фелиси, сохраняя съ нимъ товарищескія отношенія, позволяя ему постоянно бывать у нея, считаетъ себя въ правѣ отдаваться новымъ увлеченіямъ. Шевалье легко примиряется съ ея измѣнами, вызванными практическими соображеніями; онъ знаетъ о ея связи съ какимъ-то банкиромъ, о томъ, что она слишкомъ любезна съ людьми, нужными ей для ея сценической карьеры,—но самъ настолько проникнутъ театральнымъ ядомъ, что считаетъ все это совершенно естественнымъ. Онъ только не допускаетъ другихъ сердечныхъ привязанностей съ ея стороны, не теряя надежды, что она вернется когда-нибудь къ нему. Замѣтивъ, что Фелиси увлеклась молодымъ, красивымъ дипломатомъ, Роберомъ де-Линьи, онъ безконечно терзается и надоѣдаетъ своей бывшей возлюбленной своими жалобами. Его уже не радуютъ его собственныя удачи на сценѣ, предстоящій ему успѣхъ въ готовящейся къ представленію новой пьесѣ, комплименты директора и автора. „Стоитъ ли быть великимъ артистомъ, если все равно чувствуешь себя несчастнымъ?"—говоритъ онъ въ отчаяніи. Фелиси, которой надоѣла его ревность, на зло ему, и чтобы доказать свою свободу, даже не скрываетъ своихъ отношеній съ Роберомъ. Шевалье требуетъ, чтобы она ихъ порвала, угрожаетъ ей катастрофой, если она не послушается его, и въ порывѣ отчаянія клянется ей, что заставитъ ее порвать съ Роберомъ. Она сначала смѣется надъ нимъ, потомъ чувствуетъ къ нему злобу и ненависть за стѣсненіе ея свободы,—но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ избавиться отъ страха передъ его угрозой. Въ противоположность своимъ прежнимъ легкомысленнымъ увлеченіямъ, она полюбила Робера настоящей любовью, и онъ также привязался къ ней со всей страстью своей бурной натуры. Они продолжаютъ видѣться, причемъ все-таки Фелиси инстинктивно скрываетъ отъ Шевалье свои свиданія съ Роберомъ. Но Шевалье выслѣживаетъ ихъ. Когда Фелиси уѣзжаетъ съ Роберомъ за городъ, въ домикъ, нанятый Роберомъ для ихъ свиданій, Шевалье ѣдетъ вслѣдъ за ними. Фелиси очень тревожно настроена. Ей чудятся чьи-то шаги, ей кажется, что за нею слѣдятъ, но Роберъ успокаиваетъ ее. Когда они вмѣстѣ уходятъ изъ домика, на крыльцѣ передъ ними появляется Шевалье, съ револьверомъ въ рукахъ, и застрѣливается

на ихъ глазахъ, сказавъ передъ смертью: „Я вамъ запрещаю принадлежать другъ другу. Это моя послѣдняя воля“.

Смерть Шевалье, смѣняющая страшнымъ кошмаромъ любовный экстазъ Робера и Фелиси, различно вліяетъ на нихъ. Въ изображеніи разныхъ воздѣйствій одного и того же факта на двѣ разныя натуры и заключается психологическій интересъ романа. Въ смерти Шевалье Роберъ и Фелиси одинаково виновны,—или не виноваты, но совѣсть образованнаго и разсудочнаго Робера, воспринявшаго всѣ традиціонныя представленія о нравственномъ долгѣ, совершенно иначе справляется со своей отвѣтственностью за чужія страданія, чѣмъ чисто эмоціональная натура Фелиси. Кто изъ двухъ правъ — этого Франсъ не рѣшаетъ, или вѣрнѣе, будучи искреннимъ въ своихъ философскихъ исканіяхъ, не хочетъ категорически рѣшать. Страница романа, гдѣ описываются мысли Робера у трупа Шевалье — лучшая во всемъ романѣ. Мы приводимъ ее какъ образецъ тонкой ироніи Франса, показывающаго, до чего непосредственный жизненный фактъ глубже всякихъ теоретическихъ измышленій, до чего традиціонная мораль опошляетъ своей условностью правду жизни—и до чего у современныхъ людей теряется правдивое нравственное чутье подъ вліяніемъ условныхъ правилъ морали. Сознавая несостоятельность этихъ правилъ передъ грозной и сложной правдой жизни, современные люди отбрасываютъ устарѣвшую мораль; но они уже слишкомъ пропитаны ея духомъ, и потому свобода отъ стараго становится для нихъ свободой отъ всякой мысли о нравственномъ долгѣ. Это ироническое отношеніе къ недостаточности старой морали и къ людямъ, которые, отвергнувъ ее, успокаиваются на этомъ и не создаютъ новаго отношенія къ долгу совѣсти, сказывается съ удивительной силой въ описаніи чувствъ и мыслей Робера.

„Серьезные и даже торжественные голоса раздавались въ глубинѣ его собственной души. Воспитанный съ дѣтства въ правилахъ нравственной отвѣтственности, онъ испытывалъ теперь тягостное сожалѣніе, похожее на угрызеніе совѣсти. Думая о томъ, что онъ былъ причиной смерти этого человѣка, хотя и помимо своей воли и даже невѣдомо для него, онъ почувствовалъ себя виноватымъ. Обрывки философскихъ и религіозныхъ поученій безпокоили его совѣсть. Сентенціи моралистовъ и проповѣдниковъ, выученныя въ гимназіи и скрытыя въ глубинахъ его памяти, вдругъ выплыли въ его сознаніи. Внутренніе голоса повторяли ихъ ему. Они говорили словами кого-то изъ старыхъ церковныхъ ораторовъ: „предаваясь наименѣе осуждаемымъ людьми увлеченіямъ, человѣкъ рискуетъ совершить самые тяжкіе проступки. Мы видимъ на страшныхъ примѣрахъ, что чувственныя страсти ведутъ къ преступленіямъ“. Эти изреченія, надъ которыми

онъ никогда не задумывался, вдругъ пріобрѣли для него точный и строгій смыслъ. Онъ сталъ серьезно размышлять о нихъ. Но такъ какъ онъ былъ не особенно религіозенъ и не обладалъ чрезмѣрной совѣстливостью, то фразы эти казались ему теперь мало поучительными и даже—когда онъ въ нихъ болѣе вдумывался—вздорными и совершенно неприложимыми къ положенію, въ какомъ онъ очутился. „Предаваясь наименѣе осуждаемымъ увлеченіямъ, мы видимъ на страшныхъ примѣрахъ“... Эти сентенціи, которыя звучали сначала въ его душѣ какъ раскаты грома, теперь слышались ему въ гнусавомъ произношеніи и въ картавомъ говорѣ профессоровъ и священниковъ, которые ему преподали ихъ, и уже стали казаться ему нѣсколько смѣшными. По естественной ассоціаціи мыслей, онъ вспомнилъ мѣсто изъ прочитанной имъ когда-то исторіи Рима, гдѣ говорилось о женщинѣ, уличенной въ измѣнѣ мужу и обвиненной позднѣе въ томъ, что она подожгла Римъ. „Этимъ подверждается, — говорилъ историкъ, — та истина, что человѣкъ, забывшій стыдъ, способенъ совершить всякое преступленіе“. При этомъ воспоминаніи Роберъ внутренно улыбнулся и подумалъ, что у моралистовъ странныя понятія о жизни“.

Вотъ какимъ образомъ культурный французъ отдѣлывается отъ голоса совѣсти. Онъ слишкомъ привыкъ къ общепринятымъ моральнымъ сентенціямъ, чтобы самому заглянуть въ глубь своей души и найти живую нравственную правду. Выродившаяся культура убила въ немъ непосредственное, творческое нравственное чувство. Нельзя болѣе безпощадно изобразить мертвящее вліяніе вырождающейся культуры во Франціи, чѣмъ это сдѣлалъ Франсъ въ этомъ психологическомъ разъясненіи чувствъ Робера. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ самоубійство Шевалье на Фелиси. Она изображена легкомысленной, истеричной натурой. Она не особенно интеллигентна и беретъ въ своей игрѣ только прирожденнымъ талантомъ и эстетическимъ вкусомъ. Она умѣетъ устроивать свои дѣла, очень практична и даже „très rosse“, какъ ее характеризуютъ недоброжелательные товарищи по сценѣ непереводимымъ французскимъ выраженіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она сохранила наивную набожность, граничащую съ суевѣріемъ, соблюдаетъ церковные обряды. Нравы ея—самые легкомысленные; она считается только съ практической необходимостью, и не особенно дорожитъ собой, если ей это нужно для карьеры. Франсъ какъ бы нарочно настаиваетъ на отсутствіи нравственныхъ устоевъ въ жизни своей героини, на томъ, что ея постоянныя „уступки обстоятельствамъ“—безъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти—свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи всякихъ нравственныхъ принциповъ. И въ такомъ именно существѣ голосъ совѣсти звучитъ настойчивѣе, мучительнѣе, разбивая всю жизнь, заставляя отказаться отъ самаго доро-

того. Голосъ совѣсти принимаетъ у Фелиси нѣсколько болѣзненную, истерическую форму, сплетается съ суевѣріями неразумнаго существа, но все-же это — проявленіе внутренней правды, жажды искупленія.

Фелиси любитъ Робера, и уже эта любовь до нѣкоторой степени преображаетъ ее, дѣлаетъ для нея невозможными прежніе минутные капризы чувствъ, заставляетъ ее порвать съ Шевалье,—хотя, конечно, при этомъ она не отказывается отъ разныхъ практическихъ комбинацій, не считая это измѣной своему возлюбленному. Когда на ея глазахъ происходитъ самоубійство Шевалье, она не разсуждаетъ, не заглушаетъ въ себѣ логикой проснувшихся угрызеній совѣсти,—а ясно и опредѣленно чувствуетъ себя виноватой: изъ-за нея умеръ человѣкъ, который любилъ ее и былъ ею обманутъ—этого нельзя измѣнить, и это—вина, требующая искупленія. Послѣднія слова Шевалье передъ смертью становятся ея приговоромъ. Она любитъ Робера мучительной и страстной любовью,—но между ними стоитъ призракъ самоубійцы и не позволяетъ ей ослушаться послѣдней воли умершаго. Сначала Фелиси не чувствуетъ власти умершаго надъ собой и необходимости искупленія. Ея нервы потрясены катастрофой, и она только думаетъ о томъ, какъ бы, такъ сказать, „вѣрнѣе" похоронить Шевалье, для того, чтобы онъ окончательно исчезъ изъ ея жизни. Въ качествѣ набожной католички, она хлопочетъ о церковномъ погребеніи, въ которомъ церковь сначала отказываетъ въ виду самоубійства. Ей удается устранить всѣ препятствія; похороны Шевалье—очень пышныя, и бѣдной Фелиси кажется, что чѣмъ больше будетъ свѣчей, цвѣтовъ, слезъ и рѣчей надъ его гробомъ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ выполнены ея обязательства относительно умершаго. Послѣ похоронъ она, успокоенная, уѣзжаетъ къ Роберу; но когда онъ начинаетъ говорить ей о своей любви, ей становится страшно, у нея появляются галлюцинаціи,—и она уходитъ отъ Робера, чувствуя, что прежнее счастье безвозвратно погибло. Она старается умилостивить умершаго, ѣдетъ къ нему на могилу съ цвѣтами и съ дѣтски наивной вѣрой молитъ мертвеца, чтобы онъ не преслѣдовалъ ее. Но на кладбищѣ у нея является странное ощущеніе: она не чувствуетъ свойственнаго ей обыкновенно страха передъ могилами. Стараясь уяснить себѣ причину этого, она вдругъ понимаетъ, что Шевалье не пугаетъ ее на кладбищѣ, потому что его тамъ нѣтъ. „Его здѣсь нѣтъ,—съ отчаяніемъ думаетъ она,—его здѣсь никогда нѣтъ. Онъ—вездѣ, кромѣ того мѣста, гдѣ его положили. Онъ на улицахъ, въ домахъ, въ комнатахъ". И она съ ужасомъ уходитъ съ кладбища, увѣренная, что отнынѣ будетъ встрѣчать его всюду—только не на кладбищѣ.—Призракъ Шевалье начинаетъ ее всюду преслѣдовать; она тщетно истреб-

ляетъ всѣ его портреты, всѣ письма, все, что могло бы напомнить о немъ,—онъ какъ живой всегда стоитъ передъ нею и настаиваетъ на исполненіи своей послѣдней воли. Свиданія съ Роберомъ становятся для нея мукой; при всей своей любви къ нему она не можетъ допустить никакихъ проявленій его любви, и ихъ встрѣчи заканчиваются упреками съ его стороны, бурными сценами, слезами Фелиси. Чтобы прекратить все это, Роберъ принимаетъ предлагаемое ему мѣсто въ Голландіи и уѣзжаетъ въ надеждѣ развлечься и забыть свою любовь къ актрисѣ. Съ его отъѣздомъ, Фелиси нѣсколько успокоивается, всецѣло предается сценѣ, и среди усиленной работы забываетъ о грозномъ призракѣ. Ее увлекаютъ театральные успѣхи, которые увѣнчиваются тѣмъ, что она принята въ „Comédie Française", и ей предстоитъ дебютъ въ ея излюбленной роли въ одной изъ комедій Мольера. Съ Роберомъ у нея идетъ постоянная переписка, потому что и онъ, и она убѣждаются, что не могутъ полюбить никого другого и привязаны другъ къ другу навсегда. Къ ея дебюту онъ собирается вернуться въ Парижъ, и она радостно ждетъ его пріѣзда, надѣясь, что преслѣдовавшій ее кошмаръ исчезъ, что ихъ прежнее счастье возобновится—и навсегда. Онъ пріѣзжаетъ, и въ первомъ угарѣ свиданія ей дѣйствительно кажется, что ничто ее не мучитъ, что никакой призракъ не отдѣляетъ ее отъ возлюбленнаго. Въ противоположность ея прежней уклончивости, къ которой Роберъ привыкъ послѣ смерти Шевалье, она съ радостью соглашается придти къ нему, очень нѣжна съ нимъ, весела, репетируетъ передъ зеркаломъ свою роль, разспрашиваетъ его о его жизни въ Голландіи, шутитъ съ нимъ, очевидно забывъ всѣ свои прежніе страхи. Но это сразу обрывается. Нарушить предсмертную волю Шевалье она не можетъ. Передъ нею выростаетъ призракъ умершаго, и появленіе его на этотъ разъ окончательно убѣждаетъ ее въ непоправимости ея несчастія. Ей не дано быть счастливой съ Роберомъ — таково искупленіе, возложенное на нее погибшимъ по ея винѣ человѣкомъ. „Что изъ того, что я настоящая артистка,—съ отчаяніемъ говоритъ она, повторяя безсознательно слова умершаго,—если я все-таки несчастна"?! Она уходитъ отъ Робера со словами: „Мы очень любили другъ друга, но теперь все кончено. Мы больше не можемъ принадлежать другъ другу. Онъ этого не хочетъ".

Такъ разрѣшается вопросъ объ отвѣтственности за невольно причиненное страданіе въ душѣ наивно покорной голосу совѣсти Фелиси. Голосъ этотъ воплотился для нея въ осязательные призраки и кошмары, но очевидно, что это только—внѣшнія проявленія безсознательной внутренней правды.—Легкомысленная актриса оказывается болѣе чуткой и болѣе близкой къ правдѣ, чѣмъ культурный и умно раз-

суждающій Роберъ, который такъ легко отбрасываетъ всякіе запросы совѣсти вмѣстѣ съ пережитыми моральными сентенціями, въ условности которыхъ онъ убѣждается.

Помимо интересно разработанной психологической темы, романъ Франса интересенъ правдиво и умно описанными типами актерскаго міра, изображеніемъ искусственно возбужденной и въ основѣ своей пошлой театральной среды, извращающей всѣ искреннія чувства, полной всякихъ нравственныхъ компромиссовъ. Очень пластичны и полны юмора фигуры нѣсколькихъ актеровъ и актрисъ, драматурговъ, критиковъ и т. д. Своего излюбленнаго героя, всепріемлющаго и всепрощающаго скептика-философа Бержере, Франсъ тоже не совсѣмъ забылъ въ своемъ новомъ романѣ. Онъ перевоплощенъ здѣсь въ театральнаго врача, Требло, исповѣдующаго послѣдовательный детерминизмъ и дѣлающаго глубокомысленные оригинальные выводы изъ мелкихъ и крупныхъ событій театральнаго міра.

II.

Max Dreyer. Das Thal des Lebens. Historischer Schwank. Berlin, bei G. H. Meyer. 1903.

Максъ Дрейеръ занимаетъ особое положеніе среди нѣмецкихъ беллетристовъ и драматурговъ. Въ противоположность современнымъ исканіямъ сложнаго и непонятнаго въ психологіи человѣка, онъ—сторонникъ простоты и жизнерадостности, и возводитъ въ идеалъ здоровыя, бодрыя чувства, высмѣиваетъ ложь и искусственность, внесенную въ обиходъ жизни избыткомъ культурности; онъ показываетъ пагубность стремленія къ изысканности въ людяхъ, которые только во имя моды насилуютъ свою обыкновенную и совершенно простую натуру, и потому производятъ впечатлѣніе не оригинальности, а изломанности. Дрейеръ — юмористъ, и обладаетъ самыми существенными его качествами большимъ реалистическимъ чутьемъ, не мудрствующимъ, простымъ пониманіемъ жизни, то-есть, и тонкимъ чутьемъ правды. Его мораль—самая незамысловатая, чтобы не сказать банальная: жизнь во имя жизни, безъ всякихъ философскихъ мудрствованій, простая, но непремѣнно искренняя любовь; все, что̀ ведетъ къ процвѣтанію рода человѣческаго, все, что̀ соотвѣтствуетъ цѣлямъ природы, кажется ему справедливымъ и нравственнымъ. Всякое уклоненіе отъ природы, какими бы принципами и теоріями оно ни прикрывалось, кажется ему ложью, и очень зло имъ вышучивается. Для юмориста такая исходная точка—самая вѣрная, такъ какъ высмѣивать можно

только новое, непривычное, не пустившее корни въ сознаніе людей, и дѣлать это можно только во имя твердо установившагося стараго, —не устарѣвшаго (оно тоже—благодарный предметъ для насмѣшекъ, потому что люди уже не чувствуютъ связи съ нимъ и согласны отступиться отъ него), а вѣчно истиннаго. Инстинктивная жизнерадостность и простыя, естественныя чувства всегда сохранятъ свою власть надъ людьми, какъ бы вѣчно ищущая душа и неустанно пытливый умъ ни разнообразили внутренній міръ человѣка, отыскивая исходъ для нарождающихся новыхъ чувствъ, влеченій и настроеній. Правы ищущіе, создающіе новое отношеніе къ жизни, ея задачамъ и формамъ, но такъ какъ стремленіе къ новому часто искажается непониманіемъ его и напускнымъ оригинальничаньемъ, то правы и напоминающіе о неизмѣнныхъ простыхъ началахъ жизни; правъ юмористъ, усматривающій смѣшное, т.-е. лицемѣріе и ложь, въ людяхъ, переиначивающихъ жизнь, не имѣя въ сущности на это права. Такого рода сатира приноситъ пользу и „новымъ теченіямъ", противъ которыхъ она возстаетъ, такъ какъ способствуетъ отдѣленію отъ нихъ всего наноснаго, случайнаго, ложнаго.

Въ своихъ произведеніяхъ, въ особенности въ новеллахъ (напр., „Lautes und Leises"), Дрейеръ напоминаетъ своего земляка, знаменитаго юмориста Фрица Рейтера, описывая съ большимъ юморомъ и реализмомъ добродушныхъ и жизнерадостныхъ мекленбургцевъ. Яркій реалистическій талантъ проявляется и въ его многочисленныхъ драматическихъ произведеніяхъ, въ его умѣньи характерно и пластично передавать особенности каждаго отдѣльнаго лица, какъ, напр., въ „Зимнемъ снѣ", въ драмѣ „Probe-Kandidat", „Hans" и др. Въ послѣднихъ своихъ вещахъ Дрейеръ все болѣе переходитъ въ область сатиры, направленной противъ всякаго рода лжи и лицемѣрной разсудочности. Очень хороша его трилогія подъ общимъ названіемъ „Schelmenspiele", въ которой къ разряду „плутовъ" причислены и почтенный съ виду сановникъ, строящій свою семейную жизнь на величайшемъ лицемѣріи, и мать, воспитывающая ребенка на лжи, и люди, прикрывающіеся важными интересами государства для устройства своихъ мелкихъ личныхъ дѣлъ.

Новая пьеса Дрейера, „Долина жизни"—очень злая комедія, написанная живо и весело; авторъ называетъ ее историческимъ фарсомъ, но историческаго въ ней—только костюмы и внѣшній бытъ. Дѣйствіе перенесено въ XVIII-й вѣкъ и происходитъ въ одномъ изъ маленькихъ нѣмецкихъ маркграфствъ этого времени; въ придворномъ быту маркграфа преувеличенная торжественность и строгость этикета сочетается съ неискоренимой захолустностью. Эта обстановка нужна Дрейеру для большей свободы въ разработкѣ своего нѣсколько ри-

скованнаго сюжета. Восемнадцатый вѣкъ славится легкостью нравовъ и снисходительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ проступкамъ, объясняемымъ сердечными увлеченіями; и поэтому на фонѣ восемнадцатаго вѣка легче было изобразить происшествіе, въ которомъ права природы торжествуютъ надъ нравственными принципами. Это торжество естественныхъ и простыхъ чувствъ надъ условной моралью трудно было бы представить въ обстановкѣ современной дѣйствительности,—и Дрейеръ придалъ нѣсколько фантастическій характеръ своей комедіи, перенесенной въ полу-опереточную обстановку. Бытовая сторона придворной жизни представлена хотя и въ комичномъ, преувеличенномъ видѣ, но все-же вѣрно передаетъ духъ эпохи.

Основная идея пьесы заключается въ противопоставленіи простой морали людей, живущихъ искренними, несложными чувствами, лицемѣрію, созданному привычками искусственной культуры, теоретичностью, находящею оправданія для самыхъ эгоистическихъ и далеко не возвышенныхъ побужденій. Простая жизнь, которую Дрейеръ возводитъ въ идеалъ, воплощена въ его комедіи въ населеніи маленькой горной деревушки, по сосѣдству съ резиденціей маркграфа. Деревня бѣдная, почва тамъ очень скудная и не можетъ прокормить населеніе. Но деревня живетъ своеобразнымъ промысломъ; она называется „Деревней кормилицъ", и поставляетъ кормилицъ на все маркграфство. Населеніе деревни очень здоровое, жизнерадостное, честное, такъ что отовсюду охотно берутъ тамошнихъ женщинъ для вскармливанія дѣтей. Деревню зовутъ также „Долиной жизни", потому что тамъ и приростъ населенія всегда очень большой, и кромѣ того женщины этой деревни оздоровляютъ городское населеніе, вскармливая здоровыхъ питомцевъ и прививая имъ свое бодрое отношеніе къ жизни. Нравы въ деревнѣ—нѣсколько своеобразные. Браковъ тамъ заключается немного, въ силу экономическихъ условій, такъ какъ мало у кого есть достаточно средствъ для основанія семейнаго очага. Но зато тамъ признаются права свободной любви, причемъ, однако, любящіе отличаются взаимной вѣрностью, и не бываетъ ни одного случая, чтобы отецъ и мать не заботились о своихъ дѣтяхъ. Чистота нравовъ при такомъ устройствѣ—полная. Свободныя связи заключаются на всю жизнь, а матеріальное положеніе семьи обезпечивается съ одной стороны тяжкимъ трудомъ отцовъ, обработывающихъ скудную почву, а съ другой—заработкомъ матерей, нанимающихся въ кормилицы. Законы маркграфства признаютъ такой порядокъ вещей, и учрежденъ даже особый „цехъ кормилицъ" (Ammenzunft). Изъ него выбираются кормилицы для придворныхъ круговъ, и самъ магркграфъ вскормленъ женщиной изъ „Долины жизни"; сынъ его кормилицы, молочный братъ маркграфа, занимаетъ мѣсто пастора. Онъ—ярый защитникъ нравовъ

своей родины, и превозноситъ чистоту ихъ въ разговорѣ съ присланнымъ въ деревню по особому случаю коммиссаромъ—придворнымъ маркграфа. Когда коммиссаръ нападаетъ на безнравственность, царящую въ деревнѣ, пасторъ выходитъ изъ себя. „Какъ,—говоритъ онъ, — вы, пріѣхавшій изъ резиденціи, осмѣливаетесь упрекать насъ въ безнравственности?! Знаете ли вы, что любящіе даютъ у насъ обѣтъ вѣрности на всю жизнь? А вѣрность—основа чистоты. Что же касается безнравственности и грязи, то вамъ вѣроятно извѣстно, что она существуетъ и въ правильной семьѣ. Если сравнить жизнь въ резиденціи съ жизнью въ этой деревнѣ, то здѣсь царятъ ангельская чистота и невинность. И я считаю счастьемъ для дѣтей нашей родины, что ихъ вскармливаютъ дочери нашей деревни. Онѣ отдали всей странѣ свою силу, свою бодрость духа, свою свѣжесть. И это послужило на благо странѣ“.

Такова утопія простого счастья, свободы любви и чистоты нравовъ, которую Дрейеръ осуществляетъ въ своей фантастической „деревнѣ кормилицъ“. Ей противопоставляется испорченность при дворѣ маркграфа, гдѣ вся жизнь построена на каррикатурномъ подражаніи французскимъ нравамъ и французскому придворному этикету; этотъ нѣсколько опереточный дворъ воплощаетъ въ пьесѣ лицемѣріе и ложь условныхъ понятій о нравственности. Столкновеніе двухъ міровъ, придворнаго и деревенскаго, происходитъ по очень своеобразному случаю, изложенному Дрейеромъ въ легкомъ, нѣсколько гривуазномъ тонѣ,—который оправдывается тѣмъ, что дѣло идетъ о нравахъ XVIII-го вѣка; торжество—на сторонѣ добродѣтельной, т.-е. болѣе близкой ко всему здоровому и естественному, деревни. „Долина жизни“ спасаетъ отечество, но это спасеніе совершается не по правиламъ и свѣтской, и буржуазной морали. Дѣло начинается съ того, что на деревню обрушивается несчастіе. Маркграфъ, который провелъ очень бурную юность, женился на молодой и красивой принцессѣ, но не имѣетъ дѣтей; это тѣмъ болѣе печально, что, за отсутствіемъ наслѣдника, маркграфство должно перейти къ Пруссіи. Маркграфъ очень золъ, и хочетъ распространить свое уныніе на всю свою страну; онъ не выноситъ около себя веселыхъ лицъ; ему тягостна мысль, что кто-нибудь можетъ быть счастливъ и доволенъ, когда его преслѣдуетъ неудача. Для этого личнаго настроенія онъ придумываетъ чрезвычайно возвышенныя, моральныя основанія. Онъ вдругъ становится сторонникомъ святости, и начинаетъ искоренять безнравственность въ маркграфствѣ. Строгость нравовъ возводится въ законъ не только при дворѣ, гдѣ преслѣдуется всякое удовольствіе и всякая радость, въ особенности, конечно, радости любви,—но и во всей странѣ. Учреждается особая „коммиссія нравовъ“, которой поручено

строгое преслѣдованіе всего, что̀ признано безнравственнымъ, т. е. опять-таки въ особенности союзовъ любви. Коммиссія является въ „Долину жизни", и попадаетъ туда какъ разъ на праздникъ, глубоко возмущающій ее своей безнравственностью. Члены коммиссіи, изъ придворнаго раболѣпства, усвоили себѣ напускную святость своего властелина, и праздникъ, на который они попадаютъ, кажется имъ верхомъ распущенности. Въ деревнѣ празднуются крестины сына свободной четы, красавицы Лизбеты и молодцоватаго, работящаго и очень любящаго свою подругу Ганса. Лизбета и Гансъ гордятся своимъ сыномъ, тѣмъ болѣе, что онъ родился въ воскресенье и крестины его выпали на 1-ое мая. Совокупность этихъ обстоятельствъ даетъ поводъ къ особой церемоніи: Ганса вѣнчаютъ „королемъ цеха кормилицъ", и по этому поводу происходитъ пиръ и танцы, въ которыхъ принимаетъ участіе и деревенскій пасторъ. Членъ коммиссіи нападаетъ на пастора за его потворство испорченнымъ нравамъ, и на всѣ горячія возраженія пастора, который доказываетъ, что нравы его деревни безконечно чище придворныхъ, заявляетъ въ очень комичномъ, торжественномъ тонѣ, что маркграфъ уничтожилъ „цехъ кормилицъ", считая это учрежденіе безнравственнымъ. Прочитывается маркграфскій декретъ, направленный противъ „возростающей безнравственности въ странѣ" и объявляющій, что всякое появленіе незаконнорожденнаго ребенка будетъ считаться преступленіемъ и наказываться смертью. Всѣ съ ужасомъ выслушиваютъ чтеніе декрета, и возмущены несправедливымъ обвиненіемъ въ безнравственности. Особенно сильно возмущена Лизбета, которая, не стѣсняясь, высказываетъ свое мнѣніе и осыпаетъ дерзостями растерявшихся придворныхъ, членовъ коммиссіи. Они велятъ солдатамъ схватить ее и грозятъ жестокой расправой. Гансъ за нее заступается, но тогда его арестуютъ. Несмотря на сопротивленіе Лизбеты, Ганса уводятъ, причемъ пасторъ успокоиваетъ молодую женщину тѣмъ, что самъ тоже идетъ къ маркграфу, чтобы выхлопотать помилованіе Ганса.

Появленіе Ганса въ замкѣ маркграфа придаетъ дѣлу совершенно новый оборотъ; въ лицѣ его деревня торжествуетъ надъ дворомъ. Маркграфъ въ очень дурномъ настроеніи духа, преслѣдуетъ всякую улыбку на лицѣ придворныхъ, злорадно устроиваетъ имъ всякія непріятности, чтобы не видѣть вокругъ себя довольныхъ лицъ. Единственнаго придворнаго, который не съумѣлъ побѣдить свою придворную веселость, онъ увольняетъ. Весь дворъ состоитъ изъ скучающихъ людей, которые говорятъ лицемѣрныя вѣжливыя фразы, томятся и стараются втайнѣ нарушить строгость придворныхъ правилъ. Маркграфъ постоянно совѣтуется со своимъ врачомъ, язвитъ его за неумѣнье поправить его здоровье, и хотя совершенно не вѣритъ въ его

лекарства, однако принимаетъ ихъ, ворча на ихъ дороговизну. Ганса онъ, въ наказаніе за всѣ его проступки, велѣлъ забрать въ солдаты и помѣстилъ его въ придворную стражу. Онъ этимъ, будто бы, оказываетъ честь мужику, но въ дѣйствительности дѣлаетъ это изъ злорадства, чтобы лишить молодого, влюбленнаго въ свою подругу солдата семейныхъ радостей,—такъ какъ не можетъ простить Гансу того, что у него есть сынъ. Гансъ проситъ, чтобъ его избавили отъ чести быть въ замковомъ караулѣ и отправили бы куда-нибудь подальше, такъ какъ придворные солдаты не имѣютъ права жениться, а другимъ это право предоставляется. Маркграфъ на это не соглашается, и лицемѣрно говоритъ о томъ, что для Ганса полезнѣе состоять въ придворномъ караулѣ, въ которомъ онъ окруженъ стариками, заботящимися о его нравственной чистотѣ. Простыя, искреннія слова Ганса, который открыто говоритъ о своей любви къ Лизбетѣ, о привязанности къ ребенку и къ деревнѣ, ярко оттѣняютъ лицемѣріе придворныхъ, будто бы порицающихъ его во имя святости и чистоты. Маркграфъ, однако, настаиваетъ на томъ, чтобы Гансъ остался во дворцѣ, и поручаетъ ему стражу у дверей маркграфини, которая должна остаться одна, въ виду отъѣзда ея супруга со свитой на охоту. Очень комична сцена разставанія маркграфа съ молодой женой, его изысканная учтивость съ нею и притворная влюбленность. Онъ уѣзжаетъ, сопутствуемый ея сожалѣніями, выраженными въ церемонныхъ французскихъ фразахъ, и молодая маркграфиня остается одна—къ своему великому удовольствію. Она молода, жизнерадостна и очень скучаетъ въ обществѣ своего унылаго мужа. Послѣ его отъѣзда, она тормошитъ свою церемонную старую придворную даму, возится съ ребенкомъ кастелянши, жалуется на судьбу, не давшую ей своего ребенка, и мечтаетъ о томъ, чтобы чѣмъ-нибудь развлечься. Къ ней являются съ выраженіями почтенія оставленные маркграфомъ въ замкѣ придворные, является придворный поэтъ, который читаетъ ей строфы, обращенныя къ несуществующей возлюбленной,—но все это еще болѣе увеличиваетъ ея скуку. Узнавъ о необыкновенномъ солдатѣ, попавшемъ въ дворцовый караулъ, она призываетъ Ганса. Онъ ей нравится своей простотой, своими разсказами о любви къ Лизбетѣ, и она видитъ много общаго между собою и имъ: „Мы оба съ тобой единственные молодые люди здѣсь“,—говоритъ она ему, и онъ соглашается съ ней, говоритъ, что сразу почувствовалъ къ ней симпатію, и проситъ ее заступиться за него. Графиня очень романтична; ее всегда привлекали сказки о принцессѣ и влюбленномъ пастушкѣ, и ей хотѣлось бы видѣть Ганса въ этой роли. Фельдфебель предупреждаетъ маркграфиню, что нужно зорко наблюдать за молодымъ солдатомъ,

чтобы онъ не дезертировалъ,—и маркграфиня говоритъ, что сама будетъ объ этомъ заботиться и держать молодого солдата на запорѣ.

На дружеской бесѣдѣ маркграфини съ Гансомъ обрывается третье дѣйствіе. Послѣднее дѣйствіе разыгрывается много мѣсяцевъ спустя въ „Долинѣ жизни", гдѣ все взволновано радостнымъ событіемъ: у маркграфа родился сынъ, и по этому случаю отмѣняются всякіе „комитеты нравственности", потому что воспрянувшій духомъ маркграфъ уже хочетъ видѣть вокругъ себя только радость и веселье. Вызванная обстоятельствами святость исчезаетъ съ перемѣной обстоятельствъ, и для новаго настроенія маркграфа выдумывается новая мораль—уже совершенно иного характера. Этимъ подтверждается лицемѣріе всякой придуманной нравственности. Въ деревнѣ печальна только Лизбета, такъ какъ ея Гансъ пропалъ съ того времени, какъ былъ въ замкѣ. Въ ту ночь раздался выстрѣлъ въ замкѣ, и всѣ думаютъ, что Гансъ былъ убитъ стражей за попытку дезертировать. Но эти печальныя предположенія не оправдываются. Гансъ появляется самъ, говоритъ Лизбетѣ, что онъ дѣйствительно дезертировалъ, что ему удалось перебраться черезъ границу въ Пруссію, и что онъ теперь пришелъ тайкомъ, чтобы забрать съ собой Лизбету. Ему, однако, не удается уйти незамѣченнымъ, такъ какъ почти одновременно съ нимъ въ деревню является маркграфъ. Гансъ пораженъ извѣстіемъ о рожденіи сына у маркграфа, и очень уклончиво отвѣчаетъ Лизбетѣ на ея вопросы о томъ, былъ ли онъ ей вѣренъ; онъ даже сознается, что однажды нарушилъ вѣрность—но не совсѣмъ по своей винѣ. При видѣ маркграфа Гансъ тотчасъ же поднимается на пригорокъ, на которомъ начинается прусская граница, и оттуда смѣло говоритъ съ маркграфомъ, отказывается вернуться на его службу и вообще повиноваться его приказаніямъ. Милостиво расположенный маркграфъ подзываетъ его къ себѣ, обѣщая въ присутствіи пастора простить его вину, и говоритъ ему о рожденіи у него сына, требуя, чтобы Гансъ радовался этому. Маркграфъ объявляетъ также всей деревнѣ, что возвращаетъ ей ея прежнія права и привилегіи, и совѣтуетъ всѣмъ предаваться радости, какъ предается ей онъ самъ. „У насъ всѣхъ должна быть общая радость, у васъ и у меня. Я вскормленъ тѣмъ же молокомъ, какъ и вы, самые здоровые и сильные изъ моихъ подданныхъ. Быть можетъ, даже у меня не родился бы такой великолѣпный и сильный сынъ, еслибы не существовало „деревни кормилицъ"; на это Гансъ очень убѣжденно отвѣчаетъ: „навѣрное не родился бы". Оказывается, что маркграфъ прибылъ въ деревню съ довольно неожиданной послѣ его декрета цѣлью—нанять кормилицу для своего сына; и опять-таки вопреки декрету, выборъ кормилицъ оказывается довольно большой, хотя браковъ было заключено мало, въ виду еще болѣе понизившагося

заработка. Маркграфъ на радостяхъ прощаетъ своимъ подданнымъ ихъ „безнравственность“, и принимаетъ участіе въ танцахъ и играхъ, устроенныхъ, чтобы отпраздновать радостное событіе.

„Долина жизни“ спасла маркграфство отъ перехода къ Пруссіи и отъ господства лицемѣрія при дворѣ и во всей странѣ, т.-е., другими словами, законъ жизни восторжествовалъ вопреки декретамъ и постановленіямъ придуманной нравственности, а лицемѣріе наказано тѣмъ, что само становится жертвой обмана, оправдываемаго протестомъ живыхъ, жизнерадостныхъ чувствъ. Каррикатурный дворъ маркграфа изображенъ чрезвычайно остроумно, и въ изображеніи чисто анекдотическаго происшествія сквозитъ искренняя жизненная правда, благодаря которой пьеса не только забавляетъ остроуміемъ діалога, но и привлекаетъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1903.

Двухсотлѣтіе Петербурга. — Петербургъ и Москва. — Странное ходатайство. — Что такое „моральная виновность“ печати?—Отголоски кишиневскихъ событій.—Свобода литературы и свобода печати.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ“.— К. М. Станюковичъ †.

Торжественно отпраздновано двухсотлѣтіе Петербурга... Средоточіемъ празднества, какъ и слѣдовало ожидать, явилась память о великомъ основателѣ города. Прошло то время, когда слава Петра встрѣчала систематическое отрицаніе въ лагерѣ славянофиловъ. Ихъ „эпигоны“, только въ немногомъ оставшіеся вѣрными старой своей доктринѣ, преклоняются теперь передъ Петромъ, видя въ немъ, впрочемъ, не столько преобразователя Россіи, передвинувшаго ее съ Востока на Западъ, сколько олицетвореніе ихъ кумира—сильной власти или властной силы. Иначе, чѣмъ прежде, относятся къ Петру и преемники „западниковъ“. Восторгъ уступилъ мѣсто критикѣ, одинаково зорко всматривающейся въ обѣ стороны медали. И ту, и другую нетрудно подмѣтить и въ самомъ основаніи Петербурга. Оборотная сторона—это та масса горя и лишеній, которую вынесли собранные тогда со всѣхъ концовъ государства подневольные строители новой столицы; лицевая сторона—это тотъ свѣтъ, который пролило на Россію „окно въ Европу“. Не всѣмъ, однако, пріятенъ свѣтъ, вмѣстѣ съ которымъ приходитъ и свѣжій воздухъ. Почти наканунѣ юбилейныхъ празднествъ въ печати [1]) слышались сѣтованія на то, что именно въ Петербургѣ, у *окна*, особенно трудно устранить „сквозной вѣтеръ“, несущійся изъ странъ „вѣчной непогоды“. „Европейскимъ сквознякомъ“—восклицали наши доморощенные Іереміи — „Петербургъ продувается непоправимо, какъ плохо построенное зданіе на неподходяще выбранномъ мѣстѣ“. Предубѣжденіе противъ Петрова града оказывается, такимъ образомъ, какъ будто болѣе живучимъ, чѣмъ предубѣжденіе противъ Петра—но на самомъ дѣлѣ одно неотдѣлимо отъ другого. Кто замышлялъ, во второй четверти XVIII-го вѣка, возвращеніе столицы въ Москву? Тѣ самые вельможные приверженцы старины, которые не могли и не хотѣли примириться съ завѣтами

---

[1]) См. №№ 103 и 100 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Петровскаго времени. Что поддерживало въ барскихъ кружкахъ Москвы, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, глухое недовольство Петербургомъ? Нерасположеніе къ реформамъ Екатерины II-ой и Александра I-го. Кто, двадцать лѣтъ тому назадъ, написалъ на своемъ знамени: *домой, въ Москву*? Послѣдній представитель стараго славянофильства, И. С. Аксаковъ. И теперь за главенство Москвы стоятъ въ особенности тѣ, чью духовную родину слѣдуетъ искать по ту сторону нашей азіатской границы. „Съ тѣхъ поръ"—говоритъ одинъ изъ нихъ—„какъ рядомъ съ Москвой возникъ на Невѣ новый государственный центръ, Россія живетъ какою-то двойственною жизнью, московскою и петербургскою, причемъ преобладаетъ то одна, то другая, а иногда та и другая текутъ параллельно, переплетаясь между собой, парализуя другъ друга и нарушая этимъ правильное развитіе нашего государственнаго организма... Московское вліяніе на жизнь Россіи чувствуется на каждомъ шагу, все крѣпнетъ и растетъ. Но тѣмъ сильнѣе борется съ нимъ вліяніе Петербурга. По всѣмъ жизненнымъ вопросамъ Россіи образовались у насъ два враждебные лагеря: національный московскій и космополитическій петербургскій. Гармонія между Москвой и Петербургомъ, какъ между сердцемъ и умомъ, признается невозможной; о какихъ-либо компромиссахъ нельзя и думать. Остается только терпѣливо ждать того отдаленнаго, *а можетъ быть и близкаго*, времени, когда въ Россіи сольются въ единый мощный организмъ и сердце, и умъ ея, и головой ея по стародавнему станетъ первопрестольная Москва"...

Въ основаніи этихъ и имъ подобныхъ разсужденій лежитъ, очевидно, колоссальное недоразумѣніе, неумѣлая игра фактами и словами. Двойственность, составляющая, будто бы, отличительную черту русской жизни и приписываемая существованію двухъ противоположныхъ и равносильныхъ вліяній—московскаго и петербургскаго,—есть, въ сущности, не что иное, какъ вездѣ (въ культурныхъ государствахъ) совершающаяся смѣна прогресса и регресса, акціи и реакціи. Эта смѣна всегда сопровождается колебаніями, борьбою. Побѣда одного начала надъ другимъ бываетъ болѣе или менѣе прочной, болѣе или менѣе полной; иногда одно изъ нихъ торжествуетъ на одномъ пунктѣ, другое, въ то же время—на другомъ; слагаются, видоизмѣняются, исчезаютъ самыя разнообразныя комбинаціи самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Пріурочивать все это сложное движеніе къ какой-нибудь одной причинѣ, значитъ останавливаться на крайне поверхностномъ пониманіи историческаго процесса. Меньше всего такой причиной можетъ служить, въ обширной, централизованной странѣ, антагонизмъ двухъ городовъ. Болѣе чѣмъ сомнительна, притомъ, наличность у насъ въ Россіи, въ настоящее время, подобнаго антагонизма. Полтора столѣтія тому

назадъ торжество Москвы надъ Петербургомъ усилило бы, можетъ быть, шансы торжества до-Петровскихъ порядковъ—но теперь никакихъ серьезныхъ результатовъ отъ перенесенія столицы ожидать нельзя. Надежды, возлагаемыя на Москву газетными реакціонерами и обскурантами, совершенно тщетны. Глубокое духовное различіе между Москвой и Петербургомъ существуетъ только въ ихъ воображеніи. Жизнь создаетъ новые запросы, не пріурочивая ихъ къ географическимъ единицамъ—и не въ связи съ послѣдними находится устойчивость старины. Вездѣ чувствуется потребность движенія—и вездѣ она встрѣчаетъ противодѣйствіе въ инерціи и привычкѣ. Съ этой точки зрѣнія есть, конечно, разница между городомъ и деревней, да и между крупнымъ городомъ и мелкимъ; но Москва-то во всякомъ случаѣ давно перестала быть „большой деревней" и даже провинціальнымъ городомъ. Прежнія антитезы, излюбленныя авторами параллелей между Петербургомъ и Москвою, потеряли свою силу. Все, что волнуетъ и занимаетъ Петербургъ, отзывается и на Москвѣ—и наоборотъ. Рушились перегородки, за которыми, какъ за китайской стѣной, вели обособленную жизнь тѣ или другіе сословные уголки Москвы; нѣтъ больше ни специфически-московскаго барства, изображеннаго Грибоѣдовымъ, ни замоскворѣцкаго купечества, списаннаго съ натуры Островскимъ. На сцену выступили новыя силы, не пріуроченныя къ той или другой мѣстности. Какъ и прежнія, уцѣлѣвшія рядомъ съ ними, эти силы распредѣлены на поверхности Россіи неравномѣрно; но колоритъ каждой изъ нихъ и принадлежащая ей роль въ общемъ и главномъ одинаковы вездѣ. Качественное сходство преобладаетъ надъ количественными различіями. Вопросу о томъ, останется ли столицей Петербургъ или сдѣлается ею Москва, мы не придаемъ, поэтому, существеннаго значенія. Еще двадцать два года тому назадъ [1]), въ самый разгаръ агитаціи, поднятой И. С. Аксаковымъ, мы выразили убѣжденіе, что съ закрытіемъ „прорубленнаго окна" примириться легко, разъ что настежь раскрыты двери. Возражая противъ предложенія, сдѣланнаго „Русью" и поддержаннаго реакціонной печатью, мы уже тогда имѣли въ виду „не опасность предлагаемой мѣры, а безсиліе мысли, которое въ ней отразилось". Немного хорошаго намъ казалось возможнымъ „ожидать отъ тѣхъ совѣтниковъ, которые думаютъ устранить дисгармонію пересадкой съ мѣста на мѣсто". Дальше пріемовъ Крыловскаго „Квартета" московскіе музыканты не пошли, какъ видно, и въ настоящее время.

Не пугаясь при мысли о возможномъ, хотя и мало вѣроятномъ перенесеніи столицы въ Москву, мы не раздѣляемъ тѣхъ преувели-

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1881 г.

ченныхъ ожиданій собственно отъ Петербурга, которыя родились на почвѣ юбилейнаго настроенія. Мы не видимъ причины восклицать, вмѣстѣ съ г. Розановымъ („Новое Время", № 9768), что „Петербургъ—весь въ будущемъ", что это „городъ неизмѣримо болѣе осмысленный, вѣковѣчный, провиденціальный и небесный (!), нежели Москва"... Довольно и того, что у Петербурга есть свое прошедшее, что онъ сослужилъ, въ свое время, полезную и трудную службу. Дальнѣйшая судьба его, какъ столицы, неразрывно связана съ судьбой имперіи; а развитіе его, какъ города, зависитъ отъ того, что̀ предстоитъ пережить русскому самоуправленію. Двухсотлѣтній юбилей совпалъ, въ этомъ отношеніи, съ критической эпохой—критической для всѣхъ русскихъ общественныхъ учрежденій вообще и для петербургскаго городского общественнаго управленія въ особенности. Городская дума, на долю которой выпало подготовить и провести юбилейныя торжества, должна была, собственно говоря, сойти со сцены и уступить мѣсто другой еще полтора года тому назадъ; при новыхъ выборахъ измѣнился бы, безъ сомнѣнія, и весь составъ управы... Но будемъ надѣяться, что первый годъ третьяго столѣтія принесетъ съ собою для Петербурга новое, болѣе нормальное городское устройство, съ значительно увеличеннымъ числомъ избирателей, съ значительно бо̀льшею самостоятельностью—и что это устройство послужитъ первымъ шагомъ къ всеобщей городской реформѣ, неотложно необходимой.

Что органы самоуправленія, даже оставляющіе желать весьма многаго, даже пришедшіе въ временной упадокъ, сохраняютъ до извѣстной степени, способность оберегать ввѣренные имъ интересы, отстранять слишкомъ безцеремонныя посягательства на достояніе представляемой ими общественной единицы—новымъ доказательствомъ этому служитъ постановленіе с.-петербургской городской думы, состоявшееся за нѣсколько дней до 16-го мая. Вопреки мнѣнію управы, дума, по большинству голосовъ (37 противъ 25), отклонила ходатайство русскаго собранія (учрежденнаго, года два тому назадъ, по иниціативѣ гг. Сыромятникова, Величко, Комарова, кн. Голицына - Муравлина и др.) о безвозмездной уступкѣ, подъ постройку дома для собранія, участка городской земли. Можно только удивляться, какимъ образомъ подобное ходатайство могло возникнуть и даже найти поддержку въ городской управѣ. При той высокой цѣнности, которую имѣетъ теперь земля въ Петербургѣ, городскіе участки могутъ быть предоставляемы безвозмездно только такимъ учрежденіямъ, полезное значеніе которыхъ для городского населенія несомнѣнно доказано на опытѣ, если они, притомъ, не обладаютъ и не могутъ обладать средствами, достаточными для пріобрѣтенія земли путемъ покупки. Русское собраніе даже въ самой малой мѣрѣ не удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Его

многочисленные члены, образовавшіе, путемъ складчины, капиталъ для постройки дома, легко могутъ добыть такимъ же путемъ и средства для покупки земли. Что касается до дѣятельности собранія, то, не входя въ ея оцѣнку, достаточно замѣтить, что она выразилась до сихъ поръ исключительно въ устройствѣ, для членовъ собранія и ихъ гостей, литературныхъ чтеній и музыкальныхъ вечеровъ, едва ли дающихъ право на щедрую помощь города.

Говоря въ предъидущей „Общественной Хроникѣ" о кишиневскомъ погромѣ, мы упомянули о широко-распространенномъ мнѣніи, усматривающемъ одну изъ главныхъ причинъ погрома въ юдофобской агитаціи нѣсколькихъ газетъ, въ особенности „Бессарабца" (рука объ руку съ которымъ идетъ редактируемая тѣмъ же лицомъ петербургская газета „Знамя"). Это мнѣніе показалось намъ въ значительной степени преувеличеннымъ. „Непосредственнаго воздѣйствія на толпу" —замѣтили мы, развивая нашу мысль,—„печать, несомнѣнно, не производитъ и о такъ-называемой *моральной виновности* ея въ погромахъ, какъ и въ другихъ массовыхъ преступленіяхъ, не можетъ быть и рѣчи". Мы допускали только одно: что не безъ вліянія печати слагается умственная атмосфера, принадлежащая къ числу важнѣйшихъ факторовъ народной жизни. Вездѣ и всегда существуютъ зачатки нерасположенія къ *чужому*, питающіеся всѣмъ тѣмъ, что подчеркиваетъ національный или религіозный антагонизмъ. Съ этой точки зрѣнія, газетный антисемитизмъ могъ послужить однимъ изъ источниковъ *настроенія*, на почвѣ котораго возникаютъ погромы.

Съ выраженнымъ нами взглядомъ не соглашается газета „Восходъ" (№ 19), утверждая, что изъ числа газетъ, систематически враждебныхъ евреямъ, по меньшей мѣрѣ одна—„Бессарабецъ"—имѣла „непосредственное воздѣйствіе" на толпу. „Бессарабецъ"—единственное періодическое изданіе, выходящее въ Кишиневѣ: онъ выписывался въ харчевняхъ, чайныхъ, народныхъ читальняхъ, и имѣлъ распространеніе среди того класса, который въ столицахъ читаетъ изданія мелкой, такъ-называемой уличной прессы. Но если непосредственное воздѣйствіе газеты на толпу и не было значительно, то это, по мнѣнію „Восхода", отнюдь не исключаетъ ея моральной виновности. Развращающему вліянію „Бессарабца" подчиняются мало-культурная буржуазія и мелкое провинціальное чиновничество—а ихъ настроеніе передается ниже, въ народную массу. Въ своемъ ограниченномъ районѣ „Бессарабецъ" доводилъ до крайностей и до каррикатурныхъ преувеличеній тѣ способы безчестнаго обращенія съ печатнымъ словомъ, которые съ давнихъ временъ культивировались въ нашей реак-

ціонной печати и были въ новѣйшее время усовершенствованы до цинизма въ „Новомъ Времени“.

Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація „Восхода“. Пока идетъ рѣчь объ осужденіи пріемовъ и тенденцій юдофобской печати, до тѣхъ поръ между нами и почтенной газетой нѣтъ разногласія: наше отношеніе къ травлѣ иновѣрцевъ и инородцевъ, къ узкому націонализму и конфессіонализму, хорошо извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы“. Спорнымъ пунктомъ является только вопросъ о „моральной виновности“ печати, о „непосредственномъ воздѣйствіи“ мнѣній, проводимыхъ въ газетахъ и журналахъ. Установимъ, прежде всего, истинный смыслъ выраженія: *моральная виновность*, не случайно, въ прошлый разъ, поставленнаго нами въ кавычки. Употребляя его, мы вспомнили пресловутую „complicité morale“ (моральное сообщничество), которую французская прокуратура, въ эпоху политическихъ процессовъ, столь частыхъ при Людовикѣ-Филиппѣ, изобрѣла съ цѣлью обостренія отвѣтственности оппозиціонныхъ органовъ печати. Обвинительному усердію казалось мало подвести ту или другую газетную статью подъ дѣйствіе закона, предусматривающаго тотъ или другой проступокъ печати. Являлось желаніе доказать, что слово, при извѣстныхъ условіяхъ, равносильно дѣйствію, запрещенному общимъ уголовнымъ законодательствомъ, и одинаково съ нимъ должно подвергать виновнаго общей уголовной карѣ. И эта теорія примѣнялась не только къ тѣмъ случаямъ, когда былъ на лицо прямой призывъ, путемъ печати, къ совершенію опредѣленнаго преступленія (призывъ, могущій считаться однимъ изъ видовъ подстрекательства): она распространялась на возбужденіе *настроенія*, отъ котораго уже недалеко до преступнаго замысла. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо подобный взглядъ опасенъ именно у насъ. Почва для его воспріятія давно уже подготовлена нашими газетными реакціонерами — а примѣненіе его до крайности упрощено тѣмъ, что печать подчинена у насъ не суду, а административной власти. Суду, даже не чуждому пристрастія, не легко перешагнуть черезъ мостъ, ведущій отъ моральной виновности къ юридической; для администраціи это не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Кто дорожитъ правами печати, кто опасается усиленія гнета, безъ того уже тяготѣющаго надъ нею въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, тотъ обязанъ, по нашему глубокому убѣжденію, противодѣйствовать укорененію взгляда, безъ того уже находящаго слишкомъ много точекъ опоры на русской почвѣ. Мы охотно вѣримъ, что ни „Восходъ“, ни какая бы то ни было другая изъ газетъ, въ данномъ случаѣ съ нимъ солидарныхъ, не имѣли въ виду апеллировать къ власти, не желали административныхъ каръ для „Бессарабца“ или какого-либо другого періодическаго изданія; мы вѣримъ, что ихъ единственною

цѣлью было заклеймить презрѣніемъ, вполнѣ заслуженнымъ, систематическихъ сѣятелей дурного, злобнаго чувства. Этимъ не устраняется, однако, возможность перетолкованій. Если печать — такъ, пожалуй, станутъ разсуждать газетные обскуранты,—способна, въ одномъ случаѣ, произвести непосредственное воздѣйствіе на толпу, если дѣятели печати могутъ, въ одномъ случаѣ, оказаться „моральными виновниками" преступленія, то не ясно ли, что то же самое примѣнимо и къ цѣлому ряду другихъ случаевъ? Не ясно ли, что столь зловредная сила подлежитъ не только бдительнѣйшему надзору, но и самому крутому обузданію? Не ясно ли, что никуда не годится одинъ изъ главныхъ доводовъ, приводимыхъ обыкновенно въ защиту свободы печати—доводъ, въ силу котораго она только *выражаетъ*, а не *возбуждаетъ* общественныя теченія?.. Мы понимаемъ, что въ единовѣрцахъ кишиневскихъ жертвъ негодованіе взяло верхъ надъ всѣми другими соображеніями; но, раздѣляя ихъ гнѣвную скорбь, мы не могли ни на минуту забыть о томъ, чего требуетъ отъ печати охрана, въ настоящемъ и будущемъ, ея собственной свободы... Не слѣдуетъ, съ другой стороны, упускать изъ виду, что черезчуръ усердное подчеркиванье отвѣтственности, падающей на юдофобскую печать, отодвигаетъ на задній планъ другія, болѣе глубокія причины прискорбныхъ явленій. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ газетный антисемитизмъ находился еще въ зачаточномъ состояніи—и тѣмъ не менѣе это была эпоха усиленныхъ, много разъ повторявшихся еврейскихъ погромовъ.

До крайности некрасивую картину представляетъ собою отношеніе нѣкоторыхъ органовъ нашей печати къ отголоскамъ кишиневскихъ событій. Не говоримъ уже о безобразныхъ выходкахъ „Бессарабца", возлагающаго всю отвѣтственность за погромъ на самихъ евреевъ и предлагающаго радикальный способъ разрѣшенія еврейскаго вопроса: удаленіе изъ Россіи всѣхъ евреевъ, которые въ теченіе *одного года* (!) не обратятся въ христіанство. Слишкомъ уже низменнымъ, слишкомъ мало вліятельнымъ является этотъ источникъ нелѣпыхъ обвиненій и еще болѣе нелѣпыхъ предложеній: свое опроверженіе они носятъ, если можно такъ выразиться, въ самихъ себѣ. Слишкомъ ясна и несостоятельность попытки доказать достовѣрность сообщеній „Бессарабца"... его подцензурностью. Эту попытку дѣлаетъ „Новое Время", „утверждая", что въ статьѣ „Бессарабца" „*очевидно* не можетъ быть *очевидной* неправды", такъ какъ она вышла въ свѣтъ съ дозволенія мѣстной газетной администраціи. Повѣрять фактическую точность извѣстій, предназначаемыхъ для печати, цензура вовсе не обязана, да и не имѣетъ для того никакихъ средствъ. Вполнѣ возможно, притомъ, и пристрастіе со стороны цензирующей власти, въ особенности если обвиненіе, всею тяжестью своею обрушивающееся на неполно-

правную часть населенія, является, до извѣстной степени, оправданіемъ административныхъ дѣйствій—или административнаго бездѣйствія... Болѣе чѣмъ странно, далѣе, удивленіе, выражаемое той же газетой по поводу намѣренія потерпѣвшихъ предъявить иски къ должностнымъ лицамъ, которымъ приписывается допущеніе погрома. Сообщая, „*будто* нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ съ русской фамиліей *даже*, прибыли съ этою цѣлью въ Кишиневъ, „Новое Время" находитъ, повидимому, что о такихъ искахъ не должно быть и рѣчи и что во всякомъ случаѣ за нихъ не слѣдуетъ браться *русскимъ* по происхожденію адвокатамъ. Мы думаемъ, наоборотъ, что со стороны разоренныхъ погромомъ вполнѣ естественно желаніе привлечь къ отвѣтственности тѣхъ, кого они считаютъ косвенными виновниками своего разоренія—и что въ достиженіи, законными способами, законной цѣли имъ можетъ, съ спокойною совѣстью, помочь всякій, для кого дорого правосудіе. Подобно тому, какъ администрація должна охранять безопасность *всѣхъ* гражданъ, независимо отъ ихъ національности и вѣры,—присяжный повѣренный въ правѣ оказать поддержку *справедливымъ* требованіямъ, отъ кого бы они ни исходили и къ кому бы ни обращались.

Какихъ блестящихъ результатовъ, въ дѣлѣ охраненія порядка, можетъ достигнуть разумная энергія, даже при самыхъ небольшихъ средствахъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Киліи (бессарабской губерніи), помѣщенная въ № 116 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Подъ вліяніемъ вѣстей изъ Кишинева, часть христіанскаго населенія Киліи (въ числѣ 13 тысячъ жителей этого города насчитывается 5 тысячъ евреевъ) стала поговаривать о необходимости „немножко избить евреевъ". Этому рѣшился помѣшать мѣстный становой приставъ, г. Вржежевскій, хотя въ распоряженіи его имѣлось всего 12 конныхъ городовыхъ. Вечеромъ 14-го апрѣля толпа старообрядцевъ двинулась изъ предмѣстья въ городъ, имѣя во главѣ содержателя кабака. Предводитель толпы кричалъ: „жиды мое дитя задушили". На встрѣчу толпѣ прискакалъ приставъ, съ своимъ отрядомъ, и убѣдилъ ее войти въ ближайшій домъ и разсказать, въ чемъ дѣло. Кабатчикъ показалъ приставу трупъ своей трехлѣтней дочери. Внимательно осмотрѣвъ трупъ, г. Вржежевскій не нашелъ никакихъ признаковъ насилія и заявилъ, что для точнаго опредѣленія причины смерти трупъ будетъ вскрытъ врачомъ; противъ этого возстала толпа, грозя, въ случаѣ вскрытія, разгромомъ всѣхъ евреевъ. Приставъ вынужденъ былъ уступить. Въ похоронной процессіи, состоявшейся на другой день, участвовало все населеніе предмѣстья (числомъ болѣе тысячи душъ), произнося угрожающіе возгласы противъ евреевъ. Усиліямъ г. Вржежевскаго, къ 12 городовымъ котораго

присоединилось еще 8 солдатъ, удалось, однако, поддержать порядокъ. Въ теченіе слѣдующей ночи въ предмѣстьѣ долго горѣли огни, сдѣлана была попытка звонить въ набатъ; евреи массами искали убѣжища въ домахъ христіанъ. Убѣдясь, что г. Вржежевскій и его команда бодрствуютъ и готовы воспротивиться насилію, жители предмѣстья наконецъ успокоились. 16-го апрѣля по городу постоянно двигались разъѣзды, и 17-го все вошло въ обычную колею. Замѣчается только большая неувѣренность въ будущемъ. Не пострадалъ, такимъ образомъ, никто, ни съ той, ни съ другой стороны. Трудно сомнѣваться въ томъ, что столь же успѣшно, своевременными, мирными распоряженіями, опасность могла быть устранена и въ Кишиневѣ.

„Свобода печати не значитъ ли отрѣшенность газеты отъ предначертаній правительства и неподчиненіе ея министерскимъ внушеніямъ, диктуемымъ государственною необходимостью и общественной безопасностью?“ Эти слова, сказанныя довольно извѣстнымъ беллетристомъ въ мало распространенномъ періодическомъ изданіи („Ежемѣсячныя Сочиненія“), попались намъ на глаза въ письмѣ [1]), въ которомъ ихъ авторъ старается разсѣять недоумѣнія, вызванныя ими среди „братьевъ-писателей“. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на то, что имѣлъ въ виду только періодическую печать, а отнюдь не литературу, которая „всегда была абсолютно свободна“, даже при императорѣ Николаѣ I-мъ. Періодическая печать — читамъ мы дальше—„состоитъ, по самой сущности своей, на государственной и общественной службѣ, и освободить ее отъ этой службы—значитъ уничтожить печать. То, что понимаетъ печать подъ свободою печати, есть только литературная свобода. Въ интересахъ же печати, напротивъ, лежитъ возможно бо̀льшій захватъ службы на государственномъ и общественномъ поприщѣ: отсюда гласность. Въ то время, какъ литература свободна и не обязана быть обличительной, печать должна носить боевой характеръ. При отсутствіи представительства повседневная политическая печать замѣняетъ у насъ представительство... Конечно, печать несетъ службу пока въ слабой степени. Расширеніе функцій печати въ этомъ направленіи всецѣло зависитъ отъ правительства. Итакъ, то, что я не называю свободой печати, но что, можетъ быть, свободой печати кажется другимъ — ея служебная миссія—тѣсно связана съ предначертаніями правительства, которое я разсматриваю не подъ какимъ-нибудь злободневнымъ угломъ зрѣнія,

---

[1]) См. № 114 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

а объективно, какъ разсматриваетъ его юридическая наука, и, слѣдовательно, въ идеальномъ освѣщеніи".

Какой смыслъ имѣли слова, послужившія поводомъ къ нареканіямъ противъ автора—этого мы рѣшить не беремся, такъ какъ не имѣемъ подъ рукой изданія, гдѣ они были сказаны. Мы коснемся, поэтому, только тѣхъ взглядовъ, которые выражены въ выше приведенномъ письмѣ. Теоретически ошибочной и практически опасной кажется намъ, прежде всего, попытка провести демаркаціонную черту между свободой литературы и свободой періодической печати. Какъ составная часть литературы, періодическая печать подчиняется одинаковымъ съ нею вліяніямъ и условіямъ, лишь нѣсколько больше испытывая на себѣ ихъ тяжесть. Когда несвободна періодическая печать, не бываютъ свободны и другіе отдѣлы литературы. *Абсолютно свободной* послѣдняя не можетъ быть названа, собственно говоря, нигдѣ—и меньше всего, конечно, этотъ эпитетъ приложимъ къ русской литературѣ второй четверти XIX-го вѣка. Кому неизвѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не допускалось новое изданіе не только „Записокъ Охотника", но даже сочиненій Гоголя? Кому неизвѣстно, что не только на сценѣ, но и въ печати „Горе отъ ума" долго могло появляться не иначе, какъ въ значительно искаженномъ видѣ? Кому неизвѣстно, что причиной ссылки Салтыкова послужила повѣсть, которая не перестала же принадлежать къ литературѣ только потому, что была напечатана въ журналѣ? Если подъ флагомъ беллетристики могли иногда высказываться мысли, для которыхъ была безусловно недоступна публицистическая форма, то это объясняется исключительно тѣмъ, что въ романѣ или повѣсти онѣ легче могли ускользнуть отъ стойкаго надзора. Когда цензурныя строгости, въ концѣ сороковыхъ годовъ, достигли своего апогея, онѣ отразились и на изящной литературѣ; достаточно вспомнить, что въ это время заподозрѣна была даже благонамѣренность Островскаго. Да и впослѣдствіи, при гораздо лучшихъ условіяхъ, развѣ не было случаевъ запрещенія или уничтоженія беллетристическихъ произведеній? Развѣ противъ одной періодической печати былъ направленъ законъ 1872-го года, замѣнившій, для журналовъ и *книгъ*, судебное разбирательство—административной расправой? Развѣ судьбу беллетристики, въ этомъ отношеніи, не раздѣляла и не раздѣляетъ *наука*? И развѣ не было аналогичныхъ явленій въ исторіи другихъ государствъ, когда они не пользовались свободой печати или пользовались ею въ ограниченной мѣрѣ? Развѣ Беранже, при Карлѣ X-мъ, не сидѣлъ въ тюрьмѣ за свои пѣсни; развѣ Прудонъ и Ваперо̀, въ эпоху второй имперіи, не были присуждены къ лишенію свободы за обширные философскіе трактаты?.. Свобода печати, понимаемая въ ши-

рокомъ смыслѣ — синонимъ свободы литературы, свободы науки, свободы *слова*.

Литература, говорятъ намъ, *не обязана* быть *обличительной*. Конечно—но не обязана быть обличительной и періодическая печать: она можетъ задаваться и другими, самыми разнообразными цѣлями—и наоборотъ, *боевой характеръ* можетъ носить, наравнѣ съ періодической печатью и литература. Допустимъ, однако, что этотъ характеръ преимущественно свойственъ періодической печати; слѣдуетъ ли отсюда, что она „состоитъ на государственной службѣ", что ея „служебная миссія тѣсно связана съ предначертаніями правительства"? Не смѣшивается ли здѣсь понятіе о *службѣ*, неизбѣжно предполагающее нѣкоторую связанность и подчиненность, съ понятіемъ о *служеніи* высшимъ цѣлямъ государства—служеніи, къ которому печать призвана наравнѣ со всѣми живыми силами общества и народа? Такое служеніе можетъ быть плодотворно именно и только въ той мѣрѣ, въ какой оно свободно. Только свободой обезпечивается его искренность, а слѣдовательно и его сила. Задачи печати не только не совпадаютъ съ служебнымъ долгомъ: онѣ во многомъ ему противоположны. Служебный долгъ требуетъ повиновенія, хотя бы предписаніе и шло въ разрѣзъ съ убѣжденіемъ служащаго; для печати, достойной своего призванія, обязательно только собственное убѣжденіе, хотя бы оно и шло въ разрѣзъ съ намѣреніями администраціи. Только независимая печать можетъ оказаться на высотѣ своего *служенія*, только она, во многихъ случаяхъ, можетъ пролить свѣтъ на всѣ стороны вопроса, предупредить ошибку или проложить путь къ ея исправленію. „Возможно бо̀льшій захватъ службы на государственномъ поприщѣ", если онъ не идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ свободы, грозитъ измельчаніемъ задачъ, паденіемъ достоинства печати... Насколько печать замѣняетъ и можетъ замѣнять отсутствующее у насъ представительство—этого вопроса мы касаться не будемъ; замѣтимъ только, что чѣмъ меньше точекъ опоры печать находитъ въ учрежденіяхъ, тѣмъ ревнивѣе она должна оберегать свою нравственную независимость, съ которою едва ли совмѣстимо отправленіе *службы*.

„Нѣтъ, недовольны мы сенатомъ",—таковъ, уже довольно давно, обычный припѣвъ реакціонной печати. Не одобрила она отношенія сената къ реприманду, сдѣланному чернскимъ уѣзднымъ предводителемъ одному изъ земскихъ начальниковъ этого уѣзда [1]), не одобрила

[1]) См. „Обществ. Хронику" въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1902 г.

рѣшенія по иску Давингофа къ с.-петербургскому градоначальнику [1]); не одобряетъ она теперь опредѣленія, состоявшагося по жалобѣ харьковскаго губернскаго земства на бывшаго харьковскаго губернатора. Содержаніе этой жалобы извѣстно нашимъ читателямъ [2]). Въ рѣчи, произнесенной при открытіи послѣдняго очередного губернскаго собранія, бывшій губернаторъ, подчеркнувъ разные недочеты земскаго хозяйства, выразился, между прочимъ, такъ: „я знаю много земствъ, но такихъ земскихъ учрежденій, какъ у васъ, я не видалъ". Обсудивъ, по порученію собранія, эти слова, соединенныя коммиссіи редакціонная и ревизіонная, къ которымъ примкнули и предсѣдатели земскихъ управъ, нашли, что ни по буквѣ, ни по духу законовъ губернатору не предоставлено права высказывать огульное, въ оскорбительной формѣ, осужденіе дѣятельности земства. Заключеніе коммиссіи было принято собраніемъ и послужило основой для жалобы, принесенной отъ его имени правительствующему сенату. Теперь мы узнаемъ изъ „Гражданина" (№ 34), что сенатъ, оставивъ безъ послѣдствій ходатайство земства о привлеченіи губернатора къ отвѣтственности, тѣмъ не менѣе призналъ дѣйствіе губернатора неправильнымъ. „Такимъ образомъ"—восклицаетъ, негодуя, кн. Мещерскій,—„установляется новый принципъ: отнынѣ губернаторъ лишается права высказывать свое порицаніе земскимъ дѣйствіямъ, явно предосудительнымъ и причиняющимъ вредъ населенію губерніи, иначе, какъ любезно". Усматривая въ опредѣленіи сената не что иное, какъ „личную оцѣнку большинствомъ сенаторовъ даннаго присутствія степени рѣзкости губернаторскаго стиля", авторъ „Дневника" продолжаетъ: „еслибы губернаторъ позволилъ себѣ, подобно героямъ одной комедіи Островскаго, сказать: пошли вонъ, дураки! – я бы понялъ вопросъ объ отвѣтственности губернатора, но чтобы неправильнымъ было дѣйствіе губернатора, когда онъ безобразіе земства назвалъ безобразіемъ, этого я понять не могу. Еслибы безобразными позволилъ себѣ назвать губернаторъ дѣйствія высшаго государственнаго учрежденія, понятна была бы за это отвѣтственность губернатора; но относительно земства губернаторъ не можетъ быть лишенъ права всякаго начальника—порицать его дѣйствіе въ разныхъ степеняхъ: слабо, сильно и очень сильно, ибо земство не можетъ не быть въ дисциплинарномъ отношеніи подчинено губернатору. Вѣдь каждый день министръ можетъ сказать директору департамента, что дѣйствіе департамента безобразно, и не думаю, чтобы сенатъ нашелъ это слово министра неправильнымъ". Достойнымъ финаломъ этого разсужденія

---

[1]) См. „Обществ. Хронику" въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

[2]) См. „Внутр. Обозр." въ № 2 „Вѣстника Европы" за текущій годъ, стр. 905—6.

служитъ привычное „Гражданину“ „чтеніе въ сердцахъ“, съ помощью котораго жалоба харьковскаго земства провозглашается „шиканой“ и попыткой „уронить губернаторскій престижъ“.

Въ этомъ новомъ походѣ противъ сената, какъ и въ прежнихъ, одинаково характерны невѣжество нападающаго и, выражаясь вѣжливо, невысокій нравственный уровень его воззрѣній. Только невѣжествомъ, въ самомъ дѣлѣ, можно объяснить увѣреніе, что губернаторъ—начальникъ земства, „подчиненнаго ему въ дисциплинарномъ отношеніи“. Припомнимъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о *земской управѣ*, личный составъ которой хотя и не состоитъ въ прямомъ подчиненіи губернатору, но до извѣстной степени отъ него іерархически зависитъ,—а о *земскомъ собраніи*, члены котораго администраціей не утверждаются, на государственной службѣ, въ качествѣ гласныхъ, не числятся и дисциплинарной отвѣтственности вовсе не подлежатъ. Никакихъ предписаній губернаторъ собранію давать не можетъ, никакихъ его постановленій собственною властью отмѣнить не въ правѣ; даже тѣ постановленія, которыя требуютъ, по закону, утвержденія губернатора, вносятся имъ, если онъ съ ними несогласенъ, на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, отъ котораго (или, при разногласіи между большинствомъ присутствія и губернаторомъ—отъ министра внутреннихъ дѣлъ) и зависитъ рѣшеніе дѣла. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ между губернаторомъ и земскимъ собраніемъ первый не въ правѣ выражать послѣднему порицанія, ни въ сильной, ни въ слабой степени, а можетъ только указывать ему, въ сдержанныхъ выраженіяхъ, на тѣ отрасли земскаго хозяйства, которыя требуютъ развитія, улучшенія или исправленія. Совершенно правильно, поэтому, харьковское губернское земское собраніе подчеркнуло, въ своей жалобѣ, съ одной стороны рѣзкость, оскорбительность формы, въ которую было облечено осужденіе земской дѣятельности, съ другой — *огульность* самаго осужденія, отсутствіе указаній на опредѣленные недостатки, устраненіемъ которыхъ могло бы озаботиться земство.

Степень тяжести оскорбленія зависитъ, какъ извѣстно, не только отъ его формы, но и отъ того, кому и при какихъ условіяхъ оно нанесено. „Гражданину“ не возбранено находить, что обидно только грубое ругательство („пошли вонъ, дураки“!) — по такой взглядъ не обязателенъ для тѣхъ, кто выше цѣнитъ и ревностнѣе охраняетъ свое личное достоинство. Большое значеніе имѣетъ, притомъ, торжественность и гласность обстановки, при которой были произнесены оскорбительныя слова. Меньше чѣмъ когда-либо низведеніе даннаго земства на низшую ступень среди знакомыхъ губернатору земскихъ учрежденій было умѣстно въ публичной рѣчи при открытіи земскаго

собранія. Что слова губернатора не заключали въ себѣ обиды въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ уложеніе о наказаніяхъ—это установлено сенатомъ, именно потому и отклонившимъ просьбу о привлеченіи губернатора къ уголовной отвѣтственности; но дѣяніе *не наказуемое* сплошь и рядомъ можетъ быть *неправильнымъ*, недопустимымъ въ особенности со стороны должностного лица, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Правительствующій сенатъ, какъ верхновное въ порядкѣ суда и *управленія* мѣсто имперіи, уполномоченъ разъяснять всѣмъ подчиненнымъ ему учрежденіямъ и лицамъ сущность предоставленныхъ имъ правъ и лежащихъ на нихъ обязанностей—а, слѣдовательно, и ставить имъ на видъ, чего они должны избѣгать, въ какихъ предѣлахъ должны держаться. Мы рѣшаемся утверждать, что еслибы министръ, публично, въ рѣчи, обращенной къ директору департамента, назвалъ *безобразною* всю дѣятельность департамента, то сенатъ не затруднился бы признать неправильность и нежелательность такого способа выраженій... Для „престижа" администраціи гораздо опаснѣе никѣмъ не останавливаемая несдержанность, чѣмъ напоминаніе о необходимости осторожнаго пользованія властью —осторожнаго не только въ дѣйствіи, но и въ словѣ.

Русская литература понесла большую потерю въ лицѣ К. М. Станюковича. Его здоровье давно уже было поколеблено постояннымъ трудомъ и тяжкими невзгодами, но онъ не переставалъ писать, и нѣкоторыя изъ послѣднихъ его произведеній (появлявшихся, бо́льшею частью, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ") отличались по истинѣ юношескою свѣжестью и бодростью. Широкой публикѣ онъ извѣстенъ въ особенности какъ авторъ „Морскихъ разсказовъ" [1]), художественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правдивыхъ, дающихъ блестящую, полную картину морского быта въ эпоху перехода отъ старыхъ, до-реформенныхъ порядковъ къ новымъ, болѣе гуманнымъ. Эту эпоху авторъ пережилъ самъ, служа морскимъ офицеромъ — и внесъ въ ея изображеніе всѣ лучшія силы своего таланта. Многіе изъ его морскихъ разсказовъ соединяютъ высокія литературныя достоинства съ доступностью для народа—и бывшій петербургскій комитетъ грамотности былъ совершенно правъ, присудивъ К. М. Станюковичу, вслѣдъ за В. Г. Короленко, золотую медаль, которою награждались лучшія произведенія для народнаго чтенія. Большимъ успѣхомъ пользовались, въ свое время, и другія сочиненія К. М.—тенденціозные романы, фельетоны,

[1]) Изъ числа этихъ разсказовъ въ нашемъ журналѣ напечатаны „Василій Ивановичъ" (1886 г., №№ 10 и 11) и „Мрачный штурманъ" (1889, № 8); сверхъ того у насъ помѣщена повѣсть К. М. Станюковича: „Первые шаги" (1891, №№ 1—4).

сатирическіе очерки. Теперь они почти забыты, но далеко не излишнимъ было бы воспроизведеніе всего того, что̀ въ нихъ есть выдающагося, не пріуроченнаго всецѣло къ „злобѣ дня". Чрезвычайно интересна была бы также подробная біографія покойнаго, много испытавшаго, много претерпѣвшаго—и всегда остававшагося вѣрнымъ тому строю чувствъ и убѣжденій, который сложился въ немъ въ ранней молодости, въ первую, счастливую половину шестидесятыхъ годовъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) *въ геліогравюрахъ (на мѣди)*: картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я и 4-я серія по 20 писемъ вышли;

2) *въ двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлереи, по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, и 3-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества".

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступныхъ для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія, большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою геліогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлереи, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего—школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Фонтанка 134; за пересылку взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются безплатно.

II.—Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Васильчикова.

На основаніи §§ 11 и 13 Положенія о преміяхъ имени кн. А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что для шестого конкурса на премію кн. А. И. Васильчикова въ 1500 р. предлагается на срокъ 27-го октября 1906 г. нижеслѣдующая тема:

Судьбы общиннаго землевладѣнія со времени отмѣны крѣпостного права.

Предлагая эту тему для соисканія преміи князя А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ руководится убѣжденіемъ, что формы крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія имѣютъ громадное вліяніе на бытъ и благосостояніе крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе кредита и тѣхъ кооперативныхъ учрежденій, заботиться о преуспѣяніи которыхъ составляетъ задачу Отдѣленія.

Нижеизложенными условіями отъ соискателей требуется не изслѣдованіе вопроса о происхожденіи русской сельской общины и о первоначальныхъ судьбахъ ея, не изученіе всѣхъ видовъ общиннаго владѣнія и пользованія землей, а лишь выясненіе обнаружившихся за послѣднія четыре десятилѣтія его выгодъ и невыгодъ для общинниковъ и для государства.

Сообразно съ этимъ будущій трудъ на тему долженъ заключать въ себѣ:

1. Обзоръ высказанныхъ до реформы 1861 года мнѣній за и противъ земельной общины съ точки зрѣнія выгодности ея для крестьянскаго и государственнаго благосостоянія, а также—выясненіе, какъ былъ поставленъ и рѣшенъ вопросъ объ общинѣ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ и въ Положеніи 19 февраля 1861 года.

2. Изслѣдованіе: а) существеннѣйшихъ измѣненій въ законодательствѣ объ общинѣ и вліянія на нее этихъ измѣненій; б) степени жизненности общины, въ сравненіи съ другими формами землевладѣнія, при неблагопріятныхъ условіяхъ, особенно въ годы неурожаевъ и иныхъ общественныхъ бѣдствій и в) вліянія развитія желѣзнодорожной сѣти, крупной обрабатывающей промышленности и отхожихъ промысловъ на земельную общину въ мѣстностяхъ: черноземныхъ, и нечерноземныхъ, рѣдко и густо-населенныхъ.

3. Выясненіе вліянія Положенія о выкупѣ и особенно размѣра выкупныхъ платежей и прочихъ повинностей на общину.

4. Отвѣтъ на вопросъ: находятся ли въ неразрывной связи съ общинной формой землевладѣнія круговая порука въ исправной уплатѣ окладныхъ сборовъ и отбываніи повинностей, а также стѣсненія въ свободѣ передвиженія?

5. Выясненіе: а) выгодъ и неудобствъ общиннаго землевладѣнія въ настоящемъ его видѣ, въ сравненіи съ подворно-наслѣдственнымъ и хуторскимъ при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, б) средствъ къ устраненію неудобствъ, а также в) условій, при которыхъ общинное землевладѣніе можетъ приносить наибольшую пользу и общинникамъ, и всему государству.

Примѣчаніе. Желательно, чтобы выводы и заключенія по вопросамъ, поименованнымъ въ § 5, были сдѣланы на основаніи мѣстнаго изслѣдованія нѣсколькихъ земельныхъ общинъ, преимущественно въ густонаселенныхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной Россіи.

6. Отвѣтъ на вопросъ: совмѣстимы ли желательные успѣхи сельскаго хозяйства съ существованіемъ земельной общины? Можетъ ли Россія при господствѣ общинной формы землевладѣнія соперничать въ прогрессѣ благосостоянія съ другими культурными государствами?

7. Отвѣтъ на вопросъ: возможенъ ли, и при какихъ условіяхъ, переходъ отъ общиннаго землепользованія, въ нынѣшнемъ его видѣ, къ кооперативному земледѣлію?

Сочиненія на вышеозначенную тему для соисканія преміи въ 1.500 р. должны быть представлены въ С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ *не позже 1-го мая 1906 г.* Рукописи обозначаются особымъ девизомъ; имя же автора и его мѣстожительство должны быть сообщены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ. Рукописное сочиненіе, удостоенное преміи, будетъ напечатано на средства Отдѣленія.

ОПЕЧАТКИ.

Въ майской книгѣ просятъ исправить:

	Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
На стр. 13, сн. 9 строч.	магистерство	магистрантство
„ 26 св. 19 „	дидактикѣ	догматикѣ

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май. — Іюнь. 1903.

Книга пятая. — Май.

стр.

Духовно-учебныя заведенія и ихъ современное состояніе. — I-XIV. — Н. РЯЗАНЦЕВА 5

На развалинахъ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: IX-XVIII.—Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО 40

Турція и Македонія. — Историческій очеркъ. — VI-IX. — Окончаніе. — Х. Г. ИНСАРОВА. 102

Звуки старины далекой.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 134

Вѣсти о Китаѣ.—I. Проектъ китайскихъ реформъ. — II. Средства къ вытѣсненію иностранцевъ изъ Китая.—П. С. ПОПОВА 137

На новомъ мѣстѣ.—Разсказъ.—I-IV.—П. ХОТЫМСКАГО 156

Моя жизнь и академическая дѣятельность. — 1832-1884 г.—X-XI.—А. В. РОМАНОВИЧА-СЛАВАТИНСКАГО 181

Стихотвореніе.—Нева.—* * *—Л. КОЛОГРИВОВОЙ. 206

Уроженецъ Виргиніи.—Романъ.—The Virginian, by Owen Wister.—XIII-XXV.—Съ англ. П—НЫ С—ВОЙ 208

Изъ пѣсенъ Беранже. — I. Дурная примѣта. — II. Перевоплощеніе. — Перев. В. УМАНОВА-КАПЛУНОВСКАГО. 269

Екатерина II и Монтескьё.—А. Н. ПЫПИНА 272

Стихотвореніе.—Ясные дни.—О. П. 301

Хроника.—Община и „выдѣлъ".—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА. 302

Внутреннее Обозрѣніе. — Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта.— Новое уголовное уложеніе.—Его исторія. — Дѣленіе преступныхъ дѣяній.—Система наказаній.— Досрочное освобожденіе. — Зачетъ предварительнаго ареста. — Тюрьма и работный домъ. — Одиночное заключеніе. — Лишеніе и возстановленіе правъ.—Смягченіе и замѣна наказаній.—Законъ 12 марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ 315

Главныя основанія законопроектовъ о средней школѣ.—М. СТ. 331

Иностранное Обозрѣніе.—Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ.—Оффиціальныя донесенія и телеграммы. — Убійство русскаго консула въ Митровицѣ.— Политика великихъ державъ и вопросъ о турецкихъ реформахъ. — Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати.—Багдадская желѣзная дорога и патріотическія заботы „Новаго Времени". — Внутреннія дѣла во Франціи 339

На Дальнемъ Востокѣ.—Письмо изъ Пекина.—В. В. КОРСАКОВА 352

Литературное Обозрѣніе. — I. Великій Князь Николай Михайловичъ, Графъ Павелъ Строгановъ.—**А. П.**—II. П. А. Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.—III. Проблемы идеализма, сборникъ статей, п. р. П. И. Новгородцева.—IV. Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынскій), Н. Г. Молоствова. — **Евг. Л.** — V. Дебидуръ, Политическая исторія XIX-го вѣка, т. I: Священный союзъ. —**Н. Карѣева.**—VI. С. К. Говоровъ, Брачный вопросъ въ быту учащихъ начальной школы.—**М. М.**—Новыя книги и брошюры. . . . 364

Новости Иностранной Литературы.—I. Otto Ernst, Die Gerechtigkeit, Komödie in 5 Akten.—II. Henri de Regnier, Mariage de Minuit.—**З. В.** . . . 390

Изъ Общественной Хроники.—Націонализмъ „первобытный" и „просвѣщенный". —Газетная инквизиція.— Обвиненія, граничащія съ клеветою.—Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ. — Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ. — Народныя чтенія въ Н.-Новгородѣ. — Земская медицина и земская статистика 403

Извѣщенія. — Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональному образованію въ Россіи 415

Библіографическій Листокъ.

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

На развалинахъ.—Романъ.—Часть II: XIX-XXVIII.—Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО. 425
Тайга и ея обитатели.—I-IV.—П. И. СОКОЛОВА. 477
Моя жизнь и академическая дѣятельность. — 1832-1884 г.—XII.—Окончаніе.—А. В. РОМАНОВИЧА-СЛАВАТИНСКАГО. 499
Владиміръ Раевскій и его время.—Біографическій очеркъ.—I-V.—П. Е. ЩЕГОЛЕВА. 509
На новомѣ мѣстѣ.—Разсказъ.—Окончаніе.—П. ХОТЫМСКАГО. 562
„Народные университеты" въ Италіи.—I-III.—ФРАНЧ. ПАРЭСЧЕ. 590
Три стихотворенія.—I. Высохшій ручей. II. Въ зеленомъ морѣ. III. Первая молнія.—О. МИХАЙЛОВОЙ. 614
Уроженецъ Виргиніи. — Романъ. — The Virginian, by Owen Wister.—XXVI-XXXVI.—Окончаніе.—Съ англ. П—НЫ С—ВОЙ 616
На высотахъ Кавказа.—Путевыя замѣтки и наблюденія.—I.—И. П. БѢЛОКОНСКАГО. 677
Послѣдній вѣнокъ.—I-III.—Стих. М. ФИЛИПСКАГО. 697
Профессіональное образованіе для крестьянъ.—Н. КАТАЕВА. 700
Хроника.—Экономическая полемика.—Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ.—В. В. 719
Внутреннее Обозрѣніе.—Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.—Порядокъ утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ.—Общее значеніе реформы.—Новое уголовное уложеніе: постановленія о вмѣняемости и вмѣненіи, о видахъ виновности, о давности, о религіозныхъ посягательствахъ. 731
Народное образованіе въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ.—М. Ц. . . . 750
Иностранное Обозрѣніе.—Иностранная газетная кампанія противъ Россіи.—Полемика по манчжурскому вопросу.—Международныя злоупотребленія.—Балканскій кризисъ.—Сербскія и болгарскія дѣла.—Имперіализмъ и его представители въ Англіи 764
Литературное Обозрѣніе.—I. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ, состав. Ю. Битовтъ.—**А. П.**—II. Очерки французской общественности, Ю. Лавриновича.—III. Письма Пушкина и къ Пушкину, п. р. В. Брюсова.—А. С. Пушкинъ, „Труды и дни". Н. Лернеръ.—IV. Литературный Архивъ, П. Картавова.—Статьи и матер., посвящ. Некрасову.—Писатели изъ народа. Литерат. Сборникъ. Памяти Некрасова.—V. Первое столѣтіе Иркутска, В. Сукачева.—Тюмень въ XVII столѣтіи.—**Евг. Л.**—VI. Изабелла Гриневская, „Бабъ".—**Л. Об-скій.**—VII. А Фаресовъ, Въ одиночномъ заключеніи.—VIII. П. Д. Боборыкинъ, „Вѣчный Городъ".—IX. С. С. Татищевъ, Имп. Александръ II.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры. 776
Новости Иностранной Литературы.—I. Anatole France, Histoire Comique.—II. Max. Dreyer, Das Thal des Lebens. Historischer Schwank.—**З. В.** 806
Изъ Общественной Хроники.—Двухсотлѣтіе Петербурга.—Петербургъ и Москва.—Странное ходатайство.—Что̀ такое „моральная виновность" печати?—Отголосокъ кишиневскихъ событій.—Свобода литературы и свобода печати.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ".—К. М. Станюковичъ †. 821
Извѣщенія.—I. Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.—II. Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Васильчикова. 836
Библіографическій Листокъ.—Труды Я. К. Грота, т. V.—Матеріалы для академ. изданія А. С. Пушкина, собр. Л. Н. Майковымъ.—Гражданское положеніе женщины съ древн. временъ, В. Жида.—Записки колонизатора Сибири, П. Соколова-Костромского.—Щегловитовъ, С. Г., Судебные Уставы императора Александра II. — Водовозова, Е. Н., Жизнь европейскихъ народовъ, т. III: Жители Средней Европы.
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Труды Я. К. Грота, т. V. Изд. п. р. К. Я. Грота, съ портретомъ автора. Спб. 903.

Настоящій томъ есть вмѣстѣ и послѣдній въ собраніи трудовъ покойнаго Якова Карловича; появленіе этого тома въ свѣтъ совпадаетъ съ первымъ десятилѣтіемъ со дня его кончины, въ маѣ 1893 года. Въ составъ нынѣ вышедшаго тома входятъ статьи, относящіяся къ его дѣятельности литературной, педагогической и общественной, путевыя впечатлѣнія, замѣтки, стихи и чтеніе, предназначенное для дѣтей—на пространствѣ слишкомъ полувѣка, отъ 1837 г. по 1889 г. Издатель отвелъ особое мѣсто въ самомъ началѣ недавно впервые напечатаннымъ (въ 1895 г.) „Мыслямъ, посвященнымъ въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу В. К. Николаю Александровичу, въ день его совершеннолѣтія“ (1859 г.); Я. К. Гротъ былъ до того времени однимъ изъ его преподавателей. Въ замѣнъ біографіи, при пятомъ томѣ помѣщаются, въ видѣ отдѣльной статьи, весьма интересныя „Автобіографическія замѣтки“. Въ „Приложеніяхъ“ перепечатано нѣсколько переводныхъ очерковъ и извлеченій съ англійскаго, нѣмецкаго и шведскаго языковъ; эти очерки, по справедливому замѣчанію издателя, свидѣтельствуютъ о разнородности учено-литературныхъ интересовъ Я. К. Грота и о постоянномъ его стремленіи популяризировать научныя свѣдѣнія и труды западныхъ ученыхъ въ болѣе широкомъ кругу отечественной публики. Портретъ-офортъ покойнаго, работы художн. В. И. Быстренина, выполненъ превосходно, и къ нему приложено факсимиле.

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. Спб. 902.

Матеріалы, собранные покойнымъ Л. Н. Майковымъ для II-го тома изданія сочиненій Пушкина, заключаютъ въ себѣ текстъ только нѣкоторыхъ стихотвореній поэта,—начиная съ 1818 года,—а именно тѣхъ, автографы которыхъ получались Л. Н. Майковымъ въ разное время отъ частныхъ лицъ и учрежденій. Новый редакторъ, В. Саитовъ, издалъ собранное Майковымъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было имъ изготовлено, но библіографическія примѣчанія помѣстилъ не отдѣльно, какъ было въ рукописи, а непосредственно за текстомъ каждаго стихотворенія.

Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ, П. Жида. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Ю. Гамбарова. Москва. 1902. Стр. XL+478. Ц. 2 р.

Настоящая книга, въ оригиналѣ, напечатана была впервые въ 1867 году, но не потеряла значенія и интереса до настоящаго времени; въ 1881 году, уже послѣ смерти автора, она была вновь издана извѣстнымъ парижскимъ профессоромъ Эсменомъ, съ его предисловіемъ, дополненіями и примѣчаніями. Теперь она появилась въ русскомъ переводѣ, подъ редакціею профессора Ю. Гамбарова, съ его вступительною статьею, какъ полезное научное руководство по одному изъ важнѣйшихъ отдѣловъ сравнительной исторіи права и правовѣдѣнія. Выбранная для перевода составителями программы московской коммиссіи домашняго чтенія, эта книга вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію не только по богатству и интересу содержанія, но и по своей изящной литературной формѣ, которой не мѣшаетъ и обиліе научнаго балласта.

Записки колонизатора Сибири, П. Соколовъ-Костромской. Спб. 903. Ц. 75 к.

Авторъ поставилъ себѣ задачею—изложить личныя впечатлѣнія при своемъ знакомствѣ на мѣстѣ съ фактами поселенія, и сверхъ того, присоединилъ къ этому свои наблюденія надъ результатами тѣхъ мѣръ, какія принимаются въ послѣднее время для облегченія и упорядоченія переселенческаго движенія на нашу восточную окраину – Сибирь. По мнѣнію автора, въ близкомъ будущемъ колонизаціи, важная роль будетъ принадлежать тайгѣ, а потому онъ и начинаетъ свое изслѣдованіе съ заселенія этой самой тайги. Выше, читатель найдетъ у насъ описаніе поѣздки въ тайгу этого же самаго автора „Записокъ колонизатора Сибири“.

Щегловитовъ, С. Г.—Судебные Уставы имп. Александра II, съ законодательными мотивами и объясненіями. Спб. 903. Стр. 1022. Ц. 5 р. 50 к.

Въ настоящемъ изданіи помѣщенъ Уставъ уголовнаго судопроизводства; будучи составленъ по появившемуся во второй половинѣ 1902 г. продолженію Свода Законовъ, онъ въ то же время дополненъ извлеченіями изъ сенатской практики по рѣшеніямъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и общаго собранія—перваго и кассаціонныхъ департаментовъ, распубликованнымъ до настоящаго времени, а также извлеченіями изъ помѣщенныхъ за послѣдніе годы въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ циркуляровъ министра юстиціи и разъясненій со стороны соединенныхъ присутствій сената и дисциплинарнаго его присутствія.

Водовозова, Е. Н.—Жизнь европейскихъ народовъ. Т. III: Жители Средней Европы. Изд. 3-е. Спб. 903 Ц. 3 р. 75 к.

Настоящимъ третьимъ томомъ, какъ извѣстно, заканчивается обширный трудъ автора, посвященный описанію жизни народовъ западной Европы. Въ первомъ томѣ описывались жизнь, нравы, обычаи и экономическое положеніе южной Европы, начиная съ Балканскаго полуострова и переходя къ Апеннинскому и Пиренейскому полуостровамъ, Франціи и Швейцаріи. Народы Сѣвера составили содержаніе второго тома, начинающагося Великобританіей, Голландіей, Бельгіей, Даніей и оканчивающагося Скандинавіей. Третій, нынѣ вышедшій третьимъ изданіемъ томъ посвященъ Средней Европѣ: Германіи и Австро-Венгріи, съ ея славянскими народностями. Каждое новое изданіе всегда являлось вполнѣ переработаннымъ; точно также и въ третьемъ изданіи послѣдняго тома испытали на себѣ особенно сильное дополненіе описанія такихъ городовъ, какъ Берлинъ, Лейпцигъ, Вѣна; очерки же по Венгріи не только дополнены, но многое въ нихъ написано вновь. Не ограничиваясь прежними рисунками, авторъ присоединилъ къ нимъ въ новомъ изданіи нѣсколько новыхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1903 Г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ.

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе— 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: